

ПЛАТОН

СОЧИНЕНИЯ
В ЧЕТЫРЕХ
ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛЕГА АБЫШКО

ПЛАТОН
СОЧИНЕНИЯ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том 3

ЧАСТЬ 2

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. Ф. ЛОСЕВА и *В. Ф. АСМУСА*

РЕДАКТОР ЧАСТИ ВТОРОЙ
ТРЕТЬЕГО ТОМА
А. Ф. ЛОСЕВ

Перевод с древнегреческого

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2007

ББК 87.3

ПЗ7

Платон

ПЗ7 Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. — 731 с.

ISBN 978-5-903525-06-5 (т. 3) («Изд-во Олега Абышко»)

ISBN 978-5-903525-08-9 (т. 3, ч. 2) («Изд-во Олега Абышко»)

ISBN 978-5-89740-157-4 («Изд-во Олега Абышко»)

ISBN 978-5-288-04368-0 (т. 3) (Изд-во СПбГУ)

ISBN 978-5-288-04370-3 (т. 3, ч. 2) (Изд-во СПбГУ)

ISBN 978-5-288-04110-0 (Изд-во СПбГУ)

Во вторую часть третьего тома Сочинений Платона входят главным образом произведения позднейшего периода его творчества. Диалог «Политик», в котором разрабатывается тема идеального правителя, непосредственно примыкает по своему методу к диалогу «Софист». Обширные по объему «Законы» продолжают тему социальной утопии, блистательно развитую в «Государстве». «Письма» — это переписка Платона с сицилийским тираном Дионисием Младшим и с другими лицами. Она представляет собой бесценный исторический документ, рисующий личность Платона.

ББК 87.3

ISBN 978-5-903525-06-5 (т. 3)

ISBN 978-5-903525-08-9 (т. 3, ч. 2)

ISBN 978-5-89740-157-4

ISBN 978-5-288-04368-0 (т. 3)

ISBN 978-5-288-04370-3 (т. 3, ч. 2)

ISBN 978-5-288-04110-0

© «Издательство Олега Абышко»
СПб., права на перевод, 2007

© Издательство С.-Петербургского
университета, подготовка
текстов к изданию,
художественное оформление, 2007

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В настоящей части 3-го тома помещены произведения самого последнего периода творчества Платона, а именно «Политик» и «Законы». Что касается «Послезакония», то этот диалог был написан, по-видимому, ближайшим учеником и другом Платона Филиппом Опунтским, который получил не вполне законченные «Законы» Платона, издал их и прибавил к ним то, что, по его мнению, должно было содержаться в «Законах», но что Платон не успел сделать при жизни. О «Письмах» Платона разговор должен идти отдельно.

1. В диалоге «Политик» философ продолжает известное нам из прежних его произведений учение об идеальном правителе. Но разработано это учение гораздо более детально, чем это было сделано раньше. В «Государстве» правят философы на основании созерцания ими вечных идей; в данном диалоге конструируется понятие истинного политика и государственного деятеля, или царя, который, собственно говоря, тоже управляет народом на основании созерцания идей. Но эта сторона дела раскрыта тут гораздо меньше, потому что Платон занят здесь не столько общим принципом законодательства, сколько его деталями. На первый план здесь выдвигается понятие закона, который понимается двояко. Первый тип закона — это не закон, но то, что выше закона и что представляет собой некоторую одушевленную сущность, или идею, для которой не нужны никакие законы, поскольку сама она является законом всех законов. В сравнении с этим «живым законом» те законы,

которые фактически имеются при демократическом, олигархическом или тираническом строе, являются законами слишком формальными, неуклюжими и не учитывающими конкретную жизнь человека. Платоновский идеальный человек, являющийся носителем высшей идеи, связан с космической жизнью, которую Платон понимает здесь не только в ее вечном совершенстве и гармонии, но и в ее падении и разрушении; со временем эта гармония может исчезнуть, успех в своем падении оказать отрицательное влияние на человеческие законы. Свой высший закон Платон, конечно, мыслит в духе идеалистической диалектики.

2. «Законы» представляют собой огромное произведение в двенадцати книгах, по объему превышающее любой диалог Платона, к тому же еще явно не оконченное и не окончательно выправленное. Об идеях здесь почти нет речи. Вместо вечной идеи выступает вечный разум, которому должно все подчиняться и на основании которого законодатель строит свое законодательство. Произведение чрезвычайно детализирует учение о законах, отражает в сравнительно определенной форме рабство, регламентирует всякую мелочь человеческой жизни и отличается многословием, кропотливым анализом и небывалой жесткостью конструируемого здесь законодательства. Некоторой новостью является здесь учение о злой душе мира, которое уже можно было предчувствовать и по «Тимею», и по «Политику», поскольку оба этих произведения учитывают наличие колоссального зла в мире. Среди жесточайших законов, которые здесь устанавливаются, порою слышится также и проповедь гуманности, внимания к отдельному человеку и даже к рабам. Здесь впервые отсутствует Сократ в качестве лица, направляющего весь разговор, а вместо этого изображаются три старца, которые слабо поддакивают друг другу. Жесткость законодательства, устанавливаемого в «Законах», подтверждается установлением какого-то «ночного собрания», действующего вне всяких законов и являющегося даже не органом государства, а скорее чем-то еще более высоким. Производит большое впечатление то,

что в этом диалоге попадаются места, где сам Платон не верит в возможность такого общества, которое подчинилось бы его законам. Но это не мешает ему устанавливать законы с очень большой и жесткой прямолинейностью. Можно сказать, что эти законы являются не чем иным, как абсолютистским завершением социальной философии Платона, которое, по-видимому, его самого приводило в отчаяние. Приходится думать, что в конце своей жизни Платон во многом отказался от прежних своих общественных идеалов. Однако исторически это весьма понятно ввиду полного разложения классического греческого полиса и потери Грецией ее свободы и независимости накануне македонского завоевания.

3. Является вполне понятным и целесообразным то, что ученик и друг Платона Филипп Опунтский, работавший над изданием незаконченных и не выправленных до конца «Законов», прибавил к этому еще маленький диалог «Послезаконие», где попытался сформулировать то, что Платон не успел сделать в своих «Законах». Поскольку последний в своем произведении был занят исключительно проблемами законодательства и мало обращал внимания на свою заветную идею о космическом назначении человеческого общества и государства, Филипп Опунтский в своем «Послезаконии» занят именно космологией. Он определяет здесь мудрость, которая является не только исходным пунктом всякой добродетели, но и проявлением космического закона о всеобщем, вечном и абсолютно правильном движении небесного свода. Эта идея очень близка философии Платона и даже составляет в некотором смысле всю ее сущность, так что диалог «Послезаконие» всегда издавался и печатался вместе с подлинными произведениями Платона и нами также должен приниматься как произведение вполне платоновское, хотя и записанное не самим Платоном, но его учеником.

4. Под именем Платона до нас дошли его тринадцать писем, к которым некоторые прибавляют еще четырнадцатое и пятнадцатое письма. Филологическая гиперкритика

не замедлила признать все эти письма подложными, так что большинство исследователей Платона даже и не принимает их во внимание и не цитирует. Но после развенчания в XX в. этой гиперкритики XVIII—XIX вв. в связи с новыми методами филологии и с более бережным отношением к античной старине эти письма вновь признаны подлинными и представляют собой интереснейший биографический и исторический материал. Даже самые придирчивые критики текста считают теперь шестое, седьмое и восьмое письма вполне подлинными, поскольку они соответствуют платоновскому стилю и языку, а также и всему тому, что нам известно из биографии Платона. В настоящее время никаких сомнений в подлинности этих трех писем не может быть. Многие исследователи признают подлинными также и другие письма Платона, а некоторые без всякого сомнения приписывают ему даже весь кодекс писем. Во всяком случае эти письма представляют огромный интерес для биографии и для изучения философии Платона, почему мы и сочли необходимым поместить их в этом Собрании сочинений и завершить ими то, что дошло до нас от Платона. Вместе с биографией Плутарха «Дион» эти письма использованы нами для вступительного очерка о Платоне в томе 1 этого Собрания сочинений.

* * *

Вводные статьи к диалогам, помещенные в комментарии, принадлежат *А. Ф. Лосеву*. Примечания и библиографию составила *А. А. Тахо-Годи*. Редактор перевода «Законов», «Послезакония» и «Писем» — *С. Я. Шейнман-Топштейн*.

А. Ф. Лосев

ПОЛИТИК

**СОКРАТ, ФЕОДОР, ЧУЖЕЗЕМЕЦ,
СОКРАТ-МЛАДШИЙ**

Сократ. Большая благодарность тебе, Феодор, за знакомство с Теэтетом и чужеземцем. 257

Феодор. Быть может, Сократ, ты скоро будешь мне благодарен втрое, если они возьмутся за политика и философа.

Сократ. Пусть будет так. Но мы скажем, дорогой Феодор, что слышали это от первого мастера в счете и геометрии.

Феодор. Что ты хочешь этим сказать, Сократ? b

Сократ. Ты одинаково оценил этих мужей, а между тем по своему достоинству они оказываются дальше один от другого, чем подсчитало ваше искусство.

Феодор. Клянусь нашим богом Аммоном¹, ты ловко, справедливо и в то же время очень злопамятно указал мне на ошибку в подсчете. Но я тебе отомщу после. Ты же, чужеземец, не сочти за труд доставить нам удовольствие и, выбрав либо политика, либо философа, разбери их нам по порядку. c

Чужеземец. Да, так надо поступить, Феодор; мы ведь однажды уже решили не останавливаться до тех пор, пока не придем к концу. Но что же мне делать вот с Теэтетом?

Феодор. А в чем затруднение?

Чужеземец. Разрешим ему отдохнуть, заменив вот этим Сократом — его товарищем по гимнасию? Или ты дашь другой совет?

Феодор. Возьми, как ты сказал, Сократа. Они ведь
d молоды и им легче переносить любой труд отдыхая.

Сократ. Да ведь оба они, чужеземец, словно состоят со
258 мной в родстве. Об одном из них вы говорите, что он схож
со мной лицом², другой носит то же имя, что я, и в одина-
ковом обращении к нам есть что-то сродное. А ведь родных
людей всегда надо стремиться узнать в беседе. С Теэтетом
я сам вчера беседовал и сегодня слушал его ответы, Сокра-
та же не слышал совсем. Между тем надо испытать и его.
Впрочем, мне он ответит после, сейчас же пусть отвечает
тебе.

Чужеземец. Пусть будет так. Сократ, ты слышишь
Сократа?

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. Ты согласен с тем, что он говорит?

b Сократ м.л. Безусловно.

Чужеземец. Ну, раз с твоей стороны нет препятствий,
не может их быть и с моей. Но после софиста нам необ-
ходимо, как кажется, рассмотреть политика. Скажи мне,
отнесем ли мы его к знающим людям, или ты считаешь
иначе?

Сократ м.л. Нет, именно так.

Чужеземец. Значит, знания нужно различать, как
мы делали это в отношении софиста?

Сократ м.л. Хорошо бы.

Чужеземец. Однако это различение, Сократ, надо,
думаю я, делать не так.

c Сократ м.л. А как же?

Чужеземец. Другим способом.

Сократ м.л. Возможно.

Чужеземец. Каким образом отыскать путь полити-
ка? А ведь нужно его отыскать и, отделив его от других
путей, отметить знаком единого вида; все другие ответвля-
ющиеся тропки надо обозначить как другой единый вид,
с тем чтобы душа наша мыслила знания в качестве двух
видов.

Сократ м.л. Думаю, что это твое дело, чужеземец, а не мое.

d

Чужеземец. Нет, Сократ, надо, чтобы это было и твоим делом, если мы хотим его сделать ясным.

Сократ м.л. Ты прав.

Чужеземец. Итак, арифметика и некоторые другие сродные ей искусства чужды дел и дают только чистые знания?

Сократ м.л. Да, это так.

Чужеземец. А строительные искусства и все вообще ремесла обладают знанием, как бы вросшим в дела, и, таким образом, они создают предметы, которых раньше не существовало³.

e

Сократ м.л. Как же иначе?

Чужеземец. Значит, разделим все знания надвое и один [вид] назовем практическим, а другой — познавательным.

Сократ м.л. Пусть это будут у тебя как бы два вида одного цельного знания.

Чужеземец. Так что же: политика, царя, господина и даже домоправителя — всех вместе — сочтем мы чем-то единым или мы скажем, что здесь столько искусств, сколько названо имен? А еще лучше, следуй за мной вот каким путем.

Сократ м.л. Каким?

259

Чужеземец. Например, если бы какой-нибудь частный врач мог подавать советы врачу общественному⁴, разве не было бы необходимо назвать его искусство таким же именем, какое носит тот, кто принимает его совет?

Сократ м.л. Да, это было бы необходимо.

Чужеземец. Ну, а если кто настолько искусен, чтобы давать советы царю страны, хотя он лишь частное лицо, разве не скажем мы, что он обладает тем знанием, которое надлежало бы иметь правителю?

Сократ м.л. Скажем.

b

Чужеземец. Но ведь искусство править — это искусство подлинного царя?

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. И тот, кто его получил в удел, будь то царь или простой человек, во всех отношениях правильно должен быть назван по имени этого искусства царственным мужем?

Сократ м.л. Это справедливо.

Чужеземец. То же самое относится к домоправителю и к господину.

Сократ м.л. Как же иначе?

Чужеземец. Что же? Большое домохозяйство или забота о малом городе — в чем здесь разница для управления?

c Сократ м.л. Ни в чем.

Чужеземец. Значит, для всего, что мы сейчас рассматриваем, по-видимому, есть единое знание: назовут ли его искусством царствовать, государственным искусством или искусством домоуправления — нам нет никакой разницы.

Сократ м.л. Конечно!

Чужеземец. Однако ясно одно: один царь не найдет в своих руках и даже во всем своем теле столько силы и понимания для управления, сколько в душе.

Сократ м.л. Это ясно.

d Чужеземец. Итак, мы скажем, что царю больше подходит познавательное, чем ремесленное и вообще всякое другое практическое искусство?

Сократ м.л. Конечно.

Чужеземец. Ну, а государственное искусство и все, что относится к государству, а также искусство править и все связанное с правлением будем ли мы считать чем-то единым и тождественным?

Сократ м.л. Очевидно, да.

Чужеземец. Не двинуться ли нам вперед, по порядку, и не разделить ли затем познавательное искусство?

Сократ м.л. Конечно, так нужно сделать.

Чужеземец. Будь же внимателен: какое мы усмотрим в нем разделение?

Сократ м.л. Скажи ты, какое?

Чужеземец. Вот какое. Существует ли у нас счетное искусство?

Сократ м. Да.

Чужеземец. Оно, я думаю, несомненно относится к познавательным искусствам.

Сократ м. Как же иначе?

Чужеземец. Но коль скоро оно познало различие в числах, мы ведь не припишем ему большей роли, чем роль судьи того, что познано?

Сократ м. Конечно.

Чужеземец. Ведь и любой зодчий не сам работает, а только управляет работающими.

Сократ м. Да.

Чужеземец. И вносит он в это знание, а не ремесло.

Сократ м. Это так.

260

Чужеземец. Поэтому справедливо было бы сказать, что он причастен познавательному искусству.

Сократ м. Бесспорно.

Чужеземец. Но только, я думаю, после того, как он вынесет суждение, это еще не конец, и он не может на этом остановиться подобно мастеру счетного искусства: он должен еще отдавать приказания — какие следует — каждому из работающих, пока они не выполнят то, что наказано.

Сократ м. Правильно.

Чужеземец. Значит, хотя все такие искусства — связанные с искусством счета — познавательные, однако один их род отличает суждение, а другой — приказ?

В

Сократ м. По-видимому.

Чужеземец. Итак, если мы скажем, что все познавательное искусство разделяется на повелевающую часть и часть, выносящую суждение, ладно ли мы разделим?

Сократ м. По моему мнению, да.

Чужеземец. Но ведь тем, кто делает что-то сообща, приятно и мыслить согласно?

Сократ м. Как же иначе?

Чужеземец. Вот и мы до сих пор согласно общались; а чужие предубеждения надо оставить в покое.

c Сократ м. л. Конечно.

Чужеземец. Так скажи же, из этих двух искусств куда отнесем мы искусство царствовать? Будет ли оно заключаться в искусстве суждения и царь будет выступать в качестве зрителя, или же мы отнесем царя к области повелевающей, как владыку?

Сократ м. л. Лучше, пожалуй, последнее.

d Чужеземец. И опять же, надо рассмотреть искусство повелевать — не делится ли и оно каким-то образом? Мне кажется, что как искусство крупных торговцев отличается от искусства мелких, так же далеко и род царского искусства отстоит от рода глашатаев.

Сократ м. л. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. Мелкие торговцы, купив сначала чужие товары, перепродают их другим.

Сократ м. л. Да, это верно.

Чужеземец. Так и сословие вестников, получив сначала чужие мысли, потом передает и предписывает их другим.

Сократ м. л. Сущая правда.

e Чужеземец. Что же? Смешаем ли мы воедино искусство царя и искусство глашатая, искусство приказывать и искусство прорицать и многие другие искусства, имеющие общее свойство — повелевать? Или, если хочешь, подобно тому как мы сейчас сравнивали искусства, сравним и их имена: ведь самоповелевающий род пока безымянен, и мы таким образом отделим одно от другого, поместив род царей в область самоповелевающего искусства, всеми же остальными родами пренебрежем и предоставим кому угодно придумывать им имена: в самом деле, наше исследование было предпринято ради правителя, а не ради того, 261 что ему противоположно.

Сократ м. л. Совершенно верно.

Чужеземец. Но раз этот род достаточно отличен от тех и то, что ему присуще, отделено от того, что ему чуждо, не нужно ли снова произвести деление, если окажется, что этот род его допускает?

Сократ м. Конечно, нужно.

Чужеземец. А оказывается, что это так. Следуй же за мной и дели.

Сократ м. Как именно?

Чужеземец. Не сочтем ли мы, что все правители, имеющие в распоряжении возможность повелевать, повелевают ради какого-то возникновения? b

Сократ м. Конечно.

Чужеземец. А ведь совсем нетрудно все возникающее разделить надвое.

Сократ м. Каким образом?

Чужеземец. Одна часть всего возникающего не одушевлена, другая одушевлена.

Сократ м. Да.

Чужеземец. Вот по этим признакам мы и разделим, если пожелаем делить, повелевающую часть познавательного искусства.

Сократ м. В соответствии с чем?

Чужеземец. Мы отнесем одну часть повелевающего искусства к возникновению неодушевленных существ, а другую — к возникновению одушевленных. Таким образом все и разделится на две части. c

Сократ м. Безусловно.

Чужеземец. Оставим же одну из этих частей и возьмем другую, а взяв, снова разделим всё надвое.

Сократ м. Но которую из них, по твоим словам, надо взять?

Чужеземец. Конечно ту, что относится к живым существам. Ведь совсем неместно царскому знанию повелевать лишенными души вещами: задача его благороднее, и власть простирается на живых и на то, что им причастно. d

Сократ м. Это правильно.

Чужеземец. На возникновение и питание живых существ в одних случаях можно смотреть как на кормление в одиночку, в других — как на общую заботу о целых стадах животных.

Сократ м. Верно.

Чужеземец. Но политик, как мы увидим, не занимается кормлением в одиночку, как тот, кто ухаживает за волами и конями; он больше напоминает табунщика волов и коней.

е Сократ м.л. Теперь мне ясно то, что ты говоришь.

Чужеземец. Не назвать ли нам общее питание всех животных как-то так — «стадным» или «общим» питанием?

Сократ м.л. Здесь подойдет и то и другое.

Чужеземец. Прекрасно, Сократ. Если ты не будешь особенно заботиться о словах, то к старости станешь богаче мнениями. Теперь же сделаем так, как ты советуешь. Но не замечаешь ли ты, что иной, провозгласив искусство
262 стадного питания двойным, заставит нас то, что мы сейчас ищем в двойном, искать в половинках?

Сократ м.л. Хотел бы я это заметить. И мне кажется, что у людей пища одна, а у животных — другая.

Чужеземец. Ты очень смело и усердно произвел разделение. Но по возможности давай избежим этого в другой раз.

Сократ м.л. Чего именно?

б Чужеземец. Не следует одну маленькую частичку отделять от многих больших, да притом еще без сведения к виду: часть должна вместе с тем быть и видом. Прекрасно, если можно искомое тотчас же отделить от всего остального, коль скоро это сделано правильно — подобно тому как сейчас, подумав, что здесь необходимо деление, ты подстегнул рассуждение, усмотрев, что оно клонится к людям. Но, милый, дело здесь не в изящных игрушках: это небезопасно, гораздо безопаснее срединный разрез, он скорее приводит к идеям. Это-то и есть главное в исследованиях.
с

Сократ м.л. Что, чужеземец, ты хочешь этим сказать?

Чужеземец. Я постараюсь сказать яснее, из расположения к тебе, Сократ. На основе того, что было здесь изложено, нельзя достаточно хорошо уяснить себе этот вопрос. Во имя ясности надо попытаться продвинуть его вперед.

Сократ м.л. Как ты назовешь ту ошибку, которую мы сделали только что при делении?

Чужеземец. Она подобна той, которую делают, пытаясь разделить надвое человеческий род и подражая большинству здешних людей, — тем, кто, выделяя из всех народов эллинов, дает остальным племенам — бесчисленным, не смешанным между собой и разноязычным — одну и ту же кличку «варваров», благодаря чему только и считает, что это — единое племя. То же самое, как если бы кто-нибудь вздумал разделить число на два вида и, выделив из всех чисел мириаду, представил бы ее как один вид, а всему остальному дал бы одно имя и считал бы из-за этого прозвища, что это единый вид, отличный от того, первого.

Ведь гораздо лучше и более сообразно с двуделением по видам было бы, если бы разделили число на четное и нечетное, род же человеческий — на мужской и женский пол. А индийцев и фригийцев или какие-то другие народы отделяют от всех остальных тогда, когда не умеют выявить одновременно вид и часть при сечении.

Сократ м.л. Совершенно верно. Но, чужеземец, как же яснее распознать это — вид и часть, если они не одно и то же, но друг от друга отличны?

Чужеземец. О, лучший из юношей! Ты, Сократ, спрашиваешь недаром. Но мы и сейчас уже отклонились сильнее, чем должно, от нашего рассуждения, ты же побуждаешь нас блуждать еще больше. Нет, вернемся — ведь так подобает — назад. А по этому следу пойдем, как ищeyки, потом, на досуге. Однако крепко следи, чтобы не подумать, будто ты слышал от меня ясное определение этого. . .

Сократ м.л. Чего именно?

Чужеземец. Того, что вид и часть друг от друга отличны.

Сократ м.л. Но как же иначе?

Чужеземец. Если существует вид чего-либо, то он же необходимо будет и частью предмета, видом которого он считается. Часть же вовсе не должна быть необходимо ви-

дом. Так что лучше приписывать мне всегда это объяснение, а не то.

Сократ м.л. Пусть будет так.

Чужеземец. Скажи мне еще вот что...

Сократ м.л. О чем ты спрашиваешь?

c Чужеземец. Откуда мы отклонились, когда подошли сюда? Конечно, думаю я, вот откуда: на вопрос о стадном питании — как его разделить — ты храбро ответил, что существует два рода живых существ: один — человеческий, а другой — все остальные животные.

Сократ м.л. Это правда.

Чужеземец. Мне же тогда показалось, что, отделив одну часть, ты считаешь все остальное единым видом по той единой кличке «животные», которую ты для этой второй части придумал.

d Сократ м.л. И это так было.

Чужеземец. Но, храбрый из людей, что если разумным окажется какое-нибудь другое животное, например из вида журавлей, — ведь он таким кажется, — или какого-нибудь другого вида, и оно станет, подобно тебе, придумывать имена, противопоставляя единый род журавлей всем остальным животным и прославляя себя самого, прочих же, объединив их между собой, а также с людьми, не найдет ничего лучшего, как назвать животными? Постараемся же всячески этого избежать.

e Сократ м.л. Каким образом?

Чужеземец. Не будем делить весь род живых существ, чтобы не допустить подобной ошибки.

Сократ м.л. Да, не нужно этого делать.

Чужеземец. Ведь именно в этом и состояла тогда неправильность.

Сократ м.л. Но в чем же?

Чужеземец. Повелевающая часть познавательного искусства относилась у нас к роду питания стадных животных. Не так ли?

264 Сократ м.л. Так.

Чужеземец. И уже тем самым весь род животных был поделен на ручных и диких. Те из животных, нрав которых поддается приручению, называются домашними, другие же, не поддающиеся, — хищными.

Сократ мл. Прекрасно.

Чужеземец. Знание, которое мы преследуем, было и есть у домашних животных, значит, надо искать его у животных стадных.

Сократ мл. Да.

Чужеземец. Стало быть, не будем делить их, как тогда, принимая во внимание всех сразу, и не будем спешить немедленно перейти к государственному искусству. Ведь мы теперь испытываем состояние в точности по пословице. . .

Сократ мл. Какое состояние?

Чужеземец. Поспешив с делением домашних животных, мы завершили деление медленнее.

Сократ мл. И хорошо, чужеземец, что мы это испытываем.

Чужеземец. Пусть будет так. Давай попробуем сызнавать разделить искусство общего питания: быть может, то, к чему ты стремишься, лучше покажет тебе само завершенное рассуждение. Но скажи мне. . .

Сократ мл. Что же?

Чужеземец. А вот: может быть, ты нередко слыхал от кого-нибудь — ведь самому тебе это не случилось видеть — о тайных заповедниках в Ниле и на царских озерах? А в ручьях ты, верно, и сам их видел.

Сократ мл. Конечно, и эти я видел, и о тех от многих слыхал.

Чужеземец. И о гусиных и журавлиных хозяйствах, хоть ты и не бродил по равнинам Фессалии, знаешь понаслышке и веришь, что они есть?

Сократ мл. Да уж конечно.

Чужеземец. Спросил же я тебя об этом вот ради какой цели: стадное питание ведь бывает и водным, и сухопутным.

Сократ м.л. Да, конечно.

Чужеземец. Значит, и ты считаешь, что именно таким образом надо разделить надвое науку об общем питании, уделив тому и другому свою часть и назвав одну из них питающей на воде, а другую — на суше?

Сократ м.л. Да, по-моему, так.

Чужеземец. И, значит, мы не будем доискиваться, к какому из этих искусств надо отнести занятие царское? Это всякому ясно и так.

Сократ м.л. Конечно, ясно.

Чужеземец. Но сухопутный род стадного питания разделит ведь всякий.

Сократ м.л. Как?

Чужеземец. Размежевав его на летающую и пешую часть.

Сократ м.л. Сущая правда.

Чужеземец. Что же? Не должно ли искать государственное занятие в пешей части? Не считаешь ли ты, что иглупец, как говорится, будет такого же мнения?

Сократ м.л. Да, это так.

Чужеземец. Ну, а искусство ухода за пешими животными следует ли, как мы недавно сделали это с числом, разделить надвое?

265 Сократ м.л. Ясно, что следует.

Чужеземец. Впрочем, к той части, на которую направлено наше рассуждение, как кажется, открываются два пути: один — скорейший, отделяющий меньшую часть от большей, второй — производящий срединное сечение, которое, как мы говорили раньше, более предпочтительно; но этот путь длиннее. Мы можем последовать тем путем, каким ты пожелаешь.

Сократ м.л. А обоими путями следовать невозможно?

Чужеземец. Вместе, конечно, нельзя, чудак; поочередно же, ясное дело, можно.

Сократ м.л. Итак, я избираю оба пути — поочередно.

Чужеземец. Это нетрудно: оставшийся путь короток. Вначале и в средних частях путешествия это было бы для

нас тяжелой задачей. А сейчас, если тебе угодно, пойдем сперва более длинным путем: ведь со свежими силами мы легче его одолеем. Итак, наблюдай за делением.

Сократ м.л. Говори.

Чужеземец. Пеших домашних животных — тех, что относятся к стадным, — нужно, согласно их природе, разделить надвое.

Сократ м.л. Каким образом?

Чужеземец. По признаку рогов: одна порода их имеет, другая — нет. с

Сократ м.л. Это очевидно.

Чужеземец. Разделив искусство питания пеших, примени объяснение для каждой части; ибо если ты вздумаешь их называть, у тебя будет забот больше, чем нужно.

Сократ м.л. Так как же следует говорить?

Чужеземец. А вот как: когда искусство питания пеших разделится надвое, одна частица будет отнесена к рогатой половине стада, а другая — к безрогой. d

Сократ м.л. Пусть будет так, согласно сказанному: ведь это во всех отношениях ясно.

Чужеземец. Что же касается царя, это также ясно: он будет пасти безрогое стадо.

Сократ м.л. Конечно.

Чужеземец. Разбивая теперь это стадо на части, постараемся приписать ему то, что ему присуще.

Сократ м.л. Хорошо.

Чужеземец. Желает ли ты разделить его по признаку раздвоенных и так называемых цельных копыт или же по скрещенным и нескрещенным породам? Тебе ведь это понятно?

Сократ м.л. Что именно? e

Чужеземец. А то, что лошади и ослы могут рождать-ся друг от друга.

Сократ м.л. Я понимаю.

Чужеземец. А остальная часть домашнего стада не смешивает своих пород.

Сократ м.л. Конечно.

Чужеземец. Что же? Наш политик печется, потвоему, о скрещенной или о нескрещенной породе?

Сократ м.л. Ясно, что о несмешанной.

Чужеземец. Надо же и ее, по-видимому, как мы делали раньше, разделить надвое.

266 Сократ м.л. Да, надо.

Чужеземец. Ну вот, все живое, сколько только есть домашних и стадных животных, уже разделено, за исключением двух родов. Ведь род собак не стоит причислять к стадным животным.

Сократ м.л. Нет, конечно. Но каким образом разделить нам эти два рода?

Чужеземец. А таким, как пристало делить тебе и Тетету, коль скоро вы занимаетесь геометрией.

Сократ м.л. Каким же именно?

Чужеземец. В соответствии с диагональю и потом — с диагональю диагонали.

Сократ м.л. Что ты имеешь в виду?

б Чужеземец. Разве природа, которую получил в удел наш человеческий род, стоит в ином отношении к ходьбе, чем диагональ, равная квадратному корню из двух [к сторонам своего квадрата]?

Сократ м.л. Нет, не в ином.

Чужеземец. Между тем природа всего остального рода по своему свойству есть не что иное, как диагональ нового квадрата, построенного на стороне в два фута^{4а}.

Сократ м.л. Как же иначе? Я почти понимаю, что ты хочешь сказать.

с Чужеземец. Впрочем, не усмотрим ли мы и чего-то очень смешного, случившегося с нами при этом делении, — словно мы заправские шуты?

Сократ м.л. Что же это?

Чужеземец. Да наш человеческий род получил равный удел и шагает в ногу с родом из всех существующих самым благородным и в то же время наилегчайшим⁵.

Сократ м.л. Да, я вижу и нахожу это очень странным.

Чужеземец. Что же? Не естественно ли, что самое медленное приходит позднее всех?

Сократ мл. Да уж конечно.

Чужеземец. А не придет ли нам на ум, что еще смешнее покажется царь, бегущий голова в голову со стадом и выступающий рядом с мужем, наилучшим образом подготовленным для жизни без затруднений?

d

Сократ мл. Несомненно, придет.

Чужеземец. Теперь, Сократ, особенно ясным становится то, что было сказано раньше, при исследовании софиста.

Сократ мл. Что именно?

Чужеземец. А вот что: при таком пути рассмотрения не больше бывает заботы о возвышенном, чем об обычном, и меньшее не презирается в угоду большому, но путь этот сам по себе ведет к наивысшей истине.

Сократ мл. Похоже, что это так.

Чужеземец. А теперь, чтобы ты не опередил меня вопросом о кратчайшем пути к определению царя, не опередить ли мне тебя самому?

e

Сократ мл. Непременно.

Чужеземец. Тогда, говорю я, надо сразу же в нашем роде отделить двуногих от четвероногих и, приняв во внимание, что роду человеческому выпал тот же жребий, что и пернатым, снова разделить двуногое стадо на гладкое и пернатое; когда же оно будет поделено и обнаружится искусство пасти людей, надо взять политика и царя и, поставив его во главе как возникшего, вверить ему бразды правления государством: ведь именно в этом состоит присущая ему наука.

267

Сократ мл. Ты прекрасно и как должно представил мне счет да еще как бы добавил к счету проценты, увеличив тем самым оплату.

Чужеземец. Ну что ж, давай просмотрим снова, с начала до конца, объяснение наименования искусства политика.

Сократ мл. Отлично.

б Чу же земец. Вначале мы установили повелевающую часть познавательного искусства. В качестве уподобления ей мы назвали самоповелевающую часть. От этой части мы отделили немаловажный род — искусство питания животных, от него, в свой черед, вид стадного питания, а от этого последнего — питание сухопутное. От питания сухопутных мы отделили как преимущественное искусство питания безрогих животных, а уж если кто желает отделить от него следующую часть, он должен по меньшей мере представить ее тройкой, если хочет дать ей единое имя и назвать ее искусством пасти несмешанное стадо. Следующим сечением будет отделение от двуногого стада людей и искусства их пестовать, а это уже — искомое нами искусство царствовать, или, что то же самое, государственное искусство⁶.

Сократ м.л. Все это, безусловно, верно.

Чу же земец. Но, Сократ, так ли хорошо мы все это выполнили, как следует из твоих слов?

Сократ м.л. Что ты имеешь в виду?

с Чу же земец. Полностью ли, достаточно ли осветили мы наш предмет? Или нашему исследованию как раз более всего не хватает заверщенного объяснения, хотя какое-то объяснение мы и дали?

д Сократ м.л. Скажи яснее.

Чу же земец. Я именно и собираюсь сейчас лучше разъяснить для нас обоих то, что я думаю.

Сократ м.л. Говори же.

Чу же земец. Не правда ли, одним из многих искусств пестования, сейчас перед нами явившихся, было государственное искусство, состоящее в попечении о некоем одном стаде?

Сократ м.л. Да.

Чу же земец. И это, согласно нашему определению, являет собой пестование не лошадей либо каких-то других животных, но людей и заключается в общем их воспитании.

е Сократ м.л. Это так.

Чужеземец. Давай же посмотрим, какое различие существует между всеми прочими пастухами, с одной стороны, и царями — с другой.

Сократ м. Какое же?

Чужеземец. Не получилось бы, что кто-нибудь — представитель совсем иного искусства — вдруг назовет себя также воспитателем стада и станет играть эту роль.

Сократ м. Разве это возможно?

Чужеземец. Например, что если разные торговцы, землепашцы, булочники, а вслед за ними учителя гимнастики и врачи всячески станут оспаривать у пастухов человеческого стада, которых мы назвали политиками, право называться руководителями воспитания не только всего человеческого стада, но и его начальников? 268

Сократ м. Это было бы с их стороны неправильным.

Чужеземец. Возможно. Сейчас мы посмотрим. Ведь мы знаем, что с волопасом никто не станет вступать в спор об уходе за волами, но он сам — и воспитатель стада, и его врач, и как бы сват, и единственный знаток искусства получать приплод. Даже если речь идет об играх и способности воспринимать музыку — насколько животные могут это по своей природе, — никто другой не умеет так хорошо владеть звуками инструментов и голоса, которыми он ободряет и успокаивает стадо. И о прочих пастухах можно сказать то же самое. Разве не так? ь

Сократ м. Совершенно верно.

Чужеземец. Как же может показаться нам правильным и безупречным рассуждение о царе, когда мы одного его считаем пастухом и воспитателем человеческого стада и забываем о тысячах других, оспаривающих это звание? с

Сократ м. Да, наше рассуждение вовсе не безупречно.

Чужеземец. Так разве неправильным было наше прежнее опасение, когда мы заподозрили, что, называя лишь некоторые черты царя, мы не дадим безупречного в своем совершенстве образа политика, пока не перечислим всех тех, кто вокруг него толпится и оспаривает у него зва-

ние пастуха, и, отделив от них этот образ, не представим лишь его в чистом виде?

d Сократ м.л. Сущая правда.

Чужеземец. Итак, Сократ, мы должны это сделать, если не хотим под конец устыдиться нашего рассуждения.

Сократ м.л. Нет, этого ни в коем случае нельзя допустить.

Чужеземец. Значит, нам снова надо вернуться назад и начать все сначала, идя по иному пути.

Сократ м.л. Но какой это путь?

Чужеземец. Пожалуй, такой, который мы переплетем с шуткой: мы должны воспользоваться изрядной толикой большого мифа, а что до остального, то мы будем последовательно отделять часть за частью, как мы это делали раньше, пока не подойдем к самой сути искомого. Должны ли мы так поступить?

Сократ м.л. Несомненно.

Чужеземец. Ну, так слушай внимательно мой миф, как слушают дети. Впрочем, ты ведь не так давно оставил пору забав⁷.

Сократ м.л. Говори же.

Чужеземец. Итак, много существовало и еще будет существовать древних сказаний и среди них сказание об Атрее и Фиесте⁸ и их раздоре. Ты, конечно, слышал его и припоминаешь события, о которых там повествуется?

Сократ м.л. Ты, верно, говоришь о знамении золотого овна^{9?}

Чужеземец. Нет, совсем не об этом, а об изменении заката и восхода Солнца и других звезд: ведь там, где теперь Солнце восходит, в те времена был закат, и, наоборот, там, где теперь закат, тогда был восход. Но бог явил тогда Атрею знамение¹⁰ и обратил все это вспять, к нынешнему порядку.

Сократ м.л. И об этом рассказывают.

Чужеземец. Да и о царстве Кроноса¹¹ мы слышали от многих.

b Сократ м.л. Конечно, от очень многих.

Чужеземец. А как насчет того, что вначале люди были порождены землей¹², а вовсе не другими людьми?

Сократ м. Это сказание тоже принадлежит к древнейшим.

Чужеземец. Все это и, кроме того, тысячи еще более удивительных вещей — плод одного и того же события, но со временем многое из этого стерлось в памяти, другое же рассеялось и рассказывают о каждом из этих событий отдельно. А что лежало в основе всего этого — об этом не говорит никто, мы же теперь должны сказать: кстати ведь подойдет эта речь к объяснению того, что такое царь.

Сократ м. Ты прекрасно молвил; не упустил же ничего, прошу тебя.

Чужеземец. Итак, слушай. Бог то направляет движение Вселенной, сообщая ей круговращение сам, то предоставляет ей свободу — когда кругообороты Вселенной достигают подобающей соразмерности во времени; потом это движение самопроизвольно обращается вспять, так как Вселенная — это живое существо, обладающее разумом, данным ей тем, кто изначально ее построил, и эта способность к обратному движению врождена ей в силу необходимости по следующей причине¹³...

Сократ м. По какой же именно?

Чужеземец. Оставаться вечно неизменными и тождественными самим себе подобает лишь божественнейшим существам, природа же тела устроена иначе. То, что мы называем небом и космосом, получило от своего родителя много счастливых свойств, но в то же время оно оказалось причастным телу: поэтому оно не могло не получить в удел перемен. Все ж, сколько можно, космос движется единообразно, в одном и том же месте, и обратное вращение он получил как самое малое отклонение от присущего ему самостоятельного движения. Вечно приводить в движение самого себя не дано почти никому, кроме того, кто руководит движением всех вещей: а ему не подобает вызывать движение то в одну, то в другую сторону. В соответствии со всем этим о космосе нельзя сказать ни что он

вечно движет самого себя, ни что ему полностью и всегда сообщает двоякое, противоположное, вращение бог, ни **270** что два разных божества вращают его в противоположные стороны, согласно различным замыслам, но остается единственное, что было нами недавно сказано: космос движется благодаря иной, божественной, причине, причем заново воспроизводится и расширяется жизнь и он воспринимает уготованное ему творцом бессмертие; когда ему дается свобода, космос движется сам собой, предоставленный себе самому на такой срок, чтобы проделать в обратном направлении много тысяч круговоротов, — благодаря тому, что он, самый большой и лучше всего уравновешенный, движется на крошечной ступне.

в Сократ м.л. Все, что ты изложил, выглядит очень правдоподобно.

Чужеземец. Давай же рассудим и пойдем на основании того, что сейчас было сказано, причину всего чудесного, которую мы допустили. Причина же эта следующая. . .

Сократ м.л. Какая?

Чужеземец. А такая, что вращательное движение Вселенной направлено то в одну сторону, то в другую.

Сократ м.л. Каким же образом?

с Чужеземец. Этот вид изменения должно считать самым значительным и совершенным из всех перемен, происходящих в небе.

Сократ м.л. Это возможно.

Чужеземец. Поэтому надо считать, что величайшие перемены происходят и с нами, живущими в пределах этого неба.

Сократ м.л. И это правдоподобно.

Чужеземец. А разве мы не знаем, что живые существа тягостно переносят большие, обильные и разнообразные изменения?

Сократ м.л. Как же иначе?

Чужеземец. На всех животных тогда нападает великий мор, да и из людей остаются в живых немногие. И на их долю выпадает множество удивительных и необычных пе-

реживаний, но величайшее из них то, которое сопутствует d
вихрю Вселенной, когда ее движение обращается вспять.

Сократ м.л. А в чем это переживание состоит?

Чужеземец. Возраст живых существ, в каком каждое
из них тогда находилось, сначала таким и остался, и все,
что было тогда смертного, перестало стареть и выглядеть e
старше; наоборот, движение началось в противоположную
сторону и все стали моложе и нежнее: седые власы стар-
цев почернели, щеки бородатых мужей заново обрели глад-
кость, возвращая каждого из них к былой цветущей поре;
разгладились также и тела возмужалых юнцов, с каждым
днем и каждой ночью становясь меньше, пока они вновь
не приняли природу новорожденных младенцев и не упо-
добились им как душой, так и телом. Продолжая после это-
го чахнуть, они в конце концов уничтожились совершенно.
Даже трупы погибших в то время насильственной смертью 271
были подвержены таким состояниям и быстро и незаметно
исчезли в течение нескольких дней.

Сократ м.л. Но как же происходило тогда, чужеземец,
возникновение новых существ? И как рождались они друг
от друга?

Чужеземец. Ясно, Сократ, что в тогдашней природе
не существовало рождения живых от живых; уделом то-
гдашнего поколения было снова рождаться из земли, как
и встарь люди были земнорожденными. Воспоминание же
об этом сохранили наши ранние предки, время которых со-
прикоснулось со временем, последовавшим за окончанием
первой перемены круговращения: они родились в начале b
нынешнего круговорота. Именно они стали для нас гла-
шатаями, возвестившими те сказания, в которых многие
теперь несправедливо сомневаются. Мы же должны осно-
вывать на них. Ведь из того, что старческая природа пе-
реходит в природу младенческую, следует, что и мертвые,
лежащие в земле, снова восстанут из нее и оживут, следуя
перемене пошедшего вспять рождения и возникая по необ-
ходимости как землорожденное племя — в соответствии со c
сказанным: отсюда их имя и объяснение их [рождения] —

разве что только бог определил некоторым из них иной жребий.

Сократ м. л. Да, это непременно вытекает из сказанного раньше. Но жизнь, о которой ты говорил, что она протекала под властью Кроноса — совпадала ли она с теми, прежними, круговоротами или с нынешним? Ведь ясно, что перемена в движении Солнца и звезд совпадает с первыми круговращениями.

Чужеземец. Ты хорошо следил за моим рассуждением. А то, что ты спросил — о самопроизвольном возникновении человеческой природы, — так это относится вовсе не к нынешнему движению [Вселенной], но к тому, что происходило раньше. Тогда, вначале, самим круговращением целиком и полностью ведал [верховный] бог, но местами, как и теперь, части космоса были поделены между правящими богами. Да и живые существа были поделены между собой по родам и стадам божественными пастухами — гениями; при этом каждый из них владел той группой, к которой он был приставлен, спасая членов ее от дикости и от взаимного пожирания; не было среди них также ни войн, ни раздоров, зато можно назвать тысячи хороших вещей, сопутствовавших такому устройству. А то, что было сказано об их жизни, согласной с природой, имеет вот какую причину. Бог сам пестовал их и ими руководил, подобно тому как сейчас люди, будучи существами более прочих причастными божественному началу, пасут другие, низшие, породы. Под управлением бога не существовало **272** государств; не было также в собственности женщин и детей: ведь все эти люди появлялись прямо из земли, лишённые памяти о прошлых поколениях. Такого рода вещи для них не существовали; зато они в изобилии получали плоды фруктовых и любых других деревьев, произраставших не от руки земледельца, но как добровольный дар земли. Голые и неприкрытые бродили они большей частью под открытым небом. Ведь погода была уготована им беспечальная и ложе их было мягко благодаря траве, обильно **в** произрастающей из земли.

Итак, ты слышал, Сократ, какая была жизнь у людей при Кроносе; что до теперешней жизни — жизни при Зевсе, как это зовут — ты сам, живя сейчас, ее знаешь. Сможешь ли ты и пожелаешь ли определить, какая из них счастливее¹⁴?

Сократ м.л. Нет, нет.

Чужеземец. Так не хочешь ли, чтобы я некоторым образом их сравнил?

Сократ м.л. Да, конечно, очень хочу.

Чужеземец. Итак, если питомцы Кроноса, располагая обширным досугом и возможностью словесно общаться не только с людьми, но и с животными, пользовались всем этим для того, чтобы философствовать, если они, беседуя со зверьми и друг с другом, допытывались у всей природы, не нашла ли она, с помощью некой особой способности, что-либо неведомое другим для кладовой разума, — легко судить, что тогдашние люди были бесконечно счастливее нынешних. Вдосталь насытившись яствами и питьем, они передавали друг другу, а также зверям сказания — те, что и ныне о них повествуются: и тут — по крайней мере таково мое мнение — нетрудно о них судить.

Впрочем, оставим это, пока не явится сведущий вестник и не объявит нам, была ли у тогдашних людей жажда познания и владения словом. Однако ради чего разбудили мы спящий миф, это надо бы сказать, чтобы затем устремиться вперед. Когда всему этому исполнился срок и должна была наступить перемена, и все земнорожденное племя потерпело уничтожение, после того, как каждая душа проделала все назначенные ей порождения и все они семенами упали на землю, кормчий Вселенной, словно бы отпустив кормило, отошел на свой наблюдательный пост, космос же продолжал вращаться под воздействием судьбы и врожденного ему вождения. Все местные боги, соправители могущественнейшего божества, прознав о случившемся, лишили части космоса своего попечения¹⁵. Космос же, повернувшийся вспять, влекомый противоположным стремлением начала и конца и сотрясаемый мощным

внутренним сотрясением, навлек новую гибель на всевозможных животных. Когда затем, по прошествии большого времени, шум, замешательство и сотрясение прекратились и наступило затишье, космос взял свой обычный разбег, попечительствуя и властвуя над всем тем, что в нем есть, и над самим собою; при этом он по возможности вспоминал наставления своего демиурга и отца¹⁶.

b

Вначале он соблюдал их строже, позднее же — все небрежнее. Причиной тому была телесность смешения, издревле присущая ему от природы, ибо, прежде чем прийти к нынешнему порядку, он был причастен великой неразберихе.

От своего устроителя он получил в удел все прекрасное; что касается его прежнего состояния, то, сколько ни было в небе тягостного и несправедливого, все это он и в себя вобрал, и уделил живым существам. Питая эти существа вместе с Кормчим, он вносил в них немного дурного и много добра.

c

Когда же космос отделился от Кормчего, то в ближайшее время после этого отделения он все совершал прекрасно; по истечении же времени и приходе забвения им овладевает состояние древнего беспорядка, так что в конце концов он вырождается, в нем остается немного добра, и, вбирая в себя смесь противоположных [свойств], он подвергается опасности собственного разрушения и гибели всего, что в нем есть. Потому-то устроявшее его божество, видя такое нелегкое его положение и беспокоясь о том, чтобы, волнуемый смутой, он не разрушился и не погрузился в беспредельную пучину неподобного, вновь берет кормило и снова направляет все болное и разрушенное по прежнему свойственному ему круговороту: он вновь устроит космос, упорядочивает его и делает бессмертным и непреходящим¹⁷.

d

e

Это и есть завершение мифа. Что же касается изображения царя, то сказанного вполне достаточно для тех, кто сумеет поставить это в связь с предшествовавшим рассуждением. Ибо, когда космос опять стал вращаться в направлении нынешних порождений, порядок возрастов сно-

ва прервался и заново стал противоположным тогдашнему. Живые существа, по своей малости едва-едва не исчезнувшие, стали расти, а тела, заново порожденные землею в старческом возрасте, вновь умирали и сходили в землю. И остальное все претерпело изменение, подражая и следуя состоянию целого: это подражание необходимо было во всем — в плодоношении, в порождении и в питании, ибо теперь уже недозволено было, чтобы живое существо зарождалось в земле из частей другого рода, но подобно космосу, которому устроитель повелел быть в своем развитии самодовлеющим, так и частям его той же властью было приказано насколько возможно самостоятельно зачинать, порождать и питать потомство. Таким образом, к чему было направлено все наше рассуждение, к этому мы и пришли. Говорить о прочих животных — какое из них по каким причинам подверглось превращению, — было бы слишком длинно и заняло бы много времени; что же касается людей, то это будет короче и ближе к делу.

Итак, когда принявший нас в свои руки и пестовавший нас гений прекратил свои заботы, многие животные, по природе своей свирепые, одичали и стали хватать людей, сделавшихся слабыми и беспомощными; вдобавок первое время они не владели еще искусствами, естественного питания уже не хватало, а добыть они его не умели, ибо раньше их к этому не побуждала необходимость. Все это ввергло их в великое затруднение. Потому-то, согласно древнему преданию, от богов нам были дарованы, вместе с необходимыми поучениями и наставлениями, огонь — Прометеем, искусства — Гефестом и его помощницей по ремеслу¹⁸, семена и растения — другими богами. И все, что устроляет и упорядочивает человеческую жизнь, родилось из этого: ибо, когда прекратилась, как было сказано, забота богов о людях, им пришлось самим думать о своем образе жизни и заботиться о себе подобно целому космосу, подражая и следуя которому мы постоянно — в одно время так, а в другое иначе — живем и вращиваемся¹⁹.

Пусть же здесь будет конец сказанию. Воспользуемся им

для того, чтобы понять, как сильно мы ошибались, говоря в предшествовавшем рассуждении о царе и политике.

Сократ м.л. Какая же и сколь великая, по твоим словам, возникла у нас ошибка?

Чужеземец. С одной стороны, она меньше, с другой же — весомее и обширнее, чем казалась тогда.

Сократ м.л. Каким образом?

Чужеземец. Отвечая на вопрос о царе и политике, существующем при нынешнем круговращении и порождении, мы описали пастуха человеческого стада²⁰ при круговращении противоположном и, таким образом, назвали вместо смертного — бога: это очень большая погрешность. А объявив его правителем всего государства, но не разобрав, как он правит, мы, с одной стороны, высказались верно, с другой же — недостаточно полно и ясно: в этом случае и ошибка меньше, чем та.

Сократ м.л. Это правда.

Чужеземец. Итак, надо надеяться, что, определив характер государственного правления, мы наконец сможем сказать, что такое политик.

б Сократ м.л. Отлично.

Чужеземец. Вот мы и предпослали этому миф — чтобы показать относительно стадного питания, что не только все оспаривают это занятие у искомого нами сейчас лица, но также что мы должны яснее разглядеть его — того, кому одному только и пристало, по образцу пастухов и волопасов, иметь попечение о питании человеческого стада и носить соответствующее этому имя.

с Сократ м.л. Правильно.

Чужеземец. Я даже думаю, Сократ, что этот образ божественного пастыря слишком велик в сравнении с царем²¹, нынешние же политики больше напоминают по своей природе, а также образованию и воспитанию подвластных, чем властителей.

Сократ м.л. Истинно так.

Чужеземец. Но такова ли их природа или иная, от этого не менее и не более должно их рассмотреть.

Сократ м. Как же иначе?

Чужеземец. Пойдем же по прежнему пути. Мы сказали, что существует самоповелевающее искусство, распоряжающееся живыми существами и пекущееся не о частных лицах, а о целом обществе; назвали же мы это тогда искусством стадного питания. Припоминаешь ли ты?

Сократ м. Да.

Чужеземец. Вот тут-то мы и допустили ошибку. Мы совсем не учли политика и никак его не назвали: он тайно ускользнул от наименования.

Сократ м. Каким образом?

Чужеземец. Питать все без исключения стада при-
суще, видимо, остальным пастухам, политику же несвой-
ственно. А между тем мы приложили это наименование и
к политику, хотя следовало бы назвать их всех по общему
для них признаку.

Сократ м. Ты прав, если такое имя бывает.

Чужеземец. Как же не быть общему уходу за всеми,
из которого не исключено питание и любые другие заботы?
Назовем ли мы это попечительством, уходом за стадом или
еще как-нибудь, например всеобщим попечением, — это имя
могло бы охватить и политика, и всех прочих пастухов: ведь
надо так сделать — этому учит нас рассуждение. **276**

Сократ м. Правильно. Но какое же теперь последует
разделение?

Чужеземец. Подобное тому, какое мы проделали, ко-
гда обособили стадное питание пеших — бесперых, несме-
шанных и безрогих — животных; лишь сделав такое разли-
чение, мы охватили одним определением уход за стадом в
наше время и в царствование Кроноса.

Сократ м. Это очевидно. Но снова спрошу: что же
потом?

Чужеземец. Ясно, что когда таким образом названо
это имя — «уход за стадом», никто не станет нам возра-
жать, говоря, что и вообще-то нет подобного попечения,
как прежде справедливо могли возразить, что, мол, у нас
не существует никакого искусства питания, достойного на-

зваться этим именем, а если бы и было какое-нибудь, то оно скорее подобало бы многим другим, чем кому-нибудь из царей.

Сократ м.л. Правильно.

c Чу же земец. Забота же о целом человеческом сообществе и искусство управления всеми людьми в первую очередь и преимущественно принадлежат царю.

Сократ м.л. Ты правильно говоришь.

Чу же земец. Однако, Сократ, замечаешь ли ты, что под самый конец мы снова ошиблись?

Сократ м.л. Каким образом?

Чу же земец. А вот: хотя мы в высшей степени правильно рассудили, что существует некое искусство питания двуногого стада, не следовало, однако, тотчас же называть это искусство царским и политическим — так, как если бы на этом все и кончалось.

Сократ м.л. Что ты говоришь?!

d Чу же земец. Сначала, как мы и говорили, нужно было переделать название, приблизив его больше к уходу, чем к пропитанию, а затем рассечь надвое и его: ведь предстоит произвести еще немало сечений.

Сократ м.л. Каких именно?

Чу же земец. Можно было бы отделить божественного пастыря от попечителя-человека.

Сократ м.л. Правильно.

Чу же земец. Затем, обособив попечительское искусство, следует его снова рассечь надвое.

Сократ м.л. На какие же части?

Чу же земец. На печение насильственное и мягкое.

Сократ м.л. То есть?

e Чу же земец. Раньше мы и тут оказались простоватей, чем должно, и допустили ошибку, соединив в одно царя и тирана — как самих, так и образы их правления, — в то время как они в высшей степени неподобны.

Сократ м.л. Истинно так.

Чу же земец. А теперь, исправляя нашу ошибку, согласно сказанному, не разделим ли мы попечи-

тельское искусство надвое — на насильственное и мягкое?

Сократ м. Несомненно.

Чужеземец. И, назвав попечение тех, кто правит с помощью силы, тираническим, а мягкое попечение о стаде двуногих кротких животных — политическим, мы наречем человека, владеющего таким искусством попечительства, подлинным царем и политиком, не так ли?

277

Сократ м. Значит, чужеземец, рассуждение о политике получило у нас таким образом завершение²².

Чужеземец. Это было бы для нас прекрасно, Сократ. Однако верным это должно представляться не только тебе, но и мне. На самом же деле мне не кажется, будто образ царя получил у нас завершение: подобно ваятелям, что иногда спешат, не рассчитав времени, и опаздывают из-за того, что добавляют к своим творениям много лишних штрихов, и мы сейчас, спеша выставить напоказ погрешность прежнего нашего рассуждения и решив, что царю подходят великие образцы, подняли тяжелейший пласт мифа и вынуждены были воспользоваться большей, чем требовалось, его частью. Так мы сделали доказательство еще более длинным и уже совсем не смогли придать завершенность мифу; наше рассуждение, словно черновой набросок, приняло чисто внешние очертания, отчетливости же, которую придают краски и смешение оттенков, пока что не получило. Между тем с помощью слова и рассуждения гораздо лучше можно выписать любое изображение, чем с помощью живописи и какого бы то ни было другого ручного труда, — лишь бы уметь это делать. Другим же — тем, кто не умеет, — надо пользоваться работой рук.

Сократ м. Правильно! Покажи же, чего не хватает в том, что у нас было сказано.

Чужеземец. Ты чудак! Трудно ведь, не пользуясь образцами, пояснить что-либо важное. Ведь каждый из нас, узнав что-то словно во сне, начисто забывает это, когда снова оказывается будто бы наяву.

Сократ м. Как это ты говоришь?

Чужеземец. Думается, я весьма странным образом

затронул сейчас то, что происходит с нами в отношении знания.

Сократ м.л. Как так?

Чужеземец. У меня, милый мой, оказалась нужда в образце самого образца.

е Сократ м.л. Так что же? Скажи! Уж меня-то ты можешь не стесняться.

Чужеземец. Скажу, если ты готов за мной следовать. Ведь известно, что дети, когда они только что научились азбуке. . .

Сократ м.л. Как ты сказал?

Чужеземец. . . . Что они достаточно ясно распознают любую букву в самых кратких и легких слогах и способны 278 дать о ней верный ответ.

Сократ м.л. Почему бы и нет?

Чужеземец. Что же касается других слогов, то в них относительно тех же букв дети недоумевают и в мысли и на словах.

Сократ м.л. И даже очень.

Чужеземец. Так не легче и не лучше ли всего следующим образом наводить их на то, чего они еще не знают. . .

Сократ м.л. Каким именно?

Чужеземец. Прежде всего надо обращать их внимание на те слоги, в которых они хорошо выучили те же самые буквы, а затем сопоставлять эти слоги с теми, которые им еще не известны, и показывать подобие и однородность всех этих сочетаний до тех пор, пока все незнакомое, поставленное рядом с тем, что правильно мнят, не будет объяснено и из этого объяснения не возникнут образцы, которые покажут, что каждая буква в каждом слоге, если она отличается от другой, должна и называться иначе, а если она подобна какой-либо букве, то и название у них должно быть одинаковое.

б

с

Сократ м.л. Безусловно.

Чужеземец. Значит, это мы достаточно усвоили — что образец появляется тогда, когда один и тот же [признак], по отдельности присущий разным предметам, пра-

вильно воспринимается нами и мы, сводя оба [представления] вместе, составляем себе единое истинное мнение?

Сократ м.л. Это очевидно.

Чужеземец. Так надо ли нам удивляться, если наша душа, испытывая по своей природе то же самое в отношении первоначал всех вещей, иногда, руководимая истиной, узнаёт в некоторых [сочетаниях] каждый отдельный [признак], а иногда, в отношении других [сочетаний], колеблется по поводу всех [признаков] и некоторые из них каким-то образом правильно представляет себе в одних сочетаниях, а когда те же самые признаки перенесены в другие, большие и нелегкие сочетания вещей, снова их не узнаёт?

Сократ м.л. Да, удивляться здесь не приходится.

Чужеземец. Как мог бы, мой друг, кто-нибудь, исходя из ложного мнения, добиться хоть малой толики истины и обрести разумение?

Сократ м.л. Это почти невозможно.

Чужеземец. Коль скоро дело обстоит таким образом, мы — я и ты, верно, ничуть не погрешим, если решимся познать природу образца по частям, сперва увидев ее в маленьком образце, а затем с меньших образцов перенеся это на идею царя как на величайший образец подобного же рода, и уже с помощью этого образца попытаемся искусно разведать, что представляет собой забота о государстве, — дабы сон у нас превратился в явь?

Сократ м.л. Было бы совершенно правильно поступить именно так.

279

Чужеземец. Значит, нужно вернуться к прежнему рассуждению, а именно: хотя тысячи людей оспаривают у рода царей заботу о государствах, надо отвлечься от всех них и оставить только царя; а для этого нам необходим, как было сказано, образец.

Сократ м.л. Весьма даже необходим.

Чужеземец. Какой же можно найти самый малый удовлетворительный образец, который был бы причастен той же самой — государственной — деятельности? Ради Зевса, Сократ, хочешь, за неимением лучшего, выберем ткац-

кое ремесло? Да и его — не целиком; быть может, будет достаточно тканья из шерсти: пожалуй, эта выделенная нами часть скорее всего засвидетельствует то, чего мы ждем.

Сократ м.л. Почему бы и нет?

с Чу же земец. Так отчего бы нам, подобно тому как раньше, отсекая части от [бóльших] частей, мы делили каждый [род], не сделать того же сáмого и с тканьем и, по возможности быстро пробежав весь путь, не прийти снова к тому, чтó для нас полезно?

Сократ м.л. Как ты говоришь?

Чу же земец. Пусть ответом послужит тебе само рассуждение.

Сократ м.л. Ты прекрасно сказал.

d Чу же земец. Все, что мы производим и приобретаем, служит нам либо для созидания чего-либо, либо для защиты от страданий. А из того, что защищает нас от страданий, e одни вещи служат противоядиями — божественными и человеческими, другие — средствами защиты. Из последних же одни — это военное оружие, другие — охранные средства; а из охранных средств одни — это укрытия, другие же — средства защиты от холода и жары. Из этих средств одни — это кровли домов, другие — различные покровы. Из покровов одни — это ковры, другие — накидки. Из накидок же одни — цельные, другие состоят из частей. Из этих последних одни — сшитые, другие же связаны и держатся без швов. А из этих несшитых накидок одни делаются из растительных нитей, другие же — из волос. Те, что сделаны из волос, одни скреплены водой и землей, другие же связаны между собой. Так не защитным ли средствам и покровам, созданным путем такого взаимного переплетения, дали мы 280 имя одежды? А искусство, которое преимущественно печется об одежде, не назвать ли нам портняжным ремеслом, подобно тому как мы раньше искусство, пекущееся о государствах, называли государственным? И мы можем сказать, что ткацкое искусство, поскольку оно составляет наибольшую часть портняжного ремесла, ничем от него не отличается, кроме как именем, точно так же как искусство цар-

ствовать ничем иным не отличается от искусства государственного правления.

Сократ м. Совершенно верно.

Чужеземец. Сообразим же после этого, что искусство тканья одежды, названное таким образом, кто-нибудь мог бы счесть достаточно ясно определенным, не сумев понять, что оно еще не отделено от очень близких ему искусств, хотя от других, родственных искусств, и отграничено. b

Сократ м. От каких это родственных?

Чужеземец. Кажется, ты не уследил за сказанным. Видно, надо теперь идти назад от конца. Ведь если тебе понятно, что это такое — родственное искусство, то смотри: от нашего искусства мы сейчас только отделили искусство составлять ковры — те, которыми укрываются, и те, что подстилают.

Сократ м. Понимаю. c

Чужеземец. Мы отделили также все ремесла по льну и жгутам и прочим растительным, как мы их назвали в рассуждении, нитям; отделили и валяльное искусство, и ставивание с помощью шитья и швов: сюда преимущественно относится сапожное мастерство.

Сократ м. Безусловно.

Чужеземец. Далее, мы отделили всевозможную работу по цельным накидкам, т. е. коженное искусство, затем кровельное искусство, применяемое в домостроительстве, в плотничьем ремесле в целом и во всех искусствах, занятых предохранением от проникновения влаги; отделили также искусство оград, защищающих от воров и насильников, как занимающееся изготовлением защитных средств и укреплением ворот и дверей, а также все прочее, что представляет собой часть искусства скреплять гвоздями. Далее, мы отсекли и искусство вооружения — часть огромного и разнообразного мастерства по сооружению защитных приспособлений. В самом же начале мы отделили целиком магическое искусство, занимающееся лекарствами, и оставили, как нам показалось верным, искомое — то, что уберегает от e

стужи, изготавливает шерстяные накидки и носит наименование ткацкого искусства.

Сократ м.л. Выходит, так.

281 Чу же земец. Но это, мой мальчик, еще не конец. Ведь в начале изготовления одежды делается нечто прямо противоположное тканью.

Сократ м.л. Как так?

Чу же земец. Часть ткани — некое переплетение.

Сократ м.л. Да.

Чу же земец. Другая же часть — распускание того, что было соединено и сплетено.

Сократ м.л. Какое распускание?

Чу же земец. Это — дело чесального искусства. Ведь не посмеет же мы назвать ткацкое искусство — чесальным, а чесальное — ткацким?

Сократ м.л. Ни в коем случае.

б Чу же земец. И так же если кто назовет ткачеством работу с утком и основой, ведь он даст ей необычное и ложное наименование?

Сократ м.л. Как же иначе?

Чу же земец. Что же? Валяльное искусство и искусство починки вряд ли ведь мы можем все в целом назвать заботой и уходом за одеждой? Или, несмотря ни на что, мы все же назовем все это ткацким искусством?

Сократ м.л. Ни в коем случае.

в Чу же земец. Однако все они станут оспаривать уход за одеждой и ее изготовление у ткацкого мастерства, оставляя за ним большую долю, но и себе уделяя немалую часть.

с Сократ м.л. Конечно.

Чу же земец. Да вдобавок, надо думать, и искусства, с помощью которых изготавливаются ткацкие орудия, вообразят себя причинами появления на свет всякой ткани.

Сократ м.л. Несомненно.

d Чу же земец. Так будет ли наше объяснение ткацкого искусства в отношении той части, которую мы выделили, полным и определенным, если мы допустим, что из всех видов ухода за шерстью это наиболее прекрасный и великий

вид? Или же мы выскажем таким образом нечто истинное, однако малопонятное и незавершенное, пока мы не отделили от тканья и все эти искусства?

Сократ м. Да, это так.

Чужеземец. Что ж, не сделать ли нам того, о чем мы говорим, чтобы наше рассуждение шло по порядку?

Сократ м. Почему бы этого и не сделать?

Чужеземец. Итак, во всем том, что делается, различим прежде всего два искусства.

Сократ м. Какие же?

Чужеземец. Одно из них — вспомогательная причина созидания, другое — причина, как таковая.

Сократ м. Как это?

Чужеземец. Все искусства, создающие не само изделие, но орудия для тех, кто его производит, — орудия, без которых никогда не была бы выполнена задача любого из искусств, — носят название вспомогательных причин; те же искусства, которые производят само изделие, — причин, как таковых.

Сократ м. Это имеет под собой основание.

Чужеземец. Согласно этому, мы назовем все искусства, изготовляющие веретена, челноки и прочие орудия для производства одежд, вспомогательными причинами, те же искусства, что заботятся о самих изделиях и их производят, — причинами, как таковыми.

Сократ м. Совершенно верно.

Чужеземец. А из причин [как таковых] искусство промывания, починки и прочие виды ухода [за одеждой], притом что искусство украшательное очень велико по объему, прилично выделить в отдельную часть, назвав все вместе валяльным искусством. **282**

Сократ м. Прекрасно.

Чужеземец. Да и чесальное, и прядильное искусства, а также все остальные части производства одежды, как мы их назвали, составляют одно искусство, которое люди называют шерстопрядильным.

Сократ м. Да, не иначе!

б

Чужеземец. Шерстопрядильное же искусство пусть будет рассечено надвое, причем каждый раздел одновременно будет составлять часть двух искусств.

Сократ м.л. Как это?

Чужеземец. Чесальное искусство и половина искусства пользования челноком — поскольку они разделяют то, что сплетено вместе, — некоторым образом относятся (чтобы назвать это одним словом) к самому шерстопрядильному искусству; но, кроме того, есть еще два больших искусства, распространяющихся на всё: это искусство соединения и искусство разделения²³.

Сократ м.л. Да.

с Чужеземец. К искусству разделения относится чесальное искусство и все то, что было сейчас упомянуто. Ведь все эти названия произошли от разделения шерстяных нитей и основы, но челнок делает это по-одному, руки же — по-другому.

Сократ м.л. Безусловно, так.

Чужеземец. Теперь снова возьмем вместе часть соединительного искусства и относящуюся к нему часть искусства шерстопрядильного. Все то, что относилось здесь к разделительному искусству, оставим в покое, а шерстопрядильное искусство снова разделим на разделительную и соединительную части.

d Сократ м.л. Пусть будет разделено.

Чужеземец. Но соединительную часть совместно с шерстопрядильной тебе снова надо разделить, Сократ, если мы хотим достаточно точно постичь ткацкое искусство.

Сократ м.л. Значит, надо это сделать.

Чужеземец. Да, надо. И мы скажем, что в этом случае одна часть соединительного искусства — сучение, другая же — плетение.

Сократ м.л. Понял, понял: мне кажется, говоря о сучении, ты имеешь в виду работу по основе.

Чужеземец. Не только ее, но и работу с утком. Или мы можем сказать, что она делается без сучения?

Сократ м.л. Ни в коем случае.

Чужеземец. Итак, тебе следует разграничить то и другое: возможно, это разграничение тебе пригодится.

Сократ м. Каким образом?

Чужеземец. А вот каким: из творений чесального искусства то, что вытягивается в длину, а также получает и ширину, мы ведь называем пучком?

Сократ м. Да.

Чужеземец. А свитый веретеном и ставший прочной пряжей этот пучок оказывается, скажешь ты, основой; искусство же, растягивающее основу, ты назовешь искусством ее готовить.

Сократ м. Правильно.

Чужеземец. Все то, что допускает мягкую пряжу и, вплетенное в основу, позволяет мягко начесывать ворс, мы называем уткóм, а предназначенное для этого мастерство — искусством прясть утóк. 283

Сократ м. Совершенно верно.

Чужеземец. И вот, следовательно, та часть ткацкого искусства, которую мы предположительно выделили, ясна теперь, как кажется, всякому: ибо когда соединительная часть шерстопрядильного искусства путем переплетения основы и уткá создает плетение и получается цельноплетеное шерстяное платье, то искусство, направленное на это, мы называем ткацким.

Сократ м. Совершенно верно.

Чужеземец. Пусть будет так. Но почему мы тотчас же не ответили, что искусство сплетения уткá и основы и есть то, что мы называем ткацким искусством, а ходили вокруг да около, давая много лишних определений? b

Сократ м. Но мне, чужеземец, ничего из сказанного не показалось лишним.

Чужеземец. Ничего удивительного: но скоро, мой милый, тебе это, быть может, покажется. И, чтобы предотвратить этот недуг, который может часто впоследствии возникать (ничего странного в этом нет), выслушай слово, близко касающееся всех таких случаев. c

Сократ м. Говори, говори.

Чужеземец. Давай же сначала рассмотрим все виды излишества и недостатка, чтобы на достаточном основании хвалить либо порицать то, что в подобных беседах говорится слишком длинно или, наоборот, слишком кратко.

Сократ м.л. Надо так сделать.

Чужеземец. Ну, коль скоро об этих самых вещах зайдет у нас речь, она будет, думается мне, правильной.

Сократ м.л. О каких вещах?

d Чужеземец. О длиннотах и о краткости и о всяком излишестве и недостатке. Существует же для этого искусство измерения.

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. Разделим его на две части: ведь это нужно для той цели, достичь которой мы сейчас торопимся.

Сократ м.л. Скажи, пожалуйста, какое же здесь будет деление?

Чужеземец. А вот какое: одна часть — это взаимоотношение великого и малого; другая — необходимая сущность становления.

Сократ м.л. Как, как ты говоришь?

e Чужеземец. Не кажется ли тебе естественным называть большее большим лишь в отношении к меньшему? И меньшее меньшим лишь в отношении большего и ничего иного?

Сократ м.л. Да, кажется.

Чужеземец. Далее. То, что превышает природу умеренного, и то, что превышаемо ею как на словах, так и на деле, не назовем ли мы действительно становящимся? Ведь именно этим отличаются среди нас друг от друга хорошие люди и плохие?

Сократ м.л. Это очевидно.

Чужеземец. Значит, нам надо считать двоякой сущность великого и малого и двояким суждение о них и рассматривать их не только так, как мы говорили недавно — в их отношении друг к другу, но скорее, как было сказано

теперь, одну [их сущность] надо рассматривать во взаимоотношении, а другую — в ее отношении к умеренному. А для чего все это — хотим ли мы знать?

Сократ м.л. Как же иначе?

284

Чужеземец. Если относить природу большего только к меньшему, то мы никогда не найдем его отношения к умеренному, не так ли?

Сократ м.л. Так.

Чужеземец. Но таким образом не погубим ли мы и сами искусства, и все их дела, а заодно не уничтожим ли мы и политика, и ткацкое искусство, о котором шла речь? Ведь все они остерегаются того, что превышает умеренное или меньше него, — не потому, что того и другого не существует, но потому, что это затрудняет свершения: сохраняя таким образом меру, они совершают все хорошее и прекрасное.

Сократ м.л. Конечно.

Чужеземец. Ведь если мы уничтожим политика, наш поиск царственного знания пойдет в тупик.

Сократ м.л. Да, совершенно.

Чужеземец. Значит, подобно тому как в «Софисте» мы вынуждены были признать, что существует несуществующее, — ведь к этому привело нас рассуждение — и сейчас нам, видно, придется сказать, что большее и меньшее измеримы не только друг по отношению к другу, но и по отношению к становлению меры? Ведь невозможно, чтобы политик или другой какой-либо знаток практических дел был бесспорно признан таковым до того, как по этому вопросу будет достигнуто согласие.

Сократ м.л. Значит, надо как можно скорее это согласие установить.

Чужеземец. Но дело это, Сократ, еще более трудное, чем то, а мы помним, каким долгим оно было. Впрочем, справедливым будет следующее предположение относительно того и другого...

Сократ м.л. Какое же?

d

Чужеземец. А вот что: впоследствии для точного пояснения главного вопроса понадобится нами изложенное

сейчас. А что оно для нашей ближайшей цели вполне хорошо и достаточно, мне кажется, прекрасно поможет нам понять следующее положение: надо считать, что все искусства равно существуют и что большее и меньшее измеряются не только в отношении друг к другу, но и в отношении к становлению меры. Ибо если существует это, то существует и то, а если существует то, значит, существует и это, и, не будь какого-нибудь из них, не было бы ни того ни другого.

Сократ м.л. Это верно, но что же дальше?

Чужеземец. Ясно, что мы разделим искусство измерения, как было сказано, на две части, причем к одной отнесем все искусства, измеряющие число, длину, глубину, ширину и скорость путем сопоставления с противоположным, а к другой — те искусства, которые измеряют все это путем сопоставления с умеренным, подобающим, своевременным, надлежащим и со всем тем, что составляет середину между двумя крайностями.

Сократ м.л. Ты назвал два огромных раздела, сильно отличающихся один от другого.

Чужеземец. То, Сократ, что люди изысканного ума говорят иногда, полагая, будто произносят нечто в высшей степени мудрое, а именно, что искусство измерения направлено на все становящееся, — это самое мы сейчас и сказали: ибо все, что относится к области искусств, каким-то образом причастно измерению. Но люди эти, не привыкнув рассматривать подобные вещи, деля их на виды, валят их все в одну кучу, несмотря на огромное существующее между ними различие, и почитают их тождественными, а также и наоборот: не разделяют на надлежащие части то, что требует такого деления. Между тем следует, когда уж заметишь общность, существующую между многими вещами, не отступать, прежде чем не заметишь всех отличий, которые заключены в каждом виде, и, наоборот, если увидишь всевозможные несходства между многими вещами, не считая возможным, смутившись, прекратить наблюдение раньше, чем заключишь в единое подобие все родственные свойства и охватишь их единой сущностью.

Однако об этом, а также обо всем избыточном и недостаточном сказанного будет довольно. Сохраним лишь выделенные нами здесь два рода измерительного искусства и постараемся запомнить, что они собой представляют.

Сократ м.л. Постараемся.

Чужеземец. Ну что ж, перейдем теперь к другому рассуждению — относительно того самого, что мы ищем, и обо всех вообще обстоятельствах подобного рода бесед.

Сократ м.л. О каком рассуждении ты говоришь?

Чужеземец. Если бы кто-нибудь спросил нас относительно беседы, касающейся изучения грамоты: когда задается кому-нибудь вопрос, из каких букв состоит некое имя, ради чего предпринимается это исследование — ради самого предложенного вопроса или ради того, чтобы стать более знающим во всех вопросах, которые могут быть поставлены, — как бы мы на это ответили?

Сократ м.л. Разумеется, чтобы знать всё.

Чужеземец. А как же обстоит дело с нашим исследованием политика? Предпринимается ли оно ради него самого или же для того, чтобы стать более сведущими в диалектике всего?

Сократ м.л. Разумеется, ради последнего.

Чужеземец. В самом деле, ведь никто, находясь в здравом уме, не стал бы гоняться за понятием ткацкого искусства ради самого этого искусства. Однако, думаю я, от большинства людей скрыто, что для облегчения познания некоторых вещей существуют некие чувственные подобия, которые совсем нетрудно выявить, когда кто-нибудь хочет человеку, интересующемуся их объяснением, без труда, хлопот и рассуждений дать ответ. Что же касается вещей самых высоких и чтимых, то для объяснения их людям не существует уподобления, с помощью которого кто-нибудь мог бы достаточно наполнить душу вопрошающего, применив это уподобление к какому-либо из соответствующих ощущений. Поэтому-то и надо в каждом упражнять способность давать объяснение и его воспринимать. Ибо бестелес-

ное — величайшее и самое прекрасное — ясно обнаруживается лишь с помощью объяснения, и только него, и вот ради этого-то и было сказано все то, что сейчас говорилось²⁴.

в Упражняться же, чего бы это ни касалось, гораздо легче бывает в малых вещах, чем в большом.

Сократ м.л. Ты великолепно сказал.

Чужеземец. Давай же припомним, для чего мы обо всем этом заговорили.

Сократ м.л. Да, для чего?

с Чужеземец. Не в последнюю очередь — из-за неудобства продолжительной речи относительно ткацкого искусства, переворота во Вселенной и сущности небытия в связи с софистом и из-за вызванной этой речью скуки. Понимая, что все это было очень длинно, и коря самих себя, мы убоялись наговорить много лишнего. И чтобы этого с нами не повторилось, скажу, что все прежнее было говорено нами именно с этой целью.

Сократ м.л. Пусть будет так. Ты только говори по порядку.

d Чужеземец. Следовательно, я говорю, что мне и тебе надо, припомнив только что сказанное, всегда выражать похвалу или порицание тому, что говорится, соответственно за краткость и за длинноты, причем мы должны судить не на основании сравнения длины одной и другой [речи], но в соответствии с той частью измерительного искусства, которую, как мы сказали тогда, надо иметь в виду, а именно в соответствии с подобающим.

Сократ м.л. Правильно.

Чужеземец. Однако не в отношении ко всему. Когда речь идет об удовольствии, нам вовсе нет нужды определять подобающую ему продолжительность, разве что мимоходом; когда же речь идет о том, чтобы как можно скорее и легче решить поставленную задачу, разум велит предпочитать второе решение первому.

e Более всего он велит почитать сам метод [решения], состоящий в том, чтобы различать [все вещи] по видам и стараться дать объяснение, не считаясь с длиннотами, если

они делают слушателя изобретательнее; точно так же обстоит дело и с краткостью.

И вот еще что: тому, кто порицает подобные беседы за длину речи и кто не приемлет таких обходных движений, не следует слишком легко и скоро позволять корить речь лишь за то, что она длинна, но надо еще требовать, чтобы он указал, каким образом она может стать короче и сделать 287 беседующих лучшими диалектиками, чем они были раньше, более изобретательными в рассуждении и объяснении сущностей; в остальном же собеседникам не следует особенно заботиться о порицаниях и похвалах, да и слушать-то им подобные речи вовсе негоже.

Но будет об этом, коли ты со мной согласен. Вернемся к политике, беря в пример уже объясненное нами ткацкое ь искусство.

Сократ м.л. Ты прекрасно сказал. Сделаем же, как ты говоришь.

Чужеземец. Итак, [искусство] царя отделено нами от многих родственных ему искусств, особенно же от тех, что относятся к уходу за стадами. Теперь, скажем мы, следует отделить друг от друга те искусства, которые выступают в качестве основных и вспомогательных причин в жизни самого государства.

Сократ м.л. Правильно.

Чужеземец. А знаешь ли ты, что их трудно разделить надвое? И причина этого, когда мы двинемся дальше, с станет вполне очевидной.

Сократ м.л. Значит, и не нужно делить надвое.

Чужеземец. Разделим же их почленно, наподобие жертвенного животного, раз уж нельзя делить надвое: ведь всегда следует брать наименьшее число частей.

Сократ м.л. Как же мы поступим теперь?

Чужеземец. А как прежде, когда речь шла об изготовлении ткацких орудий: сколько бы ни было таких искусств, мы все их отнесли к причинам вспомогательным.

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. И сейчас нам, еще более, чем тогда, на- d

добно поступить точно так же. Сколько бы искусств ни занимались изготовлением большого ли, малого ли орудия для государства, все их надо отнести к вспомогательным причинам: ведь без них не было бы ни государства, ни политики, хотя мы и не припишем им создание царского искусства.

Сократ м. Конечно, нет.

е Чу жеземец. Впрочем, нелегкое предстоит нам дело, если мы беремся отделить этот род от прочих: ведь сказать, будто есть орудие чего-то одного из существующего, было бы вполне убедительным; однако мы будем говорить о другой принадлежности государства.

Сократ м. Какой же именно?

Чужеземец. Той, которая не обладает указанным свойством и связана не с причиной возникновения, как это верно для орудия, а с сохранением того, что уже создано.

Сократ м. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. Многообразный род, одновременно сухой и влажный, огненный и лишенный огня, единственное имя которому — «сосуд»: род этот обширен и, как я думаю, 288 не имеет никакого отношения к искомому знанию.

Сократ м. Да и как ему иметь?

Чужеземец. Третий, отличный от этих двух, род государственных принадлежностей, часто наблюдаемый, одновременно сухопутный и водный, весьма подвижный и неподвижный, драгоценный и вовсе не имеющий цены, также носит единственное имя, потому что в целом он создан ради некоего восседания и всегда служит кому-то сиденьем.

Сократ м. Что же это?

Чужеземец. Род этот мы называем повозкой, и относится он вовсе не к искусству государственного правления, а скорее к плотничьему, гончарному и кузнечному делу.

б Сократ м. Понимаю.

Чужеземец. Что же сказать о четвертом роде? Скажем ли мы, что он отличен от тех трех, хотя в нем и содержится бо́льшая часть того, о чем говорилось выше, — всякая одежда, значительная толика оружия, стёны, всевоз-

можные земляные и каменные перекрытия и тысячи других подобных вещей? Так как все это производится для защиты, то справедливее всего было бы назвать весь этот род защитным и отнести его к домостроительному и ткацкому искусствам, но никак не к искусству государственного правления.

Сократ м. Безусловно.

c

Чужеземец. А к пятому роду не причислить ли нам все то, что относится к искусствам украшения и живописи и что, пользуясь этим последним и музыкой, создает подражания, направленные исключительно к нашему удовольствию и по праву охватываемые единым именем?

Сократ м. Каким именно?

Чужеземец. Примерно таким: игра.

Сократ м. Да, конечно.

Чужеземец. Итак, вот что будет приличным общим названием для всех подобного рода вещей: ведь все это делается не всерьез, но ради забавы.

d

Сократ м. И это мне почти что понятно.

Чужеземец. То же, что доставляет всему этому материал, из которого и на котором творят свои изделия все перечисленные искусства, — этот разнообразный род, порождение многих других искусств — не назовем ли мы шестым?

Сократ м. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. Золото, серебро и другие добываемые из земли металлы, а также все то, что лесорубы и пильщики поставляют искусству плотника и корзинщика; далее, искусство драть лыко с деревьев и снимать шкуры с животных и все прочие подобного рода искусства — те, что изготовляют пробки, папирус, ремни, — все они доставляют возможность создавать сложные виды из несложных родов. Мы назовем все это единым именем простейших исконных принадлежностей человечества, не имеющих никакого отношения к царскому знанию.

e

Сократ м. Прекрасно.

289

Чужеземец. Седьмым родом следует назвать добывание пищи и все то, что, будучи примешано к телу, обладает

способностью своими частями поддерживать его части; название же всему этому роду будет «наш кормилец», коль скоро мы не подберем ему лучшего. Род этот мы скорее отнесем к земледелию, охоте, гимнастике и врачеванию, чем к искусству государственного правления.

Сократ м.л. Конечно.

в Чу же земец. И так, почти все, что нам принадлежит, кроме домашних животных, содержится в этих семи родах. Смотри-ка, самым справедливым расположением их было бы следующее: сначала — род простейших исконных вещей, затем — орудия, сосуды, повозки, покровы, игра, питание²⁵. Мы оставляем в стороне незначительные вещи, которые могли бы быть отнесены к одному из этих семи родов и которые мы упустили из виду: таков вид монет, печатей и разных чеканных знаков, ибо эти вещи не составляют большого одноименного рода, но могут быть отнесены, хоть и с натяжкой, одни — к украшениям, другие — к орудиям.

Что же касается приобретения домашних животных (если исключить рабов²⁶), — то оно целиком входит в искусство ухода за стадом в том виде, как мы его подразделили раньше.

с Сократ м.л. Безусловно.

Чу же земец. Остаются рабы и другие слуги, среди которых, я полагаю, найдутся такие, что станут оспаривать у царя его мастерство, как оспаривают его у ткача, согласно тому, что сказали мы раньше, прядильщики, чесальщики и прочие подобного рода умельцы. А все остальные, названные нами вспомогательными причинами, вместе с их перечисленными сейчас занятиями отделены нами и устранены от царского занятия — искусства государственного правления.

Сократ м.л. Похоже, что так.

Чу же земец. Давай же приступим ближе и рассмотрим прочие роды, чтоб основательнее их узнать.

Сократ м.л. Да, это необходимо.

Чу же земец. Главные слуги, если смотреть с такой точки зрения, оказывается, имеют занятия и качества

противоположные тем, которые мы за ними предполагали.

Сократ м. Какие же?

Чужеземец. Слуг, приобретаемых путем купли-продажи, можно, бесспорно, назвать рабами: они менее всего причастны царскому искусству. e

Сократ м. Конечно.

Чужеземец. Далее. Свободные люди, добровольно примыкающие к сословию слуг, поставляющие друг другу плоды земледелия и других ремесел и распределяющие их между собой, одни на рынках, другие переезжая из города в город по суше и по воде, а также обменивающие деньги на товар и на другие деньги, — иначе говоря, люди, которых мы называем менялами, купцами, владельцами судов и мелочными торговцами, станут ли считать себя причастными искусству государственного правления? 290

Сократ м. Скорее уж, может быть, искусству купли-продажи.

Чужеземец. И тех, кто, как мы видим, весьма охотно служит по найму и всем услужает, мы ведь не сочтем причастными царскому искусству?

Сократ м. Как можно!

Чужеземец. А что сказать о тех, кто оказывает нам всякий раз вот какие услуги. . .

Сократ м. Какие? О чем ты говоришь?

Чужеземец. Я говорю об услугах рода глашатаев, а также о тех, кто искушен в искусстве письмен и часто оказывает нам помощь, и обо многих других весьма искусных в деле оказания услуг властям. Что мы о них скажем? b

Сократ м. Что они, как ты и сказал, слуги, а не правители государств.

Чужеземец. Однако не во сне же я молвил, что таким путем обнаружатся люди, особо притязающие на причастность к государственному искусству. Но весьма странно было бы искать государственных людей в сословии слуг. c

Сократ м. Несомненно.

Чужеземец. Приблизимся, однако, к тем, кто пока еще не испытан. И в тех, кто занимается прорицаниями,

есть какая-то частица служебного знания: ведь они считаются меж людьми толкователями воли богов.

Сократ м.л. Да.

d Чу же земец. Точно так же и род жрецов, как считают обычно, сведущ в том, чтобы путем жертвоприношения делать наши дары угодными богам, а у них, с помощью молитв, испрашивать для нас различные блага. То и другое — части служебного искусства.

Сократ м.л. Это очевидно.

e Чу же земец. Что ж, мне кажется, мы напали уже на след, по которому можем идти вперед. Ведь положение жрецов и прорицателей таково, что они исполнены высочайших помыслов и пользуются великим почетом благодаря важности их начинаний. В Египте царь не может без жреческого сана осуществлять правление, и если даже кто-нибудь из другого сословия путем насилия восходит там на престол, то в дальнейшем он все равно должен быть посвящен в жреческий сан. Так же и у эллинов повсеместно поручается высочайшим властям приносить самые важные жертвоприношения. Ведь и у вас — это совершенно очевидно — дело обстоит так, как я говорю: тому из вас, кому выпадет жребий царствовать, поручаются самые торжественные и древние жертвоприношения²⁷.

291 Сократ м.л. Да, несомненно.

Чу же земец. Итак, нам надо рассмотреть этих избранных жеребьевкой царей и жрецов, а также их слуг и еще некую многочисленную толпу, недавно представившуюся нашему взору после того, как мы отделили всех остальных.

Сократ м.л. О ком ты говоришь?

Чу же земец. О людях весьма странных.

Сократ м.л. А именно?

b Чу же земец. На первый взгляд этот род кажется очень многообразным. Многие из этих мужей походят на львов, некоторые — на кентавров и на другие подобные создания, большинство же — на сатиров²⁸ и на сходные с ними существа, слабые и изменчивые: они быстро меняют свой

облик и свои свойства на другие. Да, наконец-то, Сократ, мне кажется, я понял, что это за люди.

Сократ м.л. Ну так скажи. Ведь похоже, что ты усмотрел что-то несообразное.

Чужеземец. Да, это кажется всем несообразным по неведению²⁹. Я и сам испытал вот лишь сейчас недоумение, с узрев сборище, занятое делами города.

Сократ м.л. Что за сборище?

Чужеземец. Это величайшие шарлатаны из софистов, искуснейшие в этом деле. Нам необходимо отделить их, хоть это и очень трудно, от действительных политиков и царей, если только мы хотим хорошо уяснить себе то, что мы ищем.

Сократ м.л. Да, этого ни в коем случае нельзя упустить.

Чужеземец. Я тоже так считаю. Скажи же мне вот что...

Сократ м.л. Что? d

Чужеземец. У нас монархия — это один из видов государственного правления?

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. А после монархии, я думаю, надо называть правление немногих.

Сократ м.л. Как же иначе?

Чужеземец. Третий же вид государственного устройства не есть ли правление большинства и не носит ли оно имя демократии?

Сократ м.л. Да, несомненно.

Чужеземец. А не образуется ли из этих трех видов пять, если два [первых] вида порождают для себя из самих себя другие названия?

Сократ м.л. Какие же это названия?

Чужеземец. Если принять во внимание имеющиеся e в этих двух видах государственного устройства насилие и добрую волю, бедность и богатство, законность и беззаконие, то каждый из них можно разделить надвое, причем

монархия будет носить два имени: тирании и царской власти.

Сократ м.л. Да, конечно.

Чужеземец. А государство, управляемое немногими, будет носить название аристократии или же олигархии.

Сократ м.л. Несомненно.

292 Чужеземец. Что касается демократии, то правит ли большинство насильственно или согласно с доброй волей теми, кто обладает имуществом, точно ли оно соблюдает законы или же нет, никто ей, как правило, не даст иного имени³⁰.

Сократ м.л. Это верно.

Чужеземец. Что же? Сочтем ли мы какое-либо из этих устройств правильным, если оно находится в этих границах, то есть управляется одним, немногими или большинством, бывает богатым или бедным, насильственным или добровольным и имеет установления или же лишено законов?

б Сократ м.л. А что препятствует тому, чтобы так считать?

Чужеземец. Посмотри же пристальнее, следуя этим путем...

Сократ м.л. Каким?

Чужеземец. Останемся ли мы при том, что сказали раньше, или же отступим от этого?

Сократ м.л. О чем ты говоришь?

Чужеземец. Мы говорили, что царское правление есть некое знание.

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. Но мы выбрали его не из всех вообще знаний, но выделили умение судить и повелевать.

Сократ м.л. Да.

с Чужеземец. А умение повелевать мы разделили на повелевание неодушевленными видами и одушевленными существами³¹; разделив же его таким образом, мы пришли наконец сюда, не упустив из виду знания, хоть и не можем его достаточно точно определить.

Сократ м. Ты правильно говоришь.

Чужеземец. Итак, мы понимаем теперь, что определяющей границей тут будет не количество правителей — много их или мало, не насилие или добрая воля, а также не бедность или богатство, но некое знание, — если только мы хотим следовать тому, что было сказано раньше.

Сократ м. Иное допущение невозможно. d

Чужеземец. Значит, необходимо рассмотреть это теперь следующим образом: в каком из упомянутых нами [государственных устройств] кроется умение управлять людьми? Ведь это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений. Его надо понять для того, чтобы знать, кого следует отделить от разумного государя из тех, кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы.

Сократ м. Надо это сделать так, как указало нам рассуждение.

Чужеземец. Представляется ли, что большинство людей в государстве может обладать этим знанием? e

Сократ м. Вряд ли это возможно!

Чужеземец. А в городе с населением в тысячу человек может ли им обладать сто или хотя бы пятьдесят мужей?

Сократ м. Если так, то это было бы легчайшим из всех искусств; а мы знаем, что из тысячи человек не найдется против остальных эллинов такого количества даже отличных игроков в шашки, не то что царей. Мы должны в соответствии с прежним рассуждением наречь царем того, кто обладает царским знанием, — правит ли он на самом деле или нет. 293

Чужеземец. Ты верно вспомнил. Согласно этому, хорошее правление, если только оно бывает, следует искать у одного, двоих или во всяком случае немногих людей.

Сократ м. Конечно!

Чужеземец. И мы должны будем считать, как мы это сейчас решили, что, правят ли эти люди добровольно или против воли, согласно установлениям или без них,

- b** богаты они или бедны, они правят в соответствии с неким искусством правления. Ведь врачей мы почитаем врачами независимо от того, лечат ли они нас добровольно или против воли, когда они делают нам разрезы, прижигания или, пользуя нас, причиняют другую какую-то боль, действуют они согласно установлениям или помимо них и богаты ли они или бедны, — пока они руководствуются искусством, очищая или как-то по-иному ослабляя либо, наоборот, укрепляя наше тело, — лишь бы врачеватели действовали на благо наших тел, превращали их из слабых в более крепкие и тем самым всегда спасали врачуемых. Именно таким образом, а не иным мы дадим правильное определение власти врача, как и всякой другой власти.

Сократ м.л. Ты совершенно прав.

- c** Чужеземец. И из государственных устройств то необходимо будет единственно правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей, а не правителей, которые лишь кажутся таковыми; и будет уже неважно, правят ли они по законам или без них, добровольно или против воли, бедны они или богаты: принимать это в расчет никогда и ни в коем случае не будет правильным.

Сократ м.л. Прекрасно.

- d** Чужеземец. И пусть они очищают государство, казня или изгоняя некоторых, во имя его блага, пусть уменьшают его население, выводя из города подобно пчелиному рою колонии, или увеличивают его, включая в него каких-либо иноземных граждан, — до тех пор, пока это делается на основе знания и справедливости и государство по мере сил превращается из худшего в лучшее, мы будем называть такое государственное устройство — в указанных границах — единственно правильным. Другие же государственные устройства, которые мы считали правильными, следует признать не подлинными, не действительно правильными, а лишь подражаниями правильному устройству, причем те, которые мы называем благоустроенными, подражают ему в лучшем, остальные же в худшем.

Сократ м.л. Чужеземец, обо всем прочем ты говорил,

как нужно; а вот о том, что следует управлять без законов, слышать тяжело.

294

Чужеземец. Ты чуть-чуть опередил меня своим вопросом, Сократ: ведь я и сам хотел расспросить тебя, принимаешь ли ты все мной сказанное, или что-нибудь из этого тебе неугодно. Теперь же ясно, что мы стремимся разобрать правильность правления без законов.

Сократ мл. Совершенно верно.

Чужеземец. Некоторым образом ясно, что законодательство — это часть царского искусства; однако прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках царственного мужа, обладающего разумом³². И знаешь, почему?

Сократ мл. Нет. Почему?

б

Чужеземец. Потому что закон никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого, и это ему предписать. Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое никогда не находится в покое, — все это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношении всех людей и на все времена. Согласимся ли мы в этом?

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Закон же, как мы наблюдаем, стремится именно к этому подобно самонадеянному и невежественному человеку, который никому ничего не позволяет ни делать без его приказа, ни даже спрашивать, хотя бы кому-то что-нибудь новое и представилось лучшим в сравнении с тем, что он наказал.

с

Сократ мл. Сущая правда: закон поступает по отношению к каждому из нас именно так, как ты говоришь.

Чужеземец. Следовательно, невозможно, чтобы совершенно простое соответствовало тому, что никогда простым не бывает.

Сократ мл. Видимо, так.

Чужеземец. Для чего же нужно законодательство, если закон несовершенен? Мы должны найти этому причину.

d

Сократ м. Конечно.

Чужеземец. Ведь у вас, как и в других городах, существует обычай всенародных упражнений — в беге ли или еще в чем-нибудь — ради последующих состязаний?

Сократ м. Да, это очень распространено.

Чужеземец. Давай же припомним приказания тех, кто сведущ в гимнастических упражнениях и имеет власть эти приказания отдавать.

е Сократ м. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. Они не считают уместным вдаваться в тонкости, имея в виду каждого в отдельности и давать указания, что полезно для тела того либо другого человека; наоборот, они думают, что надо более грубо и приближенно давать наказания, так, чтобы они в целом приносили пользу телам большей части людей.

Сократ м. Совершенно верно.

Чужеземец. Потому-то, возможно, они одинаково распределяют между всеми нагрузку, то приказывая всем одновременно бежать, то останавливая их бег, борьбу или другие тяжелые телесные упражнения.

Сократ м. Да, это так.

Чужеземец. Значит, мы будем считать, что и законодатель, дающий наказ своему стаду относительно справедливости и взаимных обязательств, не сможет, адресуя этот
295 наказ всем вместе, дать точные и соответствующие указания каждому в отдельности.

Сократ м. Видимо, это так.

Чужеземец. Он издаст, думаю я, законы, носящие самый общий характер, адресованные большинству, каждому же — лишь в более грубом виде, будет ли он излагать их письменно или же устно, в соответствии с неписаными отечественными законами.

Сократ м. Правильно.

б Чужеземец. Конечно, правильно. Да и в состоянии ли, Сократ, кто-нибудь находиться всю жизнь при каждом, давая ему самые разные и полезные указания? А если бы

кто-то и был в состоянии, из тех, кто действительно получил в удел царственное познание, то едва ли он пожелал бы, записывая эти пресловутые законы, сам наложить на себя оковы.

Сократ м.л. Да, чужеземец, это ясно из только что сказанного.

Чужеземец. Более того, это станет ясным и из последующего.

Сократ м.л. А именно?

Чужеземец. А вот: скажем ли мы, что врач или учитель гимнастики, собираясь уехать и долгое время пробывать вдали от своих подопечных, сочтет нужным оставить им памятную записку с предписаниями, адресованными этим больным или ученикам гимнастики, чтобы они ничего не забыли?

Сократ м.л. Так.

Чужеземец. А что, если он пробудет в отсутствии меньше, чем ожидал? Неужели, вернувшись, он не посмеет дать другие предписания вопреки тому, что было написано раньше, учитывая, что из-за перемены ли ветра или других неожиданностей погоды больным стало лучше? Неужели он станет упорствовать и считать, будто не следует отступать от того, что было установлено прежде, и будто ни ему не следует давать новые указания, ни больному осмеливаться преступить написанное, поскольку то, что записано, целительно и направлено к выздоровлению, все же прочее — невежественно и болезнетворно? Если бы такое случилось в науке и истинном искусстве, разве не раздался бы громовой хохот и не были бы подняты на смех подобные предписания?

Сократ м.л. Безусловно.

Чужеземец. А если кто пишет о справедливом и несправедливом, прекрасном и постыдном, добром и злом или же устно издает такие законоположения для человеческих стад, пасущихся согласно предписаниям законодателей по городам, причем пишет со знанием дела, или вдруг явится другой кто-либо подобный, неужели же им будет

недозволено установить вопреки написанному другое? И неужели этот запрет подобно прежнему, о котором мы говорили, не вызовет самого настоящего смеха?

296

Сократ м.л. Как же иначе? Конечно, вызовет.

Чужеземец. Знаешь, что в таких случаях говорят обычно люди?

Сократ м.л. Пока что не догадываюсь.

Чужеземец. Это звучит очень складно: говорят, что, если кому известны законы, лучшие в сравнении с теми, что были раньше, он должен издавать их не ранее, чем убедит каждого гражданина в отдельности.

в

Сократ м.л. Ну и что же? Разве это неверно?

Чужеземец. Возможно, и верно. Но если кто, никого не убедив, силой навязывает лучшее, какое будет имя такому насилию?.. Однако постой. Скажи мне сначала по поводу прежнего...

Сократ м.л. Что именно?

Чужеземец. Если кто, не убедив врачуемого, однако, хорошо владея своим искусством, вопреки предписанному станет навязывать лучшее лечение ребенку, мужчине или женщине, как будет называться такое насилие? Ведь скорее любым именем, но только не вредоносной погрешностью против искусства? И насилуемый таким образом может сказать все, что угодно, не скажет он только, будто претерпел нечто вредоносное и невежественное со стороны насилующих его врачей.

с

Сократ м.л. Ты говоришь сущую правду.

Чужеземец. А что у нас называется погрешностью против искусства государственного правления? Разве не то, что постыдно, дурно и несправедливо?

Сократ м.л. Несомненно.

Чужеземец. Ну, а если кого-то насильно заставляют вопреки писаным и неписаным отечественным законам делать другое, то, что лучше и прекраснее прежнего, как должно звучать у таких людей порицание подобного рода насилия, коль скоро они хотят, чтобы оно не превратилось во всеобщее посмешище? Не следует ли им говорить что

d

угодно, кроме того, что насилуемые потерпели при этом от насилующих зло, позор и несправедливость?

Сократ м. Ты говоришь сущую правду.

Чужеземец. А не получится ли так, что если насилующий богат, то насилие его справедливо, если же беден, то наоборот? Или же, убедил кто других либо не убедил, богат ли он или беден, согласно установлениям или вопреки им делает он полезное дело, именно эта польза и должна служить вернейшим мерилom правильного управления государством, с помощью которого мудрый и добродетельный муж будет руководить делами подвластных ему людей? Подобно тому как кормчий постоянно блюдет поль- 297 зу судна и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов. И пока руководствующиеся разумом правители во всех делах соблюдают одно великое правило, они не допускают погрешностей: правило же это состоит в том, чтобы, умно и искусно уделяя всем в государстве самую ь справедливую долю, уметь оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими.

Сократ м. Против того, что было тобой сказано, нечего возразить.

Чужеземец. Да и против другого тоже.

Сократ м. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. А то, что никогда многие, кто бы они ни были, не смогут, овладев подобным знанием, разумно управлять государством; единственно правильное государственное устройство следует искать в малом — среди немно- с гих или у одного, все же прочие государства будут лишь подражаниями, как это было сказано несколько раньше, одни — подражаниями тому лучшему, что есть в правильном государстве, другие — подражаниями худшему.

Сократ м. Как, как ты сказал? Я ведь и раньше не совсем понял то, что ты говорил о подражаниях.

Чужеземец. А ведь не худо было бы, если бы кто, затеяв это рассуждение, тут же и бросил его, чтобы в дальнейшем не обнаружилась возникшая сейчас в нем погрешность.

d

Сократ м.л. Какая же это погрешность?

Чужеземец. Вот какую погрешность надо искать, не совсем обычную и не легкую для рассмотрения; однако же мы постараемся ее уловить. Смотри-ка: если указанное нами государственное устройство — единственно правильное, по нашему мнению, то, знаешь ли, другим надлежит блюсти себя, следуя его предписаниям и делая то, что мы сейчас одобряем, хотя это и не самое правильное.

Сократ м.л. Что же именно мы сейчас одобряем?

e

Чужеземец. А вот что: никто из граждан никогда не должен сметь поступать вопреки законам, посмеявшегося же так поступить надо карать смертью и другими крайними мерами. Такое устройство — самое правильное и прекрасное после первого, если бы кто-нибудь вздумал его отменить³³. Но давай решим, каким образом возникает государственное устройство, названное нами вторым. Ты согласен?

Сократ м.л. Безусловно.

Чужеземец. Вернемся же снова к уподоблениям, которые всегда следует применять в отношении царственных правителей.

Сократ м.л. О каких уподоблениях ты говоришь?

Чужеземец. О благородном кормчем и о враче, который «стоит многих людей»³⁴: взглядимся в них и с их помощью создадим себе некий образ.

298 Сократ м.л. Какой же?

Чужеземец. А вот какой: давайте представим себе все, что мы тершим со стороны врачей величайшие неприятности. Кого из нас они хотят сберечь, того каждый из них оберегает, но уж кого хотят погубить, того они всячески губят — и разрезами, и прижиганиями, да еще велят расходовать на них, налагая род некой дани, из которой на больного идет очень мало либо совсем ничего, всем

же остальным пользуется сам врач и его слуги. Кончается тем, что врач, приняв в уплату деньги от родственников больного или от его врагов, просто его убивает. b

Кормчие тоже делают тысячи подобных вещей. Они, следуя чьему-то злему умыслу, покидают людей на пустынных морских берегах. Потерпев крушение в море, они выбрасывают людей за борт и строят другие козни³⁵.

Представь себе, что, обдумав все это, мы вынесем решение, чтобы ни одно из этих искусств не могло впредь неограниченно распоряжаться ни рабами, ни свободными, сами же устроим собрание с представителями либо всего народа, либо только богатых и всем им — как лицам несведущим, так и мастерам в других областях — будет дозволено выражать свое мнение по поводу плаванья или болезней: какими лечебными снадобьями и средствами надо лечить больных или же какими пользоваться судами и корабельным оборудованием для лучшего плаванья, а также что делать ввиду опасностей, с одной стороны, самого плаванья, — во время ветров и бурь на море, а с другой — при встрече с морскими пиратами и, наконец, следует ли или нет вступать большим военным судам в сражение с противником. Занеся все это — и то, что было высказано врачами и кормчими, и то, что считают лица несведущие, — на треугольные таблички и стелы³⁶, а кое-что из этого приняв как неписанные отечественные обычаи, мы в дальнейшем будем плавать по морю и пользоваться больных исключительно таким образом. c

Сократ м.л. Ты говоришь очень странные вещи.

Чужеземец. Ежегодно будут назначаться правители для толпы — из богатых или же из народа, смотря по тому, что покажет жребий. И эти избранные правители будут править, водить суда и пользоваться больных согласно записанным установлениям. d

Сократ м.л. Это еще чуднее!

Чужеземец. Рассмотрим же и то, что за этим последует. Когда исполнится год правления каждого из правителей, надо, созвав судилище, состоящее либо большей ча- e 299

стью из богатых людей, либо из представителей народа, на которых падет жребий, и поставив перед этим судом бывших правителей, потребовать у них отчет, причем каждый желающий может их обвинить в том, что в течение года они водили суда, не следуя ни предписаниям, ни древним обычаям предков; точно такое же обвинение можно предъявить и врачам, пользовавшим больных. И если кто-нибудь из них будет осужден, несколько судей должны решить, что он должен претерпеть или какой заплатить штраф.

в Сократ м.л. Но ведь тот, кто при подобных обстоятельствах по доброй воле и охоте принимает бразды правления, справедливо понесет наказание, в чем бы оно ни состояло.

с Чу же з е м е ц. И вдобавок ко всему надо будет еще принять закон, что если кто-нибудь станет изучать искусство кораблевождения или доискиваться до истины в деле здоровья и врачевания — относительно ветров, жары или холода — в нарушение предписаний и попробует умничать в этих вопросах, того, во-первых, следует называть не врачом и не кормчим, но верхоглядом, пустым болтуном и софистом. Кроме того, поскольку он развращает других, тех, кто моложе годами, и убеждает их не согласно законам, а по собственной воле управлять кораблями и руководить больными людьми, то всякий желающий может подать на него жалобу и притянуть к суду; и если окажется, что он вопреки законам и писаным правилам поучает других — будь то юноши или старики, — он должен быть присужден к высшей мере наказания. Ибо не следует быть мудрее закона! Да вдобавок все без исключения должны знать как искусство врачевания, так и искусство кораблевождения:

d ведь каждый желающий может их изучить по предписаниям и существующим на родине старинным обычаям.

Так вот, Сократ, если бы с этими знаниями получилось так, как мы говорим, и прочие искусства — военное знание, охотничье искусство всех видов, живопись, каждый раздел подражательного искусства, строительство, изготовление всевозможной утвари, земледелие и всякое

растениеводство, а также кормление лошадей, всевозможный уход за стадами, прорицания, служебное дело во всех его видах, игра в шашки, арифметика — чистая ли или в применении к измерению поверхностей, глубин и скоростей, — если бы все это совершалось согласно предписаниям, а не при помощи искусства, что бы из этого вышло?

Сократ мл. Ясно, что все без исключения искусства у нас бы погибли и, поскольку закон запрещает исследование, никогда не возродились бы вновь. И таким образом, жизнь, трудная и сейчас, стала бы к тому времени вовсе невыносимой.

Чужеземец. А что ты скажешь на следующее: если бы мы вынуждены были признать, что все перечисленное должно совершаться по предписаниям и для присмотра за их выполнением поставили бы кого-нибудь избранного голосованием или по жребию, он же, ничуть не заботясь о предписаниях, из корыстных ли побуждений или из личного расположения делал бы все наоборот, без всякого смысла, — разве это зло не было бы еще горше прежнего³⁷?

Сократ мл. Да, это сущая правда.

Чужеземец. Ведь я думаю, что если кто-нибудь осмеливается нарушать законы, установленные на основе долгого опыта и доброжелательных мнений советников, всякий раз убеждавших народ в необходимости принять эти законы, то такой человек, нанизывая преступление на преступление, извратил бы все еще больше, чем это делают предписания.

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Поэтому второе правило для тех, кто издает какие-либо законы или постановления, — это ни в коем случае никогда не позволять нарушать их ни кому-либо одному, ни толпе.

Сократ мл. Правильно.

Чужеземец. Разве эти законы и постановления не подражания истине вещей, начертанные по мере сил сведущими людьми?

Сократ мл. Конечно.

Чужеземец. А ведь вспомни: мы сказали, что сведущий человек — подлинный политик — делает все, руководствуясь искусством и не заботясь о предписаниях, коль скоро ему что-нибудь покажется лучшим, чем то, что он сам написал и наказал тем, кто почему-либо находится вдали от него.

Сократ м. Да, мы так сказали.

Чужеземец. Значит, если какой-либо один человек или множество людей, которым предписаны законы, попытаются нарушить их в пользу того, что им представляется лучшим, то они по мере сил будут поступать так же, как тот подлинный политик?

Сократ м. Несомненно.

Чужеземец. Итак, если они — те, кто берется за это, — невежественны, то, пытаясь подражать истинному, они будут подражать ему очень плохо; если же они искусные люди, то это будет уже не подражание, а сама наивысшая истина.

Сократ м. Безусловно.

Чужеземец. А ведь выше мы договорились, что толпа ни в коем случае не может владеть никаким искусством.

Сократ м. Да, это решено.

Чужеземец. И если вообще существует царское искусство, то ни множество богатых людей, ни весь народ в целом не в состоянии овладеть этим знанием.

Сократ м. Да, это невозможно.

Чужеземец. Значит, как видно, подобные государства, коль скоро они хотят по мере сил хорошо подражать подлинному государственному устройству, — тому, **301** при котором искусно правит один человек, — ни при каких условиях не должны нарушать принятые в них писанные законы и отечественные обычаи.

Сократ м. Ты прекрасно сказал.

Чужеземец. Итак, когда наилучшему государственному устройству подражают богатые, мы называем такое государственное устройство аристократией; когда же они не считаются с законами, это будет уже олигархия.

Сократ м. Да, очевидно.

Чужеземец. Когда же один кто-нибудь управляет согласно законам, подражая сведущему правителю, мы называем его царем, не отличая по имени того, кто единолично правит, руководствуясь знанием, от того, кто тоже правит один, но руководствуется мнением и законами. b

Сократ м. Допустим.

Чужеземец. Значит, если подлинно знающий человек правит единолично, то имя ему непременно будет «царь», и никакое иное. Благодаря этому пять наименований перечисленных нами государственных устройств сливаются воедино³⁸.

Сократ м. Видимо, так.

Чужеземец. Однако если такой единоличный правитель, не считаясь ни с законами, ни с обычаями, делает вид, что он знаток и потому вопреки предписаниям хочет направить все к лучшему, на самом же деле руководствуется в этом своем подражании заблуждением или же страстью, разве не следует его — и любого другого такого же — именовать тираном? c

Сократ м. Как же иначе?

Чужеземец. Так-то вот, говорим мы, и появились на свет тиран и царь, олигархия, аристократия и демократия, потому что люди бывают недовольны подобным единоличным монархом, не доверяют ему и считают, что никто вообще не достоин единоличной власти, ибо монарх должен стремиться и быть в состоянии управлять добродетельно и со знанием дела, справедливо и честно уделяя каждому свое, а не бесчестить, убивать и причинять зло любому, кому он вздумает. А уж появившись такой, о котором мы ведем речь, все были бы рады жить при нем, благополучно руководящем единственным безупречно правильным государственным строем. d

Сократ м. Да и как же иначе?

Чужеземец. Но коль скоро в городах не рождается подобно матке в пчелином рое царь, тотчас же выделяющийся среди других своими телесными и душевными свой- e

ствами, надо, сойдясь всем вместе, писать постановления, стараясь идти по следам самого истинного государственного устройства.

Сократ м.л. Очевидно.

Чужеземец. Так станем ли мы удивляться, Сократ, всему тому злу, которое случается и будет случаться в такого рода государствах, коль скоро они покоятся на подобных основаниях? Ведь все в них совершается согласно предписаниям и обычаям, а не согласно искусству, и любое государство, если бы оно поступало противоположным образом, как ясно всякому, вообще при подобных обстоятельствах

302 погубило бы все на свете.

Скорее надо удивляться тому, как прочно государство по своей природе: ведь нынешние государства терпят все это зло бесконечное время, а между тем некоторые из них монолитны и неразрушимы. Есть, правда, много и таких, которые подобно судам, погружающимся в пучину, гибнут, либо уже погибли или погибнут в будущем из-за ничемности своих кормчих и корабельщиков³⁹ — величайших невежд в великих делах, которые, ровным счетом ничего не смысля в государственном управлении, считают, что они во всех отношениях наиболее ясно усвоили именно это знание.

б

Сократ м.л. Сущая правда.

Чужеземец. Какое же из этих неправильных государственных устройств наименее тяжело для жизни и какое — тяжелее всего? Нам надо это рассмотреть, хотя по отношению к предмету нашего рассуждения это и будет второстепенный вопрос. Правда, однако, и то, что все мы вообще делаем всё именно ради этой цели.

Сократ м.л. Да, это надо рассмотреть. Как же иначе?

с

Чужеземец. Итак, смотри: из трех видов государственного правления одно и то же одновременно бывает особенно тяжким и самым легким.

Сократ м.л. Как ты говоришь?

Чужеземец. А вот как: монархия, власть немногих и власть большинства — это три [вида государственного

правления], названные нами в самом начале слишком расплывшегося теперь рассуждения.

Сократ м.л. Да, именно эти три.

Чужеземец. Если мы разделим каждое из этих трех надвое, у нас получится шесть [видов], правильное же государственное правление будет стоять особняком и будет седьмым по счету.

Сократ м.л. Как это все будет выглядеть?

Чужеземец. Из монархии мы выделим царскую d власть и тиранию, из владычества немногих — аристократию (славное имя!) и олигархию. Что касается власти большинства, то раньше мы ее называли односложным именем демократии, теперь же и ее надо расчленить надвое.

Сократ м.л. Каким же образом мы ее расчленим?

Чужеземец. Точно так же, как остальные, несмотря на то, что пока для нее не существует второго имени. Но и при ней, как при других видах государственной власти, e бывает управление, согласное с законами и противозаконное.

Сократ м.л. Да, это так.

Чужеземец. Раньше, когда мы искали правильное государственное устройство, такое деление было бы бесполезным, что мы в свое время и показали. Теперь же, когда мы выделили это правильное устройство и признали необходимыми прочие виды, законность и противозаконие образуют деление надвое в каждом из этих последних.

Сократ м.л. Твое объяснение делает это правдоподобным.

Чужеземец. Итак, монархия, скрепленная благами предписаниями, которые мы называем законами, — это вид, наилучший из всех шести; лишенная же законов, она наиболее тягостна и трудна для жизни.

Сократ м.л. Видимо, так.

303

Чужеземец. Правление немногих, поскольку немногое — это середина между одним и многим, мы будем считать средним по достоинству между правлением одного и правлением большинства. Что касается этого последнего,

то оно во всех отношениях слабо и в сравнении с остальными не способно ни на большое добро, ни на большое зло: ведь власть при нем поделена между многими, каждый из которых имеет ее ничтожную толику. Потому-то, если все остальные виды государственного устройства основаны на законности, этот вид оказывается наихудшим из них; если же все прочие незаконны, он оказывается наилучшим; дело в том, что если при всех них царит распушенность, демократический образ жизни торжествует победу; если же всюду царит порядок, то жизнь при демократии оказывается наихудшей, а наилучшей — при монархии, если не считать седьмой вид: его-то следует, как бога от людей, отличать от всех прочих видов правления⁴⁰.

b

Сократ м.л. Да, видно, все это так и бывает и происходит, и надо поступать, как ты говоришь.

Чужеземец. Надо также отличать участников всех этих правлений от сведущего правителя, ибо они не государственные деятели, а нарушители порядка, защитники величайших химер; да и сами они всего лишь химеры, крупнейшие подражатели и шарлатаны и потому — величайшие софисты среди софистов.

c

Сократ м.л. Точнехонько метнул ты это слово в так называемых политиков!

Чужеземец. Пусть! Это будет у нас совсем словно драма: согласно сказанному, мы видим шумную ораву кентавров и сатиров, которую необходимо отстранить от искусства государственного правления: и вот теперь, хоть и с трудом, орава эта отстранена⁴¹.

d

Сократ м.л. Да, очевидно.

Чужеземец. Остается еще один род, и отделить его — дело более трудное, так как он и ближе к царскому роду, и в то же время труднее для постижения. Но мне кажется, мы напоминаем людей, очищающих золото.

Сократ м.л. Почему?

e

Чужеземец. Ведь мастера отделяют сначала землю, камни и прочие вещи такого рода. После этого остаются только ценные примеси, родственные золоту, которые мож-

но отделить лишь с помощью огня — медь и серебро, а иногда и адамант⁴²; они с трудом выделяются путем плавления и испытываются пробным камнем, и лишь после этого мы можем любоваться беспримесным, чистым золотом — золотом, как таковым.

Сократ м.л. Да, говорят, что это происходит именно так.

Чужеземец. Значит, видно, подобным же образом следует нам теперь отделить от политического знания все инородное, чуждое ему и недружественное и оставить только ценное и сродное. А это — военное искусство, судебное и ораторское⁴³, поскольку последнее связано с царским искусством и помогает ему управлять делами города с помощью убеждения, склоняющего к справедливости. Лишь отделив все это по возможности легким способом, можно будет увидеть то, что мы имеем, обнаженным, единственным в своем роде. 304

Сократ м.л. Ясно, что надо попытаться это сделать.

Чужеземец. Если это зависит от попытки, то искомое обнаружится. Давай, попытаемся выявить его с помощью музыки. Скажи мне. . . 5

Сократ м.л. Что именно?

Чужеземец. Есть ли у нас музыкальная наука и вообще наука, дающая знание всего того, что связано с умелостью рук?

Сократ м.л. Есть.

Чужеземец. Что же? Не скажем ли мы, что наука о том, следует ли нам изучать какую-либо из этих наук или нет, также будет относящимся к этим наукам знанием?

Сократ м.л. Да, скажем.

Чужеземец. Однако мы скажем, что это знание будет отличным от тех?

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. Так как же: ни одна из этих наук не должна управлять другой? Или все они должны управлять этой отличной от них наукой? Или, наоборот, она должна быть распорядительницей и управительницей их всех? с

Сократ м.л. Она должна управлять остальными.

Чужеземец. Значит, ты считаешь, что та наука, которая указывает, надо ли обучаться, должна управлять у нас теми, которые обучают и направляют?

Сократ м.л. Конечно.

Чужеземец. И та наука, которая указывает, надо ли применять убеждение или нет, должна управлять той, что владеет убеждением?

Сократ м.л. Как же иначе?

d Чужеземец. Пусть так. Какой науке мы припишем уменье убеждать большинство, толпу не с помощью поучения, а путем воздействия на воображение⁴⁴?

Сократ м.л. Я думаю, ясно, что это надо отнести к ораторскому искусству.

Чужеземец. А в вопросе, нужно ли действовать по отношению к кому-то убеждением, силой или здесь вообще надо воздержаться от действий, — какой науке принадлежит решение?

Сократ м.л. Той, которая управляет наукой убеждения и речи.

Чужеземец. А это будет, думаю я, не иная какая-нибудь наука, но способность управлять государством.

e Сократ м.л. Ты прекрасно сказал.

Чужеземец. Как видно, ораторское искусство легко отделяется от политического в качестве иного вида, подчиненного этому.

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. А вот что следует думать о такой способности?..

Сократ м.л. О какой же?

Чужеземец. О той, которая определяет, как надо вести войну со всеми, с кем мы решили воевать: будет такая способность искусством или нет?

Сократ м.л. Как же можно не отнести к искусствам то, что рождается из всего военачальнического и воинского опыта?

Чужеземец. А науку, сведущую и умеющую дать совет относительно того, надо ли воевать или лучше покончить дело миром, будем мы считать отличной от этой способности или одинаковой с ней?

Сократ м. Следуя сказанному раньше, ее следует считать иной.

Чужеземец. Обозначим ли мы ее как управляющую названной ранее, если будем следовать прежнему нашему способу?

Сократ м. Полагаю, что да.

Чужеземец. Но какую же науку решимся мы назвать владычицей всего этого великолепного и огромного воинского искусства, кроме науки подлинно царской?

Сократ м. Кроме нее, нельзя назвать никакой.

Чужеземец. Значит, мы не признаем, что политическое искусство — это воинская наука, то есть наука подсобная?

Сократ м. Это невозможно.

Чужеземец. Давай же рассмотрим и умение судей, в справедливо творящих суд.

Сократ м. Конечно, рассмотрим и это.

Чужеземец. Итак, способно ли оно на что-нибудь большее, чем, приняв во внимание все взаимные обязательства, утвержденные в качестве законных царем-законодателем, судить, рассматривая, какие из них выполняются справедливо, а какие — несправедливо? Собственная же его добродетель проявляется в том, что ни ради даров, ни из страха или из сострадания, а также из вражды или дружбы оно не склоняется к нарушению распоряжений законодателя при разборе взаимных обвинений тяжущихся сторон.

Сократ м. Да, не иначе: деятельность этой способности заключена примерно в названных тобой границах.

Чужеземец. Итак, мы нашли, что мощь судейской власти — не царственная: власть эта — хранительница законов и служанка царской мощи.

Сократ м. Видимо, так.

Чужеземец. Следовательно, относительно всех перечисленных знаний надо заметить, что ни одно из них не оказалось искусством государственного управления. То искусство, которое действительно является царским, не должно само действовать, но должно управлять теми искусствами, которые предназначены для действия; ему ведомо начало и развитие важнейших дел в государстве, благоприятное и неблагоприятное для них время, и все прочие искусства должны исполнять его повеления.

d

Сократ м.л. Правильно.

Чужеземец. Поэтому те искусства, которые мы только что перечислили, не управляют ни друг другом, ни самими собой, но каждое из них занимается своими делами и согласно особенностям этих дел по справедливости носит соответствующее имя.

e

Сократ м.л. Видимо, так.

Чужеземец. Если же обозначить одним именем способность того искусства, которое правит всеми прочими и печется как о законах, так и вообще обо всех делах государства, правильно сплетая всё воедино, то мы по справедливости назовем его политическим.

Сократ м.л. Безусловно.

Чужеземец. Теперь, когда все виды его деятельности в государстве нам стали ясны, давай рассмотрим его по образцу ткацкого искусства.

306

Сократ м.л. Отлично!

Чужеземец. Итак, нам надо сказать о царском плетении, каково оно, каким образом сплетается и какая из него получается ткань.

Сократ м.л. Это ясно.

Чужеземец. Трудную же, кажется, вещь необходимо нам объяснить!

Сократ м.л. Во всяком случае это нужно сделать.

Чужеземец. Итак, часть добродетели некоторым образом отличается от всего вида в целом, хотя любители препираться относительно слов и сочтут это уязвимым с точки зрения большинства.

Сократ м.л. Я не понял тебя.

Чужеземец. Сейчас повторю. Ведь мужество, думаю я, ты считаешь одной из частей добродетели? b

Сократ м.л. Да, конечно.

Чужеземец. Однако рассудительность отлична от мужества, хотя и она есть часть добродетели.

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. Осмелимся же выдвинуть касательно того и другого некое странное положение.

Сократ м.л. Какое?

Чужеземец. Что во многих случаях они в каком-то смысле находятся в отношениях сильного взаимного противоречия и раздора.

Сократ м.л. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. Весьма необычное положение: ведь обыкновенно считается, что все части добродетели между собой в ладу. c

Сократ м.л. Да.

Чужеземец. Посмотрим же, приложив побольше внимания, так ли все просто обстоит на самом деле, или же есть здесь скорее нечто, находящееся в разладе с родственными частями?

Сократ м.л. Что ж, говори, как это надо рассматривать.

Чужеземец. Во всем вообще следует выделять то, что мы называем прекрасным, но при этом делим на два противоположных вида.

Сократ м.л. Скажи яснее.

Чужеземец. Не хвалил ли ты когда-нибудь сам или не слышал, как хвалят другие стремительность и живость, — касалось ли это движений тел, душ или голосов, как самих по себе так и их изображений, даваемых музыкой или живописью? d

Сократ м.л. Конечно. Как же иначе?

Чужеземец. Припоминаешь ли ты, как это делают в каждом из этих случаев?

Сократ м.л. Нет, совсем не помню.

е Чу же земец. Смогу ли я на словах объяснить тебе, как я это себе представляю?

Сократ м.л. Почему бы и нет?

Чу же земец. Тебе это кажется очень легким! Давай же рассмотрим все это в противоположных родах. Всякий раз, когда мы неоднократно восхищаемся живостью, напористостью и стремительностью мысли или тела, а также и голоса, мы, выражая свою похвалу, пользуемся одним-единственным словом — «мужество».

Сократ м.л. Как это?

Чу же земец. Мы говорим в этих случаях: «мужественно и стремительно», «живо и мужественно», а также «напористо и мужественно». И всякий раз, прилагая такое слово ко всем подобным натурам, мы произносим им похвалу.

307 Сократ м.л. Да.

Чу же земец. Далее. А вид спокойных проявлений разве не хвалим мы часто в самых различных случаях?

Сократ м.л. И даже очень.

Чу же земец. Говорим ли мы в этих случаях, что-то противоположное или то же самое?

Сократ м.л. Что ты хочешь этим сказать?

Чу же земец. А то, что, восхищаясь проявлениями мысли, мы называем их всякий раз спокойными и рассудительными; точно так же о действиях мы говорим, что они размеренны и мягки, о голосах — что они нежны и глубоки, а обо всяком вообще ритмическом движении и музыке — что они умеренно неторопливы: таким образом, мы прилагаем ко всему этому имя не мужества, а упорядоченности.

Сократ м.л. Сушая правда.

Чу же земец. А когда то и другое кажется нам неуместным, мы меняем наименования, выражая тем самым свое порицание.

Сократ м.л. Каким образом?

Чу же земец. Если что-то кажется нам происходящим живее и стремительнее, чем положено, или представляется более жестким, чем нужно, мы называем это заносчивым

и безумным; то же, что медленнее, тяжеловеснее и мягче должного, мы называем робким и неповоротливым. И почти всегда мы находим, что рассудительная натура и мужественная противоположны друг другу, как две враждующие между собой идеи, никогда не смешивающиеся между собой в соответствующих каждой из них делах, и, если мы посмотрим внимательнее, те, кто носит их в своих душах, испытывают между собой разлад.

Сократ м. Какого рода разлад?

Чужеземец. Во всем том, о чем мы сейчас говорим, а также, видимо, и во многом другом. Ведь, я думаю, одобряя то, что им сродно, как нечто им близкое, и порицая, напротив, то, что близко тем, кто от них отличается, они вступают в самые враждебные отношения — и касательно многих вещей — друг с другом.

Сократ м. Видимо, это так.

Чужеземец. А между тем подобный раздор этих двух видов — самое настоящее ребячество, которое в важных делах государства оборачивается зловреднейшим из недугов.

Сократ м. О чем ты говоришь?

Чужеземец. Я говорю обо всем ходе жизни. Ведь те, кто отличается упорядоченностью, всегда готовы жить мирно, занимаясь собственными делами и не вмешиваясь в чужие; таково же и их обращение со своими домочадцами и с другими городами: они всегда готовы поддерживать с ними мир. Из-за такой чрезмерной любви к покою и досугу они незаметно для самих себя становятся невоинственными и делают такими же своих юношей. Поэтому-то они всегда оказываются слабой стороной и часто незаметно для себя самих их дети и все их государство за несколько лет попадают в рабство.

Сократ м. Ты говоришь о тяжелой и страшной беде.

Чужеземец. А что же те, кто склоняется больше к мужеству? Разве бывает не так, что, постоянно вовлекая свои города в войны, они из-за чрезмерной страсти к подобного рода жизни навлекают на себя вражду многих могущественных людей и либо совсем губят свою родину, либо от-

дают ее в рабство и подчинение вражеским государствам?

б Сократ м.л. Бывает и так.

Чужеземец. Как же не сказать, что в подобных обстоятельствах оба этих рода оказываются между собой в отношениях великой вражды и разлада?

Сократ м.л. Иначе сказать нельзя.

Чужеземец. Итак, не обнаружили ли мы того, что искали с самого начала, а именно, что части добродетели немало различаются между собой по своей природе, а также и те, кто ими обладает?

Сократ м.л. Да, похоже, что это так.

Чужеземец. Присовокупим же сюда и следующее. . .

Сократ м.л. Что именно?

с Чужеземец. Разве какое-нибудь из связующих искусств, творя любое свое произведение, даже самое ничтожное, составляет его намеренно из негодных и добротных частей, или же, наоборот, всякое искусство по возможности отбрасывает все негодное, а берет полезное и нужное и уже из всего этого, сводя его воедино — будь все эти вещи между собой подобны или неподобны, — творит некую единую идею и силу?

Сократ м.л. Как же иначе?

д Чужеземец. Значит, и истинное по своей природе искусство государственного правления не станет намеренно составлять какое-либо государство из хороших людей и дурных, но, как это ясно, сначала испытает их словно шутя, а испытав, передаст на воспитание тем, кто способен воспитывать и содействовать подобному воспитанию, руководить же ими и направлять их будет само, подобно тому как ткацкое искусство руководит чесальниками и другими мастерами, подготавливающими все остальное, требующееся для тканья: оно будет указывать каждому из мастеров, какое надо выполнить дело, полезное для задуманной им ткани.

Сократ м.л. Да, безусловно.

Чужеземец. Точно таким же образом, кажется мне, и царское искусство, само владея способностью повелевать,

не допускает, чтобы приставленные к этому делу законом учителя и воспитатели, все до единого, воспитывали и упражняли характер, не соответствующий задуманной им смеси, но приказывает воспитывать лишь такой, смешанный нрав. А кто не способен одновременно стать причастным и разумному, и мужественному нраву, а также всему остальному, направленному к добродетели, но силой дурной природы отбрасывается ко всему кощунственному, к заносчивости и несправедливости, тех оно карает смертью, изгнанием и другими тяжелейшими карами. 309

Сократ м. Да, это считается правильным.

Чужеземец. Тех же, кто погрязает в невежестве и крайней низости, оно впрягает в рабское ярмо.

Сократ м. Совершенно верно.

Чужеземец. Из остальных же, чья природа способна под воздействием воспитания склониться к благородному началу и поддаться смешению, требуемому искусством, оно тех, кто более склонен к мужеству и по своей крепости почитается им подобными ткацкой основе, и других, кто склонен к порядку и потому используется им, — если продолжить уподобление, — в качестве похжей на утók пышной и мягкой пряжи (причем устремления тех и других прямо противоположны), старается каким-то способом связать и переплести. . . b

Сократ м. Каким же именно способом?

Чужеземец. Прежде всего оно соединяет между собой по родству вечную часть их душ божественной связью, а уж после того животную часть их душ — связью человеческой.

Сократ м. Что? Как ты говоришь? c

Чужеземец. Я говорю, что истинное мнение о прекрасном, справедливом и добром, а также обо всем противоположном, когда оно прочно, рождаясь в душах, образует нечто божественное в божественной же природе.

Сократ м. Так оно и подобает. d

Чужеземец. Мы знаем, что только политик и хороший законодатель способны с помощью музы царского ис-

кусства внушить истинное мнение тем, кто причастен правильному воспитанию, как мы сейчас говорили.

Сократ м.л. Это похоже на правду.

Чужеземец. Того же, кто в этом немощен, мы никогда не назовем тем именем, которое сейчас ищем.

Сократ м.л. Совершенно верно.

Чужеземец. Что же? Разве мужественная душа, приняв подобную истину, не станет более кроткой и причастной всему справедливому? А не приобщившись к ней, разве не отклонится она более в сторону звериной природы?

Сократ м.л. Как же иначе?

Чужеземец. А что будет с кроткой природой? Разве, восприняв подобные мнения, не станет она подлинно рассудительной и разумной, особенно в государственной жизни? А если она не приобщится к тому, о чем мы говорим, разве не приобретет она позорнейшую и справедливую славу глупости?

Сократ м.л. Несомненно.

Чужеземец. Итак, мы скажем, что эта связь и сплетение никогда не будут прочными и монолитными между злыми, а также между злыми и добрыми и что никакое знание нельзя серьезно использовать, когда речь идет о подобных людях.

310 Сократ м.л. Да. И как это сделать?!

Чужеземец. Прочными же они будут лишь в том случае, если будут даны законами только тем, кто воспитан с рождения согласно своей природе. Только для них будет действительно это средство царского искусства и только таким образом будет еще божественнее связь частей добродетели неподобных между собой душ, устремляющихся в противоположные стороны⁴⁵.

Сократ м.л. Сущая правда.

Чужеземец. Остальные же связи, человеческие, коль скоро эта, божественная, уже установлена, нетрудно уразуметь, а уразумевши — установить.

Сократ м.л. Как же? И о каких связях ты говоришь?

Чужеземец. О законах, касающихся общения между собой дочерей на выданье и сыновей, и особенно о выдаче замуж и женитьбах: ведь большинство людей неправильно соединяются для рождения детей.

Сократ мл. Как это?

Чужеземец. Погоня в таких делах за богатством и могущественным родством заслуживает ли серьезного порицания?

Сократ мл. Отнюдь.

Чужеземец. Скорее будет справедливым упрекнуть тех, кто в подобных делах хлопочет о происхождении — если они делают это неверно.

Сократ мл. Естественно.

Чужеземец. А ведь делают они это без достаточного основания, заботясь лишь о минутном покое, и потому выбирают себе подобных, тех же, кто на них непохож, отталивают, отмеривая им величайшую меру нерасположения.

Сократ мл. А именно?

Чужеземец. Те, кто отличается упорядоченностью, ищут нрав, подобный их собственному, и по возможности берут жен из таких же родов, а дочерей своих стараются выдать в такие семьи. То же самое делает мужественный род людей, когда гонится за своей собственной природой, в то время как оба рода должны были бы делать прямо противоположное⁴⁶.

Сократ мл. Как это? Да и ради чего?

Чужеземец. А потому, что мужество многих родов, не смешанное от рождения с благоразумной природой, сначала наливается силой, под конец же превращается в совершеннейшее безумие.

Сократ мл. Естественно.

Чужеземец. Душа же, чересчур исполненная скромности и не смешанная с дерзновенной отвагой, передаваясь из поколения в поколение, становится более вялой, чем следует, и в конце концов полностью впадает в уродство.

Сократ мл. И это, естественно, случается таким образом.

Чужеземец. Я сказал, что в правильных связях нет ничего невозможного, если только оба рода будут иметь одну заботу — о совершенстве. Это-то и есть целиком и полностью дело царского ткачества: оно ни в коем случае не должно допускать, чтобы рассудительные характеры отдалялись от мужественных, но должно сплетать их вместе

311 единомыслием и почестями, бесчестьем и славой, а также взаимной выдачей обязательств и, изготовляя таким образом мягкую и в то же время прочную ткань, всегда предоставлять государственные должности обоим этим родам совместно.

Сократ м.л. Как это?

Чужеземец. Если где-нибудь есть нужда в одном правителе, надо избрать такого распорядителя, чтобы он имел оба указанных качества; там же, где требуется много правителей, надо смешивать их между собой в равных количествах: ведь в высшей степени мягкому, справедливому и спасительному нраву благоразумных правителей недостает резкости, своего рода острой и действенной дерзновенности.

Сократ м.л. По-видимому, и это верно.

б Чужеземец. Мужественность же уступает в свою очередь справедливости и мягкости этих людей; зато она куда дерзновеннее в деле. И невозможно, чтобы в государствах все шло хорошо, если в них не будет того и другого рода.

Сократ м.л. Да, иначе не может быть.

с Чужеземец. Итак, вот что мы называем завершением государственной ткани: царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в государствах — свободных и рабов, держит их в своих узах и правит и распоряжается государством, никогда не упуская из виду ничего, что может сделать его, насколько это подобает, счастливым.

Сократ м.л. Превосходно изобразил ты нам, чужеземец, царственного мужа — политика⁴⁷.

ЗАКОНЫ

АФИНЯНИН, КЛИНИЙ, МЕГИЛЛ

КНИГА ПЕРВАЯ

Афинынин. Бог или кто из людей, чужеземец, был **624**
виновником вашего законодательства?

Клиний. Бог, чужеземец, бог, говоря по правде. У нас это Зевс, у лакедемонян же, откуда родом Мегилл, я полагаю, назовут Аполлона¹. Не так ли?

Мегилл. Да.

Афинынин. Неужели ты утверждаешь, согласно Го- **ь**
меру, что Минос каждые девять лет отправлялся для бесед к своему отцу и, сообразно его откровениям, устанавливал законы для ваших государств?²

Клиний. У нас в самом деле рассказывают это, а также и то, что брат Миноса Радамант — конечно, вам знако- **625**
мо это имя — был в высшей степени справедлив³. О нем мы, критяне, сказали бы, что он по праву заслужил эту похвалу своим тогдашним правосудием.

Афинынин. Прекрасная слава, вполне подобающая сыну Зевса. Так как вы оба, ты и Мегилл, воспитаны в покаящихся на законах правах, я надеюсь, что мы не без удовольствия совершим наш путь, беседуя о нынешнем государственном устройстве и о законах. Во всяком случае **ь**
дорога из Кноса к гроту и святилищу Зевса⁴, как мы слышали, длинная, и по пути, верно, встречаются тенистые места под высокими деревьями, где можно будет отдохнуть от этого зноя. В наши лета нам следует часто делать передышки в подобных местах и так без труда совершить весь путь, ободря друг друга речами.

Клиний. К тому же, чужеземец, когда мы немного
с пройдем вперед, нам встретятся в рощах удивительно вы-
сокие и красивые кипарисы, а также и луга, где мы сможем
передохнуть и побеседовать.

Афинянин. Ты прав.

Клиний. Да, но, когда мы их увидим, мы признаем это
еще более. Однако отправимся в добрый час!

Предварительные Афинянин. Да будет так! Скажи
проблемы. мне, с какой целью закон установил
Основной принцип у вас совместные трапезы, гимнасии⁵
законодательства и ваш способ вооружения?

d Клиний. Я думаю, чужеземец, всякий легко поймет
наши установления. Ведь вы видите природу местности все-
го Крита: это не равнина, как Фессалия⁶. Поэтому-то фес-
салийцы больше пользуются конями, мы же — пешими бе-
гами. Неровность местности более подходяща для упраж-
нения в пеших бегах; из-за нее и оружие по необходимо-
сти должно быть легким, чтобы не обременять при беге:
e для этого, по своей легкости, кажутся подходящими лук
и стрелы. Все это у нас приспособлено к войне, и законо-
датель, по-моему, установил все, принимая в соображение
именно войну; так он ввел сисситии, имея в виду, мне ка-
жется, что на время походов сами обстоятельства вынуж-
дают всех иметь общий стол — ради собственной своей без-
опасности. Он заметил, я думаю, неразумие большинства
людей, не понимающих, что у всех в течение жизни идет
непрерывная война со всеми государствами. Если же на
войне, во имя безопасности, следует иметь общий стол и
626 надо, чтобы стражами были какие-то начальники и их под-
чиненные, люди организованные, то именно так надо по-
ступать и в мирное время. Ибо то, что большинство людей
называют миром, есть только имя, на деле же от приро-
ды существует вечная непримиримая война между всеми
государствами⁷. Став на эту точку зрения, ты, пожалуй,
найдешь, что критский законодатель установил все наши
общественные и частные учреждения ради войны; он за-
поведал охранять законы именно согласно с этим, то есть
b

никакое достояние, никакое занятие, вообще ничто не принесет никому пользы, если не будет победы на войне: ибо все блага побежденных достаются победителю.

Афинянин. Мне кажется, чужеземец, ты прекрасно подготовлен, чтобы постичь критские законы. Но разъясни мне еще вот что: из данного тобой определения благоустроенного государства вытекает, насколько я могу судить, что его надо устроить так, чтобы оно побеждало на войне остальные государства. Не так ли?

Клиний. Конечно. Я думаю, и Мегилл того же мнения.

Мегилл. Как же иначе, мой друг, мог бы ответить тобой лакедемонянин?

Афинянин. Но это положение, верное для взаимоотношений государств, не может ли оказаться иным, когда речь пойдет об отношениях поселков?

Клиний. никоим образом.

Афинянин. Значит, оно одинаково верно в обоих случаях?

Клиний. Да.

Афинянин. Что же? Оно одинаково и в отношении к отношениям между двумя домами одного поселка, и между двумя людьми?

Клиний. Одинаково.

Афинянин. Должен ли думать каждый человек, что он сам себе враг или нет? Что сказать на это?

Клиний. Афинский чужеземец — я не хотел бы называть тебя «аттическим», так как, мне кажется, ты скорее достоин быть назван по имени богини⁸, — ты сделал яснее нашу беседу, правильно вернув ее к началу. Так тебе легче будет обнаружить правильность нашего нынешнего утверждения, что все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый с самим собой.

Афинянин. Что ты разумеешь, удивительный ты человек?

Клиний. И здесь тоже, чужеземец, победа над самим собой есть первая и наилучшая из побед. Быть же побежденным самим собой всего постыднее и хуже. Это и по-

казывает, что в каждом из нас происходит война с самим собой.

Афинянин. Давайте снова изменим течение нашей беседы. Так как каждый из нас либо сильнее самого себя, либо слабее, то станем ли мы утверждать то же самое по отношению к домам, поселкам, государствам или нет?

627 Клиний. Ты говоришь, что одни из них сильнее самих себя, другие — слабее?

Афинянин. Да.

Клиний. Ты правильно поставил вопрос, ибо это целиком и полностью приложимо и к государствам. О том государстве, где лучшие побеждают большинство худших, правильно было бы сказать, что оно одерживает победу над самим собой и в высшей степени справедливо заслуживает хвалы за эту победу; в противном же случае происходит противоположное.

б Афинянин. Однако оставим в стороне вопрос, может ли худшее оказаться сильнее лучшего (ведь это требует более длинного рассуждения). Теперь я понимаю твои слова: если несправедливые граждане, объединенные между собой родством, происходящие из одного и того же государства, сойдутся в большом количестве с целью насильно поработить не столь многочисленных справедливых граждан и если они одержат над теми верх, то правильно можно было бы сказать, что подобное государство ниже самого себя и что вместе с тем оно и порочно. Наоборот, где несправедливые терпят поражение, там государство сильнее и лучше.

с Клиний. Сказанное тобой, чужеземец, весьма необычно. Тем не менее совершенно необходимо это принять.

Афинянин. Конечно. Обсудим и следующее: может родиться много братьев, сыновей от одних и тех же отца и матери; однако не будет ничего удивительного, если большинство из них окажется несправедливыми и лишь меньшинство — справедливыми.

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Ни мне, ни вам не подобало бы гнаться за тем, чтобы всякий дом и всякая семья, где дурные люди

одерживают верх, считалась бы побежденной самой собой, в противном же случае — победившей. Ведь не ради благообразия или безобразия слов ведем мы это рассуждение сообразно с пониманием большинства людей, но рассуждаем о том, что в законах правильно по природе и что ошибочно. d

Клиний. Ты сказал, чужеземец, сущую правду.

Мегилл. Прекрасно. Я также присоединяюсь к только что сказанному.

Афинянин. Рассмотрим же еще вот что: не может ли оказаться кто-либо судьей над упомянутыми нами братьями?

Клиний. Конечно, может. e

Афинянин. Какой же судья будет лучше: тот ли, который погубит дурных из них и постановит, чтобы хорошие властвовали над собой сами, или тот, кто достойных заставит властвовать, худших же, оставив им жизнь, добровольно повиноваться? Представим себе еще третьего, состязющегося в умении, судью, который был бы таким, что, приняв подобную терзаемую раздорами семью, никого бы не погубил, но примирил бы их, установив на будущее время законы их взаимоотношений, и мог бы следить, чтобы они были друзьями. 628

Клиний. Подобный судья и законодатель был бы несравненно лучше.

Афинянин. Между тем он, давая им законы, имел бы в виду не войну, а как раз противоположное.

Клиний. Это правда.

Афинянин. А устроитель государства? Станет ли он устраивать жизнь, обращая больше внимания на внешнюю войну, чем на внутреннюю, называемую междоусобием? Последнее случается время от времени в государствах, хотя всякий очень хотел бы, чтобы междоусобия вовсе не было в его государстве, или, раз уж они возникли, то чтобы они как можно скорее прекратились. b

Клиний. Очевидно, устроитель государства будет иметь в виду именно междоусобия.

Афинянин. Что предпочитает всякий: то ли, чтобы в

случае междоусобия мир был достигнут путем гибели одних и победы других, или же, чтобы дружба и мир возникли вследствие примирения и чтобы все внимание было, таким образом, неизбежно обращено на внешних врагов?

c Клиний. Всякому хотелось бы, чтобы с его государством случилось последнее.

Афинянин. Не так ли и законодателю?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не правда ли, всякий стал бы устанавливать законы ради наилучшей цели?

Клиний. Без сомнения.

d Афинянин. А ведь самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникнет нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие. И победа государства над самим собой относится, конечно, не к области наилучшего, но к области необходимого. Это все равно как если бы кто стал считать наилучшим состоянием тела такое, когда оно страждет и ему достается в удел врачебное очищение, и не обратил бы внимания на тело, которое в этом совсем не нуждается. Точно так же не может стать настоящим государственным человеком тот, кто, имея в виду благополучие всего государства и частных лиц, будет прежде всего и только обращать внимание на внешние войны. Он не окажется и хорошим законодателем; разве только он станет устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных действий.

e Клиний. Кажется, чужеземец, это рассуждение правильно. Однако я удивляюсь, что наши, а также лакедемонские законоположения, столь тщательные, установлены
629 вовсе не ради этого.

Афинянин. Возможно. Но теперь не время нам их сурово оспаривать. Нам должно спокойно задавать им вопросы, так как и мы, и они относимся к этому с величайшей серьезностью. Следите, прошу вас, за моим рассуждением. Возьмем сперва Тиртея⁹, афинянина родом, но приобретшего права [лакедемонского] гражданства. Ведь среди всех
b он с особенным рвением относится к войне, говоря: «Ни во

что не считал бы и не помянул бы я мужа», даже если бы он был самым богатым из людей и обладал многими благами — здесь поэт перечисляет чуть ли не все блага, — если только он не будет всегда отличаться в военном деле. Эти стихи, конечно, слышал и ты, Клиний, Мегилл же, я думаю, прямо-таки ими пресыщен¹⁰.

Мегилл. Конечно.

Клиний. Да и к нам-то они перекочевали из Лакедемона.

Афинянин. Давайте же теперь все сообща спросим этого поэта примерно так: «О Тиртей, божественнейший из поэтов! Ты кажешься нам мудрым и благим за то, что ты отлично прославил отличившихся на войне. Мы — я, Мегилл и этот вот житель Кноса, Клиний — вполне, по-видимому, с тобой в этом согласны. Но нам хочется точно узнать, говорим ли мы о тех же самых лицах, что и ты, или нет. Итак, скажи нам: не правда ли, ты так же, как мы, ясно различаешь два вида войны? Или ты смотришь иначе?» На это, я думаю, даже тот, кто гораздо ниже Тиртея, ответит правду, то есть что есть два вида войны: первый вид, который мы все называем междоусобием, как мы только что сказали, самый тягостный; второй же, как все мы, думаю я, считаем, это война с внешними иноплеменными врагами, когда они нас тревожат; этот вид гораздо безобиднее первого.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. «Скажи-ка, каких людей и какой вид войны ты разумел, столь превознося, прославляя одних и порицая других? По-видимому, ты думал о внешней войне. По крайней мере ты сказал в своих стихах, что не выносишь тех, кто не отваживается “взирать на кровавое дело и не стремится с врагом в бой рукопашный вступить”¹¹. Разве мы не вправе после этого утверждать, что и ты, Тиртей, видимо, всего более прославляешь тех, кто отличился во внешней войне с иноземцами?» Пожалуй, он признается в этом и согласится с нами.

Клиний. Конечно.

630

Афинянин. Такие люди прекрасны, но гораздо лучше, добавим мы, те, кто отличился во втором, величайшем, виде войны. В свидетельство мы можем привести поэта Феогнида¹², гражданина сицилийских Мегар, который говорит:

Злата ценнее, о Кирн, серебра бесконечно дороже тот,
кто верным пребыл в междоусобной войне¹³.

в Мы утверждаем, что подобный человек во время более тяжкой войны несравненно лучше первого, чуть ли не настолько, насколько справедливость, рассудительность и разумность, соединенные с мужеством, лучше отдельно взятого мужества. Ибо во время междоусобий никак нельзя остаться верным и непоколебимым, не обладая всей добродетелью в совокупности. Между тем многие из наемников — большая их часть, за редчайшими исключениями, люди смелые, но несправедливые, наглые и чуть ли не самые неразумные из всех — готовы бодро идти сражаться и даже умереть в той войне, о которой говорит Тиртей.

с Но какова теперь цель этого нашего рассуждения, и что мы этим хотим разъяснить? Очевидно, что и здешний, критский законодатель, поставленный Зевсом, как и любой другой хоть на что-то годный, устанавливал законы, более всего имея в виду высшую добродетель. Эта высшая добродетель и заключается, по словам Феогнида, в сохранении верности среди опасностей: ее можно назвать совершенной справедливостью¹⁴. А та добродетель, которую всего более прославляет Тиртей, хотя и прекрасна, да, кстати, и украшена поэтом, однако самое правильное было бы поставить ее, в смысле силы и ценности, лишь на четвертое место¹⁵.

Клиний. Чужеземец, неужели мы поместим нашего устроителя среди законодателей второго сорта?

Афинянин. Не его, дорогой мой, но нас самих, если мы полагаем, будто Ликург и Минос установили все лакедемонские и здешние законы, имея в виду преимущественно войну.

Клиний. Но что же мы должны утверждать?

Афинянин. По-моему, истинно и справедливо утверждать, беседуя о божественном государстве, что устроитель, устанавливая в нем законы, имел в виду не одну часть добродетели, притом самую ничтожную, но всю добродетель в целом; сообразно с ее видами он и исследовал законы, а не так, как это делают нынешние законодатели, в первую очередь исследующие эти виды. Ведь теперь каждый исследует и устанавливает то, в чем у него в данное время нужда: один — законы о наследовании и дочерях-наследницах¹⁶, другой — об оскорблениях действием, третий — что-либо иное подобное и так до бесконечности. Мы же утверждаем, что правильный путь исследования законов есть тот, на который вступили мы. Я весьма восхищен твоей попыткой истолкования законов (ибо правильно начать именно с добродетели и утверждать, что ради нее-то и установил устроитель свои законы). Что же касается твоих слов, будто он законодательствовал, сообразуясь лишь с частью добродетели, и притом с самой малой, это показалось мне неверным, и потому-то я и предпринял все дальнейшее рассуждение. Хочешь, я скажу тебе, как мне было бы желательно, чтобы ты говорил, а я слушал?

Клиний. Конечно, чужеземец.

Афинянин. Надо было бы сказать так: «Критские законы, чужеземец, недаром особенно славятся среди эллинов. Они правильны, так как делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предоставляя им все блага. Есть два рода благ: одни человеческие, другие — божественные. Человеческие зависят от божественных. И если какое-либо государство получает большие блага, оно одновременно приобретает и меньшие, в противном же случае лишается и тех, и других. Меньшие блага — это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте — сила в беге и в остальных телесных движениях, на четвертом — богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же и главенствующее из божественных благ — это разумение; второе — сопутствующее разуму здоровое состояние

души; из их смешения с мужеством возникает третье благо — справедливость; четвертое благо — мужество. Все эти блага по своей природе стоят впереди тех, и законодателю следует ставить их в таком же порядке. Затем ему надлежит убедить сограждан, что все остальные предписания имеют в виду именно это, то есть земные блага обращены на божественные, а все божественные блага направлены к руководящему разуму. Законодателю следует позаботиться о браках, соединяющих людей, затем — о рождении детей и воспитании как мужчин, так и женщин, от ранних лет и до зрелых — вплоть до старости. Он должен заботиться о том, чтобы почет, как и лишение его, были справедливыми, наблюдать людей во всех их взаимоотношениях, интересоваться их скорбями и удовольствиями, а также всевозможными вожделениями, своевременно выражая им порицание и похвалу посредством самих законов. Равным образом о гневе и страхе, о душевных потрясениях, происходящих от счастья или несчастья, о том, как отвратить их, обо всех состояниях, которые бывают с людьми во время болезней, войны, бедности и при противоположных обстоятельствах, — всему этому законодателю следует и поучать граждан и определять, что хорошо и что дурно в каждом отдельном случае. Потом законодателю необходимо оберегать достояние граждан и их расходы и знать, в каком они положении; следить за всеми добровольными и недобровольными сообществами и их расторжениями и знать, насколько при этом выполняются взятые на себя взаимные обязательства. Законодатель должен наблюдать, где осуществляется справедливость, а где нет; он должен установить почести тем, кто послушен законам, а на ослушников налагать положенную кару, и так до тех пор, пока не изучит до конца всего государственного устройства, вплоть до того, каким образом должно в каждом отдельном случае погребать мертвых и какие уделять им почести. Обозрев все это, законодатель поставит надо всем этим стражей, из которых одни будут руководствоваться разумением, другие — истинным мнением, так, чтобы разум, связующий все

это, явил рассудительность и справедливость, вопреки богатству и честолюбию. Мне, чужеземцы, раньше да и по сей день желательно было, чтобы вы именно так разобрали, каким образом все это содержится в так называемых законах Зевса и Пифийского Аполлона, установленных Миносом и Ликургом, и каким путем все это получает известную стройность: для человека, сведущего в законах, благодаря ли искусству или какому-то навыку, это вполне очевидно, нам же, всем остальным, далеко не ясно».

Клиний. Как же должно излагать дальнейшее, чужеземец?

Афинянин. Мне думается, нам надо начать все сызнова, как мы и делали, и прежде всего разобрать обычаи, касающиеся мужества. Затем, если хотите, мы перейдем к другому виду добродетели, а потом — к третьему. Способ, которым мы станем разбирать первый вид добродетели, возьмем за образец и с его помощью попытаемся истолковать остальные ее виды, доставляя себе этим в пути утешение. Под конец же, если богу угодно, мы покажем, как все то, что мы теперь разобрали, относится к добродетели в целом.

Мегилл. Прекрасно сказано; прежде всего попытайтесь привлечь к суду Клиния, этого нашего хвалителя Зевса.

Афинянин. Попробую, а также тебя и себя самого. Ведь наше рассуждение общее. Итак, скажите, утверждаем ли мы, что совместные трапезы и гимнасии законодатель изобрел для войны?

Мегилл. Да.

Афинянин. Что же еще третье и четвертое? Ведь для обозначения частей добродетели — впрочем, их можно называть и иначе, лишь бы ясен был смысл, — нам, пожалуй, понадобится подобное перечисление.

Мегилл. Третьим я, да и любой лакедемонянин назвал бы охоту.

Афинянин. Попробуем, если только сможем, указать четвертое и пятое.

Мегилл. Я попытался бы поставить на четвертом ме-

сте выносливость в перенесении боли: это у нас часто бывает при рукопашной борьбе и при некоторых похищениях, сопровождающихся всякий раз большими побоями. Кроме того, подобную выносливость чудесно воспитывает и так называемая криптия¹⁷: с нею связано хождение зимой босиком, спать без постелей, обслуживание самого себя без помощи слуг, скитание ночью и днем по всей стране. Представляется случай проявить чрезвычайную выносливость и на наших гимнапедиях¹⁸, где приходится преодолевать силу зноя, да и очень многое другое, что перечислять было бы, пожалуй, бесконечно долго.

c Афинянин. Ты говоришь хорошо, лакедемонский гость! Но скажи мне, что будем мы считать мужеством? Лишь борьбу со страхом и страданием, или же и с тоской, с удовольствиями, с ужасными, обольстительными соблазнами, которые делают мягкими, точно воск, души даже и тех людей, что считают себя неприступными?

d Мегилл. Я думаю, что борьбу со всем этим. Афинянин. Припомним же предшествующие рассуждения. Клиний утверждал, что и государство, и отдельный человек могут быть ниже самих себя. Не так ли, кносский гость?

e Клиний. Разумеется, так. Афинянин. Теперь, кого мы назовем дурным: того ли, кто побежден страданиями, или скорее того, кто побежден удовольствиями?

634 Клиний. Мне кажется, последнего. Ведь все мы признаём, что тот, над кем властвуют удовольствия, оказывается ниже самого себя, и притом несравненно более постыдным образом, чем тот, кем владеет страдание.

Афинянин. Неужели же законодатели Зевса и Аполлона Пифийского своими законами требовали кривого мужества, способного сопротивляться лишь слева, а справа, по отношению к тонким обольщениям, бессильного? Или они требовали и того и другого?

Клиний. И того и другого, по-моему.

Афинянин. Не показать ли нам теперь, какие обы-

чаи в обоих ваших государствах хотя и позволяют не избегать удовольствий, как не избежнешь и страдания, однако умеряют их, принуждая и убеждая, при помощи наград, властвовать над ними? Где именно в законах содержатся те же постановления об удовольствиях, что и об огорчениях? Пусть будет указано, что делает у вас одних и тех же людей одинаково мужественными как по отношению к боли, так и по отношению к удовольствиям и заставляет их побеждать то, что следует побеждать, ничуть не подчиняясь самым близким и трудным врагам. b

Мегилл. Пожалуй, чужеземец, мне не удастся указать на значительные и ясные законы, касающиеся удовольствий, как я это мог сделать при наличии многих законов, противопоставленных скорби. Но быть может, я смогу указать на кое-какие мелкие узаконения. c

Клиний. Точно так же и я вряд ли смогу указать на что-либо подобное в критских законах.

Афинянин. В этом нет ничего удивительного, лучшие из чужеземцев! Однако не станем раздражаться, но отнесемся мягко друг к другу, если кто из нас, желая отыскать истину и высшее благо, подвергнет порицанию что-либо в законах родины.

Клиний. Ты прав, афинский гость! Надо тебя послушаться.

Афинянин. К тому же, это не подошло бы и к нашим летам, Клиний. d

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Надо было бы особо исследовать, правильно ли порицают государственный строй Лакедемона и Крита или же нет. А то, что говорит об этом большинство, я смог бы высказать и, пожалуй, в большей мере, чем вы. Ведь у вас — хотя вообще-то ваши законы составлены надлежащим образом — в особенности превосходен один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что в законах хорошо и что нет, и повелевающий всем единогласно и вполне единодушно соглашаться с тем, что в законах все хорошо, ибо они установлены богами; иные же утвержде- e

ния вовсе не следует допускать. Если у вас что-либо подобное придет в голову человеку старому, он может высказать свое мнение должностному лицу или человеку своих лет, но только не в присутствии юноши.

635 К л и н и й. Ты совершенно прав, чужеземец; мне кажется, ты, словно прорицатель, хорошо разгадал тогдашнее намерение законодателя — хотя ты и не был там — и верно его выразил.

А ф и н я н и н. Не правда ли, мы ничуть не погрешим против этого правила, если сами с собой, наедине, станем рассуждать именно об этом? Ведь законодатель позволил это людям нашего возраста, да и к тому же здесь нет молодых людей.

К л и н и й. Это правда. Поэтому смело укажи на слабые стороны наших законов. Ведь нет ничего бесчестного в познании плохого; наоборот, случается, что это служит к исцелению, если принимается благосклонно и без зависти.

б

А ф и н я н и н. Прекрасно. Однако я не стану порицать ваши законы, прежде чем по мере сил не рассмотрю их основательно. Я только выскажу свои недоумения. Ведь только у вас одних из всех эллинов и известных нам варваров законодатель постановил воздерживаться от величайших удовольствий и забав и не отведывать их. Относительно же страданий и страха он полагал именно так, как мы

с

только что разобрали: если человеку, с малолетства полнотью их избегавшему, придется столкнуться с неизбежными трудами, страхами и огорчениями, он будет обращен в бегство и поработен людьми, во всем этом искушенными. Я полагаю, то же самое мог думать этот законодатель и об удовольствиях. Он должен был сказать самому себе так: «Если граждане с малолетства будут у нас несведущи в самых больших удовольствиях, не станут упражняться в их преодолении, так, чтобы сладостное стремление к удовольствиям не могло побудить их к совершению позорных поступков, то с ними случится то же самое, что и с теми,

д

кто уступает страху. Иным, но еще более постыдным образом подчинятся они тем, кто умеет господствовать над

удовольствиями и приобрел потребные для этого навыки, несмотря на то, что иной раз это люди попросту скверные. Душа граждан станет в чем-то рабской и лишь отчасти свободной: они вообще не будут достойны называться свободными и мужественными людьми».

Итак, смотрите, одобряете ли вы до известной степени что-либо из только что сказанного? e

Клиний. Твои мысли казались нам убедительными, пока ты их излагал. Однако сразу поверить тебе в столь важных вопросах было бы достойно скорее неразумного юноши.

Афинянин. Клиний и лакедемонский гость! Если мы продолжим наш разбор в том порядке, какой мы предложили раньше, то есть если после мужества станем говорить о рассудительности, то какую разницу заметим мы между этими государствами и теми, что управляются кое-как? Ведь мы только что заметили разницу между ними в деле войны. 636

Мегилл. Это не так-то просто. Пожалуй, сисситии и гимнасии прекрасно изобретены для обеих этих добродетелей.

Афинянин. По-видимому, чужеземцы, трудно в вопросах государственного устройства установить и на деле, и на словах что-либо бесспорное. Кажется, это подобно тому, как для одного человеческого тела невозможно установить один какой-либо образ жизни, который не оказался бы отчасти для него вредным, отчасти полезным, хотя он один и тот же. Точно так же гимнасии и сисситии во многом приносят пользу государствам еще и поныне; однако в смысле междоусобий они вредны. Это явствует из поступков милетской, беотийской и фурийской молодежи¹⁹. К тому же, вероятно, эти учреждения извратили не только среди людей, но даже среди животных древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства, а также и те из остальных государств, где более всего привились гимнасии. Как бы ни смотреть на подобные вещи, шутливо ли b
c

или серьезно, приходится заметить, что наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущего за собой рождение, уделено нам от природы, соединение же мужчины с женщиной и женщины с женщиной — противостоит и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях²⁰. Мы все порицаем критян за то, что они выдумали миф о Ганимеде²¹. Так как они были убеждены, что их законы происходят от Зевса, они и сочинили о нем этот миф, чтобы, вслед за богом, срывать плоды и этого наслаждения. Однако распростимся с мифом. Когда люди исследуют законы, почти все рассмотрение вращается вокруг удовольствий и страданий как в государственной жизни, так и в частной. Природа предоставила течь этим двум потокам. Когда из них черпают откуда надо, когда надо и сколько надо, то счастливы одинаково и государство, и частные лица, и всякое живое существо; но когда это делают невежественно, да к тому же и не вовремя, таким людям выпадает на долю иная жизнь.

Мегила. Чужеземец! Хоть сказанное тобой в чем-то прекрасно, но мы вместе с тем потеряли дар слова. Что можно сказать на это? Мне все-таки кажется правильным, что лакедемонский законодатель повелевает избегать удовольствий. Что же касается кносских законов, то пусть придет им на помощь Клиний, если ему угодно. Мне кажется, спартанские постановления относительно удовольствий — лучшие в мире. Ибо наш закон изгоняет из пределов страны то, под влиянием чего люди более всего подпадают сильнейшим удовольствиям, бесчинствам и всяческому безрассудству. Ни в селениях, ни в горах, о которых пекутся спартиаты, ты не увидишь нигде пиршеств и того, что после них неудержимо влечет к удовольствиям всякого рода, и каждый, кто встретит пьяного гуляку, сейчас же налагает на него величайшее наказание, которое уж не снимут под предлогом Дионисийских празднеств²². А у нас видел я как-то повозки с такими гуляками, да и в Таранте у наших поселенцев видел я во время Дионисий весь город пьяным. У нас же ничего подобного не бывает.

Афинянин. Все это и тому подобное, лакедемонский гость, достойно похвалы, если только сопровождается известным самообладанием; где же царит распущенность, там это более нелепо. Впрочем, любой афинянин мог бы легко задеть тебя, указав на распущенность ваших женщин. Как в Таранте, так и у нас, и у вас все это может быть разрешено, мне кажется, одним словом: это не плохо, а правильно. Удивленному же чужеземцу, видящему необычное для себя зрелище, всякий может ответить: «Не удивляйся, чужеземец! Таков у нас закон. У вас, быть может, есть закон иной, но о том же самом». Дорогие друзья, речь идет у нас теперь не о прочих людях, но о добродетели и недостатках самих законодателей. Поэтому разберемся подробнее в вопросе об опьянении. Ведь это обычай немаловажный и требует для своего распознавания недюжинного законодателя. Я не говорю о том, надо ли вообще пить вино или нет, но только об опьянении: надо ли относиться к этому, как скифы, персы, карфагеняне, кельты, иберы, ракийцы — все это племена воинственные, — или же так, как вы? Как ты говоришь, вы от этого обычая воздерживаетесь полностью, скифы же и фракийцы употребляют вообще несмешанное вино²³ — как сами, так и их жены; они проливают его на свои одежды и считают этот обычай хорошим и счастливым. Персы широко пользуются этим обычаем, да и вообще всей остальной роскошью, которую вы отвергаете, но не так бесчинно, как те.

638

Мегилл. Бесценный мой, мы обращаем в бегство всех их, лишь только берем оружие в руки.

Афинянин. Дорогой мой, не говори так! Ведь сплошь и рядом причины бегства и преследования остаются, да и будут оставаться, невыясненными. Поэтому не стоит ссылаться на победу или поражение в битвах, точно они служат ясным, а не сомнительным показателем обычаев хороших и плохих. Ведь большие государства побеждают в сражениях и поработают меньшие, как, например, сиракузцы — локров (несмотря на то, что последние слывут за обладающих наилучшими в тех местах законами), афиняне —

6

кеосцев²⁴; можно было бы найти тысячи таких примеров. Поэтому отложим в сторону победы и поражения и попытаемся говорить о каждом обычае самом по себе, чтобы убедиться, что одно прекрасно, другое же плохо. Однако прежде всего выслушайте несколько слов, как, по моему мнению, надо рассматривать, что хорошо, а что нет в этих обычаях.

c Мегилл. Что ты сумеешь?

Афинянин. Мне кажется, все, кто готов сразу, лишь только услышит упоминание о каком-либо обычае, порицать его или хвалить, поступают совершенно не так, как надо. Это все равно как если бы кто, лишь только при нем похвалят пшеничный хлеб, стал бы тотчас же ругать хлеб, не допытываясь ни о производимом им действии, ни об его употреблении, а также не зная, каким образом, кому, с какой иной пищей и в каком состоянии надо его употреблять.

d Так же точно, кажется мне, поступаем мы теперь в наших рассуждениях. Услышав одно лишь упоминание об опьянении, одни тотчас стали его порицать, другие — хвалить; все это совершенно неуместно. Каждый из нас пытался это делать при помощи свидетелей и хвалителей. Одни из нас, опираясь на большинство, полагали, что высказывают господствующее мнение; другие основывались на том, что мы видим, как побеждают в сражениях те, кто не употребляет вина. Однако в свою очередь и это у нас осталось невыясненным.

e Если мы и каждое из остальных узаконений будем разбирать таким образом, то, по-моему, это будет неразумно. Я хочу говорить о том же самом, то есть об опьянении, но иным образом — тем, который мне кажется надлежащим, если только я смогу выяснить для нас правильный способ исследования всех подобных вопросов. К тому же по этому поводу сотни и тысячи племен находятся в разногласии с вашими двумя государствами и могли бы, пожалуй, словесно с вами сразиться.

Мегилл. Конечно, если есть какой-либо правильный путь для рассмотрения подобных вопросов, не надо мед-

639 лить с их обсуждением.

А финянин. Давайте рассмотрим это следующим образом: если бы кто стал хвалить разведение коз и само это животное как прекрасное приобретение, а другой, увидев, что козы пасутся на обработанной земле без пастуха и причиняют там вред, стал бы их ругать и порицать также всякое другое живое существо, не имеющее над собой начальника или имеющее его, но плохого, то, скажи, признали бы мы порицание подобного человека хоть сколько-нибудь здравым?

Мегилл. Конечно, нет.

А финянин. Можем ли мы считать начальника корабля пригодным, если он только обладает знанием морского дела, но еще неизвестно, подвержен ли он морской болезни **ь** или нет? Что скажешь на это?

Мегилл. Никким образом нельзя считать его пригодным, если он обладает кроме своего искусства еще и той слабостью, о которой ты говоришь.

А финянин. А начальник войска? Способен ли он начальствовать, если обладает знанием военного дела, но в то же время труслив и при опасностях, опьяненный страхом, страдает головокружением?

Мегилл. Как можно!

А финянин. Но если бы он и не обладал искусством и был бы к тому же трусом?

Мегилл. Ты говоришь о совершенно негодном человеке, начальнике не над мужчинами, а над какими-то бабами.

А финянин. Что же, если кто хвалит или порицает **с** какое-либо сообщество, которое по своей природе должно иметь начальника, чтобы быть полезным, и он никогда не видел правильного руководства и отношений в этом сообществе, но всегда наблюдал его либо в состоянии безначалия, либо с дурными начальниками? Признаем ли мы дельными похвалу или порицание со стороны подобных наблюдателей этих сообществ?

Мегилл. Как можно! Ведь они никогда не видели ни одного из этих сообществ в правильном действии и не были **д** к ним близки.

Афинянин. Так имей это в виду! Не признаем ли мы совместно пирующих и самые эти пиршества одним из видов многочисленных этих сообществ?

Мегилл. Вполне признаем.

Афинянин. Но разве кто видел когда-нибудь правильный порядок этих пиршеств? Вам-то легко ответить, что никогда и никто. Вам они чужды, у вас они не узаконены. Но я часто бывал на многих пиршествах да и, к слову сказать, много о них расспрашивал; и даже я никогда не видел и не слышал, чтобы какой-либо пир, весь целиком, прошел как следует, — разве только лишь в малой и незначительной своей части; в большинстве же случаев все совершается, так сказать, превратно.

Клиний. Что ты этим хочешь сказать, чужеземец? Выразись яснее! Ведь мы, как ты говоришь, даже если нам случится быть на пиру, вряд ли сможем, ввиду нашей 640 неопытности, сразу распознать, что происходит там надлежащим образом, а что — нет.

Афинянин. Естественно. Но попробуй понять это с помощью моих указаний. Ты понимаешь, что на всяких собраниях, во всяких обществах, каковы бы ни были их занятия, должен быть надлежащий начальник?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Мы сейчас сказали, что начальник над воинами должен быть мужествен.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Мужественный человек менее труса станет тревожиться под влиянием страхов. 645

Клиний. И это так.

Афинянин. Если было бы какое-то средство поставить во главе войска полководца, совершенно не подверженного страху и смятению, неужто мы не постарались бы изо всех сил сделать это?

Клиний. Постарались бы, и очень.

Афинянин. Теперь же у нас речь не о начальнике войска, место которого на войне, при враждебных столкнове-

ниях, но о начальнике дружелюбия и мирных взаимоотношений, наступающих между друзьями.

Клиний. Верно.

c

Афинянин. Подобного рода общение, особенно если ему сопутствует опьянение, не происходит без шума. Не так ли?

Клиний. Разумеется, так!

Афинянин. Стало быть, и здесь прежде всего должен быть начальник?

Клиний. Еще бы! Больше, чем где бы то ни было!

Афинянин. Не должно ли, если это возможно, поставить таким начальником человека, не склонного к шуму?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И очевидно, он должен разумно относиться к подобным собраниям. Ведь ему надо не только быть на страже присущей им дружбы, а еще и заботиться об ее укреплении через это общение.

d

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Не правда ли, надо ставить начальником над нетрезвыми человека трезвого, мудрого, а не наоборот. Ведь если над нетрезвым будет поставлен пьяный, юный, немудрый начальник, он лишь благодаря очень счастливой случайности не наделает страшных бед.

Клиний. Да, это было бы величайшим счастьем.

Афинянин. Если бы такого рода общения происходили в государствах по мере сил правильно, а кто-то стал бы порицать самый этот обычай, то, быть может, его порицание было бы обоснованно. Если же этот обычай ругают за полнейшее его извращение, то отсюда явствует, что не сознают, во-первых, прирожденной ему неправильности, а во-вторых, того, что все оказывается скверным, если происходит подобным образом, то есть без трезвого хозяина и распорядителя. Разве ты не замечаешь, что пьяный кормчий и вообще всякий нетрезвый начальник — чем бы он ни распоряжался, — опрокидывает вверх дном корабли, колесницы, войско, — все, чем он управляет.

e

641

Клиний. Ты молвил истинную правду, гость. Скажи нам еще, что хорошего принесет нам законное и правильное свершение пиров? Как мы сейчас сказали, если войско находится под правильным руководством, то, кто за таким военачальником следует, одерживает победу: а это немалое благо. Точно так же и в остальных случаях. Ну, а правильно поставленные пиршества — какие преимущества дадут они частным лицам или государствам?

Афинянин. А какие преимущества принесет, могли бы мы спросить, государству один правильно воспитанный мальчик или хорошо поставленный хор? На это мы ответили бы: от одного-то государство получило бы малую пользу. Но если вы спрашиваете вообще, какая выгода государству от воспитания тех, кто воспитан, то нетрудно ответить, что хорошо воспитанные дети легко станут хорошими людьми и, став такими, все остальное будут делать прекрасно, в том числе и побеждать в битвах врагов²⁵. Воспитание ведет и к победе, победа же иной раз — к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев из-за одержанных на войне побед, под влиянием этой наглости преисполнены множеством пороков. Воспитание никогда не оказывалось Кадмовым²⁶, победы же часто для людей бывают и будут такими.

Клиний. Как нам кажется, друг мой, ты утверждаешь, будто совместный досуг во время попок имеет большую долю в воспитании, если при этом все совершается правильно.

Афинянин. Так что же?

Клиний. А сможешь ли ты затем доказать истинность своего утверждения?

Афинянин. Доказать, чужеземец, что поистине дело обстоит именно так, мог бы, ввиду частых сомнений, один только бог. Но я охотно укажу, почему, как мне кажется, следует это утверждать. К тому же ведь мы приступили сейчас к рассуждению о законах и государственном устройстве.

Клиний. Именно твое мнение по вопросам, вызывающим ныне так много сомнений, мы и хотели бы знать.

Афинянин. Нам надлежит поступить так. Вы постарайтесь усвоить, а я попробую так или иначе разъяснить свою мысль. Сперва послушайте вот что: все эллины считают, что наше государство словоохотливо и многословно, что же касается Лакедемона, то он немногословен, а на Крите развивают скорее многомыслие, чем многословие²⁷. Я боюсь, как бы вы не подумали, что о предмете незначительном — об опьянении — я говорю много, распространяясь в 642
длиннейших рассуждениях о столь малозначительной вещи. Однако в рассуждении было бы невозможно с достаточной ясностью охватить вопрос о соотношении с природой исправления пиршеств, если не принять во внимание правильных основ мусического искусства²⁸. Равным образом и мусическое искусство нельзя понять без всего в совокупности воспитания. А все это требует длиннейших рассуждений. Решите же, как нам поступить: не оставить ли пока ь
этот вопрос и не перейти ли к рассмотрению какого-либо другого закона?

Мегилл. Чужеземец-афинянин! Ты, может быть, не знаешь, что наш отечественный очаг связан узами гостеприимства²⁹ с вашим государством. Пожалуй, у всех, кто в детстве слышит о том, что он гость такого-то государства, с ранних лет появляется чувство расположения к нему — своей второй родине, — такое же, какое испытываем мы, гости Афин. По крайней мере я испытываю это. Ведь с с
детства, если я слышал, как лакедемоняне за что-либо порицали или хвалили афинян, говоря: «Вот какое скверное по отношению к нам (или прекрасное) деяние совершило, Мегилл, это ваше государство», я постоянно спорил, защищая вас, с теми, кто вас порицал. Я всегда был расположен к афинянам, мне и посейчас приятны звуки вашего говора; мне кажется вполне правильным утверждение многих, что хорошие афиняне особенно хороши. Ибо только их добродетель возникает без принуждения, сама собой; божество д
уделяет им ее, так что в ней поистине нет ничего искусственного. Поэтому не бойся препятствий с моей стороны; выскажи все, что тебе дорого.

Клиний. Точно так же, чужеземец, прими и выслушай мое слово, а затем смело говори, что хочешь. Быть может, ты слышал здесь, на Крите, об Эпимениде³⁰, этом божественном муже. Он был наш сородич. За десять лет до персидских войн прибыл он в Афины и принес там, согласно прорицанию бога, предписанные богом жертвы. Как раз в то время афиняне опасались персидского нашествия. Он им предсказал, что персы придут не раньше чем через десять лет, а когда придут, будут отражены, вовсе не осуществив своих надежд и потерпев бедствий больше, чем причинив их. С тех пор наши предки заключили с вами союз гостеприимства; отсюда и вытекает мое к вам расположение, а также и моих родителей.

643 Афинянин. Вы, как я вижу, готовы меня слушать. С моей же стороны есть желание говорить, но исполнить его не так-то легко; однако попробуем. Прежде всего сообразно с ходом нашего рассуждения определим, что такое воспитание и какова его сила. Ведь мы согласились, что впредь в нашем рассуждении надо идти именно этим путем, пока он не приведет нас к богу вина.

б Клиний. Конечно, поступим так, если тебе это нравится.

Афинянин. Я буду разъяснять, что надо разуметь под воспитанием, а вы смотрите, согласны ли вы со мной.

Клиний. Говори же!

с Афинянин. Я говорю и утверждаю, что человек, желающий стать достойным в каком бы то ни было деле, должен с ранних лет упражняться, то забавляясь, то всерьез, во всем, что к этому относится. Например, кто хочет стать хорошим земледельцем или домостроителем, должны еще в играх либо обрабатывать землю, либо возводить какие-то детские сооружения. Их воспитатель должен каждому из них дать небольшие орудия — подражания настоящим. Точно так же пусть он сообщит им начатки необходимых знаний, например строителя пусть научит измерять и пользоваться правилом, воина — ездить верхом и так далее, все это путем игры. Пусть он пытается при помощи этих игр

направить вкусы и склонности детей к тому занятию, в котором они должны впоследствии достичь совершенства. Самым важным в обучении мы признаём надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен стать знатоком и достичь совершенства. Смотрите же, одобряете ли вы все до сих пор высказанное?

Клиний. Вполне.

Афинянин. Не оставим также без определения того, что мы разумеем под воспитанием. Ведь теперь, порицая или хваля воспитание отдельных лиц, мы называем одних из нас воспитанными, а других — нет, причем иной раз прилагаем это обозначение и к людям, вся воспитанность которых заключается в умении вести мелкую или морскую торговлю и в других подобных сноровках. В нашем рассуждении мы, очевидно, подразумеваем под воспитанием не это, а то, что с детства ведет к добродетели, заставляя человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться или же властвовать. Только это, кажется мне, можно признать воспитанием, согласно данному в нашей беседе определению. Воспитание же, имеющее своим предметом и целью деньги, могущество или какое-нибудь иное искусство, лишенное разума и справедливости, низко и неблагородно, да и вовсе недостойно носить это имя. Мы не станем спорить сами с собой о названиях. Пусть лишь останется в силе наше нынешнее рассуждение, в котором мы согласились, что люди, получившие правильное воспитание, становятся, пожалуй, хорошими, и нельзя недооценивать воспитанность, ибо она — самое прекрасное из того, что имеют лучшие люди. Если же воспитание отклонится от своего пути, но его можно выправить, всякий по мере сил должен это делать в течение всей своей жизни.

Клиний. Это верно. Мы согласны с твоими словами.

Афинянин. Еще раньше мы согласились, что те, кто может властвовать над собой, хороши, а кто нет, дурны.

Клиний. Ты вполне прав.

Афинянин. Давайте повторим яснее, что мы тогда
с сказали. Позвольте мне, с помощью уподобления, разъяснить вам это по мере сил.

Клиний. Пожалуйста.

Афинянин. Не признаем ли мы, что каждый из нас — это единое целое?

Клиний. Да.

Афинянин. Но каждый имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание.

Клиний. Так оно и есть.

d Афинянин. К ним присоединяются еще мнения относительно будущего, общее имя которым надежда. В частности, ожидание скорби называется страхом, ожидание удовольствия — отвагой. Над всем этим стоит разум, решающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона.

Клиний. Хотя я и с трудом за тобой поспеваю, все же считай, что я следую за тобой, и продолжай.

Мегилл. То же самое испытываю и я.

Афинянин. Об этом мы станем размышлять так: представим себе, что мы, живые существа, — это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью³¹: ведь это нам неизвестно; но мы знаем, что внутренние наши состояния, о которых мы говорили, точно шнурки или нити, тянут и влекут нас каждое в свою сторону и, так как они противоположны, увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока. Согласно нашему рассуждению, каждый должен постоянно следовать только одному из влечений, ни в чем от него не отклоняясь и оказывая противодействие остальным нитям, а это и есть златое и
e 645 священное руководство разума, называемое общим законом государства. Остальные нити — железные и грубые; только эта нить нежна, хотя она и золотая, остальные же подобны различным видам. Следует постоянно помогать прекраснейшему руководству закона. Ибо разум, будучи прекра-

сен, кроток и чужд насилия, нуждается в помощниках при своем руководстве, так, чтобы в нас золотой род побеждал остальные роды. Этот миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению добродетели; как-то яснее стало бы значение выражения «быть сильнее или слабее самого себя». Что же касается государства и частного человека, то этот последний принял бы за истину слово о руководящих нитях и счел бы нужным жить сообразно ему; государство же, приняв это слово от богов или же от познавшего все это человека, сделает его законом как для своих внутренних отношений, так и при сношениях с остальными государствами. Таким образом, порок и добродетель будут у нас яснее разграничены. Когда это станет нагляднее, то и воспитание и остальные обычаи станут, пожалуй, яснее, в том числе и вопрос о том, стоит ли проводить время, предаваясь вину. Раньше показалось, что по поводу столь незначительного предмета сказано было слишком много слов; теперь же может оказаться, что вопрос этот не так уж недостоин этих длинных рассуждений.

Клиний. Прекрасно сказано. Приведем наше рассуждение к достойному концу.

Афинянин. Итак, скажи: если мы предоставим подобной кукле опьяняться, в какое состояние мы ее приведем?

Клиний. Что ты имеешь в виду, спрашивая так?

Афинянин. Ничего, кроме следующего: что случится, если одно соединится с другим? Попытаюсь еще яснее выразить свою мысль. Я спрашиваю следующее: не делает ли питье вина более сильными удовольствия, страдания, гнев, любовь?

Клиний. И даже очень.

Афинянин. А наши ощущения, память, мнения, мысли? Становятся ли они точно так же сильнее, или же человек, предаваясь чрезмерному пьянству, совершенно лишается их?

Клиний. Совершенно лишается.

Афинянин. Не правда ли, такой человек возвращает-

ся к состоянию души, какое ему было свойственно в младенчестве?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И тогда он всего менее может собой владеть.

646 Клиний. Да, всего менее.

Афинянин. Но разве это будет не ничемнейший человек?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Так что, видимо, не одни только старики снова впадают в детство, но также и люди пьяные?

Клиний. Ты верно заметил, гость.

Афинянин. Есть ли доказательство, убеждающее нас, что надо отвратить этого обычая, а не избегать его по мере сил?

в

Клиний. Видимо, есть. По крайней мере ты утверждаешь это и даже был готов доказать.

Афинянин. Ты верно напомнил. Я готов и сейчас это сделать; ведь вы оба выразили живое желание меня слушать.

Клиний. Как же нам не желать? Если уж не ради чего иного, так ради удивительного и странного утверждения, будто человеку следует добровольно впасть в самое мерзкое состояние.

Афинянин. Ты разумеешь состояние души, не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Ну, а тело, мой друг? Удивимся ли мы, если кто по доброй воле опускается до негодности, худобы, срама, бессилия?

с

Клиний. Как не удивляться!

Афинянин. Так что же? Станем ли мы думать, будто те, кто обращается к врачам, не знают, что прием лекарств через короткое время сделает их тело надолго таким, что они согласились бы лучше умереть, если бы им предстояло до конца своих дней пребывать в подобном состоянии? И нам известно, что те, кто занимается тяжелыми гимнасти-

ческими упражнениями, становятся сперва точно больными.

Клиний. Мы все это знаем.

Афинянин. А также и то, что они добровольно идут на это ради последующей пользы?

Клиний. Конечно.

d

Афинянин. Но разве не надо и об остальных обычаях мыслить таким же образом?

Клиний. Да, надо.

Афинянин. В том числе и относительно того временипрепровождения, когда люди предаются вину, если мы только правильно рассмотрели приведенные примеры.

Клиний. Без сомнений.

Афинянин. Итак, если окажется, что вино по своей пользе ничуть не хуже телесных упражнений, то у него будет перед ними еще и то преимущество, что они вначале сопряжены с болью, оно же нет.

e

Клиний. В этом-то ты прав; но я был бы удивлен, если бы мы смогли усмотреть в нем какую-то пользу.

Афинянин. Вот это мы теперь и должны попытаться разъяснить. Скажи мне, можем ли мы мыслить два чуть ли не противоположных вида страха?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Следующие: мы боимся зол, ожидаемых нами.

Клиний. Да.

Афинянин. Боимся мы нередко и [чужого] мнения — как бы нас не сочли за дурных людей, если мы совершаем или говорим что-либо нехорошее. Этот вид страха мы — да, думаю, что и все, — называем стыдом.

647

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Вот о каких двух видах страха я говорил. Из них второй противоположен боли и остальным страхам; равным образом он противоположен и большинству величайших удовольствий.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Неужели же законодатель — да и всякий мало-мальски полезный человек — не станет благоговейнейшим образом чтить этот страх? И, назвав его совестью, не обозначит ли он противоположную ей отвагу как бесстыдство, которое он сочтет величайшим злом для всех как в частной, так и в общественной жизни?

б

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Не правда ли, ничто — если только мы станем сравнивать каждое в отдельности — не доставляет нам столько великих преимуществ, в том числе победы и спасения на войне, как именно этот вид страха. Ведь есть две причины победы: отвага перед неприятелем и страх злого стыда перед друзьями.

Клиний. Это так.

Афинянин. Следовательно, каждый из нас должен стать и бесстрашным, и вместе с тем подверженным страху. Мы уже разобрали, почему это так.

с

Клиний. Да, вполне.

Афинянин. Желая сделать каждого человека бесстрашным, мы достигнем этого, согласно с законом, тем, что поставим его лицом к лицу со множеством разных страхов.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Ну а если мы хотим вселить в кого-либо справедливый страх? Разве не столкнем мы его с бесстыдством для того, чтобы он наловчился побеждать свои удовольствия? А кто хочет достичь совершенства в мужестве, не должен ли бороться с присущей ему трусостью и не должен ли ее победить? Ведь тот, кто не упражнялся и неопытен в подобной борьбе — все равно, кто бы он ни был, — не станет по отношению к добродетели и наполовину тем, чем он должен бы стать. Кто же может стать вполне рассудительным, — тот ли, кто борется со множеством удовольствий и вожделений, увлекающих к бесстыдному, несправедливым поступкам, и побеждает их разумом, действием и искусством как во время развлечений, так и в серьезных делах, или же тот, кто вовсе не подвержен всему этому?

д

Клиний. Последнее маловероятно.

e

Афинянин. Так что же? Дал ли некий бог людям зелье, возбуждающее в них страх, и, чем больше кто станет его пить, тем несчастнее станет он себя считать с каждым глотком? Он будет страшиться и настоящего, и всего будущего, так что даже самый мужественный человек в конце концов будет охвачен ужасом; когда же он выспится и отрезвится, он снова становится самим собой.

648

Клиний. О каком напитке, принятом у людей, можем мы это утверждать, чужеземец?

Афинянин. Ни о каком. Но если бы такое средство откуда-нибудь взялось, разве не было бы оно полезно законодателю для испытания мужества? Мы могли бы в таком случае сказать ему, например, следующее: «Законодатель, дающий закон критянам или кому-то другому, не хотел бы ты иметь средство испытать своих граждан — их мужество и трусость?»

b

Клиний. Ясно: всякий скажет, что хотел бы.

Афинянин. «Далее. Хочешь ли ты испытать это средство осторожно и без больших опасностей или же наоборот?»

Клиний. И тут любой согласится, что лучше осторожно.

Афинянин. «Не воспользуешься ли ты этим напитком, чтобы, возбуждая страх и наблюдая, кто каким оказался в таком состоянии, принудить человека стать бесстрашным, прибегая к увещаниям, внушениям и поощрениям и покрывая бесчестьем того, кто тебя не послушается и не станет во всем таким, как ты приказал? Не отпустишь ли ты беспрепятственно того, кто хорошо и мужественно упражнялся, а тому, кто делал это плохо, не назначишь ли наказание? Или ты совсем не станешь пользоваться таким напитком, хотя нет никаких поводов его порицать?»

c

Клиний. Как же ему не пользоваться, чужеземец, этим напитком?

Афинянин. Это было бы, друг мой, легчайшим испытанием в сравнении с нынешними упражнениями в гим-

- d настике. Его можно всегда применить к отдельным лицам, к немногим и вообще к какому угодно числу людей. Если кто-либо из стыдливости считал бы, что не должно показываться, пока не усовершенствуешься, и стал бы наедине упражняться в борьбе со страхом, пользуясь вместо тысячи других средств только этим напитком, он поступил бы правильно. Кто верит самому себе, что он и природой, и своими заботами хорошо подготовлен, тот ничуть не побоится упражняться на виду, вместе со многими сотрапезниками.
- e Он поступит правильно, потому что преодолет и победит силу неизбежного действия напитка; ни в чем важном он не будет поколеблен непристойностью и вследствие своей добродетели ни в чем не изменится. Но пусть он остерегается излишеств в питье, боясь той победы, какую одерживает этот напиток над всеми людьми.

К л и н и й. Да, чужеземец, поступающий так выказал бы
649 свою рассудительность.

А ф и н я н и н. Скажем же снова законодателю вот что: «Да, о законодатель, ни бог не дал людям такого зелья для возбуждения страха, ни сами мы не изобрели его, — ибо здесь нет речи о магах на пиру. Но напиток, возбуждающий бесстрашие, чрезмерную отвагу, к тому же несвоевременную, недолжную, существует ли он? Или как мы скажем?»

К л и н и й. Существует, скажет он, имея в виду вино.

- б А ф и н я н и н. «Не есть ли этот напиток полная противоположность первому? Сперва он делает человека, который его пьет, снисходительным к самому себе; и чем больше он его отвеживает, тем большими исполняется надеждами на благо и на свою мнимую силу. В конце же концов он преисполняется словесной несдержанностью, точно он мудр, своеволием и всевозможным бесстрашием, так что, не задумываясь, говорит и делает все что угодно. С этим, я думаю, согласится всякий».

К л и н и й. Конечно.

- с А ф и н я н и н. Вспомним еще следующее. Мы сказали, что в наших душах должно воспитывать два чувства: пер-

вое — чувство чрезмерной отваги, второе, наоборот, — чрезмерного страха.

Клиний. Если не ошибаемся, это то, что ты назвал совестью.

Афинянин. Вы прекрасно помните. Так как мужество и бесстрашие должно развиваться среди страха, то спрашивается, не следует ли воспитывать противоположные качества среди того, что противоположно страху?

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Итак, по-видимому, в тех состояниях, испытывая которые мы по своей природе становимся смелыми и отважными, и надо упражняться, как можно d
мнее преисполняясь бесстыдством и дерзостью и боясь совершить, испытать или сказать что-либо постыдное.

Клиний. Похоже, что так.

Афинянин. Вот все, что делает нас такими: гнев, страсть, наглость, невежество, корыстолюбие, трусость. Кроме того, еще: богатство, красота, сила и все пьянящее наслаждением и делающее нас безрассудными. Можем ли e
мы назвать какое-нибудь другое удовольствие, кроме испытания вином и развлечениями, более приспособленное к тому, чтобы сперва только взять пробу, дешевую и безвредную, всех этих состояний, а уж затем чтобы в них упражняться? Конечно, при этом необходимы некоторые предосторожности.

Обсудим же, как лучше испытать сварливую и вялую душу, из которой рождаются тысячи несправедливостей: путем ли личных с ней общений, причем нам будет грозить опасность, или же путем наблюдений на празднестве 650
Дионисий? Чтобы испытать душу человека, побеждаемого любовными наслаждениями, вверим ли мы ему собственных дочерей, сыновей и жен, подвергая опасности самые дорогие для нас существа, только для рассмотрения склада его души? Приводя тысячи подобных примеров, можно было бы говорить бесконечно в пользу того, насколько лучше это безвредное распознавание во время забав. Мы полагаем, ни критяне, ни другой кто не могут сомневаться, что b

это весьма приличный способ испытать друг друга. К тому же он превосходит остальные способы испытаний своей дешевизной, безопасностью и быстротой.

К л и н и й. Это верно.

А ф и н я н и н. Распознавание же природы и свойств душ было бы одним из самых полезных средств для того искусства, которое о них печется. А мы, я полагаю, признаем, что это относится к искусству государственного правления. Не так ли?

К л и н и й. Несомненно.

КНИГА ВТОРАЯ

Мусическое
(хороводное)
воспитание
как необходимое
условие
истинного
законодательства

Афинянин. После этого надо, конечно, рассмотреть следующий вопрос: приносит ли правильно поставленное употребление вина на пиршествах только одно это благо, то есть возможность распознать природные качества человека, или же есть еще

652

одно великое преимущество, достойное всяческого усердия? Как мы скажем? Да, есть и еще одно преимущество; так, по-видимому, следует из нашего рассуждения. Но в чем оно состоит — вот что нам нужно рассмотреть со вниманием, чтобы не запутаться в этом вопросе.

в

Клиний. Итак, говори!

Афинянин. Я хочу вспомнить то, что ранее мы назвали правильным воспитанием. Ибо я догадываюсь, что своей жизнью упомянутое нами преимущество обязано этому правильно поставленному обычаю.

653

Клиний. Ты говоришь о чем-то очень важном.

Афинянин. Я утверждаю, что первые детские ощущения — это удовольствие и страдание, и благодаря им сперва и проявляются в душе добродетель и порок. Что же касается разума и прочных истинных мнений, то счастлив тот, в ком они проявляются хотя бы в старости. Ведь кто обладает ими и всеми зависящими от них благами, тот — совершенный человек. Я называю воспитанием добродетель, проявляющуюся первоначально в детях. Если удовольствие, чувство дружбы, скорбь и ненависть возникнут надлежащим образом в душах людей, еще не способных от-

в

несть к ним разумно, то впоследствии, получив эту способность, они станут согласовывать с разумом эти правильно полученные ими навыки. Эта-то согласованность и есть вся добродетель в совокупности. Ту же часть добродетели, которая касается удовольствия и страдания, которая надлежащим образом приучает ненавидеть от начала до конца то, что следует ненавидеть, и любить то, что следует любить, — эту часть можно выделить в рассуждении и не без основания, по-моему, назвать ее воспитанием.

К л и н и й. Думается, ты прав, чужеземец, в своих прежних и нынешних замечаниях относительно воспитания.

А ф и н я н и н. Прекрасно! Итак, верно направленные удовольствия и страдания составляют воспитание; однако в жизни людской они во многом ослабляются и извращаются. Поэтому боги, из сострадания к человеческому роду, рожденному для трудов, установили, взамен передышки от этих трудов, божественные празднества, даровали Муз, Аполлона, их предводителя, и Диониса¹ как участников этих празднеств, чтобы можно было исправлять недостатки воспитания на празднествах с помощью богов. Итак, повторяю, надо рассмотреть: истинно ли и согласно ли с природой наше нынешнее утверждение. Мы утверждали, что любое юное существо не может, так сказать, сохранять спокойствия ни в теле, ни в голосе, но всегда стремится двигаться и издавать звуки, так что молодые люди то прыгают и скачут, находя удовольствие, например, в плясках и играх, то кричат на все голоса. У остальных живых существ нет ощущения нестройности или стройности в движениях, носящей название гармонии и ритма. Те же самые боги, о которых мы сказали, что они дарованы нам как участники наших хороводов, дали нам чувство гармонии и ритма, сопряженное с удовольствием². При помощи этого чувства они движут нами и предводительствуют нашими хороводами, когда мы объединяемся в песнях и плясках. Хороводы были названы так из-за внутреннего сродства их со словом «радость» (*χαρά*)³.

Не согласимся ли мы прежде всего с этим и не устано-

вим ли, что первоначальное воспитание совершается через Аполлона и Муз? Как вам думается?

Клиний. Да, так.

Афинянин. Следовательно, мы скажем, что тот, кто не упражнялся в хороводах, человек невоспитанный, а кто достаточно в них упражнялся, тот воспитан.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Искусство хоровода в целом состоит из песен и плясок⁴.

Клиний. Несомненно.

Афинянин. Поэтому хорошо воспитанный человек должен уметь прекрасно петь и плясать.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Посмотрим же, что означают эти только что сказанные слова.

Клиний. Какие?

Афинянин. Он прекрасно поет, сказали мы, и прекрасно пляшет. Не добавим ли мы, что это лишь тогда будет прекрасно, если он поет и пляшет что-то прекрасное?

Клиний. Добавим.

Афинянин. А также и другое условие: он должен считать прекрасным то, что действительно прекрасно, и безобразным то, что действительно безобразно, и эти свои убеждения применять на деле. Не будет ли такой человек лучше воспитан в смысле мусического искусства и искусства хороводов, чем тот, кто не радуется прекрасному и не питает ненависти к дурному, хотя и умеет иной раз удачно служить телодвижениями и голосом тому, что он признает прекрасным? Верно, все-таки лучше тот, кто не слишком исправен в голосе и телодвижениях, но правильно руководится удовольствиями и скорбью и таким путем приветствует прекрасное и отвергает дурное?

Клиний. Между ними, чужеземец, большая разница в воспитании.

Афинянин. Не правда ли, если бы все трое узнали, что именно прекрасно в пении и пляске, мы надлежащим

образом отличили бы человека воспитанного от невоспитанного. Если же мы не будем этого знать, то вряд ли сможем распознать, что и как способствует сохранению воспитания. Не так ли?

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. И вот после этого нам, точно собакам-ищейкам, надо разыскать, что прекрасно в телодвижениях, пляске, напеве и песне. Если же это от нас ускользнет, все наше рассуждение о правильном воспитании, эллинском или варварском, будет впустую.

Клиний. Да.

Афинянин. Хорошо! Какие же телодвижения и напевы надо признать прекрасными? Скажи-ка: при одних и тех же, равно тяжелых, обстоятельствах схожими ли окажутся телодвижения и речи души мужественной и души трусливой?

Клиний. Как можно! Даже оттенок у них будет разный.

Афинянин. Отлично, друг мой! Ведь и в мусическом искусстве есть телодвижения и напевы. Но так как предметом этого искусства служат гармония и ритм, то оно может быть только ритмичным и гармоничным; поэтому совершенно неверно уподобление, которое делают учителя хоров, когда говорят о красочности напевов или телодвижений. Что же касается телодвижений и напевов человека трусливого или мужественного, то справедливо можно признать, что у мужественных они прекрасны, у трусливых — безобразны. Но чтобы не возникло у нас по этому поводу чрезмерного многословия, давайте просто признаем, что все телодвижения и напевы, выражающие душевную и телесную добродетель — ее самое или какое-либо ее подобие — прекрасны, а все те, что выражают порок, безобразны.

Клиний. Твое предложение правильно; именно так пусть и будет теперь постановлено нами.

Афинянин. Вот еще что: с одинаковой ли радостью мы все участвуем во всех хороводных плясках или же вовсе нет?

К л и н и й. С совершенно неодинаковой.

А ф и н я н и н. Что же, скажем мы, вводит нас в заблуждение? Разве не одно и то же прекрасно для всех нас или же, хотя на деле это так, но кажется нам, что не одно и то же? Никто не скажет, будто хороводы, выражающие порок, прекраснее хороводов, выражающих добродетель, и будто сам он радуется скверным телодвижениям, а остальные радуются какой-либо противоположной этому Музе. Впрочем, большинство утверждает, что степень получаемого душой удовольствия и служит признаком правильности мусического искусства. Однако такое утверждение неприемлемо и совсем нечестиво. Вот что, по-видимому, вводит нас в заблуждение. . .

К л и н и й. Что именно?

А ф и н я н и н. Ввиду того что все относящееся к искусству — это воспроизведение поведения людей при различных действиях, случаях и обычаях, так что путем подражания воспроизводятся все черты этого поведения, то естественно, что им радуются, их хвалят и признают прекрасными, конечно, те люди, с природой или с привычками которых — либо с тем и другим вместе — согласуются слова и напевы, сопровождающие хороводы. Те же, природе, нравам или привычкам которых эти пляски противоречат, не могут ни радоваться им, ни их хвалить, но признают их безобразными. Наконец, у тех, кто имеет хорошие природные свойства, но обычаи им противоположные или же, наоборот, обычаи правильные, а природные свойства негодные, похвалы, высказываемые вслух, противоречат испытываемому удовольствию. Так, они говорят, что иные хороводы дурны, хотя и доставляют удовольствие. Они стыдятся подобных телодвижений, стыдятся подобных песен перед людьми, которых они признают разумными, боясь, как бы не подумали, что они признают это прекрасным и потому так усердны; про себя же они всему этому радуются.

К л и н и й. Ты совершенно прав.

А ф и н я н и н. Не приносит ли это некоторого вреда тому, кто радуется безобразным телодвижениям и песням?

Напротив, не получают ли некоторой пользы те, кто находит удовольствие в противоположном?

Клиний. Вероятно.

- в Афинянин. Только ли вероятно или же необходимо должно случиться с таким человеком то же самое, что бывает с теми, кто постоянно общается с испорченными и злыми людьми? Он не отталкивает их, а, наоборот, радуется им, они ему приятны; если же он их порицает, то только в шутку, точно его собственная никчемность лишь сон. В этом случае радующийся неизбежно уподобляется тем, кому он радуется, хотя он и стыдится их хвалить. Разве можно назвать большее благо или зло, возникновение которого неизбежно?

Клиний. Мне кажется, нельзя.

- с Афинянин. Но там, где законы прекрасны или будут такими впоследствии, можно ли предположить, что всем людям, одаренным творческим даром, будет дана возможность в области мусического воспитания и игр⁵ учить тому, что по своему ритму, напеву, словам нравится самому поэту? Допустимо ли, чтобы мальчики и юноши, дети послушных закону граждан, подвергались случайному влиянию хороводов в деле добродетели и порока?

Клиний. Как можно! Это лишено разумного основания.

- д Афинянин. Однако в настоящее время именно это разрешается во всех государствах, кроме Египта.

Клиний. Какие же законы относительно этого существуют в Египте?

- е Афинянин. Даже слышать о них удивительно! Искони, видно, было признано египтянами то положение, которое мы сейчас высказали: в государствах у молодых людей должно войти в привычку занятие прекрасными телодвижениями и прекрасными песнями. Установив, что прекрасно, египтяне объявили об этом на священных празднествах и никому — ни живописцам, ни другому кому-то, кто создает всевозможные изображения, ни вообще тем, кто занят мусическими искусствами, не дозволено было вводить

новшества и измышлять что-либо иное, не отечественное. Не допускается это и теперь. Так что если ты обратишь внимание, то найдешь, что произведения живописи или ва- яния, сделанные там десять тысяч лет назад⁶ — и это не для красного словца десять тысяч лет, а действительно так, — ничем не прекраснее и не безобразнее нынешних творений, потому что и те и другие исполнены при помощи одного и **657** того же искусства.

Клиний. Это удивительно!

Афинянин. Да, в высшей степени мудрый закон для государства. В другом ты сможешь найти там и кое-что неудачное. Но это постановление относительно мусического искусства верно. Заслуживает внимания, что оказалось возможным и в таком деле установить, путем твердых законов, бодрящие песни, по своей природе ведущие к надлежащему. Это должно было быть делом бога или какого-либо божественного человека. Недаром египтяне утверждают, что песни эти, сохраняющиеся в течение столь долгого времени, творение Исиды⁷. Как я уже сказал, если бы кто смог так или иначе схватить то, что в произведениях искусства есть надлежащего, ему надо было бы смело установить это как правило и закон. Ведь стремление к удовольствию или страданию, выражающееся в мусическом искусстве в поисках нового, не настолько, пожалуй, сильно, чтобы сгубить древние священные хороводы под предлогом, будто они устарели. По крайней мере в Египте это вовсе не могло случиться; совсем напротив.

Клиний. Из нынешних твоих слов ясно, что это действительно так. **с**

Афинянин. Отважимся же сказать, что применение мусического искусства и игр, сопряженных с плясками, правильно в том случае, если мы радуемся, когда поступаем хорошо, и, наоборот, когда радуемся, это значит, что мы хорошо поступаем. Не правда ли?

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. И в то время, когда мы радуемся, мы не можем сохранять спокойствие?

Клиний. Это так.

d Афинянин. Наша молодежь и сама по себе готова водить хороводы, мы же, старшие, считаем более приличным коротать время, глядя на них, радуясь их праздничным играм. Мы тоскуем по былой нашей ловкости, покинувшей нас теперь, и охотно устраиваем состязания для тех, кто всего более может пробудить в нас воспоминание о нашей молодости.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Станем ли мы считать сущим вздором высказываемое в наше время большинством мнение об участниках празднеств, гласящее, что надо считать самым мудрым и признать победителем того, кто всего более развеселит нас и заставит радоваться? На празднествах мы предаемся играм; поэтому будто бы должно всего более почитать тех, кто сильнее развеселит большинство людей. Такой человек, как я только что сказал, должен будто бы получить победный приз. Разве неверно это мнение, разве неправильно было бы поступать именно так?

Клиний. Возможно, и правильно.

Афинянин. Но, дорогой мой, не станем поспешно судить о столь важном деле. Разберемся в нем и по частям обсудим его таким образом: если бы вдруг кто-нибудь попросту установил какое-либо состязание, не определив, будет ли оно гимнастическим, конным или мусическим; если бы он собрал всех находящихся в государстве, установил награды и сказал перед началом, что всякий желающий может выступить на этом состязании и цель этого состязания заключается только в том, чтобы доставить удовольствие, так что тот, кто всего более усладит зрителей (хоть и неясно, каким именно образом), этим-то и одержит победу и будет признан самым приятным участником состязания, — к чему привело бы подобное предисловие?

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Возможно, что один выступит с рапсодией⁸, как Гомер, другой — с песнями под кифару, третий — с какой-либо трагедией, четвертый — с комедией, и нет ниче

го удивительного, если кто выступит с кукольным театром и станет считать, что у него всего более данных для победы. И вот, если явятся такие состязающиеся и тысячи других им подобных, можем ли мы сказать, кому достанется по праву победа?

Клиний. Странный вопрос! Кто может тебе на него ответить со знанием дела, прежде чем он выслушает сам каждого из состязающихся?

Афинянин. А хотите, я отвечу на этот странный вопрос?

Клиний. Как?

Афинянин. Если бы судили малыши, они высказались бы в пользу кукольника. Не так ли? d

Клиний. Да.

Афинянин. Если бы судили подростки, то в пользу комедии; в пользу трагедии — образованные женщины, молодые люди и, пожалуй, чуть ли не большинство зрителей.

Клиний. Весьма возможно.

Афинянин. Мы же, старики, скорее всего присудили бы победу рапсоду, хорошо прочитавшему «Илиаду» или «Одиссею» или что-либо из Гесиода; ведь нам он доставит всего более удовольствия. Вот после этого и является вопрос: кто же на самом деле победитель? Правда ведь?

Клиний. Да.

Афинянин. Очевидно, мы с вами неизбежно скажем, e что на самом деле победил тот, кто признан людьми нашего возраста. Ведь наш образ мыслей кажется наилучшим из всех, встречающихся ныне повсюду в различных государствах.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Соответственно я соглашаюсь и с большинством, по крайней мере в том, что мерило мусического искусства — удовольствие. Однако прекраснейшей я признаю ту Музу, что доставляет наслаждение не первым встречным, но людям наилучшим, получившим достаточно хорошее воспитание; в особенности же ту Музу, которая доставляет его человеку, выделяющемуся своей добродетелью

и воспитанием. Мы потому утверждаем необходимость добродетели для тех, кто судит об этих вопросах, что им нужно быть причастными ко всей остальной разумности, особенно к мужеству. Ибо истинный судья не должен судить под влиянием театральных зрителей, не должен быть ошеломлен шумом толпы и своей собственной невоспитанностью. Человек сведущий не должен из-за недостатка мужества, из-за трусости легкомысленно произносить ложное суждение теми же устами, которыми призывал он богов пред началом суда. Ведь судья восседает в театре не как ученик зрителей, но, по справедливости, как их учитель, чтобы оказывать противодействие тем, кто доставляет зрителям неподобающее и ненадлежащее удовольствие. Именно таков был старинный эллинский закон. Он не был таким, как нынешние сицилийские и италийские законы, предоставляющие решение толпе зрителей, так что победителем является тот, за кого всего больше было поднято рук. Этот закон погубил и самих поэтов, ибо они в своем творчестве стали приноравливаться к дурному вкусу своих судей, так что зрители воспитывают сами себя. Он извратил и удовольствие, доставляемое театром, ибо следовало, чтобы зрители усовершенствовали свой вкус, постоянно слыша о нравах лучших, чем у них самих. Теперь же дело обстоит как раз наоборот. Однако что мы имеем в виду при наших нынешних рассуждениях? Посмотрите, не это ли?

d Клиний. Что?

Афинянин. Мне кажется, наше рассуждение в третий или четвертый раз приходит к одному и тому же: воспитание есть привлечение и приведение детей к такому образу мыслей, который признан законом правильным и в действительной правильности которого убедились к тому же на опыте люди самые почтенные и престарелые. И вот, чтобы душа ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону и людям, ему послушным, и чтобы ребенок следовал в своих радостях и скорбях тому же самому, что и старик, и были выработаны песни. Мы их так называем; на самом же деле это заклинания, зачаровывающие душу; они

имеют серьезную цель — достичь гармонии, о которой мы говорили. А так как души молодых людей не могут выносить серьезного, то их и надо было назвать забавой, песнями и исполнять их только в качестве таковых: ведь людям больным и слабым телом ухаживающие за ними стараются подносить полезную пищу, в сладких блюдах или напитках, а вредные средства — в несладких, чтобы больные правильно приучались любить первые и ненавидеть вторые⁹. Точно так же хороший законодатель будет убеждать поэта прекрасными речами и поощрениями; в случае же неповиновения он уже станет принуждать его творить надлежащим образом, изображая в ритмах телодвижения, а в гармониях — песни людей рассудительных, мужественных и во всех отношениях хороших.

К л и н и й. Клянусь Зевсом, чужеземец, неужели ты думаешь, будто так поступают теперь в остальных государствах? Я по крайней мере, насколько мог заметить, не вижу, чтобы то, что ты говоришь, соблюдалось где-либо, кроме как у нас и у лакедемонян. Наоборот, постоянно возникают новшества и в плясках, и во всем прочем мусическом искусстве. Эти изменения происходят не по закону, а под влиянием каких-то беспорядочных удовольствий, которые далеко не таковы, как в Египте, и следуют совсем не тем обычаям, какие, по твоим словам, приняты там.

А ф и н и н и н. Совершенно верно, Клиний. Если же тебе показалось, будто я сказал, что уже теперь осуществлено то, о чем ты говоришь, то, видно — и это не удивительно, — я допустил неясность в выражении моей мысли, и потому она была так понята. Я высказал только свои пожелания об осуществлении в мусическом искусстве известных вещей, а тебе, вероятно, показалось, будто я говорю о том, что уже существует. Осуждать неисцелимые обыкновения, далеко зашедшие в своих заблуждениях, вовсе не сладко, однако иногда это неизбежно. Если и ты согласен с этим, то скажи: у вас и у лакедемонян эти обычаи соблюдаются лучше, чем у прочих эллинов?

К л и н и й. Как же иначе?

Афинянин. Если бы они соблюдались и у остальных, то не признали бы мы такое положение вещей лучшим, чем нынешнее?

Клиний. Было бы несравненно лучше, если бы осуществилось это твое пожелание и эти обычаи соблюдались не только у нас и у лакедемонян.

Афинянин. Давайте же сделаем общее заключение. Не сводятся ли правила всего вашего воспитания и мусического искусства к следующему: вы принуждаете поэтов говорить, что хороший человек, будучи рассудительным и справедливым, счастлив и блажен, все равно велик ли он и силен или же мал и слаб и богат ли он или нет. Если он богаче Кинира и Мидаса¹⁰, но несправедлив, то он несчастлив и жизнь его докучна. «Ни во что не считал бы, — говорит наш поэт (и, видно, он прав), — и не помянул бы я мужа», который не имеет и не осуществляет на деле всех так называемых благ, руководствуясь справедливостью. Хотя бы «и устремлялся» такой человек «в бой рукопашный вступить», однако, будучи несправедливым, он не осмелится «взирать на кровавое дело» и не будет в беге «быстрее, чем фракийский Борей»¹¹. Такому человеку никогда и ничего из этих благ не достанется. Впрочем, то, что большинство называет благом, называется так неверно. Ведь говорят обычно, будто самое лучшее — это здоровье, во-вторых, красота, в-третьих, богатство; называют и тысячи других благ, например острое зрение и слух и вообще хорошее состояние органов чувств. Сюда же относят возможность исполнять все свои желания в случае обладания тиранической властью. Наконец, верхом всякого блаженства, при обладании всем этим, считается возможность стать поскорее бессмертным. Мы же с вами утверждаем, что для людей справедливых и благочестивых все это действительно наилучшие достоинства, но для несправедливых все это начиная со здоровья наихудшее зло. Да и зрение, слух, чувства, вообще вся жизнь — величайшее зло для такого человека, хотя бы он обладал вечным бессмертием и приобрел все так называемые блага, кроме справедливости и всей добродетели в

целом. Меньшее зло, если такой человек проживет возможно более короткое время. Я думаю, вы убедите и принудите ваших поэтов выражать все это: подобрав соответствующие ритмы и гармонию, они именно таким образом должны воспитывать вашу молодежь. Не так ли? Смотрите, я определенно утверждаю: то, что называют злом, есть благо для людей несправедливых, а для справедливых — зло. Благо же для людей благих на самом деле благо, для злых — зло. Поэтому я и задаю вопрос: согласны ли вы со мной или нет?

Клиний. Мне кажется, кое в чем — да, но в ином — нет.

Афинянин. Неужели же я не убедил вас, что человек, обладающий здоровьем, богатством, наконец, тиранической властью (прибавлю еще для вас: у него выдающаяся сила, мужество и вместе с тем бессмертие, с ним не случается ни одного из так называемых бедствий, кроме только того, что он исполнен несправедливости и наглости), — что человек, живущий таким образом, вовсе не счастлив, а, напротив, жалок?

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Прекрасно. О чем же нам говорить после этого? Разве вам не кажется, что жизнь человека несправедливого и наглого неизбежно позорна, будь он и мужествен, и силен, и красив, и богат, и делай в течение всей своей жизни все, что он хочет? С тем, что она позорна, вы, пожалуй, все-таки согласитесь?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Что же? И с тем, что она плоха?

Клиний. С этим не в такой степени.

Афинянин. Почему? А с тем, что она неприятна и вредна для него самого?

Клиний. Но как можно с этим согласиться?!

Афинянин. По-видимому, лишь в том случае, если какой-либо бог дарует нам, друзья, согласие; ведь теперь-то у нас порядочная разногласица. Мне же, друг Клиний, все это кажется более необходимым и очевидным, чем то, что Крит — остров. Будь я законодатель, я попытался бы при-

нудить поэтов и вообще всех в государстве высказываться именно так; чуть ли не самое большое наказание назначил бы я тому, кто стал бы в стране выражать мнение, будто существуют какие-то люди, жизнь которых приятна, хотя они и дурны, и будто полезным и выгодным является одно, а справедливым — другое. Я стал бы убеждать моих граждан выражать и много других мнений, по-видимому, противоположных взглядам нынешних критян и лакедемонян, да и отличающихся от взглядов прочих людей. Скажите-ка вы, лучшие из людей, ради Зевса и Аполлона, не спросить ли нам самих этих богов, давших вам законы: не есть ли жизнь в высшей степени справедливая вместе с тем и в высшей степени приятная или же есть два рода жизни: один — в высшей степени приятный, другой — в высшей степени справедливый? Если боги ответят, что есть два рода, мы, пожалуй, спросили бы (надо только правильно ставить вопросы): кого следует называть более счастливыми — тех ли, кто ведет самую справедливую жизнь, или тех, кто ведет самую приятную? Если боги ответили бы, что последних, слово их прозвучало бы странно. Но не хочу говорить таких вещей о богах; скорее скажу его о наших отцах и законодателях. Пусть поставленный раньше вопрос относится к отцу и к законодателю. Предположим, он ответит, что человек, ведущий самую приятную жизнь, всего более счастлив. Я по крайней мере после этого спросил бы его: «Отец мой, разве ты не хотел бы, чтобы я жил возможно более счастливо? Между тем ты непрестанно внушал мне, что надо вести жизнь по возможности более справедливую. Кто изложил бы так свои правила — все равно, законодатель он или отец, — тот оказался бы, думаю я, в странном и затруднительном положении с точки зрения согласованности своих слов. Если же, напротив, он объявил бы, что наиболее справедливая жизнь и есть самая счастливая, то, думаю, всякий внимающий его словам стал бы исследовать, что именно прекрасного и благого оказывается в человеке сильнее удовольствия и одобряется в качестве такового законом. Что, лишенное удовольствия, может явиться для

человека справедливого благом? Скажи-ка, неужели слава и хвала со стороны людей и богов, хотя они и есть нечто благое и прекрасное, все же неприятны, а бесславие — наоборот? Конечно, нет, дорогой мой законодатель, — скажем мы. — Неужели неприятно никого не обижать и не быть никем обиженным, хотя это-то и есть нечто благое и прекрасное, и неужели же иное приятно, несмотря на то, что оно позорно и дурно?»

Клиний. И что же?

Афинянин. Итак, учение, не отделяющее приятного от справедливого, благого и прекрасного, имеет по крайней мере то преимущество, что убеждает каждого человека желать благочестивой и справедливой жизни. Если законодатель станет утверждать, что это не так, то слова его будут в высшей степени позорны и противоречивы. Ведь никто не дал бы себя убедить добровольно исполнять то, что не влечет за собой больше радости, чем страдания. То, на что смотрят издали, причиняет, так сказать, головокружение всем, а особенно детям. Законодатель же, по-моему, разогнав эту дымку, должен создать у других ясное мнение. Он должен убеждать с помощью всяких навыков, похвал и рассуждений, что справедливость и несправедливость — точно свет и тень на картине; несправедливость противоположна справедливости, и, когда смотришь на нее с ее собственной точки зрения, несправедливой и дурной, она кажется приятной, а справедливость — в высшей степени неприятной; если же смотреть с точки зрения справедливости, то все выходит как раз наоборот.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Какую из этих двух точек зрения признаем мы более значительной в смысле истинности суждения? Точку ли зрения худшей души или же лучшей?

Клиний. Необходимо признать, что лучшей.

Афинянин. Значит, необходимо признать и то, что несправедливая жизнь не только более позорна и скверна, но и поистине более неприятна, чем жизнь справедливая и благочестивая.

Клиний. По крайней мере, мой друг, так вытекает из нашего рассуждения.

Афинянин. Но если бы даже это было не так — а возможность этого показало наше нынешнее рассуждение, — то законодатель, хоть сколько-нибудь полезный, дерзнул бы употребить ложь по отношению к молодым людям ради их же блага. А разве смог бы он найти ложь более полезную, чем эту, для того, чтобы заставить добровольно, а не по принуждению поступать во всем справедливо?

Клиний. Истина прекрасна, чужеземец, и пребывает незыблемой, но убедить в ней, видимо, нелегко.

Афинянин. Допустим. Однако оказалось легким делом заставить поверить сказке про сидонца, хотя она столь невероятна, да и тысяче других.

664 Клиний. Какой сказке?

Афинянин. О том, как из посеянных зубов родились вооруженные люди¹². Для законодателя это великий пример, что можно убедить души молодых людей в чем угодно. Поэтому ни о чем другом он так не должен заботиться, как о том, чтобы разыскать все то, уверенность в чем доставит государству величайшее благо. Законодатель должен найти всевозможные средства, чтобы узнать, каким образом можно заставить всех живущих совместно людей постоянно, всю свою жизнь выражать как можно более одинаковые взгляды относительно этих предметов как в песнях, так и в сказаниях и рассуждениях. Если вы придерживаетесь иного мнения, чем я, то ничто не препятствует подвергнуть обсуждению спорный вопрос.

Клиний. Мне кажется, ни один из нас не может спорить с этими положениями.

Афинянин. Следовательно, мое дело говорить о дальнейшем. Я утверждаю, что все три существующих хоророда должны петь песни, очаровывающие молодые, еще нежные души детей. В этих песнях надо высказывать все то прекрасное, что мы изложили и еще, пожалуй, изложим. Но главным пусть будет следующее: наилучшая жизнь признается богами наиприятнейшей. Высказывая это, мы выразим

сущую правду и вместе с тем скорее убедим тех, кого надо, чем если бы мы выражали этот взгляд как-то иначе.

К л и н и й. Надо согласиться с твоими словами.

А ф и н я н и н. Итак, вполне правильно было бы первым выступить детскому хороводу Муз, чтобы со всевозможным рвением перед всем государством открыто воспевать все нами сказанное. Второй хоровод будет состоять из людей, еще не достигших тридцати лет. Он будет призывать Пэана¹³ в свидетели истинности своих слов, моля его быть милостивым к молодым и помочь убедить их. В третьем хороводе будут петь люди от тридцати лет до шестидесяти. А кто старше этого возраста, кто уже не в силах петь, те пусть будут сказителями мифов об этих же нравственных правилах, основанных на божественном откровении. d

К л и н и й. О каких это третьих хороводах говоришь ты, чужеземец? Мы как-то не слишком ясно представляем себе, что ты хочешь этим сказать.

А ф и н я н и н. А между тем чуть ли не ради них и было изложено почти все предшествующее. e

К л и н и й. Мы все еще не понимаем. Попытайся объяснить.

А ф и н я н и н. Как вы помните, мы сказали в начале нашего рассуждения, что природа всех молодых существ пламенна и потому не в состоянии сохранять спокойствия ни в теле, ни в голосе, а непрерывно и беспорядочно издает звуки и скачет. Кроме человека, ни одно из остальных живых существ не обладает чувством порядка в телодвижениях и звуках. Порядок в движении носит название ритма, порядок в звуках, являющийся при смешении высоких и низких тонов, носит имя гармонии. То и другое вместе называется искусством хора. Затем мы сказали, что боги из сострадания дали нам в участники и предводители наших хороводов Аполлона и Муз; третьим же мы называли, насколько помнится, Диониса. 665

К л и н и й. Конечно, мы помним это.

А ф и н я н и н. О хоре Аполлона и Муз уже было сказа-

в но. Теперь необходимо поговорить об оставшемся третьем хоре — хоре Диониса.

Клиний. Как? Расскажи об этом. Ведь тому, кто впервые слышит о дионисическом хоре старцев, это кажется очень странным. Неужели этот хор действительно будет состоять из людей, которым уже за тридцать, из тех, кому пятьдесят лет — вплоть до шестидесяти?

Афинянин. Ты говоришь сущую правду. Действительно, это надо обосновать, чтобы показать, как это согласуется со здравым рассудком.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не правда ли, по крайней мере относительно предшествующего-то мы согласны?

с Клиний. Относительно чего именно?

Афинянин. Что каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина, — словом, все целиком государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни, в которых будет выражено все то, что мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям¹⁴.

d Клиний. Можно ли не согласиться, что это должно быть именно так?

Афинянин. При каких же условиях лучшая часть государства, внушающая наибольшее доверие, ввиду своего возраста да и разумности, воспевая самое прекрасное, принесет всего больше блага? Неужели мы, по неразумию, пропустим самое замечательное из наилучших и наиболее полезных песен?

Клиний. Из твоих слов вытекает, что пропустить это совершенно невозможно.

Афинянин. Но как можно подобающим образом это осуществить? Посмотрите, не так ли?

e Клиний. Как?

Афинянин. Всякий человек, достигший преклонных лет, преисполняется отвращением к песням. Ему крайне

неприятно самому исполнять их; если же представится к тому какая нужда, то он испытывает тем больший стыд, чем он старше и рассудительнее. Не правда ли?

Клиний. Правда.

Афинянин. Поэтому еще больше стал бы он стыдиться, если бы ему пришлось петь в театре, выступая перед пестрой толпой людей. Если бы слабые старики были принуждены петь натошак, как это делают при своих упражнениях хоры, состязающиеся из-за победы, они делали бы это совершенно без удовольствия, напротив, со стыдом и неохотой. 666

Клиний. Да, это неизбежно.

Афинянин. Как же можем мы их уговорить петь охотно? Не правда ли, мы установим закон, чтобы дети до восемнадцати лет совершенно не вкушали вина; мы растолкуем, что не надо ни в теле, ни в душе к огню добавлять огонь, прежде чем человек не достигнет того возраста, когда можно приняться за труд. Должно остерегаться неистовства, свойственного молодым людям. Те, кто не достиг тридцати лет, могут уже вкушать вино, но умеренно, ибо молодой человек должен совершенно воздерживаться от пьянства и обильного употребления вина. Достигшие сорока лет могут пировать на сисситиях, призывая как остальных богов, так в особенности и Диониса на священные празднества и развлечения стариков. Ведь Дионис даровал людям вино как лекарство от угрюмой старости, и мы снова молодеем и забываем наше скверное настроение, жесткий наш нрав смягчается, точно железо, положенное в огонь, и потому делается более гибким. Итак, прежде всего разве не с большой охотой пожелает всякий, испытывающий подобное состояние, петь и, как мы не раз уже говорили, зачаровывать окружающих? При этом он будет испытывать меньший стыд, находясь среди скромного числа слушателей, а не перед целой толпой, среди близких, а не среди чужих. 667

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так что этот способ заставить стари-

ков участвовать у нас в пении не так-то уж несообразен.

d К л и н и й. Совсем нет.

А ф и н я н и н. Но что будут петь эти люди? Какова будет их Муза? Впрочем, ясно, что это будет нечто приличествующее им самим.

К л и н и й. Как же иначе?

А ф и н я н и н. Но что подобает божественным людям? Не хороводные ли песни?

М е г и л л. По крайней мере мы, чужеземец, да и лакедоняне также вряд ли сможем исполнять какие-либо иные песни, чем те, которым мы научились в хороводах и которые мы привыкли петь.

А ф и н я н и н. Это естественно. В самом деле, ведь вы не владеете лучшими песнопениями; ведь ваше государство — это военный лагерь, а не мирное городское жительство, и ваши юноши — точно жеребята, пасущиеся в общих стадах¹⁵. Никто из вас не держит при себе своего сына, не извлекает его, сильно одичавшего и раздраженного, из среды пасущихся вместе с ним, не приставляет к нему особого конюха, не воспитывает его, чистя скребницей и укрошая. Никто не предоставляет молодому человеку всего требуемого для воспитания, чтобы он стал не только хорошим

667 воином, но мог бы управлять государством и городами. А ведь такой человек, как мы вначале сказали, будет лучшим воином, нежели воины Тиртея, ибо он повсюду — и в частном обиходе, и в государственном — станет всегда почитать мужество четвертым, а не первым достоинством добродетели.

К л и н и й. Я не знаю, чужеземец, за что ты снова порицаешь наших законодателей.

А ф и н я н и н. Дорогой мой, если я и делаю это, то совершенно ненамеренно. Впрочем, если хотите, давайте двигаться тем путем, которым нас ведет рассуждение. Если бы у нас была Муза более прекрасная, чем Муза хороводов и общественных театров, мы попытались бы предоставить ее тем, кто, по нашим словам, стыдится этой Музы и разыскивает ту, что всех прекраснее, чтобы с нею общаться.

К л и н и й. Конечно.

Афинянин. Не правда ли, со всем тем, с чем связана какая-нибудь приятность, дело обстоит так, что самое важное — это либо именно сама приятность, либо какая-то правильность, либо, наконец, польза. Для примера укажу на ту приятность, которая связана с едой, питьем и всем вообще питанием и которую мы, пожалуй, назовем удовольствием. Что же касается правильности и пользы, то признаваемое нами в каждом отдельном случае за здоровое и есть в этих случаях самое правильное. c

Клиний. Конечно.

Афинянин. Точно так же и с усвоением наук связаны удовольствие и приятность, а истина довершает правильность, пользу, благо и красоту.

Клиний. Да, это так. d

Афинянин. Ну, а изобразительные искусства? Если созданные ими произведения, схожие с подлинником, доставляют вдобавок и удовольствие, то не следует ли с полным правом и это признать приятностью? e

Клиний. Да.

Афинянин. Однако правильность в этих искусствах обусловлена прежде всего не удовольствием, но, говоря в целом, равенством воспроизведения и подлинника в отношении величины и качества.

Клиний. Верно.

Афинянин. Следовательно, удовольствие служит правильным мерилom только в таких вещах, которые, хотя и не несут с собой пользы, истины и подобия, однако, с другой стороны, не доставляют и никакого вреда, но творятся исключительно ради того, что в других случаях является лишь сопутствующим, то есть ради приятности, которую великолепно можно назвать удовольствием, если с ней не связаны вышеупомянутые свойства.

Клиний. Ты говоришь лишь о безвредном удовольствии?

Афинянин. Да, и называю это забавой тогда, когда оно не приносит ни вреда, ни пользы чему-нибудь достойному серьезного слова.

Клиний. Ты сказал сущую правду.

668 Афинянин. На основании только что сказанного уже нельзя утверждать, будто мерило подражания — это удовольствие или неистинное мнение. То же самое относится и ко всякому равенству. Ведь равное является равным и соразмерное соразмерным не потому, что так нравится или по вкусу кому-либо, но мерилом здесь выступает по преимуществу не что иное, как истина.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Не признаем ли мы всякое мусическое искусство изобразительным и подражательным?

Клиний. Как же иначе?

6 Афинянин. Значит, совершенно нельзя согласиться с тем, что мерило мусического искусства — удовольствие. Если где и существует такое мусическое искусство, то всего менее стоит его искать, точно это нечто важное. Надо исследовать лишь тот род мусического искусства, который, воспроизводя прекрасное, обладает с ним сходством.

Клиний. Ты вполне прав.

Афинянин. Поэтому люди, ищущие самую прекрасную песнь, должны разыскивать, как кажется, не ту Музу, что приятна, но ту, которая правильна. А правильность подражания заключается, как мы сказали, в соблюдении величины и качества подлинника.

Клиний. Это так.

с Афинянин. Что касается мусического искусства, ведь всякий согласится, что все относящиеся к нему создания — это подражания и воспроизведения. Неужели с этим не согласятся все поэты, слушатели и актеры?

Клиний. Без сомнения, согласятся.

Афинянин. Конечно, о каждом отдельном произведении надо, чтобы не впасть в ошибку, зная, что оно собой представляет. Кто не знает его сущности, направленности и чему оно действительно подражает, тот едва ли распознает правильность или ошибочность его замысла.

Клиний. Да, едва ли.

d Афинянин. Но человек, не знающий, что правильно,

будет ли в состоянии распознать, что хорошо и что дурно? Впрочем, я выражаюсь недостаточно ясно; быть может, так будет яснее. . .

Клиний. Как?

Афинянин. У нас есть тысячи воспроизведений, предназначенных для глаз.

Клиний. Да.

Афинянин. Далее. Если бы кто-нибудь при этом не знал, что именно служит предметом того или иного воспроизведения, разве мог бы он судить о правильности выполнения? Я разумею вот что: разве сможет он распознать, соблюдены ли при воспроизведении пропорции тела, а также, соответственно, его отдельных частей, столько ли их, сколько в действительности, соблюден ли надлежащий порядок в их взаимном расположении, их окраска и облик, или же все это находится в беспорядке? Неужели можно думать, что все это распознает тот, кто совершенно не знаком с существом, служившим предметом подражания?

Клиний. Нет, это невозможно.

Афинянин. Но если бы мы знали, что нарисован или изваян человек, если бы художник уловил все его части и равным образом окраску и облик, то неизбежно тот, кто знает подлинник, будет готов судить, прекрасно ли это произведение, или же в нем есть какие-то недостатки с точки зрения красоты.

Клиний. Да, чужеземец, потому что все мы, так сказать, знакомы с красотой живых существ.

Афинянин. Ты совершенно прав. Значит, тот, кто хочет здраво судить о каждом изображении живописного, мусического или какого иного искусства, должен обладать следующими тремя вещами: прежде всего знанием, что именно изображено, затем — правильно ли это изображено и, в-третьих, хорошо ли любое изображение исполнено в словах, напевах и ритмах.

Клиний. По-видимому, так.

Афинянин. Однако не станем унывать при обсуждении трудных вопросов, связанных с мусическим искус-

ством. Ведь именно потому, что мусическое искусство прославлено несравненно больше остальных видов изображения, здесь-то более, чем во всех них, необходима особая осторожность. Кто здесь ошибется, тот нанесет себе огромный вред, ибо он станет благоволить к дурным нравам; заметить же свою ошибку в высшей степени трудно, ибо поэты гораздо худшие творцы, чем сами Музы. Ведь Музы никогда не ошиблись бы настолько, чтобы словам мужчин придавать женский образ и напев и чтобы, с другой стороны, соединять тон и напев благородных людей с ритмами рабов и людей неблагородных и, начав в благородном ритме и тоне, вдруг присоединить к ним напев или слово противоположного рода. Никогда Музы не смешали бы вместе голоса зверей, людей, звуки орудий и всяческий шум с целью воспроизвести что-либо единое. А люди-поэты страшно спутывают и неразумно смешивают все это, так что непременно должны вызвать смех людей, по выражению Орфея, получивших в удел «возраст услад»¹⁶; эти-то ведь видят, что все здесь спутано. Подобного рода поэты отделяют сверх того образ и ритм от напева, перекладывая в стихи непоэтичную речь, а с другой стороны, они употребляют напев и ритм без слов, пользуясь отдельно взятой игрой на кифаре или на флейте. В таких случаях, когда ритм и гармония лишены слов, бывает очень трудно распознать их замысел и к какому из достойных внимания родов относится это подражание. Необходимо, впрочем, заметить, что, насколько подобного рода искусство пригодно для скорой, без запинки, ходьбы и для изображения звериного крика, настолько же оно, пользуясь игрой на флейте и на кифаре независимо от пляски и пения, исполнено немалой грубости. Отдельно взятая игра на флейте и на кифаре включает в себе нечто в высокой степени безвкусное и достойное лишь фокусника.

Вот что я хотел сказать по этому поводу. Впрочем, наше внимание направлено не на то, чего не должны делать наши граждане, уже достигшие тридцати лет и переступившие за пятьдесят, но на то, что они должны исполнять.

Из сказанного раньше, мне кажется, вытекает следующее: **b**
те из пятидесятилетних граждан, которым подобает петь,
должны быть лучше образованы в хорической Музе, ибо
им необходимо иметь тонкий вкус и сведения относительно
ритмов и гармоний; иначе как мог бы кто-нибудь рас-
познать правильность напевов, — подходит ли в известном
случае дорический лад¹⁷ или нет, правильный ли или нет
употребил поэт ритм?

Клиний. Ясно, что иначе никак нельзя.

Афинянин. Так что смешна толпа в своем мнении,
будто она достаточно распознает, что гармонично и рит- **c**
мично и что нет, — по крайней мере таковы те из них, кото-
рые по принуждению научились подпевать и маршировать
в такт. Они делают это, не зная ничего о пении и ритме в
отдельности. А ведь правилен тот напев, который связан с
тем, что к нему подходит, и наоборот.

Клиний. Это безусловно необходимо.

Афинянин. Так что же? Тот, кто даже не знает, с
чем связана песня, сможет ли, как мы сказали, распознать,
насколько она правильна?

Клиний. Это невозможно.

Афинянин. Итак, думается, теперь мы открыли, что **d**
нынешним нашим певцам, которых мы приглашаем и ста-
раемся каким-либо образом заставить петь добровольно,
необходимо достигнуть такой степени обученности, чтобы
каждый из них мог следовать за поступью ритма и за напе-
вом струн. Наблюдая гармонии и ритмы, они могли бы та-
ким образом выбирать подходящее, подходящее для пения
людям их возраста и характера и петь именно это. При та-
ком пении они и сами тотчас наслаждаются невинной усладой
и станут руководить более молодыми людьми, возбуждая
в них должную любовь к добрым нравам. Достигнув такой
степени обученности, они получат более утонченное обра-
зование, нежели то, которое получает большинство и даже
сами поэты. Ведь поэту нет никакой надобности знать, пре-
красно ли его подражание или нет, что составляет третье
требование; но ему почти необходимо знать правила гар-

е монии и ритма. Те же, кому предстоит избрать самое прекрасное и то, что к нему приближается, должны иметь в виду все эти три требования; ибо иначе они не смогут, зачаровывая, увлекать молодежь к добродетели.

671 Мы показали, по мере сил, то положение, которое выставили в начале нашей беседы, а именно, что можно отлично защитить дионисийский хор. Посмотрим, удалось ли нам это. Подобное собрание, по необходимости, постоянно становится тем более шумным, чем больше пьют. Уже вначале в мы предположили такую необходимость в подобного рода случаях.

Клиний. Да, это необходимо.

Афинянин. Во время такого собрания всякий чувствует себя в приподнятом настроении; он весел, преисполнен словесной несдержанности, не слушает окружающих, воображает, что он в силах управлять самим собой и остальными людьми.

Клиний. Да и как же иначе?

с Афинянин. Разве мы не сказали, что в этом случае души пьющих людей охватываются огнем и, точно раскаленное железо, становятся мягче, моложе, а вследствие этого и податливее в руках того, кто может и умеет воспитывать их и лепить? Таким лепщиком является то же самое лицо, что и раньше: это — хороший законодатель¹⁸. Он должен установить законы, касающиеся пиров, так, чтобы они смогли заставить поступать наоборот человека, окрыленного надеждами, ставшего дерзким и позабывшего стыд более, чем должно, до того, что он не желает соблюдать порядка и выжидать своей очереди говорить или молчать, пить или петь. Они должны внушить ему справедливый d страх, самое прекрасное средство против вселившейся в него совсем не прекрасной отваги — божественный страх, который мы зовем совестливостью и стыдом.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Стражами, содействующими этим законам, должны быть люди спокойные и трезвые; именно они должны быть начальниками над нетрезвыми. Без них вое-

вать с опьянением страшнее, чем воевать с врагами, не имея e
спокойных военачальников. Кто не может заставить себя
повиноваться этим законам и переступившим за шестьде-
сят лет руководителям дионисийских обрядов, тот пусть
понесет равный или даже больший стыд, чем человек, не
повинующийся военачальникам Ареса¹⁹.

Клиний. Правильно.

Афинянин. Не правда ли, если бы опьянение и забавы 672
были так новы, то пирующие получали бы от них пользу и
расходились с них не врагами, как ныне, но еще большими
друзьями, чем были прежде. Если бы трезвые руководили
нетрезвыми, все взаимное общение на пирах совершалось
бы согласно законам.

Клиний. Верно, если бы все было так, как ты сейчас
сказал.

Афинянин. Не станем же безусловно порицать дар
Диониса и говорить, будто он плох или недостойн быть при- b
нят в государство. Можно было бы сказать даже больше;
однако я не решаюсь указывать большинству на величай-
шее благо, даруемое вином: ведь эти люди так превратно
воспринимают и разумеют слова.

Клиний. О каком благе ты говоришь?

Афинянин. Как-то незаметно распространился взгляд
и молва, будто у этого бога мачеха его, Гера, похитила ду-
шевное понимание и будто бы поэтому он из мести ввел
вакхические празднества и всякие неистовые пляски и с
этой-то целью и даровал вино²⁰. Я предоставляю это гово-
рить тем, кто считает, что можно безопасно молвить подоб-
ные вещи о богах. По крайней мере, насколько я знаю, ни
одно живое существо не рождается на свет, обладая всем
тем умом, какой подобает ему иметь в зрелых летах. Пока c
это живое существо не приобрело еще свойственной ему
разумности, оно неистовствует и кричит на все голоса, а
став на ноги, начинает всюду скакать. Припомним же наше
утверждение, что в этом-то и кроется начало мусического
и гимнастического искусств.

Клиний. Как этого не помнить!

d

Афинянин. Не правда ли, мы утверждаем, что это начало дало нам, людям, чувство ритма и гармонии и что из богов виновниками этого стали Аполлон, Музы и Дионис.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Остальные люди, видимо, считают, что вино дано людям в наказание, чтобы мы впадали в неистовство. Мы же теперь, наоборот, утверждаем, что вино дано как лекарство для того, чтобы душа приобретала совесть, а тело — здоровье и силу.

Клиний. Ты верно напомнил, чужеземец, наше утверждение.

Афинянин. Одну половину вопросов о хороводных плясках мы разобрали. Разобрать ли нам другую половину, чтобы узнать, что мы думаем, или же оставить?

Клиний. О чем ты говоришь и как ты разделяешь хороводные пляски надвое?

Афинянин. По-нашему, все в целом искусство плясок и составляет совокупное воспитание. Одну его часть составляет то, что относится к звуку, то есть гармонии и ритмы.

Клиний. Да.

Афинянин. Другая же часть касается телодвижений, **673** которые имеют нечто общее с движением звука: это ритм. Но они имеют свой собственный образ, а движения звуков — тон.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Действие звуков, воспитывающее и ведущее душу к добродетели, мы, уж не знаю каким именно образом, называли мусическим искусством.

Клиний. И правильно называли.

Афинянин. Если же телодвижения, которые мы обозначили как пляску забавляющихся людей, ведут к усовершенствованию тела, то такое искусное руководство им мы называли бы гимнастическим искусством.

Клиний. Правильно.

Афинянин. Я и сейчас повторяю, что теперь мы уже достаточно разобрали вопрос о мусическом искусстве, составляющем почти половину искусства хоров. Что же, бу-

дем ли мы говорить о другой ее половине? Как нам поступить?

Клиний. Мусическое искусство нами разобрано, гимнастическое же еще нет. Между тем, дорогой мой, ведь ты ведешь беседу с критянами и спартанцами; что же, думаешь ты, каждый из нас ответит тебе на подобный вопрос?

Афинянин. Я сказал бы, что этим своим вопросом ты, пожалуй, даешь мне ясный ответ. Но я понимаю, что твой вопрос — это не только ответ, но и поручение разоб- c

Клиний. Ты прекрасно заметил; так и поступи.

Афинянин. Приходится. Впрочем, говорить о вопросе, знакомом вам обоим, не слишком трудно. Ведь вы гораздо более опытни в этом искусстве, чем в мусическом.

Клиний. Пожалуй, ты прав.

Афинянин. Не правда ли, начало и этого развлечения кроется в природной склонности каждого живого существа к скачущим движениям? Человек же, получив, как мы сказали, чувство ритма, создал и породил пляску. Ритм пробуждает и вызывает в памяти напев. Их взаимное соединение породило хороводы как развлечение. d

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Одну часть, именно мусическую, мы уже разобрали. Попытаемся в дальнейшем разобрать другую часть, то есть гимнастическую.

Клиний. Конечно. e

Афинянин. Однако, если вам угодно, сперва увенчаем концом обсуждение вопроса об опьянении как о средстве.

Клиний. Что ты понимаешь?

Афинянин. Если какое-нибудь государство стало бы, согласно порядку, установленному законами, серьезно пользоваться упомянутым раньше обычаем, употребляя его как упражнение в рассудительности; если на том же основании оно не воздержалось бы и от остальных удовольствий, применяя их как средство для их же обуздания, то пользоваться всем этим такое государство должно было бы именно вышеуказанным образом. Если же оно смотрит на

них только как на забаву и позволяет всякому желающему
674 пить в любое время, с кем угодно и в соединении с любыми другими обычаями, то я не подал бы своего голоса за то, что государство и отдельный человек должны именно так использовать опьянение. Но еще более, чем за критский и лакедемонский обычай, подал бы я свой голос за карфагенский закон²¹: в лагере никто не должен вкушать вина, но должно в течение всего этого времени пить на совместных собраниях одну только воду; в пределах государства ни раб, ни рабыня никогда не должны вкушать вина; ни правители в течение этого года, когда они отправляют свою должность; ни кормчие, ни судьи, стоящие у своего дела, совершенно не должны вкушать вина; ни один из тех, кто собирается участвовать в каком-либо совещании, достойном внимания; совершенно нельзя пить никому днем, — разве что для телесных упражнений или по причине болезни; нельзя пить и ночью, имея в виду брачное общение и зачатие. Можно было бы перечислить еще целый ряд случаев, при которых люди, имеющие разум и правильный закон, не должны пить вина; так что по этому правилу
b ни одно государство не будет нуждаться в большом числе виноградников. Все остальные виды земледелия и весь вообще образ жизни был бы упорядочен, изготовление же вина применялось бы в самых скромных размерах. Этим-то,
c чужеземцы, если вы согласны, хотел бы я увенчать нашу беседу о вине.

К л и н и й. Отлично. Мы согласны.

КНИГА ТРЕТЬЯ

**Историческая
необходимость
нового
законодательства**

Афинянин. Все это так. Но что же, скажем мы, послужило началом государственного устройства? Не будет ли всего легче и лучше рассмотреть

676

это вот с какой точки зрения. . .

Клиний. С какой?

Афинянин. С той же, с какой должно в каждом отдельном случае рассматривать постепенное уклонение государства то в сторону добродетели, то порока.

Клиний. Что же именно ты разумеешь?

Афинянин. Я разумею безграничную протяженность времени и протекших в нем перемен.

Клиний. Как, как?

Афинянин. Скажи, сможешь ли ты определить, сколько времени прошло с тех пор, как существуют государства и объединенные в государства люди?

Клиний. Это совсем нелегко.

Афинянин. Не была ли эта продолжительность огромной и неизмеримой?

Клиний. И даже очень.

Афинянин. Не правда ли, тысячи государств возникли в этот промежуток времени одно за другим, и соответственно не меньшее количество их погибало. К тому же они повсюду проходили через самые различные формы государственного устройства, то становясь большими из меньших, то меньшими из больших или худшими из лучших и лучшими из худших¹.

Клиний. Это неизбежно.

Афинянин. Не сможем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может, тогда мы скорее получим указание относительно возникновения государственного устройства и происходящих в нем перемен.

Клиний. Отлично, надо постараться сделать это. Ты разъясни свои мысли по этому поводу, а мы последуем за тобой.

677 Афинянин. Считаем ли мы, что древние сказания содержат в известной мере истину?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Относительно частой гибели людей от потопов, болезней и многого другого, так что осталась лишь незначительная часть человеческого рода.

Клиний. Все это любому покажется весьма вероятным.

Афинянин. Представим же себе один из множества случаев, именно гибель от потопа.

Клиний. И что мы должны об этом думать?

б Афинянин. Что избежавшими тогда гибели оказались чуть ли не исключительно горные пастухи — слабые искры угасшего человеческого рода, сохранившиеся на вершинах.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Такие люди неизбежно будут несведущими в остальных искусствах, так же как и в городских взаимных уловках, направленных на удовлетворение своекорыстия и честолюбия, и в прочих кознях, измышляемых друг против друга людьми.

Клиний. Это естественно.

с Афинянин. Допустим, что государства, расположенные на равнинах или у моря, совершенно погибли в то время.

Клиний. Допустим.

Афинянин. Следовательно, мы должны предположить, что пропали и все орудия, а также погибло и все относящееся к искусству государственного правления или

к иной какой-либо мудрости, которой с усилием удалось к тому времени достичь. Ибо, дорогой друг, как могло быть открыто что-либо новое, если бы в течение всего времени все это было устроено так, как теперь?

Клиний. Новое было скрыто от тогдашних людей на тысячелетия. Лишь тысяча или две тысячи лет прошло с тех пор, как Дедалу стало ясно одно, Орфею — другое, Паламеду — третье, Марсию и Олимпу — все то, что относится к мусическому искусству, Амфиону — все о лире, и многое-многое остальное — другим. Все это возникло, так сказать, недавно, чуть ли не вчера².

Афинянин. Великолепно, Клиний! Но ты пропустил друга, жившего действительно вчера.

Клиний. Ты сумеешь Эпименида?

Афинянин. Да, его. Ибо у вас, мой друг, он всех опередил в изобретательности; как вы утверждаете, он выполнил на деле то, о чем на словах некогда вещал Гесиод³.

Клиний. Да, мы утверждаем это.

Афинянин. Итак, когда случилось это опустошение, дела у людей складывались так: кругом была необозримая страшная пустыня, огромная масса земли; все животные погибли, лишь кое-где случайно уцелели стада рогатого скота да племя коз. Эти стада и доставляли вначале пастухам скудные средства к жизни.

Клиний. Да и что бы они иначе делали?

678

Афинянин. Можем ли мы считать, что тогда сохранилось хотя бы, так сказать, воспоминание о государстве, государственном устройстве и законодательстве, о чем у нас теперь и идет речь?

Клиний. никоим образом.

Афинянин. Однако подобного рода условия повели к возникновению всего нынешнего: государств, государственных устройств, искусств, законов; возникла великая испорченность, но и великая добродетель.

Клиний. То есть как?

Афинянин. Друг мой, ведь тогдашние люди были б
незнакомы со многими благами, доставляемыми городами,

а также и со многим таким, что этим благам противоположно. Можно ли считать этих людей совершенными в добродетели или в пороке?

Клиний. Прекрасно сказано! Мы улавливаем твою мысль.

Афинянин. Итак, с течением времени и с умножением человеческого рода все пришло в нынешнее состояние.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но не сразу, а, как это и естественно, мало-помалу, в течение очень долгого времени.

c Клиний. Так это и должно быть.

Афинянин. Думаю, что слишком еще был свеж в памяти недавний страх, чтобы люди решились спуститься с возвышенности на равнину.

Клиний. Конечно.

d Афинянин. Ввиду своей малочисленности они с удовольствием взирали друг на друга в те времена, а так как с исчезновением искусств пропали, если так можно сказать, чуть ли не все средства сноситься друг с другом по суше или по морю, то людям не очень-то было возможно встречаться друг с другом. Железо, медь и все руды слились воедино и скрылись под землей, так что стало очень трудно их извлекать; поэтому редко удавалось тогдашним людям срубить дерево. Если где на горах и находили уцелевшее орудие, то оно из-за частого употребления скоро изнашивалось, нового же взять было негде, пока снова не возродилось среди людей искусство добычи металла.

Клиний. Каким же образом это произошло?

Афинянин. Как ты думаешь, через сколько поколений это произошло?

e Клиний. Ясно, что поколений прошло очень много.

Афинянин. Значит, столько же времени или даже долее не существовали тогда и те искусства, для которых нужно железо, медь и тому подобное.

Клиний. Так что же?

Афинянин. И вот в те времена совершенно исчезли во многих местах междоусобия и войны.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. Прежде всего тогдашние люди любили друг друга и, вследствие покинутости, относились друг к другу доброжелательно; пищу им также не приходилось оспаривать друг у друга, ибо не было недостатка в пастбищах — разве что кое у кого вначале, — а этим-то они в то время и жили по большей части. Не могло у них быть и недостатка в молоке и мясе; кроме того, они охотой добывали себе изрядную пищу. В изобилии имели они одежду, постель, жилища и утварь, как обожженную, так и простую; ибо ни одно из искусств, связанных с лепкой и плетением, не нуждается в железе. Оба этих искусства бог даровал людям, чтобы человеческий род, когда ощутит недостаток в железе, все же мог продолжаться и процветать. Благодаря этому не было и особенно бедных, так что бедность не принуждала людей к вражде. С другой стороны, они не могли также стать богатыми: ведь в те времена у них не было ни золота, ни серебра. Самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком общегитии, где рядом обитают богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни зависти. По этой причине люди и благодаря так называемому простодушию тогда обладали достоинством: по простоте душевной они считали истинным и повиновались всему тому, что слышали о прекрасном и безобразном. Ибо никто из них не обладал той хитростью, которая в наши дни заставляет во всем подозревать ложь; они считали истиной все рассказываемое о богах и людях и сообразно этому жили. Потому-то они и были вполне такими, как мы их сейчас изобразили.

Клиний. Я согласен с тобой, да и Мегилл тоже.

Афинянин. Итак, мы признаём, что много поколений прожило подобным образом. По сравнению с людьми, жившими до потопа, и нынешними они были менее сведущи и опытни в различных искусствах, в том числе и в военном деле, которое применяют теперь на суше и на море и даже внутри своего государства, называя это «правосудием» или

«междоусобием»; при этом и на словах, и на деле изобретаются всякие средства, чтобы причинить друг другу зло и несправедливость. А те люди были более цельными и мужественными, а вместе с тем и более рассудительными и вообще более справедливыми. Причину этого мы уже разобрали.

Клиний. Ты прав.

680 Афинянин. Пусть сказанное нами, со всеми вытекающими отсюда следствиями, будет иметь одну цель: мы должны понять, была ли нужда в законах у тогдашних людей и кто был их законодателем.

Клиний. Отлично сказано.

Афинянин. Не правда ли, те люди не нуждались в законодателях? Да этого обычно и не бывает в такие времена: ведь в тот отрезок круговращения у них еще не было письменности, но жили они, следуя обычаям и так называемым стародавним законам.

Клиний. Вполне естественно.

Афинянин. Однако и это есть уже некий вид государственного устройства.

Клиний. Какой же?

685 Афинянин. Мне кажется, все называют тогдашнее государственное устройство династией. Оно и до сих пор встречается во многих местах как среди эллинов, так и у варваров. Гомер рассказывает, что именно так было в месте пребывания Киклопов, говоря:

Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
690 Властвует, зная себя одного, о других не заботясь⁴.

Клиний. Прелестный, видно, это у вас поэт; кое-какие и другие отрывки, очень изящные, изучали мы из него, правда немногочисленные, потому что мы, критяне, не очень-то пользуемся чужеземными поэмами.

Мегилл. А мы ими пользуемся, и нам кажется, Гомер превосходит других поэтов подобного рода, хотя он повсюду описывает не лакедемонскую, а скорее какую-то ио-

нийскую жизнь⁵. Сейчас же он прекрасно подтвердил твои слова, изображая, согласно преданию, первоначальный быт киклопов диким.

Афинянин. Да, он это подтверждает; и мы можем взять его в свидетели, что такие государственные устройства некогда существовали.

Клиний. Отлично.

Афинянин. Вследствие затруднительного положения, создавшегося после опустошения, люди разделились по родам, с определенным местопребыванием для каждого, причем господствовал старейший, так как он получил эту власть от отца и матери; за ним следовали остальные, составляя, точно птицы, одну стаю, и они находились под управлением законов наших дедов и наиболее справедливой из всех царской власти⁶.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Затем в общение с ними вступает все большее и большее количество людей, составляя большие по размеру сообщества. Прежде всего они обращаются к земледелию на склонах гор, сооружая ограды из терновника наподобие стен в защиту от зверей и образуя одно общее большое жилище.

Клиний. Очень вероятно, что все это было именно так.

Афинянин. А это разве не будет вероятным...

Клиний. Что именно?

Афинянин. Что эти большие жилища увеличивались за счет первых, меньших. Каждое из меньших сообществ делилось на роды во главе со старейшиной и имело свои собственные обычаи, возникшие под влиянием раздельного жительства. Благодаря различным родоначальникам и воспитателям они приучались к различным воззрениям на богов и на самих себя. От более порядочных воспитателей они перенимали большую упорядоченность, от мужественных — большую мужественность и точно таким же образом запечатлевали в своих детях и внуках усвоенные ими взгляды. Словом, они вошли в большее сообщество, имея каждый свои законы.

Клиний. Не иначе.

с Афинянин. Неизбежно каждому нравились больше свои законы, чужие же — меньше.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так, по-видимому, мы незаметно подошли к началу законодательства.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Вслед за этим сошедшие неизбежно должны были сообща избрать некоторых лиц из своей среды, чтобы те рассмотрели все узаконения, выбрали из них те, которые им больше понравятся, и, ясно их изложив, представили бы на общий совет предводителей и вожаков, игравших роль царей народов. Сами они должны были получить наименование законодателей, назначить должностных лиц, а государственный строй изменить, введя вместо династий аристократический образ правления или какой-либо род царской власти.

Клиний. Это было бы последовательно.

Афинянин. Я хочу указать теперь еще и на третью форму государственного устройства, в которой сливаются все виды и состояния государственных правлений и вместе с тем государств.

Клиний. Какая эта форма?

е Афинянин. Та, на которую вслед за второй указывает и Гомер, так описывая ее возникновение: «Он основал Дарданию, — говорит он где-то, — когда Илион знаменитый

Не был еще на равнине в то время построен, и люди
Жили тогда на предгорьях богатой потоками Иды⁷».

682 Эти стихи, так же как и те, где говорится о Киклопах, он изрек согласно богу и природе. Ибо поэты — это божественное и вдохновенно поющее племя; нередко, под воздействием Харит и Муз, они касаются и истинных происшествий.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Проследим же дальше это подвернувшееся нам предание; быть может, оно даст некоторые указания и для нашей цели. Не правда ли, это стоит сделать?

Клиний. И даже очень.

b

Афинянин. Так вот, говорим мы, обитателями возвышенностей был основан Илион среди обширной прекрасной равнины, на невысоком холме, омываемом многими реками, стекающими с высот Иды.

Клиний. Говорят, что так.

Афинянин. Не правда ли, можно предполагать, что это произошло спустя много времени после потопа?

Клиний. Конечно, спустя много времени.

Афинянин. Потому что люди должны были полностью забыть о только что упомянутом опустошении, если, доверившись каким-то не очень высоким холмам, они решились основать город, несмотря на угрозу многих стекающих с высот рек.

Клиний. Ясно, что должно было пройти много времени после несчастья.

Афинянин. Я думаю, тогда было заселено уже много других городов ввиду увеличения числа людей.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Они-то и выступили в поход против Илиона, возможно даже и по морю, так как все уже безбоязненно им пользовались.

d

Клиний. По-видимому.

Афинянин. Ахейцы же, после десятилетнего ожидания, разрушили Троя⁸.

Клиний. Конечно.

Афинянин. В течение этого десятилетнего промежутка, пока шла осада Илиона, на родине каждого из осаждающих случилось немало бед из-за сопротивления молодых, которые неблагосклонно и не по-справедливому приняли воинов, возвращавшихся в свои города и дома, так что произошло немало смертей, убийств и изгнаний⁹. Но тогдашние изгнанники снова возвратились, переименовав свое имя: вместо ахейцев они стали называться дорийцами, так как их собрал тогда Дорией¹⁰. В этом у вас, лакедемонян, заключается начало и конец всех ваших преданий.

e

Мегилл. Как же иначе?

Афинянин. Точно по внушению бога мы возвращаемся опять к тому же, с чего начали наше собеседование о законах, хотя и отклонились в сторону, остановившись на мусическом искусстве и опьянении. Теперь наше рассуждение дает нам случай снова взяться за нашу тему. Ибо мы пришли опять к лакедемонским учреждениям, правильность которых вы утверждаете, и к критским, родственным с ними в смысле законов. Вот какое преимущество дало нам то, что рассуждение наше отклонилось в сторону, когда мы рассматривали некоторые государственные устройства и учреждения: мы последовательно рассмотрели три государства, учреждение которых отстояло друг от друга, по-нашему, на огромный промежуток времени. Данное же государство или, если угодно, племя представляется нам уже четвертым, некогда учрежденным и поныне сохраняющим свои установления. Не сможем ли мы, Мегилл и Клиний, из всего этого заключить, что учреждено хорошо, а что нет? Какие законы хранят сохраняющееся и уничтожают гибнущее? Какие следует произвести изменения для блага государства? Об этом нам вновь нужно говорить как бы сначала, если только у нас нет возражений против того, что было сказано раньше.

Мегилл. Если бы, чужеземец, некий бог обещал нам, что при вторичной попытке рассмотреть законодательство нам придется услышать рассуждения не хуже и не слабее только что высказанных, я лично пустился бы и в дальний путь, и этот нынешний день показался бы мне коротким, хотя теперь как раз стоит пора, когда бог поворачивает от лета к зиме.

Афинянин. Видно, надо рассмотреть и этот вопрос.

Мегилл. Без сомнения.

Афинянин. Перенесемся же мысленно в те времена, когда Лакедемон, Аргос, Мессена и прилегающие области очутились во власти ваших, Мегилл, предков; они решили после этого, как говорит предание, разделить вооруженный народ на три части и учредить три государства: Аргос, Мессену и Лакедемон.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Темен стал царем Аргоса, Кресфонт — Мессены, царями же в Лакедемоне — Прокл и Еврисфен¹¹.

Мегилл. Да, так.

Афинянин. И все их современники поклялись оказывать им помощь, если кто захочет упразднить их царскую власть.

Мегилл. Да.

Афинянин. Царская же, клянусь Зевсом, и вообще всякая власть разрушается разве не самими ее носителями? Или мы позабыли уже то, что установили попутно немного раньше?

Мегилл. Как могли мы забыть?

Афинянин. Теперь мы будем настаивать на этом с еще большей определенностью. Похоже, что встретившиеся нам обстоятельства привели нас к такому же точно заключению, так что мы будем исследовать не какие-то пустяки, но действительно бывшее и содержащее истину. Речь идет о следующем: в трех государствах установилась царская власть; каждое из правительств клятвенно обещало своим городам соблюдать установленные общие законы относительно управления и подчинения; одна сторона клялась не усиливать власти с течением времени и с умножением рода; другая сторона клялась, если указанные условия будут соблюдены правителями, самим не низвергать никогда царской власти и другим не способствовать в их попытках подобного рода. Цари обещались помогать царям и народам, терпящим обиды, а народы — народам и царям. Не так ли?

Мегилл. Да, так.

Афинянин. Цари ли дали такие законы или кто другой, но это было величайшим установлением для сохранения государственного строя этих трех государств.

Мегилл. Какое именно?

Афинянин. То, что два государства всегда помогали друг другу против третьего в случае его неповиновения установленным законам.

Мегилл. Это ясно.

c Афинянин. Однако большинство требует от законодателей, чтобы они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты большей частью народа. Это вроде того, как если бы требовали от учителей гимнастики и врачей только приятного упражнения и врачевания для поручаемого их попечению тела.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Но нередко приходится довольствоваться и тем, что без особой боли делают тело здоровым и крепким.

Мегилл. Конечно.

d Афинянин. Вот еще какое обстоятельство значительно облегчило тогдашним людям установление законов. . .

Мегилл. Какое?

Афинянин. Эти законодатели, устраивая для людей имущественное равенство, не имели дела с величайшим препятствием, которое встречается во многих других, получающих законы государствах. Ведь, принимая во внимание, что невозможно установить достаточное равенство без передела земли и отмены долговых обязательств, законодатель пытается поколебать что-либо из этого, и тогда все восстают против него, утверждая, что нельзя колебать непоколебимое, и проклинают того, кто предлагает передел земли и отмену долгов, так что положение такого человека становится крайне затруднительным. У дорийцев же и здесь дело обстоит прекрасно и безупречно: земля поделена без споров и нет больших и давних долгов.

Мегилл. Это правда.

Афинянин. Почему же, мои дорогие, эти установления и законодательство имели у них такой дурной исход?

685 Мегилл. Как? Что именно ты порицаешь?

Афинянин. То, что из создавшихся трех больших сообществ два вскоре извратили свой строй и свои законы и лишь третье сохранило их, именно ваше государство.

Мегилл. Ты задал нелегкий вопрос.

Афинянин. Однако нам теперь надо рассмотреть его и исследовать, чтобы беспечально пройти весь путь, забав-

ляясь разумной старческой забавой, касающейся законов; **b**
ведь мы так решили в начале пути.

Мегила. Что ж! Сделаем так, как ты говоришь.

Афинянин. К какому же рассмотрению законов и
лиц, их упорядочивших, могли бы мы обратиться скорее,
чем к этому? И какие более славные и великие государства
и установления могли бы мы исследовать?

Мегила. Нелегко назвать другие взамен этих.

Афинянин. Почти ясно, что тогдашние законодатели
считали такое устройство, при котором оказывается вза- **c**
имная помощь, пригодным не только для Пелопоннеса, но
и для всех эллинов в случае, если кто из варваров станет
их притеснять, — например когда население Илиона, дове-
рившись ассирийскому могуществу, значительному во вре-
мена Нина, неосмотрительно вызвало Троянскую войну. А
ведь уцелевшие границы этой державы были тогда еще до-
вольно обширны¹²; подобно тому как мы теперь опасаемся
Великого царя, так тогдашние люди боялись создания
этого союза. Вторичное же взятие Трои вызвало немало
нареканий на греков, ибо она составляла часть ассирий- **d**
ской державы¹³. Учитывая все это, прекрасно, видимо, бы-
ло придумано и упорядочено единое устройство того вой-
ска под властью братьев-царей, сыновей Геракла¹⁴, кото-
рое было поделено между тремя государствами. Это го-
раздо лучше, чем устройство ополчения, пришедшего под
Трою. Во-первых, они считали правителей Гераклидов луч-
шими, нежели правителей Пелопидов¹⁵; затем и войско это
они считали превосходящим по добродетели то, что пришло
под Трою, ибо, победив троянцев, ахейцы в свою очередь **e**
были превзойдены дорийцами¹⁶. Не правда ли, все было
устроено тогдашними законодателями именно так и с такой
целью?

Мегила. Конечно.

Афинянин. Итак, естественно было им считать, что **686**
такое положение сохранится незыблемым на долгое время,
так как они поделили между собой немало трудов и опасно-
стей, находились под властью единого рода братьев-царей

да к тому же и спросили много разных прорицателей, в том числе и Дельфийского Аполлона¹⁷.

Мегилл. И это было естественно.

б Афинянин. Но все это ожидаемое величие, видно, быстро тогда рассеялось, за исключением, как мы теперь указали, небольшой части вашей области, которая никогда не прекращает войны против остальных двух частей, даже и в наши дни. Между тем возникший тогда единый и согласованный образ мыслей создал бы мощь, непобедимую на войне.

Мегилл. Не иначе.

Афинянин. Как же, каким путем все это погибло? Разве не стоит рассмотреть, какая судьба погубила столь совершенную систему?

с Мегилл. Если этим пренебречь, то, рассматривая что-либо другое, с трудом можно было бы понять, как законы и государственный строй сохраняют величие прекрасных деяний или, наоборот, совсем его губят.

Афинянин. Значит, как кажется, мы счастливо напали на предмет, достойный рассмотрения.

Мегилл. Несомненно.

д Афинянин. Не правда ли, дорогой мой, видя возникновение чего-то прекрасного, пригодного для создания удивительных вещей, все люди так же, как мы сейчас, забывают о том, хорошо ли сумеет кто-либо этим воспользоваться и как? Вот и мы теперь, пожалуй, рассуждали об этом неверно и несообразно с природой, так же как и все, при таком подходе, относительно любых других вещей.

Мегилл. Скажи, в чем дело? И к чему относится это твое замечание?

е Афинянин. Друг мой, сейчас я сам себе смешон. Когда я обратил внимание на то войско, о котором у нас идет речь, оно показалось мне превосходным и чудесным эллинским достоянием, — если бы, повторяю, им тогда умело воспользовались.

Мегилл. Но ведь ты говорил обо всем хорошо и разумно, и мы хвалили тебя.

Афинянин. Может быть. По крайней мере, я думаю, что при виде чего-то великого, имеющего большую силу и мощь, у всякого тотчас же создается впечатление, что если бы обладатель этой великой силы умел ею пользоваться, то, совершая много чудесных дел, он непременно бы благоденствовал.

Мегилл. Разве это не верно? Каков же твой взгляд?

Афинянин. Посмотри, на что обращает внимание тот, кто правильно высказывает похвалу этого рода. Но сначала поговорим о том, о чем у нас шла теперь речь: если бы тогдашние устроители сумели надлежащим образом поставить войско, то как бы они этим воспользовались? Если бы они непоколебимо установили войско так, чтобы самим быть свободными, властвовать над кем угодно и вообще среди всех людей, эллинов и варваров, совершать то, что было бы предметом вождения и для них самих, и для их потомков, то они сохранили бы войско на вечные времена. Разве это не заслужило бы им похвалы?

Мегилл. И даже очень.

Афинянин. Так же точно при виде большого богатства и особых отличий знати, равно как и других подобных вещей, всякий обратит внимание на это и скажет то же самое, то есть что посредством этого можно достичь исполнения всех или по крайней мере большинства достойных упоминания желаний.

Мегилл. Естественно.

Афинянин. Скажи, нет ли у всех людей одного общего желания, к выяснению которого и стремится наше рассуждение, как само оно о том говорит?

Мегилл. Какое же это желание?

Афинянин. Чтобы все происходящее, а если не все, то хотя бы все человеческое, делалось по приказу нашей души.

Мегилл. Хорошо бы!

Афинянин. Так как все мы всегда желаем этого — и дети, и старики, то, не правда ли, мы неизбежно в конце концов об этом же молимся?

Мегилл. Конечно.

d Афинянин. Для дорогих нам людей мы в наших молитвах просим того же, чего они просят сами себе.

Мегилл. Да.

Афинянин. Сын дорог отцу: он — ребенок, а тот — взрослый.

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Однако многое из того, о чем молит для себя ребенок, отец просит богов отвратить, — чтобы это никогда не исполнилось по молитвам сына.

Мегилл. Ты говоришь о молитвах неразумного юноши.

e Афинянин. Когда отец, будучи стариком или очень еще молодым и не имея понятия о том, что прекрасно и что справедливо, усердно молится, а сам находится в состоянии, подобном тому, которое испытывал Тесей в отношении злополучно погибшего Ипполита, как ты думаешь, станет ли сын, зная это, молиться с ним заодно¹⁸?

Мегилл. Я понимаю, о чем ты говоришь. Мне кажется, ты утверждаешь, что должно желать и молиться не о том, чтобы все следовало нашей воле, но скорее, чтобы воля следовала за нашим разумением, так что и государству, и каждому из нас должно молиться и хлопотать о том, чтобы

688 обладать умом.

Афинянин. Да, я помню и хочу напомнить вам, что законодатель, человек государственный, должен устанавливать распорядок законов, имея в виду всегда именно это. Вспомним, о чем мы говорили вначале: вашим требованием было, чтобы хороший законодатель устанавливал все свои узаконения ради войны. По-моему, это значило бы уста-

б навливать законы только ради одной добродетели, между тем как их четыре. Должно иметь в виду всю совокупность добродетелей, в особенности же первую, руководящую добродетель, а именно разумность, ум и [верное] мнение вместе с любовью и желанием, следующими за ними. Так что наше рассуждение снова вернулось к тому же, и я снова повторяю то, что сказал тогда — в шутку или серьезно, как

хотите: я утверждаю, что для того, кто не обладает умом, опасно пользоваться молитвами, потому что обычно совершается противоположное его желанием. Однако, если угодно, примите мои слова всерьез. Я ожидаю, что вы, следуя за рассуждением, изложенным несколько раньше, найдете теперь, что причина гибели царей и всех их замыслов не трусость и отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надлежит подчиняться, но всевозможная порочность другого рода, в особенности же невѣдение величайших человеческих дел. Что тогда это произошло именно так, да и теперь кое-где случается и в последующее время будет происходить не иначе, я, если хотите, попробую показать по порядку и по мере сил разъяснить это вам как моим друзьям.

Клиний. Чужеземец, было бы в высшей степени неуместно восхвалять тебя на словах; лучше пусть это покажут наши дела. Мы усердно будем следить за твоим рассуждением: ведь именно таким образом свободнорожденный человек всего более обнаруживает свое одобрение или порицание.

Мегилл. Превосходно, Клиний. Мы поступим, как ты говоришь.

Клиний. Да будет так, если угодно богу. Только бы ты продолжал.

Афинянин. Итак, следуя дальнейшему ходу нашего рассуждения, мы теперь утверждаем, что ту власть погубило тогда величайшее невѣдение, так же как оно по своей природе совершает это и ныне. При таком положении дела законодателю надо постараться, сколь возможно, внедрить в государстве разумность, неразумие же как можно скорее изъять.

Клиний. Очевидно.

689

Афинянин. Какое же невѣдение может быть названо по справедливости величайшим? Посмотрите, согласны ли вы с тем, что я говорю. Я полагаю, что следующее. . .

Клиний. Какое?

Афинянин. Когда кто-нибудь не любит, но ненави-

дит то, что ему кажется прекрасным и добрым, кажущееся же скверным, несправедливым любит и приветствует. Эту несогласованность страдания и удовольствия с разумным мнением я считаю крайним и величайшим неведением, так как оно принадлежит большей части души. Часть души, испытывающая скорбь и удовольствие, это все равно что народное большинство в государстве. Когда душа противится знаниям, [правильным] мнениям или разуму, от природы предназначенным править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве, когда большинство не повинуется правителям и законам. То же самое происходит и в каждом отдельном человеке, если имеющиеся в душе прекрасные понятия порождают лишь свою прямую противоположность. Все это я счел бы самым порочным неведением как для государства, так и для каждого отдельного гражданина, исключая разве только ремесленников. Улавливаете ли вы, чужеземцы, смысл моих слов?

Клиний. Мы понимаем, друг мой, и согласны с тем, что ты говоришь.

Афинянин. Так пусть же это будет у нас так постановлено и выражено: невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных душевных тонкостях и извилинах. Людей же противоположного склада должно называть мудрыми, хотя, как говорят, им многое и невдомек¹⁹; как людям разумным, им надо поручать управление. В самом деле, друзья мои, без лада может ли родиться хоть какой-то вид разумности? Это невозможно. Всего справедливее было бы назвать самой большой мудростью прекраснейшую и величайшую гармонию. Ей причастен тот, кто живет соответственно с разумом; а кто ее лишен, тот разрушитель своего дома и никогда не будет спасителем государства, но как невежда вечно все будет делать наоборот. Итак, пусть, согласно только что сказанному, это считается установленным.

Клиний. Да будет так.

Афинянин. Необходимо, чтобы в государствах были правители и подчиненные.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Прекрасно. Но на каких основаниях одни 690
должны править, а другие подчиняться в больших государствах и малых семьях? Одно из таких оснований — отцовская и материнская власть да и вообще правильно повсюду понимаемая родительская власть над потомством.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Кроме того, благородные должны править неблагородными; и, в-третьих, следовательно, старшие должны править, младшие подчиняться.

Клиний. Да.

Афинянин. В-четвертых, рабы должны подчиняться, а их господу — править. b

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. В-пятых, я думаю, должен править сильный, а слабый ему подчиняться.

Клиний. Ты указал на необходимый вид власти.

Афинянин. К тому же это самая распространенная и сообразная с природой власть для всех живых существ, как некогда сказал фиванец Пиндар²⁰. Но главнейшим требованием является, по-видимому, шестое, чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью^{20a}. Впрочем, о мудрейший Пиндар, по моему мнению, это, пожалуй, и не противоречит природе; я бы сказал, что природе соответствует не насильственная власть закона, но добровольное ему подчинение.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Седьмой вид власти можно назвать счастливым и угодным богам; мы установим его в зависимости от жребия: вынудивший жребий должен править, не вынудивший — отступить и подчиниться. Мы признаём это в высшей степени справедливым.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. «Видишь ли ты, законодатель,— шутя d
сказали бы мы тому, кто с легким сердцем приступает

к установлению законов, — сколько есть обоснований власти, по природе своей противоречивых. Ныне мы открыли некий источник раздоров, о котором ты должен подумать. Прежде всего рассмотри вместе с нами, в чем и как погрешили против сказанного сейчас цари Аргоса и Мессены, погубившие, таким образом, и самих себя, и великую е в ту пору мощь эллинов. Ведь они знали в высшей степени верное изречение Гесиода, что часто половина больше целого²¹: например когда захватить целое опасно, а половины вполне достаточно, то, думал он, достаточно больше чрезмерного, так как оно лучше его».

Клиний. Совершенно правильно.

Афинянин. Что же, по-нашему, причина гибели в каждом отдельном случае коренилась прежде всего в царях или же в народе?

Клиний. Вероятнее то, что бывает чаще: это болезнь 691 царей, живущих заносчиво из-за роскоши.

Афинянин. Итак, очевидно, что прежде всего это постигло тогда царей. Они желали стоять выше установленных законов и не были согласны друг с другом в том, в чем поклялись и что на словах одобряли. Разногласие же, как мы утверждаем, — это величайшее невежество, хотя и кажется мудростью. Оно-то и погубило все из-за небрежности и досадной необразованности.

Клиний. По-видимому.

б Афинянин. Отлично. Как же мог бы тогдашний законодатель уберечься от возникновения этого зла? Клянусь богами, теперь-то не мудрено это знать и нетрудно высказать; но если бы кто предвидел это тогда, он был бы мудрее нас.

Мегилл. Что ты понимаешь?

Афинянин. Теперь это можно понять, если обратить внимание на то, что произошло у вас, Мегилл, и нетрудно сказать, что должно было тогда случиться.

Мегилл. Скажи яснее.

Афинянин. Всего яснее будет, пожалуй, сказать вот как...

Мегилл. Как?

Афинянин. Если, забыв меру, слишком малому придают что-либо слишком большое: судам — паруса, телам — пищу, а душам — власть, то все идет вверх дном; исполнившись дерзости, одни впадают в болезни, другие — в несправедливость, это порождение высокомерия²². Но к чему мы клоним речь? Вот к чему: смертная душа, друзья мои, не может по своей природе, если она молода и безответственна, вынести величайшей среди людей власти; разум ее преисполняется тяжелейшим недугом неразумия, и она начинает ненавидеть ближайших друзей, а это вскоре губит ее и уничтожает всю ее мощь. Только великие законодатели, познав соразмерное, могут этого остережться. Теперь весьма легко догадаться, что тогда случилось. По-видимому, вот что...

Клиний. Да?

Афинянин. Некий бог, провидящий будущее, заботился о вас. Он сделал более умеренной царскую власть, установив вместо одного двойной царский род. Затем некая человеческая природа, соединившись с какой-то божественной силой, поняла, что вашу власть все еще лихорадит, и соединила рассудительную мощь старости с гордой силой происхождения, установив в важнейших делах равнозначность власти двадцати восьми старейшин и царской власти. Третий же спаситель вашего государства, видя, что его все еще обуревают страсти, как бы узду набросил на него в виде власти эфоров, близкой к выборной власти²³. Потому-то у вас царская власть, возникнув из смеси надлежащих частей, была умеренной и, сохранившись сама, оказалась спасительной и для других. Между тем при Темене, Кресфонте и тогдашних законодателях, кто бы они ни были, даже и удел Аристодема²⁴ не был бы сохранен, ибо они были недостаточно опытными в законодательстве: иначе они не сочли бы возможным с помощью клятв укрощать молодую душу, получившую такую власть, что из нее легко могла возникнуть тирания. Но бог указал, какой и раньше и теперь должна быть постоянно пребывающая власть.

с Как я сказал раньше, ничего мудреного нет, если мы теперь это знаем: ведь нетрудно судить на примере прошлого. Но если бы тогда кто-нибудь мог это предвидеть и был в состоянии сделать власть более умеренной и единой вместо тройственной, он спас бы все прекрасное, что тогда было придумано, и никогда не двинулось бы ни персидское, ни какое иное войско против Эллады и не отнеслось бы к нам презрительно, как к малодостойным людям.

Клиний. Ты верно говоришь.

d Афинянин. Эллины постыдно защищались против них, Клиний. Не потому постыдно, что тогда не было одержано прекрасных побед в сухопутных и морских сражениях, но, полагаю, вот почему: во-первых, из трех существовавших тогда государств лишь одно сражалось за Элладу²⁵, остальные же два настолько низко пали, что одно из них даже препятствовало Лакедемону защищаться, e ведя по мере сил с ним войну²⁶, другое же, а именно Аргос, первенствовавшее при тогдашнем разделе, не повиновалось призыву идти против варваров и не пошло²⁷. Много можно было бы привести примеров из тогдашней войны, которые вовсе не свидетельствуют в пользу Эллады. Было бы даже 693 неверно утверждать, что Эллада себя защитила. Если бы афиняне и лакедемоняне, следуя общему замыслу, не отвратили надвигавшегося рабства, то почти смешались бы между собой все эллинские племена, а также варварские с эллинскими и эллинские с варварскими, подобно тому как эллины, находящиеся теперь под властью персов, живут скверно, в рассеянии: их то разъединяют, то объединяют.

Вот в чем, Клиний и Мегилл, можем мы упрекнуть тех давних так называемых государственных людей и законодателей, равно как и нынешних. Вскрывая причины их неудач, мы станем отыскивать, что же надо делать вместо этого. Вот, например, то, что мы сейчас сказали: не надо устанавливать законами могущественные и несмешанные власти, принимая во внимание, что государство должно быть свободным, разумным и дружественным самому себе;

законодатель должен давать законы, имея в виду именно это.

Не станем удивляться тому, что нередко, выдвинув какое-либо положение, мы утверждаем, что его-то и должен иметь в виду законодатель в своем законодательстве, между тем как у нас всякий раз, казалось бы, выдвигаются различные положения; надо принять в расчет следующее: когда мы утверждаем, что должно иметь в виду рассудительность, или разумность, или дружбу, то ведь это не разные точки зрения, но все одна и та же. Поэтому не будем смущаться разнообразием подобных выражений.

Клиний. Попытаемся поступить так, когда вернемся к нашему рассуждению. Поведай нам о дружбе, разумности и свободе, которые, по твоим словам, должны быть целью законодателя.

Афинянин. Слушай же! Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них, и на демократию как на второй. Монархия достигла высшего развития у персов, демократия — у нас. Почти все остальные виды государственного устройства, как я сказал, представляют собой пестрые соединения этих двух²⁸. Чтобы существовала свобода и дружба в соединении с разумностью, неизбежно надо быть причастным и к тому и к другому виду. Этого требует наше рассуждение, утверждающее, что государство, не причастное к ним, не может иметь хорошего строя.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Персы более, чем было должно, полюбили монархическое начало, афиняне — свободу; вот почему ни у тех ни у других нет умеренности. В лакедемонском и критском государственном устройстве больше меры; у афинян и у персов в старину тоже так было, теперь же в меньшей степени. Причины этого мы разобрали. Не так ли?

Клиний. Вполне, если только завершим нашу задачу.

Афинянин. Итак, внимание! Персы при Кире²⁹ держались середины между рабством и свободой и стали сна-

чала свободными сами, а затем — господами над многими другими. Но, будучи правителями, они уделяли подчиненным долю в свободе и относились к ним как к равным, так что воины были в большой дружбе с военачальниками и охотно шли навстречу опасности. Если кто из них был разумен и мог подать совет, царь не завидовал, но позволял быть откровенным и ценил тех, кто мог быть советчиком; он давал им возможность публично проявлять свою разумность, и потому в ту пору персам все удавалось — благодаря свободе, дружбе и обмену мнениями.

б

Клиний. По-видимому, все было так, как ты говоришь.

с

Афинянин. Почему же это погубло при Камбисе и снова почти возродилось при Дарии³⁰? Хотите, прибегнем в наших рассуждениях к своего рода предвидению?

Клиний. Да, это приведет наше рассмотрение к той цели, которую мы себе поставили.

Афинянин. Я догадываюсь относительно Кира, что в общем он был хорошим полководцем и любил свое государство, но совершенно не понимал правильного воспитания и не проявил разума как домохозяин.

Клиний. Можем ли мы это утверждать?

д

Афинянин. Видно, он с юных лет и в продолжение всей своей жизни был в военных походах, воспитание же своих детей поручил женщинам. А те воспитали их в сознании, что они счастливы и блаженны от рождения и ни в чем более не нуждаются. Эти женщины принуждали всех ни в чем не противоречить детям и делать вид, точно они вполне счастливы, а также восхвалять все их слова и поступки. Вот как они их воспитали.

е

Клиний. Прекрасное рисуешь ты воспитание!

Афинянин. Это женское воспитание — женщин царского двора, недавно разбогатевших, ибо ввиду недостатка мужчин — они заняты войной и многими опасными делами — именно эти женщины воспитывали детей.

Клиний. Это понятно.

695

Афинянин. Отец приобрел для них обширные стада крупного и мелкого скота, толпы рабов и много другого

имущества. Но он не знал, что те, кому он собирался передать все это, получают воспитание не на отечественный лад: ведь персы — пастухи, дети суровой страны; потому и воспитание их суровое, умеющее создать сильных и крепких пастухов, способных жить под открытым небом, бодрствовать и в случае нужды нести военную службу. Между тем Кир просмотрел, что его сыновьям было женщинами и внухами дано гибельное воспитание, слышущее счастливым, воспитание на мидийский лад, из-за чего они стали такими, какими и должны были стать воспитанные без наказаний. После смерти Кира власть перешла к его сыновьям, развращенным негой и ненасытностью. Из них сперва один убил другого, не желая терпеть себе равного, а затем и сам, безумствуя от пьянства и невоспитанности, потерял свою власть из-за мидян и известного тогда внуха, который презирал Камбиса за его глупость.

Клиний. Да, так рассказывают об этом, и, видно, все и было именно так.

Афинянин. Говорят, что власть снова перешла к персам благодаря Дарию и Семи³¹.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Рассмотрим это по порядку. Ведь Дарий не был сыном царя и не получил изнеженного воспитания. Встав у власти, которую он получил как один из Семи, он разделил государство на семь частей, от которых кое-что осталось до наших дней, точно сновидение, напоминающее о былом; затем он установил законы, введя некое всеобщее равенство; он обусловил законом Кирову дань, которую тот обещал персам, и дружелюбно общался со всеми персами, привлекая персидский народ деньгами и подарками. Поэтому войска охотно добавили к его землям не меньше, чем оставил Кир. После Дария Ксеркс³² был снова воспитан на царский, изнеженный, лад. «Ах, Дарий, Дарий, — по праву, пожалуй, можно было бы сказать, — как это ты не понял беды Кира и воспитал Ксеркса в тех же нравах, что Кир Камбиса!» Так как Ксеркс вырос в тех же условиях, что и Камбис, он и претерпел примерно то же самое.

Приблизительно с этого времени у персов уже не было на самом деле Великого царя — разве что только по имени³³. По-моему, причина здесь не в судьбе, но в дурном образе жизни, какой ведут большей частью дети особо богатых людей и тиранов. Под влиянием такого воспитания ни в коем случае нельзя отличиться в добродетели — ни в детстве, ни в зрелом возрасте, ни в старости. На это-то, утверждаем мы, и должен обратить внимание законодатель, а также и мы теперь в нашей беседе. Надо отдать справедливость лакедемоняне, вашему государству: вы ни частному лицу, ни царю, ни богатому, ни бедному не уделяете особых почестей и не создаете для них особых условий воспитания, кроме тех, которые возвестил вам изначально божественный законодатель от имени некоего божества. Ибо в государстве не должно существовать чрезмерных почестей лишь за то, что такой-то отличается богатством, быстротой, красотой либо силой, если все это не сопровождается какой-либо добродетелью, и даже за добродетель, если при этом отсутствует рассудительность.

Мегилл. Что ты имеешь в виду, чужеземец?

Афинянин. Мужество не есть ли часть добродетели?

Мегилл. Как же иначе?

Афинянин. Так выслушай же мое слово и сам рассуди: хотел бы ты иметь в своем доме или соседом человека очень мужественного, но нерассудительного и разнузданного?

Мегилл. Боже избави!

Афинянин. Ну, а мастера, мудрого в каком-либо искусстве, но несправедливого?

Мегилл. Никоим образом.

Афинянин. Но ведь справедливость не встречается отдельно от рассудительности?

Мегилл. Конечно, нет.

Афинянин. И так же точно не лишен рассудительности описанный нами сейчас мудрый человек, чьи удовольствия и страдания согласуются с верными мнениями и вытекают из них?

Меги́лл. Да.

d

Афи́янин. Рассмотрим же еще следующее по поводу государственных почестей — правильно ли они каждый раз воздаются или нет. . .

Меги́лл. Что именно?

Афи́янин. Если рассудительность одиноко пребывает в душе, без всей остальной добродетели, то какой она будет по справедливости — ценной, или наоборот?

Меги́лл. Не знаю, как и сказать.

Афи́янин. Это удачный ответ, ибо, что бы ты ни сказал, все, по-моему, было бы невпопад.

Меги́лл. Значит, получилось все к лучшему.

Афи́янин. Отлично. Ведь то, добавление чего обусловливает ценность, достойно не слова, но скорее полного молчания.

Меги́лл. Мне кажется, ты говоришь именно о рассудительности.

Афи́янин. Да. Из остального самым правильным будет выше всего ценить то, что с этим добавлением приносит нам наибольшую пользу, а то, что приносит меньше пользы, ставить на втором месте, и так все по порядку займет подобающее ему место.

Меги́лл. Действительно, это так.

697

Афи́янин. Что же? Подобное распределение ценностей не входит разве в задачу законодателя?

Меги́лл. Вполне.

Афи́янин. Согласен ли ты предоставить ему такое распределение в каждом деле, даже в мелочах? Или, так как и мы — ревнители законов, не попытаться ли нам со своей стороны произвести тройкое различие, выделив самое важное, а затем — стоящее на втором и на третьем месте?

Меги́лл. Конечно.

Афи́янин. Итак, мы утверждаем, что государство, желающее себя сохранить и по мере человеческих сил быть счастливым, должно по необходимости правильно различать ценности. Но самое ценное по праву — это блага, относящиеся прежде всего к душе, если в ней есть рассудитель-

b

ность, затем прекрасные качества тела и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или какое-то государство выйдут за эти пределы, оценив наиболее высоко достаток или поместив, в смысле ценности, низшее перед высшим, он совершит дело и негосударственное, и нечестивое. Согласны мы с этим или нет?

Мегилл. Конечно, согласны!

Афинянин. Несколько дольше распространиться об этом заставило нас рассмотрение персидского государственного устройства. Мы видим, что оно с каждым годом становится хуже. Причина же заключается в том, что персы чрезмерно лишили народ свободы и дали более, чем следует, развернуться деспотическому началу, так что в их государстве погибли общность и дружба. С их падением совет правителей, совещаюсь, имеет в виду не благо подданных и народа, но лишь свою собственную власть. Если они находят хотя бы малейшую выгоду для себя, они разрушают города, сжигают и опустошают даже дружественные племена, сея повсюду беспощадную ненависть; поэтому-то их все и ненавидят. Когда случается надобность, чтобы народы сражались за них, они не встречают никакой готовности подвергаться вместе с ними опасностям и сражаться за них, так что все их неисчислимые полчища оказываются непригодными для войны. И вот, точно у них недостаток людей, нанимают они наемников и думают найти спасение при помощи чужеземцев. К тому же они поневоле обнаруживают свое неведение, показывая своими поступками, что все считающееся ценным и прекрасным в государстве — всегда пустяк в сравнении с золотом и серебром.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Этим можно заключить наше доказательство, что у персов теперь все устроено неправильно из-за жестокого рабства и деспотизма³⁴.

Мегилл. Безусловно.

Афинянин. Теперь, после этого нам нужно точно так же разобрать аттическое государственное устройство, что-

бы показать, что полная свобода и независимость от всякой власти гораздо хуже умеренного подчинения другим людям. Во времена персидского нашествия на эллинов и чуть ли не на все племена, живущие в Европе, у нас еще существовал древний государственный строй, где правительственные должности основывались на имущественном цензе четырех классов. Владычицей у нас была некая совесть, благодаря которой мы охотно жили в подчинении тогдашним законам³⁵. К тому же величина персидского войска и флота нагнала на нас безысходный страх; мы еще больше подчинялись властям и законам, и благодаря этому среди нас воцарилась большая взаимная дружба. Ибо почти за десять лет до Саламинской битвы прибыло персидское войско во главе с Датисом³⁶, которого Дарий послал прямо против афинян и эретрийцев, чтобы их поработить, причем угрожал ему смертью, если он это не выполнит. Датис при помощи многочисленного войска в короткое время совершенно завладел Эретрией³⁷, а в наше государство пустил страшную весть, будто ни один эретриец от него не ушел, так как его солдаты, взявшись за руки, оцепили всю Эретрию. Это известие — верное или нет, — откуда бы оно ни исходило, поразило остальных эллинов, в том числе и афинян. Они разослали во все стороны гонцов, но никто не хотел оказать им помощи, кроме лакедемонян. Помешала ли им тогдашняя их война с Мессеной или что другое — этого мы не знаем, — но они пришли на день позже Марафонской битвы³⁸. После этого прибыло известие о больших приготовлениях и бесчисленных угрозах со стороны царя; однако через некоторое время стало известно, что Дарий умер, власть же перешла к его молодому, горячему сыну, который вовсе и не думал прекратить наступление. Афиняне полагали, что все это готовится именно против них — из-за Марафонской битвы. Узнав, что уже подкапывают Афон, а через Геллеспонт наводят мост³⁹, и услышав о множестве судов, они решили, что им нет спасения ни на суше, ни на море и что никто им не поможет; ведь они помнили, что во время первого нашествия и эретрий-

ских событий им никто не помог и не пожелал рискнуть стать их союзником. То же самое, ожидали они, постигнет их и на суше; в то же время и на море было очень трудно спастись, ибо там находилось более тысячи судов⁴⁰. Оставался один-единственный лишь выход, слабый и почти безнадежный: оглянувшись на предшествовавшие события, они заметили, что сражались и тогда при обстоятельствах, казавшихся очень трудными, однако победили. Опираясь на эту надежду, они обрели прибежище только в самих себе и в богах. Все это и господствовавший тогда страх, возникший под влиянием прежних законов и заставлявший им подчиняться, внушили им взаимную дружбу. В предшествовавших рассуждениях мы нередко называли этот страх совестливостью. Мы утверждаем, что ей должны служить те, кто намерен быть счастливым. Лишь презренные трусы свободны от этого страха. Кого не охватил бы тогда этот ужас, тот не собрался бы с духом и не дал бы отпора, не защитил бы святынь, могил, родины, своих домашних и друзей, не пришел бы им на помощь, но все мы были бы рассеяны поодиночке и разбросаны по миру.

Мегилл. Чужеземец, ты говоришь все правильно и достойно самого себя и своей родины.

Афинянин. Так обстоит дело, Мегилл. Перед тобой можно по праву излагать события того времени, так как ты одной породы с твоими предками. Посмотри же, вместе с Клинием, имеет ли то, о чем мы говорили, какое-то отношение к законодательству. Ибо я распространяюсь об этом не для того, чтобы только говорить, но ради предмета нашего рассуждения. Ведь вы видите: каким-то образом мы, афиняне, оказались в том же положении, что и персы, хотя те ведут народ к всевозможному порабощению, мы же, наоборот, направляем людей к всевозможной свободе. Какой же отсюда вывод? Ведь наши прежние рассуждения в известном смысле были прекрасны.

700 Мегилл. Хорошо сказано, но попытайся еще лучше разъяснить нам свои слова.

Афинянин. Пусть будет так. Друзья мои, когда были в силе наши древние законы, народ ни над чем не влаждествовал, но в некотором смысле добровольно им подчинялся.

Мегилл. О каких законах ты говоришь?

Афинянин. Прежде всего о тогдашних законах относительно мусического искусства, если уж разбирать с самого начала чрезмерный расцвет свободной жизни. Тогда у нас мусическое искусство различалось по его видам и формам. Один вид песнопений составляли молитвы к богам, называемые гимнами⁴¹; противоположность составлял другой вид песнопений — их по большей части называют френами; затем шли пэаны и, наконец, дифирамб, уже своим названием намекающий, как я думаю, на рождение Диониса^{41a}. Как некий особый вид песнопений дифирамбы называли «номами», а точнее — «кифародическими номами»⁴². После того как это и кое-что другое было установлено, не дозволено стало злоупотреблять обращением одного вида песен в другой. Распознать же их суть, а вместе с тем найти их знатока, а найдя, наказать неповинующегося — это не было делом свистков и нестройных криков толпы, как теперь; и не рукоплесканиями воздавали хвалу, но было постановлено, чтобы те, кто занимается воспитанием, выслушивали их в молчании до конца; дети же, их руководители и большинство народа вразумлялись при помощи указующего жезла. При таком порядке большинство граждан охотно повиновалось и не осмеливалось высказывать шумом свое суждение. После этого с течением времени зачинщиками невежественных беззаконий стали поэты, одаренные по природе, но не сведущие в том, что справедливо и законно в области Муз. В вакхическом иступлении, более должного одержимые наслаждением, смешивали они френы с гимнами, пэаны с дифирамбами, на кифарах подражали флейтам, все перемешивая между собой; невольно, по неразумию, они извратили мусическое искусство, словно оно не содержало никакой правильности и словно мерилом в нем служит только наслаждение, испытываемое тем,

кто получает удовольствие, независимо от его собственных качеств⁴³. Сочиняя такие творения и излагая подобные учения, они внушили большинству незаконное отношение к мусическому искусству и дерзкое самомнение, заставлявшее их считать себя достойными судьями. Поэтому-то театры, прежде спокойные, стали оглашаться шумом,

701 но зрители понимали, что прекрасно в музах, а что нет; и вместо господства лучших в театрах воцарилась какая-то непристойная власть зрителей. Если бы при этом здесь возникло только господство благородных людей из народа, еще не было бы чрезмерной беды. Но теперь с мусического искусства началось у нас всеобщее мудрствование и незаконие, а за этим последовала свобода. Все стали бесстрашными знатоками, бесстрашие же породило бесстыдство. Ибо это дерзость — не страшиться мнения лучшего человека и, пожалуй, худшее бесстыдство — следствие чересчур далеко зашедшей свободы.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. За этой свободой последовало нежелание подчиняться правителям, затем стали избегать подчинения отцу с матерью⁴⁴, всем старшим и их вразумлениям, а в конце концов появилось стремление не слушаться и закон.
с Достигнув этого предела, уже не обращают внимания на клятвы, договоры и даже на богов; здесь проявляется так называемая древняя титаническая природа; в своем подражании титанам⁴⁵ люди вновь возвращаются к прежнему состоянию и ведут тяжелую жизнь, преисполненную бедствий. Однако ради чего это нами сказано? Мне кажется, наше рассуждение нужно иной раз осаживать, точно коня: иначе нас понесет необузданность речи. Нам надо, по пословице, не ронять с осла нашей поклажи⁴⁶. Вот почему я и задаю вопрос: ради чего это сказано?

Мегилл. Отлично.

Афинянин. Это сказано вот ради чего...

Мегилл. А именно?

Афинянин. Мы утверждали, что законодатель должен иметь в виду тройную цель: чтобы устрояемое государ-

ство было свободным, внутренне дружелюбным и обладало разумом. Так было сказано, не правда ли?

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Ради этого мы выбрали, с одной стороны, самый деспотический, а с другой — самый свободный государственный строй. Посмотрим же теперь, какой из них более правильный. Если ввести и там и тут некоторую умеренность, в одном из них ограничить власть, а в другом свободу, тогда, как мы видели, в них наступит особое благополучие; если же довести рабство или свободу до крайнего предела, то получится вред и в первом, и во втором случае.

Мегилл. Ты говоришь сущую правду.

Афинянин. Ради этого мы рассмотрели устройство дорийского войска, поселение Дардана на предгорьях, приморские поселения, а также поселения первых людей, оставшихся после потопа; к тому же самому клонились прежние наши рассуждения о мусическом искусстве, об опьянении и все, что было сказано до того. А сказано все это ради рассмотрения вопроса о том, как лучше всего устроить государство и каким образом частному человеку лучше всего прожить свою жизнь. Можем ли мы себе доказать, Мегилл и Клиний, что мы поступили дельно?

Клиний. Мне кажется, чужеземец, у меня есть такое доказательство. Все рассуждения, что мы вели, возникли у нас, видимо, кстати. Ведь мне они сейчас совершенно необходимы, и я удачно встретил тебя и Мегилла. Не скрою от вас обоих то, что со мной случилось, ибо нашу встречу я считаю счастливым предзнаменованием. Большая часть Крита задумала основать колонию и поручила кносийцам заботу об этом; Кнос же передал это дело мне и девяти другим лицам. Мы уполномочены устанавливать законы — здешние, если некоторые из них нам нравятся, и чужеземные, не обращая никакого внимания на их чуждое происхождение, если они окажутся лучше. Доставим же себе это удовольствие: сделав отбор из того, что было сказано, построим, беседуя, государство, устроая его как бы с самого

начала. Мы будем рассматривать занимающий нас вопрос, а вместе с тем возможно, что и я воспользуюсь этим построением для будущего государства.

А ф и н я н и н. Клиний, это совсем не звучит как призыв к войне⁴⁷! Если только Мегилл не против, я готов предоставить в твое распоряжение все, что у меня есть: и силы, и разумение.

К л и н и й. Отлично.

М е г и л л. Я также предоставляю все, что у меня есть.

К л и н и й. Прекрасно сказали вы оба! Однако попробуем сначала словесно устроить наше государство.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**Общее вступление
к законодательству**

Афинянин. Ну, а каким же надо представлять себе это будущее государство? Я спрашиваю не о наименовании — нынешнем или будущем: ведь имя оно получит скорее всего от способа своего основания или от места, от реки, от источника либо от богов той местности, где оно будет основано; ведь вновь возникающее государство приобщится к их славе. Задавая свой вопрос, я хотел бы узнать, будет оно приморским или нет? 704

**Географические
условия будущего
государства**

Клиний. То государство, о котором у нас сейчас шла речь, чужеземец, будет отстоять от моря примерно на семьдесят стадий¹. b

Афинянин. Что же, будут у него на прибрежной полосе гавани, или оно совершенно будет их лишено?

Клиний. Да, чужеземец, там будут самые прекрасные гавани, какие только бывают.

Афинянин. Ах, что ты говоришь?! А окружающая местность? Разве она не производит все необходимое? Или чего-то недостает? c

Клиний. Пожалуй, там нет ни в чем недостатка.

Афинянин. Будет ли там по соседству какое-либо государство?

Клиний. Нет: потому-то и основывается поселение. Вследствие давнего выселения, происшедшего здесь, местность эта с незапамятных времен осталась пустынной.

Афинянин. Далее. Какая достанется здесь нам доля равнин, гор и леса?

Клиний. Местность эта по своей природе похожа на всю остальную часть Крита.

d Афинянин. Значит, ты назвал бы ее скорее гористой, чем равнинной?

Клиний. Именно так.

Афинянин. Следовательно, это государство может исцелиться и обрести добродетель. Ведь если бы оно было приморским, с прекрасными гаванями, и в то же время не производило всего необходимого, но испытывало бы во многом недостаток, то при такой природе ему понадобились бы великий спаситель и божественные законодатели, чтобы воспрепятствовать развитию всевозможных дурных наклонностей. Однако восемьдесят стадий служат некоторым утешением. Правда, оно расположено к морю ближе, чем должно, поскольку, по твоим словам, у него есть 705 прекрасные гавани; однако удовлетствуемся хоть этим.

Близость моря хотя и дарует каждый день усладу, но на деле это горчайшее соседство. Море наполняет страну стремлением нажиться с помощью крупной и мелкой торговли, вселяет в души лицемерные и лживые привычки, и граждане становятся недоверчивыми и враждебными как друг по отношению к другу, так и к остальным людям². Утешением в таких случаях служит то, что страна производит все необходимое, а раз эта местность гориста, то, очевидно, она производит немного, но зато все, что нужно. Иначе, обладая большим вывозом, она снова наполнилась бы, в обмен на него, серебряной и золотой монетой. А для государства, если взять вопрос в целом, нет, так сказать, большего зла, чем это, когда речь идет о приобретении благородных и справедливых нравов: сколько помнится, именно так мы сказали раньше в нашей беседе.

Клиний. Мы помним это и согласны, что и тогда, и теперь мы были правы.

c Афинянин. Дальше. Как обстоит в нашей местности с корабельным лесом?

Клиний. Там нет ни елей, ни сосен, о которых стоило бы говорить. Кипарисов тоже немного, пихт и платанов

мало совсем. А ведь они всякий раз нужны кораблестроителям для внутренних частей судов.

Афинянин. И в этом отношении природа местности неплоха.

Клиний. Как так?

Афинянин. Хорошо, когда государству нелегко подражать своим врагам в дурном.

Клиний. Что из сказанного раньше ты имеешь при этом в виду?

Афинянин. Друг мой, следи за мной, помня о том, что в самом начале было сказано о критских законах: ведь они, как вы оба сказали, имеют в виду только одно — войну; я же, возражая, ответил: прекрасно, если подобные узаконения имеют в виду добродетель, но нельзя согласиться с тем, что они имеют в виду лишь часть добродетели, а не всю добродетель в целом. Так вот, следите теперь за мной и за предстоящим законодательством — установлю ли я хоть один закон, который не имел бы отношения к добродетели или к какой-то ее части. Я полагаю, что лишь тот надлежащим образом устанавливает закон, кто подобно стрелку всякий раз метит в одну цель — ту, которая непрерывно влечет за собой нечто прекрасное, и оставляет в стороне все прочее — богатство и тому подобные вещи, если это не сопряжено с добродетелями, о которых мы говорили раньше. Я сказал, что дурное подражание врагам возникает в том случае, если какой-либо народ живет у моря и его тревожат враги: примером может служить (я говорю это не из злопамятства против вас) Минос, некогда принудивший жителей Аттики платить тяжкую дань³. Он располагал большой морской мощью⁴, у них же в стране не было ни военных судов, как теперь, ни корабельного леса, из которого было бы легко построить флот. Поэтому они не смогли, подражая корабельщикам Миноса, сами стать моряками и отразить тогда же врагов. Еще много раз довелось им терять семерку мальчиков, прежде чем стали они из стойких пешеходных бойцов моряками и приучились делать частые высадки с судов, а затем бегом быстро возвращать-

ся опять на суда; прежде чем возомнили, будто нет ничего постыдного в недостатке стойкой отваги и готовности умереть при натиске врага; прежде чем стали пользоваться весьма сподручными и правдоподобными предложениями при потере оружия и обращении в «почетное», как они выражаются, отступление⁵. Ведь подобные выражения, излюбленные на морской службе, вовсе недостойны бесчисленных похвал, какие им нередко воздают: напротив, никогда не следует прививать дурные привычки, тем более лучшей части граждан. А что подобные привычки нехороши, можно усвоить и из Гомера. Ведь Одиссей порицает у него Агамемнона, который приказал стащить корабли в море, когда ахейцев стали теснить троянцы. Одиссей обращается к

- d
е
- нему с сердитой речью:

Ты предлагаешь теперь же, во время войны и сраженья,
В море спустить корабли, чтоб еще совершилось полнее
Все по желанию тех, кто и так торжествует над нами!
Гибель над нами нависнет вернейшая. Кто из ахейцев
Выдержит бой, если в море спускать корабли вы начнете?
Будут все время они озираться и битву покинут.
Вред лишь советы твои принесут, повелитель народа!⁶

- 707
- б
- Значит, и Гомер также признавал дурным, когда на море, недалеко от сражающихся гоплитов, стоят триеры. С такими привычками даже львы научились бы бегать от ланей. Кроме того, в государствах, обязанных своими силами флоту, почести достаются вовсе не лучшему из воинов: ведь там, где победа зависит от кормчих, пентеконтархов и гребцов, то есть от людей различных и не слишком дельных, вряд ли кто-нибудь сможет надлежащим образом распределить почести. А если государство этого лишено, может ли быть правильным его строй?

Клиний. Пожалуй, это невозможно. Однако, чужеземец, мы, критяне, считаем, что морская битва эллинов с варварами при Саламине спасла Элладу⁷.

- с
- Афинянин. Да, так считает большинство эллинов и варваров. Но мы — я и вот Мегилл — думаем, мой друг, что спасению Эллады положила начало сухопутная битва при

Марафоне, а завершением его была битва при Платеях⁸. Именно эти битвы сделали эллинов лучшими, а те — нет: я имею в виду обе морские битвы — при Саламине и при Артемисии⁹; таким образом я охватываю все битвы, способствовавшие тогда нашему спасению.

Однако сейчас мы и природу местности, и строй законов обсуждаем с точки зрения наилучшего государственно-го устройства, ибо мы считаем самым ценным для людей не спасение во имя существования, как это считает большинство, но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни. Впрочем, мне кажется, мы уже об этом сказали раньше.

Клиний. Конечно!

Афинянин. Итак, рассмотрим еще только вот что: является ли тот путь, на который мы вступили, наилучшим для основания государств и для законодательства?

Клиний. Да, несомненно, он наилучший.

Афинянин. Далее, скажи: какой народ сделаете вы поселенцами? Сможет ли быть поселенцем всякий желающий с Крита, если в том или ином городе народа станет больше, чем может прокормить земля? Ведь вы не всякого принимаете к себе из эллинов, хотя я и вижу в вашей стране переселенцев из Аргоса, Эгины и других мест Элады. Скажи же нам, откуда вы навербуете граждан?

Клиний. Со всего Крита, конечно; а из остальных эллинов предпочтение будет отдано поселенцам из Пелопоннеса. Ведь, как ты верно заметил, здесь, на Крите, есть выходцы из Аргоса; да и наиболее известное здешнее племя, гортинское, образовано выходцами из пелопоннесской Гортины.

Афинянин. Основание государств происходит не так легко, если оно не совершается наподобие отроений пчел; хорошо, когда единое племя выселяется из одной какой-то страны, если она тесна, причем друзья отделяются от друзей, или когда какие-нибудь другие подобные обстоятельства вынуждают этот род выселиться. Бывает, однако, что междоусобия заставляют какую-то малую часть граж-

дан переселиться в другое место; а иногда и все граждане какого-нибудь государства бывают вынуждены бежать, наголову разбитые на войне. В одних из этих случаев легче основать поселение и дать ему законы, в других труднее. Единство племени, языка, законов, общность жертвоприношений и других подобных обычаев порождают некий род дружбы; однако в этом случае нелегко принимаются чужие законы и иное, чем на родине, государственное устройство. Иногда, из-за плохих законов и стремления, по привычке, держаться тех же обычаев, которые привели племя к гибели, происходят даже восстания; это причиняет немало затруднений основателю поселения и законодателю, вселяет к нему недоверие. С другой стороны, когда разноплеменные поселенцы стекаются воедино, они, быть может, более расположены повиноваться новым законам; но трудно создать среди них единомышленников — так, чтобы, по пословице, относящейся к лошадям, вся упряжка шла на едином дыхании: это требует долгого времени. Во всяком случае ничто так не способствует людской добродетели, как законодательство и основание государств.

Клиний. Возможно. Разъясни нам, что ты имеешь в виду, говоря это?

Афинянин. Друг мой, возвращаясь к рассмотрению законодателей, я должен буду, вероятно, указать и на кое-что нехорошее. Но это не беда, лишь было бы кстати. Что же именно мне не нравится? Ведь так, по-видимому, обстоит со всеми человеческими делами.

709 Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Я хотел сказать, что никогда никто из людей не дает никаких законов, но все законы даются нам случайностями и разными выпавшими на нашу долю несчастьями. Либо какая-нибудь война насильно перевертывает весь государственный строй и изменяет законы, либо бедствие тяжкой нужды. Да и болезни — если нападёт мор — вынуждают делать много нововведений, так что иной раз надолго, на много лет, водворяется безвременье. Усмотрев все это, всякий поспешит сказать, как я, что ни один смерт-

ный не дает никаких законов, но все человеческое зави- **в**
сит от судьбы и случая. Это утверждение кажется верным
в приложении к мореплаванию, кораблевождению, меди-
цине, военному делу; однако оно прекрасно применимо и в
настоящем случае.

Клиний. Какое именно утверждение?

**Образ
идеального
правителя**

Афинянин. Что бог управляет **с**
всем, а вместе с богом судьба и бла-
говременье правят¹⁰ всеми челове-
ческими делами. Впрочем, не будем так
строги: есть и нечто третье, следующее за ними, — искус-
ство. В самом деле: своевременное применение искусства
кормчего в случае бури дает, по-моему, большие преиму-
щества. Не так ли?

Клиний. Да, так.

Афинянин. То же самое действительно и для других
дел, особенно же для законодательства. Чтобы государство
благополучно существовало, оно постоянно нуждается кро-
ме удачного сочетания местных условий еще и в законода-
теле, придерживающемся истины.

Клиний. Сущая правда.

Афинянин. Итак, тот, кто обладает каким-либо из **d**
упомянутых искусств, правильно стал бы молить о таком
стечении обстоятельств, при котором не хватало бы только
его искусства?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Значит, все упомянутые сейчас люди, е-
сли предложить им высказать свое желание, высказали бы
именно это? Не правда ли?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И законодатель, думаю я, поступил бы
так же?

Клиний. По крайней мере я так считаю.

Афинянин. «Скажи же, законодатель, — обратимся **e**
мы к нему, — какое и находящееся в каком состоянии го-
сударство надо тебе дать, чтобы, приняв его, ты смог во

всем остальном устроить его сам?» Какого ответа, по справедливости, можно на это ждать? И не ответить ли нам от его имени?

Клиний. Да.

Афинянин. Так вот его ответ: «Дайте мне государство с тираническим строем. Пусть тиран будет молод, памятлив, способен к учению, мужествен и от природы великодушен; пусть, кроме того, душа этого тирана обладает теми свойствами, которые, как мы сказали раньше, сопровождают каждую из частей добродетели. Только тогда от остальных его свойств будет польза».

Клиний. Мне кажется, Мегилл, наш гость говорит о рассудительности как о спутнице добродетели.

Афинянин. Да, Клиний, о рассудительности, и притом в общепринятом смысле слова, а не о той, которую иные торжественно принуждают быть разумением. Нет, рассудительность с самого начала врождена даже животным и детям и сказывается в том, что одни из них могут, а другие не могут воздерживаться от удовольствий. Если эту рассудительность брать отдельно от многого того, что называется благом, то о ней не сто́ит и говорить. Ведь вы понимаете, что я имею в виду?

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Так пусть у нас тиран обладает и этим природным свойством в придачу к прочим, если только государство должно возможно скорее и лучше получить такое устройство, при котором оно станет самым счастливым. Ведь нет и не будет более удачного положения вещей для скорейшего и наилучшего устройства государства.

Клиний. Но как, чужеземец, и на каком основании тот, кто высказывает подобные взгляды, мог бы убедиться в своей правоте?

Афинянин. Легко заметить, Клиний, что, согласно природе, дело обстоит именно так.

Клиний. Что ты разумеешь? Если бы был, говоришь ты, тиран — молодой, рассудительный, способный к учению, памятливый, мужественный, великодушный. . .

Афинянин. Прибавь: удачливый¹¹, но лишь в том, что во время его владычества появится славный законодатель и некая судьба их сведет воедино. Если это произойдет, то богом будет совершено почти все, что он делает, когда хочет, чтобы какое-нибудь государство особенно преуспело. На втором месте мы поставим появление двух таких правителей, на третьем — трех: словом, трудностей будет тем больше, чем бóльшим будет число правителей, и наоборот.

Клиний. Оказывается, ты утверждаешь, что наилучшее государство может возникнуть из тирании — благодаря выдающемуся законодателю и рассудительному тирану и что подобный переход там всего быстрее и легче; возникновение же наилучшего государства из олигархии стоит у тебя на втором месте, из демократии — на третьем. Так ведь?

Афинянин. Вовсе нет. На первое место я ставлю возникновение государства из тирании, на второе — из царской власти, на третье — из какого-либо вида демократии, на четвертое — из олигархии. В самом деле, из нее труднее всего возникнуть совершенному государству, ибо при ней больше всего властителей. Мы же говорим, что возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве лицами. А поскольку, чем меньшее число лиц стоит у власти, тем она крепче, как, например, при тирании, то именно в этом случае всего быстрее и легче совершается переход¹².

Клиний. Но каким образом? Мы все-таки не понимаем.

Афинянин. Между тем об этом было сказано у нас не один раз. Но может быть, вы и не видели государства с тираническим строем?

Клиний. Я не слишком большой охотник до подобного зрелища!

Афинянин. Но ты увидел бы тогда то, о чем у нас сейчас идет речь.

Клиний. А что именно?

Афинянин. Если тиран захочет изменить нравы государства, ему не потребуется особых усилий и слишком долгого времени. Хочет ли он приучить своих граждан к добродетельным обычаям или, наоборот, к порочным, ему стоит только самому вступить на избранный им путь. Собственное его поведение будет служить предписанием, так как одни поступки будут вызывать с его стороны похвалу и почет, другие — порицание; ослушника же он будет покрывать бесчестьем за всякий его поступок.

Клиний. Но можем ли мы предположить, что остальные граждане поспешат пойти за тем, у кого есть власть не только убеждать, но и принуждать?

Афинянин. Друзья мои, не давайте никому себя убедить, будто государство может легче и скорее изменить свои законы другим каким-то путем, чем под руководством властителей; нигде этого не случится ни теперь, ни впредь. Однако не в этом немыслимость и сложность осуществления. Трудность здесь иного рода, и она редко, на протяжении веков, бывает устранена; зато уж если удастся ее устранить, государство, где это случилось, пользуется бесчисленными и даже всеми благами.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Это бывает, когда божественная любовь к рассудительным и справедливым нравам зарождается в лицах, облеченных высшей властью, — потому ли, что они монархи, или потому, что выделяются своим богатством и знатностью, — когда кто-нибудь из них возрождает в себе природные свойства Нестора¹³, превосходившего всех людей не только силой слова, но еще больше своей рассудительностью. Так было, по преданию, во времена Трои; в наше же время этого вовсе не бывает. Но если подобный человек родился, родится или теперь среди нас существует, то жизнь его блаженна и блаженны люди, внимающие 712 словам, исходящим из рассудительных уст. То же самое можно сказать и о всякой власти вообще: если у человека величайшая власть соединяется с разумением и рассуди-

тельностью, возникают наилучший государственный строй и наилучшие законы — иного не дано. Пусть это будет у нас неким священным словом, точно бы возвещенным оракулом; пусть считается доказанным, что хоть и трудно, с одной стороны, стать государству благоустроенным, с другой стороны, если бы случилось то, о чем мы сказали, нет ничего быстрее и легче.

Клиний. Как так?

Афинянин. Давайте мы, старики, попробуем, точно дети, создать на словах законы, подходящие твоему государству.

Клиний. Давайте, немедля.

Предварительный набросок идеального законодательства Афинянин. Призовем бога в помощь устройению нашего государства! Пусть услышит он нас и снизойдет к нам милостиво и благосклонно, чтобы совместно с нами упорядочить наше государство и его законы!

Клиний. Пусть снизойдет!

Афинянин. Итак, какого рода государственный строй установим мы мысленно в нашем государстве?

Клиний. Разъясни, будь добр, нам свой замысел. Говоришь ли ты о демократии, олигархии, аристократии или о царской власти? Ведь не о тирании же в самом деле станешь ты говорить!

Афинянин. Ну, так пусть тот из вас, кто хочет первым ответить на мой вопрос, укажет, какое государственное устройство у него на родине.

Мегилл. Не мне ли как старшему справедливее отвечать первым?

Клиний. Пожалуй.

Мегилл. Чужеземец, размышляя о государственном устройстве Лакедемона, я не могу так вот сразу указать, к какому роду его следует причислить. Оно похоже даже на тиранию, так как власть эфоров в нем удивительно напоминает тираническую. А иной раз мне кажется, что моя родина похожа на самое демократическое из всех государств.

е В свою очередь было бы во всех отношениях странным не признать в ней аристократию. Впрочем, есть у нас и пожизненная царская власть, признаваемая как нами самими, так и всеми другими людьми самой старинной. Так что на этот твой внезапный вопрос я, повторяю, не могу дать точного определения государственного строя моей родины¹⁴.

Клиний. Оказывается, Мегилл, в таком же положении и я: ведь я в большом затруднении, к какому виду можно с уверенностью причислить государственный строй Кноса.

713 Афинянин. Это потому, дорогие мои друзья, что у вас действительно есть государственное устройство; те же виды, которые мы только что назвали, это не государства, а попросту сожительства граждан, где одна их часть владычествует, а другая рабски повинует. Каждое такое сожительство получает наименование по господствующей в нем власти. Если бы и наше государство надо было наименовать таким образом, то должно было бы назвать его по имени бога — истинного владыки разумных людей.

Клиний. Какой же это бог¹⁵?

Афинянин. Не надо ли снова привлечь немножко на помощь миф, чтобы дать складный и ясный ответ на этот вопрос¹⁶?

Клиний. Да, надо это сделать.

б Афинянин. И даже очень. Говорят, что гораздо раньше тех государственных образований, которые мы разобрали выше, существовало, при Кроносе, в высшей степени счастливое правление и общество, которому подражает лучшее нынешнее государственное устройство.

Клиний. По-видимому, очень стоит об этом послушать.

Афинянин. По крайней мере мне так кажется; поэтому-то я и обратил на это особое внимание.

с Клиний. Ты поступил очень правильно и сделаешь еще лучше, если расскажешь миф до конца — раз уж он нам подходит.

Афинянин. Я должен исполнить ваше желание. До нас дошло предание о блаженной жизни тогдашних лю-

дей, о том, как им все в изобилии и само собой доставалось. Причина этому была, говорят, вот такая: Кронос знал, что никакая человеческая природа — мы говорили об этом — не в состоянии неограниченно править человеческими делами без того, чтобы не преисполниться заносчивости и несправедливости; сознавая все это, Кронос поставил тогда царями и правителями наших государств не людей, но демонов — существ более божественной и лучшей природы. Мы в наше время поступаем так со стадами овец и других домашних животных: ведь мы не ставим быков начальниками над быками и коз — над козами, но сами, принадлежа к лучшему, чем они, роду, над ними властвуем. Точно так же и бог, будучи человеколюбив, поставил тогда над нами лучший род, род гениев. Сами они с необычайной легкостью, не затрудняя людей, заботились о них и доставляли им мир, совестливость, благоустроенность и изобилие справедливости, что делало человеческие племена свободными от раздоров и счастливыми¹⁷. Это сказание, согласное с истиной, утверждает и ныне, что государства, где правит не бог, а смертный, не могут избежать зол и трудов. А подразумевается здесь, что мы должны всеми средствами подражать той жизни, которая, как говорят, была при Кроносе; мы должны, насколько позволяет присущая нам доля бессмертия, убежденно следовать этой жизни как в общественных, так и в частных делах — в устройении наших государств и домов, — именуя законом эти определения разума¹⁸. Если же какой-то отдельный человек, олигархическая власть или демократия, обладая душой, стремящейся к удовлетворению вожделений, требуют этого удовлетворения, в то же время ничего не могут сберечь и одержимы нескончаемым, ненасытным недугом, и при этом все они, поправ законы, станут управлять государством или каким-либо частным лицом, — тогда, как мы только что сказали, нет средств к спасению. Вот нам и надо, Клиний, рассмотреть это сказание: прислушаемся ли мы к нему или поступим как-то иначе?

Клиний. Необходимо к нему прислушаться.

Афинянин. Ты, конечно, заметил, что иные люди утверждают, будто существует столько же видов законов, сколько есть видов государственного устройства¹⁹. Сколько видов государственного устройства насчитывает большинство людей, это мы недавно разобрали. Не думай, будто это наше разногласие с мнением большинства незначительно; наоборот, оно очень важно, ибо мы снова разошлись во мнениях относительно того, что надо подразумевать под справедливостью и несправедливостью. Законы, по мнению иных людей, не должны иметь в виду ни войну, ни всю добродетель в целом; люди полагают, что законы должны иметь целью пользу уже установившегося правления, так, чтобы оно оставалось навеки и не было никогда нарушено. Такое определение справедливости они считают наиболее согласным с природой.

Клиний. Какое определение?

Афинянин. Глашащее, что справедливость есть польза сильнейшего²⁰.

Клиний. Скажи яснее.

Афинянин. Вот в чем дело: они утверждают, что те, кто одержал верх в государстве, и устанавливают там всегда законы. Не так ли?

Клиний. Ты прав.

Афинянин. «Не думаете ли вы, — говорят они, — что одержавший победу тиран, народ или другое какое-нибудь правление добровольно установят законы, имеющие в виду что-то иное, кроме их собственной пользы, то есть закрепления за собой власти?»

Клиний. Как может быть иначе?

Афинянин. Значит, тот, кто устанавливает законы, назовет эти законы справедливыми, а нарушившего их станет наказывать как преступника.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Стало быть, так и всегда обстоит дело со справедливостью.

Клиний. По крайней мере так вытекает из сказанного.

Афинянин. А это и есть одна из тех основ власти.

Клиний. Каких?

Афинянин. Тех, о которых мы упомянули, когда разбирали, кому надлежит кем править. Выяснилось, что родители должны править детьми, старшие — младшими, благородные — неблагородными. Помнится, было там немало и других утверждений, причем многие из них противоречили другим. В том числе говорилось там и об этом, и мы сказали, что Пиндар, ссылаясь на природу, оправдывает величайшее насилие²¹: так по крайней мере он говорит. 715

Клиний. Да, именно это было тогда указано.

Афинянин. Смотри же, кому нам следует вручить наше государство. Ведь в некоторых государствах многократно случалось вот что. . .

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Так как в государствах этих происходила борьба за власть, то победители присваивали исключительно себе все государственные дела — настолько, что побежденным, как самим, так и их потомкам, не давали ни малейшей доли в управлении. Всю жизнь они были настороже друг против друга, ибо боялись, что кто-то восстанет, захватит власть и припомнит им тогда прошлые их злодеяния. А ведь подобное положение вещей, как мы теперь утверждаем, не есть государственное устройство: неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях, и то, что считается там справедливостью, носит вообще это имя. Мы говорим так потому, что ведь в твоём государстве мы будем предоставлять государственные обязанности не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен или обладает другим каким-либо из подобных качеств, но тем, кто будет всего более послушен установленным законам и этим одержит победу в государстве. Такому человеку, утверждаем мы, надо первому предоставить верховное служение богам; второе по важности служение — тому, кто одержал вторую победу, и так далее, распределяя ме- ь с

d ста по тому же признаку. Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов: я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужеземец, ты дальновиден, как это и бывает в твоём возрасте!

e Афинянин. Когда человек молод, он очень плохо различает подобные вещи, в старости же, наоборот, очень отчетливо²².

Клиний. Сущая правда.

Афинянин. Что же дальше? Не предположить ли нам, что наши переселенцы уже пришли и стоят перед нами и дальнейшая наша речь должна быть обращена уже к ним?

Клиний. Конечно.

716 Афинянин. «Поселенцы, — скажем мы им, — бог, согласно древнему сказанию, держит начало, конец и середину всего сущего²³. Прямым путем приводит он все в исполнение, вечно вращаясь при этом²⁴, согласно природе. За ним всегда следует правосудие, мстящее тем, кто отступает от божественного закона²⁵. Кто хочет быть счастливым, должен держаться этого закона и следовать ему смиренно и в строгом порядке. Если же кто, по надменности, кичится богатством, почестями, телесным благообразием или, по молодости и неразумию, распаляет свою душу заносчивостью и начинает считать, что ему не нужен ни правитель, ни руководитель, но он сам годится в руководители другим, то такой будет покинут богом. Покинутый таким образом, он вместе с другими себе подобными мечется, все вокруг сокрушая. Многим он кажется человеком значительным, но в скором времени ему приходится дать должное удовлетворение правосудию; он до основания губит себя самого, свой

дом и государство. Вот как обстоит дело. Как же должен здесь поступать и мыслить разумный человек?»

Клиний. Во всяком случае вот что ясно: всякий человек должен мыслить себя одним из спутников бога.

Афинянин. «Какой же образ действий любезен и соответствует богу? Только один, согласно одному старинному изречению: подобное любезно подобному, если оно сохраняет меру; несоразмерные же вещи нелюбезны как друг другу, так и вещам соразмерным²⁶. Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог, гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению некоторых. Поэтому, кто хочет стать любезным богу, непременно должен насколько возможно ему уподобиться. В силу этого, кто из нас рассудителен, тот и любезен богу, ибо подобен ему; а кто не рассудителен, тот ему не подобен и, наоборот, отличен от него и несправедлив. То же самое положение сохраняется и в остальном. Выведем же отсюда правило, на мой взгляд, прекраснейшее и вернейшее из всех: для хорошего человека в высшей степени прекрасно, хорошо и полезно во имя счастливой жизни совершать жертвоприношения богам, общаться с ними путем молитв, приношений и всякого иного служения: ему это особенно подобает. Для человека дурного все, по самой природе, обстоит наоборот, ибо душа такого человека нечиста, хороший же человек чист; а принимать дары от человека запятнанного не должно ни доброму человеку, ни богу. Поэтому служение богам со стороны людей нечестивых тщетно, со стороны же благочестивых — очень уместно. Вот та цель, в которую мы должны метить. Но что будет с нашими стрелами и в каком направлении их надо метать, чтобы вернее всего попасть в эту цель? Благочестивой цели, скажем мы, вернее всего достигнет тот, кто прежде всего вслед за почитанием Олимпийских богов и богов — охранителей государства будет уделять подземным богам все четное, вторичное и левое: высшие же почести — все нечетное, первичное и правое — следует уделять тем богам, которые были названы первыми. Вслед за всеми этими богами разумный

человек станет почитать священными обрядами гениев, а после них и героев. Затем следует священное почитание, согласно с законом, частных святилищ родовых богов²⁷ и почитание тех родителей, что еще живы: ведь священная наша обязанность — выплатить им самые большие и настоятельные долги — главнейшие из всех повинностей; мы должны сознавать, что все, чем мы обладаем и что имеем, принадлежит тем, кто нас родил и вскормил; потому-то и должно по мере сил предоставлять все это к их услугам: во-первых — наше имущество, затем — наше тело, наконец — нашу душу. Только этим можем мы отплатить нашим родителям, когда они состарятся и нужды их увеличатся, за их заботливость, за муки родов и давние страдания, которые они претерпели ради нас в нашем детстве. Всю свою жизнь надо с особым благоговением относиться к своим родителям, выражая его в речах, потому что тяжелой бывает кара за легкомысленные, брошенные мимоходом слова: над всем этим поставлена надзирать Немесида, вестница Правосудия²⁸. Когда родители гnevаются, следует уступать их гневу, все равно сквозит он в словах или в поступках: ведь надо признать, что, если отец считает себя обиженным сыном, великий гнев его будет естественным. Когда родители скончаются, то самые скромные похороны — самые лучшие; не следует в пышности превосходить принятое обычаем, но не надо и отклоняться от того, что было установлено в отношении своих родителей нашими предками. Опять-таки должно проявлять ежегодное попечение о покойных, служащее их прославлению. Но высшее почитание заключается в постоянной, неослабной памяти о покойных

718 и в уделении им соответствующей части дарованного нам судьбой имущества. Так поступая и живя сообразно этому, все мы в каждом отдельном случае получим награду от богов и от тех, кто стоит выше нас, и большую часть нашей жизни проведем в добрых надеждах».

Что же касается того, как должны мы относиться к нашим потомкам, родственникам, друзьям, согражданам, к лицам, связанным с нами узами гостеприимства, вооб-

ще, как должны мы общаться с людьми, чтобы и собственная наша жизнь стала радостной и красивой, согласно закону, — все это объяснят сами законы. Они будут частью убеждать, частью исправлять с помощью силы и правосудия те характеры, что не повинуются убеждению: законы, руководясь советом богов, сделают наше государство вполне счастливым и блаженным. Мне кажется, что для законодателя, который придерживается тех же взглядов, что и я, но не может выразить их в форме закона, мной уже дан образец, что и как следует говорить ему и тем, для кого он устанавливает законы. Поэтому нужно, разобрав по мере сил все остальные вопросы, приступить к самому законодательству. Но какая форма для этого больше всего подходит? Не очень-то легко охватить все то, что сюда относится, как бы в одном общем очерке; однако не сможем ли мы здесь все-таки выставить одно основоположение. . .

К л и н и й. Скажи, какое?

А ф и н я н и н. Я хотел бы, чтобы граждане покорно следовали добродетели. Очевидно, и законодатель постарается провести это через все свое законодательство.

К л и н и й. Как же иначе?

А ф и н я н и н. Сказанное нами принесет, мне кажется, некоторую пользу в том смысле, что граждане, если только у них не окончательно загубела душа, станут более кротко и благосклонно внимать увещаниям законодателя. Во всяком случае следует удовлетворяться уже и тем, что мы сделаем слушателя хоть немного более благосклонным и в силу этого более способным к усвоению. Ведь не слишком-то легко и часто можно встретить людей, усердно стремящихся как можно скорее достичь по возможности более полного совершенства. И большинство людей объявляет Гесиода мудрецом за его слова, что путь к пороку «удобен и прям» и его можно совершить без труда, «но добродетель от нас

отделили бессмертные боги

Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога.
Если ж достигнешь вершины, настолько же легким
станет тогда твой путь, насколько был ранее тяжек»²⁹.

Клиний. Похоже, что это прекрасно сказано.

Афинянин. Да, в высшей степени. Но я хочу сказать вам, какое впечатление произвело на меня наше прежнее рассуждение.

Клиний. Скажи.

б Афинянин. Давайте обратимся к законодателю со следующими словами: «Скажи нам, законодатель, если бы ты знал, как нам надо поступать и говорить, ты, очевидно, и сказал бы нам это?»

Клиний. Непременно.

Афинянин. «Но разве мы не слышали от тебя несколько раньше, что законодатель не должен позволять поэтам творить то, что им нравится? Ведь поэты не знают, какими своими противозаконными словами принесут они вред государству».

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Будут ли несообразны наши слова, если мы от лица поэтов скажем законодателю. . .

с Клиний. Что именно?

Афинянин. Вот что: есть одно древнее поверье, законодатель, постоянно рассказываемое нами, поэтами, и принятое всеми остальными людьми: поэт, когда садится на треножник Музы, уже не находится в здравом рассудке, но дает изливаться своему наитию, словно источнику³⁰.

А так как искусство его — подражание³¹, то он принужден изображать людей, противоположно настроенных, и в силу этого вынужден нередко противоречить самому себе, не

д ведая, что из сказанного истинно, а что нет. Но законодателю нельзя высказывать два различных мнения относительно одного и того же предмета, а следует всегда иметь одно и то же. примени это к только что сказанному тобой о похоронах. Так, хотя существуют три вида похорон — чрезмерно пышные, наоборот, бедные и, наконец, умеренные — ты, законодатель, избрал только один вид, соблюдающий средину между двумя крайностями, и его одобрил и предписал. Я же, если бы вывел в своем сочинении чрезвычайно богатую женщину, делающую распоряжения о своем погре-

е

бении, стал бы хвалить только пышные похороны. Наоборот, если бы я вывел человека скаредного и бедного, то похвалил бы убогое погребение. Если же я выведу человека с умеренным состоянием, да и умеренного характера, то я похвалю и похороны соответствующие. Но тебе нельзя просто говорить: «умеренные похороны», как ты это сделал сейчас. Твое дело определить, что именно и в каком размере можно назвать умеренным: иначе не думай, что подобное твое слово станет законом.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Разве тот, кто у нас поставлен над законами, не предпошлет им ничего в этом роде, но сразу объявит: то-то надо делать, а того-то не надо и, пригрозив наказанием, сразу обратится к другому закону, не добавив ни словечка для увещания и убеждения тех, кому он эти законы дает? Впрочем, и врачи нас обычно так лечат — кто во что горазд. Однако припомним оба способа, чтобы обратиться к законодателю с той же просьбой, с какой обращаются дети к врачу, прося лечить их понежнее. Возьмем пример: ведь бывают врачи, но бывают и их помощники, которых мы тоже называем врачами. 720

Клиний. Конечно. ь

Афинянин. Эти последние, все равно свободные ли они люди или рабы, овладевают своим искусством путем наблюдения, опыта и указаний своих господ, но не в силу природной одаренности, благодаря которой свободные люди научаются сами да еще и обучают своих детей. Принимаешь ли ты это разделение тех, кого мы называем врачами, на два рода?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И вот не подметил ли ты, что врачи-рабы, хотя в городах болеют как рабы, так и свободные люди, лечат по большей части рабов, снуя повсюду и принимая их у себя в лечебницах³²? Никто из подобных врачей не дает своим пациентам-рабам отчета в их болезни да и от них этого не требует, но каждый из них, точно он все доподлинно знает, с самоуверенностью тирана предписывает те с

средства, что по опыту кажутся ему пригодными, вслед за чем поднимается и удаляется к другому больному рабу. Таким образом, он немало облегчает господину заботу о своих больных рабах. Врач же из свободных пользуется и лечит большей частью людей такого же рода. Он исследует начало и природу их болезней, беседует с больным и его друзьями, так что и сам получает кое-какие сведения от тех, кого лечит; вместе с тем, насколько это в его силах, он наставляет больного и предписывает ему лечение не прежде, чем убедит в его пользе. Такой врач, путем убеждения, делает своего больного все более и более послушным и уж тогда пытается достичь своей цели, то есть вернуть ему здоровье. Так какой же из этих двух врачей применяет лучший способ лечения? Подобный же вопрос можно задать и по поводу учителей гимнастики. Какой учитель гимнастики лучше: тот ли, кто употребляет двоякий способ для достижения своей цели, или тот, кто держится одного способа, к тому же более сурового и худшего из двух возможных?

Клиний. Несравненно лучше тот, кто применяет двоякий способ.

Афинянин. Хочешь, мы рассмотрим, как применяются эти способы — двоякий и однозначный — в законодательстве?

Клиний. Конечно, хочу.

Афинянин. Скажи же, ради богов, какой закон установил бы законодатель первым? Не естественно ли, что он прежде всего упорядочит рождение детей — эту первооснову государства?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Основа же для рождения детей во всех государствах — это брачные отношения и союзы.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Следовательно, первыми во всяком государстве будут по праву законы о браке.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Применим же сначала однозначный способ. Получится, пожалуй, следующий закон: всем надле-

жит жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти; кто этого не сделает, будет присужден к пене и лишению гражданских прав — в той или иной степени. Это простой закон о браке. Закон же, основанный на двойном способе, будет следующий: всем надлежит жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти и сознавая при этом, что человеческий род по природе своей причастен бессмертию, всяческое стремление к которому врождено каждому человеку³³. Именно это заставляет стремиться к славе и к тому, чтобы могила твоя не была безымянной. Ведь род человеческий тесно слит с совокупным временем; он следует за ним и будет следовать на всем его протяжении. Таким образом род человеческий бессмертен, ибо, оставляя по себе детей и внуков, род человеческий благодаря таким порождениям остается вечно тождественным и причастным бессмертию. В высшей степени неблагочестиво добровольно лишать себя этого; а между тем, кто не заботится о том, чтобы иметь жену и детей, тот лишает себя этого умышленно. Повинующийся закону не подвергнется наказанию. Ослушник же, не женившийся до тридцати пяти лет, должен ежегодно в наказание выплачивать такую-то сумму, чтобы ему не казалось, будто холостая жизнь приносит ему облегчение и выгоду. Ему не будет доли в тех почестях, которые всякий раз люди помоложе оказывают в государстве старшим.

Выслушав этот закон наряду с тем, вы можете судить, надо ли, чтобы законы не только угрожали, но и убеждали и вследствие этого стали бы по меньшей мере вдвое большими по объему, или же они должны употреблять только угрозы и быть вполнину короче первых?

Мегилл. Следуя лакедемонскому обычаю, чужеземец, всегда должно предпочитать краткость. Но, если бы меня поставили судьей над двумя этими положениями, так что мне предстояло бы решить, какое из них принять в государстве, я выбрал бы более пространное. То же самое сказал бы я и относительно любого закона, если бы он был составлен по этому образцу, двояким способом. Впрочем, и

Клинию должны нравиться только что предложенные законы. Ведь мы держим в мыслях, что именно его государство будет пользоваться этими законами.

Клиний. Ты прекрасно сказал, Мегилл.

Афинянин. Однако дело совсем не в пространности или краткости. Должно ценить, думаю я, не краткое и не подробное изложение, но наилучшее. Из приведенных сейчас законов один лучше другого для применения на деле вовсе не потому, что он вдвое больше; впрочем, здесь вполне уместно только что приведенное сравнение с двумя родами врачей. Видно, ни одному законодателю никогда не приходило на ум, что, издавая законы, можно пользоваться двумя средствами — убеждением и силой, насколько это возможно при невежественности и невоспитанности толпы; обычно законодатели пользуются только вторым средством. В самом деле, издавая свои законы, они не прибегают к увещаниям и убеждений к необходимости, но употребляют лишь чистое насилие. Я же, друзья мои, вижу, что к законам надо присоединить еще нечто третье, чего сейчас нигде нет.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. О том, что вытекает, по воле некоего бога, из наших нынешних рассуждений. Мы начали наш разговор о законах ранним утром, а теперь настал уже полдень, и мы подошли к этому прекрасному месту, где так хорошо отдохнуть; разговор наш все время шел об одних законах; между тем, мне кажется, мы только недавно начали говорить о самих законах, все же предшествовавшее было у нас лишь вступлением. Что я хочу сказать? Да то, что у всяких речей, у всего, что мы сообщаем с помощью голоса, бывает вступление и как бы предварительная разминка, представляющая собой некую искусную подготовку, облегчающую достижение цели. Например, так называемым законам пения под аккомпанемент кифары и законам любой другой музыки предпосылаются на диво тщательно разработанные вступления³⁴. Вступлений же к действительным законам — а таковы, утверждаем мы, только государственные зако-

ны — никто никогда не составлял, а если даже и составлял, е
то не стремился их обнародовать — словно и в природе их
нет. Нынешняя же наша беседа, думается мне, обнаруживает,
что такие вступления существуют. В самом деле, только
что указанные законы с двойным значением кажутся мне
не просто двузначными, но состоящими из двух частей: соб- 723
ственно закона и вступления к нему. Однозначный, несме-
шанный закон мы назвали тираническим повелением, упо-
добив его повелениям врачей, названных нами несвобод-
ными. То же, что было изложено прежде и Мегиллом было
признано увещанием, по своему значению равняется вступ-
лениям в речах. Мне ясно, что подобное увещательное рас-
суждение законодатель приводит ради того, чтобы те, кому
он дает законы, благосклонно приняли его предписания (а
это и есть закон) и вследствие этой своей благосклонно-
сти стали бы восприимчивее. Поэтому-то, по моему разу-
мению, это может быть названо только вступлением, но не
смыслом закона. Что же еще хотелось бы мне добавить к
этим моим словам? А вот что: законодатель всегда должен b
предпосылать своим законам вступления, помня хотя бы
на основании только что разобранный примера, как вели-
ка разница между законами, имеющими вступления и не
имеющими их.

Клиний. По моему мнению, человек, знающий толк
в подобных вещах, должен давать нам законы именно
так.

Афинянин. Мне кажется, ты верно заметил, Клиний,
что у всех законов должны быть вступления и что, при- c
ступая к любому законодательству, следует каждому по-
ложению предпослать подобающее ему вводное слово. Ибо
слово такое имеет большое значение. Очень важен также
вопрос, будет ли это ясно запоминаться или нет. Однако
мы были бы неправы, если бы постановили, что вступле-
ния к так называемым большим законам и к менее значи-
тельным должны звучать одинаково. Так ведь не следует d
поступать ни при пении, ни при произнесении речей. И хотя
естественно, чтобы были вступления ко всему, но не всеми

ими надо пользоваться. Предоставим же это на усмотрение самого оратора, певца и законодателя.

Клиний. Ты говоришь, по-моему, сущую правду. Однако, чужеземец, не будем больше замедлять течение нашей беседы и обратимся к основному ее предмету. Начнем, если тебе угодно, с того, что ты высказал тогда, еще не думая, что это окажется вступлением. Давайте снова, как говорят в играх, начнем сначала; быть может, во второй раз нам выпадет больше удачи³⁵ и мы действительно изложим вступление, не уклоняясь в обсуждение случайных предметов, как это случилось с нами недавно.

Итак, потолкуем о том же сызнова, признав, что законам должно предшествовать вступление. Однако о почитании богов и заботе о родителях довольно того, что было **724** уже сказано. Попытаемся сказать о том, что за этим следует, пока ты не найдешь, что все вступление изложено достаточным образом. А уж после этого перейдем к изложению самих законов.

Афинянин. Итак, мы говорим, что в тогдашнем вступлении достаточно было высказано о богах, о тех, кто идет вслед за богами, и о родителях, живых или уже покойных. Очевидно, ты приглашаешь меня высказать то, что не было пока затронуто, и как бы вывести на свет эти вопросы.

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Итак, после этого слушателям да и самому держащему речь надо обратиться к очень важному и касающемуся всех вопросу о том, в какой степени ревностно — больше или меньше — следует заботиться о своей душе, теле и об имуществе, чтобы по мере сил усовершенствовать свое воспитание. Вот что действительно нам надо **в** вслед за тем подвергнуть рассмотрению.

Клиний. Ты совершенно прав.

КНИГА ПЯТАЯ

А финянин. Да внемлет всякий, кто ныне внимал сказанному о богах и любезных нам прародителях! Из всех достойней человека, вслед за богами, душа — самое божественное, ибо она ему всего ближе. Все, что принадлежит каждому человеку, двойко: одна его часть — высшая и лучшая — господствует, другая — низшая и худшая — рабски подчиняется. Господствующую свою часть каждый должен предпочитать рабской. Поэтому я прав, требуя, чтобы каждый почитал свою душу; ведь, как я говорю, она занимает второе место после богов-владык и тех, кто за ними следует. А между тем никто из нас, можно сказать, не почитает душу по-настоящему, но только по видимости. Ведь почет — божественное благо, из зол же ничто его не заслуживает. Кто думает возвеличить душу какими-либо речами, дарами, уступками, но ничуть не старается сделать ее из худшей лучшею, тот почитает ее лишь по видимости, но не на самом деле. Всякий человек с раннего детства считает себя в состоянии все познать, думает, что похвалами он возвеличивает свою душу и потому охотно позволяет ей делать все что угодно. Мы же утверждаем, что, поступая так, человек вредит своей душе, а вовсе не возвеличивает ее. Между тем, согласно нашему утверждению, она должна занимать второе место после богов. Точно так же, когда человек в каждом отдельном случае считает виновником своих проступков и многих громадных зол других людей, а не самого себя, и когда он постоянно выгораживает себя, точно он вовсе и не виновен, он лишь по видимости почи-

726

727

в

тает свою душу, на деле же очень далек от этого, ибо он ей вредит. Также и в том случае человек вовсе не оказывает ей почета, но бесчестит ее, наполняя злом и раскаянием, когда он предаётся удовольствиям вопреки наказу и одобрению законодателя. И если, наоборот, он не выдержит до конца одобряемых [законодателем] трудов, страхов, болей и скорбей, но уступит им, то этой уступчивостью он тоже не окажет почета своей душе. Ибо, поступая подобным образом, он ее только бесчестит. То же самое получается, когда он считает жизнь во всех отношениях благом. Ибо если душа считает злом все находящееся в Аиде, то она не может противостоять этой мысли, не может рассудить, что, пока находится в неведении, не будет ли, наоборот, то, что относится к подземным богам, для нас величайшим из благ. И если кто предпочитает красоту [тела] добродетели, это тоже будет подлинным и совершенным бесчестием души. Ибо, согласно такому взгляду, тело ложно считается более достойным почета, чем душа. Ведь ничто земнородное недостойно большего почета, чем олимпийское; тот, кто держится иного мнения о душе, не ведает, каким чудесным достоянием он пренебрегает. Точно так же, если кто **728** стремится неблагоприятным путем приобрести имущество и обладание таким имуществом для него не тягостно, он всеми этими дарами вовсе не оказывает почета своей душе: при этом он очень ее унижает, ибо за небольшое количество золота продает все, что есть в душе драгоценного и вместе с тем прекрасного. Ведь все золото, что есть на земле и под землей, нельзя сравнить с добродетелью. Короче говоря, кто не захочет любыми средствами воздерживаться от всего, что законодатель, указав на это, постановил считать позорным и дурным, и кто, наоборот, не пожелает всеми силами упражняться в том, что законодатель постановил считать хорошим и прекрасным, тот, кто бы он ни был, не ведает, что во всех этих случаях он крайне бесчестно и безобразно обращается с самым божественным — со своей душой. Ведь никто, можно сказать, не принимает в расчет того, что почитается величайшим наказанием за злодея-

ние; состоит же это наказание в уподоблении себя людям дурным по самой своей сути и в том, что вследствие этого уподобления человек начинает избегать хороших людей и их слов, откалывается от них и прилепляется к дурным людям, ищет их общества. Сроднившись с этими людьми, он по необходимости должен поступать (и соответственно страдать) так, как, согласно со своей природой, поступают друг в отношении друга и говорят друг с другом подобные люди. Впрочем, это даже не правосудие — ибо правосудие и справедливость есть нечто прекрасное, — но возмездие, иными словами, страдание, сопутствующее несправедливости. Постигнет ли человека это возмездие или нет, все равно он несчастен; в последнем случае — потому, что он неисцелим, в первом — потому, что он погибнет, чтобы спаслись многие другие. Говоря в целом, честь наша состоит в том, чтобы следовать лучшему и улучшать худшее, если оно еще может стать совершеннее.

У человека нет ничего, что было бы больше души способно по своей природе избегать зла, разыскивать и находить высшее благо и, нашедши его, проводить остальное время жизни сообщая с ним. Потому-то душа и поставлена на втором месте в смысле почета, и всякий может сообщить, что наше тело по своей природе занимает в этом отношении лишь третье место.

В свою очередь надо рассмотреть и разные виды почта: какие из них истинны, какие обманчивы. Это задача законодателя. Мне кажется, он разъяснит этот вопрос приблизительно так: не то тело заслуживает почта, которое красиво, сильно, быстро, велико, здорово, хотя многие и держатся такого мнения; равным образом и не то, которое обладает противоположными качествами. Несравненно более надежны и лучше ведут к рассудительности свойства, занимающие средину между этими двумя состояниями. Ибо первое делает души пустыми и дерзкими, второе — низменными и неблагородными. То же самое относится к приобретению имущества и владений — оно расценивается в таком же соотношении. Избыток всего этого порождает

неприязнь и раздоры как в государственной, так и в частной жизни, недостаток же большей частью — рабскую подчиненность. Пусть также никто не будет корыстолюбив ради детей — чтобы оставить им возможно больше богатства: это нехорошо и для них, и для государства. Для молодых людей всего лучше и целесообразнее такое имущественное положение, при котором обеспечивалось бы необходимое и не было бы повода к лести; оно сделало бы их жизнь беспечальной, так как согласовало бы ее с нашей жизнью и уравновешивало бы ее со всем остальным. Не золото надо завещать детям, а высокую совесть. Мы думаем, будто молодым людям, поступающим бесстыдно, внушим ее своими наказаниями. Но это достигается не запоздалыми советами и не словесными требованиями во всем сохранять стыдливость. Разумный законодатель скорее посоветует старшим стыдиться младших и всего более остерегаться, как бы кто из молодых людей не увидел и не услышал с их стороны какого-нибудь скверного поступка или слова; ибо юноши неизбежно будут очень бесстыдными там, где бесстыдны даже старики.

Наилучшее воспитание молодых людей да и самих себя заключается не во внушениях, а в явном для всех осуществлении в собственной жизни того, что внушается другому. Кто чтит и уважает членов своей семьи и всех тех, которые вследствие кровного родства чтут одних и тех же богов, тот с полным правом может рассчитывать на милость семейных богов к его собственному семени — детям. Чтобы приобрести расположение друзей и приятелей в житейском общении с ними, надо оценивать их услуги выше, чем это делают они сами; наоборот, наши одолжения друзьям надо считать меньшими, чем это полагают наши друзья и приятели. По отношению к государству и гражданам наилучшим будет, бесспорно, тот, кто победам на Олимпийских играх и в любых военных или мирных состязаниях предпочтет славу служителя отечественных законов, лучше всех людей осуществившего в своей жизни это служение¹.

С другой стороны, в высшей степени священными

должно считать все обязательства по отношению к гостям-чужеземцам. Ибо почти все, что касается чужеземцев и направленных против них преступлений, подлежит божьему отмщению даже в большей степени, чем проступки против сограждан. Ведь чужеземец, не имеющий друзей и родичей, внушает более жалости и богам, и людям. Тот, кто способен отомстить, тем охотнее вступает за них. В особенности это может сделать имеющийся у каждого гостеприимный демон и бог: ведь они следуют за Зевсом-Гостеприимцем². Вот почему всякий, у кого есть хоть немного предусмотрительности, должен очень остерегаться, как бы не совершить никакого проступка против чужеземцев, и уж так держаться всю свою жизнь. Из проступков против чужеземцев и земляков величайшими являются всегда те, что совершены против молящих пощады³. Ибо тот бог, которого молящий призвал в свидетели данных ему обязательств, становится его главным стражем, и, таким образом, пострадавший никогда не останется неотмщенным.

730

б

Мы разобрали почти все об отношениях к родителям, к самому себе, к своему имуществу, государству, друзьям, родичам, чужеземцам и землякам. Вслед за этим надо рассмотреть, какие качества дают человеку возможность наилучшим образом прожить свою жизнь. И уже не закон, а похвала и порицание должны здесь воспитывать людей и делать их кроткими и послушными тем законам, которые будут изданы. Вот об этом нам и придется теперь говорить.

Во главе всех благ как для богов, так и для людей стоит правда⁴. Кто хочет быть счастливым и блаженным, тот с самого начала должен быть ей причастен, чтобы правдиво прожить по возможности долгое время. Такой человек внушает доверие; но его не внушает тот, кому мила добровольная ложь; кому же мила невольная ложь, тот безрассуден. Однако ни то ни другое не заслуживает зависти. Ведь никому не мил невежда, не заслуживающий доверия; его легко распознают по прошествии некоторого времени, и он

с

d сам себе подготавливает в конце жизни тяжкое одиночество старости. Жизнь его потечет сиротливо, все равно живы ли его друзья и дети или же нет.

Кто не совершает несправедливости — почтенен; но более чем вдвое достоин почета тот, кто и другим не позволяет ее совершать. Ибо первый равноценен одному, второй же — многим, так как он указывает правителям на несправедливость других людей. А кто по мере сил содействует правителям в осуществлении наказаний, тот человек совершенный и великий для государства: о нем следует возвести как о победителе в добродетели.

e Точно такую же похвалу нужно высказать относительно рассудительности, разумности и остальных благ, если обладающий такими благами не только владеет ими, но и может передать их другим. Передающий заслуживает самых высоких почестей; на втором месте стоит тот, кто хоть и не может все это передать, но желал бы уметь это делать. Порицания заслуживает завистник, не желающий

731 добровольно и дружески поделиться какими-либо благами. Однако не следует бесчестить достояние из-за его обладателя; наоборот, надо изо всех сил постараться это достояние приобрести. Пусть каждый из нас без зависти печется о добродетели. Тот, кто так делает, способствует росту государства, стремясь к добродетели сам и не препятствуя остальным клеветой. Завистник думает выдвинуться, клеветца на других, сам же не слишком стремится к истинной добродетели. Несправедливым порицанием он подрывает дух своих соперников и таким образом не дает государству возможности развивать состязание в добродетели; завистник, насколько это в его силах, уменьшает добрую славу своего государства.

b Однако любой должен уметь сочетать яростный дух с величайшей кротостью. Есть только одно средство избежать тяжких, трудноисцелимых и даже вовсе неисцелимых несправедливостей со стороны других людей: это бороться с ними, отражать, побеждать и неуклонно карать их. Никакая душа не может этого совершить без благородной ярости

духа. Что же касается тех, кто совершает несправедливые, но исправимые поступки, то прежде всего надо знать, что всякий несправедливый человек бывает несправедливым не по своей воле. Ибо никто, никогда и нигде не приобретал добровольно ни одного из величайших зол, и всего менее в той области, которая для него всего ценнее. Душа же, как мы сказали, — самое ценное для всех. И пусть лучше никто не воспримет добровольно величайшего зла той своей частью, что дороже ему всего, и не проведет всей своей жизни с таким достоянием. Человек несправедливый и обладающий злом заслуживает всяческого сожаления. Но уместно сожалеть лишь о человеке исправимом; но надо укрощать поднимающуюся ярость духа и не поступать, под влиянием огорчения, несдержанно, словно женщина. В отношении человека, не поддающегося вразумлению, безусловно скверного и злого, надо дать волю своему гневу. Вот почему мы сказали, что хорошему человеку надо в каждом отдельном случае быть и яростным, и кротким.

В душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не думает его избегать. Зло это заключается вот в чем: говорят, что всякий человек по природе любит самого себя и что таким он и должен быть. Но поистине в каждом отдельном случае виновником всех проступков человека выступает как раз его чрезмерное себялюбие. Ибо любящий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить, что справедливо, хорошо и прекрасно, и склонен ценить то, что ему присуще, предпочтительно пред истиной. Кто намерен стать выдающимся человеком, тот должен любить не себя и свои качества, а справедливость, осуществляемую им самим либо кем-то другим⁵.

Из этого же заблуждения проистекает и то, что всем свое собственное невежество кажется мудростью. Поэтому-то мы и считаем, что знаем все, тогда как мы не знаем, можно сказать, ничего. Мы не поручаем другим делать то, чего не умеем, пытаемся все делать сами и неизбежно ошибаемся. Вот почему каждый человек должен избегать чрезмер-

ного себялюбия, искать тех, кто лучше его, и не стыдиться ставить их выше себя.

Часто даются наказания не столь значительные, как эти, однако не менее полезные; надо припомнить их и о них побеседовать. Ведь как в реке вода постоянно убывает и прибывает, так и припоминание есть прилив уходящей разумности. Так вот: следует удерживаться от излишнего смеха и слез; надо советовать друг другу скрывать любую чрезмерную радость и страдание и пытаться сохранять благообразие. К нашему благополучию приставлен гений⁶; некоторым поворотам в нашей судьбе гении противостоят, как чему-то чрезмерно высокому. Хорошие люди всегда должны надеяться, что бог уменьшит трудности, выпадающие на долю каждого, изменит к лучшему теперешнее положение и дарует им на доброе счастье всевозможные блага, противоположные прежним бедам. Каждый должен жить в такой надежде и всегда обо всем этом помнить; надо, не скупясь, явственно напоминать об этом и самому себе, и другим как при серьезных занятиях, так и в играх.

Итак, о том, какой образ жизни нужно вести и каким должен быть каждый из нас, уже приблизительно сказано. Но это вещи скорее божественные, человеческих же мы еще не изложили, а между тем следовало бы. Ведь мы обращаемся к людям, а не к богам. Преимущественно человеческими по природе являются удовольствия, страдания, страсти. Всякое смертное существо неизбежно подвержено им и в своих устремлениях очень от них зависит. Поэтому должно свалить наилучшую жизнь не только за то, что она своим обликот может стяжать добрую славу, но и за то, что она приведет нас к тому, к чему все мы стремимся, — именно к тому, чтобы в течение всей жизни испытывать больше радости и меньше скорби, если только мы захотим вкушать наилучшей жизни и не удалимся от нее еще в юности.

Весьма легко выяснить, кто правильно вкушает от этой жизни. В чем состоит эта правильность? Это надо обсудить на основе разума и посмотреть, естествен или противостествен тот или иной образ жизни. Поэтому должно сравнить

приятную жизнь с неприятной. Мы желаем удовольствия, а не страданий: уж их-то мы не пожелаем избрать. Промежуточное состояние мы не предпочтем удовольствию, но страдание охотно на него сменим. Нам хотелось бы поменьше страданий в соединении с большим удовольствием; меньшее же удовольствие, сопряженное с большой скорбью, для нас нежеланно. Если же удовольствие и страдание соединены поровну, нелегко узнать, желанны они для нас или нет.

Во всем этом — как и в состояниях, противоположных тому, чего мы хотим, — количество, величина, сила и равенство далеко не безразличны в смысле выбора. Все это неизбежно устроено именно так. Значит, мы предпочтем такую жизнь, в которой в больших количествах и в сильной степени присутствуют и удовольствия, и страдания, но удовольствий больше и они более сильные. Противоположного мы не предпочтем. Так же точно мы не захотим такой жизни, где как то, так и другое незначительно, невелико и протекает спокойно и при этом страдания перевешивают; той же, где дело обстоит как раз наоборот, пожелаем. А где наблюдается равновесие, такую жизнь надо расценивать согласно сказанному выше: мы желаем такого равновесия, когда перевешивает то, что нам мило, а того, что нам противно, присутствует меньше.

Следует заметить, что жизнь любого человека от природы заключена в эти пределы, и надо обратить внимание, какой именно жизни мы ждем согласно природе. Если же мы станем утверждать, что желаем чего-либо вопреки ей, то наши слова будут следствием лишь неопытности и незнания действительной жизни.

Сколько есть родов жизни, желанных для нас и таких, что могут быть добровольно приняты как закон для каждого, а вместе с тем приятных, милых, наилучших и прекраснейших, при которых можно жить наисчастливейшим образом, насколько это доступно людям? Мы можем указать на следующие виды: рассудительную жизнь, разумную, мужественную, здоровую. Этим четырем видам противопо-

ложны четыре других: безрассудная жизнь, разнузданная, трусливая, нездоровая. Кто знаком с рассудительной жизнью, согласится, что она тиха во всех отношениях: страдания ее спокойны; удовольствия также спокойны; она не несет с собой ни расслабляющих страстей, ни неистовых вожделений. Наоборот, разнузданная жизнь полна резкости: страдания ее сильны; сильны и удовольствия; она несет с собой безумные, бешеные страсти и самые неистовые, какие только могут быть, вожделения. В рассудительной жизни удовольствия перевешивают тяготы, в разнузданной — страдания превышают удовольствия как величиной, так и количеством и напряженностью. Поэтому первый род жизни для нас более приятен, а второй по своей природе неизбежно становится более скорбным. Для того, кто хочет приятно жить, становится невозможным по доброй воле жить безудержанно. Отсюда ясно, что всякий бывает разнузданным против воли; это необходимо, если правильно то, что мы только что установили.

Жизнь всякой людской толпы лишена рассудительности либо по невежеству, либо из-за отсутствия самообладания, либо по обоим этим причинам. То же самое надо заметить и о здоровой жизни и нездоровой; в той и в другой есть удовольствия и страдания, но в здоровье удовольствия превышают страдания, а в болезнях наоборот. Мы же не захотим избрать такой род жизни, где перевешивают страдания; тот род жизни, в котором их меньше, мы считаем более приятным. В целом мы можем сказать, что жизнь рассудительная перевешивает разнузданную, разумная — безрассудную, мужественная — трусливую, ибо в первых как удовольствий, так и страданий меньше, они незначительнее и реже. Но в первых перевешивают удовольствия, а во вторых, наоборот, страдания. Так-то мужественная жизнь берет верх над трусливой, разумная — над безрассудной. Поэтому первые виды жизни приятнее вторых, то есть рассудительная, мужественная, разумная и здоровая жизнь приятнее трусливой, безрассудной, разнузданной и нездоровой. Словом, жизнь, причастная добродетели, душевной

ли или телесной, приятнее жизни, причастной пороку. С избытком превосходит она ее как во всем прочем, так и в смысле красоты, правильности, добродетели и доброй славы. Своего обладателя она заставляет жить решительно во всех отношениях счастливее, чем живет тот, кто ее лишен. e

Этими положениями можно закончить наше вступление к законам. За вступлением необходимо должен следовать сам закон или, вернее, очерк законов государства.

В тканях или в плетении нельзя делать ут́ок и основу из одного и того же материала: ведь основа неизбежно должна отличаться добротностью, обладать силой и известной крепостью; ут́ок же может быть слабее, и к нему относятся с известным снисхождением. Точно так же надо известным образом отличать будущих правителей в государствах от тех, кто иной раз может получать лишь незначительное воспитание. Есть два вида государственного устройства: один, где над всем стоят правители, другой — где и правителям предписаны законы. 735

Но предварительно надо обратить внимание вот на что: всякий пастух, волопас, конюх и другие такие же люди не раньше берутся за дело, чем очистят с помощью соответствующего подбора стада, отделив здоровых животных от нездоровых, породистых от непородистых; этих последних конюх отошлет в какие-нибудь другие стада и лишь тогда займется уходом за первыми⁷. Он понимает, что тщетным и напрасным будет труд, потраченный как на тело, так и на душу, если не произвести такой чистки. В последнем случае природная испорченность и скверное воспитание погубят в его достоянии также и ту породу, что обладает здоровым и чистым нравом, а также телом. Впрочем, что касается всех прочих живых существ, то здесь забот меньше; их стоит привести в этом рассуждении лишь для примера. Но люди заслуживают величайшей заботливости. Поэтому законодатель должен изыскивать и объяснять, что́ кому подобает делать для очищения и всего остального⁸. c

Относительно очищений государства дело обстоит так: d
полных очищений существует немало; одни из них легче,

- другие более тягостны. Тягостные и наилучшие мог бы установить лишь тот, кто одновременно является и тираном, и законодателем. Законодатель, лишенный тиранической власти, если даже он пользуется при установлении нового государственного строя и законов самыми мягкими способами очищений, должен удовлетворяться и этим.
- е** Наилучший способ мучителен, совершенно так же, как бывает, когда принимают подобного рода лекарства. При этом способе правосудие влечет за собой справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием⁹. Так обыкновенно отделяются от величайших, к тому же неизлечимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства. Более мягкий способ очищения заключается у нас вот в чем: если неимущие люди, следуя за своими вождями, выкажут, из-за недостатка воспитания, склонность
- 736** выступить против имущих, это станет болезнью, вкравшейся в государство. Поэтому их надо выслать прочь, делая это, однако, в высшей степени дружелюбно и смягчая их удаление названием «переселение»¹⁰. Так или иначе всякому законодателю надлежит это сделать сразу. Но мы пока оказываемся еще в более трудном положении, ибо в настоящее время мы не должны прибегать к переселению или к какому-либо отбору путем очищения. Но когда много ручьев и потоков вливаются в одно озеро и там сливаются вместе, надо прежде всего следить, чтобы сливающаяся вода была как можно чище, а для этого надо то вычерпывать, то отводить воду, устраивая каналы. Стало быть, и всякое устройство государства сопряжено, как водится, с трудом и опасностью. Впрочем, сейчас мы занимаемся этим лишь словесно, а не на самом деле. Поэтому предположим, что наши граждане уже собраны и что уже произведено разумное их очищение. Мы не дали плохим людям, пытавшимся сделаться гражданами нашего государства, осуществить свое намерение, ибо мы хорошо распознали их за достаточный промежуток времени путем всяческих испытаний; наоборот, хороших людей мы привлекли, обходясь с ними по мере сил дружелюбно и милостиво.
- с**

Пусть не укроется от нас одно счастливое обстоятельство, благоприятствовавшее, как мы указали, также и Гераклидам¹¹ при их переселении, а именно отсутствие страшного и опасного спора о переделе земли и о снятии долгов. Если в государстве понадобится такое законодательство, нельзя будет так или иначе поколебать его древних установлений; с другой стороны, попытка поколебать их будет недопустимой. Остается одно, можно сказать, пожелание: для тех, кто лишь мало-помалу переходит от одного к другому, возможен только следующего рода осмотрительный и незаметный переход — да и то в течение долгого времени: поколебать существующее положение могли бы люди, в изобилии владеющие землей, если бы они пожелали снисходительно отнестись к многочисленным своим должникам, видя их нужду: если бы они согласились часть долгов простить, часть же своего имущества поделить и если бы они так или иначе держались умеренности, то они убедились бы, что бедность заключается не в уменьшении принадлежащего им имущества, а в увеличении ненасытности. Это было бы величайшим началом спасения государства: на этом, как на надежном основании¹², можно затем воздвигать государственное устройство, добавляющее такому положению дел. Напротив, когда этот переход болезнен, дальнейшее положение общества никоим образом не будет благоприятным для государства. Мы считаем, что нам удастся этого избежать или, правильное сказать, если и не избежать, то все же обрести для этого средство. Это средство заключается в том, чтобы не искать несправедливого обогащения. Нет иного пути, ни широкого, ни узкого, чтобы избежать этой беды. Да будет это отныне как бы краеугольным камнем нашего государства¹³.

Так или иначе, надо устроить, чтобы граждане в отношении имущества не имели повода жаловаться друг на друга; ибо нельзя при наличии старинных взаимных жалоб продвигаться вперед в остальном государственном устройении; это ясно всем, у кого есть хоть немного разума. Где, как нам теперь, бог даровал возможность основать новое

государство, там не может быть никакой взаимной вражды. Если бы и здесь возникла вражда друг к другу из-за раздела земли и жилищ, то виной было бы нечеловеческое невежество, соединенное со всяческой испорченностью.

- c Каким же способом можно произвести такое правильное распределение? Прежде всего следует установить численность населения, иными словами, сколько будет у нас граждан. Затем надо решить, на сколько частей мы их поделим и как велика будет каждая часть. Обусловив все это, можно приступить к наиболее равномерному распределению земли и жилищ. Какое количество граждан будет достаточным, можно определить не иначе, как сообразуясь с количеством земли и с близлежащими государствами. Земли надо столько, чтобы она была в состоянии прокормить это число людей при условии их рассудительности, но не более. Граждан же нужно столько, чтобы они без особых затруднений могли отражать нападения окрестных жителей и помогать тем соседям, кого обижают. Когда мы увидим и местность, и соседей, мы определим все это и на словах, и на деле. Пока же это лишь общий очерк или набросок; покончив с ним, перейдем к законодательству.

- e Пусть будущих граждан будет пять тысяч сорок. Это — число подходящее: так земледельцы смогут отразить врага от своих наделов¹⁴. На столько же частей будут разделены земля и жилища; человек и участок, полученный им по жребию, составят основу надела. Все указанное число можно прежде всего разделить на две части, затем на три. По своей природе оно делится последовательно и на четыре, **738** и на пять, и на последующие числа вплоть до десяти. Что касается чисел, то всякий законодатель должен отдавать себе отчет в том, какое число и какие свойства числа всего удобнее для любых государств. Мы признаем наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей. Конечно, всякое число имеет свои разнообразные делители; число же пять тысяч сорок имеет целых пятьдесят девять делителей, последовательных же — от единицы до десяти. Это очень удобно и на

войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений.

Следующее надо на досуге крепко усвоить тем, кому предписывает это закон: ибо дело обстоит именно так и потому надо указать на это устройтелю государства.

Создается ли с самого начала новое государство или переустраивается выродившееся старое, все равно никто из имеющих разум не станет колебать ничего, касающегося богов и святых: какие именно, каким богам должны быть воздвигнуты святилища в государстве и именем каких богов или демонов будут они называться, во всем этом надо следовать Дельфам, Додоне, Аммону¹⁵ или же убедительным древним сказаниям о бывших знамениях и божественных наитиях. Люди, веря в это, устанавливали жертвоприношения, сопряженные с таинствами, либо местные, либо Тирренские или Кипрские, наконец, заимствованные еще откуда-нибудь¹⁶. Согласно этим сказаниям освящали божественные речения, статуи, алтари и храмы и отводили каждому из богов священные участки. Из всего этого законодателю нельзя трогать ничего, даже самого малого, но должно каждой части граждан дать особого бога, демона или героя. При разделе земли надо прежде всего выделить отборный священный участок со всем, что ему подобает; там в установленные сроки должна собираться каждая часть граждан, дабы облегчать взаимные нужды, выражать друг другу доброжелательство при жертвоприношениях, привыкать друг к другу и взаимно ознакомляться. Для государства нет более великого блага, как взаимное ознакомление граждан. Где во взаимоотношениях нет света, но царит тьма, там никто не может правильно достичь заслуженного почета, власти и подобающих прав. В любом государстве каждый человек должен стремиться всегда быть простым, правдивым, нелицемерным по отношению к другим и, будучи таковым, остерегаться обмана с их стороны.

Дальнейший ход рассуждения о законодательстве (точно решительный шаг в игре¹⁷) сначала, пожалуй, удивит

слушателя: так он необычен. Однако когда кто поразмыслит и понаблюдает, то согласится, что мы строим государство лишь второе по сравнению с наилучшим. Вероятно, его не примут, ибо необычен законодатель, не обладающий тиранической властью. Всего правильнее сначала изложить наилучший государственный строй, затем второй по достоинству и, наконец, третий, а после изложения предоставить выбор тому, кто стоит во главе общества. Согласно этому же замыслу поступим мы и сейчас, указав на государственное устройство первое по достоинству, затем на второе и третье. А выбор мы сейчас предоставим Клинию, вообще же в дальнейшем любому желающему, когда бы он этого ни пожелал, дабы он мог избрать по своей склонности то, что подходит для его родины.

b

c

d

e

Наилучшим является первое государство, его устройство и законы. Здесь все государство тщательнейшим образом соблюдает древнее изречение, гласящее, что у друзей на самом деле все общее¹⁸. Существует ли в наше время где-либо и будет ли когда, чтобы общими были жены, дети, все имущество и чтобы вся собственность, именуемая частной, всеми средствами была повсюду устранена из жизни? Чтобы измышлялись по мере возможности средства так или иначе сделать общим то, что от природы является частным, — глаза, уши, руки, — так, чтобы казалось, будто все сообща видят, слышат и действуют, все восхваляют или порицают одно и то же? По одним и тем же причинам все будут радоваться или огорчаться, а законы по мере сил как можно более объединят государство: выше этого, в смысле добродетели, лучше и правильнее никто никогда не сможет установить предела. Если такое государство устроят где-нибудь боги или сыновья богов и обитают в нем больше, чем по одному, то это — обитель радостной жизни. Когда оно есть, нет надобности взирать на другой образец государственного устройства, но достаточно возможно сильнее к нему стремиться. То государство, что мы теперь попытались изобразить, также очень близко к бессмертию, но оно занимает по своему значению второе место. Если будет на

то воля бога, мы попытаемся обрисовать и третье по значению государство. Сейчас же мы посмотрим, каково это второе по значению государство и как оно образуется.

740

Прежде всего пусть граждане разделят землю и жилища; общинного земледелия может и не быть, так как нынешнее поколение по своему воспитанию и образованию не доросло до этого. Однако раздел надо производить, считаясь со следующим: каждый получивший по жребию надел должен считать свой надел общей собственностью всего государства. Более, чем дети о своей матери, должны граждане заботиться о родимой земле: ведь она богиня—владычица смертных созданий¹⁹. Так же надо мыслить и о местных богах и гениях. А чтобы все это сохранилось навеки, надо еще заметить, что установленная нами численность очагов должна быть всегда одинаковой, то есть не увеличиваться и не уменьшаться. Прочного положения во всем государстве можно достигнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жилище всегда лишь одному из своих детей, самому любимому, который и будет его преемником, почитателем богов своего рода, государства и [людей], живых или уже окончивших свой век. Что касается остальных детей, — если у кого их не один, а несколько, — то девочек пристраивают согласно закону, который будет установлен, мальчиков же отдают в сыновья тем из граждан, у кого нет потомства, руководясь при этом более всего личным расположением. Если же такого расположения нет, а потомство мужского или женского пола многочисленно и в обратном случае, то есть при недостатке деторождения, всем этим будет вестись правительственное должностное лицо, причем должность эта будет значительнейшей и очень почтенной. Лицо это будет наблюдать, как следует поступить в том или ином случае, и изыскивать средство, чтобы общее количество хозяйств всегда равнялось только пяти тысячам сорока.

b

c

d

Средств таких много, например: воздержание от деторождения для тех, у кого обширное потомство, или, наоборот, попечение и заботы о многочисленном потомстве.

Можно достичь нашей цели с помощью почета или бесчестья или если старшие будут обращаться с увещаниями и наставительными речами к молодым. Наконец, если уж будет крайне трудно сохранить число пять тысяч семей ввиду появления чрезмерного количества граждан (плод взаимной любви, существующей между жителями), то, чтобы выйти из этого затруднения, у нас имеется чудесное средство, о чем мы не раз упоминали: устройство достаточного количества колоний. Это средство носит вполне миролюбивый характер; поэтому оно кажется вполне пригодным. Если же иной раз нахлынет обратная волна, несущая с собой разлив болезней и гибельные войны, и граждане осиротеют, причем их станет гораздо меньше установленного числа, то все же нельзя включать в число граждан всех желающих — тех, что воспитаны ложным образом. Но, по пословице, даже бог не может противиться необходимости²⁰.

Только что сказанное может быть выражено и в виде такого совета: «Лучшие из людей! Вы, сообразно с природой и этим числом, почитаете подобие, равенство, тождество и согласованность и не упускайте ни одной возможности для прекрасных и добрых деяний. Поэтому прежде всего сохраняйте на протяжении всей жизни установленную численность; затем сохраняйте величину и размеры вашего имущественного надела. Не бесчестите ваш первоначально соразмерный надел взаимной куплей или продажей, ибо не будет вам в этом союзником ни законодатель, ни бог».

Здесь впервые устанавливается закон для слушников, предупреждающий, что лишь при этих условиях желающий может получить надел, но не иначе: во-первых, земля посвящена всем богам; затем при первом, втором и третьем жертвоприношении жрецы и жрицы будут совершать молитвы о том, чтобы того, кто купил или продал полученные по жребию жилища и землю, постигла за это достойная кара. Записав это на кипарисовых таблицах, пусть поместят их в святилищах, дабы это служило напоминанием на будущее. Кроме того, за исполнением всего этого будет по-

ручено следить самому зоркому из должностных лиц, так, чтобы не укрылись происходящие иной раз нарушения и ослушники наказывались бы законами и богами. Насколько это установление, если его хорошо выполнять, оказывается благом для выполняющих его государств, этого, по старинной пословице, не узнать ни одному дурному человеку, но e лишь тот узнает об этом, кто обладает опытом и разумным нравом. Наживе вовсе нет места при подобном устройстве, а отсюда следует, что никто не должен — да, впрочем, и не может — наживаться неблагородным способом; поскольку это зазорное, так сказать, ремесло извращает благородные нравы, недопустимо даже желать подобного обогащения. 742

Сюда же относится и следующий закон. Никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром²¹. Однако для повседневного обмена должна быть монета, потому что обмен почти неизбежен для ремесленников и всех тех, кому надо выплачивать жалованье, — для наемников, рабов и чужеземных пришельцев. Ради этого надо иметь монету, но она будет ценной лишь внутри страны, для остальных же людей не будет иметь никакого значения. Общей же эллинской монетой государство будет обладать лишь для оплаты военных походов или путешествий в иные государства — посольств, либо — если это будет нужно го- b сударству, — всевозможных вестников. Словом, всякий раз как надо кого-то послать в чужие земли, государству необходимо для этой цели обладать действительной по всей Эл- ладе монетой. Если частному лицу понадобится выехать за пределы родины, оно может это сделать лишь с разрешения властей; по возвращении домой оно должно сдать государству имеющиеся у него чужеземные деньги, получив взамен местные деньги, согласно расчету. Если обнаружится, что кто-либо присвоил чужеземные деньги, они забираются в пользу казны; знавший же об этом и не сообщивший под- вергается вместе с тем, кто ввез эти деньги, порицанию и c проклятию, а также и пене в размере не менее количества ввезенных чужеземных денег. При женитьбе или замужестве совершенно не разрешается давать или брать какое-

нибудь приданое. Далее, нельзя давать в долг денег тому, кто не внушает доверия. Нельзя также отдавать деньги под проценты: в этом случае позволяется вовсе не возвращать ростовщику ни процентов, ни всего долга.

- d Судить о высоких качествах этих установлений правильнее всего, обращаясь всякий раз к нашему исходному намерению. Мы утверждаем, что намерения разумного политика вовсе не таковы, какими их рисует себе большинство: оно считает, будто хороший законодатель должен стремиться видеть свое государство великим; будто он дает хорошие законы, думая о том, чтобы государство было как можно богаче, чтобы оно обладало золотыми и серебряными рудниками и владычествовало над большинством государств как на море, так и на суше. Надо было бы добавить: надлежащий законодатель должен стремиться к тому, что-
- e бы его государство было наилучшим и счастливейшим. Это отчасти исполнимо, отчасти нет. Устроитель пожелал бы исполнимого; желать же неисполнимого было бы тщетно: тут напрасны все попытки. Например, устроитель пожелал бы, чтобы граждане стали добродетельными, а вместе с тем и неизбежно счастливыми; стать же очень богатыми, оставаясь добродетельными, невозможно — по крайней мере богатыми в том смысле, как это понимает большинство. Ведь богатыми называют тех избранных людей, которые
- 743 приобрели имущество, оцениваемое огромной суммой, хотя бы сам владелец и был дурным человеком. Если это и в самом деле так, то я лично никогда не соглашусь с большинством, будто богатый может стать поистине счастливым, не будучи хорошим человеком. А одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно. «Почему же?» — спросит, быть может, кто-то. «Потому, — ответил бы я, — что приобретать и честным, и бесчестным путем вдвое легче, чем одним только честным. Издержки же тех, кто не желает тратиться ни на прекрасное, ни на постыдное, вдвое меньше издержек прекрасных людей на прекрасные
- b нужды. При таких двойных доходах и половинных расходах разве разбогатеет тот, кто поступает прямо наоборот?

Из этих двух людей один хорош и другой не плох, если он бережлив; но нередко он вовсе плох и уж во всяком случае не хорош, как мы это сейчас показали. Тот, кто добывает средства и честным, и бесчестным путем, но не расходует их ни первым, ни вторым способом, бывает богат, если он к тому же и бережлив. Вовсе же плохой человек, как правило, расточителен и вследствие этого очень беден. Тот же, кто тратится на прекрасные дела, а приобретает свои средства одним лишь честным путем, вряд ли особо разбогатеет, однако не станет и очень бедным».

Следовательно, наше утверждение, что нет хороших и вместе с тем очень богатых людей, правильно. А кто не хорош, тот и не счастлив.

Наш набросок законов имел целью сделать людей возможно более счастливыми и дружелюбными. Но разве будут граждане дружелюбны там, где между ними много тяжб и много несправедливостей? Нет, только там они будут дружелюбными, где несправедливостей всего меньше и где они незначительны. Поэтому мы говорим, что в нашем государстве не должно быть ни золота, ни серебра, ни большой наживы путем ремесел и ростовщичества, ни чрезмерно обширного скотоводства, но должны быть только доходы, доставляемые земледелием; да и из них лишь такие, получение которых не вынуждает пренебрегать тем, для чего и нужно имущество. Это — душа и тело: лишены упражнения и другого воспитания, они не заслуживали бы внимания. Потому-то мы и говорили неоднократно, что имущество заслуживает всего меньше почета. Из трех вещей, о которых заботится каждый человек, забота об имуществе по справедливости занимает лишь треть, то есть последнее, место, забота о теле — среднее, на первом же месте стоит забота о душе. И государственный строй, который мы сейчас разбираем, окажется правильно установленным только в том случае, если почет будет распределен в нем именно так. Если же какой-либо из установленных законов ставит в государстве здоровье выше рассудительности по оказываемому ему почету, а богатство — выше рассуди-

тельности и здоровья, то это будет служить признаком, что подобный закон установлен неправильно. Вот почему законодатель должен часто задавать себе вопрос: «К чему, собственно, я стремлюсь? Достигну ли я своей цели или же потерплю неудачу?» Таким образом он, пожалуй, скорее завершит свое законодательство и избавит других от этих забот; никакого другого способа у него нет.

- b** Итак, мы утверждаем, что получивший надел по жребию должен владеть им на указанных условиях. Было бы прекрасно, если бы каждый член колонии обладал и всем остальным имуществом в равной доле со всеми. Но это невозможно: один явится, обладая большим имуществом, другой — меньшим. Поэтому, а также по многим другим причинам для удобства и равной доли для всех в государстве надо установить неравный имущественный ценз. Стало быть, должности, подати, распределения и подобающий каждому почет устанавливаются не только по личной добродетели или по добродетели предков, не только по силе и красоте тела, но и по имущественному достатку или нужде. Должности и почести распределяются как можно более равномерно, сообразно этому имущественному неравенству, причем нет никаких поводов к раздорам. В зависимости от величины имущества надо установить четыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе. Граждане либо пребывают в своем классе, либо, разбогатев или обеднев, переходят в подобающий каждому из них класс²².

- d** Кроме того, я установил бы как вытекающий из предыдущего и следующий вид закона: ведь мы утверждаем, что в государстве, непричастном величайшей болезни, более правильным названием которой было бы «междоусобие» или «раздор», не должно быть ни тяжелой бедности среди некоторых граждан, ни в свою очередь богатства, ибо бедность и богатство взаимно порождают друг друга. Вот и надо теперь законодательно установить пределы бедности и богатства. Пределом бедности пусть будет стоимость надела, который должен оставаться у каждого; ни один пра-
- e**

витель, а равно и ни один другой гражданин, ревнующий о добродетели, не должен тут ни у кого допускать уменьшения. Приняв это за меру, законодатель допускает приобретение имущества, большего по своей стоимости в два, три, четыре раза; если же кто приобретет свыше этого, найдя ли что-нибудь, получив ли от кого-то в подарок или наживши, — словом, если благодаря какому-нибудь подобного рода случаю у него окажется имущество, превышающее меру, он должен отдать избыток государству и его богам-покровителям. Сделав это, он обретет добрую славу и останется безнаказан; ослушника же этого закона может выдать всякий желающий, причем ему достанется половина суммы, другая же половина будет отдана в пользу богов; кроме того, виновный должен будет заплатить еще такую же сумму из своего имущества. 745

Все, чем владеет каждый, не считая надела, будет публично записано теми, кому это предписывает закон, то есть должностными лицами-стражами, так, чтобы все тяжбы, касающиеся имущества, стали бы легкими и вполне ясными. b

Затем прежде всего что касается местоположения нашего города, то оно должно быть по возможности срединным в стране. Надо выбрать местность, дающую городу все удобства. Сообразить это и выразить совсем нетрудно. После этого надо разбить страну на двенадцать частей. Прежде всего надо установить святилище Гестии²³, Зевса и Афины, назвать его акрополем и окружить стеной; начиная отсюда надо разделить на двенадцать частей и самый город, и всю страну. Эти двенадцать частей должны быть равноценными; поэтому те участки, где почва хороша, будут меньше, а где плоха — больше. Всех наделов устанавливается пять тысяч сорок. Каждый из них опять-таки делится пополам на два участка: близкий и дальний. Из этих двух половин и составляется каждый надел. Участок, ближайший к городу, надо объединить в один надел с участком, расположенным на окраине; участок, который поближе к городу, с таким, который не на самом краю; и так далее. d

При этом разделении на две части надо, как мы сейчас сказали, обращать внимание на плохое или хорошее качество почвы и соответственно увеличивать или уменьшать участки.

Граждан также надо разделить на двенадцать частей. Для этого надо произвести учет их имущества, а затем поделить его на двенадцать по возможности равноценных частей. Вслед за тем эти двенадцать наделов надо поделить между двенадцатью богами и каждую определенную жребием часть посвятить тому или иному богу, назвав ее его именем. Такая часть будет носить название филы. В свою очередь и город надо разделить на двенадцать частей, точно так же как разделена остальная страна. Каждому гражданину следует отвести два жилища: одно — близ срединной части города, другое — на окраине.

На этом можно закончить вопрос о поселении.

Но мы должны вообще иметь в виду еще вот что: все-
му указанному сейчас вряд ли когда-нибудь выпадет удобный случай для осуществления, так, чтобы все случилось по нашему слову. Вряд ли найдутся люди, которые будут довольны подобным устройством общества и которые в течение всей жизни станут соблюдать установленную умеренность в имуществе и рождении детей, о чем мы упоминали раньше, или люди, которые не обладали бы золотом и всем тем, что будет запрещено законодателем. А что такие запрещения будут, это ясно из всего сказанного раньше. К тому же это срединное положение страны и города, это кругообразное расположение жилищ! Все это точно рассказ о сновидении или искусная лепка государства и граждан из воска!

В известном смысле все сказанное нами — не худо, но надо еще раз обдумать про себя следующее. Ведь законодатель снова обратится к нам с такими словами: «Друзья мои, не думайте, будто от меня укрылась определенная истинность этих возражений. Но я держусь того мнения, что в каждом наброске наиболее справедливого будущего нельзя опускать ничего из самого прекрасного и истинного; это

будет служить образцом, к которому мы должны стремиться. Если там встретится что-либо неосуществимое, то, конечно, его нужно будет избегать и не стремиться к его выполнению. Но в остальном надо стараться осуществить то, что ближе всего к подобающему и по своей природе более всего ему сродни. Стало быть, надо дать законодателю возможность довести до конца все его намерения. Но затем надо вместе с ним рассмотреть, что из сказанного им полезно, а что слишком резко для законодательства. Ведь даже самый захудалый ремесленник, намереваясь создать что-либо заслуживающее упоминания, должен постоянно сообразовываться с сутью дела».

Теперь нужно внимательно рассмотреть, какой смысл в этом решенном нами разделении на двенадцать частей. Ведь внутри этих двенадцати частей есть много подразделений, а также других, вытекающих из этих последних как их естественное порождение. Так мы дойдем и до числа пять тысяч сорок. Этими подразделениями будут: фратрии, демы, комы²⁴ и различные военные отряды; кроме того, будут и такие подразделения: монета, меры веса, а также жидких и сухих тел. Закон должен установить соразмерность и взаимную согласованность всего этого.

При этом не надо бояться упрека в мнимой мелочности, когда будет устанавливаться даже количество обиходной утвари. Следуя общему правилу, надо считать числовое распределение и разнообразие числовых отношений полезным для всего, безразлично, касается ли это отвлеченных чисел или же тех, что обозначают длину, глубину, звуки и движение — прямое, вверх и вниз или же круговое. Законодатель должен все это иметь в виду и предписать всем гражданам по мере их сил не уклоняться от этого установления. Ибо для хозяйства, для государства, наконец, для всех искусств ничто так не важно и никакая наука не имеет такой воспитательной силы, как занятие числами. Самое же главное то, что людей от природы сонливых и невосприимчивых это занятие с помощью божественного искусства пробуждает и делает вопреки их природе восприимчивыми,

памятливыми и проникательными. Если также с помощью других законов и занятий удастся изгнать неблагогородную страсть к наживе из душ тех, кто собирается усвоить себе на пользу всю эту науку, то это было бы прекрасным и подходящим воспитательным средством. В противном случае вместо мудрости незаметно получится, так сказать, лишь плутовство, как это теперь можно наблюдать у египтян, финикиян и у многих других народов²⁵. Они стали такими либо из-за других, неблагородных, занятий и стяжаний, либо потому, что у них был никчемный законодатель, либо из-за постигшей их тяжелой доли, либо, наконец, потому, что такова сама их природа.

От нас, Мегилл и Клиний, не должно укрыться, что одни местности превосходят другие в смысле рождения лучших или худших людей. И невозможно устанавливать законы вразрез с местными условиями. Ведь в иных местах различные воздушные течения и зной делают людей странными и неудачливыми; с другой стороны, влажность климата и растительность не только делает то лучшим, то худшим тело, но все это не меньше может влиять и на душу. На земле превосходнее всех те местности, где чувствуется некое божественное дуновение: местности эти — удел гениев милостивых к исконным жителям; где этого нет, там все бывает наоборот. Разумный законодатель, обратив на это внимание, попробует, насколько это в человеческих силах, именно так устанавливать законы. Вот это-то и предстоит тебе сделать, Клиний, ибо прежде всего на это надо обратить внимание, если ты хочешь заселить страну.

Клиний. Твои слова, афинянин, прекрасны. Я так и поступлю.

КНИГА ШЕСТАЯ

**Организация
идеального
государства:
должности,
воспитание
и образ жизни
граждан**

Афинянин. Однако после всего 751
только что высказанного тебе при-
дется, пожалуй, обратиться к уста-
новлению должностей в этом госу-
дарстве.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. К государственному
благоустройству относятся две вещи: во-первых, установ-
ление должностей и будущих должностных лиц, то есть
определение их количества и способа введения их в долж-
ность; во-вторых, надо установить, какими законами будет
ведать каждая из должностей, и определить количество б
и качество этих законов. Однако, прежде чем произвести
этот отбор, задержимся немного и выскажем приличеству-
ющее этому поводу соображение.

Клиний. Какое именно?

Афинянин. Следующее: всякому ясно, что законода-
тельство — это великое дело. Но если хорошо устроенное
государство поставит непригодную власть над хорошо уста-
новленными законами, то законы эти не принесут никакой
пользы и положение создается весьма смешное; более того, с
это поведет к величайшему ущербу для государства и к его
гибели.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Представим себе, мой друг, что именно
эта опасность угрожает сейчас твоему государственному
строю и государству. Потому, видишь ли, и надо, чтобы
лица, законно помогающиеся правительственных должно-

стей, представили достаточное доказательство [добродетели] как своей, так и своего рода, начиная с детства и вплоть до времени избрания¹. В свою очередь и будущие избиратели должны быть хорошо воспитаны в духе законов, чтобы путем порицания или одобрения либо выбрать, либо отвергнуть избираемого — смотря по заслугам каждого. И разве смогут безупречно выбрать должностных лиц люди, лишь недавно собравшиеся вместе, не знающие друг друга да к тому же и лишенные воспитания?

Клиний. Это почти невозможно.

Афинянин. Однако, как говорится, отговорки не очень-то принимаются во внимание на состязаниях. Так вот, и нам с тобой надо сейчас так поступить. Ведь ты, по твоим словам, обещал критскому народу, вместе с девятью другими лицами, позаботиться об установлении государственного строя нового поселения. Я же обещал помочь тебе в нынешнем собеседовании. Поэтому мне не хотелось бы оставить свою речь незавершенной: ведь в таком случае она блуждала бы вокруг да около и показалась бы совершенно бесформенной.

Клиний. Превосходно сказано, чужеземец!

Афинянин. И не только сказано, но по мере сил я и осуществляю это.

Клиний. Давай же поступим так, как мы говорим.

Афинянин. Да будет так, если угодно богу и если мы сможем настолько превозмочь нашу старость.

Клиний. Вероятно, богу это угодно.

Афинянин. Да, видно, и в самом деле это так. Значит, следуя богу, заметим вот что...

Клиний. Что именно?

Афинянин. Что наше нынешнее государство будет устроено мужественно и отважно.

Клиний. В каком смысле? Что ты имеешь сейчас в виду?

Афинянин. Что мы легко и бесстрашно устанавливаем законы для людей неопытных, желая, чтобы они когда-нибудь приняли установленные ныне законы! Однако, Кли-

ний, всякому человеку, пускай и не слишком мудрому, ясно c
по крайней мере следующее: сначала люди нелегко примут
законы—какие бы они ни были. Если же мы останемся с
ними на все то время, пока их дети, вкусившие этих зако-
нов, не вырастут и достаточно с ними не освоятся и пока
они не станут принимать участие в государственных выбо-
рах, то, когда осуществится все, о чем мы говорим, — если
только каким-то образом это произойдет как следует, — по
моему мнению, государству, так воспитанному, обеспечена
прочная устойчивость на будущее время.

Клиний. Это не лишено основания. d

Афинянин. Итак, посмотрим, не найдем ли мы ка-
кого средства, достаточного для этой цели. Я утверждаю,
Клиний, что кносийцы, преимущественно перед остальны-
ми критянами, должны не только принести очистительные
жертвы во имя заселяемой ими страны, но употребить так-
же все старания, чтобы главные государственные долж-
ности оказались прочными и наилучшими. Что касается e
остальных должностей, то здесь дело проще. Однако спер-
ва нам надо со всей тщательностью избрать стражей зако-
нов.

Клиний. Но что послужит нам для этого указанием и
основанием?

Афинянин. А вот что: я утверждаю, о дети Крита,
что кносийцы, вследствие своего старшинства сравнитель-
но со многими государствами, должны вместе с остальны-
ми поселенцами выбрать из них и из своей среды в об-
щей сложности тридцать семь человек, при этом девят-
надцать — из числа поселенцев, остальных же — из самого 753
Кноса. Пусть этих последних кносийцы предоставят моему
государству; ты сам также будешь гражданином этой ко-
лонии и одним из этих восемнадцати. Кносийцы поступят
так либо по личному убеждению, либо уступая умеренному
нажиму.

Клиний. Так разве, чужеземец, ты и Мегилл не будете
принимать участия в нашем государственном строе?

Афинянин. Афины, Клиний, держатся гордо; да и

Спарта горда. Кроме того, они далеки отсюда. А у тебя все обстоит хорошо, да и у остальных поселенцев точно так же, как у тебя. Итак, пусть будет сказано о том, как лучше всего устроить дела при нынешнем положении.

С течением времени, когда окрепнет государственный строй, избрание должностных лиц будет производиться примерно следующим образом. В выборах государственных должностных лиц участвуют все, кто носит оружие, — всадники ли или пехотинцы, — и кто принимал участие в войне, состоя в отрядах соответственно своему возрасту. Выборы происходят в святилище, которое государство наиболее почитает. Каждый должен возложить на жертвенник бога дощечку, написав на ней имя и отчество избираемого, филу и дем, членом которого тот состоит²; точно таким же образом он должен приписать и свое собственное имя. Всякий желающий может, если ему покажется, что дощечка заполнена несообразно с его намерением, изъять ее и выставить на площади в течение не менее тридцати дней. Выбрав до трехсот дощечек, признанных главными, должностные лица показывают их всем гражданам.

Граждане подобным же образом выбирают из этих трехсот того, кого каждый хочет. Во второй раз из них отбирают сто и снова показывают всем. На третий раз пусть голосуют за тех, кто значится в числе этих ста, опять-таки за кого кто хочет, но уже принося клятву над внутренностями жертвенных животных. Тридцать семь человек, получивших наибольшее число голосов, становятся государственными правителями. Но кто, Клиний и Мегилл, будет в нашем государстве руководить выборами должностных лиц и производить докимасию? Мы понимаем, что в государствах, впервые таким образом становящихся единым целым, до выбора должностных лиц необходимо должны быть какие-то руководители. При этом они должны быть не кое-какими, но как можно более деятельными. Пословица гласит, что начало — половина всякого дела, и мы всегда воздаем прекрасному началу хвалу. В нашем же случае, как мне кажется, начало — больше, чем половина, и нико-

му не дано достойным образом восхвалить это прекрасное начинание.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Раз мы это сознаем, мы не можем обойти молчанием этот вопрос, не уяснив самим себе средства, ведущего к его разрешению. Многого я не могу сказать, разве только одно, но необходимое и полезное при настоящем положении дел.

Клиний. Что же это?

Афинянин. Я утверждаю, что у государства, которое мы собираемся основать, не будет иного отца и матери, кроме того государства, что основывает поселение. Мне хорошо известно, что часто бывают — да и будут впредь — многие различия между колониями и городами-основателями. Но тогда наше государство словно дитя, даже если будут у него какие-нибудь отличия от родителей, любит их, несмотря на все сложности нынешнего своего воспитания, да и родители его любят. Оно прибегает к своим родственникам и только в них всегда находит себе необходимых союзников. Вот я и утверждаю, что именно так будет обстоять дело у кносийцев благодаря их заботливости о новом государстве; и это новое государство будет так же относиться к кносийцам. Я повторяю только что сказанное, ибо полезно повторить дважды прекрасное. Кносийцы сообща должны позаботиться обо всем этом, выбрав старейших и по возможности лучших людей из числа колонистов в количестве не менее ста. Из среды самих кносийцев пусть поставят других сто человек. Они должны, утверждаю я, отправиться в новое государство и там позаботиться, чтобы должностные лица были назначены и проверены согласно законам. После этого кносийцы возвратятся в Кнос, новое же государство будет стараться самостоятельно поддерживать себя и преуспевать.

Пусть у нас и теперь, и впредь выбираются указанным способом тридцать семь должностных лиц. Они будут прежде всего стражами законов, затем — хранителями записей, где каждый гражданин укажет, для сведения

должностных лиц, количество своего имущества, за исключением четырех мин для первого класса, трех мин — для второго, двух мин — для третьего и одной мины — для четвертого. Если же окажется, что кто-нибудь приобрел сверх указанного в записи, то излишек изымается в пользу государства. Кроме того, всякий желающий может возбудить против приобретшего судебное дело; оно поведет вовсе не к доброй славе, а, напротив, к позору, если обнаружится, что этот гражданин пренебрег законами из-за корыстолюбия. Всякий желающий, указав в письменном виде на его позорное корыстолюбие, может привлечь его к суду в присутствии самих стражей законов. В случае осуждения он лишается права иметь свою часть в общем имуществе; если в государстве будет производиться какой-нибудь передел, он не получит в нем своей доли, кроме первоначального, полученного по жребию, надела; имя виновного в продолжение всей его жизни будет начертано там, где всякий желающий может его прочесть.

Страж законов не должен стоять у власти более двадцати лет; избирать на эту должность можно лишь лиц не моложе пятидесяти. Если будет избран шестидесятилетний, он будет править только десять лет, и так дальше, по тому же расчету, так что переступившие за семьдесят лет пусть имеют в виду, что в своем возрасте они уже не могут занимать эту должность.

Ограничимся пока этими тремя предписаниями относительно стражей законов. По мере развития законодательства перед этими лицами встанут кроме только что указанных новые задачи, о решении которых им также придется позаботиться.

А теперь перейдем к вопросу об избрании других должностных лиц. Вслед за указанными лицами надлежит произвести выборы стратегов и, так сказать, их помощников в ратном деле: гишпархов, филархов и тех, кто командует пехотными отрядами; этим последним всего более приличествовало бы название таксиархов, как, впрочем, большинство их и называет³. Лиц на должность стратегов стражи

законов выдвигают из числа граждан. Все причастные военному делу в данный момент и раньше имеют право избирать из числа предложенных лиц. Если окажется, что кто-то может предложить кого-нибудь лучшего, чем те, кто был предложен стражами, он может, присягнув, взамен этих выставить другого. Кто из двух при голосовании, производимом путем поднятия рук⁴, соберет наибольшее число голосов, тот допускается в качестве избираемого. Трое получившие наибольшее число голосов становятся стратегами и попечителями военных дел, однако лишь после того, как и они подобно стражам законов подвергнутся докимазии. Избранные стратеги сами выбирают двенадцать таксиархов, по одному для каждой филы. Впрочем, и здесь, как при выборе стратегов, допускается выдвижение других лиц. При этом точно так же происходит голосование путем поднятия рук и принятие окончательного решения. Пока не избраны пританы⁵ и совет, стражи законов созывают это собрание в самом священном и подобающем месте, по отдельности разместив тяжеловооруженных⁶, всадников, а также всех остальных воинов. За стратегов и гиппархов пусть голосуют, путем поднятия рук, все граждане; за таксиархов же лишь те, кто носит щит; филархов пусть избирает вся конница. Пусть стратеги сами назначат себе начальников над легковооруженными, над стрелками или над иного рода войсками.

Нам остается еще коснуться вопроса о назначении гиппархов. Их пусть выдвигают те, кто выдвигает также стратегов; избрание же и встречное выдвижение на ту же должность других лиц пусть тоже производится так, как при выборах стратегов. Конница пусть голосует путем поднятия рук, на виду у пехоты. Двое получивших наибольшее число голосов становятся во главе конницы. Если при поднятии рук возникнет неясность, допускается вторичное голосование. Если же и в третий раз будет неясность, пусть дело решают те, кто в каждом отдельном случае руководил голосованием.

Совет пусть состоит из тридцати дюжин членов. Чис-

ло «триста шестьдесят» допускает удобное деление. Разделив это число на четыре части, по девяносто в каждой, мы постановим, чтобы каждый из четырех классов граждан выбирал девяносто членов совета. Прежде всего все поголовно должны избрать представителей высшего класса; ослушник же подвергается установленному наказанию. После голосования следует записать имена избранных. На другой день избирают представителей второго класса, таким же образом, как происходило избрание накануне. На третий день все желающие голосуют за представителей третьего класса, однако трем первым классам это вменяется в обязанность, четвертый же класс, как самый низший, остается свободным от наказания, если кто из граждан этого класса не захочет голосовать. На четвертый день все голосуют за представителей четвертого, самого низшего класса; однако, если гражданин четвертого или третьего класса не захочет голосовать, он не подвергается наказанию. Не голосовавшие граждане первого и второго класса должны понести наказание, принадлежащие ко второму классу — наказание втрое больше первоначального, принадлежащие к первому — вчетверо больше. На пятый день должностные лица выносят списки с именами избранных для обозрения всем гражданам. Всякий снова должен голосовать за кого-нибудь из них под страхом повторения первоначального наказания. Когда таким образом от каждого класса окажутся избранными сто восемьдесят человек, половина их устраняется путем жеребьевки, остальные же на этот год становятся членами совета.

Выборы, производимые таким образом, занимают средину между монархическим и демократическим устройством: государственное устройство вообще должно всегда придерживаться средине⁷. Ведь рабы никогда не станут друзьями господ, так же как люди никчемные никогда не станут друзьями людей порядочных, хотя бы они занимали и равные по почету должности. Ибо для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая

мера. По обоим этим причинам государства наполняются междоусобицами. Истинна древняя пословица, что равенство создает дружбу: это сказано и вполне правильно, и складно⁸. Но какое именно равенство обладает такой силой, не слишком ясно, и это приводит нас в большое смущение. Есть два вида равенства: они хоть и одноименны, но на деле во многом чуть ли не противоположны между собой. Из этих двух видов первому может отвести почетное место всякое государство и всякий законодатель, руководя его распределением с помощью жребия: таково равенство меры, веса, числа. Но любому человеку нелегко усмотреть самое истинное и наилучшее равенство, ибо это — суждение Зевса. Людям его уделяется всегда немного; но поскольку оно уделено государству или частным лицам, оно создает все блага. Большему оно уделяет больше, меньшему — меньше, каждому дая то, что соразмерно его природе. Особенно большой почет воздает оно всегда людям наиболее добродетельным; противоположное же — тем, кто меньше преуспел в добродетели и воспитанности. Каждому оно разумно дарит надлежащее.

У нас все относящееся к государственному устройству постоянно совпадает со справедливостью. Мы, Клиний, уже теперь должны стремиться к этому равенству, имея в виду устроить наше растущее теперь государство. Если кто-то когда-нибудь будет устраивать другое государство, то и ему надо будет издавать законы, постоянно имея в виду именно это — справедливость, а не тиранов — одного или немногих — и не народовластие. В этом-то и заключается только что высказанная нами мысль о равенстве, установленном в каждом отдельном случае для неравных согласно природе.

Впрочем, всякому государству, если оно хочет в известной мере избежать внутренних волнений, необходимо воспользоваться и другим видом равенства, заимствовавшим свое имя от первого. Ведь пристойная снисходительность при своем осуществлении вопреки надлежащей справедливости оказывается нарушением строгого совершенства.

Поэтому вследствие недовольства большинства необходимо применять равенство путем жребия, причем бога и благую судьбу надо молить, чтобы они упорядочили жеребьевку с точки зрения высшей справедливости. Так-то и приходится 758 пользоваться обоими видами равенства; однако тем из них, которым управляет случайность, надо пользоваться как можно реже⁹.

Вот как, друзья мои, неизбежно приходится поступать государству, если оно хочет себя сохранить. Подобно тому как корабль, плывущий в море, нуждается в постоянной страже и днем и ночью, точно так же и государство держит свой путь среди бурного натиска остальных государств, рискуя подвергнуться всевозможным козням¹⁰. Поэтому неустанно, с утра до ночи и с ночи до утра, правители должны сноситься с правителями и стражи должны сменять стражей. Толпа никогда не сумеет быстро добиться этого. Правда, необходимо допустить, чтобы большинство членов совета значительную часть времени занимались своими делами и приводили в порядок свое хозяйство. Однако каждая двенадцатая их часть поочередно должна быть на страже — соответственно двенадцати месяцам. Они были бы к услугам каждого приходящего из чужих земель или гражданина самого государства, если он захочет сообщить о чем-то, либо, наоборот, узнать что-нибудь из числа тех вещей, о которых одному государству подобает давать ответы другим государствам или же, напротив, получать от них ответы. В особенности они должны предупреждать всякий раз внутренние волнения в государстве, которые обычно возникают по самым различным поводам; в случае их возникновения государство должно как можно скорее позаботиться о том, чтобы они улеглись. Поэтому верховные правители государства должны обладать постоянным правом созывать и распускать собрания, как установленные законами, так и те, необходимость в которых возникает внезапно. Всем этим пусть ведает двенадцатая часть совета, прочие же одиннадцать частей пусть отдыхают остальную часть года. Двенадцатая часть совета по-

стоянно стоит на страже государства вместе с остальными правителями.

Для города этих установлений, пожалуй, достаточно. e
Каковы же будут попечение обо всей остальной стране и установленный в ней распорядок? Раз весь город разделен на двенадцать частей, то не должно ли и всю страну также разделить на двенадцать частей? Не следует ли поставить каких-либо попечителей над дорогами, жилищами, постройками, гаванями, рынком, источниками, равно как и над священными участками, святилищами и всем тому подобным?

Клиний. Конечно, следует. 759

Афинянин. Скажем же, что в святилищах должны быть смотрители¹¹, жрецы и жрицы. А что касается дорог, построек и поддержания там порядка, — чтобы люди и животные не причиняли вреда в черте города и в предместьях и чтобы в государстве осуществлялось все надлежащее, — надо выбрать три рода должностных лиц: для только что указанного — так называемых астиномов¹², для наблюдения за рынком — агораномов, для святилищ — жрецов. b
Если в некоторых семьях жреческий сан — наследственный и переходит по мужской или женской линии, этого порядка не следует нарушать. Впрочем, во вновь основываемом государстве это, конечно, вряд ли может у кого-нибудь быть, разве что у немногих. Поэтому следует тем, у кого это не установлено, назначить жрецов и жриц, чтобы они управляли храмовую службу. Их назначение частью жеребьевки. При этом народ и те, кто к нему не принадлежит¹³, друженственно объединяются между собой в каждой части страны и в каждом городе, чтобы достигчь сколь возможно большего согласия. Что касается жрецов, то надо самому богу предоставить возможность выбрать тех, кто ему c
уден, поручив это, с помощью жребия, божественной судьбе. Однако всякий раз надо подвергать докимасии того, на кого вышал жребий, проверяя его телесное здоровье¹⁴ и законность рождения, а кроме того, плод ли он непорочного

d
e

ложа, чист ли он от убийства и не преступил ли он или его отец и мать другие подобные божественные установления. Относительно всего божественного надлежит взять законы из Дельф и пользоваться ими, назначив для этих законов истолкователей. Каждое жреческое звание должно быть годичным, никак не более. Тот, кто хочет, согласно священным законам и как надлежит, отправлять богослужение, должен иметь у нас не менее шестидесяти лет. Такое же законоположение пусть будет и относительно жриц.

e

Каждые четыре филы пусть трижды избирают четырех истолкователей, всякий раз по одному от каждой филы. Трое получивших наибольшее количество голосов подвергаются докимасии: все девятеро посылаются в Дельфы, чтобы из каждой тройки был избран один. Докимасия эта и положенный истолкователю возраст пусть будут такими же, как у жрецов, но они будут истолкователями пожизненно. А вместо выбывшего пусть доизберут другого те четыре филы, откуда он был.

760

Из высших классов изберут по три казначея для самых больших святилищ, для меньших — двух, для самых скромных — одного. Они будут ведать священной казной, священными участками и доходами с них, а также будут полномочны отдавать их в аренду. Избрание и докимасия казначеев пусть происходят так же, как у стратегов. Таков будет порядок относительно святилищ.

b
c

Пусть по мере сил ничего не остается без надзора. Надзор и попечение над городом будут осуществляться стратегами, таксиархами, гиппархами, филархами, пританами, а также астиномами и агораномы¹⁵, когда они будут у нас как следует выбраны и назначены. А вся остальная страна будет охраняться так: вся она будет разделена на двенадцать по возможности равных участков. Каждая фила получает по жребию один участок; ежегодно фила доставляет пять агораномов и начальников стражи¹⁶. Каждый из этих пяти избирает в своей филе двенадцать молодых людей, не моложе двадцати пяти лет и не старше тридцати; между ними по жребию распределяются участки страны,

каждому на один месяц, чтобы все они на опыте познакомились со всей страной и приобрели знания. Управление и надзор поручаются смотрителям и начальникам на два года. Получив вначале по жребию какой-либо участок, они ежемесячно сменяют его на соседний, по кругу слева направо, под руководством начальников стражи, справа при этом будет восток. Чтобы возможно большее количество надзирателей ознакомилось со страной не только в течение какого-то одного времени года, но узнало бы кроме страны также все происходящее в любом месте в любое время года по истечении года, на другой год тогдашние руководители снова поведут их, но теперь уже налево, постоянно меняя место, пока не пройдет второй год. На третий год надо избрать пять новых смотрителей рынков и начальников стражи — попечителей тех двенадцати молодых людей. Во время их пребывания в каждой данной местности попечение их будет состоять приблизительно в следующем: прежде всего страна должна быть как можно сильнее укреплена против врагов. Для этого следует проводить там, где надо, рвы, устраивать насыпи, чтобы этими сооружениями заградить по возможности путь тем, кто так или иначе попытается причинить зло стране и ее достоянию. Для этого можно использовать местных вьючных животных и рабов, привлекая их к работе и по возможности выбирая то время, когда они свободны от домашних работ; всем этим надо руководить. В стране все надо сделать непроходимым для врагов, для друзей же возможно более проходимым — и для людей, и для вьючных животных, и для стад. Надо заботиться о дорогах, чтобы они были как можно более благоустроенными, а также о дождевых водах, чтобы они не вредили стране, но приносили большую пользу, стекая с вершин во впадины горных ущелий. Надо заградить насыпями и рвами истоки, чтобы там скапливались и вбирались дождевые воды, образуя для всех нижележащих полей и местностей источники и ключи, которые даже самые сухие места обильно снабжали бы водой. Родниковые воды — будь то речные или ключевые — надо привести в порядок как

- можно лучше с помощью насаждений и сооружений; надо соединить их каналами, чтобы вся окружающая местность стала плодородной. Если поблизости находится роща или же священный участок, то путем орошения в каждое время года следует отвести туда воду, чтобы украсить святилища богов. Повсюду в таких местах молодые люди должны устраивать себе гимнасии, а старикам — горячие стариковские бани. Для этого надо собирать большое количество высохших и ставших совершенно сухими дров, на пользу людям больным и изнурившим свое тело земледельческим трудом. Последние нашли бы там гораздо лучший прием, чем со стороны не слишком сведущего врача.

- Так-то вот и таким образом вместе с приятным развлечением осуществлялись бы польза и порядок в этих местах. Серьезная же сторона дела заключается вот в чем: каждые указанные шесть десятков человек будут охранять свои места не только от врагов, но и от тех, кто называет себя другом. Если кто-либо из соседей или из остальных граждан — свободных или рабов — станет наносить друг другу обиды, то в маловажных случаях пятеро должностных лиц сами рассудят дело потерпевшего; в случае же более важных жалоб, когда речь идет о стоимости до трех мин, дело разбирается с присоединением двенадцати лиц, уже семнадцатью. Ни один судья и ни одно должностное лицо не должны действовать бесконтрольно, за исключением тех, кто, точно цари, выносит окончательное решение. Равным образом и зрители рынков, если они как-либо оскорбят тех, кто вверен их попечению, если неравномерно распределят задания или попытаются захватить и унести что-либо из земледельческих орудий без согласия на то владельца, а также если они станут брать дары от желающих подольститься или будут несправедливо распределять наказания, они будут как взяточники заклеены позором по всему государству. Что касается остальных допущенных ими нарушений в отношении к местным жителям, оцениваемых в одну мину, то, если зрители рынков согласны, они могут подвергнуться суду соседей и деревенских жителей. Ес-

ли же они не желают в надежде, что ввиду ежемесячного перехода на новое место они избегнут суда, то пострадавший в случае большего или меньшего нарушения должен обратиться в общий суд. Если он выиграет дело, то со зрителя, пытавшегося бежать и не желавшего добровольно подчиниться, в наказание взыскивается пеня в двойном размере.

Правители и зрители рынков в течение двух лет ведут следующий образ жизни. Прежде всего в каждой местности будут совместные трапезы, в которых все будут сообща столоваться. Кто без распоряжения должностных лиц или без вящей необходимости не будет в этом участвовать хотя бы только один день или отлучится на ночь и пятеро обнаружат это, они, записав его имя, выставят на площади как имя нарушителя обязанности стража порядка. Он подвергнется посрамлению как человек, изменивший в своем деле государству; любой, кто пожелает, сможет невозбранно наказать его палочными ударами. Если же кто из самих должностных лиц совершит нечто подобное, то об этом следует уже позаботиться всем шестидесяти. Если заметивший и узнавший об этом не возбудит дела, он подпадает под те же законы и наказывается более, чем молодые должностные лица: он лишается права занимать все должности, доступные этим лицам. Стражи законов пусть тщательно наблюдают за этим, чтобы ничего такого либо не возникало в самом начале, либо, раз это уже возникло, чтобы за этим следовало достойное наказание.

Каждый человек должен мыслить обо всех без исключения людях так: не может стать достойным похвалы господином тот, кто не был раньше подвластным; поэтому более чем умением хорошо властвовать, должно хвалиться умением хорошо подчиняться: прежде всего — умением подчиняться законам, что будет означать подчинение богам; затем — умением юношей подчиняться старшим, честно прожившим всю свою жизнь. Далее, ставший зрителем рынка должен в течение двух лет ежедневно отвеживать тяжкой и бедственной жизни. В самом деле, после того как

763 двенадцать будут избраны, пусть они соберутся совместно с пятью на совещание: ведь они, точно слуги, уже не будут иметь других слуг и рабов, не будут пользоваться для своих частных нужд услугами остальных земледельцев и поселян, но только для общественных надобностей. В прочем же пусть сами они обратят внимание друг друга на то, что им предстоит самим себя обслуживать; к тому же им зимой и летом придется во всеоружии обследовать всю свою область как для охраны, так и для постоянной осведомленности о всех местных событиях. Отчетливое знание каждым человеком своей страны — это наука, которая, пожалуй, не хуже всякой иной. Поэтому молодежь должна предаваться псовой или какой-то иной охоте не меньше, чем остальным удовольствиям, сопряженным с возникающей из них для каждого человека пользой. Тех, кто занимается этим (по роду их занятия), мы назовем разведчиками, или смотрителями, или каким-либо другим подходящим именем; но всякий намеревающийся надлежащим образом поддерживать свое государство пусть ревностно занимается этим по мере сил.

Затем нам следует поговорить об избрании должностных лиц: городских смотрителей и смотрителей рынков. Шестидесяти смотрителям рынков пусть соответствует трое городских смотрителей, которые разделят на три части двенадцать частей города; городские смотрители будут подражать смотрителям рынков в заботе как о городских улицах, так и о больших дорогах, ведущих по всей стране в город; в заботе о постройках, чтобы все они возводились согласно законам, а равным образом и о воде, чтобы количества ее, посылаемого и передаваемого ими попечению стражей порядка, хватило бы для источников и чтобы она была чистой и служила украшению и пользе города. Кроме того, астиномы должны иметь досуг, чтобы быть в состоянии заботиться об общем благе. Поэтому каждый из высших классов пусть выставляет желаемых лиц для выборов в городские смотрители; избрание совершается путем поднятия рук. Когда число лиц, получивших большин-

ство голосов, дойдет до шести, те, кому надлежит, будут e
выбирать из них троих путем жребия. Их прошлое под-
вергается проверке, и они правят согласно установленным
для них законам. После них надо произвести выборы пяти
смотрителей рынков из второго и первого класса. Во всем
прочем их выбор производится так же, как городских смот-
рителей: путем поднятия рук выбирается десять человек, а
уже из них путем жеребьевки выделяют пятерых, прове-
ряют их прошлое и наконец объявляют их должностны-
ми лицами. Пусть каждый избиратель участвует в каждом
голосовании, производящемся путем поднятия рук. Ослуш- 764
ник, лишь только должностные лица будут извещены об
этом, подвергнется пене в пятьдесят драхм и, кроме того,
прослывет дурным гражданином.

Всякий желающий может посещать народные сходки
или собрания. К этому посещению обязываются члены вто-
рого и первого класса под угрозой пени в десять драхм за
доказанное непосещение. Для граждан третьего и четвер-
того класса посещение не обязательно; им не угрожает пе-
ня, разве лишь когда должностные лица вследствие какой-
либо надобности объявят присутствие всех обязательным. b

Агораномы должны охранять на рынке порядок, пред-
писанный законами, заботиться о находящихся на город-
ской рыночной площади святилищах и источниках, чтобы
никто ни в чем не терпел обиды; нарушителя же надо на-
казывать, если он раб или чужеземец, палочными ударами
и тюремным заключением, если же станет бесчинствовать
местный житель, то агораномы выступают полномочными
судьями в тяжбах, не превышающих ста драхм; присуж- c
дать обидчика к пене в двойном размере по отношению к
этому они могут лишь сообща с астиномами. Такое же пра-
во налагать пени и наказание будет и у астиномов в под-
начальной им местности; пеню до одной мины они могут
налагать сами, в двойном размере — совместно с агорано-
мами.

Затем следует назначить должностных лиц, ведающих
мусическим и гимнастическим искусствами, — тех и других

- по два: одного — для обучения, другого — для состязаний. Под первыми закон понимает попечителей над гимназиями и училищами, поставленных для наблюдения за порядком, воспитанием, посещаемостью и пребыванием там мальчиков и девочек; под вторыми — судей над участниками гимнастических и мусических состязаний. Эти последние будут опять-таки двоякого рода: одни — судьи в мусическом искусстве, другие — в телесных состязаниях. При состязаниях людей или коней присуждать награду будут одни и те же судьи; но при мусических состязаниях одни будут присуждать награды в одиночном пении и в мимическом искусстве, то есть рапсодам, кифаристам, флейтистам и подобным им мастерам, другие же будут присуждать награды за хоровое пение. Сначала надо выбрать руководителей хоровых игр, то есть хоров мальчиков, мужчин и девушек, их плясок и других видов искусства, воспитателей их мусической стройности. Для этого достаточно одного руководителя, не моложе сорока лет. Для одиночного пения будет также достаточен один руководитель, не моложе тридцати лет; он будет допускать к состязаниям и судить состязающихся. Руководителя и устроителя хороводов надо выбирать так: те, кто возымел к этому делу склонность, должны явиться на собрание под угрозой наказания в случае неявки; при этом судьями будут стражи законов. Для остальных это не обязательно, если они не желают. Выдвигать для избрания надо сведущих лиц; равным образом при докимасии, отводе или утверждении будет приниматься во внимание одно лишь это обстоятельство, а именно: принадлежит ли избранный по жребию к числу сведущих лиц или нет. Из числа десяти лиц, предварительно избранных путем поднятия рук, по жребию избирается на тот же год руководитель одиночного пения и сопровождения на флейте, причем особо назначенные судьи подтверждают его избрание. После этого надо из второго и третьего класса избрать распорядителей-судей для гимнастических состязаний людей и коней.

Участвовать в выборах обязуются все принадлежащие

к первым трем классам; а самый низший класс пусть останется безнаказанным, если не примет участия в выборах. Пусть будет выбранных по жребию только трое, а всех лиц, предварительно избранных путем поднятия рук, двадцать. Из этих двадцати трое выбираются по жребию, только если они получают в свою пользу голоса лиц, производящих докимасию. Если же тот, на кого пал жребий и о ком надо принять решение, будет при докимасии забракован, на его место надо избрать иных людей тем же самым способом и так же подвергнуть их докимасии. d

У нас остается еще одна государственная должность (касающаяся того, о чем речь была выше), состоящая во всевозможном попечении о воспитании мальчиков и девочек. Пусть во главе этого дела стоит, согласно законам, e одно должностное лицо, достигшее не менее пятидесяти лет и имеющее законнорожденных детей, лучше всего и сыновей, и дочерей или по крайней мере хоть кого-то из них. Как избиратель, так и избираемый должны понимать, что эта должность гораздо значительнее самых высоких должностей в государстве. В самом деле, первый отпрыск любого растения, хорошо направленный, получает возможность усовершенствовать качества, свойственные его природе. Это касается не только всех растений и животных, 766 как диких, так и ручных, но и людей. Мы считаем человека существом кротким. Да, если его счастливые природные свойства надлежащим образом развиты воспитанием, он действительно становится кротчайшим и божественнейшим существом. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это — самое дикое существо, какое только рождает земля¹⁷. Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей было чем-то второстепенным и шло как попало. Напротив, это первое, с чего должен начать законодатель. Если он хочет создать должное попечение о детях, ему надо выбрать из числа граждан человека наилучшего во всех отношениях и по возможности b именно его назначить попечителем о детях. Итак, пусть все должностные лица, кроме членов совета и пританов, со-

бравшись в святилище Аполлона, изберут путем тайного голосования из числа стражей законов того, кто, по мнению избирателей, лучше всего мог бы руководить вопросами воспитания. После докимасии, произведенной всеми избравшими его должностными лицами, кроме стражей законов, получивший наибольшее число голосов отправляет свою должность в течение пяти лет, а на шестой год таким же способом избирают ему преемника.

Если кто-либо из отправлявших общественную должность умрет ранее чем за тридцать дней до истечения срока его полномочий, пусть те, кому надлежит, назначат точно таким же образом другого на эту должность. Если сироты лишатся опекуна, то родственники с отцовской и материнской стороны, проживающие в стране, вплоть до двоюродных братьев должны в течение десяти дней назначить другого опекуна. Иначе каждый из них будет наказан пеньей в одну драхму за каждый день до тех пор, пока они не назначат опекуна.

Судопроизводство и судьи

Всякое государство перестает быть государством, если суды в нем не устроены надлежащим образом. В свою очередь, по нашему мнению, никогда не будет в состоянии осуществлять правосудие безгласный судья, не высказывающий во время разбирательства более того, что говорят тяжущиеся стороны; это бывает только при частном посредничестве. Вот почему при многочисленных судьях трудно осуществлять правосудие, так же как и при немногих, если они дурны. Нужно всегда уметь понять то, что оспаривается сторонами; полезно предварительно, исподволь и неоднократно, в течение некоторого промежутка времени, вести разбирательство, чтобы выяснить спорный вопрос. Для этого тяжущиеся стороны должны обращаться к своим соседям, друзьям, вообще к тем, кто более всего знаком с делом. Если при этом получится суждение неудовлетворительное, должно обратиться к другому суду. Если ни один из этих судов не сумеет разрешить дела, пусть третий вынесет окончательное решение.

Назначение судов известным образом относится к избранию правителей. В самом деле, каждый правитель в определенных случаях выступает как судья; судья же, не будучи правителем, тем не менее становится им — и притом далеко не последним — в тот день, когда своим приговором заканчивает судебное дело. Поэтому причислим и судей к правителям и посмотрим, какие качества им надлежит иметь, что им подсудно и сколько должно их быть в каждом отдельном случае.

Самым важным пусть будет тот суд, который назначат для себя тяжущиеся стороны, выбрав его сообща. Кроме того, пусть будут еще два суда: один для разбора дел между частными лицами, чтобы тот, кто считает себя оскорбленным другим человеком, мог по желанию обратиться к правосудию; другой же суд — для тех случаев, когда, по мнению гражданина, кем-нибудь нарушаются интересы общества и он желает прийти им на помощь.

Надо также сказать о том, кто будет судьями и какими качествами должны они обладать. Первый суд у нас будет общим для всех тех частных лиц, которые в третий раз ведут тяжбу по своему делу. Этот суд будет устроен примерно так: должностные лица всех рангов, избранные на годичный и более срок, перед началом нового года, в месяц, следующий за летним солнцестоянием, накануне этого дня должны собраться в одном святилище, принести клятву богу и выделить как первое приношение из каждой правительственной должности в качестве судьи одно лицо, проявившее себя в этой должности наилучшим образом; можно ожидать, что лицо это самым лучшим и благочестивым образом будет творить правосудие в течение предстоящего года среди граждан.

Избиратели сами производят докимасию среди этих избранных. Если кто из них будет забракован, следует таким же способом взамен него выбрать другого. Прошедшие докимасию творят суд над теми, кто уклоняется от прочих судов. Голосование в этом суде должно производиться открыто. Члены совета и прочие должностные лица, избрав-

е шие судей, непременно должны быть слушателями и зрителями в этих судилищах, а также и все другие желающие из граждан. Если кто станет жаловаться на умышленное нарушение правосудия со стороны судьи, обвинение следует направлять к стражам законов. Уличенный в этом должен заплатить пострадавшему половину суммы, в которую оценивается убыток. Если виновный окажется заслуживающим большего наказания, стражи законов, приговору которых он подлежит, решают, что именно сверх этого должен он претерпеть и чем может он возместить ущерб как обществу, так и пострадавшему, обратившемуся в суд.

Обвинения в государственных преступлениях должны сперва передаваться на решение народа. Когда наносят **768** обиду государству, пострадавшими оказываются все граждане; они справедливо негодовали бы, если бы остались непричастными к решению суда. Поэтому-то начало подобного дела и окончательное решение по нему предоставляется народу; но разбирательство и обсуждение производятся тремя высшими должностными лицами, по соглашению истца и ответчика. Если эти последние не могут прийти к соглашению, совет сам назначает судей из числа лиц, выбранных обеими сторонами.

б Что касается разбора частных дел, то по мере сил все должны принимать и в нем участие. Кто не использует возможность общего отправления правосудия, тот считается вовсе не имеющим отношения к государству. Поэтому необходимо, чтобы и в каждой филе были суды, где судили бы судьи, непреклонные к просьбам и избираемые по жребию. Окончательным же для всех подобных дел будет тот суд, который, как мы сказали, окажется наиболее беспристрастным, насколько это в человеческих силах; суд этот предназначается для окончания тех дел, которые не могли быть разрешены ни судом соседей, ни судом филы.

с Вот все, что касается судов. Как мы уже сказали, нелегко разобраться, являются ли судьи государственными должностными лицами или нет. Мы уже отчасти как бы набросали внешний очерк судопроизводства; кое-что, однако,

осталось незатронутым. Впрочем, всего правильнее было бы уже под конец законодательства подробно остановиться на вопросе о судебных законоположениях и подразделениях судов. Это-то и ждет нас в конце. Что же касается назначения остальных должностных лиц, то большей частью это уже, пожалуй, осуществлено нами в законодательстве. Однако невозможно полностью, и притом точно, выяснить все до единого вопросы, касающиеся государства и устройства всех его дел, прежде чем наше рассмотрение не придет к концу, охватив все к нему относящееся — как главные, так и второстепенные и средние по значению вещи. В настоящее время можно ограничиться сказанным выше, вплоть до избрания должностных лиц. Теперь же начнется установление законов; нет уже больше нужды для отступлений и разных задержек.

Клиний. Все сказанное тобой, чужеземец, вполне отвечает моим желаниям. Но еще более приятно, что ты покончил с этим и начинаешь говорить о дальнейшем.

Афинянин. Значит, до сих пор нам прекрасно удалось наше разумное старческое развлечение. **769**

Клиний. Не развлечение, а прекрасное и серьезное занятие зрелых людей — вот что, по-видимому, вытекает из твоих слов.

Афинянин. Весьма возможно. Если ты согласен со мной, то обрати внимание на следующее. . .

Клиний. На что же? И из какой области?

Афинянин. Ты знаешь, что работа художников над своими произведениями не имеет никакого предела; художник так и этак расцвечивает картину, наносит оттенки (так это, кажется, называют ученики живописцев) — словом, он беспрестанно улучшает картину до тех пор, пока она не станет безукоризненно прекрасной и выразительной. **В**

Клиний. Я приблизительно улавливаю то, о чем ты говоришь, хотя совершенно незнаком с этим искусством.

Афинянин. Ты от этого ничего не потерял. Однако воспользуемся подвернувшимся нам теперь наблюдением. Дело вот в чем: если кто замыслил написать сколь воз- **с**

можно прекрасную картину, такую, чтобы и в последующее время она не потеряла своих достоинств, но казалась бы еще лучше, он, как ты понимаешь сам, должен оставить по себе преемника (сам-то ведь он смертен), чтобы тот подправлял его картину, если она пострадает от времени, и чтобы он мог с блеском восполнить упущения, оказавшиеся в картине из-за несовершенства искусства ее творца. Так что за короткое время этому преемнику предстоит огромный труд¹⁸.

d Клиний. Верно.

Афинянин. Что же? Разве не таков же и замысел законодателя? Прежде всего законодатель хочет с достаточной по мере сил тщательностью записать законы. С течением времени его набросок проверяется на опыте. Так неужели же, по-твоему, законодатель может быть настолько безрассуден, чтобы не признать неизбежно пропущенным много такого, что нуждается в дальнейшем исправлении? Только таким образом намеченный законодателем государственный строй и порядок может стать не хуже, а лучше.

e

Клиний. Разумеется. Всякий, естественно, будет желать именно этого.

Афинянин. Если бы кто знал средство как-нибудь, словесно или на деле, обучить другого человека, сколько именно надо обращать внимания на то, каким образом следует охранять и исправлять законы, — неужели он не сообщил бы этого средства, прежде чем окончить свой век?

770 Клиний. Конечно, сообщил бы.

Афинянин. Поэтому и нам с вами надо сейчас это сделать.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Мы намерены дать законы. У нас выбраны стражи законов. Мы находимся на закате нашей жизни¹⁹, они, сравнительно с нами, еще молоды. Поэтому, как мы и говорим, нам надо одновременно с законодательством попытаться по мере сил создать из них законодателей

b и стражей законов.

Клиний. Ну что ж, если это только в наших силах.

Афинянин. По крайней мере надо попытаться ревностно этим заняться.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так обратимся же к ним с такими словами: «Друзья, вы — спасители законов. Мы сделаем очень много упущений в каждом устанавливаемом нами законе. Это уж неизбежно. Правда, мы по мере сил сделаем как бы общий набросок важных вопросов. Вашей задачей будет дорисовка этого наброска. Поэтому выслушайте, на что вы должны обращать внимание, когда будете это делать: мы с Мегиллом и Клинием уже неоднократно говорили друг другу об этом и признаем правильность наших воззрений. Мы хотим, чтобы вы их разделяли и вместе с тем, чтобы вы стали нашими учениками. Обратите же внимание на то, что, по нашему общему признанию, есть цель законодателя и стража законов. Вот что мы признали самым главным: человек должен стать хорошим, он должен обладать подобающей ему душевной добродетелью, основанной на тех или иных обычаях или нравах, на том, чем он владеет, и на определенном стремлении, мнении или познании. В человеческом общежитии все — мужчины, женщины, молодые, старые — должны со всевозможным рвением в течение всей своей жизни стремиться к осуществлению указанной нами цели. Поэтому там не найдется места ни для кого, кто хотя бы отчасти предпочел что-нибудь другое, препятствующее достижению этой цели. Наконец, и все государство, если обнаружится неизбежность неурядиц, не пожелает пребывать под рабским игом, не допустит, чтобы у власти встали худшие: граждане скорее предпочтут покинуть свое государство и отправиться в изгнание; они предпочтут претерпеть и другие подобные вещи, пока не изменится тот государственный строй, которому свойственно делать людей худшими. В этом мы уже согласились раньше, а теперь вы, стражи законов, должны подвергнуть одобрению или порицанию наши законы, имея в виду, однако, оба этих воззрения. Порицайте те законы, которые не могут вести к

771 этой цели, а те, что могут, приветствуйте, примите их благосклонно и живите под ними. Что же касается остальных обычаев и всего того, что ведет к другим так называемым благам, с ними следует распротиться».

**Религия,
хороводы, браки**

Далее, начало законов пусть будет примерно следующим. Начнем с вопросов божественных. Прежде всего,

- b** однако, нам надо вспомнить о числе «пять тысяч сорок»: на сколько удобных частей оно делилось — да и делится — как вообще, так и по филам? Каждая фила составляет, как мы положили, одну двенадцатую часть этого числа и образуется всего правильнее путем умножения числа двадцать один на двадцать. Общее наше число разделяется на двенадцать частей. На столько же делится число, составляющее филу. Следует вдуматься в то, что каждая получающаяся таким образом часть — это священный дар бога: она соответствует месяцам и обращению Вселенной. Вот почему всякое государство считает эти подразделения священными по своей природе. Другие законодатели других государств, быть может, правильнее произвели подразделение и более счастливо освятили его. Впрочем, мы и теперь скажем, что мы в высшей степени верно выбрали раньше это число «пять тысяч сорок»: ведь у него есть различные делители начиная от единицы до двенадцати, за исключением числа «одинадцать». Но и здесь очень легко помочь беде: если от пяти тысяч сорока очагов отнять два, то все придет в порядок. Что это действительно так, легко покажет небольшое доказательство, которое мы дадим на досуге, а сейчас примем на веру разумность этого откровения. Произведем сообразно с ним подразделение и посвятим каждую часть богу или детям богов. Мы воздвигнем им алтари со всей относящейся к ним утварью. Мы учредим жертвенные собрания у этих алтарей дважды в месяц. Первые двенадцать таких собраний будут соответствовать разделению каждой филы, вторые двенадцать — членению самого государства. Эти собрания должны совершаться, во-первых, во имя милости богов и всего божественного, а затем и ради нашей собственной

близости, знакомства и, так сказать, всяческого общения.

В самом деле, при брачных отношениях и сочетании надо избегать неосведомленности относительно того, из какой семьи ты берешь себе жену или в какую семью отдаешь свою дочь. Надо очень и очень ценить безошибочность в подобного рода вопросах, — конечно, насколько это возможно. Ради этой важной цели надо учредить хороводные игры юношей и девушек, где у них были бы разумные и подобающие их возрасту поводы видеть друг друга обнаженными — в пределах, дозволяемых скромной стыдливостью каждого. Попечителями, упорядочивающими все это, будут руководители хороводов, а также законодатели и стражи законов — они будут исправлять допущенные нами упущения. Ведь законодатель неизбежно, как мы сказали, пропускает много мелочей в подобного рода вопросах. Поэтому сведущие лица, с каждым годом приобретающие познания, постоянно должны делать исправления и ежегодно вносить перемены, пока не окажется, что достигнут предел для этих установлений и обычаев. Десятилетний срок будет достаточен и соразмерен для приобретения опыта в жертвоприношениях и хороводах как в целом, так и в подробностях. При жизни законодателя, установившего все это, изменения производятся сообща с ним. После его смерти каждое должностное лицо само доводит до сведения стражей законов об упущениях в его области, нуждающихся в исправлении. Так продолжается, пока все не достигнет окончательной завершенности. После же этого все устанавливается уже неизбежно и применяется наряду с остальными законами, изначально установленными законодателем. Впредь уже никогда не допускается никакое добровольное нарушение в этих вещах; если же в будущем возникнет необходимость в изменениях, то всем должностным лицам надо сойтись на совещание и обратиться за советом как ко всему народу, так и к божественным прорицаниям. Если все будут согласны, можно произвести изменение, в противном же случае — никоим образом и никогда: любой протест тут имеет законную силу.

После того как человек, достигший двадцатипятилетнего возраста, посмотрит невест и они посмотрят его, пусть он выберет по желанию женщину и уверится, что она подходит для рождения и совместного воспитания детей, и тогда пусть женится — не позднее тридцати пяти лет. Однако сперва пусть он выслушает, как он должен отыскивать подходящее и подобающее. Как говорит Клиний, каждому закону следует действительно предпослать соответственное вступление.

Клиний. Твое напоминание, чужеземец, превосходно и кажется мне вполне подходящим. Ты кстати выбрал момент в нашей беседе.

773 Афинянин. Отлично. «Дитя, — так скажем мы сыну честных родителей, — тебе надо вступить в брак, который вызвал бы одобрение разумных людей. Они не посоветуют тебе при заключении брака избегать бедности и гнаться особенно за богатством. При прочих равных условиях следует предпочесть скромное состояние и тогда заключить брачный союз. Ведь это было бы на пользу и данному государству, и брачующимся семьям».

В самом деле, с точки зрения добродетели, равное и соразмерное бесконечно выше чрезмерного. Человеку, знающему себя дерзким и вместе с тем склонным быстрее должного приниматься за разные дела, надо усердно стремиться стать свойственником умеренных родителей; а кто от природы обладает противоположными качествами, тому надо и в свойственных качествах искать противоположное. Относительно всякого брака пусть соблюдается одно предписание: каждый человек должен заключать брак, полезный для государства, а не только очень приятный ему самому. От природы всякий человек в какой-то степени склонен к тому, что всего более с ним сходно; отсюда по всему государству возникает несоответствие, как имущественное, так и в отношении нравов. Поэтому в большинстве государств очень часто случаются нежелательные для нас вещи. Однако помимо того, что мы возбудили бы смех, мы вызвали бы также негодование большинства людей, если бы буквально

предписали богатому не вступать в брак с богатой, могущественному — с женщиной из могущественной семьи, или если бы мы стали принуждать вступать в брачное общение живые характеры и медлительные. Ведь нелегко понять, что государство должно быть смешано наподобие напитка в кратере, где бурлит налитое неистовое вино, а другое, трезвое божество его сдерживает, так что получается добрый, смешанный в меру напиток — следствие прекрасного союза вина и воды²⁰. Что то же самое бывает и при бракосочетании, заметить этого никто, так сказать, не в силах. Поэтому нельзя принуждать к этому законом, а надо попытаться как бы заморозить родителей и убедить их, что в браке каждый человек должен выше всего ставить взаимное соответствие своих детей, а не стремиться ненасытно к имущественному равенству. Кто при браке всячески обращает внимание лишь на имущественное положение, того мы попытаемся отвлечь от этого путем порицания. Однако мы не станем принуждать его с помощью писаного закона.

Ограничимся этими увещаниями относительно браков. Упомянем еще только сказанное выше, а именно: человек должен следовать своей вечнотворящей природе; поэтому он должен оставлять по себе детей и детей своих детей, постоянно доставляя богу служителей вместо себя. Помимо всего этого можно было бы еще много сказать о том, как надо заключать браки. Это было бы правильным вступлением.

Но если кто не будет повиноваться по доброй воле, станет вести себя как чужеземец, непричастный данному государству, и не женится по достижении тридцати пяти лет, он будет ежегодно платить пеню: гражданин, принадлежащий к высшему классу, — сто драхм, ко второму — семьдесят, к третьему — шестьдесят, к четвертому — тридцать²¹. Деньги эти будут посвящены Гере²². Невыплачивающий их ежегодно будет принужден заплатить в двойном размере. Взыскивать их будет казначей богини; если же он не взыщет, то сам будет должен их выплатить. Это принимается

в соображение при его отчетах. Итак, не желающий жениться подвергнется подобной денежной пене; что касается почета, то младшие будут подвергать его всевозможному поруганию²³. Пусть никто из молодых не слушается его добровольно, если же он попытается принудить кого-либо, то всякий должен прийти на помощь и защитить обижаемого. Кто, будучи свидетелем подобного принуждения, не придет на помощь, тот, по закону, будет назван трусом и дурным гражданином.

О приданом было сказано уже ранее. Повторим снова: людей бедных надо наставить, что взаимное равенство заключается в том, чтобы не брать и не давать вследствие имущественной нужды приданого. Необходимое есть у всех граждан нашего государства; поэтому из-за денег там меньше возникает дерзости у женщин и низкого, неблагородного порабощения ими мужей. Повинующийся совершит тем самым прекрасный поступок; а неповинующийся, давший или получивший приданое, чтобы приобрести себе одежду, если стоимость его больше, чем пятьдесят драхм, должен уплатить в общественную казну одну мину, если он принадлежит к четвертому классу, три полумины — если к третьему, две мины — если ко второму, и вдвое больше последнего, если он принадлежит к высшему классу. А данное или полученное приданое посвящается Гере и Зевсу. Казначей этих двух божеств взыскивают его таким же образом, как это было сказано о взыскании казначеями Геры постоянной пени с неженатых; иначе казначей сами выплачивают пеню.

В браке полномочным является поручительство прежде всего со стороны отца, затем — деда, наконец, — со стороны единокровных братьев. Если никого из них нет, то так же точно полномочно поручительство с материнской стороны. Если произойдет какой-нибудь необычный случай, то полномочны всегда ближайшие родственники и опекуны. Что касается предварительных брачных жертвоприношений и других священнодействий, которые подобает совершать во время брака, до него или после, то каждый должен вопро-

сить истолкователей, послушаться их и считать тогда, что все совершенно соответственным образом.

На брачные пиршества каждая сторона должна приглашать не более пяти друзей или подруг и таким же должно быть число родственников и домочадцев с обеих сторон. Издержки ни у кого не должны быть большими, чем это позволяет состояние, а именно: для граждан самого богатого класса — одна мина²⁴, для второго — полмины, и так далее, согласно уменьшению имущественного ценза. Всем повинующимся закон должен выразить одобрение; неповинующегося подвергают наказанию стражи законов как человека, лишённого чувства прекрасного и не воспитанного в законах о свадебных музах. Пить до опьянения не подобает никогда, за исключением празднеств в честь бога — дарителя вина²⁵; к тому же это и небезопасно для человека, серьёзно относящегося к браку. Здесь и жениху, и невесте подобает быть очень разумными: ведь это немалая перемена в их жизни. Да и потомство должно произойти от наиболее разумных родителей; между тем ведь почти неизвестно, в какую ночь — или день — будет с помощью бога зачат ребенок. Поэтому бракосочетание не должно совершаться, когда тело отяжелело от вина. Напротив, ребенок должен зародиться, как это и подобает, крепким, спокойным, в утробе он не должен блуждать. А пьяный человек и сам мечется во все стороны, и увлекает все за собой; он неистовствует и телом, и душой; стало быть, тот, кто пьян, не владеет собой и не годится для произведения потомства. Естественно, что ребенок иной раз рождается ненормальным, не внушающим доверия и неудачным как по характеру, так и телом. Поэтому как в течение целого года, так и в течение всей своей жизни, а всего более тогда, когда наступает время родить, должно остерегаться и не совершать по доброй воле ничего вредного, дерзкого и несправедливого. Ибо все это неизгладимо отпечатлевается в душе и теле ребенка, и дети рождаются плохими во всех отношениях. Особенно надо воздерживаться от этого в тот день и в ту ночь, когда совершается брак. Ибо божественное начало,

заложенное в человеке, спасает все, если каждый подобающим образом его чтит.

Тот, кто вступает в брак, должен считать один из своих
776 домов, входящих в его надел, местом рождения и воспитания детей. Там он женится или выходит замуж, расставшись с отцом и матерью; это — место, где живет и питается он сам и его дети. В самом деле: в дружеских отношениях есть какой-то род страстного влечения, которое связует и скрепляет различные характеры. А пресыщенность совместной жизнью, в которой не возникает время от времени этого влечения, вызывает взаимное отчуждение. Поэтому, предоставив матери, отцу и родственникам жены их жилища, сами новобрачные должны отправиться как бы в колонию. Однако они навещают своих родителей, и те навещают их. Родив и воспитав детей, они передают им — одни другим — жизнь, словно факел²⁶, тем самым постоянно оказывая богам согласное с законом почтение.

б Рабовладение Далее, обладание какого рода имуществом является наиболее благоприятным? Относительно большинства предметов это нетрудно сообразить, да и приобрести это нетрудно. Но вопрос о рабах труден во всех отношениях. Причиной служит то, что мы как-то неправильно говорим о рабах и тем не менее до известной степени правильно. В самом деле: наши выражения относительно рабов то противоречат тому, как мы пользуемся ими, то в свою очередь согласуются с этим.

с Мегилл. Что это мы опять говорим? Чужеземец, мы не понимаем, о чем ты спрашиваешь?

Афинянин. Это очень естественно, Мегилл. Чуть ли не всем эллинам лакедемонская илотия²⁷ доставила бы величайшее затруднение и возбудила бы споры: по мнению одних, это хорошее учреждение, по мнению других — плохое. Меньше споров было бы о рабском положении мариандинов, поработанных гераклеяцами, а также о фессалийском племени пенестов²⁸. Если мы обратим внимание на подобные явления, как мы должны будем поступить с рабовладением? Я в своей речи мимоходом коснулся этого;

ты, естественно, задал мне вопрос, что я тут разумею. А вот что: все мы сказали бы, как известно, что надо обладать лучшими и самыми благожелательно к нам настроенными рабами. Действительно, многие рабы оказались по своим достоинствам лучше наших братьев и сыновей, так как спасли своих господ, их достояние и все их жилище. Именно это, как мы знаем, иной раз рассказывают о рабах.

Мегилл. Так что же?

Афинянин. Однако утверждают и обратное, то есть что душа раба лишена всего здравого и что никогда человек, обладающий разумом, не должен доверять такой породе людей. Это выразил и самый мудрый из наших поэтов, говоря о Зевсе:

Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую разума в нем половину Зевс истребляет²⁹.

777

Стало быть, люди держатся различных воззрений: одни ни в чем не доверяют породе рабов; они воздействуют на душу рабов — точно это порода зверей — стрелами и бичами, и не трижды, но многократно. Другие же поступают прямо наоборот³⁰.

Мегилл. Конечно.

Клиний. Раз все это так различно, что же делать нам, чужеземец, в нашей стране с рабами — как владеть ими и как наказывать их?

Афинянин. В чем дело, Клиний? Раз человек — существо с нелегким нравом, то, думается мне, ясно, что он ни за что не захочет добровольно подвергнуться этому необходимому разграничению — на свободных господ и рабов. Владение рабами тяжко. Это многократно было доказано возникновением частых и ставших обычными восстаний мессенцев³¹. Сколько случается бедствий в государствах, которые обладают большим числом рабов, говорящих на одном языке! Добавим еще разнообразные хищения и ущерб, причиняемый в пределах Италии так называемыми пиратами. Взглянув на все это, иной затруднился бы сказать, как надо поступать во всех этих слу-

чаях. Остается только два средства: во-первых, чтобы рабы лучше подчинялись, они не должны быть между собой соотечественниками³², а, напротив, должны по возможности больше разниться по языку; во-вторых, надо воспитывать рабов надлежащим образом, и не только ради них самих, но и ради своей собственной чести. Это воспитание заключается в том, чтобы не позволять себе никакой резкости в отношении к рабам и по возможности причинять им еще меньше обид, нежели тем, кто нам равен. Ведь именно в отношениях с теми людьми, которых легко обидеть, и обнаруживается вполне, кто по природе, а не ради видимости чтит справедливость и подлинно ненавидит несправедливость. Итак, кто в своих привычках и действиях по отношению к рабам окажется незапятнанным нечестием и несправедливостью, тот будет самым достойным сеятелем на ниве добродетели. То же самое будет правильным сказать о господине, о тиране и о любом другом виде господства над более слабыми. Впрочем, должно наказывать рабов по справедливости и не изнеживать их, как свободных людей, увещаниями. Почти каждое обращение к рабу **778** должно быть приказанием³³. Никким образом и никогда не надо шутить с рабами — ни с женщинами, ни с мужчинами. Многие весьма безрассудно изнеживают рабов; этим они лишь делают более трудной их подчиненную жизнь, да и себе затрудняют управление ими.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, мы допускаем, что граждане будут снабжены достаточным по мере сил количеством рабов, а качества рабов будут пригодны для помощи в любой работе. Теперь надо описать и жилища граждан.

Клиний. Конечно.

б **Градостроительство и строительство храмов** Афинянин. К тому же позаботиться о строительстве жилищ в новом и дотоле незаселенном государстве — это, скажем прямо, естественно. Каким же образом будут устроены стены и все относящееся к святилищам? Эти законы, Клиний, должны были бы

предшествовать законам о браках. Но поскольку наше государство возникает пока лишь словесно, вполне уместно и сейчас об этом поговорить. Когда же государство будет основываться на деле, тогда, если богу угодно, мы осуществим это еще до брачного законодательства и увенчаем этим последним все остальное. А сейчас мы дадим только c краткий набросок.

К л и н и й. Отлично.

А ф и н я н и н. Храмы надо построить вокруг всей торговой площади. Да и весь город надо расположить кругами, поднимающимися к возвышенным местам, ради хорошей защищенности и чистоты. Рядом с храмами надо расположить помещения для правителей и судилищ. Там-то как в самых священных местах и будет вершиться правосудие частью постольку, поскольку жалобы касаются благочестия, частью же потому, что рядом находятся храмы соответствующих богов. Здесь будут и те суды, в которых будут d разбираться дела об убийстве и присуждаться наказания за преступления, достойные смертной казни.

Что касается городских стен, Мегилл, то я бы сослался на Спарту, а именно: пусть стены покоятся в земле и пусть их не восстанавливают³⁴. И вот по какой причине: прекрасно сказано о них в слове поэта, что стены скорее должны быть медными и железными, нежели земляными³⁵; однако e если бы мы присоединились к этому утверждению, то справедливо вызвали бы великий смех после того, как ежегодно посылали бы молодых людей для устройства там и сям то ровов, то окопов, в иных же местах — и каких-то сооружений для ограждения от врагов, чтобы не допустить неприятеля преступить границу нашей страны, и вдруг возвели бы вокруг города стену. Прежде всего это совсем не полезно для государств, так как обычно приводит души жителей в расслабленное состояние: ведь стены приглашают граждан 779 укрываться за ними и не давать отпора врагам. Поэтому граждане не спасаются тем, что постоянно, день и ночь, некоторые из них стоят на страже, но, наоборот, почивают, считая себя огражденными стеной и вратами, словно они

и на самом деле обрели в этом средство спасения и словно они родились не для трудов: им невдомек, что на самом деле облегчение явилось результатом трудов. Из постыдных же поблажек и малодушия, думаю я, обычно снова возникают труды. Но если уж нужны людям какие-нибудь

- b** стены, то надо с самого начала, при строительстве жилищ, так располагать частные дома, чтобы весь город представлял собой одну сплошную стену; при этом доброй защитой будет служить однородность и сходство всех домов, выходящих на улицу. Приятно было бы видеть город, имеющий облик единого дома; чрезвычайно легко было бы его охранять и в целом, и по частям и таким образом оберегать. Заботиться о том, чтобы сохранились постройки, воздвигнутые вначале, следовало бы больше всего самим обитателям.
- c** Астиномы также пекутся об этом, принуждают и наказывают нерадивого; они же пекутся и о чистоте всех частей города, а также о том, чтобы ни одно частное лицо не захватывало городской земли для своих построек и рвов. Астиномам надо заботиться и о хорошем стоке дождевых вод, а также обо всем внутри и вне города, что подлежало бы устройению. Стражи законов тоже будут наблюдать за всем этим и по мере надобности устанавливать дополнительные
- d** законы относительно всего, что могло быть пропущено законом ввиду трудности.

После того как у нас будут воздвигнуты эти здания, а также и те, что расположены вокруг рыночной площади, и после того как гимнасии, всякого рода училища и театры будут устроены и станут лишь ожидать посетителей или зрителей, мы продолжим наше законодательство в той части, что идет прямо за браком.

Клиний. Конечно.

**Общественная
жизнь.**

**Супружество
и положение
женщин**

e

Афинянин. Итак, Клиний, допустим, что браки у нас уже заключены. После этого надо коснуться образа жизни, который будут вести молодые супруги до появления детей

в продолжение не менее года. Как дано будет им жить в

государстве, столь отличном от большинства государств? Это имеет близкое отношение к тому, о чем мы уже сейчас высказались. Однако договориться здесь не так-то легко: народ примет это еще неохотнее, чем многие прежние законы подобного рода. Во всяком случае, Клиний, следует высказать то, что представляется верным и истинным.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Неверно рассуждает тот, кто замыслил 780
дать государствам законы о жизненных правилах поведения в общественном и всенародном обиходе, но не счел необходимым коснуться частной жизни и предоставил всем и каждому возможность проводить свои дни как угодно; тот, кто считает, что граждане, несмотря на то, что частная их жизнь осталась незаконной, все-таки пожелают в общественной и всенародной жизни поступать согласно законам. Для чего я говорю это? Вот для чего: молодые супруги, утверждаем мы, не должны пользоваться преимуществами и будут так же, как и до брака, питаться за общими трапезами. Этот закон вначале возбуждал удивление, когда впервые появился в ваших краях. По-видимому, он был вызван какой-то войной или каким-нибудь другим обстоятельством, влияющим так же, как и война, когда людей мало и они пребывают в большой нужде. Вынужденные воспользоваться сисситиями и их вкусить, они признали, что закон этот очень важен для жизни. Как-то так и установился у вас этот обычай сисситий. 8

Клиний. Вероятно.

Афинянин. Вот почему я и сказал, что обычай этот некогда возбуждал удивление и рискованно было его предписать. Но в наше время уже не так трудно было бы его узаконить, если кто-нибудь этого пожелает. Зато дальнейшее, — что было бы естественно осуществить, хотя сейчас этого нигде нет, — заставляет законодателя, как говорят в шутку, ткать по огню³⁶ и заниматься тысячью других бесполезных вещей подобного рода. Об этом нелегко говорить, а сказавши, нелегко это довести до конца. d

Клиний. Что же это такое, чужеземец? Ты хочешь что-то сказать и, по-видимому, сильно колеблешься.

Афинянин. Так слушайте же, чтобы не было у нас много разговоров из ничего. Всевозможные блага в государстве производит то, что причастно порядку и закону. А беспорядок или плохие порядки разрушают большую часть других, хороших порядков. На этом основано и то, о чем у нас сейчас речь. У вас, Клиний и Мегилл, как я сказал, словно по какой-то божественной необходимости, на удивление прекрасно установились сисситии. Однако они предназначены только для мужчин. А для женщин сисситии нигде как следует не узаконены, и этот обычай не появился на свет. Между тем женский пол — это другая часть нашего человеческого рода; правда, ввиду своей слабости он уродился более скрытным и лукавым. К тому же он беспорядочен, так что попустительство законодателя здесь неправильно. Поэтому, если оставить женщин в стороне, многое от нас ускользнет. Гораздо лучше было бы и для них издать законы, чем то положение, которое существует ныне. Если оставить все касающееся женщин неупорядоченным, то мы просмотрим более половины необходимых законов. Ведь насколько женская природа по своему достоинству хуже нашей, мужской, настолько же она превосходит нас своей многочисленностью — чуть ли не более чем вдвое. Следовательно, для благополучия государства лучше повторно возвращаться к этому вопросу, производить здесь улучшения и все обычаи устанавливать одинаково как для женщин, так и для мужчин. Однако в наше время род людской относится к этому неблагоприятно, так что разумному человеку нельзя даже и упомянуть об этом в иных краях и в тех государствах, где вовсе отсутствуют сисситии как государственное установление. Как же не возбудит смеха чья-нибудь попытка на самом деле заставить женщин на людях, у всех на виду принимать пищу и питье? Ведь нет ничего, к чему женский пол относился бы с большим отвращением, чем к этому. Женщины привыкли жить, укрывшись в тени; если насильно вытащить их

на свет, они станут оказывать всяческое сопротивление и победят законодателя. Поэтому-то я и сказал, что в других местах не перенесут без громкого крика даже самого упоминания об этом, — разве что, быть может, здесь³⁷. Если решить, что рассуждение наше о государственном строе в целом не является неудачным, ибо цель его разумна, то мне хотелось бы сказать, что такое постановление будет хорошим и подходящим, если только вы не откажетесь слушать. В противном случае оставим это.

Клиний. Да нет же, чужеземец, оба мы очень хотим послушать.

Афинянин. Ну, так давайте! Но несколько не удивляйтесь, если вам покажется, что я пытаюсь повести речь издалека. Ведь мы наслаждаемся досугом, и нам нечего торопиться. Поэтому мы можем со всех сторон рассмотреть вопрос о законах.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, вернемся к сказанному раньше. Всякий человек должен хорошо поразмыслить хотя бы над тем, что род людской либо вовсе не имел никакого начала, так что не будет ему и конца, но он был всегда и всячески будет, либо, что со времени его возникновения протекло неизмеримое количество времени.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Итак, мы должны считать, что по всей земле происходили всевозможные образования и разрушения государств, разнообразные по своему порядку или, наоборот, беспорядочности и обычаям в еде, питье и наслаждениях; происходили и разные повороты времен, при которых живые существа, естественно, подверглись многочисленным изменениям.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Дальше. Разве мы не поверим, что виноградная лоза когда-то появилась, а раньше ее не было? То же самое можно сказать и об оливковом дереве, и о дарах Деметры и Керы³⁸; разве мы не поверим, что некий Триптолем³⁹ был при этом прислужником? И не будем счи-

тать, что в то время, когда ничего этого не было, живые существа обратились, как, впрочем, и теперь, к взаимному пожиранию?

с Клиний. Почему же так не считать?

Афинянин. Пережитки того, что люди приносили друг друга в жертву, мы и сейчас видим у многих народов⁴⁰. И наоборот, по слухам, в иных местах не осмеливаются вкушать говядины, не приносят богам в жертву живых существ, но лишь лепешки, плоды, увлажненные медом, и тому подобные чистые приношения. Там воздерживаются от мяса, точно нечестиво есть его и осквернять жертвенники богов кровью; тогдашние люди жили некоей так называемой орфической жизнью; всего неодушевленно-го они придерживались в пище, а от всего одушевленного, напротив, воздерживались⁴¹.

d

Клиний. О том, что ты говоришь, часто рассказывают; все это достаточно убедительно.

Афинянин. Но, скажут, к чему мы все это сейчас вспомнили?

Клиний. Ты прав, чужеземец.

Афинянин. Итак, Клиний, если я смогу, я попытаюсь сообщить то, что за этим следует.

Клиний. Пожалуйста, говори.

Афинянин. Я вижу, что у людей все зависит от тройной нужды и вожделения. Когда все это идет правильно, рождается добродетель, когда же неправильно — происходит противоположное. Прежде всего, это вожделение к еде и питью, возникающее с самого дня рождения; всякое живое существо яростно стремится к еде и питью и уже не слушает, если кто советует ему поступать иначе, а не только и делать, что удовлетворять этого рода вожделения и наслаждаться, постоянно устраняя всякого рода страдание. Третья же величайшая наша нужда и самое яростное

783

стремление овладевает нами позднее; оно воспламеняет людей неистовством и сжигает их на огне всевозможных бесчинств. Это — стремление к продолжению рода. Три эти болезни надо направить к высшему благу, отвратив их от

так называемого высшего наслаждения. Надо попытаться сдержать их с помощью трех могущественнейших средств: страха, закона и правдивого слова, пользуясь при этом также музами и богами — покровителями состязаний, дабы погасить рост и наплыв этих страстей. b

Итак, после речи о браках поговорим о рождении детей, а после этого — об их вскармливании и воспитании. Может статься, что, продолжая таким путем нашу беседу, мы доведем до конца все законы и дойдем тем самым и до сисситий. Когда мы ближе подойдем к этого рода союзам — будут ли они состоять из одних мужчин или также из женщин, — мы, быть может, скорее увидим, что здесь остается пока незаконным, и продвинем это вперед. Как было сейчас сказано, мы яснее увидим, какие более подходящие и подобающие законы здесь надо установить. c

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Так сохраним же в нашей памяти только что сказанное. Быть может, все это нам когда-нибудь пригодится.

Клиний. Что именно советуешь ты запомнить?

Афинянин. То, что мы определили тремя словами: мы говорили о пище, затем о питье и, в-третьих, о неких любовных волнениях. d

Клиний. Мы хорошенько запомним, чужеземец, то, что ты нам советуешь.

Афинянин. Прекрасно. Перейдем же к речи о новобрачных. Мы наставим их, как надо производить детей: если мы их не убедим, мы будем угрожать им соответствующими законами.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. Новобрачные должны подумать о том, чтобы дать государству по мере сил самых прекрасных и наилучших детей. Все люди, в какой бы работе они ни участвовали, делают все хорошо и прекрасно, пока они внимательны к своей работе, а также к самим себе. Когда же они невнимательны или не обладают разумом, все происходит наоборот. Пусть же молодой супруг обратит внимание e

на свою жену и на деторождение. То же самое пусть делает и молодая супруга, в особенности в тот промежуток времени, когда дети у них еще не родились. **784** Блюстительницами тут будут женщины, которых мы изберем; число их может быть большим или меньшим, по усмотрению правителей, точно так же и срок их деятельности. Они будут ежедневно в течение трети часа собираться к святилищу Илифии⁴²; собравшись, они будут сообщать друг другу то, что каждая заметила относительно разных мужчин и женщин, производящих детей, а именно: не обращают ли те своих взоров на что-либо иное, а не на то, что было установлено свадебными священными жертвоприношениями. **b** Срок для рождения детей и охраны лиц, их рождающих, пусть будет десятилетний, не более, в том случае, когда течение рождений идет хорошо. Если же в продолжение этого времени у некоторых супругов не будет потомства, то они, для взаимной пользы, расходятся, посоветовавшись сообща с родными и женщинами-надзирательницами. Если же возникнет какое-либо сомнение в том, что полезно и подобает обеим сторонам, они должны выбрать из числа стражей законов **c** десятерых и исполнять их предписания и постановления. Женщины-надзирательницы, посещая дома новобрачных, частью увещевают их, частью же прибегают к угрозам для прекращения невежества и нарушений. Если они окажутся тут бессильными, они обращаются к стражам законов, рассказывают им все, а уже те принимают меры. Но если и стражи окажутся в чем-то бессильными, то они объявляют это всенародно, возбуждают судебное дело и клянутся, что такого-то и такого-то они оказались не в силах исправить. **d** Если на суде обвиняемый не убедит своих обвинителей, он лишается гражданских прав в таком отношении: он не может посещать свадеб и празднеств в честь рождения ребенка; если он туда явится, всякий желающий может невозбранно наказать его палочными ударами. Те же самые узаконения будут и относительно женщин. Если женщина таким же образом будет обвинена в бесчинстве и если на суде она не оправдается, она не может участвовать в женских

шествиях, не может занимать почетных женских должностей и участвовать в посещении свадеб и дней рождений детей. Если супруги произведут по закону детей, а затем муж для этой же цели сойдется с чужою женой, а жена — с чужим мужем, то, если они сойдутся с людьми, по возрасту своему еще предназначенными для рождения детей, они подвергаются тем же наказаниям, что были указаны для тех, кто еще рождает детей. А когда уже минет этот возраст, то рассудительный во всем этом мужчина и рассудительная женщина будут пользоваться доброй славой. В противном случае и почет будет противоположным, вернее, они подвергнутся бесчестию. Поскольку многие тут бывают умеренными, закон обходит это молчанием; но если совершаются бесчинства, то устанавливаются правила сообразно установленным раньше законам. e 785

Начало жизни каждого — его первый год. Это начало жизни мальчика или девочки надо записать в родовых святилищах. Пусть в каждой фратрии на выбеленной стене рядом с этой записью обозначат всех правителей, расписанных по годам: живых членов фратрии всегда будут записывать близко друг к другу; имена же покинувших жизнь будут стираться. b

Срок вступления в брак для девушки будет с восемнадцати до двадцати лет: это — самое позднее; для молодого человека — с тридцати до тридцати пяти лет. Для занятия государственных должностей устанавливается возраст: для женщины — сорок лет, для мужчины — тридцать. Военную службу мужчина должен нести с двадцати до шестидесяти лет, а женщина (если будет решено и их привлекать к ратному делу, установив там дополнительно то, что им подходит и подобает), лишь после того, как она уже родит детей — и до пятидесяти лет.

КНИГА СЕДЬМАЯ

- 788** Афинянин. После речи о рождении детей мужского и женского пола всего правильнее было бы сказать об их воспитании и образовании. Оставить это неразобраным невозможно; но то, что мы выскажем, будет скорее похожим на некое поучение и увещание, чем на законы. В самом деле, в частной и в семейной жизни каждого человека есть много мелочей, совершающихся не на виду у всех; здесь, под влиянием личного страдания, удовольствия и вождения, легко возникают явления, противоречащие советам законодателя, почему нравы граждан оказываются разнообразными и непохожими друг на друга, а это — беда для государств. Однако было бы неблагоприятно и вместе с тем непристойно давать тут законы и устанавливать наказания, настолько явления эти незначительны, хоть и часты. С другой стороны, если люди привыкнут поступать противозаконно в часто повторяющихся мелочах, то это поведет к гибельной порче самих законов, пусть и установленных в письменной форме. Поэтому, хотя и затруднительно дать здесь законы, тем не менее промолчать невозможно. Однако надо выяснить мою мысль, выставить ее, точно образчик¹, на свет, а то ведь сейчас мы, по-видимому, находимся как бы во тьме.

Клиний. Совершенно верно.

Воспитание детей Афинянин. Итак, было правильно сказано, что надлежащее воспитание должно оказаться в силах сделать и тела и души прекраснейшими и наилучшими².

Клиний. Как же иначе?

А финянин. Чтобы тело стало прекраснейшим, нужно, думаю я, просто-напросто взрастить его с малых лет наиболее правильным образом. d

Клиний. Безусловно.

А финянин. Но разве мы не замечаем, что у всякого живого существа ранний рост бывает самым большим и сильным? Это заставило многих спорить о том, что величина человеческого тела с пятилетнего возраста не удваивается в продолжение остальных двадцати лет.

Клиний. Правда. 789

А финянин. Так что же? Разве мы не знаем, что сильный рост причиняет тысячи телесных недугов, если не сопровождается многими соответствующими трудами?

Клиний. Конечно.

А финянин. Следовательно, тело нуждается в наибольших трудах именно тогда, когда получает самое большое питание?

Клиний. Чужеземец, неужели мы в самом деле предпишем наибольшие труды детям, только родившимся на свет и самым маленьким?!

А финянин. Нет, не им, а сначала тем, кто питается в утробе матери.

Клиний. Друг мой, что ты говоришь? Неужели ты разумеешь утробных младенцев? b

А финянин. Да. Нет ничего удивительного, если вы не знаете о телесных упражнениях применительно к младенцам такого возраста. Как бы это ни было странно, я хотел бы все-таки разъяснить вам этот вопрос.

Клиний. Действительно, это очень странно.

А финянин. Это легче заметить у нас, так как тут более, чем должно, некоторые люди предаются забавам. У нас не только дети, но даже кое-кто и из старших воспитывает домашних птенцов и приучает этих животных к боям друг с другом. Однако люди эти невысоко ставят трудные упражнения в движениях, которые предназначены лишь для того, чтобы обучить птицу сражаться; кроме упражнений эти люди берут птиц — маленьких в ладони, больших c

захватывают руками — и так-то, неся птицу под мышкой, отправляются гулять далеко, на много стадий, во имя здоровья — не своего собственного тела, а этих вот птенчиков³. Для человека, способного соображать, отсюда становится ясным хотя бы то, что для всякого тела полезны эти беспрестанные сотрясения и толчки в разных направлениях, — все равно, само ли оно их над собой производит или испытывает их на качелях, на море, либо при верховой езде, либо, наконец, несомое движением любых тел. Благодаря этому пища и питье бывают для нас питательней, и, стало быть, эти упражнения могут доставить нам здоровье, красоту и другую силу.

d

Раз все это так, то как же, спросим мы себя, надо нам поступать? Хотите, мы с улыбкой скажем, что устанавливаем следующие законы: беременная женщина должна гулять; младенца надо лепить, словно он сделан из воска, пока он гибок, и пеленать до двухлетнего возраста. Точно так же и кормилиц мы под страхом наказания принудим законом постоянно выносить младенца в поля или к святыням, или куда-нибудь к родственникам до тех пор, пока он не сможет стоять на ногах. Но и тогда кормилицам надо остерегаться, как бы малолетние дети не искривили свои члены, когда они сильно опираются на что-то; кормилица и тогда должна еще чуть-чуть потрудиться и носить ребенка, пока он не достигнет трех лет. Она должна по возможности обладать силой и не быть одна при ребенке. Ну, а если все эти условия не будут выполняться? Не назначить ли нам наказаний? Или вовсе не стоит этого делать? В самом деле, эта мера вызвала бы в изобилии то, о чем мы только что говорили.

790

Клиний. А именно?

Афинянин. Мы вызвали бы много смеха; кроме того, женский и рабский нрав кормилицы не дал бы себя убедить.

b

Клиний. Но в таком случае для чего же мы решили об этом сказать?

Афинянин. Вот для чего: когда услышат все это, гос-

пода и свободные люди в государстве придут, весьма возможно, к здравому сознанию, что тщетно было бы надеяться на прочность законодательства в вопросах общественных, если не предусмотрен надлежащий распорядок в частной жизни. Сообразив это, господа и свободнорожденные люди стали бы пользоваться только что указанными законами и, пользуясь ими, хорошо устроили бы свой дом и государство и были бы счастливы.

К л и н и й. Твои слова очень правдоподобны.

А ф и н я н и н. Поэтому-то мы не оставим этой части законодательства, пока не установим занятий, касающихся души даже младенцев, — так же как мы стали доводить до конца нашу речь о телесных упражнениях.

К л и н и й. Вполне правильно.

А ф и н я н и н. И в том и другом случае, то есть и для тела, и для души младенцев, возьмем за первоначало кормление грудью и движения, совершаемые по возможности в течение всей ночи и дня. Это полезно всем детям, а всего более самым младшим, — так, чтобы они постоянно жили, если это возможно, словно на море. Всячески надо стремиться именно так поступать с новорожденными младенцами. Удостовериться в этом можно и из того, что именно это усвоили на опыте и признали полезным кормилицы младенцев и женщины, совершающие священное врачевание корибантов⁴. В самом деле, когда матери хотят, чтобы заснуло дитя, а ему не спится, они применяют вовсе не покой, а, напротив, движение, все время укачивая дитя на руках. Они прибегают не к молчанию, а к какому-нибудь напеву, словно наигрывая детям на флейте. Подобным же образом они врачуют вакхическое иступление, применяя вместе с движением пляску и музыку.

К л и н и й. Но что же, чужеземец, служит здесь главной причиной?

А ф и н я н и н. Это не так трудно узнать.

К л и н и й. Каким образом?

А ф и н я н и н. То и другое состояние сводится к страху, страх же возникает вследствие дурного расположения ду-

791 ши. Когда к подобным состояниям примешивается внешнее сотрясение, это внешнее движение берет верх над движением внутренним, состоящим в страхе и неистовстве. Одержав верх, оно как бы создает в душе безветрие и успокоение. Тяжкое сердцебиение прекращается; а это во всяком случае желательно. На детей это наводит сон; а тем, кто бодрствует, пляшет и играет на флейте, это дает возможность, с помощью богов, которым они приносят благоприятные жертвы, сменить свое неистовство на разумное состояние. Хотя мы сказали об этом лишь вкратце, но и тут есть некое веское основание.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Если все это производит такое действие, то мы должны вдуматься в то, что можно заметить и на себе: всякая душа, которой свойствен с младенчества страх, с течением времени еще больше к нему приучается. И любой скажет, что здесь происходит упражнение не столько в мужестве, сколько в трусости.

Клиний. Да, так.

Афинянин. И наоборот, мы сказали бы, что занятие, с малых лет развивающее мужество, заключается в умении побеждать нападающую на нас болезнь и страх.

Клиний. Правильно.

Афинянин. Мы скажем также, что упражнение младенцев в движениях окажут у нас сильное влияние на одну из частей душевной добродетели.

Клиний. Конечно.

Афинянин. В самом деле, спокойное душевное настроение — это немалая часть хорошего состояния души, точно так же как тяжелое расположение духа — немалая доля дурного душевного состояния.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Каким же образом можно сразу внушить новорожденному это желательное нам настроение? Надо попытаться выяснить, насколько здесь можно будет достигнуть успеха.

Клиний. Да.

Афинянин. Я приведу господствующее у нас мнение: изнеженность делает характер детей тяжелым, вспыльчивым и очень впечатлительным к мелочам; наоборот, чрезмерно грубое порабощение детей делает их приниженными, неблагородными, ненавидящими людей, так что в конце концов они становятся непригодными для совместной жизни.

Клиний. Каким же образом все государство в целом может растить детей в том возрасте, когда они еще не говорят и не способны вкушать также прочее воспитание?

Афинянин. Примерно так: первый звук всякого новорожденного существа — крик; это не меньше касается и всего человеческого рода, которому кроме крика особенно свойствен плач.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Поэтому кормилицы, желая узнать, чего хочет ребенок, заключают об этом, поднося ему разные вещи. В самом деле, если ребенок замолчит, заметив подносимую вещь, они считают, что хорошо отгадали; если же плач и крик продолжаются, значит, не отгадали. Дети обнаруживают свою любовь или ненависть плачем и криком — знаками далеко не удачными. А между тем время это длится не меньше трех лет; немаловажно, как провести эту часть жизни: худо или получше. 792

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Разве вам не кажется, что ребенок с тяжелым нравом, никогда не бывающий радостным, склонен к плачу и хныканью гораздо больше, чем это нужно хорошему человеку? b

Клиний. По-моему, да.

Афинянин. Что же? Если попытаться в течение указанных трех лет применять всякие средства, чтобы наш воспитанник по мере сил возможно меньше подвергался боли, страху и любому страданию, — разве, по-нашему, это не сделает его душу веселой и радостной? c

Клиний. Видимо, да; в особенности же, чужеземец, если ему доставлять много развлечений.

Афинянин. Здесь, дорогой мой, я уже не последую за Клинием, потому что, действуя так, мы сильно испортим ребенка, что весьма часто случается в начале воспитания. Посмотрим, говорю ли я дело.

Клиний. Скажи, что ты разумеешь?

Афинянин. У нас идет сейчас речь о предмете немаловажном. И ты, Мегилл, рассуди нас. Согласно моему утверждению, в правильной жизни и не надо стремиться к наслаждениям, и в свою очередь не следует совсем избегать страданий. Надо довольствоваться чем-то средним, о чем я сейчас упомянул, обозначив это как радостное; такое расположение духа все мы, согласно некоему священному откровению, метко приписываем и богу. Я утверждаю, что тот из нас, кто намерен стать божественным человеком, должен стремиться к подобному состоянию, так, чтобы ни самому не стремиться к одним только удовольствиям (ибо не миновать ему и страданий), ни всем нам остальным — старикам и юношам, мужчинам и женщинам — не позволять стремиться к тому же, а всего меньше по мере сил новорожденному ребенку. Ведь главные черты характера каждого человека складываются в силу привычки именно в этом возрасте. И я, если бы не показалось только, что я намерен шутить, сказал бы, что все беременные женщины также должны во время беременности особенно заботиться о том, чтобы не испытывать множество неистовых наслаждений, а равно и страданий; желательно, чтобы этот промежуток времени они прожили в радостном, безмятежном и кротком настроении.

793 Клиний. Тебе, чужеземец, вовсе не надо спрашивать Мегилла, кто из нас обоих более прав. Я сам уступаю тебе: да, в жизни все должны избегать неумеренных страданий и удовольствий и всегда придерживаться середины. Ты это прекрасно сказал, и я с тобой согласен.

Афинянин. Очень хорошо, Клиний. Но кроме того, давайте обсудим все втроем еще вот что.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Все то, что мы сейчас разобрали, относит-

ся к неписаным обычаям, как называет их большинство. То, что именуют стародадедовскими законами, есть не что иное, как совокупность подобных правил. Осенившая нас сейчас мысль о том, что в этих случаях нельзя говорить о законах, хотя, с другой стороны, нельзя также оставить все это невысказанным, прекрасно выражена. Обычай эти связуют любой государственный строй; они занимают середину между письменно установленными законами и теми, что будут еще установлены. Попросту это как бы стародадедовские, чрезвычайно древние узаконения. Если хорошо их установить и ввести в жизнь, они будут в высшей степени спасительным покровом для современных им писанных законов. Если же, по небрежности, переступить при этом границы прекрасного, все рухнет, как если бы зодчие тайно удалили срединные основы своего здания; и так как одно поддерживает другое, то при ниспровержении древних оснований обваливается и все позднейшее великолепное сооружение. Мы, Клиний, должны с этим считаться; поэтому тебе нужно всячески укрепить новое государство, не упуская по возможности ни великого, ни малого из того, что называется законами, обычаями или привычками. Ибо все это связует государство; ни одно из двух этих начал не может быть прочным без другого. Поэтому не следует удивляться, если законы у нас становятся пространнее из-за напыления многочисленных узаконений и привычек, которые кажутся на первый взгляд мелочными.

Клиний. Ты говоришь верно; мы будем держаться такого же образа мыслей.

Афинянин. Следовательно, для малолетних воспитанников будет очень полезно, если к ним будут не между прочим, но очень тщательно применять все эти правила вплоть до достижения мальчиком или девочкой трехлетнего возраста. Впрочем, по своему душевному складу трехлетние, четырехлетние, пятилетние и даже шестилетние дети нуждаются в забавах. Но надо избегать изнеженности, надо наказывать детей, однако так, чтобы не задеть их самолюбия; здесь следует поступать так, как обычно и де-

лают в отношении рабов, о чем мы уже говорили: не надо позволять тем, кто наказывает, оскорблять подвергающегося наказанию, так как это вызовет у него раздражение;

794 но нельзя и баловать отсутствием наказаний. Точно так же надо поступать и с детьми свободнорожденных. У детей этого возраста забавы возникают словно сами собой; когда дети собираются вместе, они придумывают их даже сами. Все дети этого возраста, то есть от трех до шести лет, пусть собираются в святилищах по поселкам, так, чтобы дети всех жителей поселка были там вместе. Кормилицы должны смотреть, чтобы и дети этого возраста были скромными и не распущенными. Над самими же кормилицами и над всей этой детской стайкой будут поставлены двенадцать женщин — по одной на каждую стайку, чтобы следить за ее порядком; их будут ежегодно назначать из числа упомянутых раньше кормилиц стражи законов. Выборы их будут производить главные попечительницы о браках. Среди своих ровесниц они выберут по одной из каждой филы. Назначенная на эту должность будет ежедневно посещать какое-нибудь святилище и всякий раз налагать наказание, если кто провинится; раба и рабыню, чужеземца и чужеземку она накажет сама с помощью государственных рабов, а гражданина, если он станет противиться наказанию, она поведет на суд астиномов; если же гражданин не противится, она и его наказывает сама. После того как дети достигнут шестилетнего возраста, оба пола отделяются.

б Мальчики проводят время с мальчиками, точно так же и девочки с девочками. Но и те и другие должны обратиться к учению. Мальчики поступают к учителям верховой езды, стрельбы из лука, из пращи, метания дротиков. Если девочки согласятся, они также занимаются этим, по крайней мере до тех пор, пока не обучатся; в особенности же следует им научиться употреблению оружия. **с** Здесь почти все не отдают себе отчета в установившемся положении.

д

К л и н и й. В чем именно?

А ф и н я н и н. Считаю, будто правая и левая рука у нас от природы употребляются для различных действий.

Между тем ясно, что ноги и вообще нижние конечности вовсе не различаются в смысле работы. Что же касается рук, то здесь каждый из нас может стать калекой по неразумию кормилиц и матерей. В самом деле: природа почти уравнивала те и другие конечности, и уже мы сами, путем привычки, сделали их различными, пользуясь ими ненадлежащим образом⁵. При некоторых действиях разница эта невелика; так, лиру мы держим в левой руке, а плектр — в правой⁶ и так далее: здесь это не имеет значения. Однако это может служить нам примером, что было бы почти безумием полагать, будто не следует поступать так же и при других действиях. Доказывается это и обычаем скифов: они не держат лук только в левой руке, а стрелу только в правой, но пользуются и для того и для другого поочередно обеими руками. Весьма много других примеров можно найти в искусстве управлять колесницами и в любом другом мастерстве. Из этих примеров можно понять, что поступают вопреки природе те, кто развивает правую руку в ущерб левой. Как мы сказали, при роговых плектрах и тому подобных орудиях это несущественно. Но это очень важно, когда приходится пользоваться для военных целей железными орудиями, луками, дротиками, вообще оружием. А всего важнее это в тех случаях и во время, когда оружием надо отражать оружие. Здесь огромная разница между человеком, усвоившим это и не усвоившим, между тем, кто в этом упражнялся, и тем, кто не упражнялся. Так, человек, вполне искусившийся в панкратии⁷, в кулачном бою или в борьбе, бывает в состоянии бить и слева; но если он этим пренебрежет, то станет спотыкаться и волочить ногу, если противник переменит направление и заставит его нападая с другой стороны; то же самое, думаю я, нужно по праву ожидать и при вооруженной борьбе, и во всех остальных случаях. Ведь человек обладает двумя руками, чтобы отражать нападения и захватывать ими противника; поэтому ни одну из них по мере сил нельзя оставлять бездеятельной и неупражненной. И если кто родится подобным Гериону или Бриарейю, то он дол-

d жен быть в состоянии всей сотней своих рук метать сотню стрел⁸.

Обо всем этом должны заботиться должностные лица — женщины и мужчины. Первые станут наблюдать за этим при играх и воспитании, вторые — при обучении, чтобы все юноши и девушки приобрели ловкость ног и рук и по мере сил ничуть не извратили [дурными] привычками своих природных свойств.

Обучение надо давать, так сказать, двойное: тело следует обучать гимнастическому искусству, а душу — для развития ее добродетели — мусическому. То, что относится к гимнастическому искусству, в свою очередь подразделяется на два вида: во-первых, это пляска, во-вторых — борьба. e Один вид пляски воспроизводит язык Музы, сохраняя величественность и вместе с тем благородство; другой вид служит для придания здоровья, ловкости и красоты членам и частям самого тела с помощью подходящих каждому из них сгибаний и разгибаний, причем из ритмических движений состоит вся пляска, которая непрерывно с ними связана.

Что касается борьбы, то для участия в войне вовсе не полезно и недостойно словесных прикрас то, что из бесчестного честолюбия приняли в своем искусстве Антей и Керкион, а Эпей и Амик⁹ — в кулачном бою. В борьбе стоя, когда стараются высвободить затылок, руки, бока и ревностно и стойко трудятся ради благообразной мощи, а также здоровья, это полезно во всех отношениях. Такой борьбой нельзя пренебречь; напротив, ее надо предписать как ученикам, так и учителям, когда мы в нашем законодательстве дойдем до этого места. Учителя пусть законодательно все это преподают, а ученики — с благодарностью воспринимают.

Нельзя оставить в стороне и того, что есть подобающее в хороводных плясовых подражаниях. Таковы здешние вооруженные игры куретов, а в Лакедемоне — Диоскуров¹⁰. И у нас Дева-Владычица, возрадовавшись хороводной забаве, не сочла должным ликовать с пустыми руками, но, украсившись полным вооружением, в нем и исполнила свою c

пляску¹¹. Юношам и девушкам подобало бы всячески этому подражать, чтя милость богини, а также ради военных надобностей и празднеств¹². Малым детям, пока они еще не идут на войну, надо было бы во время шествий и торжественных процессий в честь всех богов¹³ всегда украшаться оружием, сидеть на коне, плясать и идти то быстрее, то медленнее, вознося молитвы богам и детям богов. Состязания и предварительные упражнения к ним надо устраивать именно ради этого, а не чего-то иного. Эти состязания полезны и в мирное время, и во время войны как для государства, так и в частном быту. Все же остальные труды, забавы и заботы о теле несвойственны свободнорожденным людям, Мегилл и Клиний.

В предшествующей речи я указал, что надо исследовать гимнастическое искусство. Теперь я его почти разобрал. Будем считать это исчерпанным. Но если вы можете предложить нечто лучшее, то сообщите это для общего сведения.

Клиний. Нелегко, чужеземец, отклонить сказанное тобой и предложить нечто лучшее для гимнастического искусства и состязаний.

Афинянин. Итак, что касается следующего вопроса о дарах Муз и Аполлона, то мы полагали тогда, будто всё уже высказали и остается только вопрос о гимнастике. Но теперь ясно, в чем заключается этот вопрос, а также и то, что о нем надо говорить в первую очередь. Так перейдем же сразу к нему.

Клиний. Отлично, перейдем.

797

Афинянин. Выслушайте меня так, как вы слушали и раньше. Теперь тоже придется с большой осторожностью сказать и выслушать нечто странное и необычное. Поэтому я не без страха скажу свое слово; однако же я соберусь с духом и не отступлю.

Клиний. О чем ты говоришь, чужеземец?

Афинянин. Я утверждаю: ни в одном государстве никто не знает, что характер игр очень сильно влияет на установление законов и определяет, будут ли они прочными или

нет. Если дело поставлено так, что одни и те же лица принимают участие в одних и тех же играх, соблюдая при этом одни и те же правила и радуясь одним и тем же забавам, то все это служит незыблемости также серьезных узаконений. Если же молодые колеблют это единообразие игр, вводят новшества, ищут постоянно перемен и считают приятными разные вещи, если они не довольны всегда своим внешним обликом и убором, не признают раз навсегда установленных правил о том, что благообразно и что безобразно, но особенно высоко чтят тех людей, которые постоянно вводят какие-то новшества, что-то иное, непривычное во внешний облик, в цвета и в другие подобные вещи, то мы полностью вправе сказать, что для государства нет ничего более губельного, чем все это. В самом деле, все это незаметно изменяет нравы молодых людей и заставляет их бесчестить старое и почитать только новое. Я снова повторяю: для всех государств нет худшего наказания, чем подобного рода мнения и установки. Выслушайте, насколько, по-моему, велико это зло.

d Клиний. Ты говоришь о презрении к старине в государствах?

Афинянин. Да, именно об этом.

Клиний. В таком случае мы будем внимательными и очень сочувствующими слушателями твоей этой речи.

Афинянин. Это естественно.

Клиний. Только бы ты продолжал.

Афинянин. Давайте же скажем друг другу, что сейчас нам надо особенно быть внимательными. В самом деле, мы найдем, что перемены во всем, за исключением злых бедствий, — это самое ненадежное дело: это касается и смены всех времен года, и смены ветров, и перемен в укладе телесной жизни, в характере — словом, изменение не в чем-то одном, но решительно во всем, исключая, как я сейчас сказал, лишь злых бедствий. Если взглянуть на тело, можно заметить, как оно привыкает к разной еде, разным напиткам, к трудам. Сперва все это вызывает расстройство, но затем, с течением времени, из этого возникает соответ-

ствующая всему этому плоть; тело знакомится, свыкается с этим укладом жизни, любит его, испытывает при нем удовольствие, здоровеет и чувствует себя превосходно. И если такое тело будет вынуждено когда-нибудь снова изменить тот или иной привычный ему уклад, то сначала оно переживает расстройство и с трудом восстанавливается, когда привыкнет к новому виду питания. Надо думать, что то же бывает и с образом мыслей и душевной природой людей. Законы, на которых они были вскормлены, стали по прошествии долгого времени неколебимыми благодаря некоей божественной судьбе, так что никто не помнит да и не слышал, чтобы с законами дело обстояло когда-то иначе, чем теперь. Любая душа благоговейно боится поколебать что-либо из установленных раньше законов. Так вот законодателю и надо придумать какое-то средство, чтобы в его государстве каким-то способом было осуществлено именно это. Что касается меня, то я усматриваю это средство в следующем. Ведь изменения в играх молодых людей все считают, как мы говорили раньше, просто игрой, в высшей степени несерьезной и не влекущей за собой никакого вреда, и потому они не отвращают от этого молодых, но снисходительно сами в этом за ними следуют. Здесь не принимают в расчет вот чего: те дети, которые вводят новшества в свои игры, неизбежно станут взрослыми и при этом иными людьми, чем те дети, что были до них; а раз они станут иными, они будут стремиться и к иной жизни и в этом своем стремлении пожелают иных обычаев и законов. Никто из них не боится, что вслед за этим для государства наступит величайшее бедствие, о котором сейчас идет речь. Правда, иные изменения, касающиеся лишь внешнего облика, произвели бы не столько бед. Но если дело идет об изменении нравов, когда люди нередко начинают хвалить то, что раньше порицали, и порицать то, что раньше хвалили, то, думаю я, к этому более, нежели к чему-то другому, надо бы отнестись с величайшей осмотрительностью.

К л и н и й. Конечно.

А ф и н я н и н. Что же? Убеждены ли мы и до сих пор в

том, что утверждали раньше, то есть что все относящееся к ритмам и вообще любому мусическому искусству — это подражание человеческим характерам, как лучшим, так и худшим? Так ли обстоит дело или иначе?

е

Клиний. Именно так; по крайней мере таково наше мнение.

Афинянин. Следовательно, мы утверждаем, что надо найти всевозможные средства, чтобы дети не стремились у нас в плясках или в напевах к другим подражаниям и чтобы никто не побудил их к этому соблазном будущих удовольствий.

Клиний. Ты совершенно прав.

799

Афинянин. Есть ли у кого-нибудь из нас для этого лучший прием, чем у египтян?

Клиний. О каком приеме ты говоришь?

Афинянин. Он заключается в том, чтобы всякую пляску и всякое пение сделать священными. Для этого сначала были установлены празднества, рассчитанные на целый год, причем было установлено, какие празднества и в какое время надо справлять и в честь каких богов, их детей или гениев; кроме того, какое песнопение надо возносить при каждом жертвоприношении и какой хороводной пляской следует почтить богов при этой жертве. Сперва были установлены некоторые песни и пляски. Но коль скоро они установились, то все граждане стали сообща совершать жертвоприношение Мойрам¹⁴ и всем остальным богам и во время возлияния освящать каждое песнопение в честь каждого из богов и из остальных высших существ¹⁵. Если же вопреки этому кто-нибудь пытался вводить другие гимны или хороводные пляски в честь кого-либо из богов, то его удерживали жрецы и жрицы вместе со стражами законов, следуя в этом благочестию и закону. Если же человек этот добровольно не удержался, всякий желающий мог привлечь его в течение всей его жизни к суду за нечестие.

в

с

Клиний. Правильно.

Афинянин. В этом месте нашей беседы нам придется испытать то, что свойственно нашим летам.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Всякий юноша, не говоря уже о стариках, увидев или услышав что-то редкостное и необычное, не уступит легко в трудном споре и не примет сразу решение, но остановится, очутившись словно бы на распутьи. Один **d** ли он совершает свой путь или с другими людьми, но, раз он не слишком хорошо знает дорогу, он будет спрашивать и самого себя, и других о том, что его затрудняет, и двинется дальше не прежде, чем исследует основательно свой путь и то, куда он ведет. И нам теперь надо поступить точно так же. Раз нам встретилось сейчас странное утверждение о законах, нам надлежит всесторонне его исследовать, а не спешить легкомысленно высказаться по столь важному вопросу, словно мы в силах немедленно решить что-то с полной ясностью: ведь не таковы уже наши годы.

Клиний. Совершенно верно. **e**

Афинянин. Предоставим же это времени; мы дадим обоснование всему этому, когда достаточно это рассмотрим. И чтобы не сбить понапрасну порядка законов, которые нам следует теперь завершить, мы доведем до конца их рассмотрение. Очень возможно, если только угодно богу, что, когда наше рассмотрение в целом будет окончено, оно достаточно разъяснит это временное затруднение.

Клиний. Чужеземец, ты говоришь превосходно. Мы поступим так, как ты сказал.

Афинянин. Вот мы и говорим: пусть будет допущено это странное обстоятельство, что песнопения станут у нас законами¹⁶. Ведь название это — «номы» — древние, как видно, прилагали к тому, что исполнялось певцом под сопровождение кифары. Очень может быть, что они не так уж были далеки от нашего нынешнего утверждения: кто-то **800** тогда, во сне или наяву, пробудившись от пророческой грезы, предугадал его. Итак, наше решение пусть будет следующим: никто не должен петь либо плясать несообразно со священными общенародными песнями и всеми принятыми у молодежи плясками. Этого надо остерегаться больше, чем нарушений любого другого закона. Кто будет это

б соблюдать, останется безнаказанным; ослушника же будут наказывать, как мы сказали сейчас, стражи законов, жрецы и жрицы. Пусть же будет так постановлено в этой нашей беседе.

К л и н и й. Пусть будет постановлено.

А ф и н я н и н. Как же установить этот закон, чтобы не возбудить слишком сильных насмешек? Обратим внимание здесь на следующее: самое безопасное — сначала создать эти законы словесно, сделав с них как бы пробный оттиск. Так вот, я представляю себе один такой оттиск примерно в следующем роде: если, допустим, после совершенного по закону жертвоприношения и сожжения жертвенных животных чей-нибудь сын или брат, по собственному почину, встанет подле алтаря и жертв и всячески начнет злословить, неужели, спросим мы, это не породит уныния в его отце и в остальных родственниках и не явится дурным предзнаменованием и предвещанием?

К л и н и й. Так что же?

А ф и н я н и н. Между тем это у нас случается, можно сказать, чуть ли не во всех государствах. Когда какое-либо должностное лицо совершает от лица государства какое-то жертвоприношение, то вслед за этим является туда хор, становится неподалеку от алтаря, а иной раз и подле него самого и начинает извергать всяческое злословие по адресу священнодействия, смущая души слушателей своими словами, ритмами и жалобнейшими гармониями; и кто больше всего вызовет слез у тех, кто только что совершил жертвоприношение, тот получает победную награду. Неужели мы не отменим этот обычай? Если когда-то граждане и должны выслушивать подобные вопли, например в несчастливые и нечистые дни¹⁷, то для этого следует выступать скорее каким-нибудь иноземным хором, состоящим из нанятых певцов, подобно тому как на похоронах нанятые люди сопровождают покойника карийскими плачами¹⁸; нечто подобное подобало бы и упомянутым песнопениям. И погребальным песнопениям подобали бы не венки и не позолоченные уборы, но длинное одеяние. Чтобы возможно скорее

покончить с этим, скажу, что все здесь должно быть совсем иным. Нам же самим я снова задам вопрос: угодно ли нам установить сначала этот первый образец для песнопений?

Клиний. В чем именно он состоит?

801

Афинянин. В благоречьи¹⁹. Пусть род песнопений будет у нас во всех отношениях благоречивым. Нужно ли еще говорить об этом, или можно считать это уже установленным?

Клиний. Разумеется, установи это. Ведь закон этот собрал все голоса.

Афинянин. Что же будет вторым законом мусического искусства после благоречия? Не молитвы ли тем богам, которым мы каждый раз приносим жертвы?

Клиний. Да, так.

Афинянин. А третьим законом, думаю я, будет вот какой: поэты должны знать, что молитвы к богам — это просьбы; и они должны обратить всяческое внимание на то, чтобы под видом добра не попросить нечаянно зла. Смешное бы создалось положение, думаю я, если бы исполнилась такая молитва!

Ь

Клиний. И что же?

Афинянин. Немного раньше в нашей беседе мы пришли к убеждению, что в государстве не должно быть места серебряным и золотым запасам.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Почему мы привели в нашей речи этот пример? Не потому ли, что не весь род поэтов способен вполне отличить благо от зла? Значит, если какой-то поэт в своем сочинении, в напеве или в словах в этом отношении погрешит, такие молитвы будут неправильны, и это заставит наших граждан в самых серьезных делах молиться не о том, о чем следует. Как мы говорили, немного можно найти погрешностей бóльших, чем эта. Установим же и это правило как один из образцов и законов Музы.

С

Клиний. Какое именно правило? Скажи нам яснее.

Д

Афинянин. Поэт не должен творить ничего вопреки обычаям государства, вопреки справедливости, красоте и

благу²⁰. Свои творения он не должен показывать никому из частных лиц, прежде чем не покажет их назначенным для этого судьям и стражам законов и не получит их одобрения. У нас уже почти имеются лица, назначенные для этого: это выбранные нами законодатели в деле мусического искусства и попечитель о воспитании. Что же? (я повторяю свой вопрос не впервые): установим ли мы это как третий закон, образец и оттиск? Или вы другого мнения?

Клиний. Установим. Как же иначе?

е Афинянин. Далее, вполне правильно было бы воспевать гимны богам и хвалебные песни вместе с молитвами и точно так же, вслед за богами, возносить подобающие молитвы и хвалебные песни демонам и героям.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. После этого сразу можно установить закон, который не встретит возражений: следовало бы почитать хвалебными песнями тех из почивших граждан, кто телом или душой совершил прекрасные, трудные дела и был послушен законам.

802 Клиний. Конечно.

Афинянин. Небезопасно чтить хвалебными песнями и гимнами живых людей, пока они не пройдут весь свой жизненный путь и не увенчают его прекрасным концом. Все это будет у нас одинаково касаться как мужчин, так и женщин, которые проявят свою добродетель. Песнопения и пляски надо устраивать так: в мусическом искусстве есть много прекрасных древних сочинений старых поэтов, а для тела точно так же есть много плясок. Ничто не мешает выбрать из них то, что подобает и соответствует устрояемому

б государственству. Оценщиками их будут избраны лица не моложе пятидесяти лет. Они произведут выбор из древних сочинений и допустят те, что окажутся подходящими; все неподходящие сочинения они совершенно отринут; сочинения с недостатками они многократно подвергнут исправлению. Для этого они привлекут поэтов и музыкантов, используя их поэтическое дарование; и они не будут считаться с их вкусами и страстями, — разве лишь в немногих

с

случаях, — но как можно лучше истолкуют им намерения законодателя, дабы в этом духе были составлены пляски, песнопения и все относящееся к хороводам. То занятие Музами, где строй приходит на смену нестройности, всегда бесконечно лучше, даже если здесь и нет сладостной Музы. А приятность есть общее свойство всех Муз. Человек, который начиная с детства и вплоть до разумного, зрелого возраста сживается с рассудительной и умеренной Музой, услышав враждебную ей Музу, презирает ее и считает неблагородной; кто же воспитался на расхожей, сладостной Музе, тот говорит, что противоположная ей Муза холодна и неприятна. Поэтому, как сейчас было сказано, в смысле приятности или неприятности ни одна из них не превосходит другую. Зато первая чрезвычайно улучшает людей, на ней воспитавшихся, вторая же — ухудшает.

К л и н и й. Это ты хорошо сказал.

А ф и н я н и н. Еще надо было бы определить характер, которым мужские песнопения отличаются от песнопений, свойственных женщинам. Необходимо установить для них подходящие гармонии и ритмы. Нехорошо, если напев идет вразрез с гармонией в ее целом, если нарушается ритм и ничто не соблюдено в напевах как следует. Надо и здесь установить законом определенные формы. И мужчинам и женщинам надо уделить обе эти необходимые формы — [гармонию и ритм]; но при этом женщинам надо принять во внимание, что именно соответствует природным особенностям женского пола. Вот это-то и надо выяснить. Следует признать, что все величавое и склоняющееся к смелости имеет мужественное обличье, то же, что тяготеет к скромности и благопристойности, более сродни женщинам; поэтому и было бы разумно уделить им это по закону. Примерно таким будет это установление.

Затем надо поговорить относительно обучения этому — как передать все это другим и каким образом, кому и в какое время надо все это делать. Подобно тому как кораблестроитель, делая набросок для начала постройки, намечает форму киля судна, так же точно, кажется мне, поступаю

и я, пытаюсь установить формы поведения. При этом я основываюсь на душевном складе каждого; он действительно образует их киль. Я, конечно, стараюсь верно учесть, с помощью каких средств и способов мы всего лучше проведем жизнь во время того плаванья, каким является наше существование²¹. Правда, человеческие дела не заслуживают особых забот; но все же необходимо о них заботиться, хотя счастья в этом нет. Но раз уж мы очутились в таком положении, было бы, пожалуй, целесообразно выполнить нашу задачу подобающим образом. Впрочем, к чему я все говорю? Кто-нибудь мог бы с полным правом прервать меня этим вопросом.

b

c

Клиний. Это верно.

Афинянин. Я утверждаю, что в серьезных делах надо быть серьезным, а в несерьезных — не надо. Божество по своей природе достойно всевозможной блаженной заботы, человек же, как мы говорили раньше, это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято.

d

Клиний. В каком смысле?

Афинянин. Теперь думают, что серьезные заботы должны существовать ради игр. Так, считают, что серьезные вопросы, связанные с войной, надо хорошенько упорядочить ради мира. Но ведь то, что бывает на войне, это по своей природе вовсе не игра и не воспитательное средство, достойное нашего упоминания: и сейчас оно не таково, и впредь не будет таким. А мы-то говорим, будто для нас это самое важное. Каждый должен как можно дольше и лучше провести свою жизнь в мире. Так что же, наконец, правильно? Надо жить играя. Что ж это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах. Но с помощью каких песен и плясок можно осуществить то и другое? Образцы для этого были указаны и проложены как

e

бы пути, которыми надо идти, если считать, что и поэт был прав, говоря:

Многое сам, Телемак, ты своим угадаешь рассудком; 804
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан²².

Точно так же должны мыслить и наши питомцы, считая, что отчасти им уже вдоволь дано указаний о жертвоприношениях и хороводных плясках, отчасти же гений и бог внушат им, в честь кого и в какое время надо их совершать, чтобы, играя, снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы; ведь люди в большей своей части куклы и лишь немного причастны истине²³.

Мегилл. Ты полностью принижаешь наш человеческий род, чужеземец!

Афинянин. Не удивляйся, Мегилл, прости меня! Я взирал на бога и под этим впечатлением сказал сейчас свои слова. Если тебе угодно, будем считать наш род не презренным, но достойным серьезного попечения. c

Далее пойдет речь о постройке гимнасиев и вместе с тем школ в трех местах посредине города. Затем — об устройении, опять-таки в трех местах, но уже вне города, в окрестностях, ипподромов и площадок, хорошо приспособленных для стрельбы из лука и других упражнений в метании. Они будут устроены для обучения и вместе с тем для упражнения молодых людей. Если раньше об этом было сказано недостаточно, пусть теперь это будет не только сказано, но и постановлено законом. Во всех этих школах наемные учителя из числа оседлых чужеземцев будут обучать входящих учеников²⁴ всем военным наукам и мусическому искусству; при этом училище будет посещать не только тот, у кого этого желает отец — у кого же он не хочет, тот, мол, может и отстраниться от воспитания, — но, как говорится, и стар, и млад должны по мере сил непременно его получить: ведь дети больше принадлежат государству, чем своим родителям. Все это мой закон предписал бы одинаково и для женщин, и для мужчин: первые таким же образом должны упражняться. Я ничуть не побоялся бы утверждать то же e

самое о верховой езде и о гимнастике; разве это подобает только мужчинам, а женщинам нет? Слыша древние предания, я убеждаюсь в своей правоте; да, к слову сказать, и сейчас, я знаю, есть бесчисленное множество женщин в области Понта — их называют савроматидами²⁵, — которые

805 наравне и сообща с мужчинами упражняются не только в верховой езде, но и в установленной стрельбе из лука и в употреблении другого оружия. Сверх того, у меня есть еще вот какие соображения по этому поводу: я утверждаю, что коль скоро это вообще возможно, то в высшей степени неразумно поступают теперь в наших местах, когда не приучаются к этому изо всех сил единодушно и одинаково как мужчины, так и женщины. Чуть ли не всякое государство

в становится таким образом половинным, вместо того чтобы быть вдвое бóльшим благодаря единству трудов и цели. Конечно, это странная погрешность со стороны законодателя.

Клиний. Кажется, так. Впрочем, чужеземец, очень многое из высказанного нами теперь противоречит обычному государственному устройству.

Афинянин. Я сказал, что надо предоставить нашей беседе хорошенько развиться, а затем, когда она разовьется, выбрать из нее то, что будет признано дельным.

с Клиний. Твои слова прозвучали складно, и ты заставил меня упрекать самого себя за то, что мной было сказано. Так говори же дальше все, что тебе по сердцу!

Бытовое и военное равноправие мужчин и женщин Афинянин. Мне, Клиний, по сердцу то, о чем я говорил и раньше. Если мой замысел недостаточно обоснован на деле, пожалуй, найдутся против него возражения. Но сейчас тому, кто совсем не приемлет этот закон, надо поискать что-то другое. Но при этом не погаснет наше пожелание, чтобы женщины у нас наравне

d с мужчинами подлежали воспитанию и всему остальному: в самом деле, мы должны здесь мыслить примерно так. И скажи: если женщины непричастны наравне с мужчинами всем сторонам жизни, не правда ли, для них надо установить какой-нибудь иной распорядок?

Клиний. Это необходимо.

Афинянин. Какой же образ жизни из числа указанных нами выше мы сейчас установим для женщин, раз мы теперь предписываем им участие в жизни вместе с мужчинами? Тот ли, что у фракийцев и у многих других племен, использующих женщин в земледелии, скотоводстве, овцеводстве, для домашних услуг, — словом, не делающих никакого различия между женщинами и рабами? Или тот, что у нас и у всех жителей наших мест²⁶? У нас теперь дело обстоит так: все наше, так сказать [семейное] имущество мы сносим в какое-нибудь одно жилище и вручаем его женщинам; они распоряжаются им, руководят тканьем и пряжей шерсти. Лакедемонские же порядки, Мегилл, занимают, не правда ли, середину между двумя этими крайностями. Девушки должны участвовать в гимнастических упражнениях²⁷, а вместе с тем и в занятиях мусическими искусствами. Женщины же, хоть и не трудятся над пряжей шерсти, должны плести жизнь, полную упражнений и вовсе не ничтожную и малоценную; здесь опять-таки они занимают некую середину в попечении о хозяйстве и воспитании детей²⁸; но в ратном деле они не участвуют. Поэтому в случае необходимости сражаться за государство и за детей они не умеют применять лук, как это делают амазонки; не искусны они и в других метательных орудиях; они не могут, взявши щит и копьё, подражать богине, чтобы гордо противостоять разорению своей родины или хотя бы навести страх на врагов своим появлением в каком-то отряде. Ведя такой образ жизни, они, конечно, не осмелятся подражать савроматам: ведь женщины савроматов в сравнении с женщинами вообще могут показаться мужчинами. Итак, если кто хочет, пусть хвалит ваших законодателей. Я же высказал бы свое прежнее мнение: законодатель должен быть последовательным до конца, а не останавливаться на полдороге. Поэтому он не должен допускать, чтобы женщины предавались неге, расточительности и вели беспорядочный образ жизни; ведь до конца позаботившись лишь о мужчинах, законодатель тем самым дает государству,

806

в

с

пожалуй, половину счастливой жизни вместо двойной.

d Мегилл. Как нам поступить, Клиний? Позволить ли этому чужеземцу делать подобный набег на Спарту?

Клиний. Да, придется позволить, раз ему предоставлена полная свобода слова, — пока мы не разберем законы достаточно и всесторонне.

Мегилл. Ты прав.

Афинянин. Таким образом, пожалуй, уже мое дело попытаться выяснить и дальнейшее.

Клиний. Конечно.

Образ жизни.
Распорядок
дня и ночи

Афинянин. Какой же образ жизни станут вести люди, в должной мере снабженные всем необходимым?

e Ремесла там поручены чужеземцам; земледелие предоставлено рабам, собирающим с земли жатву достаточную, чтобы люди жили в довольстве; общие трапезы устроены отдельно для мужчин, а невдалеке для их домочадцев — детей женского пола и матерей. Должностным лицам мужского и женского пола там предписано каждодневно пристально наблюдать за поведением сотрапезников и затем распускать эти собрания, причем должностное лицо и все остальные совершают возлияние богам, которым посвящены тогдашний день или ночь. После этого все отправляются по домам. Но неужели не осталось ни одного необходимого и вполне приличного дела для людей, соблюдающих такой распорядок? Или каждый из них должен лишь жить, жирея наподобие скота? Нет, утверждаем мы, это и несправедливо, и нехорошо, да и невозможно, чтобы живущего так и не постигла должная кара. А состоит она в том, что праздное и беспечно разжиревшее существо становится добычей другого существа, закаленного мужеством и трудами. Если мы будем тщательно, как мы это и делаем, вести наше исследование, то, возможно, это и не случится до тех пор, пока каждый из нас будет иметь собственную жену, детей, жилища и вообще будет обладать частной собственностью. Значит, если осуществится менее совершенный строй, о чем сейчас и идет речь,

то при этом, конечно, будет соблюдена надлежащая мера. Мы утверждаем, что людям, живущим указанным образом, остается на долю очень немаловажное дело: наоборот, оно самое важное из всего, что предписывается справедливым законодательством. В самом деле, даже у тех, кто домогается победы в Пифийских или Олимпийских играх, вовсе нет досуга для прочих житейских дел; вдвое или еще больше недосуг тому, кто проводит свою жизнь в заботах о всяческой добродетели, телесной и душевной, как это и было вполне правильно указано. Поэтому никакие побочные занятия не должны служить помехой для остальных дел, дающих телу закалку в трудах, душе же — знания и навыки. Кто станет осуществлять именно это и будет стремиться достичь достаточного совершенства души и тела, тому, пожалуй, не хватит для этого всех ночей и дней.

Раз дело обстоит так по самой природе, то для всех свободнорожденных надо установить распорядок на все время дня. Начинаться этот распорядок должен чуть ли не с самого утра и продолжаться без перерыва до следующего утра, иначе говоря, до восхода солнца. Показалось бы некрасивым, если бы законодатель стал говорить обо всех мелочах, частых в домашнем обиходе вообще, и особенно о ночном бдении, подобающем лицам, которые намерены до конца тщательно охранять государство. Впрочем, все должны считать позорным и недостойным свободного человека, если он предается сну всю ночь напролет и не показывает примера своим домочадцам тем, что всегда пробуждается и встает первым. Назвать ли это законом или обычаем — безразлично. Точно так же если хозяйка дома заставляет служанок будить себя, а не сама будит всех остальных, то раб, рабыня, слуга и — если только это возможно — весь дом целиком должен говорить между собой об этом как о чем-то позорном. Всем надо пробуждаться ночью и заниматься множеством государственных или домашних дел — правителям в государстве, хозяевам и хозяйкам — в собственных домах. Долгий сон по самой природе не подходит ни нашему телу, ни нашей душе и мешает как телесной, так и

душевной деятельности. В самом деле: спящий человек ни на что не годен; он ничуть не лучше мертвого. А кто из нас больше всего заботится о разумной жизни, тот пусть по возможности дольше бодрствует, соблюдая при этом, однако, то, что полезно его здоровью. Если это войдет в привычку, то сон людей будет недолог. Правители, бодрствующие по ночам в государствах, страшны для дурных людей — как врагов, так и граждан, — но любезны и почтенны для людей справедливых и здравомыслящих; полезны они и самим себе, и всему государству.

Ночь, проведенная подобным образом, кроме всего, что указано раньше, внедрила бы мужество в душу каждого гражданина. Утром, на рассвете, дети должны отправляться к учителям. Без пастуха не могут жить ни овцы, ни другие животные; так и дети не могут обойтись без каких-то руководителей, а рабы — без господ. Но ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами, и прежде всего тогда, когда из рук кормилицы и матери он отдается, для ребячьих забав, попечению руководителя, а затем и учителям разных наук, подобающих свободнорожденному человеку. Если же ребенок принадлежит к сословию рабов, то любой встречный из свободнорожденных людей пусть наказывает как самого ребенка, так и его пестуна или учителя, когда кто из них в чем-либо погрешит. Если же такой встречный не наложит справедливого наказания, пусть его, во-первых, постигнет величайший позор, а затем пусть тот из стражей законов, кто был избран на должность попечителя детей, наблюдает за прохожим, о котором идет речь, раз тот не наказал кого нужно, хоть и должен был это сделать, или же наказал, но не так, как следует. Такой страж законов должен быть у нас зорким; он должен очень заботиться о воспитании детей, исправлять их характер и всегда направлять их ко благу, согласно законам.

Но каким же образом сам закон воспитает у нас, как должно, самого этого стража законов? Ведь пока мы не сказали ничего достаточно ясного; кое о чем уже шла речь, но о прочем — нет. Между тем закону нельзя по возможности опускать ничего; надо растолковать каждое слово, чтобы закон этот служил предостерегающим и воспитующим примером для остальных. Относительно хороших песен и плясок уже было сказано, а именно о том, какой характер они должны носить, как их надо выбирать, исправлять и освящать. Но мы еще не сказали, какие именно сочинения письменные, хоть и не стихотворные, станешь ты использовать, наилучший из попечителей детей, для занятий со своими воспитанниками, и каким именно образом будешь ты это делать. Впрочем, относительно ратного дела ты уже знаешь из нашей беседы, что должны изучать воспитанники и в чем они должны упражняться. Грамоте же прежде всего, затем игре на кифаре и счету по крайней мере, поскольку они применяются в ратном деле, домоводстве и в государственном управлении, как мы сказали, следует обучаться каждому, а кроме того, получать полезные сведения о божественных круговоротах — звезд, Солнца и Луны, раз всякому государству необходимо иметь установления относительно этого. . . но о чем, собственно, у нас сейчас идет речь? О распорядке дней в зависимости от месячных обращений Луны и распорядке месяцев в каждом году, чтобы всем временам года, жертвоприношениям и празднествам было уделено то, что каждому из них подобает по самой природе; чтобы это животворило и будоражило государство; чтобы богам воздавался почет, а люди становились бы разумнее в этих делах, — все это, друг мой, пока недостаточно изложено для тебя законодателем. Так обрати же внимание на то, о чем будет речь дальше! Мы сказали, что у тебя прежде всего нет достаточных указаний относительно грамоты. Что же мы ставим в упрек нашему изложению? Вот что: тебе не было указано, должен ли любой, кто намерен стать достойным

**Мусическое
и гимнастическое
воспитание**

гражданином, вдаваться в подробности этой науки, или он может к ней даже не прикасаться. То же самое и относительно игры на кифаре. Итак, мы утверждаем теперь, что он должен этому обучаться. Начиная с десятилетнего

- 810** возраста ребенок должен учиться грамоте в течение примерно трех лет; тринадцатилетний возраст подходит для начала обучения игре на кифаре; это обучение займет еще три года. Но ни отцу ребенка, ни самому ребенку — любит ли он учение или его ненавидит — не разрешается ни увеличивать, ни уменьшать этот срок; не разрешается также заниматься этим делом, более или менее нарушая закон. Ослушник пусть будет лишен права на те почести за образованность, о которых мы будем говорить несколько позже. Но чему должны учиться молодые люди в указанный промежуток времени у своих учителей? Это-то вот и надо прежде всего усвоить тебе самому. Над грамотой ребенку следует трудиться до тех пор, пока он не сможет писать и читать. Что же касается беглости или красоты, то на этом не надо настаивать, если природа ребенка не содействует этому в установленный срок. Что же касается изучения не имеющих музыкального сопровождения записанных поэтических сочинений, частью стихотворных, частью же не имеющих размера, иначе говоря, прозаических, лишенных гармонии и ритма, то такого рода писания оставлены нам многими опасными людьми. Как используете вы их, лучшие из стражей законов? Или: чем именно предпишет пользоваться законодатель и при каких условиях его предписание будет правильным? Я предвижу, что он будет в большом затруднении.

Клиний. В чем дело, чужеземец? Кажется, ты действительно в затруднении и говоришь сам с собой?

Афинянин. Хорошо, что ты прервал меня, Клиний. Вы ведь вместе со мной участвуете в установлении законов; поэтому перед вами и надобно изложить, что мне кажется легко осуществимым, а что нет.

- d** Клиний. Молви: под каким впечатлением ты говоришь?

Афинянин. Ну, так и быть, скажу: да ведь совсем нелегко высказывать то, что нередко противоречит тысячеустной молве.

Клиний. Но как же? Разве то, что мы сказали раньше о законах, немного или совсем чуть-чуть противоречит мнению большинства?

Афинянин. Тут ты совершенно прав. Ты велишь мне, как кажется, следовать тем же самым путем, ставшим ненавистным для многих, но, впрочем, любезным, может быть, и не меньшему числу людей, а если и меньшему, то, стало быть, по крайней мере это не худшие люди; ты побуждаешь меня смело идти вместе с ними, презирая опасности, и не отступать в нашем законодательстве от того пути, что намечен нами в этой беседе.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Итак, я не отступлю. Я говорю, что у нас есть очень много поэтов, пользующихся в своих сочинениях гексаметром, триметром и другими так называемыми размерами; одни из этих поэтов творят всерьез, другие — чтобы рассмешить. Тысячи людей нередко утверждают, что именно сочинениями всех этих поэтов, выученными целиком наизусть, следует кормить и насыщать получающих должное воспитание молодых людей, чтобы путем чтения они услышали о многом, знали бы и усвоили многое. Другие выбирают из всех поэтов самое главное, составляют сборники изречений и утверждают, что именно это должен запомнить и выучить наизусть всякий, кто хочет стать у нас достойным и мудрым благодаря большой опытности и знаниям. Итак, ты велишь мне откровенно высказаться, в чем они правы и в чем — нет?

Клиний. Да, именно так.

Афинянин. Что же мне сказать, чтобы в одном слове ответить на все вопросы? Я думаю, вот что — и всякий тут со мной согласится: каждый из этих поэтов высказал много прекрасного, но много и очень плохого; а раз дело обстоит так, то, утверждаю я, большие знания здесь для детей опасны.

Клиний. Так что же посоветовал бы ты стражу законов?

Афинянин. В каком отношении?

c Клиний. На что должен он взирать, как на образец? Что он предоставит для изучения всем молодым, а что запретит? Скажи немедля.

Афинянин. Добрый мой Клиний, мне выпала, кажется, в некотором роде удача.

Клиний. Какая же?

Афинянин. Да та, что я не совсем в неведении относительно этого образца. Сейчас, оглядываясь на беседу, которую мы вели с утра и до этого времени, — причем, как мне кажется, не без некоего божественного вдохновения, — я нахожу, что речи наши во многом подобны поэзии. И быть может, ничего удивительного нет в том, что, взирая на мои речи в целом, я испытываю радостное чувство. В самом деле, из большинства сказанных речей, которые я знаю или слышал в стихах или в прозе, они мне показались самыми сообразными и наиболее подходящими для слуха молодых людей. Поэтому и для стража законов и воспитателя я не нашел бы, думаю, лучшего образца, чем именно этот: пусть учителя обучают детей по моему совету. Если случится, проходя сочинения поэтов, письменную прозу или же просто устные творения, встретить такие же речи, родственные нашим суждениям, то никак нельзя этого упускать, но надо записывать. Прежде всего надо заставить самих учителей усвоить и одобрить это. Не надо пользоваться помощью учителей, которым это не нравится; теми же, кто одобряет и соглашается, надо воспользоваться. Именно им надо вручить молодых людей для обучения и воспитания. На этом я кончу свое слово об учителях грамоты и о самой

812 грамоте.

Клиний. Что же касается нашей задачи, то мне кажется, чужеземец, что мы не свернули с пути, намеченного нашей беседой. Удержимся ли мы до конца на нашем пути, сейчас, пожалуй, трудно решить.

Афинянин. Это, конечно, обнаружится, Клиний, ко-

гда, как часто уже говорилось, мы дойдем до конца нашего рассуждения о законах. **б**

Клиний. Верно.

Афинянин. Итак, вслед за учителем грамоты нам надо поговорить о кифаристе?

Клиний. Да.

Афинянин. Припомнив наши прежние рассуждения, мы, думается мне, уделим кифаристам подобающее место в образовании и вместе с тем в любом виде подобного воспитания.

Клиний. О чем ты сейчас говоришь?

Афинянин. Помнится, мы утверждали, что шестидесятилетние певцы, участники дионисийского хора²⁹, должны стать очень восприимчивыми к ритму и гармоническим сочетаниям, чтобы в песенных подражаниях отличать хорошие подражания душевным состояниям от плохих. Кто может отличить подобию благого душевного состояния от подобию дурного, тот эти отвергнет, а первые возьмет для своего выступления; он станет петь и зачаровывать души юных людей, побуждая с помощью таких подражаний каждого следовать за собой к стяжанию добродетели. **с**

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, ради этого кифарист и его воспитанники должны воспользоваться сопровождением лиры — ввиду ясности ее звуков, — подлаживая звучания лиры к звукам напева, но разноголосица и разнообразие звучаний лиры, когда струны издают один напев, а поэт сочинил другую мелодию, когда добиваются созвучий и противозвучий сочетанием плотности и разреженности, ускорения и замедления, повышения и понижения и точно так же приспосабливают пестрое разнообразие ритмов к звучаниям лиры, — все это не приносит пользы при обучении детей, раз им надо быстро, в течение всего лишь трех лет, овладеть тем, что есть полезного в музыке. В самом деле: противоположности, вносящие взаимную путаницу, создают лишь трудности для усвоения, молодые же люди должны усваивать все как только можно лучше. И предписанные им обяза- **d** **e**

тельные науки вовсе не незначительны и их немало, как со временем покажет дальнейший ход рассуждения. Так вот, пусть у нас воспитатель именно так позаботится относительно музыки. Что же касается самих напевов, а также слов, каким должны обучать наставники хоров, то и это

813 все у нас уже было разобрано раньше. Мы сказали, что они должны быть священными; напевы и слова должны сообразоваться с определенными празднествами; они должны принести государствам пользу и удачно выбранное удовольствие.

Клиний. Это тоже сказано верно.

Афинянин. И даже очень. Пусть же воспримет эти наши слова должностное лицо, выбранное для попечения над музыкой; и пусть его заботы об этом увенчаются полным успехом. Мы же разберем еще кое-что в дополнение

б к сказанному раньше о пляске и гимнастических упражнениях. Подобно тому как мы разобрали все относительно обучения музыке, так же точно поступим мы и с гимнастикой. И мальчики, и девочки должны обучаться пляскам и гимнастическим упражнениям. Не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Для упражнения было бы более целесообразно, чтобы у мальчиков были учителя пляски, а у девочек — учительницы.

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. Давайте снова призовем попечителя детей, хотя у него и будет очень много работы: ведь он печется как обо всем в деле музыки, так и обо всем в деле гимнастики; так что досуга у него будет мало.

с Клиний. Между тем это человек почтенного возраста. Как же сможет он осуществить свое попечение о столь многом?

Афинянин. Очень просто, мой друг. Закон дал и даст ему право привлекать для этого попечения тех из граждан — мужчин или женщин, кого он захочет. А он уже будет знать, кого здесь надо привлечь; он не захочет оказаться небрежным, так как разумно посовестится, понимая значе-

ние своей должности, да, кроме того, примет в соображение **d**
то обстоятельство, что все у нас пойдет как следует, если
молодые получили или получают хорошее воспитание. Ес-
ли же этого нет. . . впрочем, не стоит заканчивать: мы не
станем говорить об этом, считаясь с теми людьми, которые
привыкли при возникновении нового государства во всем
усматривать предзнаменования.

Итак, мы уже много сказали и об этом, то есть о том, что
имеет отношение к пляскам и всевозможным гимнастиче-
ским упражнениям. В самом деле: мы считаем, что гимна-
стические упражнения включают также телесные упраж-
нения в ратных трудах: стрельбу из лука, всякие виды ме-
тания, обращение с легким и различным тяжелым оружи-
ем, строевой порядок, умение отправиться в любой поход, **e**
разбить лагерь, а также все знания по верховой езде. Всему
этому должны обучать общественные учителя, состоящие
на жалованье у государства. Их учениками будут граж-
дане — мужчины и мальчики, девочки и женщины, если
только эти последние знают толк в ратном деле, обучив-
шись еще в девичестве любым пляскам в полном воору-
жении и бою; по выходе же замуж они приступают к боевому
порядку, строю, надеванию и сниманию оружия. Это сле-
дует делать если не ради чего-то иного, то ради тех слу-
чаев, когда всенародному ополчению приходится, оставив **814**
государство, выступать в поход за его пределы. В этих слу-
чаях они должны уметь хоть настолько владеть оружием,
чтобы защитить детей и государство; да и в противопо-
ложных случаях (а ведь никак нельзя поручиться, что их
не будет), когда неприятель вторгнется извне с огромной
мощью — все равно, будут это варвары или эллины, — надо
выказать готовность стоять до конца уже за самое государ-
ство. При этом великим бедствием для государства будет
такое позорное воспитание женщин, что они не пожелают **b**
умереть или претерпеть всяческие опасности ради детей, в
то время как это делают даже птицы, сражаясь за своих
детенышей с любым из самых сильных зверей. Женщины
же тотчас устремляются к святилищам, заполняют все хра-

мы, окружают алтари, распространяя о человеческом роде славу как о самом по своей природе трусливом из всех существ³⁰.

c Клиний. Клянусь Зевсом, чужеземец, если где это случится, государству не будет славы, не говоря уж о вреде.

Афинянин. Значит, мы установили этот закон в следующих пределах: женщины не должны пренебрегать ратным делом, но все, как граждане, так и гражданки, должны о нем печься.

Клиний. Я по крайней мере с этим согласен.

d Афинянин. Далее, мы говорили уже о борьбе. Но мы не коснулись того, что я назвал бы самым важным; правда, нелегко выразить это словами без показательных телодвижений. Поэтому мы будем судить об этом только тогда, когда слово будет сопровождаться делом и выяснится нечто определенное как относительно остального, о чем шла речь, так и относительно нашего мнения, что такая борьба значительно больше других движений действительно родственна бою. Особенно же станет ясным, что борьбой надо заниматься ради войны, но не следует изучать ратное дело ради борьбы.

Клиний. Это-то очень верно.

e Афинянин. Пока ограничимся сказанным о значении борьбы. Что же касается всех прочих движений тела — большую их часть правильно было бы назвать своего рода пляской, — то здесь надо различать два рода: первый воспроизводит, с возвышенной целью, движения более красивых тел; второй же воспроизводит, с низменной целью, движения тел безобразных. В свою очередь низменный род пляски распадается на два вида да и серьезный род — тоже на два. Из видов серьезной пляски один воспроизводит движения красивых тел и мужественной души на войне или в тягостных обстоятельствах, а другой — те движения, с которыми рассудительная душа предается благим делам и **815** умеренным удовольствиям. Такую пляску можно, согласно с ее природой, назвать мирной. Воинственную же пляску, противоположную мирной, правильно было бы назвать

«пиррихой»³¹. Путем уклонений и отступлений, прыжков в высоту и пригибаний она воспроизводит приемы, помогающие избегнуть ударов и стрел; пытается она воспроизводить и движения противоположного рода, пускаемые в ход при наступательных действиях, то есть при стрельбе из лука, при метании дротика и при нанесении различных ударов. Когда подражают движениям хороших тел и душ, правильным будет прямое и напряженное положение тела с устремлением всех членов тела, как это по большей части бывает, прямо вперед; противоположное же этому положение тела неправильно. В свою очередь при любой мирной пляске надо обращать внимание, правильно ли и не вопреки ли природе берется кто за эту прекрасную пляску и должным ли образом проводит он время в хороводах законопослушных мужей. Стало быть, прежде всего следует отделить сомнительный вид пляски от пляски, не вызывающей никаких сомнений. Какой же будет эта последняя и по какому признаку надо отделить один ее вид от другого? Что касается вакхической пляски и примыкающих к ней других видов, называемых плясками нимф, панов, силенов и сатиров, где, как считается, подражают тем, кто захмелел, причем справляются эти пляски во время обрядов очищения и некоторых других таинств, то нелегко определить, мирный ли весь этот род пляски или воинственный и какова его цель. Мне кажется, всего правильнее будет определить его так: отделив этот род как от воинственной, так и от мирной пляски, мы скажем, что он не имеет отношения к государственной жизни³². Поэтому мы и оставим его в покое и перейдем к воинственной и мирной пляскам, что уже, несомненно, наше дело.

То, что относится к невоинственной Музе, когда люди плясками почитают богов и детей богов, составляет один род пляски: он возникает на основе людских представлений о благополучии. В свою очередь мы снова разделили бы его на два вида: первый свойствен людям, избежавшим трудностей и опасностей и достигшим блага; от него получают большие удовольствия. Второй же вид свойствен

людям, сохраняющим и умножающим прежние блага; этот вид несет с собой более спокойные удовольствия, чем первый. В этих условиях каждый человек производит более или менее сильные телодвижения в зависимости от того, испытывает он более или менее сильное удовольствие. Чем более человек умерен и более закален в мужестве, тем меньше движений он производит; если же он труслив и не упражнен в рассудительности, то в его движениях больше изменений и они сильнее. Вообще не всякий может сохранять свое тело в покое, когда он издает звуки — при пении ли или при разговоре. Поэтому-то подражание жестам говорящих и породило все в совокупности искусство пляски. Однако

- 816** б движения у одних из нас бывают складными, у других же совершаются невпопад. Если вдуматься, то нельзя не одобрить как многих других древних названий, прекрасно данных согласно природе, так и того названия, что было дано пляскам людей благополучных, но умеренных в своих удовольствиях. Как верно и изящно назвал их тот — кто бы он ни был, — который с полным основанием дал всякой такой пляске название «складная» («эммелия»)³³! Он установил два вида прекрасных плясок: первый, военный — «пирриху» и второй, мирный — «эммелию»; каждому виду он дал подходящее и подобающее ему название.
- с

Законодатель должен на примерах растолковать характер этих плясок. И страж законов должен их придумывать, а придумав, соединять с остальными видами мусического искусства и распределять между всеми праздничными жертвоприношениями, на пользу каждому празднеству. Так, он должен их все по порядку освятить, чтобы впредь уже ничего не менять ни в пляске, ни в пении и чтобы одно и то же государство и те же самые граждане проводили время в одних и тех же удовольствиях, оставаясь, сколь возможно, себе подобными и живя хорошо и счастливо.

- d
- Итак, мы покончили с разбором того, какими должны быть хороводные пляски людей, прекрасных телом и благородных душой. Что же касается возбуждения смеха и шуточного подражания в слове, пении и пляске действиям лю-

дей, безобразных телом и со скверным образом мыслей, то это еще нужно рассмотреть и объяснить.

В самом деле, без смешного нельзя познать серьезного³⁴; и вообще противоположное познается с помощью противоположного, если только человек хочет быть разумным. Зато одновременно осуществлять то и другое невозможно, если опять-таки человек хочет быть хоть немного причастным добродетели. Но именно потому-то и надо ознакомиться со всем этим, чтобы по неведению не сделать и не сказать когда-то совершенно некстати чего-то смешного. Подобные подражания надо предоставить рабам и чужеземным наемникам. Никогда и ни в коем случае не следует заниматься этим серьезно; свободные люди — мужчины ли или женщины — не должны обнаруживать подобных познаний. То, что здесь воспроизводится, постоянно должно казаться новым. Следовательно, вот этот закон и в таком выражении мы и установим относительно смешных забав, называемых всеми нами комедией.

817

Что же касается творцов трагедий, считающихся серьезными, то если кто из них, придя, задаст такой вопрос: «Чужеземцы, приходите ли нам в ваше государство и в вашу страну или нет? Вводить ли нам у вас свои произведения? Или вы приняли иное решение»? Какой ответ мы были бы вправе дать божественным этим людям? Мне кажется, такой: «Достойнейшие из чужеземцев, — сказали бы мы им, — мы и сами — творцы трагедии, наипрекраснейшей, сколь возможно, и наилучшей. Ведь весь наш государственный строй представляет собой подражание самой прекрасной и наилучшей жизни. Мы утверждаем, что это и есть наиболее истинная трагедия. Итак, вы — творцы, мы — тоже творцы. Предмет творчества у нас один и тот же. Поэтому мы с вами соперники и по искусству, и по состязанию в прекраснейшем действе. Один лишь истинный закон может по своей природе завершить наше дело; на него у нас и надежда. Так не ожидайте же, что мы так легко позволим вам раскинуть у нас на площади шатер и привести сладкоголосых артистов, оглушающих нас звуками своего голоса;

c

будто мы дадим вам витийствовать перед детьми, женщинами и всей чернью и об одних и тех же занятиях говорить не то же самое, что говорим мы, но большей частью даже прямо противоположное. В самом деле, мы — да и все государство в целом, — пожалуй, совершенно сошли бы с ума, если бы предоставили вам возможность делать то, о чем сейчас идет речь, если бы должностные лица не обсудили предварительно, допустимы ли и пригодны ли ваши творения для публичного исполнения или нет. Поэтому теперь вы, потомки изнеженных Муз, покажите сначала правителям ваши песнопения, для сравнения с нашими. Если они окажутся такими же или если ваши окажутся даже лучшими, мы дадим вам хор. В противном случае, друзья мои, мы этого не можем сделать»³⁵.

Итак, относительно хоровых плясок и обучения им пусть будут, если вы согласны, установлены законами именно эти обычаи — отдельно для рабов, отдельно для господ.

Клиний. Как же нам с этим не согласиться?!

Афинянин. Итак, для свободных людей остаются еще три предмета обучения: счет и арифметика составляют один предмет; измерение дли-

ны, плоскости и глубины — второй; третий касается взаимного движения небесных светил и свойственных их природе круговращений. Трудиться над доскональным изучением всего этого большинству людей не надо, но только лишь некоторым. Кому же именно — об этом у нас пойдет речь потом, под самый конец: там это будет уместнее. Однако правильно говорится, что позорно, если большинство людей не имеют необходимых сведений в этой области и пребывают в невежестве; вдаваться же здесь в подробные изыскания нелегко да и вообще невозможно. Но необходимое отбрасывать здесь нельзя. Тот, кто первым пустил в ход поговорку о боге, имел, надо думать, в виду следующее: оказывается, и бог никогда не борется с необходимостью (здесь, думаю я, речь идет о божественных необходимостях). Если же дело идет о человеческих необходимо-

стях, — а ведь именно это имеет в виду большинство людей, высказывая такое суждение, — то подобное утверждение будет самым нелепым из всех.

Клиний. Какие же из необходимостей при обучении, чужеземец, будут не человеческими, а божественными?

Афинянин. По-моему, это те, без осуществления, а также усвоения которых решительно никто не стал бы для людей богом, гением или героем и не смог бы ревностно печься о людях. Многого недостает человеку, чтобы стать божественным, если он не может распознать, что такое единица, два, три и вообще, что такое четное и нечетное; если он вовсе не смыслит в счете; если он не в состоянии рассчитать ночь и день; если он ничего не знает об обращении Луны, Солнца и остальных звезд. Поэтому большая глупость думать, будто все это не суть необходимые познания для человека, собирающегося обучиться хоть чему-нибудь из самых прекрасных наук³⁶. Прежде всего надо надлежащим образом определить, чему именно из этого, в каком объеме и когда надо обучаться, в какой последовательности — вместе или отдельно от прочего, — словом, каково должно быть сочетание изучаемых предметов. Только после этого можно перейти к остальному, руководствуясь при обучении перечисленными науками. Так утверждает свои природные права необходимость, с которой, как мы говорим, ныне не борется — и никогда не будет бороться — ни один из богов³⁷.

Клиний. Кажется, чужеземец, твои эти слова правильны и согласны с природой.

Афинянин. Так обстоит дело, Клиний. Однако трудно устанавливать законы после того, как мы заранее выдвинули все это. Если угодно, мы в другое время подробнее этим займемся.

Клиний. Кажется, чужеземец, ты опасешься нашего обычного невежества в подобных вопросах. Но твои опасения неосновательны. Попытайся же высказаться, ничего не утаивая по этим причинам.

Афинянин. Да, я опасюсь и того, о чем ты сейчас

говоришь, но еще более боюсь я людей, прикоснувшихся к этим наукам, но прикоснувшихся плохо. Полное невежество вовсе не так страшно и не является самым великим из зол; а вот многоопытность и многознание, дурно направленные, — это гораздо более тяжелое наказание³⁸.

Клиний. Ты прав.

- б Афинянин. Итак, надо сказать, что свободные люди должны обучаться каждой из этих наук в таком объеме, в каком им обучается наряду с грамотой великое множество детей в Египте³⁹. Прежде всего там нашли простой способ обучения детей счету; во время обучения пускаются в ход приятные забавы: яблоки или венки делят между большим или меньшим количеством детей, сохраняя при этом одно и то же общее число; устанавливают последовательность выступлений и группировку кулачных бойцов и борцов; определяют по жребию, как это обычно бывает, кому с кем стать в пару. Есть еще и такая игра: смешивают в одну кучу золотые, бронзовые, серебряные и другие небьющиеся сосуды, затем кто-нибудь распределяет их между участниками игры, причем, как я сказал, происходит необходимое ознакомление с числами. Для учеников это полезно, так как пригодится в строю при передвижениях, перестройках и даже в хозяйстве. Вообще это заставляет человека приносить больше пользы самому себе и делает людей более бдительными. Кроме того, путем измерения длины, ширины и глубины люди освобождаются от некоего присущего всем им от природы смешного и позорного невежества в этой области.
- с
- д

Клиний. О каком невежестве ты говоришь?

- Афинянин. Друг мой, Клиний, я и сам был удивлен, что так поздно узнал о том состоянии, в котором все мы находимся. Мне показалось, что это свойственно не человеку, но скорее каким-то свиньям. И я устыдился не только за самого себя, но и за всех эллинов.
- е

Клиний. Объясни, чужеземец, что ты этим хочешь сказать.

Афинянин. Хорошо, объясню. Впрочем, это выяснит-

ся, если я буду тебе задавать вопросы, а ты будешь отвечать, но только кратко. Ты знаешь, что такое длина?

Клиний. Да.

Афинянин. А ширина?

Клиний. Конечно, знаю.

Афинянин. А также и то, что это составляет два измерения, третьим же измерением будет глубина?

Клиний. Разумеется, так.

Афинянин. Не кажется ли тебе, что все это соизмеримо между собой?

Клиний. Да.

Афинянин. А именно, что по самой природе возможно измерять длину длиной, ширину — шириной и точно так же и глубину? 820

Клиний. Вполне.

Афинянин. А если бы оказалось, что это возможно лишь отчасти, поскольку кое-что несоизмеримо ни полностью, ни чуть-чуть, ты же считаешь все соизмеримым, — в какое положение, по-твоему, ты бы попал?

Клиний. Ясно, что в незавидное. b

Афинянин. Так что же? Разве все мы, эллины, не полагаем, что длина и ширина так или иначе соизмеримы с глубиной или что ширина и длина соизмеримы друг с другом?

Клиний. Да, именно так мы полагаем.

Афинянин. И вот если снова окажется, что это никоим образом невозможно, между тем как, повторяю, все мы, эллины, полагаем, что это возможно, то разве это не достаточная причина, чтобы устыдиться за всех них? Разве не стоит сказать им: «Лучшие из эллинов, это и есть одна из тех вещей, не зная которые, как мы сказали, позорно; впрочем, такое знание, коль скоро оно необходимо, еще не есть что-то особенно прекрасное».

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Кроме этого есть и другие родственные этим вещи, в отношении которых у нас возникает опять-таки много заблуждений, сродных первым. c

Клиний. Какие же это вещи?

Афинянин. Это причины, по которым, согласно природе, возникает соизмеримость и несоизмеримость. Необходимо иметь их в виду и различать, иначе человек будет совсем никчемным. Надо постоянно указывать на это друг другу. Таким образом люди проводили бы время гораздо приятнее, чем старики при игре в шашки: ведь старикам прилично, состязаясь в этой игре, коротать свое время.

d

Клиний. Возможно. Итак, по-видимому, игра в шашки не столь далеко отстоит от этих наук⁴⁰?

Афинянин. Поэтому-то, Клиний, я и утверждаю, что молодые люди должны этому обучаться. В самом деле: это не приносит вреда и нетрудно; обучение, сопряженное с игрой, будет полезно и ничуть не повредит нашему государству. Впрочем, надо выслушать, нет ли каких возражений?

Клиний. Да, надо.

Афинянин. Если обнаружится, что дело обстоит именно так, то ясно, что мы примем это; если же окажется, что это не так, это будет отвергнуто.

e

Клиний. Ясно. Как же иначе?

Афинянин. Итак, чужеземец, постановим это, так как предмет этот относится к числу тех наук, которые обязательно должны изучаться, чтобы не было пробелов в наших законах. Пусть это будет постановлено как спасительный залог для всего государства, даже если это вовсе не нравится ни нам, учредителям, ни вам, для кого это учреждено.

Клиний. Твой закон справедлив.

Афинянин. После этого рассмотрим, будет ли соответствовать нашим желаниям или не будет, чтобы молодежь изучала упомянутую науку о звездах?

Клиний. Продолжай.

Афинянин. Тут положение очень странное и совершенно недопустимое.

Клиний. В чем же дело?

821

Афинянин. Мы говорим, будто не следует занимать-

ся суетными изысканиями и исследованиями относительно верховного божества и всего космоса в целом, а также не надо доискиваться причин, ибо это будто бы нечестиво. Но, по-видимому, в действительности дело обстоит как раз наоборот.

Клиний. Что ты понимаешь?

Афинянин. То, что я скажу, покажется, пожалуй, неожиданным и неподходящим для старика. Однако если находишь какую-нибудь науку прекрасной, истинной, полезной для государства и вполне любезной богу, то никак невозможно это не высказать.

Клиний. Естественно. Но найдем ли мы что-либо подобное в науке о звездах?

Афинянин. Друзья мои, ныне, сказал бы я, все мы, эллины, заблуждаемся относительно великих богов — Солнца и Луны.

Клиний. В чем же состоит это заблуждение?

Афинянин. Мы говорим, что они никогда не движутся одним и тем же путем, так же как и некоторые другие звезды, и потому мы их называем блуждающими⁴¹.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужеземец, ты говоришь правильно. Однако я в своей жизни нередко наблюдал, как Утренняя звезда, Вечерняя⁴² и некоторые иные никогда не совершают бега по тому же пути, но блуждают повсюду; Солнце же и Луна проделывают то, что нам всем постоянно известно.

Афинянин. Поэтому-то, Мегилл и Клиний, я утверждаю сейчас, что наши граждане и молодые люди должны узнать все это о небесных богах хотя бы в таком объеме, чтобы не поносить их, но всегда при жертвоприношениях и в молитвах сохранять благочестие.

Клиний. Это верно, если только прежде всего возможно узнать то, о чем ты говоришь. Затем, раз мы кое в чем ошибаемся относительно этих богов, обучившись же, перестанем делать ошибки, то и я уступаю тебе в том, что подобную науку надо усвоить по крайней мере в таком объеме. А ты попытайся всячески растолковать нам, что дело

действительно обстоит таким образом. Усвоив это, мы за
е тобой последуем.

Афинянин. Хотя и нелегко понять, о чем я говорю, однако и не так уж трудно. Да и времени это не требует особенно долгого. Вот вам доказательство: немолодым и не так давно узнал я об этом; однако я мог бы теперь объяснить это вам, и притом за короткое время. А ведь будь это трудно, я никогда не сумел бы объяснить это вам, учитывая мои и ваши преклонные годы.

822 Клиний. Это верно. Но о какой науке говоришь ты такие странные вещи? Ей должна обучаться молодежь, между тем как нам она неизвестна? Попробуй хоть немного разъяснить это.

Афинянин. Надо попробовать. Друзья мои, это мнение о блуждании Луны, Солнца и остальных звезд неправильно. Дело обстоит как раз наоборот. Каждое из этих светил сохраняет один и тот же путь; оно совершает не много круговых движений, но лишь одно. Это только кажется, что оно движется во многих направлениях. Опять-таки неверно считать самое быстрое из этих светил самым медленным, а самое медленное — самым быстрым⁴³. Природа устроила это по-своему, а мы держимся иного мнения... Если бы в Олимпии, при конных ристаниях или при состязании людей в длинном пробеге, мы держались подобного образа мыслей и считали бы самого быстрого бегуна самым медленным, а самого медленного — самым быстрым, то мы стали бы воздавать побежденному хвалу за победу. Я думаю, было бы неправильно и неприятно для бегунов, если бы мы стали так раздаривать наши хвалы, а ведь бегуны — только люди. Если же мы и по отношению к богам впадем в такую ошибку, то разве мы не сообразим, что то, что было смешно и неправильно в первом случае, окажется вовсе несмешным теперь, когда речь идет о богах. Богам неприятно, если мы поем им ложную славу.

Клиний. Несомненно, если дело обстоит так.

Афинянин. Следовательно, если мы докажем, что дело обстоит именно так, то все подобные науки надо будет

изучать хотя бы в таком объеме. Если же мы этого не докажем, то придется эти науки оставить. Пусть так и будет у нас постановлено.

К л и н и й. Безусловно.

Законы об охоте А ф и н я н и н. И так, надо сказать, что мы покончили с законами по поводу преподавания наук. Об охоте и всех подобных вещах надо судить таким же образом. Обязанность законодателя может оказаться шире, и он не должен, дав законы, считать свою задачу выполненной. Кроме законов есть и нечто иное, занимающее по своей природе среднее место между наставлением и законом. Это иное уже часто вторгалось в нашу беседу: таким, например, был вопрос о воспитании малолетних детей. Мы утверждаем, что нельзя оставить это невысказанным, но, с другой стороны, считать все, что мы выскажем, установленными законами, значило бы преисполниться великого безумия. После того как определенным образом будут намечены законы и весь государственный строй, все же нельзя будет считать совершенной похвалой выдающемуся своей добродетелью гражданину, если о нем скажут, что он лучше всех служит законам и больше всех им повинуетя и, следовательно, он — хороший человек. Более совершенным будет такой отзыв: «Вот человек, проводящий всю свою жизнь в повиновении законодателю, все равно даны ли его предписания в виде законов или же только в виде одобрения и порицания». Это будет самым точным выражением похвалы гражданину. Действительно, законодатель должен не только начертать законы, но и, кроме того, включить в свой набросок мнение о том, что прекрасно и что нет. А образцового гражданина это должно обязывать ничуть не меньше, чем предписания, за неисполнение которых законы грозят наказанием.

Мы можем сослаться на то, чем мы теперь заняты. Это скорее всего выяснит наше намерение. Охота — это нечто очень разнообразное, но в наше время все это охватывает одно название. Есть много видов охоты на водяных животных, много видов охоты на птиц, а также очень много

видов охоты на сухопутных зверей. Впрочем, охота может быть не только на зверей, но и на людей, как это бывает на войне. Ведь и это заслуживает, если вдуматься, названия охоты. Много есть видов охоты, вызванных любовью: c одни из них похвальны, другие — нет. Далее, грабежи, как разбойников, так и одного войска другим, это тоже виды охоты. Законодателю, издающему законы об охоте, нельзя не выяснить это; но, с другой стороны, невозможно для всего этого установить грозные законы и добавить к ним различные распоряжения и наказания.

Как же поступить в этих случаях? Одному, то есть законодателю, следует выразить свое одобрение или порицание трудам и занятиям молодежи, касающимся охоты; с другой стороны, молодому человеку следует выслушать его указания и повиноваться им, чему не должны препятствовать ни удовольствия, ни трудности; в особенности следует уважать то, что одобрено законодателем, — больше, чем предписания, сопровождаемые угрозами наказания. d

После такого предисловия уместно было бы прямо перейти к одобрению или порицанию тех или иных видов охоты⁴⁴. Заслуживает одобрения тот вид охоты, который совершенствует души юношей; порицания же заслуживает противоположный вид. Затем обратимся к молодым людям с таким пожеланием: «О, если бы, друзья, вас никогда не охватывала страстная жажда морской охоты, уженья рыбы, вообще охоты на водных животных, совершается ли это безделье днем или ночью, с помощью верши! И пусть не охватывает вас стремление к ловле людей и морскому разбою, которое сделало бы из вас жестоких и беззаконных охотников! Пусть вам в голову не приходит даже отдаленная мысль заняться воровством в своей стране и в своем e
824 государстве. Пусть никого из молодых людей не охватит исподтишка страсть к охоте на птиц, совсем не подходящая свободнорожденному человеку. Нашим любителям состязаний остается только охота и ловля наземных животных; однако и здесь недостойна похвалы так называемая ночная охота, во время которой лентяи поочередно спят, а также и

та охота, где допускаются передышки и где побеждает не сила трудолюбивого духа, а тенета и силки, с помощью которых побеждают силу диких животных. Стало быть, остается лишь один наилучший для всех вид охоты — конная и псовая охота на четвероногих животных; в ней люди применяют силу своего тела; те, кто печется о божественном мужестве, одерживают там верх; они несутся вскачь, наносят удары, стреляют из лука и собственными руками ловят добычу».

Слово наше может служить похвалой и порицанием всем этим видам охоты, закон же будет такой: этим в самом деле священным охотникам пусть никто не препятствует заниматься, где и как угодно, псовой охотой. Ночному же охотнику, полагающемуся на свои тенета и западни, пусть никто никогда и нигде не позволяет охоту. Птицелову пусть не мешают охотиться в бесплодных местах и в горах; но первый встречный пусть прогонит его с обрабатываемых священных земель. Рыбаку дозволяется ловить рыбу везде, за исключением гаваней, священных рек, озер и прудов, лишь бы он не употреблял смеси соков, мутящих воду.

Теперь можно утверждать, что законы об обучении пришли к концу.

К л и н и й. Прекрасно.

КНИГА ВОСЬМАЯ

828

**Прочие узаконения
(празднества,
военные,
мусические
и гимнастические
состязания)**

Афинянин. После этого надо перейти к учреждению и узаконению празднеств с помощью Дельфийских прорицаний; надо определить, какие жертвоприношения и каким богам будут полезнее и лучше для государ-

ства? В какое время надо их совершать и в каком количестве? Наше дело также, пожалуй, установить здесь некоторые законы.

Клиний. По крайней мере мы должны установить количество праздников.

- Афинянин. Итак, прежде всего определим их количество. Пусть празднеств будет не менее трехсот шестидесяти пяти, чтобы всегда какое-нибудь одно должностное лицо совершало жертвоприношение какому-нибудь богу или гению за государство, за граждан и за их достояние. Пусть толкователи, жрецы, жрицы и прорицатели соберутся вместе со стражами законов и определят то, что неизбежно пропустит законодатель. Потому-то им и надо знать толк во всем том, что законодателем было пропущено.
- б
- с
- Закон же гласит так: пусть будет двенадцать празднеств в честь двенадцати богов, имена которых носят двенадцать фил. Каждому из этих богов пусть совершаются ежемесячные жертвоприношения; пусть устраиваются хороводы и мусические состязания; что же касается гимнастических состязаний, то их надо добавить положенным образом, соответственно всем этим богам и временам года. Надо определить, на какие женские празднества не допускаются мужчины, а

на какие допускаются. Кроме того, почитание подземных богов не следует смешивать с почитанием богов, которых следует назвать небесными, и их спутников. Напротив, это надо разграничить, и почитание подземных божеств при- d
рочить к двенадцатому месяцу — месяцу Плутона¹.

Воины не должны питать отвращения к этому богу; нет, им надо его почитать: ведь это во всех отношениях самый благой бог для человеческого рода. В самом деле, общность души и тела ничуть не лучше их разобщения²: я это серьезно готов утверждать. К тому же тем, кто потом внесет здесь должное разграничение, надо поразмыслить о том, что в смысле досуга и необходимого достояния едва ли кто отыщет среди существующих теперь государств другое та- 829
кое, как наше. Поэтому государство наше, как и любой отдельный в нем человек, должно жить счастливо, а те, кто счастливо живет, по необходимости должны прежде всего не обижать друг друга и не подвергаться обидам со стороны других. Первое из двух этих условий не столь уж трудное; но очень трудно обладать такой силой, чтобы не подвергаться обидам. Достичь этого в совершенстве можно, не иначе как полностью став добродетельным. Точно так же бывает и с государством: у государства, ставшего добродетельным, жизнь бывает мирной, а у государства порочно- b
го — мятежной вовне и внутри. И раз дело обстоит таким образом, каждый должен упражняться в войне не на войне, а в мирной жизни. Поэтому разумное государство должно уделять воинским упражнениям в лагерях каждый месяц не меньше одного дня, лучше же — больше, если так решат правители; при этом не надо бояться ни холода, ни жары. Если правители решат устраивать эти упражнения снару- c
жно, то граждане должны выходить на них со своими женами и детьми; в других случаях в упражнениях будет участвовать только часть граждан. С жертвоприношениями надо объединять приятные забавы; надо, чтобы при этом происходили торжественные бои, по возможности наглядно воспроизводящие настоящие. Для каждого отдельного состязания надо установить победные награды и отли-

чия. Граждане будут восхвалять друг друга или порицать, смотря по тому, каким кто себя выкажет на состязаниях да и вообще в своей жизни. Того, кто будет признан самым лучшим, будут увенчивать, а самого худшего подвергать порицанию. Не всякий поэт будет иметь право воспевать эти подвиги; прежде всего он должен иметь не менее пятидесяти лет от роду и не должен принадлежать к числу тех, кто хотя и обрел в себе поэтический дар, однако никогда не совершил ни одного прекрасного поступка. Пусть поются, хоть и не очень складные, сочинения тех поэтов, что и сами по себе хорошие люди, и пользуются почетом в государстве за мастерство в прекрасных делах. Суждение об этих поэтах должен иметь воспитатель и остальные стражи законов; лишь таким поэтам предоставят они как почетный дар полную свободу для сочинительства, остальных же поэтов лишат этой возможности полностью. Никто не осмелится воспевать презренную Музу, не получившую одобрения стражей законов, даже если он будет петь слаще Орфея или Фамиры³. Допускаются лишь сочинения в честь богов, признанные священными, и хвалы либо порицания, составленные добродетельными людьми, поскольку будет признана их сообразность.

То, что я говорил о воинской службе и о свободе сочинительства, должно одинаково касаться как мужчин, так и женщин. Законодателю надо все это взвесить и рассуждать про себя так: «Прекрасно, государство-то я устроил, но какими должен я воспитать его граждан? Разве не борцами в величайшем сражении, где у них будет много тысяч противников?» — «Конечно, так», — правильно было бы на это ответить. — «Так что же? Если бы мы воспитывали кулачных бойцов, панкратистов и тому подобных борцов, неужели мы вышли бы на состязание, ни разу перед тем ни с кем не сразившись? Или раз уж мы кулачные бойцы, то мы задолго до состязания в течение многих дней будем учиться сражаться и приложим много трудов, чтобы усвоить все те приемы, что пригодятся нам потом для победы? Научимся подражать им как можно лучше: вместо

ременного панциря мы наденем панцирь, состоящий из металлических шишечек, чтобы как можно лучше изучить удары и способы их отражения. Если у нас будет чрезмерно большой недостаток в товарищах по гимнастике, то мы станем упражняться, заменив противника подвешенным неодушевленным чучелом. Неужели же мы не осмелимся сделать это, убоясь смеха неразумных людей? Наконец, если у нас не будет живых противников и никаких неодушевленных предметов, если нам придется упражняться в пустыне, разве не посмеем мы это делать наедине, в самом деле борясь уже со своей тенью? Разве нельзя сказать, что это бывает, когда мы привыкаем к различным движениям рук?».

К л и н и й. Пожалуй, чужеземец, дело обстоит именно так, как ты сейчас сказал.

А ф и н я н и н. Что же? Хуже ли этих борцов будет подготовлено воинство нашего государства? Во всяком случае оно в любое время отважно двинется в самый тяжелый бой, сражаясь за жизнь, за детей, за имущество и за все государство. Поэтому законодатель не убоится того, что подобные упражнения по двое могут показаться кому-то смешными; напротив, он предпишет еще и каждодневные небольшие походы, пусть без оружия, приспособив к этому хороводы и всю вообще гимнастику. Он предпишет также гимнастические упражнения, более или менее тяжелые, не реже чем раз в месяц. По всей стране граждане должны будут вступать друг с другом в борьбу, борясь за захват каких-нибудь мест, устраивая засады и вообще подражая военным действиям. Они будут бросать шары и метать стрелы, по возможности подобные настоящим, пользуясь не совсем безопасными снарядами, чтобы это была не просто безопасная взаимная забава, но присутствовал бы и страх: тогда обнаружится, у кого есть присутствие духа, а у кого нет. Первым оказывается почет, вторые же предаются бесчестию. Таким образом, все государство, пока оно существует, все время должным образом подготавливается к настоящему бою. Если при этом кто-нибудь даже лишится

жизни, то, поскольку убийство произошло невольно, руки убийцы считаются чистыми, после того как он по закону совершит очищение. Законодатель держится того мнения, что смерть немногих людей будет восполнена рождением других, притом не худших, чем были погибшие. Если же исключить здесь страх, то нельзя будет найти средство отличать лучших людей от худших; а это будет для государства значительно большей бедой.

в

Клиний. По крайней мере, чужеземец, мы готовы согласиться, что всякое государство должно установить законом все эти упражнения и превратить занятия ими в обычай.

Афинянин. Неужели же все мы так и не поняли, почему хоровые пляски и все подобные состязания почти совсем не в ходу в теперешних государствах — разве лишь в крайне ничтожных размерах? Не из-за невежества ли большинства людей и тех, кто устанавливает для них законы?

с

Клиний. Весьма возможно.

Афинянин. Нет, вовсе нет, дорогой Клиний. Надо сказать, что тут есть две вполне достаточные причины.

Клиний. Какие?

Афинянин. Первая заключается вот в чем: из-за страсти к богатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем, кроме своего собственного достатка. Душа всякого гражданина привязана к этому и больше уже ни о чем не заботится, кроме как о каждодневной выгоде. Всякий про себя полон готовности изучить те науки и те занятия, что ведут к этой цели; все же прочее у них подвергается осмеянию. Это и следует признать одной из причин, почему государства не желают серьезно вводить как упомянутые обычаи, так и вообще любой другой достойный обычай. Из ненасытной страсти к золоту и серебру всякий готов прибегнуть к любым уловкам и средствам, достойные ли они или нет, лишь бы разбогатеть. Благочестив ли поступок или нечестен и безусловно позорен, это его не трогает, лишь бы только обрести обильную пищу, питье и, словно зверь, предаваться всевозможному сладострастию.

е

Клиний. Верно.

Афинянин. Следовательно, то, о чем я говорю, и есть одна из причин, не дающих государствам развивать хорошие навыки в чем бы то ни было, в том числе и в военном искусстве. Из людей, по природе своей вообще-то порядочных, она создает купцов, корабельщиков, всевозможных прислужников; из храбрецов — разбойников, подрывателей стен, святотатцев, драчунов и тиранов; иной раз они даже вовсе не плохи, но так уж им не посчастливилось. 832

Клиний. Как ты говоришь?!

Афинянин. Да как же не назвать их совсем несчастными, если всю свою жизнь они обречены на душевную нищету и ненасытность?

Клиний. Итак, это одна из причин. Что же ты считаешь второй, чужеземец?

Афинянин. Хорошо, что ты мне напомнил.

Клиний. Первая причина, по твоим словам, состоит в постоянной и ненасытной алчности; при этом всякому недосуг да и трудно упражняться, как должно, в военном деле. b
Пусть так. Укажи, какая же вторая причина.

Афинянин. Уж не думаешь ли ты, что я в затруднении и потому медлю ее назвать?

Клиний. Нет. Но мне кажется, что когда речь зашла о ненавистных тебе нравственных свойствах, ты более чем должно, подверг их бичеванию.

Афинянин. Ваш упрек, чужеземцы, вполне справедлив. Все-таки выслушайте и следующее.

Клиний. Говори, говори.

Афинянин. Я утверждаю — и говорил об этом не раз в предшествующей беседе, — что причиной служит также и государственный строй: демократический, олигархический, тиранический. Впрочем, ни то, ни другое, ни третье не есть c
даже государственный строй, но все это скорее может быть названо длительной междоусобицей, ибо ни одно из этих устройств не принимается добровольно, но держится постоянным насилием и произволом, подавляющим волю подданных. Властитель же, опасаясь своих подданных, добро-

вольно никогда не допустит, чтобы они стали достойными, богатыми, сильными, мужественными и вообще сведущими в ратном деле. Таковы две главные причины почти всех бед, в особенности же того, о чем мы упоминали. Однако ни той ни другой причине нет места в том государстве, о котором у нас идет речь и для которого мы устанавливаем законы. У граждан там будет величайший досуг; они не будут зависеть друг от друга; думаю, что при наших законах они совсем не будут сребролюбивыми. Поэтому только такое государственное устройство из всех существующих ныне, естественное и одновременно разумное, сможет осуществить то воспитание, о котором мы говорили, и те военные забавы, обсуждение которых мы правильно завершили в нашей беседе.

Клиний. Прекрасно.

Афинянин. Вслед за этим разве не надо упомянуть о гимнастических состязаниях? Поскольку некоторые из них пригодны для ратного дела, в них должны быть установлены победные награды; остальные же состязания придется оставить. О каких именно состязаниях идет речь, лучше сказать заранее и подтвердить законом. Прежде всего, что касается состязаний в беге на скорость, разве их не следует допустить?

Клиний. Конечно, следует.

Афинянин. В самом деле, подвижность тела, в частности ног и рук, имеет первостепенное значение в воинском деле. Скорость ног пригодится при бегстве, а также **833** преследовании; при рукопашных схватках требуется крепость и сила рук.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Однако без оружия от всего этого немного пользы.

Клиний. То есть?

Афинянин. Прежде всего у нас глашатай на состязаниях, как это делают и теперь, станет вызывать бегуна на ристалище. Тот выйдет с оружием: для состязающихся без оружия мы не установим наград. Первым выйдет

тот, кто примет участие в одинарном пробеге с оружием; вторым — состязающийся в двойном пробеге; третьим — состязающийся в беге на конной дистанции; четвертым — состязающийся в длинном пробеге; пятого же мы сначала выпустим вооруженным на дистанцию в шестьдесят стадий⁴ по направлению к святилищу Ареса; затем, дав ему имя гоплита и вооружив тяжелее, предложим ему более ровный путь; еще один стрелок в полном своем уборе пусть состязается в беге по разнообразным гористым местам в направлении к святилищу Аполлона и Артемиды. Начав это состязание, мы будем ожидать их возвращения и каждому из победивших дадим награду.

К л и н и й. Прекрасно.

А ф и н я н и н. Мы разделим эти состязания на три разряда: первый разряд будет для мальчиков, второй — для юношей, третий — для взрослых мужчин. Юношам мы назначим две трети пробега; мальчикам — половину двух третей, и они выступят в состязании как стрелки и гоплиты. Что касается женщин, то для не достигших зрелости девушек мы установим одинарный пробег, двойной пробег на конной дистанции, длинный пробег без оружия. Девушки с тринадцати лет вплоть до замужества, то есть не более как до двадцати лет, но и не менее чем до восемнадцати, будут выходить на эти состязания одетые надлежащим образом.

Пусть таким образом будут устроены состязания в беге мужчин и женщин. Что касается состязаний в силе, то вместо борьбы и других принятых теперь тяжелых упражнений будет введен бой с оружием: один на один, два против двух и так далее — до десяти против десятерых. Что касается приемов и нападения и защиты, ведущих к победе, то точно так же, как для борьбы с теми, кто ею ведает, устанавливается, что считать правильным, а что нет, так и установление правил для боя с оружием надо поручить тем, кто в нем отличился. Они установят условия победы и поражения, допустят те или иные приемы нападения и защиты. То же самое относится и к состязаниям женщин до их замужества. Кулачные бои для них следует заменить пол-

ными состязаниями пельтастов с применением стрел, легких щитов, дротиков, пращей или ручного метания камней. Относительно всего этого надо также установить правила. Кто лучше всех будет их соблюдать, тот получит почетные дары и награды.

- б** Вслед за этим надо установить правила конных состязаний. Впрочем, у нас — ведь дело идет о Крите — не будет особой нужды в конях⁵. Поэтому будет неизбежно меньше забот об их разведении и о состязаниях в конном пробеге. У нас совсем не будет людей, разводящих коней для упряжек; следовательно, ни у кого не будет оснований для подобного рода честолюбия. Устраивать такие несообразные с местными условиями состязания было бы совершенно лишено смысла. Все же мы установим, сообразуясь с природой страны, состязания для скаковых коней, молочных жеребят и для тех лошадей, что занимают середину между молочными жеребятами и взрослыми конями. Пусть, согласно закону, между ними устраиваются соревнования и состязания; общее же суждение обо всех пробегах и соревнованиях с оружием будет принадлежать филархам и гиппархам. А невооруженным было бы правильно запретить участие как в гимнастических, так и в этих соревнованиях. Критский же конный стрелок может пригодиться, то же самое и метатель дротика. Поэтому, для забавы, пусть между
- с** ними также будет соперничество и состязание. Женщин не стоит принуждать законами и предписаниями к участию в таких состязаниях. Впрочем, если кто из девочек или девушек, благодаря воспитанию, к этому привык и природа их это приемлет и не негодует, можно допустить их участие и не следует за это их порицать.
- д**
- е** Все связанное с состязаниями и с гимнастическим воспитанием как во время общественных игр, так и при повседневных занятиях с учителями теперь уже выяснено. Точно так же разобрана до конца и большая часть того, что относится к мусическому искусству. Правила для рапсодов и всего с ними связанного, а также для соревнований праздничных хоров надо установить впоследствии, когда будут

приурочены месяцы, дни и годы к различным богам и их спутникам. Именно тогда и выяснится, должно ли эти состязания устраивать каждые три года или один раз в пять лет: мы будем следовать в этом указанием, данным нам богами. Надо думать, что тогда будут установлены устроителями состязаний, воспитателями молодежи и стражами законов также разные мусические состязания. Для этого указанные лица соберутся все вместе и сами станут законодателями; они установят, в какое время, какие и в каком составе надо устраивать состязания всевозможных хоров — песенных и плясовых. А какими должны быть в каждом отдельном состязании слова, песни и гармонии, смешанные с ритмами и плясками, это не раз уже было сказано первым законодателем. Того же самого должны придерживаться и все последующие законодатели, чтобы уделять каждому жертвоприношению в надлежащее время подобающие состязания и таким образом установить для государства надлежащие празднества. Нетрудно понять, каким образом все подобные вещи могут быть упорядочены законом; кроме того, различные перестановки не принесут здесь ни особой выгоды, ни вреда государству.

**Совместное
воспитание
мужчин и женщин**

Однако в важных вещах убедить чрезвычайно трудно. Всего более это подходит богу, если бы только было возможно от него самого получить предписания. В наше время для этого, видно, нужен очень отважный человек, который особо бы чтит откровенность и не скрывает своего мнения относительно высшего блага для государства и граждан, который установил бы среди людей с порочной душой должные правила поведения, соответствующие всему государственному порядку. Ему пришлось бы восстать против самых сильных страстей; ни один человек не пришел бы ему на помощь; в полном одиночестве он следовал бы одним лишь доводам разума.

Клиний. О чем это опять зашла у нас речь, чужеземец? Мы что-то не понимаем.

Афинянин. Это естественно. Впрочем, попытаюсь по-

- нятнее вам это разъяснить. Когда я в своем рассуждении подошел к вопросу о воспитании, я увидел юношей и девушек в дружественном общении. И вот, как это и понятно, у меня возник страх при мысли о том, как может использовать каждый из них такое государственное устройство. Ведь в нашем государстве юноши и девушки будут отлично
- е вскормлены, свободны от нудного и унижительного труда, который лучше всего усмиряет дерзость; единственной их заботой в жизни будут жертвоприношения, празднества и хороводы. Каким же образом в таком государстве уберечься им от страстей, ввергающих в крайности многих мужчин и женщин? Между тем доводы разума велят воздерживаться от этих страстей: они стараются стать законом.
- 836 И ничего удивительного, если прежде установленные обычаи одержат верх над большей частью страстей. В самом деле: невозможность сильного обогащения послужит немалым подспорьем для рассудительности. С этой же целью были даны соответствующие законы для всего воспитания в целом; тому же служит надзор правителей, обязанных не спускать с молодежи глаз и постоянно оберегать ее. Итак, все это умеряет естественные страсти людей. Но вот из-за влечения мальчиков к мальчикам и девочек к девочкам, женщин к женщинам и мужчин к мужчинам проистекают несметные беды как для отдельных людей, так и для государств. Как же от этого уберечься? Какое придумать подобие в каждом из этих случаев, чтобы избежать подобной опасности? Да, Клиний, это во всех отношениях трудно. В самом деле: во многих других вещах весь целиком Крит и Лакедемон оказали нам довольно большую помощь, дав нам законы, отличные от большинства обычаев. А вот что касается любовных влечений — ведь мы тут одни и это можно сказать, — Крит и Лакедемон полностью с нами расходятся. Поэтому верным, пожалуй, было бы слово того человека, который одобрил бы, следуя в этом природе, закон, бывший до Лая⁶. Человек этот рек бы: мужчины не должны сходиться с юношами, как с женщинами, для любовных утех: это правильно; и он подтвердил бы свои слова указа-
- б
- с

нием на животных, у которых самцы не касаются самцов, так как это противоречит природе. Но это совсем не подходит вашим двум государствам. В то же время ваши обычаи не согласуются с тем, что, по нашим словам, должен всячески соблюдать законодатель. В самом деле, мы постоянно смотрим, какие из установленных нами законов ведут к добродетели, а какие — нет. Допустим, мы установили бы сейчас все эти вещи законом как прекрасные и совсем не позорные; чем бы способствовало, однако, все это добродетели? Уж не тем ли, что осуществление всего этого вселит в душу человека, покорно давшего склонить себя на подобное дело, дух мужества, а в душу того, кто склонит на это другого, некий род рассудительности? Нет, этому никто никогда не поверит. Скорее — совсем наоборот; всякий станет осуждать мягкотелость человека, который уступает удовольствиям и не в состоянии им сопротивляться. И разве любой не подвергнет порицанию того человека, который решается на подражание образу женщины? Кто же из людей решится все это возвести в закон? Решительно никто, по крайней мере из тех, кто помышляет об истинном законе. Но как нам убедиться в истинности нашего взгляда? Кто хочет здесь правильно мыслить, тому необходимо рассмотреть природу дружбы, вожделения и вместе с тем того, что называют любовным влечением. В самом деле: трудность и неясность здесь создает то, что одним общим названием охвачены все эти [виды], хотя на самом деле их два, и уж из этих двух возникает особый вид, третий.

Клиний. Как это?

Афинянин. Иногда мы говорим так: подобное дружелюбно подобному по своим качествам, равное дружелюбно равному. С другой стороны, и недостаточное мы называем дружелюбным избыточному, хотя по своей природе оно ему противоположно: когда же то и другое становятся очень сильным, мы называем это любовью.

Клиний. Верно.

Афинянин. Итак, дружба, основанная на противоположностях, страшна, дика и редко приводит к общности

нас, людей. Дружба же, основанная на сходстве, кротка и едина всю жизнь. В дружбе, возникшей из смешения этих двух видов, прежде всего нелегко распознать, к чему стремится человек, испытывающий этот третий вид влечения. Далее, положение такого человека затруднительно, так как два вида [чувства] влекут его в противоположные стороны: c одно [чувство] побуждает его коснуться цветущей юности, другое ему это запрещает. Ведь кто вожделеет тела и алчет цветущей юности, словно созревшего плода, тот стремится ею насытиться; он вовсе не ценит душевных свойств своего возлюбленного. А у кого вожделение к телу является чем-то побочным, тот скорее созерцает, чем вожделеет, так как душой страстно стремится к душе другого и считает d бесспорной дерзостью удовлетворять свое тело телом любимого. Он стыдливо чтит рассудительность, мужество, великодушие и разумность, и единственное его желание — это всегда хранить чистоту вместе с таким же чистым своим возлюбленным. Таков этот третий вид влечения, смешанный из тех двух; в качестве третьего вида мы его и разобрали. Но раз есть столько видов влечения, неужто надо их все запретить законом и от них отказаться? Нет, ясно, что мы желали бы, чтобы в государстве нашем бытовал тот вид влечения, который сопряжен с добродетелью и заставляет юношу стремиться к достижению высшего совершенства. А остальные два вида влечения мы запретили бы, если только это возможно. Каково твое мнение, дорогой Мегилл?

Мегилл. Ты, чужеземец, прекрасно все это выразил. e Афинянин. Очевидно, мой друг, я достиг своей цели — добиться с тобой согласия. Мне не стоит доискиваться, в каком смысле установлен у вас закон относительно всего этого; мне только нужно было добиться твоего согласия с моим рассуждением. А потом я попытаюсь убедить в этом и Клиния, зачаровывая его словами. Пусть же так и будет, с вашей легкой руки. Обратимся снова к общему разбору законов.

Мегилл. Ты совершенно прав.

838 Афинянин. Что касается установления этого закона

при нынешних обстоятельствах, то у меня есть один прием, отчасти легкий, хотя, с другой стороны, он и очень труден.

Меги́лл. Что ты имеешь в виду?

Афи́нянин. Мы знаем, что и в наше время большинство людей, пусть даже беззаконных, с большой тщательностью воздерживаются от общения с красивыми отроками, причем вовсе не против воли, но добровольно.

Меги́лл. Что ты говоришь?!

Афи́нянин. Да вот если у кого окажутся красивые брат или сестра, а также сын или дочь. Здесь, собственно, **в** неписанный закон отлично удерживает от тайных и явных связей, а также от всяких иных поползновений. У большинства людей в этих случаях нет даже вожеления к подобного рода связям.

Меги́лл. Это правда.

Афи́нянин. Значит, простое слово гасит подобные удовольствия.

Меги́лл. Какое такое слово?

Афи́нянин. Слово, гласящее, что подобные отношения нечестивы, богопротивны и что они позорнее всего позорного. А причина здесь та, что никто не высказывает иного мнения; каждый из нас с самого дня рождения всегда и повсюду слышит подобное мнение как в комедиях, так и в трагедиях, где это повторяется со всей серьезностью, когда перед нами выводят Фиестов, Эдипов или же Макареев: Макарей тайно вступил в связь со своей сестрой, а потом, когда это обнаружили, наложил на себя руки, чтобы искупить свое преступление⁷.

Меги́лл. Ты прав, указывая на какую-то странную силу **d** молвы, раз никто никогда не пробует даже вздохнуть вопреки обычаю.

Афи́нянин. Значит, мы правильно сказали сейчас, что законодателю легко распознать тот способ, с помощью которого можно подавить какую-то страсть из числа тех, что особенно поработают людей: надо только сделать всеобщую молву священной для всех — для рабов, для свободных, для женщин, детей и вообще для всего государ-

ства; так законодатель сделает свой закон неколебимым.

е Мегилл. Совершенно верно. Надо бы, однако, иметь возможность всем людям вселить желание выражать подобные мнения. . .

Афинянин. Твое возражение очень метко. Вот именно об этом-то я и говорил, когда заметил, что у меня есть искусный способ для установления закона о том, чтобы соитие, предназначенное для деторождения, происходило лишь сообразно природе. От мужского пола надо воздерживаться и не губить умышленно человеческий род: не надо также ронять семя на скалы и камни, где оно никогда не пустит корней и не получит естественного развития. Надо воздерживаться и от всех тех женщин, на чьей пашне не захочет произрастать твой посев. Этот закон, если он всегда будет действовать и возобладает в той степени, как теперь возобладал закон против сношений с родителями, а также если он справедливо возобладает в отношении всех остальных видов подобных сношений, принесет с собой тысячи благ. Прежде всего он согласен с природой; затем он заставит воздержаться от любовных борений, неистовств, от всякого рода прелюбодеяний, от чрезмерного пристрастия к питью и еде; мужей он сделает близкими друзьями их жен. И какое было бы ещё множество благ, если бы человек овладел этим законом! Впрочем, возможно, какой-нибудь молодой и крепкий мужчина,отягченный обилием семени, услышав об установлении такого закона, встанет перед нами и, оглашая все своим криком, начнет поносить нас за то, что мы, мол, установили нелепые и невыполнимые узаконения. Так вот, имея в виду именно это, я и сказал, что прием, которым я располагаю, с одной стороны, самый легкий из всех, с другой же стороны, чрезвычайно трудный в том смысле, чтобы закон этот, будучи установлен, оставался в силе. В самом деле: очень легко сообразить, что этот закон осуществим, а также, каким образом это сделать. Мы утверждаем, что достаточно объявить его священным, чтобы он поработил любую душу и вообще заставил человека с ужасом повиноваться установлениям. Но в настоящее

время дело дошло до того, что осуществить это считается невозможным; правда, точно так же не поверили бы в осуществимость обычая, касающегося сисситий, и в то, что все государство в целом все время своего существования станет d
придерживаться такого обычая. Но опровержением здесь служит то, что у вас есть такие сисситии; впрочем, даже в ваших государствах пока считают, что природа женщин не позволяет распространить этот обычай также на них. Именно из-за такого сильного недоверия я и сказал, что невероятно трудно, чтобы обычай этот получил законную силу.

Мегилл. И в этом ты прав.

Афинянин. Хотите, я приведу вам одно сказание, не лишнее правдоподобия, с целью пояснить, что все это не превышает человеческих сил и вполне может быть осуществлено? e

Клиний. Конечно, хотим.

Афинянин. Какой человек скорее воздержится от любовных утех и согласится умеренно пользоваться ими в установленных законом пределах, — тот ли, чье тело в хорошем состоянии и всесторонне развито, или тот, чье тело в плохом состоянии?

Клиний. Гораздо скорее тот, чье тело хорошо развито.

Афинянин. Не правда ли, мы знаем понаслышке, что 840
тарентинец Икк⁸ ради Олимпийских игр и других состязаний ни разу не касался ни женщин, ни мальчиков в то время, когда усердно готовился к состязаниям? Причиной здесь было его честолюбие, преданность своему искусству, а также и то, что наряду с рассудительностью он обладал и душевным мужеством. То же самое рассказывают о Крисоне, Астиле, Диопомпе⁹ и об очень многих других, хотя души их были воспитаны куда хуже, чем у наших с тобой, Клиний, граждан, а тело их гораздо больше было преисполнено жизненных сил. b

Клиний. Да, это правда: то, что древние рассказывают об этих атлетах, действительно было ими совершено.

Афинянин. Что же? Они отважились воздерживать-

ся от того, что большинство называет блаженством, ради победы в борьбе, в беге и других таких состязаниях; так неужели же наши дети не совладают с собой ради гораздо лучшей победы? Чарующую красоту этой победы мы, естественно, станем изображать им с самого детства в мифах, изречениях и песнях.

Клиний. Какая же это победа?

Афинянин. Победа над удовольствиями, которая делает блаженной их жизнь; уступка же удовольствиям повлечет за собой жизнь совершенно иную. Да, кроме того, неужели же для того, чтобы совладать с собой, как совладали те, кто был хуже, чем наши граждане, не будет иметь значения страх перед тем, что отсутствие такого самообладания вовсе не благочестиво?

Клиний. Конечно, и это будет иметь значение.

Афинянин. Я утверждаю, что хоть мы остановились на том месте законов, которое затруднило нас из-за испорченности большинства людей, все же наш этот закон должен действовать, выражая ту мысль, что гражданам нашим не подобает быть хуже птиц и многих других животных, рожденных в больших стадах, которые вплоть до поры деторождения ведут безбрачную, целомудренную и чистую жизнь. Когда же они достигают должного возраста, самцы и самки по склонности соединяются между собою попарно и все остальное время ведут благочестивую и справедливую жизнь, оставаясь верными своему первоначальному выбору. Наши граждане должны быть лучше животных. Однако, если их развратят остальные эллины и большинство варваров, у которых они увидят так называемую беспутную Афродиту¹⁰ и познают ее великую силу, тогда стражам законов придется стать законодателями и придумать для них другой закон.

Клиний. Какой же закон ты им посоветуешь установить, если будет нарушен тот, который мы сейчас учредили?

Афинянин. Ясно, Клиний, что этот второй закон будет непосредственно примыкать к первому.

Клиний. Но в чем он будет состоять?

Афинянин. Он с помощью труда будет по возможности умерять развитие удовольствий, сдерживая их наплыв и рост и давая потребностям тела противоположное направление. Это может удасться, если не будут любовные утехы бесстыдными. Если люди из стыдливости будут редко им предаваться, это ослабит власть бесстыдства благодаря редкому обращению к любовным утехам. Тайное занятие ими пусть будет узаконено для наших граждан как нечто прекрасное; пусть будет признано именно это обычаем и неписаным законом. Напротив, пусть считается позорной явность таких отношений¹¹, однако не сами эти отношения, как таковые. Позорное или прекрасное в этих делах намечается, таким образом, в нашем законе лишь как нечто вторичное, так как и сами эти отношения с точки зрения их правильности считаются нами вторичными. Все развращенные по своей природе люди — мы их называем побежденными собственной слабостью — составляют один род; остальные три рода граждан окружают их со всех сторон и принуждают не преступать законов.

Клиний. Какие это три рода граждан?

Афинянин. Те, кто благочестив, далее — те, кто ревностен, и, наконец, те, кто страстно вожделеет не к телу, но к прекрасным свойствам души. Правда, все эти наши слова остаются пока лишь благим пожеланием вроде тех, что выражаются в сказках; однако насколько лучше было бы, если бы это осуществилось во всех государствах. Если будет на то воля бога, мы, весьма возможно, принудим соблюдать в любви одно из двух: либо пусть гражданин не смеет касаться никого из благородных и свободнорожденных людей, кроме своей законной жены; пусть он не расточает своего семени в незаконных связях с наложницами, не освященных религией, а также в противоестественных и бесплодных связях с мужчинами. Или же мы совершенно исключим связи с мужчинами, а что касается связей с женщинами, то если кто станет жить кроме как с женой, вступившей в его дом с ведома богов, путем священного брака,

е с другими женщинами, купленными или приобретенными иным каким-либо способом, причем это явно обнаружится перед всеми мужами и женами, то мы как законодатели, думается мне, правильно сделаем, лишив его всех почетных гражданских отличий как человека действительно чуждого нашему государству. Итак, пусть будет установлен этот закон относительно любовных утех и всего относящегося к разным видам любви — все равно будет ли это считаться одним законом или двумя. Закон этот определяет, какие поступки при взаимоотношениях, возникающих под влиянием таких вожделений, правильны, а какие неправильны.

Мегилл. Я весьма охотно принял бы этот твой закон, чужеземец. Что касается Клиния, то пусть он сам выскажет свое мнение.

Клиний. Я это сделаю, Мегилл, когда улучу подходящее время. А сейчас предоставим нашему гостю излагать дальше свои законы.

б Мегилл. Хорошо.

Совместные трапезы (сисситии) и добывание пищи

Афинянин. Так вот, теперь нам надо перейти к устройству совместных трапез. Если, как мы считаем, в иных краях их и трудно установить, то на Крите всякий считает, что должны быть именно общие трапезы. Но как их устроить? Так ли, как они существуют здесь, или так, как в Лакедемоне¹²? Или же наряду с двумя этими видами сисситий есть еще и третий вид, лучший, чем эти? Мне кажется, нетрудно придумать и третий вид, однако это не принесет никаких преимуществ. Ведь удачны и те устройства, которые существуют теперь.

с Сисситиями связан вопрос о добывании съестных припасов. Каким образом это будет устроено? Во всех остальных государствах съестные припасы бывают различны и добываются отовсюду, так что источников там вдвое больше, чем у наших граждан. Ведь большинству эллинов пищу доставляет и суша, и море, у нас же — только суша. Для законодателя это легче: законы станут больше чем наполовину короче; вдобавок они больше будут подходить свобод-

порожденным людям. В самом деле: законодатель нашего государства может распространиться с большей частью законов о морской крупной и мелкой торговле, о гостиницах, таможнях, о рудниках, о кредите и о сложных процентах, а также с бесчисленным множеством других тому подобных установлений. Он будет устанавливать законы лишь для земледельцев, пастухов, пчеловодов, для их хранилищ и для надзирателей за [сельскохозяйственными] орудиями. e
Ведь мы уже установили самые важные законы — о браках, рождении детей и их возвращении, а кроме того, законы о воспитании и об учреждении государственных должностей. Теперь законодателю необходимо обратиться к вопросам о пище и о тех, кто ее добывает.

**Земледелие,
ремесла, торговля**

Начнем с законов, носящих название земледельческих. Первый закон, закон Зевса — охранителя рубежей¹³,

будет гласить так: пусть никто не нарушает земельных границ своего ближайшего соседа, будь то гражданин или чужеземец, если чей-то участок лежит на окраине, так что граничит с его землей. Пусть каждый считает, что это 843
поистине будет нарушением того, что нельзя нарушать. Пусть каждый скорее попробует сдвинуть огромную скалу, чем межевой столб или даже маленький камень, заклятый перед лицом богов и размежевывающий вражду и дружбу. Для гражданина свидетелем здесь будет Зевс Единоплеменный, для чужеземца — Зевс Гостеприимный¹⁴. Кто пренебрежет этим законом, тот понесет двойную ответственность: первую и главную — перед богами, вто- b
рую — перед законом. Вот почему пусть никто не нарушит добровольно границ соседей; если же кто это сделает, всякий желающий может донести об этом землевладельцам, а те привлекут его к суду.

Если кто окажется виновным в том, что тайно и насильственным путем стал делить заново землю, то суд определяет, какое наказание должен понести проигравший дело. Бывает, что соседи причиняют друг другу много мелочного вреда, и это, часто повторяясь, порождает тягостное

c чувство вражды, так что соседство становится невыносимым и горьким¹⁵. Поэтому каждый сосед должен всячески остерегаться, чтобы не подать соседу повода к вражде как вообще, так в особенности при запашке земли. Причинить вред вовсе нетрудно — это может всякий: а вот оказать помощь доступно не каждому. Кто запашет землю своего соседа, то есть преступит межу, тот должен возместить d причиненный вред и, кроме того, заплатить пострадавшему в двойном размере, дабы и самому исцелиться от бесстыдства и неблагородных наклонностей. В этих и во всех им подобных случаях разбирать, судить и назначать пеню будут агрономы; в случае больших нарушений, как было ранее сказано, — все должностные лица данного округа, составляющего двенадцатую часть всей страны; в случае меньших нарушений — местные начальники стражи. Если же кто захватит чужие пастбища, то судить и назначать возмещение за убытки будут те же лица, после того как убедятся воочию в нанесенном ущербе. Если кто присвоит e чужие рои пчел, зная, чем их приманить, и, когда рой сядет поблизости, его огреbet, он возместит убыток. Если кто станет выжигать свой лес, не думая о соседе, пусть он будет наказан по усмотрению должностных лиц. Если же кто станет делать посадки, не сохранив определенного промежутка между своей и соседней землей, то он подвергнется наказанию, как это уже было указано многими законодателями: надо здесь использовать и их законы.

Нельзя требовать, чтобы верховный устроитель государства установил законы для всех мелочей — такие законы по плечу и любому законодателю. Прекрасен древний 844 закон о воде, установленный для земледельцев, и не стоит давать иного направления нашей беседе: нет, пусть тот, кто хочет провести воду на свою землю, отводит ее из общественных водохранилищ, но пусть ни в коем случае не берет воды из источников, несомненно принадлежащих частному лицу; отводить воду он может в любом направлении, за исключением мест, занятых домами, святилищами и гробницами; при этом не нужно портить окрестной земли, а

надо ограничиться местом для водопровода. Если в иных местностях природные свойства земли таковы, что она лишена воды, а потому сильно впитывает дождевую влагу и там не остается источников питьевой воды, то надо рыть водоемы на своем собственном участке вплоть до глинистого слоя земли; если же и на такой глубине нигде не будет воды, надо брать воду у соседей — столько, сколько необходимо для каждого члена семьи. Если же у соседей самих едва хватает воды, то порядок ее доставки устанавливается агрономами: кто должен ежедневно ходить за водой и таким образом пользоваться ею вместе с соседями. Если кто из живущих под горой загородит сток дождевых вод и причинит этим вред обработанной земле расположенного выше участка соседа или, наоборот, живущий на горе станет как попало отводить воду, так что нанесет вред нижнему своему соседу, то, если они не захотят договориться друг с другом, пусть всякий желающий призовет астинома (если дело происходит в городе) или агронома (если в деревне), чтобы установить, как здесь должен поступить каждый. Кто не станет соблюдать установленного порядка, тот будет обвинен в завистливости и несговорчивости; если он окажется виноватым, то должен будет возместить пострадавшему ущерб в двойном размере за то, что не захотел послушаться должностных лиц.

Что касается участия всех граждан в осеннем сборе плодов, то здесь надо соблюдать следующее. Богиня милостиво дарует нам два вида даяний: во-первых, виноград — недолговечную дионисическую забаву, а во-вторых, виноград, по своим природным свойствам заготавливаемый впрок¹⁶. Пусть будет установлен такой закон об урожае: кто вкусит сельских плодов, винограда ли или смокв, до наступления времени сбора (а это совпадает с восходом Арктура¹⁷), все равно на своей ли земле или чужой, тот должен заплатить в пользу Диониса шестьдесят драхм¹⁸ в случае, если он сорвал плоды на своей земле, и одну мину, если он сделал это на земле у соседей; если же он сорвет плоды у кого-то другого, он должен заплатить две трети мины.

Кто захочет собрать плоды виноградной лозы, называемой теперь благородной, или благородной смоковницы, тот может пользоваться ими, сколько и когда угодно, если это его собственность; если же это — чужое и владелец не дал позволения, то человек этот немедленно будет подвергаться наказанию по закону, запрещающему трогать то, что положено не тобой. Если раб без разрешения владельца земли прикоснется к таким вещам, он будет наказан палочными ударами соответственно числу виноградин в грозди и числу смокв. Метек может пользоваться, если ему угодно, плодами благородной лозы, но за плату. Если же прибывший чужеземец пожелает, проезжая дорогами, отведать плодов, пусть пользуется, если ему угодно, благородной лозой бесплатно — он сам и один из его спутников: это будет законом гостеприимства. Что касается так называемой полевой лозы и других подобных плодов, то наш закон запрещает их рвать даже и чужеземцу. Если же чужеземец или его раб, не зная закона, коснутся запретного, то раба наказывают ударами, а свободнорожденного чужеземца отпускают, но делают ему выговор и поучают тому, что можно касаться лишь всех других видов лозы, непригодных для заготовки изюмного вина, и лишь тех смокв, что не годятся для сушки. Пусть не считается позорным тайком срывать груши, яблоки, гранаты и другие такие плоды; однако пойманный на этом подвергнется побоям, если он моложе тридцати лет. Впрочем, не надо наносить ему ран. Кроме этих побоев свободнорожденный человек не подвергнется никакому суду. Чужеземцу дозволяется пользоваться этими плодами таким же образом, как виноградом. Если же гражданин старше тридцати лет сорвет эти плоды, чтобы тут же их съесть, но ничего не унесет с собой, то он может это сделать на равных правах с чужеземцем. Ослушник же этого закона рискует быть исключенным из соревнования в добродетели, если об этом напомнят судьям, когда будут присуждаться награды.

Вода имеет наибольшее значение для садоводства, но она легко портится. Дело в том, что землю, солнце и вет-

ры, которые вместе с водой влияют на то, что произрастает из почвы, нелегко испортить; их нельзя отравить, отвести в сторону, украсть, а с водой все это можно сделать: такова ее природа. Поэтому здесь должен прийти на помощь закон. Так вот, пусть будет действовать следующий закон о воде: если кто испортит чужую воду, ключевую ли или дождевую, которая была собрана, отравит ее, отведет в сторону с помощью подкопа или украдет, то пострадавший должен обратиться за правосудием к астиномам, оценив нанесенный ему убыток. Кто будет уличен в том, что портит воду какой-то отравой, тот кроме возмещения убытка должен будет очистить водоем или источник воды. В каждом отдельном случае истолкователи законов будут указывать, как именно надо произвести эту очистку.

Что касается доставки припасов, то всякому желающему дозволяется собирать припасы по всей местности, лишь бы только он не причинял этим никому никакого ущерба и не извлекал тройной выгоды из ущерба, который потерпит сосед. Должностные лица должны разбираться в этом, а также во всем том, чем гражданин сознательно — тайно или явно — наносит вред другому против его воли — личности его или его имуществу. Обо всем этом надо доводить до сведения должностных лиц, которые и назначают кару, если убыток не превышает трех мин. В случае серьезных обвинений дело поступает в общий суд, который и определяет наказание для обидчика.

Если окажется, что кто-либо из должностных лиц назначил несправедливую пеню, пострадавший взыскивает с него судом вдвое большую сумму. Каждый желающий может подать в общий суд жалобу на неправильные действия должностных лиц.

Есть еще тысячи мелких узаконений, на основании которых надо назначать наказания, учинять тяжбы, вызывать в суд, приводить свидетелей для истца — двух ли или столько, сколько их нужно, — и так далее, в том же роде. Нельзя оставить все это без законов. Но престарелому законодателю не стоит этого делать. Пусть установят здесь законы

более молодые люди, подражая до мелочей установленным ранее важным законам. Необходимость таких мелких законов они узнают на опыте, пока не будет решено, что все
d устроено так, как надо. Тогда они неизбежно установят эти законы и будут жить, умеренно ими пользуясь.

С ремесленниками надо поступить так: прежде всего пусть никто из местных жителей не занимается ремеслами. Дело в том, что гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях: это — умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство. Гражданин не может этим заниматься так, между прочим. Усердно же предаваться двум занятиям или двум искусствам не способен, пожалуй, по своей природе ни один человек, так же как никто не может и сам упражняться в чем-то, как
e надо, и одновременно руководить упражнениями других. Вот это-то и должно осуществляться в государстве. Ни один кузнец не должен одновременно заниматься и плотничьим делом; в свою очередь и плотник не должен заботиться о чужом кузнечном деле больше, чем о своем собственном ремесле, под предлогом, будто он должен заботиться о многочисленных рабах, работающих на него, и будто таким образом он больше преуспеет в своем собственном
847 ремесле. Нет, в государстве каждый должен владеть только одним ремеслом, которое и доставляет ему средства к жизни¹⁹. Астиномы должны усердно следить за соблюдением этого закона. И если кто из местных жителей больше склоняется к какому-то ремеслу, чем к заботам о добродетели, астиномы должны его удерживать, угрожая бесчестием, пока он не исправится и не последует своей дорогой. Если кто из чужеземцев станет заниматься двумя
b ремеслами, то его под страхом тюрьмы, денежной пени и высылки из государства принуждают быть одним человеком, а не многими сразу. Что касается вознаграждения или уничтожения изделий, когда кто-нибудь обидит мастера или будет обижен сам, то астиномы разбирают эти дела, если они не превышают пятидесяти драхм. Сверх

этой суммы решение выносит, согласно закону, общий суд.

Никто в государстве не должен платить никакой пошлины ни за ввозимые товары, ни за те, что вывозятся. Не допускается ввоз ладана и других чужеземных курений, употребляемых при богослужении, и ввоз пурпура и окрашенных тканей, которые не производит страна, а также всего того, что нужно для ремесел, работающих на чужеземных товарах, раз в этом нет ровно никакой необходимости. Точно так же не разрешается вывоз таких предметов, наличие которых необходимо в стране. Во всем этом должны разбираться стражи законов; они же будут всем этим ведать — первые двенадцать по возрасту, за исключением пяти старших. Что касается оружия и всех других военных орудий, то если для этого понадобится ввоз чужеземных изделий, дерева, металла, предметов, годных для скрепления, или животных, гиппархи и стратеги распоряжаются ввозом или вывозом всего того, что производит или в чем нуждается государство. Стражи законов и в этом случае установят подходящие и удовлетворительные законы. Но здесь, как и во всем остальном, по всей нашей земле, во всем государстве не будет места мелкой торговле с целью наживы.

**Распределение
продуктов питания
и устройство
жилищ**

Что касается пищи и распределения доставляемых страной припасов, то правильным здесь было бы, конечно, осуществить порядок, близко напоминающий критский закон²⁰. Все эти припасы должны быть всеми разделены на двенадцать частей и соответственно должны потребляться. А каждая двенадцатая часть, — например пшеницы, ячменя и всего того, что созреет, а также всех тех животных, которые у каждого идут на продажу, — будет, согласно расчету, разделена еще на три части: первая часть назначается для свободнорожденных людей, вторая — для их рабов, третья — для ремесленников и вообще чужеземцев, как для тех переселенцев, что поселились у нас из нужды в пропитании, так и для тех, что всякий раз приезжают к нам по государственным или част-

ным делам. Только эту третью часть, выделенную из необходимых припасов, придется пустить в продажу; из остальных же двух частей нет никакой необходимости что бы то ни было продавать. Но как всего правильнее произвести подобное разделение? Прежде всего ясно, что части эти в одном отношении будут между собой равны, а в другом неравны.

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Неизбежно, что одни из припасов уродятся лучше, другие хуже.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Раз это так и раз всех частей три, то часть, предназначенная для господ, ничем не должна быть обильнее остальных двух частей, предназначенных для рабов, а равным образом и для чужеземцев. Надо произвести разделение так, чтобы все части были вполне равны и в отношении качества. Каждый из граждан получает две части и производит распределение припасов между рабами и свободнорожденными людьми: количество и качество распределяемого он определяет по своему желанию. Излишек надо распределить соответственно, приняв в расчет количество живых существ, пищу которым доставляет земля.

Гражданам надо отвести отдельные жилища. Тут был бы пригоден такой порядок: должно быть двенадцать поселков, по одному в середине каждой филы, составляющей двенадцатую часть страны. В каждом селении надо прежде всего выделить площадь для святилища богов и для их спутников-гениев. Это будут либо местные боги магнетов²¹, либо иные древние боги, память о которых хранят сохранившиеся строения; их-то и будут почитать граждане также, как чтили их в старину. Повсюду надо воздвигнуть святилища Гестии, Зевса, Афины и того бога, что для каждой двенадцатой части страны является главным. Вокруг этих святилищ надо прежде всего на самом возвышенном месте воздвигнуть здание, которое будет самым надежным приютом для стражей порядка. Ремесленников надо разделить на тринадцать частей и распределить их по всей

стране; одну же, тринадцатую, их часть надо поселить в городе, разделив и ее соответственно двенадцати частям всего государства. Все остальные ремесленники поселятся в окрестностях, за пределами города, так что в каждом поселке вместе с земледельцами будет жить полезное для них сословие мастеров. За всеми ними будут надзирать начальники агрономов. Они будут смотреть, сколько и какого рода мастеров требует каждая местность и какое место их жительства причинит земледельцам меньше всего неприятностей и больше всего доставит им пользы. За мастерами, живущими в городе, будут смотреть во всех этих случаях правители-астиномы.

849

**Рыночные площади
и торговля
с чужеземцами**

За рыночной площадью должны иметь надзор агораномы. После надзора за святилищами, расположенными на площади, этот надзор будет состоять в охране необходимого достояния людей; кроме того, они должны быть на страже рассудительности и противодействия наглости и должны наказывать тех, кто нуждается в наказании. Что касается товаров, то агораномы должны смотреть, чтобы вся продажа городскими жителями своих товаров чужеземцам происходила согласно закону. А закон таков: первого числа каждого месяца те из чужеземцев или рабов, кто получил поручение от горожан, доставляют на рынок часть товаров, предназначенную для продажи чужеземцам, то есть прежде всего двенадцатую часть всего количества хлеба. В этот первый рыночный день чужеземец должен закупить для себя на весь месяц хлеб и всю остальную пищу. Десятого числа каждого месяца производятся, в достаточных размерах, продажа и покупка жидких товаров на целый месяц. Двадцать третьего числа — продажа животных. Каждый продает или покупает, что ему нужно; земледельцы продают утварь и различные вещи — шкуры, любую одежду, ткани, войлок и все подобное, чужеземцам же приходится приобретать все это путем покупки. Пусть никто не торгует этим в розницу, так же как и ячменной или пшеничной крупой. Пусть никто не

b

c

d

продает ничего из других припасов ни горожанам, ни их рабам; если же кто продает, пусть никто у него не покупает. Чужеземец может продавать на рынке вино и хлеб чужеземцам, ремесленникам и их рабам; это — то, что большинство называет торговлей в розницу. Мясники пусть торгуют в розницу разделанными на части тушами; пусть они продают их чужеземцам, ремесленникам и их слугам. Так же точно чужеземец может каждодневно себе покупать, если ему угодно, разного топлива у тех лиц, которым в данной местности поручена эта продажа; затем он сам может продать топливо другим чужеземцам в любое время и сколько угодно. Продажу разных других вещей и утвари в размерах, необходимых каждому, можно производить на общем рынке в любом месте, которое стражи законов и агораномы вместе с астиномами обозначат как подходящее, установив предельную цену товарам. В этих пределах и будут обмениваться монеты на вещи и вещи на монеты; продавец и покупатель не будут откладывать обмена на будущее. Ведь кто откладывает обмен, тот, очевидно, доверяет другому и надеется получить свое; если же он не получит того, что должно, пусть не ропщет: правосудие не распространяется на подобного рода взаимный обмен.

850 Если товар будет куплен или продан в большем количестве или по более высокой цене, чем установлено законом, который определил и уступку, и прибыль и запретил выходить за эти пределы, то излишек записывается у стражей законов, а недостача зачеркивается. То же самое касается и записи имущества переселенцев.

Метеки
(чужеземные
поселенцы)

Желающий переселиться может это сделать лишь на определенных условиях. Чужеземец, который хочет и может поселиться, получит жилище, если он владеет ремеслом, и останется в стране не более как на двадцать лет, считая со времени записи. Никакой пошлины за право переселения с него не возьмут; от него требуется лишь рассудительность. За право торговли с него также не взыщут пошлин. Но зато по истечении срока он должен взять свое

имущество и удалиться. Если же в течение этих лет ему удастся обратить на себя внимание своими добрыми делами для государства; если он верит, что может убедить совет и народное собрание и что просьба его об отсрочке выселения будет уважена, даже если он испросит позволения пожизненно остаться в стране, — то пусть он выступит перед советом и народным собранием и, коль скоро он убедит государство, пусть исполнится то, в чем он его убедил. А у детей метеков, если они знают ремесла и достигли пятнадцати лет, срок переселения исчисляется с пятнадцатилетнего возраста. Затем, по прошествии двадцати лет, они должны удалиться, куда им угодно. Если же они захотят остаться, то должны точно так же убедить государство. До удаления из государства надо вычеркнуть ту запись их имущества, которую ранее произвели должностные лица. c d

---

КНИГА ДЕВЯТАЯ

853

Учение о преступлениях и наказаниях

А ф и н я н и н. Естественный распорядок законов приводит нас далее к вопросу о судебной ответственности, сопутствующей всем вышеуказанным

деяниям. За какие именно деяния должно нести ответственность перед судом, отчасти уже было сказано, поскольку это касается земледелия и смежных с ним областей; но еще ничего не было сказано относительно величайших проступков. Поэтому в дальнейшем следует последовательно разобраться именно в этих проступках, отдельно обсудить каждый из них, чтобы прийти к выводу, какое наказание здесь следует назначать и каким судьям это будет подсудно.

К л и н и й. Верно.

А ф и н я н и н. Впрочем, даже как-то позорно то, что мы собираемся теперь делать, то есть устанавливать подобные законы в таком государстве, которое, по нашему признанию, будет устроено хорошо и вообще получит правильное направление в смысле добродетельных навыков его граждан. И вдруг мы предполагаем, что в подобном государстве появится человек, причастный таким величайшим проступкам, которые во всех остальных государствах являются следствием испорченности. Приходится, таким образом, законодательствовать, предвосхищая события: угрожать — на тот случай, если подобный человек встретится. Устанавливать законы для предотвращения подобных поступков и наказания за них, коль скоро они совершены, в предположении, что такие люди непременно встретятся, — вот в

этом-то, повторяю, и есть что-то позорное. Мы ведь не то что древние законодатели. Те были, как теперь рассказывают, и сами божественного происхождения, да и законы свои они давали детям богов, героям, то есть существам также божественным. Нет, мы — люди и даем теперь законы семенам людей; поэтому мы вправе бояться, что у нас встретятся граждане с природой неподатливой, точно рога¹, так что их ничем не проймешь. Как те семена, что не поддаются огню, так и они неподатливы законам, даже столь сильным. Эти люди побуждают меня сказать о непривлекательном законе относительно святотатства — на случай, если кто отважится на такое дело. Впрочем, не хотелось бы даже думать, что получивший правильное воспитание гражданин может когда-либо остро заболеть этой болезнью; зато много попыток подобного рода можно ожидать со стороны принадлежащих гражданам слуг, чужеземцев и их рабов. Ради них в особенности — впрочем, и вообще-то остерегаясь человеческой слабости, — я назову закон о святотатстве и о всех тому подобных преступлениях, поскольку они трудно исцелимы или даже вовсе неисцелимы.

Согласно вышеустановленному правилу, и здесь надо предпослать вступление, однако по возможности краткое. Вот что можно сказать в увещание, когда беседуешь с человеком, которого злая страсть к святотатству одолевает днем и не дает покоя ночью: «Странный ты человек, это не человеческое и не божественное зло побуждает тебя идти теперь на святотатство; нет, это какое-то жало, внедрившееся в людей из-за старых, не искупленных очищением проступков; оно-то губит и терзает тебя; его надо всеми силами остерегаться. Узнай, в чем состоит такая осторожность. Когда тебе придет в голову подобного рода мысль, прибегни для ее отвращения к жертве Зевсу. Прибегни как умоляющий к святыням богов, отвращающих несчастья. Прибегни к общению с людьми, признаваемыми у вас хорошими. То слушай их речи, то пробуй сам говорить о том, что всякий человек должен почитать прекрасное и справедливое. Без оглядки беги общества дурных людей. Если от испол-

нения всего этого уймется твоя болезнь, тем лучше; если же нет, считай, что для тебя лучше смерть, и простишься с жизнью!»

Уголовные законы Вот как гласит наше вступление, данное для людей, замысливающих всякие

нечестивые и пагубные для государства деяния. Закон должен безмолвствовать перед повинующимися; для

ослушника же, вслед за вступлением, он громко глаголет: «Кто будет пойман в святотатстве, тому, если это раб или

d

чужеземец, отметят лицо и руки клеймом его злополучия, подвергнут его стольким ударам, сколько решат судьи, и в нагом виде выгонят за пределы страны». Возможно, что такое наказание исправит и образумит его. Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из двух действий: оно

e

делает наказываемого либо лучшим, либо менее испорченным. Но если будет обнаружено, что подобный поступок совершен каким-нибудь гражданином, который нанес великое, несказанное оскорбление богам, своим родителям или государству, то судье придется считать его неисцелимым: он знает, какое воспитание получил этот гражданин, как он был взращен с детства, а между тем он не удержался от величайшего зла. Наказание такому человеку — смерть, и это еще наименьшее из зол. Для остальных граждан полезным примером станет бесславие преступника и то, что его труп

855

будет выброшен за пределы страны. Его детям и его роду, если они не будут походить нравом на своего отца, — честь и слава; все будут говорить, что они хорошо и мужественно перешли от зла к добру. Имущество кого-либо из таких преступников государству не подобает конфисковать, раз наделы в нем всегда должны оставаться одними и теми же и одинаковыми. Зато его надо наказывать денежной пеней, когда окажется, что проступок можно искупить деньгами; эту пеню взимают из того имущества, которое окажется излишним сравнительно с наделом; однако размер денежной

b

пени не должен превышать этого излишка. Для этой цели стражи законов должны тщательно просматривать записи

и всякий раз сообщать точные данные судьям, чтобы никто никогда не оказался лишенным надела из-за недостатка денег. Если кто-нибудь будет признан заслуживающим большей пени, причем его друзья не захотят за него поручиться и в складчину внести за него деньги, чтобы его освободить, то его наказывают долговременным тюремным заключением и вдобавок какими-нибудь явными поношениями. c

Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было поступок, даже если совершивший его бежал за пределы государства. Наказанием должны быть: смерть, тюремное заключение, палочные удары, унижительные места для сидения и стояния или стояние возле святилищ на окраине страны; либо наказанием должна быть денежная пеня, как мы сказали ранее². Судьями, назначающими смертную казнь, пусть будут стражи законов и особый суд, выбранный из наиболее отличившихся прошлогодних должностных лиц. Последующим законодателям надлежит иметь попечение о таких вопросах, как подача жалобы, вызов в суд и тому подобное, — вообще о том, как все это должно совершаться. Нашей же задачей будет установить закон относительно подачи голосов. Голосование пусть будет открытое. Еще до начала его судьи должны занять места прямо против истца и обвиняемого, возможно более соответственно своему возрасту. Все граждане, у которых есть досуг, пусть отнесутся с сугубым вниманием к такому суду. Сперва слово предоставляется истцу, затем обвиняемому. После их речей старейший из судей начинает допрос, обращая особое внимание на их показания; а затем и все остальные судьи последовательно должны разобраны, что им желательно так или иначе узнать из показаний или умолчаний обеих тяжущихся сторон. У кого из судей нет такого желания, тот передает дальнейшее ведение допроса другому. Запись показаний, которые окажутся идущими к делу, следует запечатать, скрепив ее печатью всех судей, и положить на жертвенник Гестии. 856

На другой день судьи снова собираются вместе и точно так же, путем расспросов, разбирают дело и скрепляют сво-

ей печатью запись показаний. Так поступают трижды; затем, когда собрано достаточно доказательств и показаний свидетелей, каждый судья подает свой священный голос, обязуясь перед Гестией судить по мере сил справедливо и верно. Подобным образом и заканчиваются такие судебные дела.

b

После преступлений против богов идут преступления, касающиеся ниспровержения существующего государственного строя. Кто проводит своего ставленника на государственную должность, не считаясь с законами, и заставляет государство подчиняться партиям, того, раз он при этом прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом всего государства в целом. А кто, хотя и не походит ни на кого из подобных людей, но при отправлении главнейших государственных должностей не обратил внимания на такие явления или, хотя и обратил, из трусости не встал на защиту отечества, — такого гражданина следует числить на втором месте в смысле испорченности.

c

Всякий человек, если он сколько-нибудь полезен, должен оповещать правителей о заговорах, имеющих, целью насильственное и вместе с тем противозаконное изменение государственного строя, и должен привлекать заговорщика к суду. Судьями пусть будут для них те же лица, что и для святотатцев. Весь ход судебного дела будет тоже такой, как и в первом случае. Большинство голосов присуждают виновного к смертной казни. Посрамление и наказание отца не распространяется ни на кого из детей: исключение составляют те дети, чей отец и дед, и отец деда — все подряд были присуждены к смерти. Государство подвергает таких лиц высылке обратно на их родину, в исконное их государство, причем они сохраняют свою собственность, за исключением всего того, что относится к полному оборудованию их надела. Но если у гражданина не один сын, а несколько, причем всем им исполнилось уже десять лет, то по жребию из них выбирают десять человек, в пользу которых высказался отец или дед со стороны отца либо матери;

d

имена вынудших жребий сообщаются в Дельфы. Кого избере
ет бог, тот вступает в дом в качестве наследника с лучшей
надеждой на счастье, чем была у тех, кто оставил дом.

Клиний. Отлично.

Афинянин. В-третьих, тот же закон будет касаться
судей, которым придется судить по таким делам, и способа
судопроизводства в тех случаях, когда кого-нибудь привле-
кут к суду по обвинению в измене. Также и относительно
пребывания в стране потомков преступника и их выезда
на родину будет установлен один закон, одинаковый для
всех трех видов преступлений: для измены, святотатств и
насилъного ниспровержения законов страны. 857

Для вора, уворует ли он что-нибудь большое или какую-
нибудь мелочь, будет опять-таки установлен один закон и
одно судебное взыскание, одинаковое для всех воров. Преж-
де всего вору придется в двойном размере возместить сто-
имость украденного, раз он будет уличен в воровстве и его
имущество сверх надела позволит ему выплатить такую пен-
ню; в противном случае он будет подвергнут тюремному за-
ключению, пока не уплатит деньги или не примирится со
своим обвинителем. Если кто будет уличен в краже публично,
он может освободиться из тюрьмы, лишь получив про-
щение со стороны государства или уплатив двойную стои-
мость украденного. 858

Клиний. Хорошо ли мы говорим, чужеземец, что для
вора вовсе не надо делать различий, украдет ли он что-
нибудь большое или же мелочь и будет ли это кража жерт-
воприношений или священных предметов и так далее? Все
эти виды кражи совсем не безразличны, а раз так, то, сле-
довательно, и законодателю надо установить совершенно
различные наказания.

Афинянин. Очень хорошо, Клиний, что ты как бы
разбудил меня и не дал слишком далеко занестись. Ты на-
помнил мне то, о чем и раньше у меня возникала мысль: все
относящееся к законодательству ни в коей мере и никогда
не было еще правильно разработано до конца, по крайней
мере в затронутом теперь случае. Но опять-таки, что тут

сказать? Неплохо было бы сравнить всех нынешних людей, для которых устанавливаются законы, с рабами, которых печат также рабы. Надо твердо усвоить следующее: если бы какой-нибудь врач из числа тех, что врачуют по опыту, а не на основе знаний, застал свободнорожденного врача в беседе со своим, тоже свободнорожденным, больным, причем этот врач в речах своих приближался бы к философии, затрагивая самый источник болезни и, следовательно, обсуждая природу тел вообще, то врач-раб тотчас же бы расхохотался и обратился бы к другому врачу с такими словами, какие всегда бывают в подобных случаях на языке у большинства таких вот врачей: «Ах ты, чудак, — сказал бы он, — да ты не лечишь больного, а чуть ли не обучаешь его, словно ему надо не выздороветь, а стать врачом³!»

Клиний. Разве он не был бы прав, говоря это?

Афинянин. Быть может, если бы при этом он думал, что тот, кто разбирает вопрос о законах так, как разбираем сейчас мы, обучает граждан, а не только дает им законы. Не кажется ли тебе уместным такой его взгляд?

Клиний. Пожалуй.

Афинянин. Мы находимся в настоящее время в благоприятном положении.

Клиний. Почему?

Афинянин. Потому что у нас нет никакой необходимости давать законы; нет, мы сами занимаемся рассмотрением всего, что касается государственного строя, и пытаемся распознать, каким образом может быть осуществлено то, что всего лучше и что всего более необходимо. Вот и сейчас мы можем, конечно, если хотим, рассмотреть то, что является наилучшим; или опять-таки, если хотим, мы можем рассмотреть, что является самым необходимым в законах. Выберем же одно из двух.

Клиний. Смешной выбор нам предстоит, чужеземец. Вот уж когда мы уподобились бы тем законодателям, которых настоятельная необходимость заставляет законодательствовать немедленно, так как завтра уже нельзя будет этого сделать. А ведь мы, слава богу, можем, словно

каменщики или те, что начинают какое-нибудь иное строительство, собрать груды строительного материала и выбрать оттуда все, что подходит для будущей постройки; выбор этот мы можем произвести на досуге. Итак, допустим, что мы сейчас не те люди, которых необходимость заставляет строить дом, а те, кто на досуге то сравнивает один материал с другим, то пробует эти материалы составлять вместе. Стало быть, мы вправе сказать, что часть законов уже установлена, другие же поставлены рядом для сравнения. b

А финянин. Итак, Клиний, предпочтем естественный общий обзор законов. Обратим, ради богов, внимание вот на что относительно законодателей. . .

Клиний. На что же?

А финянин. В государствах есть много писаний и записанных произведений, сочиненных разными людьми; в том числе есть писания и сочинения законодателей.

Клиний. Конечно.

А финянин. Неужели мы станем обращать внимание только на писания остальных лиц — поэтов, писавших в стихах, или сочинителей, изложивших для памяти свои взгляды на жизнь, а на сочинения законодателей не обратим внимания? Или, напротив, всего более на них? d

Клиний. Без сомнения.

А финянин. Не должен ли из всех писателей только законодатель изложить свои взгляды на прекрасное, благое и справедливое? Не должен ли он объяснить смысл этих вещей и то, как их надо применять тем, кто намеревается быть счастливым?

Клиний. Разумеется. e

А финянин. Разве более позорно Гомеру, Тиртею и прочим поэтам плохо изложить в своих сочинениях взгляды на жизнь и на ее устройство, чем Ликургу, Солону и вообще тем, кто, став законодателем, написал сочинения? Или правильнее, чтобы из всех сочинений, имеющих в государствах, сочинения, написанные о законах, чаще развертывались читателем, так как они гораздо прекраснее и

лучше? И чтобы сочинения остальных писателей были согласованы с этими или в случае расхождений считались бы достойными осмеяния? Не таково ли наше убеждение относительно того, как в государствах должна происходить запись законов? Эти сочинения должны казаться принадлежащими людям разумным и любвеобильным, подобным отцу и матери. Неужели надо считать дело оконченным, если на стенах будут начертаны законы, установленные тираническим образом и снабженные угрозами?

859

Так вот, давайте мы с вами разберем теперь нашу попытку высказывать именно такие убеждения относительно законов. По силам ли это нам или нет, все равно таково наше ревностное желание. Если, идя этим путем, мы должны

в

будем кое в чем пострадать, — что ж, пострадаем: ведь это было бы благом, и, если будет на то воля бога, это именно так и осуществится.

Клиний. Прекрасные слова. Мы поступим так, как ты говоришь.

Афинянин. Следовательно, как мы и попытались, сначала надо тщательно рассмотреть вопрос о святотатствах, всякого рода воровстве и всех других преступлениях. Не надо беспокоиться, если в ходе законодательного труда мы одно уже сумели установить, другое же пока только подвергаем рассмотрению. Ведь мы еще не законодате-

с

Клиний. Разумеется, мы согласны.

**Учение
о справедливости
как о прекрасном
и о добровольной
и невольной
несправедливости**

Афинянин. Относительно всего прекрасного и справедливого попробуем распознать следующее: в чем мы здесь сейчас между собой согласны, а в чем мы не согласны даже с самими с собой; ведь мы высказали бы живейшее желание хоть этим, уж если не чем другим, отличить себя от толпы. Затем опять-таки посмотрим,

d

в чем здесь согласна или не согласна сама с собой толпа.

Клиний. Какие же ты заметил у нас разногласия?

Афинянин. Попробую разъяснить. Относительно справедливости вообще, справедливых людей, поступков и деяний мы все как-то согласны, что все это прекрасно. Стало быть, если утверждать, что все справедливые люди, даже с безобразным телом, прекрасны именно этими своими справедливейшими нравственными качествами, то, пожалуй, в этих словах не окажется ничего несообразного. e

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Возможно. Теперь, раз все причастное справедливости прекрасно, посмотрим, относятся ли у нас ко всему этому и страдания — почти наравне с действиями.

Клиний. И что же?

Афинянин. Ведь всякое справедливое действие, пожалуй, лишь постольку причастно справедливому, поскольку оно причастно прекрасному.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Следовательно, и страдание, причастное справедливому, становится в силу этого прекрасным? Если мы согласимся с этим, то в нашем рассуждении не будет противоречия. 860

Клиний. Верно.

Афинянин. Если же мы решим, что страдание справедливо, но безобразно, то получится противоречие между справедливым и прекрасным, коль скоро мы соглашаемся, что в данном случае справедливое является самым безобразным.

Клиний. Как, как ты говоришь?

Афинянин. Очень легко сообразить. Дело в том, что установленные нами немного раньше законы могли бы показаться идущими совершенно вразрез со всем нынешним рассуждением.

Клиний. С каким именно? b

Афинянин. Мы установили, что святотатец справедливо должен умереть; то же самое и враг хорошо установленных законов. Собираясь установить великое множество

таких узаконений, мы приостановились, видя, что в таком случае будет бесконечно много очень больших страданий, которые, правда, наиболее справедливы из всех страданий, но зато и наиболее безобразны из них. Не будет ли казаться нам справедливое и прекрасное то одним и тем же, то совершенно противоположным?

с Клиний. Чего доброго, случится и так.

Афинянин. Вот почему большинство и выражает такие небрежные и несогласованные мнения о прекрасном и справедливом.

Клиний. По-видимому, так, чужеземец.

Афинянин. Значит, Клиний, давайте снова посмотрим, как обстоит у нас дело в смысле согласованности мнений на этот счет.

Клиний. В смысле согласованности чего с чем?

Афинянин. В предшествующей беседе, думается мне, я с полной определенностью высказался об этом; если же это было не так, позвольте мне сказать сейчас. . .

d Клиний. Что именно?

Афинянин. Вот что: все дурные люди бывают дурными во всем лишь против воли. А раз это так, то отсюда необходимо вытекает и дальнейшее следствие.

Клиний. Какое?

Афинянин. Человек несправедливый дурен; но дурной человек бывает таким против воли. Совершать против воли что-либо добровольное не имеет смысла. Итак, тому, кто установил, что несправедливость совершается против воли, человек, совершающий несправедливость, должен казаться совершающим это невольно. С этим я также должен согласиться; дело в том, что и я утверждаю: все совершают несправедливости лишь против воли. Если же кто станет утверждать, что люди бывают несправедливы против воли, из-за соперничества или честолюбия, но все-таки многие добровольно совершают несправедливости, то я соглашусь с первым утверждением, но не со вторым. Однако в чем состоит лад моих слов? Не зададите ли вы мне, Клиний и Мегилл, следующий вопрос: «Если дело обстоит так,

e

чужеземец, то каков будет твой совет относительно законодательства для государства магнетов? Стоит ли здесь законодательствовать или нет?» — «Конечно, стоит», — отвечаю я. — «Следовательно, ты разграничишь добровольные и невольные несправедливые поступки, и мы установим большие наказания за добровольные погрешности и несправедливости, а за недобровольные — меньшие? Или же за все мы назначим равные наказания, раз уже вовсе нет добровольных несправедливостей?» 861

К л и н и й. Конечно, ты прав, чужеземец; но как же нам применить то, что теперь сказано?

А ф и н я н и н. Прекрасный вопрос. Мы это применим прежде всего вот как. . .

К л и н и й. Да?

А ф и н я н и н. Вспомним, что раньше мы прекрасно сказали: относительно справедливости у нас царит полнейшая сумятица и неразбериха. Исходя из этого, снова зададим сами себе вопрос: «Разве мы не выбрались из этого затруднительного положения и не разграничили, чем разнятся между собой добровольные и невольные поступки? Ведь во всех государствах всеми когда-либо бывшими законодателями признано существование двух видов несправедливых поступков: одни — добровольные, другие — невольные. Неужели же так это и будет установлено законом и мы ограничимся лишь тем, что выскажем сейчас известное положение, словно это изречение бога, но вовсе не обоснуем его правильность, а прямо-таки возведем в закон? Нет, это невозможно; необходимо, прежде чем давать законы, разъяснить эти два вида проступков и их различие, чтобы всякий, когда будет назначать наказание за проступок, относящийся к первому или второму виду, мог руководиться установленным положением и был бы в состоянии так или иначе судить о том, подходит ли данное установление или нет».

К л и н и й. Мне кажется, ты прав, чужеземец. И вот нам предстоит одно из двух: либо отказаться от утверждения, что все несправедливые поступки совершаются против во-

d ли, либо же сначала определенно выяснить правильность нашего утверждения.

Афинянин. Из этих двух возможностей первая — отказаться от утверждения того, что считаешь истинным, — для меня совсем неприемлема. В самом деле, это было бы и противозаконно, и нечестиво. Надо попробовать каким-то образом разъяснить, можно ли по какому-либо иному признаку разделить эти проступки на два вида, если уж отказаться от различения их по тому, что одни из них добровольны, а другие совершаются против воли.

Клиний. Мы, чужеземец, совершенно не можем мыслить об этом как-то иначе.

e Афинянин. Пусть так и будет. Ну, а вот вреда гражданам, конечно, немало причиняют друг другу при взаимном общении и знакомствах, причем и здесь в избытке встречается добровольное и невольное.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Так вот, пусть не считают при рассмотрении любого вреда, нанесенного несправедливостью, что здесь бывает два вида несправедливых поступков: во-первых — добровольные, во-вторых — невольные. Дело в том, что вред, причиняемый невольно, и по количеству, и по размерам не уступает всякого рода добровольно наносимому вреду. Посмотрите, имеют ли мои слова какое-нибудь отношение к заданию, которое я себе поставил, или же вовсе не имеют? Дело вот в чем: я, Клиний и Мегилл, утверждаю, что, когда один человек, совсем того не желая, невольно причиняет вред другому, он совершает несправедливый поступок, однако совершает его невольно. Поэтому, законодательствуя, я установлю законом, что поступок этот есть невольная несправедливость. Но я вовсе не стану относить этот вид причинения вреда к несправедливости вообще, все равно в каких бы размерах и кому бы ни был он нанесен. Если мое мнение победит, то мы часто будем утверждать, что несправедливый поступок совершен и тем, кто является виновником какой-нибудь оказанной неправильно услуги. Дело, пожалуй, друзья мои, вот в чем: не

b

потому приходится попросту считать одно справедливым, а другое несправедливым, что человек дал кому-нибудь что-то свое или, наоборот, отнял у кого-нибудь что-то; нет, законодателю надо смотреть, каковы были по отношению к справедливости намерения и образ действий человека, когда он оказал кому-нибудь услугу или нанес какой-нибудь вред. Надо обращать внимание на две различные стороны: на несправедливость и на вред. С помощью законов надо, насколько возможно, возместить нанесенный вред, спасая то, что гибнет, поднимая то, что по чьей-то вине упало, и лечя то, что умирает или ранено. Коль скоро проступок искуплен возмездием, надо попытаться с помощью законов из каждого случая раздоров и вреда сделать повод для установления между виновником и пострадавшим дружеских отношений.

Клиний. До сих пор все прекрасно.

Афинянин. В свою очередь, что касается несправедливого нанесения вреда, из-за корысти, когда кто-то, путем несправедливостей, способствует обогащению другого, то, поскольку здесь зло исцелимо, его надо исцелить, считая это душевной болезнью. Надо признать, что, понашему, исцеление от несправедливости клонится вот в какую сторону...

Клиний. В какую?

Афинянин. Всякого совершившего большой или малый несправедливый поступок закон наставит и принудит либо никогда более не отваживаться на повторение подобных поступков по доброй воле, либо совершать это в значительно меньшей степени; кроме того, надо возместить нанесенный вред. Делом или словом, удовольствием или страданием, почетом или бесчестьем, пенями или дарами — словом, вообще каким бы то ни было образом заставить человека возненавидеть несправедливость и полюбить или по крайней мере не питать ненависти к природе справедливости — это и есть задача наилучших законов. Если законодатель заметит, что человек тут неисцелим, он назначит ему наказание и установит другой закон. Законода-

тель сознает, что для самих этих людей лучше прекратить свое существование, расставшись с жизнью; тем самым они принесли бы двойную пользу всем остальным людям: они послужили бы примером для других в том смысле, что не следует поступать несправедливо, а к тому же избавили бы государство от присутствия дурных людей. Таким образом, законодатель вынужден назначить в наказание таким людям именно смерть, а не что-то иное.

Клиний. Кажется, ты очень удачно все это выразил; однако мы с удовольствием послушали бы это еще в более ясном изложении, а именно: мы хотим знать разницу между несправедливостью и вредом и в каком виде сюда включается добровольное и невольное.

Афинянин. Попытаюсь в своей речи исполнить ваше желание. Дело вот в чем: ясно, что вы в своих беседах держитесь такого взгляда на душу: в самой душе по природе есть либо какое-то состояние, либо какая-то ее часть — яростный дух; это сварливое, неодолимое свойство внедрилось в душу и своей неразумной силой многое переворачивает вверх дном.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. А удовольствие мы не отождествляем с яростным духом. Оно владычествует, говорили мы, благодаря силе, противоположной этому духу. С помощью убедительных доводов, соединенных с насилием и обманом, оно осуществляет все, чего только не пожелает.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не будет ошибкой в качестве третьей причины проступков указать на невежество. Со стороны законодателя было бы лучше разделить это невежество на два вида: простое невежество, которое можно считать причиной легких проступков, и двойное, когда невежда одержим не только неведением, но и мнимой мудростью⁴, — точно он вполне сведущ в том, что ему вовсе неизвестно. Если сюда присоединяется сила и мощь, то это можно считать причиной крупнейших и грубейших проступков; если же сюда присоединяется слабость, то возникают детские и старче-

ские заблуждения. Законодатель должен признавать это проступками, но в этом случае законы относятся к виновным очень мягко и снисходительно. d

Клиний. То, что ты говоришь, естественно.

Афинянин. Пожалуй, мы все признаем, что одни из нас сильнее удовольствий и ярости, а другие — слабее. Вот как обстоит дело.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но неслыханно, чтобы одни из нас были сильнее невежества, а другие — слабее.

Клиний. Сущая правда. e

Афинянин. Все эти три свойства — [яростный дух, склонность к удовольствиям и невежеству] — заставляют нас искать удовлетворения их желаний; вместе с тем они нередко влекут нас в противоположную сторону.

Клиний. Да, это часто бывает.

Афинянин. Так вот, теперь я могу ясно и прямо определить, как я понимаю различие между справедливостью и несправедливостью. Тираническое господство в душе ярости, страха, удовольствия, страдания, зависти и страстей я считаю несправедливостью вообще, все равно, наносит ли это кому-нибудь вред или нет. Напротив, господство в душе представления о высшем благе, каких бы воззрений ни держалось государство или частные лица на возможность его достижения, делает всякого человека порядочным. Хотя бы он и совершил какой-нибудь ложный шаг, все равно надо считать вполне справедливым поступок, совершенный подобным образом, и все, что происходит под руководством такого начала, является наилучшим для всей человеческой жизни. Многие относят такое нанесение вреда к невольной несправедливости. Мы сейчас не станем спорить из-за названий; зато в первую очередь как можно лучше запомним выяснившееся сейчас наличие трех видов проступков. Итак, страдание, которое мы обозначили как ярость и страх, составляет у нас один вид [проступков]. 864 b

Клиний. Конечно.

Афинянин. Второй вид проступков проистекает из-за

удовольствий и, с другой стороны, из-за страстей; третий вид связан со стремлением к осуществлению надежд и правильного мнения о наивысшем благе. Разделив этот третий вид снова на три части, мы получим пять видов проступков, как это сейчас получается. Для этих пяти видов надо

c

К л и н и й. Какие именно?

А ф и н я н и н. Один — для явно насильственных действий, другой — для поступков, совершаемых втайне, среди мрака, путем обмана. Впрочем, бывают поступки, где налицо и то и другое. В этом случае законы должны были бы быть наиболее суровыми, если только они соблюдают правильное соотношение.

К л и н и й. Естественно.

d

А ф и н я н и н. Возвратимся далее снова к тому, что было нашим исходным пунктом, и будем продолжать установление законов. Помнится, мы установили законы относительно святотатцев, изменников и тех, кто извращает законы с целью ниспровержения существующего государственного строя. Человек может, пожалуй, совершить подобный поступок под влиянием безумия, болезни или глубокой старости: все это ничем не отличается от детского состояния. Если о преступлении поставлены будут в известность судьи, избираемые в каждом отдельном случае, причем об этом заявит либо сам преступник, либо его защитник, и если будет признано, что человек преступил законы, находясь в одном из указанных состояний, то он должен будет попросту возместить тот вред, который он кому-то нанес, а от всей прочей судебной волокиты он будет избавлен. Исключение составляет тот случай, когда убийца не очистил своих рук от убийства; в этом случае он должен удалиться в другую страну, в другое место и там провести целый год в отлучке. Если он вернется до истечения определенного законом срока и ступит где бы то ни было на родную землю, то стражи законов должны посадить его в государственную тюрьму, причем он может быть выпущен из нее по истечении двух лет⁵.

e

**Наказания
для убийц.
Кары за другие
виды насилия**

Раз мы уже начали говорить об убийстве, попробуем установить до конца законы относительно всех его видов. 865

Прежде всего поговорим об убийствах насильственных и невольных. Если кто на состязании или на государственных играх невольно убьет человека, с которым находится в дружеских отношениях, — все равно последует ли смерть сразу или потом из-за нанесенных ударов, — или если кто убьет точно так же на войне либо при подготовительных воинских упражнениях, устраиваемых правителями (причем военные действия воспроизводятся либо с применением оружия, либо без него), — то человек должен очиститься согласно полученному на этот случай из Дельф закону, а затем он считается уже чистым⁶. Это касается и всех врачей, если против их воли умрет больной; в этом случае, согласно закону, врач считается чистым. Если же кто убьет кого-нибудь хоть и невольно, но собственноручно, силой своего тела или оружием, стрелой или тем, что даст ему что-нибудь выпить и съесть, а также тем, что прибегнет к огню или холоду или лишит человека дыхания, — словом, собственной силой или с помощью иных тел, — все равно он считается человеком, убившим собственноручно. Наказание ему будет следующее: если он убьет раба, приняв его за своего, он должен возместить хозяину умершего раба причиненный вред и убыток; иначе ему придется в наказание в двойном размере оплатить стоимость умершего. Определение стоимости дадут судьи. Очищений в этом случае будет больше и они многочисленнее, чем для убивших на играх. Решить этот вопрос правомочны избранные богом истолкователи. Если же кто убьет своего раба, то по совершении очищений ему, согласно закону, убийство не ставится в вину. Кто невольно убьет свободнорожденного человека, пусть прибегнет к тем же очищениям, что и человек, убивший раба. Однако пусть он отнесется при этом с почтением к одному старинному поверью из числа самых древних: рассказывают, что насильственно умерщвленный человек, прошедший свою жизнь с тем обра-

зом мыслей, какой свойствен свободнорожденному человеку, гневается на убийцу за свою раннюю смерть и, будучи полон страха и ужаса из-за испытанного насилия, наводит страх на убийцу, если видит, что тот продолжает жить в местах, привычных для покойного⁷. Полный тревоги сам, покойник изо всех сил тревожит убийцу и вносит тревогу во все его дела, причем союзником ему в этом служит память. Поэтому убийца должен уступить своей жертве и удалиться из всех родных для покойного мест его отечества на целый год⁸. Если покойный был чужеземец, убийца должен на такой же срок покинуть его страну. Кто добровольно повинется этому закону, того ближайший родственник покойного, бывший свидетелем всего происшедшего, должен простить и вообще с ним примириться. Если же ослушник, который еще не очистился от убийства, посмеет отправиться в святилища и приносить жертвы да вдобавок не пожелает выдержать указанного срока отлучки, ближайший родственник покойного должен преследовать его по суду за убийство. В случае обвинительного приговора все меры наказаний удвоятся. Если же этот ближайший родственник не возбудит судебного преследования за происшедшее, то всякий желающий может возбудить против него дело как против человека, на которого перешла скверна и обратилось мучение пострадавшего; в этом случае его можно по закону заставить покинуть свое отечество на пять лет.

Если чужеземец невольно убьет чужеземца из числа проживающих в государстве, его может преследовать по суду всякий желающий на основании тех же самых законов. Если это метек⁹, пусть он удалится на один год; если же он просто чужеземец, то в случае убийства чужеземца, метека или же горожанина он должен на всю жизнь покинуть страну, где действуют эти законы. Если вопреки законам он возвратится, пусть законодатели накажут его смертью, а имущество, какое у него есть, пусть передадут ближайшему родственнику пострадавшего. Коль скоро он возвратится против своей воли, например если морской бурей будет выброшен на берег этой страны, он может

раскинуть палатку, однако лишь на краю берега, так, что- d
бы вода касалась его ног; здесь он должен подстерегать
случай для отплытия. Если же кто насильно поведет его в
глубь страны, пусть его освободят первые встречные долж-
ностные лица и отправят, целым и невредимым, обратно в
прибрежную полосу.

Если кто собственноручно убьет свободнорожденного, причем это будет сделано в ярости, здесь надо различать два случая, а именно: совершен ли поступок в состоянии ярости, то есть когда внезапно и непреднамеренно под влиянием мгновенного порыва причиняют человеку смерть ударами или чем-то другим подобным, а затем тотчас же e
возникает раскаяние в совершенном поступке. Точно так же под влиянием ярости действуют и в том случае, когда замышляют отомстить за нанесенную раньше словами или бесчестными делами обиду и потом с намерением убить действительно убивают обидчика; в этом случае не возникает раскаяния в совершенном поступке. Стало быть, по-видимому, надо различать два вида убийства, и чуть ли не оба этих вида совершаются под влиянием запальчивости, ярости; всего справедливее было бы сказать, что они занимают середину между добровольными и невольными 867
преступлениями. Впрочем, нет: и тот и другой вид убийства имеют сходство либо с добровольным, либо с невольным действием. Ведь тот, кто подавляет ярость, не действует просто внезапно, но намеренно откладывает свое мщение на будущее время; действия такого человека подобны добровольным. Напротив, человек необузданный в гневе, сразу ему подпадающий и не отдающий себе отчета в своих намерениях, подобен действующему невольному, хотя и он действует не вполне так: здесь только внешнее сходство с b
невольным поступком. Вот почему трудно разграничить те случаи убийств, когда они совершены под влиянием ярости, с точки зрения того, какие из этих убийств должен закон признать добровольными, а какие — невольными. Всего лучше и согласнее с истиной было бы судить о них по признаку сходства и различать оба вида преступлений с точки

зрения их преднамеренности или же непреднамеренности, а затем назначить по закону для тех, кто в гневе совершил преднамеренное убийство, наказание более тяжелое, а для тех, кто совершил это непреднамеренно и внезапно, — более легкое. В самом деле: за большее зло естественно назначить большее наказание, а за меньшее — меньшее. Так должны поступить и мы в наших законах.

К л и н и й. Конечно.

А ф и н я н и н. Снова вернувшись к нашему предмету, скажем следующее: если кто собственноручно убьет свободнорожденного человека и совершит это непреднамеренно, в состоянии гнева, то виновный должен подвергнуться всем тем же наказаниям, что и тот, кто убил без ярости, а именно, ему придется на два года отправиться в изгнание, в виде кары за свою запальчивость. Если же кто совершит убийство, пусть в состоянии ярости, но преднамеренно, он подвергнется всем тем наказаниям, что указаны в первом случае, но вместо двух лет изгнания ему назначается три года, то есть более продолжительный срок за более сильную степень ярости. Что же касается обратного возвращения этих лиц, то здесь пусть соблюдается следующее: вполне точные законы дать тут трудно; бывают случаи, когда из этих двух видов убийства тот вид, который признан законом более тяжким, на самом деле оказывается более легким, и, наоборот, тот вид, который признан законом более легким, на деле оказывается более тяжелым, причем во всех обстоятельствах, связанных с убийством, один человек действует более жестоко, другой — более мягко. Впрочем, большей частью все происходит так, как мы сейчас говорим. Во всем этом должны разбираться стражи законов. После того как истекут сроки изгнания для каждого из этих двух видов преступников, пусть они пошлют двенадцать судей к границам страны, с тем чтобы за это время они еще точнее рассмотрели деяния изгнанников и вынесли решение относительно их совестливости и обратного их допущения в государство. Изгнанники с своей стороны должны будут подчиняться решениям этих должностных лиц. Если же по

своем возвращении кто-нибудь из бывших в изгнании, поддавшись гневу, снова совершит тот же самый проступок, то ему назначается изгнание без права возвращения; если же он все-таки возвратится, то его надо подвергнуть тому же, чему подвергается чужеземец в случае возвращения после высылки¹⁰.

Кто убьет своего собственного раба, пусть подвергнется очищениям; кто же в состоянии ярости убьет чужого раба, пусть вдвойне возместит убытки его владельцу. Всякий убийца, не подчинившийся закону, не подвергшийся очищению, осквернивший своим присутствием рыночную площадь, игрища и все остальные святыни, может быть привлечен к суду любым желающим, равно как и родственник покойного, допускающий, чтобы убийца все это делал: его можно принудить по суду уплатить в двойном размере пени, а также вдвойне подвергнуть прочим мерам взыскания. Полученная пеня поступает по закону в пользу того, кто подал дело в суд. Если раб в состоянии ярости убьет своего господина, то близкие покойного могут сделать с убийцей все, что им угодно, но никоим образом не должны оставить раба в живых: в этом случае они будут чисты от вины. Если же какой-нибудь раб убьет свободнорожденного человека в состоянии ярости, то господа этого раба пусть передадут его близким покойного, те же обязаны умертвить убийцу каким им угодно способом. Бывает, — правда, редко, — что отец или мать в ярости причиняют ударами или другим каким-то насильственным образом смерть своему сыну или дочери; тогда они должны прибегнуть к тем же самым очищениям, что и все прочие, и отправиться в изгнание на три года. По возвращении жена убийцы должна расстаться с мужем, а муж с женой; впрямь они не должны вместе производить детей, не могут быть членами семьи, которую они лишили потомка или брата, и не должны принимать участия в почитании общих святынь. Нечестивый ослушник, который не считается с этим, может быть любым желающим привлечен к суду по обвинению в нечестии. Если муж в гневе убьет свою законную жену, либо

- жена совершит такой же точно проступок в отношении мужа, то они должны прибегнуть к указанным очищениям и пробывать в изгнании три года. По возвращении человек, совершивший подобное преступление, не должен принимать участия в священных обрядах вместе со своими детьми и не может иметь с ними общего стола. Ослушник же, будь то отец или сын, опять-таки может быть привлечен к суду по обвинению в нечестии любым желающим. Если брат в ярости убьет брата или сестру или также сестра — брата или сестру, очищения и сроки изгнания будут те же самые, что назначены для родителей и их детей; они также не могут быть членами той семьи, в которой у братьев отняли брата, а у родителей — сына, и не могут принимать вместе с ними участия в священных обрядах. К ослушнику можно правильно и по справедливости применить упомянутый закон о нечестии. Если кто будет настолько несдержан и запальчив по отношению к своим родителям, что в припадке неистового гнева осмелится убить одного из них, убийца, если покойный до своей кончины добровольно простил ему, должен прибегнуть лишь к тем очищениям, что предписаны для невольных убийц; совершив и все остальное, что предписано делать тем, он будет считаться чистым от вины. Но если покойный не простил, тогда человек, совершивший что-либо подобное, подсуден многим законам: ведь он будет судим по самому тяжкому обвинению в оскорблении действием, а равным образом в нечестии и святотатстве, коль скоро он посягнул на жизнь своего родителя. Значит, весьма справедливо было бы подвергнуть отцеубийцу и матереубийцу многократной смертной казни, если бы только было возможно одному и тому же человеку умереть много раз. Только такому человеку закон запрещает даже защищаться, если родители угрожают ему смертью, и ни один закон не позволяет детям убить отца или мать, произведших их на свет. Поэтому закон предпишет человеку сдержаться и вынести все, лишь бы не совершить такого поступка. Раз это так, то к какой же иной ответственности привлечет закон человека, убившего отца или мать? Нет,

пусть будет установлено, что для того, кто в ярости убил отца или мать, наказанием будет смерть¹¹. Если же брат убьет брата во время стычки при междоусобице или при обстоятельствах, подобных этим, причем он будет лишь обороняться от зачинщика схватки, то он считается чистым от вины так же, как если бы он убил неприятеля. То же самое, если при подобных обстоятельствах гражданин убьет гражданина или чужеземец чужеземца. Если гражданин, обороняясь, убьет чужеземца или чужеземец — гражданина, то, согласно тому же правилу, он считается невиновным. То же самое, если раб убьет раба. Напротив, если раб, хотя бы и обороняясь, убьет свободнорожденного, он подпадает под действие тех же законов, что и отцеубийца. То, что сказано относительно прощения отцом своего убийцы, одинаково касается и всех этих случаев. Если человек по доброй воле простит своего убийцу как совершившего это дело невольно, пусть преступник прибегнет к очищениям и по закону высылится на один год из страны.

Относительно убийств насильственных или непреднамеренных, а также происходящих под влиянием ярости достаточно сказано. Затем нам надо поговорить о случаях намеренного убийства или убийства, происходящего под влиянием всевозможной несправедливости, а также о злом умысле, возникающем из-за приверженности человека к удовольствиям и из-за страстей и зависти.

Клиний. Ты прав.

870

Афинянин. И в этом случае мы сначала по мере сил укажем, сколько здесь может быть видов. Самое великое зло — это господство страсти, когда душа дичает от вожделений. Всего более это проявляется в том, к чему у большинства имеется самое частое и сильное стремление, то есть в насилии, которое вследствие дурных природных свойств и воспитания порождает тысячи побуждений к ненасытному и беспредельному стяжанию имущества либо денег. Причиной же невоспитанности служит распространенное среди эллинов и варваров мнение, превратно восхваляющее богатство. Признавая богатство первым из

- b** благ — между тем как на самом деле оно стоит лишь на третьем месте, — они портят и самих себя, и свое потомство. Насколько лучше и прекраснее было бы, если бы во всех государствах господствовал истинный взгляд на богатство: оно существует ради тела, тело же существует ради души. Раз имеются блага, ради которых и существует богатство, значит, его надо поставить на третье место — после телесных и душевных качеств. Положение это учит, что человек, желающий быть счастливым, должен не стремиться к обогащению, но быть богатым, сохраняя справедливость
- c** и рассудительность. В этом случае в государствах не было бы убийств, которые требуют для своего искупления других убийств. А теперь, как мы и заметили вначале, есть одно, и притом величайшее, зло, требующее величайшего наказания — за намеренно совершенное убийство. На втором месте стоит честолюбие, порождающее в одержимой им душе зависть, которая с трудом уживается прежде всего со своим владельцем, а затем и с лучшими людьми в государстве. На третьем месте стоят трусливые и необоснованные страхи, которые вызывают много убийств, когда человек
- d** хочет, чтобы никто, кроме него, не знал о совершении им — теперь или в прошлом — тех или иных поступков: вот он и устраняет путем умерщвления всех тех, кто мог бы о них донести.

Пусть все это послужит вступлением к такого рода законам. Вдобавок можно напомнить учение, которому многие люди очень верят, когда слышат его из уст тех, кто во имя него ревностно занимается священными таинствами. Учение это утверждает, что за все подобного рода поступки человека ожидается расплата в Аиде, а когда он снова

e вернется на Землю, ему придется расплатиться согласно природному правосудию, то есть испытать участь пострадавшего от него лица: в своей тогдашней жизни он подобным же образом будет убит другим человеком. Кто повинется и уже на основании самого вступления всячески страшится этого правосудия, тому совсем не нуж-

871 но, чтобы и закон это провозглашал. Но для ослушника

пусть будет дан следующий закон, и притом в письменном виде.

Кто с заранее обдуманном намерением и несправедливым путем собственноручно убьет кого-либо из своих соплеменников, тот прежде всего лишается покровительства законов, не смеет осквернять своим присутствием ни святилищ, ни рыночной площади, ни гаваней, ни иных общих мест собраний; при этом все равно, запретил ли кто преступнику туда вход или нет: ведь сам закон запрещает ему это и будет выражать такой запрет всегда, в защиту всего государства. Кто из родичей покойного, включая двоюродных родственников по мужской или по женской линии, не возбудит судебного преследования против преступника и не потребует прекращения всякого общения с ним, на того прежде всего обращается скверна и вражда богов, как об этом предупреждает слово закона. Во-вторых, всякий желающий отомстить за покойного может привлечь к суду преступника. Человек, желающий отомстить, пусть выполнит все, что касается тщательного совершения очистительных омовений и прочих обычаев, предписанных богом. Далее, пусть сделает предупреждение, а затем уже он может заставить преступника подвергнуться законному правосудию. Законодателю легко показать, что все это должно сопровождаться некими молитвами и жертвоприношениями определенным богам, которые пекутся о том, чтобы в государствах не совершалось убийств. Стражи законов, совместно с толкователями, прорицателями и с божеством, установят, каким образом надо учинять подобные дела, и издадут законы о том, каким богам это подведомственно и какой способ ведения таких судебных дел всего вернее соответствует божественному праву. Судьи здесь будут те же, которые, как было сказано, правомочны в суде над святотатцами.

В случае признания виновности преступник наказывается смертью; его не следует хоронить в стране пострадавшего, так как кроме нечестия преступник выказал еще и бесстыдство. Кто не пожелает подвергнуться суду и с по-

- мощью бегства от него уклонится, пусть навсегда остается в изгнании. Если же преступник снова где-нибудь вступит в страну убитого, то первый встречный, будь то член семьи умершего или же кто-нибудь из остальных граждан,
- е** может его невозбранно убить, либо, связав, передать для казни правителям, являющимся судьями в таких делах. Истец пусть вместе с тем требует, чтобы лицо, которому он предъявляет иск, представило поручителей. Ответчик же пусть представит тех поручителей, которых данные судьи признают достойными, иначе говоря, трех верных поручителей, которые поручатся, что обвиняемый явится в суд. Того, кто не желает или не может представить поручителей, власти задерживают, берут под стражу и предостав-
- 872** ляют решению суда. Если кто убил не собственноручно, а лишь замышлял кого-нибудь умертвить и, став из-за этого своего желания и замысла виновником смерти этого человека, продолжает жить в государстве, не очистившись от убийства, то разбор дела и в этом случае происходит так же, за исключением поручительства. Виновному дозволяется быть погребенным у себя на родине, все же остальное здесь происходит точно так же, как там. Это одинаково касается как отношений между чужеземцами, так и между
- б** гражданами и чужеземцами; так же безусловно касается это и отношений между рабами, причем как в случаях собственноручного убийства, так и случаях намерения убить. Исключением здесь является лишь вопрос о поручительстве: поручителей, как уже было сказано, должны представлять только те, кто собственноручно совершил убийство. Обвиняемый в таком убийстве должен представить и поручителей, и поручительства. Если раб намеренно убьет свободнорожденного человека, собственноручно ли или замыслив это убийство, и будет признан виновным, пусть государственный палач отведет его к надгробному памятнику умершего, так, чтобы он мог видеть могилу, и здесь подвергнет его стольким ударам бича, сколько предшлет обвинитель; если раб не умрет во время бичевания, его предадут смерти. Если же кто убьет раба, не совершившего ни-
- с**

чего дурного, из опасения, как бы он не донес о позорных и злых делах этого человека или по какой-нибудь другой подобной причине, то убийца подвергнется такому же наказанию, как за убийство гражданина.

Бывают случаи, при которых очень страшно и нелегко издавать законы, между тем как не издать их невозможно. **d** Таковы случаи намеренного и во всех отношениях несправедливого убийства, собственноручного или задуманного, которое случается между родственниками. В большинстве случаев это бывает в плохо устроенных и малоразвитых государствах; но отдельные случаи такого рода могут встретиться и там, где их меньше всего ожидаешь. Поэтому надо повторить то, что мы недавно сказали, чтобы тот, кто нас слушает, по этой причине лучше добровольно воздержался от тех убийств, которые во всех отношениях самые нечестивые. Ведь древние жрецы ясно рекли слово или сказание — как бы это ни называть — о том, что за пролитие **e** крови родичей мстит блюстительная Правда¹²; пользуясь только что названным законом, она предписывает, чтобы человек сам неизбежно подвергся тому, что он совершил. Если кто убил когда-нибудь своего отца, то настанет час, и ему придется со стороны своих детей подвергнуться такому же насилию. Если же он убил свою мать, то ему неизбежно суждено вновь родиться уже в виде женщины, а впоследствии лишиться жизни от собственного же чада. Ибо нет иного способа очиститься от пролитой родной крови; кровавое пятно нельзя смыть до тех пор, пока душа виновного не испулит своего преступления тем же самым образом: **873** подобное подобным, убийство — смертью от руки убийцы. Поэтому каждому следует воздерживаться от таких преступлений из страха перед божественным возмездием. Если же иных людей все-таки постигнет эта несчастная судьба и они намеренно и добровольно осмелятся разлучить с телом душу своего отца, матери, брата или ребенка, то на этот случай смертным законодателем издается следующее установление. Люди эти объявляются вне закона; поручи- **b** тельство они должны представить таким же образом, как

в упомянутых раньше случаях. И если человек будет уличен в подобном преступлении, то есть если он действительно убил кого-нибудь из своих родичей, его предадут смертной казни служители судей и должностные лица, а тело его обнаженным должно быть выброшено за пределы государства на отведенный для этого перекресток. Затем все должностные лица от лица всего государства пусть принесут каждый по камню и бросят его в голову трупа, чтобы таким образом очистить все государство¹³. После этого труп выносят к крайним пределам страны и здесь выбрасывают, причем по закону он лишается погребения.

Чему же в таком случае должен подвергнуться человек, убивший то, что всего ближе и, как говорится, всего дороже? Я говорю о самоубийцах, которые насильно лишают себя того, что им суждено судьбой, хотя их к этому не приговаривало государство, не вынудила неотвратимым страданием несчастная случайность или выпавший на их долю тягостный стыд, делающий невозможной жизнь: сами над собой творят они этот несправедливый суд, из-за своей слабости и отсутствия мужества. Что касается очищения и погребения такого человека, то обычаи эти ведомы богу. Поэтому ближайшие родственники должны обратиться к толкователям и вместе с тем к законам, касающимся этих дел, и поступить согласно их предписаниям. Погребать самоубийцу надо прежде всего в одиночестве, а не вместе с другими людьми. Далее, столь бесславных людей надо хоронить на пустырях, не имеющих имени, на границах двенадцати частей государства, не отмечая при этом места их погребения ни надгробными плитами, ни надписями¹⁴.

Если подъяремная скотина или иное какое-нибудь животное убьет человека (исключение здесь составляют те случаи, когда это постигает атлета, выступающего на общегосударственном состязании), то родственники должны выступить судебным порядком против убийцы; дело разбирают агрономы, выбранные в любом числе каким-нибудь родственником. Уличенное животное убивают и выбрасывают за пределы страны. Если же неодоушеленный пред-

мет лишит человека души, за исключением молнии и тому **874**
подобных перунов божеств, иными словами, если предмет
своим падением убьет человека или человек сам на него
упадет, пусть родственник выберет в судьи для этого де-
ла своего самого близкого соседа и перед ним очистит себя
и всю свою родню; виновный же предмет надо выбросить
вон, как это было указано для животных.

Если, с другой стороны, обнаружена чья-нибудь смерть,
но неясно, кто убийца, и даже после тщательных розысков
не смогут его найти, то вступают в силу те же самые за-
преты, что и в остальных случаях. Совершившего объявля- **ь**
ют виновным в убийстве, решение суда провозглашается на
рыночной площади: «Убивший такого-то осужден за убий-
ство и не имеет доступа в святилища и вообще в страну,
где жил пострадавший; если он появится и будет опознан,
он будет предан смертной казни и без погребения выбро-
шен вон за пределы страны пострадавшего». Пусть у нас
действует один такой главный закон об убийстве.

Вот как до сих пор обстоит дело с такими вещами. Что
же касается того, при каких условиях убийство какого-
нибудь человека не ставится в вину убившему, то здесь
пусть будет постановлено следующее: если кто ночью убьет **с**
вора, захватив его при попытке ограбить дом, тот невино-
вен; кто, обороняясь, убьет грабителя, тот невиновен; если
кто-то пытается изнасиловать свободнорожденную женщи-
ну или отрока, того может невозбранно убить лицо, под-
вергнувшееся насилию, а также отец, брат или сын. Ес-
ли муж застанет кого-нибудь, пытавшегося изнасиловать
его жену, то по закону он невиновен, коль скоро убьет
насильника¹⁵; если кто совершит убийство, защищая свое-
го отца, не сделавшего ничего нечестивого, или свою мать, **d**
детей, братьев, супругу, то он совершенно невинен.

Мы уже установили законы о воспитании и образова-
нии живой души, делающих для нее приемлемой жизнь
(для души, лишенной их, жизнь невозможна), а также от-
носительно смертной казни, являющейся карой за насилие;
сказано нами также о телесном уходе и воспитании. Вслед

за тем надо рассмотреть намеренные и невольные насильственные деяния, учиняемые друг другу людьми. Надо по мере сил определить, каковы они, сколько их [видов] и какие наказания были бы полезны в этих случаях¹⁶. Вот о чем, видимо, правильно было бы установить дальше законы.

На втором месте после убийства всякий, даже самый неумный из законодателей, поставил бы ранения, а также повреждения, причиненные ранами. Как мы различили разные виды убийства, так нужно различать и виды ранений: одни из них причиняются невольно, другие — в состоянии ярости, третьи — под влиянием страха, четвертые — с сознательным умыслом. Относительно всего этого надо предварительно сказать вот что: людям необходимо установить законы и жить по законам; иначе они ничем не будут отличаться от самых диких зверей. Причина здесь та, что природные свойства человека далеко не достаточны, чтобы распознать все полезное для человеческого общежития или, даже распознав это, всегда быть в состоянии осуществлять высшее благо и стремиться к нему. Прежде всего трудно распознать, что истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связует, частные же интересы разрывают государство — и что как для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно, если общее устроено лучше, чем частное. Во-вторых, если даже кто и распознает, что от природы все это обстоит именно так, и усвоит это в достаточной мере на деле, то впоследствии, став неограниченным и самовластным главой государства, он ни в коем случае не сумеет остаться при этих взглядах и не сочтет нужным всю свою жизнь поддерживать в государстве общие нужды, предоставляя частным нуждам следовать за общими. Нет, его смертная природа всегда будет увлекать его к корысти и служению своим личным интересам. Безрассудно избегая страданий и стремясь к удовольствиям, она поставит их выше того, что более справедливо и лучше. Себя самое она ввергнет в мрак

и в конце концов преисполнит всяческим злом и себя, и все государство в целом. Ведь если бы по воле божественной судьбы появился когда-нибудь человек, достаточно способный по своей природе к усвоению этих взглядов, то он вовсе не нуждался бы в законах, которые бы им управляли. Ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания. Не может разум быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно свободен. Но в наше время этого нигде не встретишь, разве что только в малых размерах. Поэтому надо принять то, что после разума находится на втором месте, — закон и порядок, которые охватывают своим взором многое, но не могут охватить всего. Все это было сказано с такой именно целью.

Теперь мы установим, чему должен подвергнуться или что должен уплатить человек, ранивший другого или нанесший ему какое-нибудь повреждение. У каждого вполне основательно возникнет здесь много вопросов: куда нанесена рана, кого ранили, как и когда — все надо им объяснить; ведь здесь есть несчетное количество случаев, сильно отличающихся друг от друга. Поручить суждение обо всем этом судам невозможно; отнять у них это право тоже нельзя. Зато одно необходимо предоставить их решению, а именно: произошло ли действительно ранение, или его вовсе не было. Впрочем, ничего не предоставлять их усмотрению из вопросов о наказании и должной каре обидчику, но самому установить законы о всех существенных и незначительных видах ранений тоже едва ли возможно.

Клиний. Что же нам на это сказать?

Афинянин. А вот что: часть вопросов надо предоставить судам; другую же часть им предоставить нельзя, а надо самому установить здесь законы.

Клиний. О чем же надо установить законы и что можно передать на решение судей?

Афинянин. Правильнее всего было бы сказать вот что: в государстве, где негодные, безгласные суды, сами подрывающие свой авторитет, втайне держат свои реше-

ния или, что еще более ужасно, выносят их не спокойно, но среди страшного шума, точно в театре, поощряя криками или порицая каждого из выступающих ораторов, — в таком государстве обычно создается трудное положение. Необходимость давать законы таким судам не приносит никакой радости. Однако, если кто все-таки вынужден устанавливать законы для подобного государства, нужно большую часть их подробно оговорить самому, судьям же предоставить установление наказаний лишь по самым пустячным делам. Зато в государстве, где суды по мере сил устроены надлежащим образом, где те, кто собирается стать судьями, хорошо воспитаны и их прошлое подвергнуто тщательной проверке, там в большинстве случаев предоставление судьям решения, какому наказанию должны подвергаться виновные, будет делом правильным и прекрасным. Поэтому нам нельзя сейчас поставить в упрек, что мы не даем им самых важных и многочисленных предписаний: ведь даже получившие не очень хорошее воспитание судьи могут сообразить, какое нужно установить наказание за то или иное преступление, чтобы оно было достойно совершенного проступка и вызванного им страдания. А раз мы считаем судей, для которых мы устанавливаем законы, ничуть не хуже тех, о которых сейчас сказали, то им можно предоставить весьма многое. Впрочем, как мы нередко указывали и как мы поступали раньше, устанавливая законы, надо и здесь дать общий обзор и типы взысканий, которые служили бы судьям образцами и препятствовали бы им выходить за пределы правосудия. Тогда это было правильно; и теперь надо, поступив точно так же, снова вернуться к законам.

Иск по делам о ранении будет у нас установлен так: если (за исключением тех случаев, когда это допускается законом) кто с заранее обдуманном намерением хотел убить мирного обитателя, но не смог этого сделать, а лишь ранил его, такого человека, злонамеренно нанесшего рану, не стоит жалеть: без всякого зазрения совести его надо привлечь к суду точно так же, как и убийцу. Однако из уважения к его не совсем злой судьбе и к божеству, которое

смилостивилось над ним и над раненым, отвратив от одного из них смертельную рану, а от другого — проклятую участь и несчастье, в благодарность этому божеству, чтобы ему не противиться, надо избавить от смертной казни того, кто нанес рану, и заменить ее пожизненной высылкой в соседнее государство с сохранением права пользования всем принадлежащим ему имуществом. Если же он нанес повреждение раненому, то обязан его возместить согласно оценке суда, которому подлежит это дело. Это тот самый суд, куда поступило бы дело об убийстве, если бы пострадавший скончался от нанесенной раны. Если сын умышленно ранит своих родителей, а раб — своего господина, то наказанием назначается смертная казнь. Если точно так же брат ранит брата или сестру или сестра — брата или сестру и будет доказана умышленность нанесения раны, то наказанием назначается смертная казнь. Жена, ранившая с заранее обдуманном намерением убить своего мужа, или муж — свою жену, должны отправиться в вечное изгнание. Об имуществе изгнанного, если его сыновья или дочери малолетние, позаботятся опекуны и возьмут под опеку детей как сирот. Если же дети уже взрослые, то они наследуют собственность родителей, кто изгнан без обязательства содержать изгнанника. Если такое несчастье постигнет человека бездетного, то родственники изгнанника, вплоть до двоюродной степени родства с обеих сторон как по мужской, так и по женской линии, должны собраться вместе и назначить наследника этого дома — одного из пяти тысяч сорока домов в государстве, — посоветовавшись со стражами закона и жрецами и приняв в соображение следующее правило: ни один дом, из числа пяти тысяч сорока, не является собственностью его обитателя или его семьи, но скорее частной собственностью всего государства. А государственные дома должны быть по мере сил как можно более благочестивыми и счастливыми. Если какой-нибудь из этих домов впадает в такое нечестие и несчастье, что владелец не оставит в нем детей, будучи холостым или бездетным в браке, и в то же время будет изобличен в умышленном убийстве

или в ином преступлении против богов либо государства, за которое законом ясно определена смертная казнь, или будет отправлен в вечное изгнание, то по закону надо прежде всего совершить очищение этого дома и принести искупительные жертвы Зевсу. Затем домочадцы, как было только что сказано, должны собраться вместе со стражами законов и рассмотреть, какая семья в государстве снискала себе наилучшую славу своей добродетелью и счастливой судьбой, притом, что в ней есть несколько детей: одного из этих детей надо сделать приемным сыном отца покойника и всех предков этого рода и дать ему доброе имя, дабы он при более счастливых предзнаменованиях, чем его отец, стал отцом семейства, домохозяином и заботливым исполнителем благочестивых священнодействий. Помолившись таким образом, его назначают законным наследником, а преступник остается без имени, без детей, без надела, коль скоро его постигло такое несчастье.

Конечно, не у всего, что существует, предел соприкасается с пределом: бывают промежутки, внедренные в пределы, предшествующие им и оказывающиеся между ними. То же самое можно сказать и о намеренных или невольных поступках, совершенных в состоянии ярости. Итак, если кто будет уличен в том, что именно в этом состоянии он нанес рану другому, то прежде всего он должен в двойном размере возместить ущерб, если рана излечима; если же неизлечима, он должен возместить ущерб в четверном размере. Если рана излечима, но раненый понес великий позор и поношение, виновный должен возместить ущерб в тройном размере. Если же ранение вредит не только пострадавшему, но и государству, так как раненый лишился возможности защищать родину от врагов, виновник, сверх остальных наказаний, возмещает ущерб, нанесенный им государству: кроме собственной воинской повинности он несет ее также и за увечного, заместив его в военной строю. Если он не исполнит этого, любой желающий может привлечь его по закону к суду за уклонение от воинской службы. Судьи, назначенные путем голосования, определяют двойное, трой-

ное или четверное возмещение за нанесенный ущерб. Если брат ранит брата указанным образом, родственники со стороны его отца и матери, вплоть до двоюродной степени родства по женской и мужской линии, собираются вместе — и мужчины, и женщины — на совет, а определение наказания поручают его родителям. Если степень наказания вызывает споры, берет верх решение родственников по мужской линии. Если же и они не в силах этого сделать, то в конце концов они поручают это стражам законов. Необходимо, чтобы судьи по делам о ранениях, нанесенных родителям детьми, уже переступили за шестьдесят лет и имели бы детей не приемных, а своих собственных. Если кто будет уличен в преступлении, надо определить, должен ли такой человек быть просто казнен, подвергнут чему-то еще большему или же должен понести немного меньшее наказание. Из родственников преступника никто не имеет права участвовать в суде, даже если он достиг положенного законом возраста. Если раб в припадке ярости ранит свободнорожденного человека, его владелец передает этого раба раненому — пусть тот поступит с ним как угодно. Если же он не передаст раба, то сам должен искупить нанесенный ущерб. Если он обвиняет раба и раненого в заговоре и какой-нибудь уловке, он может начать тяжбу. Если он не выиграет, он тройне оплачивает ущерб; а если выиграет, то тот, кто хитрил вместе с рабом, подпадает под обвинение в незаконном порабощении. Кто невольню ранит другого, тот просто возмещает ему ущерб. Судьями пусть будут те же лица, которые указаны для случаев ранения детьми родителей: они определяют размер возмещения убытка за понесенный ущерб.

Все указанные нами сейчас действия являются насильственными. Всякий вид оскорбления действием есть также насилие. Каждый мужчина, женщина и ребенок должны всегда мыслить об этом так: престарелые люди гораздо больше заслуживают почтения, чем молодые, в глазах богов, а также людей, желающих быть счастливыми и невредимыми. Позорное для государства и ненавистное богам

зрелище, когда младший оскорбляет старшего. Если же старик ударит молодого человека, тот должен терпеливо подавить свой гнев, имея в виду, что и ему самому, когда он состарится, будет предоставлено такое же преимущество. И так, пусть действует такое постановление: всякий и в делах, и в речах должен у нас совеститься тех, кто старше его. Каждого мужчину и каждую женщину, на двадцать лет старших себя, надо считать отцом или матерью и бережно к ним относиться.

- d Бережно к ним относиться. Ради богов — покровителей рождения надо удерживаться от оскорбления всех тех, кто по своему возрасту мог бы тебя родить и произвести на свет. По этой причине не следует оскорблять даже чужеземца, все равно, давно ли тот поселился в стране или же прибыл недавно: ни по собственному почину, ни ради защиты не должно вразумлять ударами человека такого возраста. Если же кто находит, что надо обуздать чужеземца, нагло и бесстыдно напавшего на него с ударами, то он может его задержать и отвести к правителям-астиномам, но сам пусть воздержится от побоев.
- e Тем более он должен остерегаться дерзко ударить когда-нибудь своего земляка. Чужеземца, совершившего это, астиномы задерживают и производят разбор дела, бережно относясь к богу — покровителю чужеземцев. Если они решат, что чужеземец несправедливо бил местного жителя плетью, они назначают ему столько же ударов, сколько он нанес сам, — за его нездешнюю отвагу: этим дело и ограничивается. Если же чужеземец справедливо совершил свой поступок, то астиномы, пригрозив 880 тому, кто его вызвал в суд, отпускают обоих.

Если сверстник побьет своего сверстника или человека старше себя, но не имеющего детей, или если старик побьет старика либо юноша — юношу, то разрешается естественная защита, но без оружия, лишь голыми руками. Если же человек, переступивший за сорок лет, осмелится с кем-нибудь драться, сам являясь зачинщиком или только обороняясь, его будут считать грубым, неблагородным и подобным рабу, и такое порицание будет подобающим ему наказанием. Если он повинуется такому увещанию, его легко обуздать.

А неповинующийся, не обращающий никакого внимания на введение к этим законам, пусть будет готов к принятию следующего узаконения: если кто побьет человека старше на двадцать лет, чем он сам, и более, то прежде всего свидетель этого происшествия, если он не ровесник и не моложе дерущихся, должен их разнять — иначе он прослышет по закону дурным гражданином. Если же он ровесник тому, кого бьют, или еще моложе его, он должен прийти к нему на помощь как к своему брату, отцу или вообще обиженному старшему родственнику. Кроме того, как было указано, осмелившийся бить старшего подпадает под обвинение в оскорблении действием. Если он будет уличен, его приговаривают к тюремному заключению не меньше чем на год. Если же судьи назначат больший срок, пусть этот назначенный ему срок войдет в силу. Если чужеземец или метек побьет человека на двадцать или более лет старшего, чем он сам, тот же самый закон точно так же призывает всех вступить за пострадавшего. Проигравший судебное дело, раз он чужеземец, а не местный житель, подвергается в наказание двухлетнему тюремному заключению; если же метек не послушался законов, то он заключается в тюрьму на три года, коль скоро суд не назначит ему большего срока. Свидетель такого происшествия, не пришедший, однако, на помощь, как это предписывает закон, подвергается пене в размере одной мины, если он принадлежит к высшему классу, в пятьдесят драхм — если он принадлежит ко второму классу, тридцати — если к третьему, двадцати — если к четвертому. Суд над такими людьми состоит из стратегов, таксидархов, филархов и гишпархов.

По-видимому, одни из законов устанавливаются ради людей порядочных, с целью научить их, каким образом надо общаться друг с другом, чтобы жить в мире; другие же законы даются для людей, не получивших воспитания и обладающих неподатливой природой, которую ничем нельзя смягчить, — даются с той целью, чтобы люди эти не предались окончательно пороку. Именно такие люди и заставляют нас высказать то, что будет сказано. Законодатель дает

им законы только вынужденно и предпочел бы, чтобы законы эти никогда не применялись.

Если кто осмелится применить насилие и оскорбить отца, мать или их родителей, не убоявшись ни гнева вышних богов, ни возмездия, ожидающего, как считается, человека в Аиде; если такой человек, словно зная все то, чего он
881
вовсе не знает, презирует древние, всеми рассказываемые предания и поступает вопреки законам, то, чтобы отвлечь такого человека от преступления, нужны крайние меры. Смерть не будет еще такой крайней мерой; скорее уж — муки, которые существуют, как говорят, в Аиде, и даже еще что-нибудь горшее. Однако даже учения, возвещающие высшую истину, не производят никакого впечатления на подобные души и не отвращают их от преступления. Ведь иначе не существовало бы ни матереубийц, ни дерзкого и нечестивого нанесения побоев другим своим старшим родичам. В этих случаях наказание, еще при жизни постигающее подобных людей за такие поступки, ничем не должно уступать по мере сил наказанию в Аиде.

Теперь надо сказать так: если кто, не будучи охвачен безумием, осмелится бить своего отца или мать или их родителей, то прежде всего любой встречный должен прийти тем на помощь, как и в указанных раньше случаях. Метек или чужеземец, оказавший такую помощь, получает право занимать почетные места во время состязаний.
b
Лица же, не оказавшие помощи, навсегда изгоняются из страны. Неметек, оказавший помощь, получает похвалу; не оказавший ее подвергается порицанию. Раб, оказавший помощь агораномы наказывают сотней ударов плетью, если преступление произошло на рыночной площади; если же оно совершилось вне площади, где-нибудь в городе, то дело астиномов наказать того, кто здесь живет. В случае, если это происходит где-то в деревне, наказание осуществляют
c
начальники агрономов. Каждый встречный местный житель — мужчина ли, мальчик или женщина — обязан давать отпор такому человеку, считая его нечестивым. Не давший
d

отпора навлекает на себя по закону проклятие Зевса, покровителя родственных связей и отцовских прав¹⁷. Кто будет уличен в жестоком обращении с родителями, тот прежде всего навсегда изгоняется из города в другие места страны и не допускается ни к каким святилищам. Когда он туда явится, астиномы наказывают его побоями и любым другим способом, по своему усмотрению. Если же он вернется назад, наказанием ему будет смертная казнь. Кто из числа свободнорожденных людей станет пить или есть вместе с таким человеком или иным каким-нибудь образом вступит с ним в общение, или даже, встретив его наедине, добровольно к нему прикоснется, тот не должен входить в святилище, посещать рыночную площадь и вообще город, пока не очистится, так как он должен считать, что соприкоснулся с пагубной судьбой. Если он не послушается закона и вопреки ему осквернит святилище и город, должностное лицо, заметившее это и не привлекшее его к суду, берет на себя ответственность за нарушение своих обязанностей и, конечно, достоин наказания. Если раб побьет свободнорожденного человека, все равно гражданина или чужеземца, первый встречный должен прийти тому на помощь, иначе он заплатит указанную нами раньше пеню, согласно своему имущественному цензу. Случившиеся там люди вместе с потерпевшим должны связать его и передать этому потерпевшему. Тот же, получив своего обидчика, может, заковав его в колодки, бичевать его, сколько ему угодно, лишь бы только не причинить этим ущерб господину раба; затем он передает его господину, и пусть тот владеет им по закону. А закон таков: если кто, будучи рабом, побьет свободнорожденного человека без приказа на то должностных лиц, то хозяин получает своего раба от пострадавшего, держит его в оковах и освобождает не раньше чем раб убедит пострадавшего в том, что он достоин жить на свободе. Все эти законы равным образом касаются взаимоотношений женщин, отношений женщин с мужчинами и отношений мужчин с женщинами.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

884   **Общий закон
для всех видов
насилия.
Другие
правонарушения**

Афинянин. После рассмотрения вопроса об оскорблениях действием дадим примерно такое узаконение, одинаковое для насилия любого рода: никто не должен похищать ниче-

го из чужого имущества, ни пользоваться чем бы то ни было из того, что принадлежит соседям, без разрешения на то со стороны владельца. В самом деле: в зависимости от этого возникли, происходят и будут происходить все вышеуказанные бедствия. Из прочих зол величайшим является распущенность и дерзость молодежи; в особенности велико зло, если это проявляется по отношению к государственным святыням или святыням, общим для членов филы и других подобных объединений. Вторыми по степени важности являются оскорбления, наносимые частным святыням

885 и могилам. На третьем месте стоит дерзость в отношении к родителям: когда такая дерзость проявляется¹, ее следует отличать от вышеупомянутых оскорблений действием. Четвертый род дерзости — когда человек, небрежно относясь к должностным лицам, похищает их вещи или пользуется чем-то им принадлежащим без их на то разрешения. На пятом месте можно поставить нарушение гражданских прав любого гражданина: это влечет за собой вызов в суд.

б Для каждого из этих случаев должен быть издан во имя общего блага закон.

**Преступления
против богов.
Три типа
неправильного
отношения к богам**

Мы уже разобрали вкратце вопрос о наказании за святотатство, если оно проявляется в насильственном и тайном похищении священных предметов. Но законам о каре, которую должен понести человек, словом или делом оскорбляющий богов, надо предпослать наставление. А наставление это будет таким: никто из тех, кто, согласно с законами, верит в существование богов, никогда намеренно не совершит нечестивого дела и не выскажет незаконного слова. Человек может это сделать в одном из трех случаев: либо, повторяю, если он не верит в существование богов, либо (второй случай) хотя и верит в их бытие, но отрицает их вмешательство в людские дела, либо, наконец (третий случай), если человек полагает, будто богов легко склонить в свою пользу и умиловить жертвами и молитвами.

Клиний. Как же нам поступить с такими людьми и что о них сказать?

Афинянин. Прежде выслушаем, дорогой мой, их самих. Я угадываю, что они станут шутливо говорить, в сознании своего превосходства над нами.

Клиний. Что же именно?

Афинянин. Поддразнивая нас, они, возможно, скажут следующее: «Афинский чужеземец, ты, лакедемонянин, и ты, кносиец, вы говорите правду. В самом деле, некоторые из нас совершенно не признают богов, а другие признают их такими, как вы говорите. Мы считаем справедливым, чтобы вы, прежде чем грозить нам суровыми карами, попробовали сперва — как вы это сочли нужным сделать с законами — убедить и наставить нас в том, что боги существуют и что они слишком благи, чтобы их можно было вопреки справедливости преклонить и прельстить какими-нибудь дарами. Ведь ныне мы слышим именно такое мнение или подобное ему от лучших и самых признанных поэтов, ораторов, прорицателей, жрецов и бесчисленного множества других людей. Поэтому большинство из нас заботится не о том, чтобы не совершать несправедливости, но

лишь старается изо всех сил загладить уже совершенные. Мы считаем справедливым, чтобы законодатели, объявившие себя кроткими, а не свирепыми, применили сначала по отношению к нам убеждение, Если вы будете говорить о существовании богов даже немногим лучше, чем говорят остальные, все же это будет лучше в отношении к истине. И может статься, мы легко дадим себя убедить. Однако попытайтесь, если мы не говорим чего-то несообразного, ответить на наш призыв»².

**Доказательство
существования
богов**

Клиний. Но, чужеземец, не кажется ли тебе, что довольно легко доказать правоту тех, кто утверждает, что боги существуют?

886 Афинянин. Каким образом?

Клиний. Да прежде всего доказывают это Земля, Солнце, звезды, вся вообще Вселенная, весь этот прекрасный распорядок времен, подразделение на годы и месяцы. Затем — все греки и варвары признают существование богов³.

Афинянин. Боюсь я, мой милый, негодных людей (не скажу никогда, будто я их стыжусь), как бы они не отнеслись к нам с презрением. Ведь вы не знаете, чем они отличаются: вы полагаете, что души их преданы нечестивой жизни только из-за своей необузданности в удовольствиях и страстях.

Б

Клиний. Что же еще, чужеземец, может служить причиной?

Афинянин. А то, чего вы, живущие в других условиях⁴, пожалуй, не знаете: это остается от вас скрытым.

Клиний. О чем это ты сейчас говоришь?

Афинянин. О некоем весьма тяжком невежестве, кажущемся величайшей разумностью.

Клиний. Как понять твои слова?

Афинянин. У нас, афинян, есть сказания о богах, закрепленные письменно, — частью в стихах, частью в простом изложении. У вас их нет благодаря, насколько я мо-

гу судить, хорошему государственному строю. Древнейшие c
из сказаний повествуют о происхождении первой природы
неба и всех остальных вещей. Вслед за тем сказания пере-
ходят к происхождению богов и повествуют о взаимоотно-
шении богов после их возникновения⁵. Впрочем, если в из-
вестном смысле эти сказания плохо влияют на слушателей,
в этом трудно их укорять ввиду их глубокой древности. Я
по крайней мере никогда не похвалил бы их, говоря, что они
полезны и способствуют попечению о родителях и их почи-
танию или что в них рассказывается полностью правдивая d
быль⁶. Однако довольно о древних сказаниях. Распростим-
ся с ними, и пусть они повествуются лишь постольку, по-
скольку они любезны богам. Но зато пусть подвергнутся
нашему порицанию сочинения нового поколения мудрецов,
поскольку они являются причиной зол. Вот что влекут за
собой сочинения подобных людей: мы с тобой, приводя до-
казательства существования богов, говорим об одном и том
же — о Солнце, Луне, звездах, Земле — как о богах, о чем-то
божественном. Люди же, переубежденные этими мудреца-
ми, станут возражать: все это — только земля или камни
и, следовательно, лишено способности заботиться о делах
человеческих⁷. Приукрашив словами это мнение, они дела-
ют его весьма убедительным. e

К л и н и й. Ты натолкнулся, чужеземец, на трудный до-
вод, даже если бы он был только один. Но таких доводов
многожество: поэтому дело становится теперь еще труднее.

А ф и н я н и н. Что делать! Однако как же нам ответить
и как поступить? Станем ли мы защищаться, точно нас кто-
то обвиняет перед нечестивыми людьми, снующими вокруг
законодательства и утверждающими, будто мы совершаем
нечто необычайное, устанавливая законы в убеждении, что 887
боги существуют? Или мы распростимся с этими людьми
и обратимся снова к законам, чтобы наше вступление не
получилось длиннее самих законов? Ведь изложение наше-
го учения вовсе не будет кратким, если мы людям, стре-
мящимся к нечестию, станем, с одной стороны, спокойно
доказывать то, о чем, по их мнению, следует в этом слу-

чае говорить, а с другой стороны, станем наводить на них страх и возбуждать в них отвращение ко всему тому, что его заслуживает, и лишь после всего этого станем законодательствовать!

- в** К л и н и й. Но, чужеземец, мы часто в течение короткого времени высказывали ту мысль, что в настоящей беседе вовсе не надо предпочитать краткость речи ее пространности. Ведь, как говорится, никто за нами не гонится. Было бы смешно да и плохо, если бы оказалось, что мы выбрали вместо наилучшего то, что покороче. А ведь очень важно, чтобы наше утверждение того, что боги существуют, что они благи и несравненно больше, чем люди, почитают правосудие, приобрело во всяком случае некую убедительность. Это было бы у нас чуть ли не самым лучшим и прекрасным вступлением в защиту всех вообще законов. И так, совсем не проявляя нетерпения и торопливости и ничего не упуская по мере сил, разберем как следует этот важный вопрос, применив всю силу убеждения, какой мы располагаем.

- А ф и н я н и н.** Произнесенное сейчас тобой слово побуждает, кажется мне, к молитве — столько живого участия ты проявил! Нечего медлить долее! Да и в самом деле: кто без волнения сможет утверждать бытие богов? Не выносить и ненавидеть людей, которые были и поныне являются причиной этих наших речей, неизбежно. Люди эти не верят сказаниям, слышанным ими с детства, когда они питались еще молоком кормилиц и матерей, рассказывавших им эти предания и для забавы, и всерьез, как если бы они пели им зачаровывающие песни. Они слышали эти предания в молитвах при жертвоприношениях. Они видели соответствующие зрелища, весьма приятные как для глаз, так и для слуха молодых людей. Они видели, как их родители с величайшим тщанием относились к принесению жертв, обращаясь за самих себя и за своих детей с молитвами и просьбами к божествам и этим показывая свое глубокое убеждение в бытии богов. Они знают понаслышке, да и видят сами, что эллины и все варвары как при различных несчастьях, так

и при полном благополучии преклоняют колени и повергаются ниц при восходе и закате Солнца и Луны⁸, показывая этим не только полную свою уверенность в бытии богов, но и то, что у них на этот счет даже не возникает сомнения. Но, пренебрегши всем этим без какого бы то ни было достаточного основания, что должен признать всякий, у кого есть хоть немного разума, эти люди заставляют нас сейчас говорить то, что мы говорим. Сможет ли тут кто-нибудь быть кротким в увещаниях, если приходится, уча о богах, начинать с доказательства их бытия! Однако отважимся на это! Ибо не подобает, чтобы одни из нас неистовствовали из-за ненасытной страсти к удовольствиям, а другие — в негодовании на подобного рода людей. Итак, хладнокровно обратимся с наставлением к людям со столь испорченным образом мыслей. Станем говорить кротко, подавив свой гнев, словно мы действительно беседуем с одним из них: «Дитя, ты еще молод. С течением времени тебе придется изменить многие из твоих теперешних взглядов на противоположные. Поэтому отложи до того времени свое суждение о столь важных предметах. Важнейшее же — то, о чем ты сейчас вовсе не думаешь, это чтобы человек имел правильное представление о богах, живет ли он при этом прекрасно или нет. Не будет ложью, если я тебе сделаю сперва по этому поводу одно важное замечание: не ты один и не только твои друзья впервые возымели подобное мнение о богах; всегда встречается большее или меньшее число людей, одержимых этой болезнью. Я был знаком со многими из них, и вот что я сказал бы тебе: никто из тех, кто в юности держался мнения, будто боги не существуют, никогда не сохранил до старости подобного образа мыслей. Две же остальные напасти остаются — правда, не у большинства людей, а лишь у некоторых: это, во-первых, мнение, будто боги, хотя и существуют, не пекутся о человеческих делах⁹; во-вторых, будто боги, хотя и пекутся о людях, однако их легко можно склонить в свою пользу жертвоприношениями и молитвами. Если ты мне поверишь, тебе станет ясным, насколько возможно, этот взгляд на богов; ты от-

888

b

c

d   ложишь подробное рассмотрение вопроса, обстоит ли дело так или иначе, и станешь выспрашивать у других людей, особенно же у законодателя. А тем временем не отваживайся ни на какое нечестие в отношении богов. Тому же, кто издает для тебя законы, надо сейчас попытаться еще раз наставить тебя относительно истинного положения вещей».

Клиний. Все сказанное тобой до сих пор, чужеземец, превосходно.

Афинянин. Совершенно верно, Мегилл и Клиний; но незаметно для самих себя мы натолкнулись на странное учение.

Клиний. О каком учении ты говоришь?

e   Афинянин. О том, которое большинство людей считает самым мудрым из всех.

Клиний. Выразись яснее.

Афинянин. Некоторые учат, что все вещи возникающие, возникшие и те, что должны возникнуть, обязаны своим возникновением частью природе, частью искусству, а частью случаю¹⁰.

Клиний. Что ж, разве это неправильно?

Афинянин. Конечно, естественно, чтобы учение мудрых людей¹¹ было правильным. Последуем же за ними и посмотрим, к какому образу мыслей приходят такие люди.

889   Клиний. Отлично.

Афинянин. Они говорят, что, по-видимому, величайшие и прекраснейшие из вещей произведены природой и случаем, а менее важные — искусством, Искусство получает из рук природы великие и первичные ее творения уже в готовом виде; оно обрабатывает и ваяет лишь то, что менее важно, — это все мы и называем его произведениями¹².

б   Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Выражусь еще яснее: огонь, вода, земля и воздух — все это, как утверждают, существует благодаря природе и случаю; искусство здесь ни при чем. В свою очередь, из этих [первоначал], совершенно неодушевленных, возникают тела — Земля, Солнце, Луна и звезды¹³. Каж-

дое из этих [первоначал] носилось по воле присущей ему случайной силы, и там, где они сталкивались, они прилаживались друг к другу благодаря некоему сродству: теплое к холодному, сухое к влажному, мягкое к твердому. Словом, все необходимо и согласно судьбе смешалось путем слияния противоположных [первоначал]: так-то вот, утверждают они, и произошло все небо в целом и все то, что на нем, а также все животные и растения. Отсюда будто бы пошла и смена времен года, а вовсе не благодаря уму или какому-нибудь божеству либо искусству: они учат, повторяю, будто все это произошло благодаря природе и случаю¹⁴. Искусство же возникло из всего этого позднее; оно смертно само и возникло из смертного позднее, в качестве некой забавы, не слишком причастной истине, неких сродных всему этому смертному призраков, какие порождают обычно живопись, мусическое искусство и другие искусства, сотрудничающие с ними. Стало быть, из искусств только те порождают что-либо серьезное, которые применяют свою силу сообща с природой: таковы, например, врачевание, земледелие и гимнастика. Ну, а в государственном управлении, утверждают эти люди, разве лишь незначительная какая-то часть причастна природе, большая же часть — искусству. Стало быть, и всякое законодательство обусловлено будто бы не природой, но искусством; вот почему его положения и далеки от истины¹⁵.

Клиний. Как ты говоришь?

Афинянин. О богах, мой милый, подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причём в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства¹⁶. Точно так же и прекрасно по природе одно, а по закону — другое; справедливо же вовсе нет по природе¹⁷. Законодатели пребывают относительно него в разногласии и постоянно вносят здесь все новые и новые изменения. Эти изменчивые постановления законодателей, будто бы каждое в свой черед, являются

господствующими для своего времени, причем возникают
890 они благодаря искусству и определенным законам, а не по природе¹⁸. Вот все это-то, друзья мои, и говорят мудрые люди, поэты ли они или простые повествователи, молодым людям, утверждая, что высшая справедливость — это когда кто-то силой одержит верх. Отсюда у молодых людей возникают нечестивые взгляды, будто нет таких богов, признавать которых предписывает закон¹⁹. Из-за этого же происходят и смуты, так как каждый увлекает других к подобному с природой образу жизни, а такая жизнь будто бы поистине заключается в том, чтобы жить, одерживая верх над другими людьми, а не находиться в подчинении у других согласно законам.

в Клиний. Какое учение изложил ты, чужеземец! Сколько здесь пагубного для молодых людей как в общегосударственной жизни, так и в частной, семейной!

А финянин. Ты говоришь правду, Клиний. Что же, по твоему мнению, должен сделать законодатель? Ведь такое положение вещей сложилось уже давно. Должен ли он стать посреди города и только и делать, что грозить всем людям подряд: мол, если даже они не признают существования богов и не будут считать богов именно такими, какими их признает закон (то же самое и относительно прекрасного, справедливого и вообще всего самого важного, того, что направляет к добродетели или к пороку), все равно надо следовать письменным указаниям законодателя как в мыслях, так и в действиях. А кто выкажет себя непослушным законом, тех, мол, он присудит — одного к смертной казни, другого к побоям и тюрьме, третьего к лишению гражданских прав, прочих же накажет лишением имущества в пользу казны и изгнанием? Или же надо одновременно с установлением для людей законов по возможности смягчить свою речь с помощью убеждения?

d Клиний. Разумеется, чужеземец, если представляется случай, хотя бы и незначительный, убедить людей в подобных вещах, то любой хоть чего-то стоящий законодатель вовсе не должен считать себе это в тягость, но, наобо-

рот, как говорится, должен возвысить голос, чтобы словом своим послужить древнему закону и доказать существование богов, а также всего того, что ты только что разобрал. Он должен прийти на помощь самому закону и искусству и показать, что оба они — творения природы или не ниже природы хотя бы потому, что являются порождениями ума, согласно тому, как мне кажется, здравому положению, которое ты сейчас привел и с которым я согласен. e

Афинянин. О, неутомимый Клиний! Как? Легко ли следовать за положениями, предназначенными для толпы, да к тому же еще бесконечно длинными!

Клиний. Что поделать, чужеземец! Если мы терпеливо выдержали наши собственные пространные рассуждения об опьянении и о мусическом искусстве, неужели же мы не выдержим их, когда речь пойдет о богах и других подобных предметах? Несомненно, это окажется величайшей помощью для законодательства, сопряженного с разумом. Дело в том, что наставления относительно законов записанные, будут стоять непоколебимо и в любое время послужат изобличением. Поэтому не надо бояться, если усвоить их вначале будет затруднительно: кто непонятлив, тот сможет часто возвращаться к их рассмотрению. И не надо бояться их пространности — лишь бы они были полезны. Поэтому ни у кого нет основания не оказать по мере сил поддержки этим положениям. К тому же мне это представлялось бы просто нечестивым. 891

Мегилл. Чужеземец, мне кажется, Клиний говорит от лично.

Афинянин. Да, очень хорошо, Мегилл; и надо поступить именно так, как он говорит. Ведь если бы подобные учения не были распространены, так сказать, среди всех людей, то не было бы и нужды защищать учение о бытии богов. Но теперь это необходимо. И кому же более всего, как не законодателю, подобает прийти на помощь высочайшим законам, извращаемым дурными людьми? b

Но повтори мне еще раз, Клиний, — ведь ты должен быть участником этих рассуждений: приверженцы упомя- c

нутых учений, как кажется, смотрят на огонь, воду, землю и воздух как на первоначала всех вещей, и именно это-то они и называют природой. Душу же они выводят позднее из этих первоначал. Впрочем, вероятно, это не только так кажется, но и на самом деле подобный взгляд утверждается этим учением.

Клиний. Да, безусловно.

d Афинянин. Так вот мы и нашли, клянусь Зевсом, как бы источник бессмысленного мнения людей, когда-либо бравшихся за исследования о природе. Рассмотря и внимательно разбери все это учение! Было бы очень важно, если бы оказалось, что зачинатели этих нечестивых учений совсем не безукоризненно, но, наоборот, ошибочно ведут рассуждение. А мне кажется, что это обстоит именно так.

Клиний. Хорошо сказано; но попытайся разъяснить, в чем их ошибка.

Афинянин. По-видимому, нам придется начать с менее обычных рассуждений.

e Клиний. Но это не причина для колебаний, чужеземец. Я понимаю, что ты думаешь, будто, коснувшись этого, мы выйдем за пределы законодательства. Но так как нет другого способа заставить людей согласиться с представлением о богах, даваемом ныне законом, то надо, друг мой, испробовать и этот путь.

Афинянин. В таком случае я скажу, вероятно, необычное слово, а именно: учения, под влиянием которых развивается душа нечестивого человека, объявляют то, что служит причиной возникновения и гибели всех вещей, не первичным, а возникшим позднее; то же, что на самом деле возникло позднее, они объявляют первичным. Отсюда и проистекают их заблуждения относительно истинной сущности богов.

Клиний. Я пока не понимаю.

Афинянин. Что такое душа, мой друг, это, кажется, неведомо почти никому — какова она, какое значение она имеет, каковы прочие ее свойства, в особенности же каково

ее возникновение; ведь она — нечто первичное, возникшее прежде всех тел, и потому она более чего бы то ни было властна над всякого рода изменениями и переустройтвами тел. Раз дело обстоит так, не правда ли, необходимо, чтобы то, что сродно душе, возникло прежде того, что принадлежит телу, так как душа старше тела²⁰?

b

Клиний. Конечно, это необходимо.

Афинянин. Следовательно, мнение, забота, ум, искусство и закон существовали раньше жесткого, мягкого, тяжелого и легкого. Рано возникли и великие первые творения и свершения искусства, так как они существуют среди первоначал; а то, что существует по природе, и сама природа, — впрочем, это название неправильно применяют, — возникло позднее из искусства и разума и им подвластно.

Клиний. А в чем состоит неправильность?

c

Афинянин. Людям этим угодно называть природой возникновение первоначал. Но если обнаружится, что первоначало и есть душа, а не огонь и не воздух, ибо душа первична, то, пожалуй, всего правильнее будет сказать, что именно душа по преимуществу существует от природы. Вот как обстоит дело — если только кто докажет, что душа старше тела, — и никак не иначе.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, не приступить ли нам далее к самому доказательству?

Клиний. Конечно.

d

Афинянин. Нам надо всячески остеречься, как бы это лукавое учение, подobaющее лишь молодым людям, не переубедило нас, стариков, и не поставило бы нас в смешное положение, ускользнув из наших рук; как бы не показалось, что мы промахнулись даже в малом, хотя метили в большое. Видите ли, если бы нам всем втроем надо было преодолеть стремительное течение реки, то я как самый младший и опытный в переправах через потоки сказал бы, что сперва следует попробовать переправиться мне одному, самому по себе, оставив вас в безопасном месте на берегу, и

e

посмотреть, возможна ли здесь переправа также и для вас, людей более пожилых, или как вообще обстоит дело. Если переправа оказалась бы возможной, я позвал бы вас и помог бы вам своей опытностью при переправе; если же для вас она невозможна, опасности подвергся бы я один. Такая предосторожность показалась бы уместной. Так и теперь: предстоящее рассуждение еще более стремительно, и переправа через него, пожалуй, почти невозможна при ваших силах. Как бы у вас, людей непривычных к ответам, не закружилась голова и не потемнело в глазах при виде такого стремительного потока вопросов. Чтобы не случилось такой некрасивой, неподобающей неприятности, мне кажется, я и теперь должен поступить именно так: вы будете в безопасности слушать, а я сначала буду сам себе задавать вопросы, а затем опять-таки сам на них отвечать. Таким образом проведем мы все это исследование, пока не наступит ясность относительно души и не будет доказано, что душа первичнее тела.

893

Клиний. Твое предложение, чужеземец, прекрасно; выполни же его.

б

Афинянин. Отлично. Но если когда нам и было необходимо призвать на помощь бога, то это в особенности сейчас. Итак, с всевозможным рвением призовем тех, бытие которых мы должны доказать! Прикрепившись к причалу этим канатом, пустимся в открытое море нашего рассуждения! Если меня станут изобличать следующими вопросами, то всего надежнее, кажется мне, отвечать следующим образом. Когда кто-нибудь спросит:

— Чужеземец, разве все стоит на месте и ничего не движется? Или как раз наоборот? Или часть вещей движется, а часть пребывает в покое?

Я отвечу:

— Да, часть вещей движется, а часть пребывает в покое.

с

— Конечно, стоящие предметы стоят, а движущиеся движутся в каком-нибудь пространстве?

— Разумеется.

— При этом часть вещей движется в каком-ни-

будь одним месте, а другая часть — во многих местах?

— Говоря о движении на одном месте, — ответим мы, — ты разумеешь те из стоящих вещей, сила которых заключена в центре, — например, когда вращается окружность колеса, хотя о самом колесе говорят, что оно стоит.

d

— Да, мы понимаем, что при таком вращении подобное движение, вращая и самую большую, и самую малую окружность, распределяется соответственно величине этих кругов, так что оно то уменьшается, то увеличивается соразмерно им. Поэтому-то такое движение и служит источником всевозможных удивительных [явлений]: оно одновременно сообщает большим и малым кругам согласованные между собой медленность и скорость вращения, между тем как иной стал бы считать, что это невозможно.

— Ты совершенно прав. Под предметами же, движущимися во многих местах, ты, мне кажется, разумеешь такие, которые путем перемещения постоянно меняют свое место на новое и то обретают одно основание, или средоточие, то благодаря тому, что перекатываются, — многие. Между всеми этими вещами происходят столкновения: при этом несущиеся предметы раскалываются о стоячие; если же встречаются между собой предметы, несущиеся с двух противоположных сторон навстречу друг другу, они сливаются воедино, образуя нечто среднее между прежними двумя.

e

— Я согласен, что это бывает так, как ты говоришь.

— При такого рода объединении предметы увеличиваются, а при раскалывании погибают: это бывает, когда устанавливается определенное состояние вещей; если же оно не устанавливается, вещи погибают в силу обеих этих причин. А при каком состоянии происходит возникновение всех вещей? Ясно, что это бывает тогда, когда первоначало, приняв приращение, переходит ко второй ступени, а от нее — к ближайшей следующей; проделав до трех переходов, оно становится ощутимым для тех, кто способен ощущать. Так вот, путем таких переходов и перемещений и возникает все; это уже есть подлинное бытие, поскольку

894

ку оно устойчиво; при переходе же в другое состояние оно полностью погибает.

в Не правда ли, друзья мои, мы назвали все виды движения, допускающие перечисление, за исключением двух?

Клиний. Каких же?

Афинянин. Чуть ли не тех, мой друг, ради которых мы и предприняли все это исследование.

Клиний. Скажи яснее.

Афинянин. Не ради ли души предприняли мы его?

Клиний. Разумеется.

с Афинянин. Так вот, одним из этих видов движений пусть будет такое, которое может приводить в движение другие предметы, а само себя — никогда. Другим же, опять-таки отдельным среди всех видов движения, будет такое, которое всегда может приводить в движение и себя, и другие предметы — при слиянии и расщеплении, приращении и уменьшении, возникновении и уничтожении.

Клиний. Пусть будет так.

Афинянин. То движение, что постоянно движет другие предметы и само изменяется под влиянием их, не назовем ли мы девятым видом движения? А движение, которое движет и само себя, и другие предметы и согласуется с любыми действиями и состояниями, подлинно именуют изменением и движением всего существующего; это движение мы обозначим, пожалуй, как десятый вид.

Клиний. Безусловно.

d Афинянин. Из этих десяти видов движения, какое всего правильное было бы счесть самым могущественным и особенно действенным?

Клиний. Необходимо признать, что движение, способное двигать само себя, неизмеримо выше других; все остальные виды движения стоят на втором месте.

Афинянин. Хорошо. Следовательно, нам придется сделать одно или два изменения в том, что сейчас было не вполне правильно сказано.

Клиний. О каких изменениях ты говоришь?

А ф и н я н и н. Пожалуй, мы не вполне правильно назвали этот вид десятым.

К л и н и й. В каком смысле неправильно?

А ф и н я н и н. Согласно нашему рассуждению, этот вид движения является первым как по своему происхождению, так и по мощи; а тот вид, который только что нескладно был назван девятым, будет после него вторым²¹.

К л и н и й. Что ты имеешь в виду?

e

А ф и н я н и н. Вот что: если один предмет у нас производит изменение в другом, а тот, другой, в свою очередь всегда производит изменение в третьем, то найдется ли среди подобных предметов такой, который впервые произвел это изменение? И может ли предмет, движимый иным предметом, стать первым из предметов, вызывающих изменения? Ведь это невозможно. Зато когда предмет движет сам себя и изменяет другой предмет, а этот другой — третий и так далее, то есть когда движение сообщается бесчисленному количеству предметов, то найдется ли какое-нибудь иное начало движения всех этих предметов, кроме изменения этого движущего самого себя предмета?

895

К л и н и й. Ты совершенно прав. С этим надо согласиться.

А ф и н я н и н. Зададим себе еще такой вопрос и сами же на него ответим: если бы все вещи тотчас же после своего возникновения остались бы неподвижными, как это осмеливается утверждать большинство людей, какое движение из перечисленных выше должно было бы необходимо возникнуть среди них первым? Разумеется, то, что движет само себя²². В самом деле: до того времени оно не могло подвергнуться изменению под влиянием другого [предмета], потому что в вещах тогда вовсе не было перемен. Следовательно, первоначало всех видов движений, первым зародившееся среди стоящих вещей и движимых, есть, по нашему признанию, самодвижущееся, наиболее древнее и сильное из всех изменений; а ту вещь, что изменяется под влиянием другой и затем приводит в движение другие вещи, мы признаем вторичной.

b

Клиний. Сущая правда.

с Афинянин. Раз мы в нашем рассуждении дошли до этого места, ответим вот на что. . .

Клиний. Да?

Афинянин. Если бы мы увидели зарождение этого первоначала в земляной, водной или огнеобразной среде²³ — все равно в чистом ли виде будет эта среда или в смешанном, — как бы мы назвали подобное состояние?

Клиний. Ты меня спрашиваешь, назовем ли мы это жизнью, раз оно само себя движет?

Афинянин. Да.

Клиний. Конечно, жизнью — чем же иным?

Афинянин. Что же, когда мы в чем-либо замечаем душу, не должно ли согласиться, что это — то же самое, то есть жизнь?

Клиний. Конечно.

d Афинянин. Запомни же это, ради самого Зевса! Не допустишь ли ты также, что о каждой вещи мы можем мыслить тройко?

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Во-первых, сущность вещи, во-вторых, определение этой сущности, в-третьих, ее название. И относительно же всего бытия могут быть заданы два вопроса.

Клиний. Какие?

Афинянин. Можно предложить название какой-либо вещи, а спросить относительно ее определения или же, наоборот, предложить ее определение, а спросить относительно имени. Не правда ли, о чем-то подобном хотим мы и теперь сказать?

Клиний. О чем же именно?

e Афинянин. О двучленности всех вещей, а также и числа. Применительно к числу это получает название «четное». Определение же этого названия: «число, делящееся на две равные части».

Клиний. Да.

Афинянин. Вот на это-то я и хочу указать. Не правда ли, мы обозначаем одно и то же как в том случае, когда

у нас спрашивают определение, а мы даем название, так и тогда, когда у нас спрашивают название, а мы даем определение? Ведь мы обозначаем одну и ту же вещь с помощью названия «четный» и посредством определения «число, делящееся на две части».

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Каково же определение того, чему имя «душа»? Разве существует другое какое-либо определение, кроме только что данного: «душа — это движение, способное двигать само себя»²⁴? 896

Клиний. Как, ты утверждаешь, что «способное двигать само себя» есть определение той самой сущности, которую все мы называем душой?

Афинянин. Да, утверждаю. А если это так, станем ли мы считать, будто требуется еще что-нибудь для полного доказательства того, что душа есть то же самое, что первое возникновение и движение вещей существующих, бывших и будущих, а равным образом и всего того, что этому противоположно, — коль скоро выяснилось, что она — причина изменения и всяческого движения всех вещей? b

Клиний. Нет. Вполне доказано, что душа старше всех вещей, коль скоро она возникла как начало движения.

Афинянин. Не правда ли, движение, возникающее в другом предмете и никогда не являющее ничего, что двигалось бы само в себе, вторично? Впрочем, все равно, какими бы незначительными числами его ни измерять, — все равно это будет лишь изменением полностью неодоушевленного тела.

Клиний. Верно.

Афинянин. Значит, мы выразились бы правильно, вполне основательно, всего более согласно с истиной и наиболее совершенно, если бы сказали, что душа возникла у нас раньше тела, тело же — позже и потому оно вторично, так что властвует душа, а тело по своей природе должно находиться у нее в подчинении. c

Клиний. Да, это вполне соответствует истине.

Афинянин. Вспомним же то, о чем мы согласились

раньше: если окажется, что душа старше тела, то и все относящееся к душе будет старше всего относящегося к телу.

Клиний. Конечно.

d Афинянин. Стало быть, нравственные свойства, желания, умозаключения, истинные мнения, заботы и память возникли раньше, чем длина тел, их ширина, толщина и сила, — коль скоро душа возникла раньше тела.

Клиний. Это необходимо так.

Афинянин. Но после этого не нужно ли будет согласиться, что душа — причина блага и зла, прекрасного и постыдного, справедливого и несправедливого и всех других противоположностей, если только мы решим считать ее причиной всего?

Клиний. Как же иначе?

e Афинянин. Не следует ли признать, что душа, правящая всем и во всем обитающая, что многообразно движется, управляет также и небом?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Но одна ли [душа] или многие? Я отвечаю за вас: многие. Ибо мы никак не можем предположить менее двух — одной благодетельной и другой, способной совершать противоположное тому, что совершает первая.

Клиний. Ты очень верно сказал.

Афинянин. Прекрасно. Итак, душа правит всем, что есть на небе, на земле и на море, с помощью своих собственных движений, названия которым следующие: желание, усмотрение, забота, совет, правильное и ложное мнение, радость и страдание, отвага и страх, любовь и ненависть. Правит она и с помощью всех родственных этим и первоначальных движений, которые в свою очередь вызывают вторичные движения тел и ведут все к росту либо к уничтожению, к слиянию, либо к расщеплению и к сопровождающему все это теплу и холоду, тяжести и легкости, жесткости и мягкости, белизне или черному цвету, к кислоте или сладости. Пользуясь всем этим, душа, восприняв к тому же поистине вечно божественный ум, пестует все и б

ведет к истине и блаженству. Встретившись же и сойдясь

с неразумием, она ведет все в противоположном направлении.

Что же, постановим ли мы, что все это так, или будем пока пребывать в сомнении, не обстоит ли это как-то иначе?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Итак, какой род души признаем мы господствующим над небом, землей и всем круговращением: разумный ли и исполненный добродетели или же не обладающий ни тем ни другим? Желаете ли вы, чтобы мы так с

Клиний. Как именно?

Афинянин. «Чудак, скажем мы, ведь если путь перемещения неба, со всем на нем существующим, имеет природу, подобную движению, кругообращению и умозаключениям Ума, если то и другое протекает родственным образом, значит, очевидно, должно признать, что о космосе в его целом печется лучший род души и ведет его по наилучшему пути».

Клиний. Правильно. d

Афинянин. Если же [космос] движется неистово и нестройно, то надо признать, что это — дело злой души²⁵.

Клиний. И это верно.

Афинянин. Какую же природу имеет движение Ума? Вот на этот вопрос, друзья мои, уже трудно разумно ответить. Поэтому справедливо будет, если я помогу вам в этом.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Подобно тому как те, кто среди бела дня смотрит прямо на Солнце, чувствуют себя так, словно кругом ночь, и мы не скажем, будто можем когда-либо увидеть Ум смертными очами и достаточно его познать. Безопаснее мы усмотрим это, если станем взирать на образ того, о чем нас спрашивают. e

Клиний. Что ты понимаешь?

Афинянин. В качестве такого образа возьмем из десяти перечисленных нами видов движений то, к которому

всего более приближается Ум. Я напоминаю вам этот вид и затем вместе с вами отвечаю.

Клиний. Так будет всего лучше.

Афинянин. Мы помним, между прочим, как мы установили раньше, что часть предметов движется, другая же часть пребывает в покое.

898 Клиний. Да.

Афинянин. В свою очередь часть движущихся предметов движется на одном месте, другая же часть носится по многим местам.

Клиний. Так.

Афинянин. То из двух этих видов движений, которое совершается на одном месте, по необходимости всегда происходит вокруг какого-то центра, как некое подражание волчку. Оно-то, насколько это только возможно, во всех отношениях подобно и всего более близко к кругообращению Ума.

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Надеюсь, мы не покажемся плохими творцами словесных образов, если скажем, что оба, и разум, и совершающееся на одном месте движение, движутся наподобие выточенного волчка тождественным образом, на одном и том же месте, вокруг одного и того же [центра], постоянно сохраняя по отношению к одному и тому же одинаковый порядок и строй?

Клиний. Ты сказал очень правильно.

Афинянин. Точно так же разве не было бы сродни всяческому неразумию движение, никогда не совершающееся тождественным образом, в одном и том же месте, вокруг одного и того же, — движение без определенного отношения к одному и тому же [центру], происходящее в беспорядке, без всякой последовательности?

Клиний. Сущая правда — это было бы сродни неразумию.

с Афинянин. Теперь уже очень легко с точностью сказать, что раз душа производит у нас круговращение всего, то по необходимости надо признать, что попечение о кру-

говом вращении неба и упорядочивание его принадлежит благой душе. Или же злой?

Клиний. Чужеземец, из сказанного сейчас вытекает, что нечестиво даже было бы утверждать иное. Нет, такое круговращение — дело души, обладающей всяческой добродетелью, одна ли есть такая душа, или, быть может, их несколько.

Афинянин. Ты прекрасно понял мою мысль, Клиний. Обрати же еще внимание на следующее. d

Клиний. А именно?

Афинянин. Если душа вращает все, то, очевидно, она же вращает и каждое в отдельности — Солнце, Луну и другие звезды.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Рассудим о чем-то одном из этого; наше рассуждение окажется приложимым и ко всем остальным звездам.

Клиний. Что же мы возьмем?

Афинянин. Всякий человек видит тело Солнца, душу же его никто не видит. Равным образом никто вообще не видит души тел одушевленных существ — ни живых, ни мертвых. Существует полная возможность считать, что род этот по своей природе совершенно не может быть воспринят никакими нашими телесными ощущениями и что он лишь умопостигаем. Примем же, с помощью одного только ума и размышления, следующее положение. . . e

Клиний. Какое?

Афинянин. Коль скоро душа вращает Солнце, то мы вряд ли ошибемся, если предположим, что она делает одно из трех. . .

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Либо она, находясь внутри этого кажущегося круглым тела, всячески приводит его в движение, подобно тому как и наша душа всячески нами движет²⁶. Либо, по учению некоторых, приобретает себе откуда-то извне огненное или какое-то воздушное тело, она насильно теснит тело телом, либо, наконец, она сама лишена тела, но 899

обладает зато какими-то иными удивительными возможностями и таким образом правит Солнцем.

К л и н и й. Да, несомненно, душа руководит всем одним из этих трех способов.

А ф и н я н и н. Эту душу, все равно возводит ли она Солнце на колесницу, давая всем свет, или же воздействует на него извне, либо действует каким-то другим образом, всякий человек должен почитать выше Солнца и признавать богом. Не правда ли?

в К л и н и й. Да, по крайней мере всякий, кто не дошел до последних пределов неразумия.

А ф и н я н и н. Относительно же всех звезд, Луны, лет, месяцев, времен года какое иное рассуждение можем мы привести, как не подобное этому, а именно: ввиду того, что душа или души оказались причиной всего этого и к тому же они обладают всеми нравственными совершенствами, мы признаём их божествами, все равно пребывают ли они как живые существа, в телах или еще где-то и другим способом управляют небом. Найдется ли человек, который, согласившись с этим, стал бы отрицать, что «все полно богов»²⁷?

с К л и н и й. Не найдется никого, чужеземец, столь превратно мыслящего.

А ф и н я н и н. Закончим же, Мегилл и Клиний, это наше рассуждение и укажем границы тому, кто раньше отрицал богов.

К л и н и й. Какие именно?

А ф и н я н и н. Ему придется доказать нам, что мы неправильно сочли душу возникшей прежде всего, а также и опровергнуть все то, что мы высказали вслед за этим. Или же, если он не в силах сказать что-либо лучшее, чем то, что было сказано нами, пусть послушает нас и впредь живет, признавая богов. Итак, посмотрим, достаточно ли мы доказали бытие богов тем, кто их отрицает, или же нам чего-то недостает?

К л и н и й. Более чем достаточно, чужеземец.

**Критика теории
неучастия богов
в человеческих
делах**

Афинянин. Итак, закончим на этом наше рассуждение. Нам следует перейти к увещанию того, кто признаёт бытие богов, но отрицает их промысл над людскими делами²⁸. «Дорогой мой, — скажем мы ему, — то, что ты признаешь богов, — это, быть может, благодаря некоему сродству между твоей и божественной природой ведет тебя к их почитанию и признанию их бытия. Однако тебя приводит к нечестию частная и общественная участь злых и несправедливых людей. Эта участь поистине далека от счастья; между тем она, хоть и неправильно, считается, по общепринятому мнению, в высшей степени счастливой; ее вопреки должному прославляют в песнопениях и во всевозможных речах. Или, может быть, тебя приводит в смущение зрелище того, как нечестивые люди доживают до глубокой старости и достигают предела своей жизни, оставляя детей своих, окруженных величайшими почестями? Может быть, ты видел все это, знал понаслышке или же, наконец, сам случайно был очевидцем многочисленных страшных и нечестивых поступков, с помощью которых многие люди низкого звания достигали величайших почестей и даже тирании? Ясно, что, не желая из-за своего сродства с богами бросать им упрек, будто они виновники всего этого, ты под влиянием какого-то недомыслия дошел до нынешнего своего состояния и не находишь в себе сил негодовать на богов; ты признаешь их существование, но думаешь, что они свысока и с небрежением относятся к делам человеческим. И вот, чтобы в нынешнем твоём воззрении не перевесило нечестие и ты не дошел бы до еще более болезненного состояния, мы, если только можно найти в себе силы заглядить с помощью речей — словно очистительной жертвой — растущее нечестие, попытаемся, соединив дальнейшее рассуждение с тем, которое мы проделали от начала до конца, обращаясь к тому, кто совершенно не признает бытия богов, воспользоваться им сейчас». Ты же, Клиний, и ты, Мегилл, отвечайте, как и раньше, за этого молодого человека. А если внезапно по-

явится какое-то препятствие в рассуждении, то я замещу вас и переведу через реку.

Клиний. Ты прав. Поступай именно так, а мы тоже по мере сил будем делать, как ты говоришь.

d Афинянин. Доказать, что боги пекутся о малом не меньше, чем о великом, — это, пожалуй, будет совсем нетрудно. Ведь наш противник присутствовал здесь и выслушал только что сказанное, — а именно, что боги всеблагии, значит, им в высшей степени свойственно иметь попечение обо всем.

Клиний. Конечно, он слышал это.

e Афинянин. Далее, исследуем все вместе, о какой добродетели говорили мы, когда согласились, что боги всеблагии. Не правда ли, мы признаем, что рассудительность и обладание умом относятся к добродетели, а все противоположное — к пороку?

Клиний. Признаем.

Афинянин. Что же еще? Мужество не принадлежит ли к добродетели, а трусость — к пороку?

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не назовем ли мы первое прекрасным, а второе — безобразным?

Клиний. Несомненно.

Афинянин. И не скажем ли мы, что одному мы причастны, — тому, что дурно; о богах же мы скажем, что они непричастны этому ни в малой, ни в большой степени?

Клиний. Всякий согласится, что это так.

Афинянин. В чем же дело? Небрежение, праздность и негу поместим ли мы в число добродетелей души? Или как по-твоему?

Клиний. Возможно ли это?

Афинянин. Значит, ты отнесешь все это к тому, что добродетели противоположно?

Клиний. Да.

901 Афинянин. А то, что противоположно этому, — опять-таки к противоположному?

Клиний. Да, к противоположному.

Афинянин. Дальше. Не правда ли, всякий, кто празден, изнежен и нерадив, кто, по выражению поэта, в высшей степени похож на трутней²⁹, лишенных жала, и в самом деле таков?

Клиний. Это сравнение очень верно.

Афинянин. Итак, не следует говорить, будто бог обладает нравственными свойствами, которые ему самому ненавистны. Если кто-либо попытается высказывать что-то подобное, этого нельзя допускать.

Клиний. Конечно, нет. Как можно!

b

Афинянин. На каком основании стали бы мы хвалить, — не впадая притом в грубейшую ошибку, — того, кому более других подобает действовать и заботиться, а его разум печется о великом, малым же небрежет? Рассмотрим это следующим образом: не правда ли, тот, кто это делает, бог ли он или человек, должен так поступать по двум причинам?

Клиний. По каким же?

Афинянин. Либо он полагает, что для целого не будет никакой разницы, если малое находится в небрежении, либо, если он считает, что разница есть, он не заботится о малом по нерадивости и изнеженности. Или, может быть, есть какие-то другие причины небрежения? Ведь если действительно невозможно иметь попечение сразу обо всем, то это уже не будет небрежением со стороны того, кто не печется о малом или великом; я говорю о том случае, когда бог или какое-либо низшее существо по своим силам оказывается не в состоянии о чем-то заботиться.

c

Клиний. Но это невозможно.

d

Афинянин. Ныне пусть отвечают нам троим оба ваших противника: они согласны признать бытие богов, но один утверждает, что богов можно склонить в свою пользу, другой же, что они небрегут малым. Прежде всего признайте оба, что боги знают, видят и слышат все и от них не может укрыться ничто из того, что доступно ощущению и познанию. Допускаете ли вы, что это так, или не допускаете?

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Что же дальше? Признаёте ли вы, что боги могут делать все, что только доступно смертным или бессмертным?

Клиний. Как же не согласиться и с этим?

е Афинянин. Итак, мы все пятеро согласились, что боги благи и даже всеблаги.

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Но если они таковы, каковыми мы их признали, то уже невозможно, не правда ли, считать, что они делают что-либо нерадиво и неохотно? Ведь праздность в нас есть порождение трусости, а нерадивость — праздности и неги.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Никто из богов не бывает небрежен по нерадивости и праздности, ибо трусость им совсем не присуща.

Клиний. Вполне правильно.

902 Афинянин. Значит, если боги небрегут малым и незначительным во Вселенной, остается считать, что они поступают так в сознании, что вообще не должно иметь о таких вещах попечение. В противном случае им остается как раз обратное, то есть отсутствие [всякого] понимания?

Клиний. Да, не иначе.

б Афинянин. Итак, не предположить ли нам, о достойнейший и превосходнейший наш противник, что ты утверждаешь одно из двух: либо что боги находятся в неведении и вследствие этого не заботятся об исполнении своего долга, либо же что они сознают свой долг, но не исполняют его, наподобие самых презренных людей, которые, как говорится, знают, что нужно сделать, однако под влиянием удовольствий или страданий не делают этого.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не правда ли, человеческие дела причастны одушевленной природе и равным образом человек есть самое благочестивое из всех живых существ?

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Мы признаём, что все смертные существа, равно как и все небо, — это достояние богов.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Пусть же теперь кто угодно утверждает, будто наши человеческие дела слишком малы или слишком велики для богов. И в том и в другом случае нашим всеблагим и заботливым господам не следовало бы нами пренебрегать. Но рассмотрим к тому же еще вот что. . .

Клиний. А именно?

Афинянин. Ощущение и способность действовать. Не правда ли, они от природы противоположны друг другу в смысле легкости и трудности?

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Видеть или слышать малое труднее, чем большое. Наоборот, для всякого нести малое и незначительное, управлять им, заботиться о нем легче, чем о большом и весомом. d

Клиний. Гораздо легче.

Афинянин. Если врачу, желающему и умеющему лечить, будет поручен весь [организм] в целом, а он станет заботиться только о значительном, незначительными же частностями пренебрежет, то в хорошем ли состоянии окажется организм?

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Точно так же ни у кормчих, ни у военачальников, ни у домохозяев, ни у каких бы то ни было государственных деятелей, вообще ни у кого из подобного рода людей не окажется ничего великого или многого, если они пренебрегут малым и незначительным. Ибо, как говорят каменщики, большие камни не ложатся хорошо без малых. e

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Не будем же считать, будто бог стоит ниже смертных мастеров, которые, чем они лучше, тем более тщательно и совершенно, с помощью одного только искусства, выполняют и малые, и большие свойственные им работы³⁰. Неужели же бог, существо мудрейшее, желая

и имея возможность заботиться о малом, вовсе о нем не печется — между тем как именно потому, что вещи эти малы, заботиться о них легче, — а печется лишь о великих вещах, наподобие человека праздного или труса, падающего духом при виде трудностей?

Клиний. Мы никоим образом не допустим такого мнения о богах, чужеземец. Ибо подобный образ мыслей был бы во всех отношениях нечестив и не соответствовал бы истине.

Афинянин. Мне кажется, что любителю упрекать богов в небрежении мы теперь вполне доказали его неправоту.

Клиний. Да.

Афинянин. Мы принудили его нашими доказательствами признать, что он неправ. Однако, мне кажется, что он нуждается еще кое в каких зачаровывающих сказаниях.

Клиний. В каких же, мой друг?

Афинянин. Мы станем убеждать юношу следующими доводами: «Тот, кто заботится обо всем, устроил все, имея в виду спасение и добродетель целого, причем по возможности каждая часть испытывает или совершает то, что ей надлежит. Над каждой из этих частей, вплоть до наименьших, поставлен правитель, ведающий мельчайшими проявлениями всех состояний и действий: все это направлено к определенной конечной цели. Один из таких правителей руководит даже, жалкий ты человек, крошечной частицей твоего существа, постоянно имея перед глазами целое. Ты и не замечаешь, что все, что возникло, возникает ради всего в целом, с тем чтобы осуществилось присущее жизни целого блаженное бытие, и бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты — ради него. Ведь любой врач, любой искусный ремесленник делает все ради целого, а не целое ради части и направляет все к общему благу. Ты же досадуешь, не зная, каким образом то, что для тебя, в силу всеобщего возникновения, оказывается наилучшим, согласуется с целым и с тобой самим. Затем, так как душа соединяется то с одним телом, то с другим и испытывает всевозможные перемены как сама по себе, так и под влиянием

других душ, то правителю этому подобно игроку в шашки не остается ничего другого, как перемещать характер, ставший лучшим, на лучшее место, а ставший худшим — на худшее, размещая их согласно тому, что им подобает, так, чтобы каждому достался соответствующий удел» . e

К л и н и й. Что ты имеешь в виду?

А ф и н я н и н. Мне кажется, я говорил так для того, чтобы ясна была легкость, с которой боги обо всем пекутся. Ведь если бы кто стал все преобразовывать и творить, не обращая внимания на целое, например сотворил бы из огня одушевленную воду, из одного многое или из многого одно, 904 то путем первого, второго и третьего возникновения получилось бы бесконечное множество перемен и переустройств. Ныне же это удивительно легкое дело для того, кто заботится обо всем.

К л и н и й. Что ты разумеешь?

А ф и н я н и н. Вот что: верховный правитель видел, что все наши дела одухотворены и что в них много добродетели, но много и порока; видел он также, что то, что раз возникло, то есть душа и тело, уже не погибает, хотя они и не вечны, как боги, существующие согласно закону (ведь если бы душа или тело погибли, то не было бы возникновения b живых существ), и что все, что есть в душе доброго, от природы всегда полезно, а злое всегда вредно. Обратив внимание на все это, он придумал такое место для каждой из частей, чтобы во Вселенной как можно вернее, легче и лучше побеждала бы добродетель, а порок бы был побежден. Для всего этого он придумал, какое место должно занимать все возникающее. Что касается качества возникающего, то он предоставил это воле каждого из нас, ибо каждый из нас большей частью становится таким, а не иным c сообразно с предметом своих желаний и качеством своей души.

К л и н и й. Это естественно.

А ф и н я н и н. Итак, все, что причастно душе, изменяется, так как заключает в самом себе причину изменения; при этом все перемещается согласно закону и распорядку

судьбы. То, что меньше изменяет свой нрав, движется по плоской поверхности; то же, что изменяется больше, и притом в сторону несправедливости, падает в бездну и попадает в те места, о которых говорят, что они находятся внизу, и которые называют Аидом и тому подобными именами. Люди их сильно боятся, они им мерещатся и при жизни, и после отрешения души от тела. Если же душа, по своей ли собственной воле или под сильным чужим влиянием, изменяется в сторону большей добродетели, то, слившись с божественной добродетелью, она становится особенно добродетельной и переносится на новое, лучшее и совершенно святое место. В противном же случае она переносит свою жизнь туда, куда подобает.

Вот каково правосудье богов, на Олимпе живущих³¹.

А тебе, молодой человек, кажется, что боги о тебе не пекутся. Если ты станешь хуже, то отправишься к дурным душам, если же лучше, то к лучшим. Вообще и при жизни, и после смерти каждый испытывает и делает то, что ему свойственно. Ни ты, ни кто-либо другой, если ему не повезет, не сможет похвалиться, будто стоит выше этого правосудия богов. Того правосудия, которое установили верховные учредители, должно особенно остерегаться. Ибо оно никогда не оставит тебя в покое: так ли ты мал, что можешь погрузиться в глубины земли, или так высок, что в состоянии подняться до неба, — все равно ты понесешь назначенное богами наказание — здесь ли, на земле, будучи ли перенесен в Аид или в еще более лютое место³². То же самое относится и к тем, кто на твоих глазах путем нечестивых или вообще дурных поступков из людей незначительных стали великими или из людей несчастных — счастливыми. И ты еще думал, будто в их поступках, как в зеркале, можно усмотреть общую небрежность богов! Ты не знал, что и у этих людей есть доля в участи Вселенной. Как можешь ты, мужественнейший из людей, думать, что тебе не следует этого знать? Кто не понимает этой причастности, тот никогда не найдет образца для своей жизни и не будет в си-

лах отдать себе отчет в том, от чего зависит счастливая или несчастная доля. Если вот Клиний и весь наш совет старейшин убедили тебя в том, чего ты сам не знал, когда говорил о богах, то это сам бог чудесным образом пришел тебе на помощь. Если же ты нуждаешься еще в каком-нибудь доказательстве, то выслушай, что мы станем говорить третьему нашему противнику, коль скоро у тебя есть хоть какой-то ум. Я сказал бы, что мы не так уж плохо доказали бытие богов и их заботу о людях. Но мы не можем также ни с кем согласиться и всячески будем оспаривать мнение, будто боги принимают дары и что люди неправедные могут их умиловать.

Клиний. Прекрасно сказано. Сделаем же так, как ты говоришь.

**Критика мнения
о возможности
привлекать богов
к соучастию
в злых делах**

Афинянин. Ради самих богов, давай рассмотрим, каким способом их можно умиловать, если только это вообще вероятно. Кто они и каковы они? Те, кто действительно управляет всем небом, неизбежно становятся ведь его правителями?

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Но кому из правителей они подобны или кто подобен им? Ведь мы можем сравнивать меньшее с большим. Не подобны ли им возничие, управляющие соревнующимися колесницами, или кормчие судов? Возможно, что они сходны с военачальниками. Их можно было бы также сравнить с врачами, которые оберегают тело, опасаясь сопротивления со стороны болезней; или с земледельцами, со страхом поджидающими обычно неблагоприятных для произрастания злаков времен года; или же с пастухами, пасущими стада. Так как мы согласились сами с собой, что небо полно многих благ, но также — впрочем, не в большом количестве — и зол, то, утверждаем мы, между ними происходит нескончаемая борьба, требующая чрезвычайной бдительности. Наши союзники — это боги, а равным образом и гении, мы же в свою очередь — достояние тех и других. Нас губит несправедливость и дерзость, соединен-

- в** ная с неразумием, спасает же справедливость и рассудительность вместе с разумностью. Эти добродетели живут в одухотворенных силах богов; а в нас живет лишь малая их часть, как это всякий с очевидностью может усмотреть вот из чего: ясно, что некоторые звероподобные души, которые живут на земле и которым присуща несправедливая корысть, припадают к душам стражей — сторожевые ли это псы, пастухи или даже самые высокие владыки — и убеждают их посредством льстивых слов или каких-либо обетов и заклинаний, как это широко утверждают дурные люди, позволить им быть корыстолюбивыми среди людей и не подвергаться в то же время ничему тяжкому. Мы же **с** подтверждаем, что только что упомянутое преступление — корыстолюбие, когда речь идет о телах из плоти, именуется болезнью, когда о временах года — мором, когда же о государствах и гражданских делах, имя это меняет свой облик и звучит как «несправедливость».

К л и н и й. Совершенно верно.

- А ф и н я н и н.** Тот, кто говорит, будто боги всегда готовы простить несправедливых людей и тех, кто творит **д** несправедливые поступки, лишь бы кто-то из них уделил им часть своей несправедливой добычи, необходимо должен утверждать следующее: если бы волки уделяли малую часть своих хищений собакам, те, будучи укрощены дарами, позволили бы расхитить все стадо. Разве не таково рассуждение тех, кто утверждает, что богов можно умили-

К л и н и й. Да, именно таково.

- А ф и н я н и н.** Но кто из людей не вызвал бы смеха, сравнивая богов с кем-то из только что упомянутых стражей? Например, с кормчими, которые, будучи подкуплены **е** «возлиянием вина и дымом курений», губят и корабль, и корабельщиков?

К л и н и й. Такое сравнение невозможно.

А ф и н я н и н. Или, например, с возничими на состязаниях, которые, будучи подкуплены дарами, предоставили бы победу другим упряжкам?

Клиний. Странное сравнение ты бы придумал для своего рассуждения!

Афинянин. Богов нельзя сравнить ни с военачальниками, ни с врачами, ни с земледельцами, ни с пастухами, ни тем паче с собаками, которых заворожили волки. . . 907

Клиний. Прекрати злоречье — как это можно!

Афинянин. Но все боги—не суть ли они величайшие из стражей и не охраняют ли они самое великое?

Клиний. Бесспорно.

Афинянин. Поставим ли мы тех, кто охраняет прекраснейшие вещи и всех превосходит бдительностью в отношении добродетели, ниже собак или обычных людей, которые никогда не изменят справедливости ради даров, нечестиво предлагаемых неправедными людьми?

Клиний. Никоим образом. Подобная речь неприемлема, и того, кто держится такого мнения, можно по всей справедливости счесть чуть ли не самым скверным и нечестивым из всех нечестивых людей. b

Афинянин. Можем ли мы сказать, что теперь полностью доказаны выдвинутые раньше три положения, а именно: бытие богов, их промысл и полнейшая их неумолимость в отношении несправедливого?

Клиний. Как же иначе? Мы согласны с этими доказательствами.

Афинянин. Возможно, они были высказаны слишком резко, из-за склонности дурных людей к спорам. Этот спор, дорогой Клиний, был поднят ради того, чтобы дурные люди ни в коем случае не подумали, будто, победив в доказательствах, они могут делать все, что хотят, согласно тому, что они думают о богах. Поэтому в наших речах появилось почти юношеское рвение. Если мы хоть отчасти принесли пользу и убедили подобного рода людей возненавидеть самих себя и возлюбить противоположный образ мыслей, то наше вступление к законам о нечестии сделано удачно. d

Клиний. По крайней мере можно на это надеяться. Если же и нет, то все равно подобный род рассуждения нельзя поставить в упрек законодателю.

**Наказания
за нечестие**

Афинянин. Вслед за вступлением мы можем выставить требование, правильно истолковывающее законы

и повелевающее нечестивым людям переменить свой образ жизни на благочестивый. Для слушников же пусть будет следующий закон о нечестии: если кто-либо скажет или сделает что-либо нечестивое, любой присутствующий должен этому воспротивиться и донести об этом должностным ли-

- е цам, а из этих те, кто первый узнает об этом, должны, согласно с законами, привести виновных в суд, назначенный для разбора такого рода дел. Если же какое-нибудь должностное лицо, будучи извещено, не сделает этого, всякий желающий заступиться за законы может привлечь его к суду. Если кто окажется виновным, суд должен назначить соответствующее наказание за каждый отдельный проступок нечестивых людей. Каждый виновный должен быть
- 908 задержан. Тюрем в государстве будет три: одна на площади, общая для большинства задержанных, предназначенная для охраны личной безопасности большинства; другая тюрьма — недалеке от места заседаний Ночного собрания — будет называться софронистерием³³; третья же — посреди страны, в каком-нибудь пустынном и совершенно диком месте — получит имя, которое будет выражать возмездие. Так как люди становятся нечестивыми по трем упомянутым нами причинам и каждая такая причина создает два рода нечестивцев, то всего получилось бы шесть различных родов людей, заблуждающихся по поводу богов. Все они должны подвергнуться различным и неравным наказаниям. Ибо те, кто совершенно отрицает бытие богов, но от природы обладает справедливым характером, ненавидят дурных людей и, из-за глубокого отвращения к несправедливости, не склонны к совершению подобных проступков, избегают людей несправедливых, а справедливых любят. Другой же род — это те, у кого к мнению, будто
- с Вселенная лишена богов, добавляется невоздержанность в удовольствиях и страданиях, хотя они и обладают сильной памятью и прекрасной восприимчивостью к наукам. Об-

щая болезнь тех и других та, что они не признают богов; но первые творят меньше зла на пагубу остальных людей, чем вторые. Они в своих речах преисполнены дерзости в отношении богов, жертвоприношений, клятв и смеются также надо всем остальным; быть может, они и других людей сделали бы такими же, если бы их не настигало вовремя правосудие. Вторые держатся того же мнения, что и первые, слынут за людей одаренных, но исполненных коварства и злокозненных. Из этого рода людей выходят многие прорицатели, люди, занимающиеся всевозможной ворожбой, а иногда и тираны, демагоги, военачальники, основатели частных тайнств, а также и изощренные так называемые софисты. Разновидностей подобного рода людей много; но особого законоположения достойны две из них: те, кто принадлежит к одной из них, а именно лицемеры, заслуживают более чем смертной казни; люди же второй разновидности нуждаются в увещании и тюремном заключении.

Точно так же и взгляд, отрицающий промысл богов, порождает два рода людей; людей, придерживающихся мнения, будто богов можно умолить, тоже два рода. Ввиду существующей между ними разницы судья, опираясь на закон, должен присудить тех, кто впал в нечестие по неразумию, а не по злему побуждению и нраву, к заключению в софронистерий не меньше чем на пять лет. В течение этого времени никто из граждан не должен иметь к ним доступа, кроме участников Ночного собрания, которые будут его увещевать и беседовать с ним ради спасения его души. Когда же истечет срок заключения, тот из них, кто покажет себя рассудительным, пусть получит свободу и живет вместе с другими рассудительными людьми. В противном же случае, то есть если он снова заслужит подобное наказание, его следует покарать смертью. Тем же, которые, кроме того что не признают богов и их промысла или считают их умолимыми, вдобавок еще уподобляются животным и, презирая людей, обольщают некоторых из них при жизни, уверяя, будто могут вызывать души умерших, или, обещая склонить богов посредством жертвоприношений, молитв,

заклинаний и колдовства, пытаются ради денег в корне раз-
вратить как отдельных лиц, так и целые семьи и государ-
ства, — им, оказавшимся виновными в чем-либо подобном,
c пусть суд назначит наказание в виде заключения в тюрьму,
находящуюся посреди страны. Никто из свободных никогда
не должен приходиться к подобному человеку. Назначенную
ему стражами законов пищу он должен получать от ра-
бов. В случае смерти тело его выбрасывается непогребен-
ным за пределы страны. Если же кто-нибудь из свободных
людей погребет его, то любой желающий может привлечь
его к суду за нечестие. Если он оставит после себя детей,
d пригодных для государства, то попечители о сиротах пусть
позаботятся о них как о настоящих сиротах — и притом не
хуже, чем об остальных, — начиная с того дня, как их отец
был осужден.

Кроме всего этого надо учредить еще один общий закон,
который, запрещая богослужения, не предусмотренные за-
коном, заставил бы многих совершать на деле и на словах
меньше проступков по отношению к богам и стать более
разумными. Попросту говоря, вот какой закон должен ка-
саться всех: пусть никто не сооружает святилищ в частных
домах. Если же у кого явится намерение принести жерт-
ву, пусть он идет в общественные храмы и там приносит
e ее, вручив свое приношение жрецам или жрицам, которые
заботятся о чистоте жертв. К их молитвам пусть он присо-
единит свои, а также и всякий желающий пусть помолится
вместе с ним. Так должно быть по следующим причинам.
Учреждать святилища и богослужения нелегко; правильно
это можно делать только по зрелом размышлении. Между
тем повсюду у многих — особенно у всех женщин, у больших
людей, у тех, кто подвергается опасности или каким-либо
лишениям, а также и в противоположных случаях, когда
на чью-либо долю выпадает какое-нибудь благополучие, —
есть обычай посвящать то, что у них в это время есть под
рукой, богам, гениям и детям богов; при этом они дают
910 обеты принести жертвы или соорудить святилища. Точно
так же те, кто в страхе просыпался от явленных во сне

знамений, вспоминая многочисленные видения, сооружает каждому из увиденных призраков алтари или святилища в качестве средства для своего спасения; они наполняют этими святилищами все дома и поселки, сооружая их и на чистых местах, и где придется. Ради всего этого и надо поступать сообразно только что указанному закону, а кроме того, и из-за людей нечестивых, чтобы они не совершали этого тайно, то есть не сооружали бы незаметно святилищ и алтарей в частных домах и, полагая, будто богов можно умиловать жертвами и молитвами, не дошли бы до крайних пределов несправедливости: ведь таким образом они навлекут осуждение богов как на себя, так и на тех, кто лучше их, но допускает, чтобы они все это делали и все государство, по справедливости, подвергалось участи нечестивых людей. Законодателя же бог не станет порицать. Поэтому пусть будет такой закон: не следует иметь в частных домах святилищ богов. Если же обнаружится, что кто-либо их имеет или тайно почитает другие святилища, а не общественные, то в случае, если виновный — мужчина ли он или женщина — не совершил никаких серьезных и нечестивых проступков, пусть тот, кто это заметил, известит стражей законов, а те пусть распорядятся перенести частное святилище в общественное место, ослушника же пусть наказывают, пока он этого не сделает. Если же обнаружится, что кто-либо совершил какой-нибудь нечестивый поступок не по-детски, но так, как свойственно взрослым людям, — все равно воздвиг ли он святилище в частном доме или же приносил в общественном храме жертвы каким-то богам, — то поскольку он не был чист при совершении жертвоприношения, его следует приговорить к смерти. Стражи законов, обсудив, детское ли это нечестие или нет, и препроводив виновного в суд, должны привести в исполнение установленное за это нечестие наказание.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

913

**Гражданские
отношения.
Законы об охране
частной
собственности**

Афинянин. После этого нам следовало бы внести надлежащий порядок в деловые взаимоотношения людей. Основное правило здесь простое: пусть никто по мере возможности не

касается моего имущества и не нарушает моей собственности, даже самым незначительным образом, раз нет на то всякий раз моего особого разрешения. И я буду точно так же относиться к чужой собственности, пока я в здравом уме.

Поговорим прежде всего о сокровищах, которые кто-либо откладывает или припрятывает для себя или своих близких. Если этот человек не принадлежит к моим предкам, я никогда не стал бы молить богов о том, чтобы мне найти такой клад; а если бы нашел, я не тронул бы его. С

- б другой стороны, я не стал бы сообщать об этом так называемым прорицателям, которые так или иначе посоветовали бы мне изъять из земли этот вверенный ей залог. Дело в том, что при таком изъятии я не так много выиграю в имущественном отношении: гораздо больше я выиграю в смысле душевной добродетели и справедливости, если воздержусь от такого изъятия. Я стяжаю себе одно имущество вместо другого, лучшее в лучшей области — справедливость в душе, а не богатство в деньгах. Пусть то, что прекрасно сказано применительно ко многим случаям, — а именно, что не следует касаться неприкосновенного, — будет применено и к данному случаю. К тому же надо верить и мифам, в которых говорится, что все это не при-
- с

носит пользы потомству. Но если встретится человек, не заботящийся о потомстве, и он, не обратив внимания на законодателя, присвоит себе вещь, отложенную не им и не кем-то из его предков, притом без разрешения на то со стороны отложившего, то он нарушит не только самый прекрасный и простой из законов, но также и законоположение весьма достойного мужа, сказавшего: «Не бери себе то, что не ты положил»¹. Если человек пренебрежет обоими законодателями и присвоит себе вещь, не им самим положенную, к тому же не какую-нибудь малость, но, как это бывает, очень большие ценности, что он должен претерпеть? Что касается кары богов, то это ведомо только богу. Но первый, кто заметит этого человека, должен донести об этом астиномам, если это произойдет в городе, агораномам — если это случится где-либо на городском рынке, наконец, агрономам и их начальникам, если это произойдет где-либо в другом месте страны. Когда об этом будет заявлено, пусть государство обратится в Дельфы и что решит бог относительно денег и лица, их присвоившего, то пусть и исполнит государство, помогая прорицаниям бога. В случае такого доноса свободнорожденный человек стяжает славу за свою добродетель, в обратном же случае прослышет порочным. Коль скоро донесет раб, государство имеет основание дать ему свободу, выплатив соответствующую сумму его хозяину; если же раб не донесет, он будет наказан смертью.

Вслед за этим установим следующее узаконение, одинаково касающееся как крупных, так и мелких вещей. Если кто нарочно или нечаянно потеряет что-то ему принадлежащее, пусть тот, кто найдет этот предмет, оставит его лежать, считая, что божество дорог охраняет вещи, которые закон ему посвятил². Если же вопреки этому какой-либо ослушник поднимет эту вещь и унесет к себе домой, то в случае, если это сделает раб и предмет малоценен, пусть первый встречный, не моложе тридцати лет, накажет его многочисленными ударами. Если же это сделает кто-нибудь из свободнорожденных людей, то, кроме того,

что он прослывет человеком, недостойным этого звания и стоящим вне законов, пусть он выплатит владельцу сумму, в десять раз превышающую стоимость взятого предмета.

Если кто станет обвинять другого человека в том, что у него находится бóльшая или меньшая часть его имущества, и обвиненный в этом признает, что у него действительно это имущество есть, но скажет, что оно вовсе не принадлежит обвинителю, пусть обвинитель, если только его законная собственность записана у правителей, вызовет обвиняемого пред лицо властей, а тот пусть явится. Когда дело будет оглашено и по рассмотрении записей выяснится, кому из них принадлежит спорная вещь, пусть владелец вступит в свои права и удалится. Если же окажется, что вещь принадлежит кому-то третьему, здесь не присутствующему, пусть тот из двух, кто представит надежного поручителя в том, что он отдаст спорную вещь по принадлежности, возьмет ее себе. Если же спорная вещь окажется незанесенной в списки правителей, пусть она находится у трех старших из правителей до судебного разбирательства. Если спорная вещь — домашнее животное, пусть сторона, выигравшая судебное дело, заплатит правителям за его содержание. Правители же произведут судебное разбирательство в течение трех дней.

Любой человек, находящийся в здравом уме, может задержать своего беглого раба и пользоваться им как угодно, лишь бы это не нарушало благочестия. Можно также задержать беглого раба своих родственников или друзей ради сохранности их имущества. Если же в тот момент, когда кого-то задерживают как раба, кто-то возвратит ему свободу, пусть тот, кто его задержал, его отпустит, человек же, возвративший рабу свободу, пусть представит трех достойных поручителей: только таким образом может он дать свободу рабу, никак не иначе. Если же кто-нибудь вопреки этому отпустит на волю раба, он будет повинен в 915 насилии и, если будет уличен, должен выплатить пострадавшей стороне сумму вдвое бóльшую, чем обозначенный истцами убыток. Можно задерживать также и вольноот-

пущенников, если кто из них недостаточно или совсем не заботится об отпущивших их на свободу. Забота же эта заключается вот в чем: вольноотпущенник должен три раза в месяц навещать очаг человека, отпущившего его на волю, предлагая ему свои услуги для исполнения всего, что только справедливо и вместе с тем возможно. Точно так же и вступать в брак он должен лишь с согласил бывшего своего господина. Равным образом вольноотпущеннику не разрешается стать богаче отпущившего его господина: излишек пусть будет собственностью господина. Вольноотпущенник **ь** не должен оставаться в государстве более двадцати лет; по прошествии этого времени пусть он подобно остальным чужеземцам удалится, захватив с собой все свое имущество, если только не получит разрешения на дальнейшее пребывание от правителей и от того, кто его отпустил. Если же имущество вольноотпущенника или кого-либо из остальных чужеземцев возрастет до такой степени, что превысит имущественный ценз граждан третьего класса, то в течение тридцати дней, начиная с того дня, как случилось превышение, он должен удалиться, взяв то, что ему принадлежит. **с** Правители не должны соглашаться ни на какие его просьбы о разрешении ему дальнейшего пребывания в стране. Ослушники пусть подвергнутся суду и, в случае признания виновности, пусть будут наказаны смертью; имущество их будет отобрано в пользу государства. Подобные дела должны подлежать суду фил, если только обе стороны не освободятся еще до того от взаимных обвинений при посредстве суда соседей или выбранных для этого судей.

Если кто-либо заявит притязание на какое-нибудь домашнее животное или на другую какую-нибудь якобы принадлежащую ему вещь, пусть владелец приведет его к человеку, который ему эту вещь продал, подарил или передал каким-либо другим правомочным способом, — конечно, если человек этот достоин доверия и справедлив. Если человек этот гражданин или метек из числа живущих в государстве, пусть владелец сделает это в течение тридцати дней; если же речь идет о вещи, переданной чужеземцем, **d**

то дело надо закончить в течение пяти месяцев, из которых на средний приходится поворот солнца от лета к зиме.

Законы о торговле Всякий взаимный обмен, производимый путем купли и продажи, должен происходить на месте, особо отведенном для каждого вида обмена на городской площади. Стоимость должна быть выплачена непременно тут же; всякая купля и продажа в кредит запрещается. Если какой-то обмен происходит другим способом или в другом месте и продавец предоставляет кредит покупателю, они могут это делать, но пусть знают, что по закону не принимаются никакие обращения в суд со стороны людей, не выполнивших только что указанного требования.

То же самое относится к товариществам, основанным на паях: желающие могут их устраивать среди друзей; но если возникнет какое-либо разногласие по поводу взносов, то надо знать, что никто и никоим образом не может начать судебного дела об этом.

Тот, кто продает на сумму не менее пятидесяти драхм, **916** обязан переждать в городе десять дней; покупатель должен знать местожительство продавца ввиду бывающих в подобных случаях жалоб и на случай законного возвращения покупки. Возврат будет законным либо незаконным по следующим признакам. Если кто продает раба чахоточного, страдающего каменной болезнью, затрудненным мочеиспусканием или больного так называемой священной болезнью³ или каким-то другим, скрытым от большинства, тяжким и трудноизлечимым телесным либо душевным недугом, то, коль скоро покупатель — врач или учитель гимнастики, возврата быть не может; равным образом **Б** и в том случае, если продавец заранее предупредил об этом покупателя. Если же покупатель обычный человек, а продавец, наоборот, сведущ в болезнях, покупку можно возвратить в течение шести месяцев. Исключением является священная болезнь; в этом случае возврат производится в течение одного года. Дело подлежит разбирательству выбранных сообща обеими сторонами врачей. Виновный должен

уплатить двойную стоимость покупки. Если и покупатель, и продавец — обычные люди, возврат и судебное разбирательство должны совершаться так же, как в только что указанном случае, но виновный должен просто выплатить стоимость покупки. Если же проданный раб — убийца, а покупатель и продавец оба знали это обстоятельство, то при такой продаже возврата не может быть. Если же об этом заранее не знал покупатель, то, лишь только он это узнает, он может вернуть раба. Дело должно подлежать суждению пяти младших стражей законов. Если будет признано, что продавец знал это обстоятельство, он должен произвести очищение дома покупателя, согласно постановлению истолкователей, и выплатить ему тройную стоимость раба.

При обмене денег на деньги или на что-либо другое, — живность ли то или нет, — надо давать и принимать все это неподдельным и следовать в этом закону. Относительно возможного здесь зла желательно также дать вступление, как мы это делали для других законов. Всякий человек должен считать чем-то однородным любую подделку, ложь и обман; между тем большинство обычно высказывает совершенно превратный взгляд, будто иной раз — и даже нередко — все это вполне допустимо, если только совершается кстати; при этом остается неустановленным и неопределенным, когда же именно и где это бывает кстати. Большинство людей из-за такого взгляда и сами во многом терпят ущерб, и причиняют его другим. Законодателью непозволительно оставить это неустановленным: всегда следует ясно определять тут более или менее широкие границы. Поэтому и мы сейчас это определим.

Кто не желает стать в высшей степени ненавистным богам, пусть ни словом, ни делом не допускает никакой лжи, обмана или подделки, призывая в свидетели род богов; а ведь бывает, что кто-то клянется ложными клятвами, ничуть не заботясь о богах. Далее идет тот, кто лжет в присутствии людей, стоящих выше его самого. Лучшие люди выше худших; старики вообще выше юношей; поэтому и ро-

дители выше детей, мужчины выше женщин и детей, правители выше подвластных. Ко всем этим людям остальные должны относиться с почтением, — как тогда, когда они вообще отправляют какие-нибудь должности, так в особенности — должности государственные, что и составляет исходный пункт нынешней нашей беседы. Всякий продающий на

- b** рынке что-либо поддельное лжет и обманывает; призывая в свидетели богов, он клятвами нарушает законы и предостережения агораномов, не стыдясь людей и не почитая богов. Прекрасен вообще обычай — не осквернять пустыми призывами имена богов, раз находишься в таком отношении к богам в смысле чистоты и непорочности, в каком нередко бывает большинство из нас⁴. Кого все это не убеждает, вот закон: торгующий чем-либо на рынке никогда не должен назначать двух цен своему товару, а только одну-единственную. Если он по этой цене не найдет покупателя,
- c** он вправе унести свой товар с рынка; но в один и тот же день он не должен расценивать свой товар то дороже, то дешевле. И пусть не будет расхваливания и клятв по поводу любой продающейся вещи. Ослушника же первый встречный горожанин, достигший тридцати лет, имеет право бить безнаказанно, карая его за его клятвы. Кто пренебрежет этим своим правом, тот будет подвергнут хуле за измену закону. Если кто окажется не в силах послушаться наших нынешних слов и станет продавать что-либо поддельное,
- d** то первый узнавший об этом человек пусть изболочит его, если только может, пред правителями. Раб или метек в этом случае получает в свою собственность подделанный товар. Свободнорожденный человек, если он не изболочает подделку, объявляется дурным гражданином, ибо в этом случае он выходит из повиновения богам; если же он ее изболочает, он должен посвятить подделанный товар богам — покровителям рыночной площади.

- Продавец, уличенный в подделке, кроме того, что лишается своего подделанного товара, будет еще наказан
- e** глашатаем на рыночной площади столькими ударами бича, сколько драхм он требует за свой товар, причем глашатай

огласит, за что он подвергается этому наказанию. Агораномы и стражи законов, справляясь относительно каждого отдельного случая подделки и злостного обмана у людей, сведущих в этом, должны письменно определить, что надлежит делать продавцу и чего не надлежит. Стелу, на которой начертаны эти законы, они должны поставить перед агораномием⁵, так, чтобы все люди, имеющие дела на рынке, ясно их видели.

Относительно астиномов достаточно сказано выше. **918** Если, однако, покажется, что нужны какие-то добавления, пусть астиномы, опять-таки сообща со стражами законов, запишут то, что кажется пропущенным, на стеле, поставленной в астиномии⁶ и содержащей как основные, так и дополнительные узаконения, касающиеся их должности.

За подделкой непосредственно следует занятие мелкой торговлей. Мы сначала дадим совет относительно всего этого занятия в целом и приведем разумные доводы, а уже после этого установим закон.

Всякая мелкая торговля по своей природе вовсе не направлена ко вреду государства, — совсем напротив. Разве не благодетель любой человек, приводящий к соразмерности и единообразию любую разнообразную и несоразмерную собственность? Надо признать, что это происходит благодаря денежному обращению; равным образом этому способствуют купцы, наемные работники, держатели гостиниц и представители других занятий, из которых одни **б** более, другие менее благовидны. Все это может помочь удовлетворению наших нужд и привести к единообразию нашу собственность. В чем же причина того, что занятия это не признано ни прекрасным, ни благовидным? Почему оно на дурном счету? Рассмотрим это, чтобы хоть отчасти, если уже не в целом, исправить положение с помощью закона. Дело это, по-видимому, нелегкое и требует немалой добродетели.

Клиний. Что ты понимаешь?

Афинянин. Дорогой Клиний, лишь небольшая часть исключительных по своей природе людей, получивших пре-

восходное воспитание, может держать себя в надлежащих границах, когда сталкивается с какими-нибудь нуждами и вожделениями. Люди эти могут остаться трезвыми, когда представляется возможность добыть много денег, могут предпочесть умеренное многому. Огромное большинство людей поступает как раз наоборот: их желания неумеренны, и, хотя возможно извлекать умеренную прибыль, они предпочитают быть ненасытными. Вот почему находятся на плохом счету и признаются чрезвычайно постыдными занятия мелкого торговца, крупного купца и содержателя гостиницы. Но если бы кто-нибудь (чего да не случится и никогда не будет!) принудил — это смешно сказать, однако, все-таки пусть это будет сказано — людей, во всех отношениях наилучших, заняться некоторое время корчмарством, мелкой торговлей или вообще чем-либо подобным или если бы женщинам суждена была необходимость принять участие в этих занятиях, мы узнали бы, как все эти занятия хороши и желательны. И если бы они не подвергались извращению, но совершались на разумных основаниях, то пользовались бы почетом, каким пользуются матери или кормилицы. Но в наши дни содержатели гостиниц, ради мелкой торговли, строят свои жилища в пустынных местах, где скрещивается много дорог; здесь они дают желанный приют нуждающимся в нем путникам, доставляют им теплый и безмятежный кров, если те бывают гонимы сильными зимними бурями, или отдых в прохладе, если их гонит со двора зной. Но после содержатель гостиницы вовсе не считает, что он принял своих друзей и оделил их дружескими подарками; нет, он относится к ним как к попавшимся в плен врагам и отпускает их на волю лишь за огромный, неправедный и грязный выкуп. Вот подобные заблуждения во всех такого рода делах и были причиной, что подобные занятия правильно бывают на плохом счету, хотя они должны были бы помогать людям в затруднительных положениях. Так вот и для этого, как всегда, законодателю надо приготовить лекарство.

Впрочем, давно уже правильно сказано, что трудно сра-

жаться сразу с двумя, да вдобавок еще противоположными, бедами, как это бывает при болезнях и во многих других случаях. И теперь нам предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством. Богатство развратило душу людей роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства. Как же помочь этой болезни в разумном государстве? Во-первых, по мере сил надо пользоваться как можно меньшим числом торговцев; во-вторых, это занятие надо предоставить тем людям, чья испорченность не причинила бы великого вреда государству; в-третьих, надо изобрести средство для тех, кто занимается этим делом, избавляющее их от легкого перехода к бесстыдству и низости. После этих предварительных соображений установим, в добрый час, следующий закон: среди магнетов, поселение которых во имя преуспевания снова устраивает бог, пусть ни один земледелец из тех, что входят в состав пяти тысяч сорока очагов, не становится по доброй воле или против воли ни мелким торговцем, ни крупным купцом; пусть никто не оказывает каких-либо услуг частным лицам, занимающим иное, чем он сам, общественное положение; исключения составляют отец, мать, их родственники по восходящей линии, все вообще старшие, если они свободнорожденные люди и живут действительно так, как это таким людям свойственно. Впрочем, нелегко точно разграничить законом то, что свойственно свободнорожденным людям, и то, что им несвойственно. Судить об этом будут люди, получившие почетные дары за свою добродетель, причем они будут основываться на своей склонности или на своем отвращении. Если же кто, прибегнув к какой-либо уловке, станет заниматься несвойственной свободнорожденным людям торговлей, пусть всякий желающий возбудит против него обвинение в своего рода бесстыдстве перед лицами, признанными выдающимися в смысле добродетели. Если окажется, что этот человек действительно замянул отцовский очаг недостойным занятием, то путем годичного заключения его принуждают от этого занятия отказаться. В случае повторения проступка ему

грозят два года заключения. Вообще при каждом задержании время заключения удваивается по сравнению с предшествующим.

А вот и второй закон: тому, кто собирается торговать, надо быть метеком или чужеземцем. Далее идет третий закон: в лице торговца мы должны в нашем государстве иметь возможно лучшего сожителя или по крайней мере возможно менее плохого. Поэтому стражам законов надо рассудить, что они охраняют не только тех людей, которых легко оберечь от нарушений законов и испорченности: ведь такие люди и без того хорошо подготовлены как своим происхождением, так и воспитанием. Нет, скорее надо охранять не их, а тех, кто занимается такими делами, которые имеют сильную склонность к тому, чтобы делать людей плохими. В этом отношении торговля очень разнообразна — она включает в себя много подобных занятий. Мы примем в расчет только те ее виды, которые будут признаны крайне необходимыми для государства. С этой целью придется опять-таки стражам законов собраться вместе с лицами, опытными в каждом отдельном виде торговли, — подобно тому как мы раньше предписали это относительно подделки товаров, сродной таким занятиям. На этом собрании надо будет рассмотреть, какого рода приход и расход обуславливает торговцу соразмерную прибыль; надо письменно закрепить соотношение расхода и прихода; а за соблюдением этих правил будут следить частью агораномы, частью астиномы, а частью агрономы. Примерно такая постановка торговли принесла бы пользу всем гражданам и по возможности меньше вредила бы тем, кто ею занимается в государствах.

d

**Отношения
ремесленников
и заказчиков**

Если кто при заключении договора не выполнит его условий (договоры, запрещаемые законами или постановлением народного собрания, исключаются) или каким-нибудь несправедливым насилием будет принужден заключить договор или если кто, несмотря на свою добрую волю выполнить условия договора, встре-

тит к этому непредвиденные препятствия, судебное разбирательство этого и всех остальных случаев невыполнения договора будет происходить в судах фил, коль скоро дело не могло быть раньше разрешено судом посредников или соседей.

Сословие ремесленников находится под покровительством Гефеста и Афины⁷: ведь ремесленники своим общим трудом дают нам возможность жить. Под покровительством Ареса и опять-таки Афины находятся люди, которые своим оборонительным искусством сохраняют изделия ремесленников⁸: стало быть, сословие воинов по справедливости посвящено этим богам. То и другое сословие постоянно пекутся о стране и о народе: одни заправляют военными состязаниями, другие за плату производят изделия и орудия. Этим последним не пристало допускать обман в своем труде; пусть они посоветятся богов, своих прародителей. Если же кто из ремесленников злостно не выполнит в указанный срок своего заказа; если он ничуть не посоветится при этом дарующего ему жизнь бога, считая, что тот, в силу своей близости к нему, его простит; если он ничего не узрит своим умом, — то прежде всего его постигнет божий суд. Во-вторых, пусть будет установлен следующий закон: стоимость изделий он должен заплатить обманутому им заказчику и снова выполнить в указанный срок заказ, но даром. Принимающему заказ закон дает такой же совет, какой он давал продавцу: не пытаться повышать цену, но попросту оценивать свою работу по ее действительной стоимости. Дело в том, что ремесленник знает действительную стоимость своей работы; следовательно, в государствах свободнорожденных людей ремесленнику никогда не следует хитростью уловлять несведущего человека; нет, его ремесло — дело ясное и чуждое по своей природе обмана. Если же кто обижен, он может начать судебное дело против обидчика. Если заказчик не выплатит ремесленнику суммы, правильно причитающейся ему по договору, заключенному согласно законам, то есть если он нанесет бесчестие градодержцу Зевсу и Афине⁹, причастным

устроению государств, — иными словами, если он, возлюбив ничтожную выгоду, нарушит великую связь, то пусть вместе с богами на помощь единству, связующему государство, придет закон: пусть будет взыскана плата в двойном размере с заказчика, если он не уплатил в установленный срок платы ремесленнику, а между тем уже получил от него готовый заказ, за который в недалеком будущем следовало бы внести плату. В нашем государстве все остальное имущество не приносит процентов, если дано кем-то взаймы; но в данном случае заказчик, если истечет год со времени получения им выполненного заказа, должен уплатить и наросшие проценты, а именно с каждой драхмы ежемесячно одну шестую ее часть, то есть один обол. Судебное разбирательство по этим делам будет происходить в судах фил.

d

Раз уже мы вообще упомянули о мастерах, то справедливо будет коснуться мимоходом и тех из них, что заняты военным трудом, который доставляет спасение государству: это военачальники и все те, кто искусен в военном деле. Так вот и для них есть закон, словно и они своего рода ремесленники, как вышеупомянутые: кто из них, приняв полезное для всего государства дело, — все равно по своей ли доброй воле или по предписанию, — исполнит его прекрасно, тому государство воздаст по справедливости почести, которые служат наградой военным людям, да и закон неустанно будет его восхвалять. Если же этот человек заранее взял на себя исполнение какого-нибудь прекрасного деяния на войне, но его не осуществил, он подвергается порицанию. Итак, пусть будет установлен этот закон, смешанный у нас с похвалой за такого рода деяния.

e

922 Закон этот не навязывает, но советует большинству граждан оказывать почет — правда, пока не самый высокий — тем добрым людям, которые оказываются спасителями всего государства — благодаря ли своему мужеству или своей военной изобретательности. Однако величайший почетный дар надо уделить прежде всего тем людям, которые сумели с особенным почетом отнестись к предписаниям хороших законодателей.

**Законы о сиротах
и опекунах.
Наследственное
право**

Мы изложили почти все важнейшие деловые отношения, в которые вступают между собой люди. Остается вопрос относительно положения сирот

и попечения о них со стороны опекунов. Это и придется так или иначе разобрать вслед за тем, что было изложено раньше. Здесь надо начать с завещаний, составляя которые склонны люди, близкие к смерти, и с тех случайностей, которые иногда совершенно не дают возможности такое завещание сделать. Я говорю, Клиний, что здесь необходимо установить порядок, так как я вижу затруднительную и тяжкую сторону этого дела. Действительно, невозможно оставить это неупорядоченным. Если позволить, чтобы всякое завещание попросту считалось действительным независимо от того, в каком состоянии находился при его составлении человек, близкий к концу своей жизни, то все завещания имели бы различный вид, в них вкрались бы противоречия законам, обычаям тех, кто жив, да и выраженным ранее мыслям самого завещателя, которых он держался до тех пор, пока не собрался написать завещание. Дело в том, что большинство из нас, когда видит, что смерть близка, впадает в неразумие и расслабленность.

Клиний. Как ты это понимаешь, чужеземец?

Афинянин. Трудно, Клиний, иметь дело с человеком, близким к смерти: он полон мыслей ужасных и несносных для законодателя.

Клиний. А именно?

Афинянин. Он желает сам распорядиться всеми своими делами и потому обычно гневается.

Клиний. А что он говорит?

Афинянин. «О боги, какой ужас! — говорит он. — Свое собственное имущество я не вправе отказать или не отказать тому, кому хочу: одному больше, другому меньше, сообразно с тем, насколько плохо или хорошо относились ко мне люди; ведь я достаточно все это испытал и обнаружил во время болезней, в старости и при разных других обстоятельствах».

Клиний. Разве тебе не кажется, чужеземец, что он прав?

е Афинянин. Мне кажется, Клиний, что древние законодатели были слишком снисходительны; да и законодательствовали-то они, обращая внимание лишь на малую часть человеческих дел.

Клиний. Как так?

Афинянин. Да, друг мой, они побоялись этих слов, и установленный ими закон позволяет попросту распоряжаться своим имуществом, как каждый пожелает. Ну, а мы с тобой как-то иначе, более складно, ответим тем из **923** граждан твоего государства, которые готовятся к смерти.

«Друзья, — скажем мы им, — сегодня вы здесь, а завтра вас здесь не будет. Вам нелегко разобраться сейчас в вашем имущественном положении да и в самих себе (как советует Пифийская надпись¹⁰). И вот я как законодатель устанавливаю: вы не принадлежите самим себе, и это имущество не принадлежит вам. Оно — собственность всего вашего рода, как его предшествовавших, так и последующих поколений; **б** более того, весь ваш род и имущество — это собственность государства. Раз это так, я по доброй воле не допущу, чтобы кто-нибудь подкрался к вам, когда вас обуревают болезни или старость, и убедил вас сделать завещание в противоречии с наилучшей целью. Нет, я установлю законы, приняв в расчет все то, что наиболее полезно всему государству и всему роду в целом. Этой цели я справедливо подчиню интересы каждого отдельного гражданина. А вы благосклонно и внимательно следуйте тем путем, который свойствен человеческой природе. Нашей же задачей будет **с** позаботиться о прочих ваших делах, что мы и сделаем по мере возможности с величайшей тщательностью, ничего не упуская из виду». Вот каковы, Клиний, предварительные наставления, обращенные к еще живым гражданам и к тем, кто уже близок к кончине. Закон же будет следующий.

Если у кого есть дети, то при составлении завещания и распределении своего имущества следует назначить, по своему усмотрению, первым наследником того из сыновей, ко-

го завещатель сочтет достойным. Что касается остальных детей, то если другой гражданин согласен усыновить кого-нибудь из сыновей, пусть это также будет записано в завещании. Если же у завещателя останется еще один сын, не приписанный ни к какому наделу, и если есть надежда отправить его, согласно закону, в колонию, то отцу дозволяется наделить его, чем он хочет, из остального имущества, за исключением наследственного надела и всего относящегося к этому наделу инвентаря. Если сыновей несколько, пусть отец разделит между ними на какие ему угодно части все то, что не входит в состав надела. Однако нельзя отказывать своего имущества тому сыну, который обзавелся своим домом. Так же точно нельзя отказывать своего имущества и дочери, если она обручена со своим будущим супругом; если же она не обручена, то можно. Если после того, как завещание уже будет составлено, у кого-нибудь из сыновей или дочерей окажется в стране земельный надел, то пусть они откажутся от причитающейся им по завещанию части имущества в пользу главного наследника завещателя. Если у завещателя есть только дочери и нет потомства мужского пола, пусть он откажет свой надел одному из зятьев, по своему выбору, и обозначит его в завещании как своего сына и наследника. Если у кого умрет сын, собственный или приемный, до достижения того возраста, когда его можно считать мужчиной, пусть завещатель упомянет в завещании об этом несчастье и обозначит, кого следует считать его вторым сыном с лучшими надеждами на судьбу. Если завещатель совершенно бездетен, пусть он изымет десятую часть из своего благоприобретенного имущества и раздаст ее в дар кому хочет; все остальное он должен передать тому, кто им усыновлен, чтобы, согласно с намерением закона, безусловно приобрести себе в нем благодарного сына. Если чьи-то дети нуждаются в опекунах, то по смерти завещателя, назначившего детям известное число определенных опекунов по своему желанию (причем эти назначенные им лица добровольно соглашаются быть опекунами его детей), его выбор должен быть признан, согласно завещанию, име-

ющим законную силу. Если кто умрет, совершенно не оставив завещания, или упустит указать избранных им опекунов, то опекунами становятся ближайшие родственники с отцовской и материнской стороны: двое со стороны отца и двое со стороны матери. К ним надо добавить еще одного опекуна из числа друзей покойного. Этим лицам стражи законов поставят опекунами над нуждающимися в опеке сиротами. Всеми делами об опеке и о сиротах постоянно ведают пятнадцать самых престарелых стражей законов.

c Соответственно своему старшинству они подразделяются на группы, по три человека в каждой. Трое назначаются на первый год, на другой год — следующие трое и так далее, пока не будет пройден полный круг всех пяти групп; насколько возможно, эти последовательности не следует никогда прерывать. Если кто умрет, вовсе не оставив завещания и оставив детей, еще нуждающихся в опеке, те же самые законы помогут разобраться в их затруднительном положении.

d Если кого постигнет неожиданный несчастный случай, причем останется потомство женского пола, пусть он извинит законодателя, если тот из трех обязанностей отца выполнит только две, а именно выдаст дочерей замуж за лиц, связанных свойством с данным родом, и позаботится о сохранении за ними надела. Что же касается третьей обязанности их отца, — ведь он стал бы подыскивать подходящего для себя сына, а для своей дочери жениха, учитывая характер и свойства всех граждан, — это законодатель

e оставляет в стороне, так как ему невозможно произвести подобное рассмотрение. Поэтому пусть будет установлен по мере возможности следующий закон для подобных случаев. Если кто умрет без завещания, оставив по себе дочерей, то дочь и надел покойного пусть возьмет себе единокровный или единоутробный брат умершего, коль скоро он не имеет надела. Если нет брата, пусть точно так же возьмет дочь умершего сын его брата, если только он и дочь покойного подходят друг к другу по возрасту. Если же нет никого, кроме сына сестры покойного, пусть и он поступит таким

же образом. На четвертом месте стоит брат отца покойного, на пятом — сын этого брата; на шестом — сын сестры отца покойного. Иными словами, если останется женское потомство, всегда надо продолжать род, основываясь на кровной близости, то есть начинать надо с братьев и племянников по мужской линии этого рода. Вопрос о сообразности или несообразности времени вступления в брак будет решать судья, осматривая лиц мужского пола в нагом виде, а лиц женского пола — обнаженными до пояса. Если у членов семьи так мало родственников, что нет даже ни внучатных племянников, ни сыновей деда, тогда дочь покойного пусть выберет, вместе с опекунами, кого-либо из остальных граждан себе в женихи, по своей склонности, если и жених имеет к ней склонность: этот гражданин станет наследником покойного и супругом его дочери. В самом государстве нередко может встретиться много разных затруднений при выборе таких лиц. Так вот, если дочь, затрудняясь произвести выбор из местных граждан, обращает свои взоры на человека, отправленного в колонию, и ей по сердцу, чтобы именно этот человек стал наследником ее отца, то такой человек вступит во владение наделом, согласно законному порядку, если он находится с ней в родстве; если же между ними такого родства нет, да и среди граждан, живущих в государстве, у нее тоже нет родных, то он вправе жениться на ней, согласно выбору опекунов и самой дочери покойного, вернуться на родину и получить надел ее отца, раз тот не оставил завещания.

Если же скончается, не оставив завещания, человек совершенно бездетный, то есть не имеющий ни дочерей, ни сыновей, то во всем остальном поступают согласно указанному раньше закону; в опустевший же его дом пусть войдут женщина и мужчина из его рода, на правах законных супругов, и надел пусть поступит к ним во владение. Здесь на первом месте стоит сестра покойного, на втором — дочь его брата, на третьем — дитя сестры, на четвертом — сестра отца покойного, на пятом — дитя брата отца покойного, на шестом — дитя сестры его отца. Они будут жить вместе

с ближайшими родственниками, согласно правилам, установленным ранее данными нами законами. Не скроем тягостной стороны таких законов: тяжело это предписание, чтобы члены рода покойного женились на своей родственнице. По-видимому, здесь упускается из виду, что среди людей подобные требования встретят тысячи препятствий; им не захотят повиноваться, скорее соглашаясь подвергнуться чему угодно, чем вступить в брак против воли, в особенности с лицами больными или увечными телесно или духовно. Возможно, некоторым покажется, будто законодатель совсем не взвесил этого. Но это предположение неверно. Итак, в защиту законодателя и тех людей, кому он дает законы, надо предпослать, пожалуй, некое общее вступление и обратиться к подвластным с просьбой извинить законодателя, если он в своих заботах об общем благе не всегда вместе с тем сможет устранить личные несчастья, случающиеся с каждым из граждан. С другой стороны, надо извинить и тех людей, которым законодатель дает законы, если иной раз они не смогут выполнить его предписания; ведь он дает их, не зная наперед многих обстоятельств.

Клиний. Как же, чужеземец, было бы всего сообразнее поступить, раз встречаются такие трудности?

Афинянин. Необходимо, Клиний, избрать посредников между этими законами и теми людьми, для которых они даны.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Иногда бывает, что племянник, сын богатого отца, не хочет добровольно взять замуж дочь своего дяди; он изнежен и рассчитывает на лучший брак. Бывает также, что он вынужден послушаться законодателя, коль скоро от него требуют подчиниться большому несчастью, заставляя жениться на сумасшедшей родственнице или на такой, которая обладает иными телесными либо душевными недостатками, так что с ней и жизнь становится не в жизнь. Пусть наши соображения по этому поводу будут выражены в виде такого закона: если кто жалуется на существующие законы о завещаниях по поводу брака или по

какому-нибудь иному поводу, если кто утверждает, что сам законодатель, будь он здесь и будь он жив, никогда в этом случае не принудил бы к такому деянию, то есть к женитьбе или выходу замуж, а между тем действующие законы к этому принуждают, то кто-нибудь из членов семьи или из опекунов может возразить на это, что законодатель назначил пятнадцать стражей законов посредниками и отцами для сирот обоого пола. К этим-то стражам законов и надо обращаться для разбора любого сомнительного вопроса, и их решение подлежит исполнению. Если кто найдет, что тем самым придается слишком большое значение стражам законов, пусть он передаст дело на суд отобранных для этой цели судей, дабы они разобрали сомнительные стороны вопроса. Кто проиграет дело, тот подвергается порицанию и поношению со стороны законодателя; для человека с умом это более тяжкое наказание, чем большая денежная пеня.

А теперь поговорим как бы о вторичном рождении сирот. Ведь о вскармливании и воспитании после первого их рождения была речь раньше. После вторичного их рождения, когда они лишились родителей, следует подумать, каким образом сделать для них сиротскую долю как можно менее жалкой и несчастной. Прежде всего, говорим мы, закон дает им вместо родителей стражей законов в качестве не худших отцов. К тому же мы предпишем этим стражам постоянно заботиться о сиротах как о членах своей семьи. К ним и к опекунам мы обращаемся с подобающим случаем предупреждением относительно взращивания сирот. Мне кажется, мы кстати упомянули в предшествующей речи о том, что души покойных сохраняют и после кончины какую-то способность заботиться о делах человеческих. Все это верно, но требует длинного рассуждения. Здесь надо верить многочисленным и очень древним преданиям. С другой стороны, надо верить и законодателям, — коль скоро они не совсем выжили из ума, — что дело обстоит именно так. Если дело обстоит так по самой природе, то стражи законов и опекуны должны прежде всего страшиться внешних богов, которые видят одиночество сирот, затем надо

страшиться душ почивших, природе которых свойственна особая заботливость о своих потомках. Души эти благосклонны к тем, кто их почитает, к тем же, кто их не чтит, неблагосклонны. К тому же надо страшиться душ живых людей, достигших старости и величайшего почета: ведь где процветает государство с благими законами, там потомки нежно относятся к этим людям, украшая этой нежностью свою жизнь. Люди эти чутко прислушиваются к сиротам, зорко смотрят за ними и благосклонны к тем, кто справедливо к ним относится. Зато особенно негодуют они на тех, кто грубо обходится с сиротами; ведь их они считают самым священным и ценным залогом. Правителю-опекуну следует над всем этим поразмыслить, если только он не совсем лишен этой способности, и соблюдать осторожность в вопросах возвращения и воспитания сирот, оказывая по мере сил всевозможные благодеяния: этим он как бы делает взнос в свою пользу и в пользу своих детей. Кто будет послушен речи, предпосланной закону, и не совершит ничего грубого по отношению к сиротам, тому не придется быть свидетелем гнева законодателя. Зато ослушник, допустивший несправедливость по отношению к сироте, оставшемуся без отца и матери, возместит весь понесенный сиротой убыток в двойном размере по сравнению с тем, что он должен был бы возместить, если бы обидел ребенка, у которого живы отец и мать.

Что касается остальных законов об опекунах и сиротах и о присмотре должностных лиц за опекунами, то у них есть образец для возвращения свободнорожденных детей: это те приемы, которые они применяют, возвращая своих собственных детей и заботясь о своих имущественных делах. Здесь имеются соответствующим образом составленные законы. Если бы не это, то был бы некоторый смысл установить какие-то законы об опекунстве, имеющие много своеобразных особенностей, с тем чтобы они внесли разнообразие в уклад жизни сирот в сравнении с несиротами. Но ведь теперь у нас положение сирот во всех этих отношениях не очень отличается от положения детей, имеющих

родителей, и лишь в смысле почета и бесчестия, а также заботы положение детей, имеющих родителей, совершенно несравнимо с положением сирот. Именно поэтому закон и отнесся особо ревностно к положениям, касающимся сирот, и прибег к увещаниям и угрозам. Очень уместно было бы еще и следующее указание: тот, кто поставлен опекуном над девочкой или мальчиком, или тот из стражей законов, кто присматривает за опекуном, должен любить ребенка, которому выпало на долю сиротство, не меньше, чем своих собственных детей. И об имуществе воспитанника он должен заботиться не хуже, чем об имуществе членов своей семьи. Желательно даже, чтобы он более ревностно заботился об имуществе воспитанника, чем о своем собственном. Всякий опекун должен действовать, руководствуясь только этим законом о сиротах. Если же кто станет действовать здесь иначе, вопреки этому закону, то опекуна наказывает должностное лицо, а само должностное лицо опекун может привлечь к суду отобранных для этой цели судей и наказать пеней, вдвое большей по сравнению с определенным судом ущербом. Если членам семьи либо кому-нибудь из граждан покажется, что опекун небрежен или причиняет вред опекаемому, его привлекают к этому же самому суду. Причиненный ущерб он возмещает вчетверо, причем половина этой суммы поступает в собственность ребенка, а другая в пользу того, кто возбудил судебное дело. Лишь только сирота достигнет зрелости, он может, если считает, что его плохо опекали, в течение пяти лет после истечения срока опеки привлечь своих опекунов к суду. Если кто-нибудь из опекунов будет в этом уличен, суд решает, какому наказанию его подвергнуть. Если же кто-либо из должностных лиц будет уличен в том, что своим небрежением повредил сироте, суд решает, что ему надлежит выплатить ребенку. Если же кроме этого это лицо изобличено в несправедливости, то, сверх пени, его отстраняют от должности стража законов. Общее собрание граждан назначает взамен него другого стража законов для государства и всей страны.

**Семейные
отношения.
Почитание
родителей**

Несогласия отцов со своими детьми и детей с родителями происходят в бóльших размерах, чем подобает.

При этом отцы считают, что законодатель должен был бы установить такой закон: отцу разрешается, если он пожелает, оповестить всех с помощью глашатая, что он отрекается от сына, так что, согласно закону, он уже не будет считаться его сыном. Сыновья со своей стороны ожидают, что им будет позволено обвинить отца в безумии, когда он окажется разбит болезнью или старостью. Так действительно обычно бывает там, где нравы людей никуда не годны. Когда же беда бывает только наполовину, — например, когда отец не плох, а сын плох, или наоборот, — тогда не случается таких несчастий и нет такой огромной вражды. В государствах с иным строем сын, от которого публично отрекся отец, не обязательно выбывает из страны. Но при нашем государственном строе, когда будут действовать эти законы, сыну, таким образом лишившемуся отца, неизбежно придется выселиться в другую страну. Дело в том, что у нас нельзя прибавить к пяти тысячам сорока семьям ни одной лишней семьи. Поэтому не только отец, но и весь род должен отречься от такого человека, раз он по праву заслужил эту участь. Здесь следует поступать согласно такому закону: кого охватила — все равно справедливо ли или нет — несчастная страсть освободиться от родственных уз с тем, кого он породил и взрастил, тому не разрешается осуществить это сразу и попросту; нет, сначала пусть он соберет свою родню, вплоть до двоюродных братьев и сестер, а равным образом и родню своего сына со стороны матери. Пусть он перед ними выскажет свои обвинения и покажет, что сын действительно заслуживает, чтобы от него публично отреклись все члены рода. И сыну пусть будет предоставлено слово, притом наравне с отцом, чтобы он мог показать, что вовсе не заслуживает подобного отношения. Если отцу удастся убедить родственников и он получит за себя более половины их голосов (причем не считаются голоса отца, матери и об-

виняемого, из остальных же родственников могут голосовать лишь достигшие зрелости женщины и мужчины), то, при соблюдении этих правил, отцу разрешается публично отречься от своего сына, но никак не иначе.

Нет закона, который бы запрещал усыновить того, от кого отреклась родня, если кто из граждан пожелает это сделать. Дело в том, что характер молодых людей обычно подвергается многим переменам в продолжение жизни. Если в течение десяти лет никто не пожелает усыновить того, от кого отреклись родные, то попечители о потомстве, предназначенном для выселения в колонию, должны позаботиться о таких людях, чтобы они должным образом приняли участие в этом выселении. d

Если кто, под влиянием какой-нибудь болезни, старости, тяжелого нрава или всего, вместе взятого, станет сильно отличаться от большинства людей своим неразумием, причем для остальных это будет незаметно и лишь члены его семьи, живущие с ним вместе, сумеют это заметить, или если он владеет всеми своими способностями, но разоряет свою семью, а сын стесняется и медлит возбудить против него в суде обвинение в слабоумии, то на этот случай устанавливается закон: прежде всего сын должен обратиться к самым престарелым из стражей законов и изложить им несчастье своего отца. Они же, достаточно рассмотрев это дело, дадут ему совет, надо ли возбуждать такое обвинение или нет¹¹; если они посоветуют это сделать, они одновременно становятся и свидетелями против обвиняемого, и вместе с тем членами суда. Человек, признанный слабоумным, становится на все будущее время неправомочным распоряжаться своей собственностью, даже в мелочах, и остальную свою жизнь проводит на положении ребенка. e

Если муж и жена совсем не подходят друг к другу из-за несчастных особенностей своего характера, то такими делами всегда должны веждать десять стражей законов среднего возраста, а также десять женщин из числа тех, что ведают браками. Если супруги могут примириться, их примирение будет иметь законную силу. Если же душевные бури их за- 930

хлестывают, надо по возможности отыскать для каждого из них более подходящих супругов. Конечно, такие супруги не отличаются кротким нравом. Вот и нужно попробовать соединить с каждым из них характер более глубокий и кроткий. Если супруги находятся в разногласии между собой и к тому же бездетны или у них мало детей, то к новому супружеству следует прибегнуть и ради детей. Если же количество детей достаточно, то развод и новое заключение брака следует произвести ради спокойной старости и взаимных забот.

b

Если жена скончается, оставив детей женского и мужского пола, то закон не принуждает, но советует, чтобы отец растил оставшихся детей, не вводя в свой дом мачехи. Если детей нет, необходимо вступить в новый брак, пока не народится достаточное количество детей для семьи и для государства. Если же муж умрет, оставив достаточное количество детей, то мать пусть продолжает жить в доме умершего мужа и растить детей. Если же она окажется слишком молодой для того, чтобы без вреда для здоровья оставаться незамужней, то ее близкие должны переговорить с женщинами, заботящимися о брачных делах, и исполнить то, что будет решено ими и этими женщинами. Если у молодой жены нет детей, то она должна вступить в новый брак ради детей. Один мальчик и одна девочка считаются по закону уже достаточным количеством детей.

c

d

Если родители согласны признать своим родившееся дитя, но нужно еще решить, кому из них надо отдать ребенка, то при связи рабыни с рабом, свободнорожденным человеком или вольноотпущенником ребенок в любом из этих случаев признается принадлежащим хозяину рабыни. Если же свободнорожденная женщина сойдется с рабом, ребенок принадлежит хозяину раба. Если ребенок родится от собственной рабыни или от собственного раба, причем это будет совершенно явным, то ребенка, прижитого свободнорожденной женщиной от раба, пусть женщины отошлют в другую страну вместе с его отцом; ребенка же свободно-

e

рожденного человека, прижитого от рабыни, пусть стражи законов отправят в другую страну с его матерью.

Пренебрегать родителями никому не посоветует ни бог, ни какой бы то ни было человек, обладающий разумом. Надо усвоить, что это предварительное слово относительно почитания богов направлено к верному пониманию вопроса о почитании или непочитании родителей. Древние законы относительно богов у всех народов двойки. Мы явно почитаем тех богов, которых видим; других богов мы чтим в изображениях, воздвигая им статуи, причем считаем, что этим своим почитанием неодушевленных изображений мы снискиваем благорасположение и милость богов одушевленных. Так вот, у кого в доме есть драгоценный клад в виде отца, матери или их обремененных старостью родителей, тот не должен думать, будто у него может появиться более значительная святыня: нет, родители в его доме составляют святыню его очага, если хозяин дома должным образом оказывает им почтение. 931

Клиний. А в чем же состоит эта правильность? b

Афинянин. Об этом я сейчас и скажу, потому что, друзья мои, подобные вещи стоит послушать.

Клиний. Только бы ты говорил!

Афинянин. Мы утверждаем, что Эдип, покрытый бесчестьем, взмолился о той участи для своих детей, которая их и постигла: значит, правильно говорят все, что он был услышан богами¹². Разгневанный Аминтор проклял своего сына Феникса, Тесей — Ипполита¹³. Можно было бы привести бесчисленное множество таких примеров, из которых явствует, что боги внимают мольбам родителей, обращенным против детей¹⁴. Действительно, проклятие родителя своим детям справедливо как никакое иное. Раз бог cвнимает покрытому бесчестьем отцу или матери в их молитвах, направленных против детей, то неужели же неестественно, если отец, чрезвычайно обрадованный почтением со стороны своих детей, станет в своих молитвах неустанно желать им всякого добра и боги также внемлют этой молитве и уделят нам это благо? В противном случае боги

d не были бы подателями всяческих благ, что, как мы утверждаем, всего менее подобает богам.

К л и н и й. Разумеется.

А ф и н я н и н. Так поразмыслим же над тем, что мы сказали немного ранее: у нас не может быть никакой святыни, более ценной пред лицом богов, чем отец или дед, согбенные старостью; такое же значение имеет и мать. Если человек их почитает, бог радуется; иначе он не внял бы e их мольбам. Чудесная это у нас святыня — наши предки, в особенности по сравнению с неодушевленными статуями. Одушевленные святыни присоединяют свои молитвы к нашим, если мы оказываем им почтение, и не присоединяют свои молитвы к нашим, если их не почитают; статуи же не делают ни того ни другого. Стало быть, человеку действительно надо прибегать к отцу, к деду и другим подобным им лицам, раз у него есть такие самые значительные из всех святынь для участи, любезной богам.

К л и н и й. Прекрасно сказано!

А ф и н я н и н. Всякий человек, имеющий разум, страшится родительских молитв и чтит их, так как знает, что у многих они много раз исполнялись. Коль скоро это 932 природой устроено именно так, то для хороших людей находка — престарелые предки, достигшие крайних пределов жизни, а их ранний уход из жизни — потеря; для людей же дурных такие предки очень и очень страшны. Поэтому пусть теперь все, поверив нашим словам, оказывают всевозможный почет своим родителям. Если же кто будет глух к мыслям, выраженным в подобных вступлениях, то на этот случай правильно было бы установить следующий закон: если кто в нашем государстве пренебрежет своим долгом по отношению к родителям и не станет поощрять и исполнять все их желания скорее, чем желания своих сыновей, всех b своих детей и даже чем свои собственные, пусть пострадавший известит, сам или через посланного, трех самых престарелых стражей законов, а также трех женщин — попечительниц браков. Они уж позаботятся и накажут обидчиков побоями и тюрьмой, если те молоды: это касается

мужчин до тридцати лет, а женщин же можно подвергать тем же наказаниям, если они еще на десять лет старше. Коль скоро люди, перешедшие за этот возраст, не оставят небрежности в отношении к родителям, но станут причинять им зло, они привлекаются к суду самых престарелых граждан. Суд этот решит, какому наказанию должен подвергнуться виновный; при этом не запрещаются никакие взыскания и пени из тех, которым только можно подвергнуть человека.

Если же терпящие зло родители не в силах известить стражей законов, пусть всякий узнавший об этом гражданин из числа свободнорожденных людей их уведомит. В противном случае он будет признан плохим гражданином и всякий желающий может привлечь его к суду за вредный образ действия. Если донесет об этом раб, он получает свободу. Если раб этот принадлежит обидчику или обиженному, власти просто отпускают его на волю; если же он принадлежит кому-то другому из граждан, государственная казна выплачивает его стоимость владельцу. Пусть правители позаботятся, чтобы никто не обидел его, мстя за донос.

Различные другие правонарушения

Что касается вреда, причиняемого друг другу людьми с помощью разных снадобий, то мы уже разобрали вопрос о смертоносных ядах. Но остался еще совсем не разобранным вопрос о разных других способах наносить вред при помощи напитков, яств, мазей, если человек добровольно и с заранее обдуманном намерением к ним прибегает. Дело в том, что есть два вида отрав, применяемых человеческим родом; это-то обстоятельство и мешает внести здесь ясность. Тот вид, о котором мы только что высказались с полной определенностью, заключается в нанесении естественного вреда одному телу с помощью другого. Вторым видом — нанесение вреда с помощью ворожбы, заклинаний и так называемых магических узлов — убеждает людей, отваживающихся таким путем наносить вред, в том, что они действительно в состоянии это сделать, а других — в том, что они более всего понесли вреда именно от людей,

умеющих пускать в ход чары. Трудно узнать, что именно происходит в подобных случаях; впрочем, даже если кто и узнает, трудно убедить в этом других. Не стоит и пытаться воздействовать на души людей, подозревающих друг друга в подобных вещах. Если они увидят где-нибудь у дверей, на перекрестках или у могильных памятников своих родителей вылепленные из воска изображения, не стоит советовать им не обращать на это внимания: ведь у них такие неясные представления обо всем этом¹⁵!

Разделим на две части закон об отраве и ворожбе соответственно с тем, к какому виду ворожбы или отравы человек прибегает. Прежде всего надо просить, увещевать и советовать не делать этого и не устрашать большинство робких, словно дети, людей. С другой стороны, не следует заставлять законодателя и судью врачевать подобные людские страхи: ведь пытающийся отравлять не знает, что именно он делает с телом, раз он несведущ в врачевании; то же самое касается и ворожбы, раз человек не является прорицателем и гадалщиком. Закон же об отравлении и ворожбе будет выражен так: если кто применяет отраву не с целью причинить смерть человеку или его людям, но с целью нанести какой-то вред или даже смерть его стадам или роям пчел, то, если отравитель врач и будет уличен судом в отравлении, он будет наказан смертью. Если же это обычный человек, суд решит, какому наказанию или штрафу его подвергнуть. Если окажется, что человек из-за своих магических узлов, заговоров и заклинаний уподобился тому, кто наносит другому вред, пусть он умрет, если он прорицатель или гадалщик. Если же он чужд искусства прорицания и все-таки будет уличен в ворожбе, пусть его постигнет та же участь, что и отравителя из числа обычных людей; пусть суд решит, какому наказанию его следует подвергнуть.

Что касается вреда, наносимого друг другу воровством или насилием, то, чем больше вред, тем больше и возмещение убытков в пользу пострадавшего, а чем меньше вред, тем меньше и наказание. Говоря в целом, наказание долж-

но возместить причиненный ущерб. За каждое злодеяние надо расплачиваться последующим возмездием, ради вразумления. Возмездие будет легче, если злодеяние совершено по неразумию, когда преступник молод и поддался чьему-либо внушению, а также в других подобных случаях. Тяжелее оно будет, если преступление совершено по собственному неразумию, из-за неводержанности в удовольствиях и страданиях, из страха и робости, из-за страстей, зависти и неисцелимого гнева. Такого человека правосудие постигнет не за совершенное деяние — ведь совершившееся никогда уже не сможет стать несовершившимся, — но ради того, чтобы в будущем он либо полностью возненавидел несправедливость, — а также чтобы возненавидели ее все те, кто видел суд над ним, — либо хотя бы частично избавился от подобного несчастья. Ради всего этого законы должны, имея в виду такие вещи, прицеливаться, как хороший стрелок, чтобы определить размер наказания за каждый проступок в отдельности и присудить преступника к тому, чего он заслуживает. Судья занимается тем же самым и должен помогать законодателю, когда закон предоставляет суду решить, чему подвергнуть подсудимого или что с него взыскать. А законодатель, точно живописец, должен сделать набросок деяний, следующих за его записанным словом. Это и надо, Мегилл и Клиний, нам теперь сделать, причем как можно лучше и совершеннее. Нам надо наметить те наказания, которые должны следовать за воровством и всевозможным насилием, чтобы боги и дети богов разрешили нам издавать законы.

Сумасшедшие не должны показываться в городе. Их близкие пусть охраняют их в своем доме, как умеют. В противном случае они должны будут уплатить пеню: принадлежащий к высшему классу — сто драхм, если он оставляет без присмотра раба или свободнорожденного; принадлежащий ко второму классу — четыре пятых мины; третий класс — три четверти мины; четвертый — две трети. С ума сходят многие и по-разному: одни, о которых мы и говорим, из-за болезней; бывает это из-за дурной природы духа

и дурного воспитания; иные при возникновении незначительной неприязни сильно возвышают голос и начинают поносить и ругать других. Ничего подобного ни в коем случае не должно происходить в благоустроенном государстве.

Относительно злословия пусть будет один закон для всех, а именно следующий: пусть никто никого не злословит. Если же, беседуя, люди расходятся во мнениях, то надо их понять и наставить — как противника, так и всех присутствующих, — всячески воздерживаясь от злословия. Дело в том, что из взаимных поношений вырастает женская привычка обзывать друг друга позорными именами; таким образом, из пустяка, из легковесных сначала слов вырастает действительная ненависть и самая тяжкая вражда. Спорщик с удовольствием отдается неприятному чувству гнева. Своей злобе он дает плохую пищу: снова становится дикой та часть его души, которая была некогда укрощена воспитанием. Озверев, он живет в раздражении; зато он пожал горькую радость гнева. Опять-таки при спорах все привыкают переступать границы и подымать на смех своего противника. А кто к этому привык, тот либо вовсе утрачивает серьезность характера, либо во многом теряет возвышенный склад ума. Поэтому в священных местах никто не должен никогда произносить ничего подобного; точно так же и при общенародных жертвоприношениях, на состязаниях, на торговой площади, в суде или общих собраниях. Правитель, ведающий этими делами, пусть невозбранно карает каждого провинившегося. Иначе он не может претендовать на отличия, ибо он не заботится о законах и не исполняет предписаний законодателя. Если кто-нибудь станет браниться в других местах, хотя бы даже обороняясь, и не удержится от злых слов, пусть на защиту закона выступит любой, кто старше годами, и ударами — другим злом — изгонит тех, что так склонны к гневу. В противном случае он подвергнется установленному наказанию.

Мы сейчас сказали, что человек не может не искать повода поднять на смех своего противника, когда тот его поносит; но мы порицаем это тогда, когда насмешка сопро-

вождается гневом. Но как же так? Ведь и сочинители комедий стремятся подымать людей на смех. Допустим ли мы их выступления в тех случаях, когда они без гнева высмеивают в комедиях граждан? Не разграничить ли нам здесь две стороны: забаву и ее противоположность? Например, в виде забавы всякому будет дозволено говорить о любом человеке смешные вещи, однако без гнева; тому же, кто высмеивает неприязненно и с гневом, это не будет разрешено, как мы только что и сказали. Вопрос этот никак нельзя оставить в стороне: надо определить законом, кому разрешается осмеяние, а кому нет. Комическому, ямбическому или мелическому поэту вовсе не разрешается ни на словах, ни с помощью жестов, все равно делается ли это с гневом или без гнева, высмеивать кого-либо из граждан. Ослушника устроители состязаний изгоняют из страны в тот же день. В противном случае они должны будут заплатить три мины, посвящаемые тому богу, в честь кого происходило состязание. Что же касается тех лиц, которые могут, как мы сказали раньше, делать это друг по отношению к другу, то им такое высмеивание разрешается, однако лишь в том случае, если оно совершается без гнева, как забава. **936** Всерьез и с гневом это не разрешается. Различать это поручается попечителю всего в целом воспитания молодежи: что́ он одобрит, то́ человек, сочинивший шутку, может использовать публично; а что он отвергнет, того этот человек не должен никому показывать и не должен дать застигнуть себя на том, что он научил этому другого, раба ли или свободнорожденного. В противном случае он будет признан плохим гражданином и ослушником законов. **В**

Сострадание вызывает не просто тот, кто голоден или испытывает другую подобную нужду, но тот, кто рассудителен, обладает какой-нибудь добродетелью или ее частью и при этом все же попал в беду. Поэтому было бы удивительно, если бы человек с такими качествами оказался в полном пренебрежении и дошел бы до крайней нищеты (причем все равно раб это или свободнорожденный) в стране с приличным государственным устройством. За-

с конодателю надо установить примерно такой незыблемый закон: нищих совсем не будет в нашем государстве; если кто попытается нищенствовать, снискивая себе пропитание нескончаемыми просьбами, того агораномы прогонят с торговой площади, астиномы — из города, из остальной же части страны его вышлют за пределы государства агрономы, чтобы страна совершенно очистилась от подобных лиц.

d Если раб или рабыня причинят какой-либо вред чужому имуществу — по своей неопытности или из-за какого-нибудь иного вида безрассудства, причем без всякой вины самого пострадавшего, то хозяин нанесшего вред раба должен либо возместить, не скупясь, причиненный ущерб, либо передать пострадавшему самого раба, сделавшего это. Если же хозяин, которому предъявлено обвинение, станет утверждать, что оно предъявлено ему для того, чтобы отнять у него раба, и что это вообще уловка со стороны нанесшего вред раба и пострадавшего лица, пусть он привлечет к суду того, кто заявил о злостно нанесенном ему вреде. Если он выиграет дело, то получит двойную стоимость раба по оценке суда; если проиграет, то должен возместить причиненный ущерб, а также передать пострадавшему и раба. Равным образом надо возместить ущерб, причиненный соседу чьим-то выючным животным, лошадью, собакой или другими домашними животными.

е **Судебное дело** Если кто не хочет добровольно явиться свидетелем в суд, его вызывает тот, кому нужен свидетель. После вызова он должен явиться в суд; если он знает что-нибудь по делу и может дать свидетельские показания, пусть будет свидетелем; если же он заявляет, что ничего не знает, то должен поклясться тремя богами — Зевсом, Аполлоном и Фемидой¹⁶, что он действительно ничего не знает; тогда он отпускается из суда. Если же кто вызван для дачи показаний, но не явился по вызову, то он ответствен по закону за причиненный ущерб. А если кто-нибудь выставляет в качестве свидетеля кого-то из судей, то судья после дачи показаний уже не имеет права голоса в этом деле. Свободнорожденной женщине раз-

решается быть свидетельницей, выступать в качестве защитницы (если ей уже минуло сорок лет) и вести судебное дело, если у нее нет мужа. При жизни мужа ей разрешается выступать только как свидетельнице. Рабу, рабыне и ребенку разрешается быть свидетелями и выступать в качестве защитников лишь по делам об убийстве, если только они представят достойного поручителя в том, что не уклонятся от суда, коль скоро свидетельство их будет признано ложным. Каждая из тяжущихся сторон может, до окончательного решения суда, обвинить в ложных показаниях и всех свидетелей в целом, и их часть. Обвинения той и другой стороны хранятся у должностных лиц за печатью и доставляются, когда идет разбор ложности свидетельских показаний. Если кто будет дважды уличен в лжесвидетельстве, закон далее уже не привлекает его для дачи свидетельских показаний; если же трижды — он впредь вообще лишается права давать свидетельские показания. Если же пойманный трижды в лжесвидетельстве осмелится выступать со свидетельскими показаниями, пусть на него донесет правителям всякий желающий. Правители предадут его суду, и, если он окажется виновным, он будет наказан смертью. Если судом будет установлена ложность показаний тех свидетелей, которые обеспечили победу лицу, выигравшему судебное дело, причем таких лжесвидетелей окажется большая половина, судебное дело, выигранное при подобных условиях, признается недействительным и спорным и производится его пересмотр, все равно будет ли выноситься решение при тех же условиях или нет: но в чью бы пользу оно ни было принято, пусть так и будет, и этим заканчивается предшествующее дело.

Хотя есть много прекрасного в жизни человеческой, но к очень многим вещам как бы пристали язвы, которые пятнают и марают их красоту. Да вот хотя бы правосудие — какое это прекрасное дело среди людей! Оно смягчило все человеческие отношения. Но раз оно так прекрасно, как не быть прекрасной также и защите? Однако, несмотря на это, некая злостная клевета затмевает прекрасное имя искус-

ства, утверждая прежде всего, что существует некая уловка в судебных делах, состоящая в том, что, судясь самому или заступаясь на суде за другого, можно выиграть дело независимо от того, прав ли человек или нет: мол, если хорошо заплатишь, то и получишь в дар как это искусство, так и

- 938** основанные на нем речи. Следовательно, нам в нашем государстве надо особенно следить за тем, чтобы не допускать такого рода искусства или, вернее, уловки, приобретаемой долгим опытом. Либо надо, чтобы оно послушалось просьб законодателя и не высказывалось бы против правды; либо, что еще лучше, пусть отправляется в другую страну. Послушный закон обходит молчанием, для ослушников же он гласит так: если окажется, что человек пытается отвлечь души судей в сторону, противоположную справедливости, и растягивает судебное дело либо неуместно выступает с защитой, всякий желающий может обвинить его в злоупотреблении судом или в злонамеренной защите. Тогда дело решается в суде отобранных для этой цели судей. Если обвиненный будет уличен, суд выясняет, что побудило его к такому поступку: корыстолюбие или честолюбие? Если окажется, что честолюбие, то суд определяет, на какой срок виновный лишается права предъявлять иск или выступать как защитник; если же его побудило корыстолюбие, то чужеземец должен покинуть страну и никогда больше не возвращаться, иначе он будет наказан смертью; гражданин же должен быть казнен за свое корыстолюбие, которое он ценил превыше всего. Смертная казнь назначается и в том случае, если кто-нибудь будет признан вторично действовавшим под влиянием честолюбия.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Международные отношения

Если кто самозванно выступит в чужом государстве в качестве государственного посла либо глашатая или если какой-нибудь посол известит не о том, что ему было поручено, а также неверно передаст ответы, полученные от друзей или неприятелей, — иными словами, если человек явно злоупотребит своим званием посла или глашатая, против него надо возбудить судебное дело, так как он вопреки законам нечестиво нарушил поручения и наставления Гермеса и Зевса. В случае признания его виновным надо определить ему то или иное наказание, либо пеню. 941

Воровство

Кража чужой собственности — поступок неблагородный, а грабеж — бессовестное дело. Никто из сынов Зевса не прибежал, для собственного удовольствия, ни к тому, ни к другому ни путем обмана, ни путем насилия. Стало быть, никто не должен дать себя убедить и обмануть ни поэтам, ни другим сочинителям басен, утверждающим, будто можно пренебрегать этими вещами¹: нельзя, совершая кражу или насилие, считать, что в этих поступках нет ничего позорного, на том основании, что так поступают и сами боги. Это далеко от истины и неправдоподобно. Нет, кто поступает так незаконно, тот не бог и не сын бога. Здесь законодателю подобает иметь больше сведений, чем всем поэтам, вместе взятым. с

Итак, кто послушен нашему учению, тот благоденствует, и пусть благоденствует он всегда! Ослушнику же пусть противостоит примерно следующий закон: того, кто украдет что-нибудь из общегосударственного достояния, будет ли

- это большая вещь или маленькая, — того в обоих случаях постигнет одинаковое наказание. Дело в том, что при мелкой краже побуждение то же самое, только сил у вора меньше. Человек, похитивший что-то крупное, отложенное не им самим, совершает в высшей степени несправедливый поступок. Итак, закон требует в том и в другом случае одинакового наказания независимо от размеров кражи. При этом имеется в виду, что в одних случаях преступник еще может, пожалуй, исправиться, в других же он неисправим. Если, таким образом, при судебном разбирательстве уличат в краже общегосударственного достояния какого-нибудь чужеземца или раба, он, естественно, еще может исправиться: пусть суд решит, какому наказанию его надо подвергнуть или какую пеню он должен уплатить. **942** Зато гражданина, воспитывавшегося должным образом, надо, пожалуй, как неисправимого покарать смертью, если он будет уличен в насильственном расхищении отечественного достояния; при этом безразлично, захватят ли его на месте преступления или нет.

**Законы
о военнообязанных**

- Что касается военных походов, то здесь надо многое обсудить, да и законов придется дать немало. Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда — и на войне и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отступать иначе, как по разъяснению начальников. Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и

даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех c
людей всегда будет возможно более сплоченной и общей.
Ибо нет и никогда не будет ничего лучшего, более полез-
ного и искусного в деле достижения удачи и победы на
войне. Упражняться в этом надо с самых ранних лет, и
не только в военное, но и в мирное время. Надо началь-
ствовать над другими и самому быть у них под началом.
А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей
и даже животных, подвластных людям². Надо заниматься d
всеми видами хороших плясок, поскольку это приводит к
военным отличиям. Ради той же цели надо развивать по-
движность и ловкость, воздержанность в пище и в питье,
выносливость в зимнюю стужу и во время летнего зноя,
уменьше спать на жестком ложе. Самое же главное — не сле-
дует портить силу головы и ног, облекая их лишними по-
кровами: ведь этим губят естественные волосяные покровы e
и приспособления для ходьбы. Поддержание этих крайних
частей в здоровом состоянии имеет весьма важное значе-
ние для всего тела, плохое же их состояние очень вредно:
ноги служат всякому телу главными исполнителями, го-
лова же — самым главным начальником, так как природа
именно в ней сосредоточила основные ощущения.

Для слуха молодого человека полезна такая похвала воинской жизни, а также следующие законы: кто будет зачислен по спискам или назначен в какой-нибудь отряд, тот должен выступить в поход. Если же кто уклонится от этого по злостной небрежности, без разрешения на то военачальников, то, когда войско вернется из похода, его надо привлечь к суду военных должностных лиц за уклонение от воинской службы. Все участники похода принимают участие в суде, однако происходит отдельно суд гоплитов, отдельно суд всадников и отдельно суды представителей каждого другого рода войска: провинившихся гоплитов надо привлекать к суду гоплитов, провинившихся всадников — к суду всадников и так далее. Признанный виновным навсегда исключается из состязаний в доблести, не может привлекать к суду другого по обвинению в уклонении от военной служ-

бы, не может выступать обвинителем в подобных делах. Кроме того, суд назначит ему дополнительно какое-нибудь наказание или денежную пеню. После того как будет закончено судебное разбирательство по вопросу об уклонении от военной службы, начальники каждого рода войск снова созывают собрание, на котором всякий желающий принимает участие в присуждении знаков отличия своим товарищам по оружию. При этом нельзя ссылаться на предшествовавшую войну, приводить ее в подтверждение своего права и подкреплять это свидетельскими показаниями: надо основываться только на походе, совершенном в последний раз. Победным отличием для каждого будет служить венок из листьев оливы. Его можно посвятить, по своему выбору, богам — покровителям войны, с надписью, свидетельствующей, за какое отличие был на всю жизнь присужден этот венок. То же самое можно сделать и с наградой, полученной во второй и в третий раз.

c

d

e

Если кто отправится в поход и до истечения срока вернется домой, между тем как правители еще не дали распоряжения о возвращении, то против него возбуждается обвинение в дезертирстве [«потере оружия»] и дело это решается теми же судьями, что ведают делами об уклонении от военной службы. Для признанных виновными назначаются те же наказания, что и в первом случае. При назначении любого наказания любому человеку каждый должен опасаться, как бы по возможности не назначить его незаслуженно — ни умышленно, ни невольно. Ибо Дика [Правда] справедливо слывет теперь, да и раньше слыла, девственной дочерью Совестью, а ложь, естественно, ненавистна как Совестью, так и Правде³. Следовательно, и в остальных вопросах надо остерегаться нарушения правосудия, особенно же так следует поступать при разборе дел о «потере оружия» на войне, чтобы не ошибиться и не счесть достойным порицания позором настоятельную необходимость: ведь тогда наказание недостойно будет присуждено человеку, его не заслуживающему. Правда, здесь очень нелегко разграничить то и другое; однако закон так или

иначе должен попытаться произвести это разграничение в отдельных случаях. Привлечем на помощь мифы и приведем примеры: если бы Патрокл, принесенный к шатру без оружия, пришел в себя, как это бывало с бесчисленным множеством людей, — а между тем Гектору ведь досталось то исконное вооружение Пелея, которое, как говорит поэт, боги даровали в приданое Фетиде, когда она вступила с ним в брак, — случившимся тогда подлым людям можно было бы упрекнуть сына Менетия в том, что он бросил оружие⁴. Затем можно упомянуть всех тех, кто потерял свое оружие при падении с кручи, на море или в местах, подверженных бурям, когда на воинов вдруг изливаются обильные потоки воды. Словом, есть бесчисленное множество подобных случаев, приводя которые можно извинить себя, отговориться и прикрасить свою беду, которая так легко дает пищу клевете. Поэтому по мере сил надо отграничить случаи действительно тягостного несчастья от им противоположных. Впрочем, некоторое разграничение заключено уже чуть ли не в самом словоупотреблении при выражении порицания: дело в том, что во многих случаях правильно было бы говорить не о «бросившем свой щит», но лишь о «потерявшем свое оружие». Ведь не в одинаковом положении бывает «бросивший свой щит», когда щит у него был отнят насильно или когда он сам его кинул; здесь огромная разница по существу.

Поэтому закон пусть гласит так: если кого захватят враги, он же не обратит против них своего оружия, не даст отпора, а самовольно покинет или бросит свой щит, то есть предпочтет бегством сохранить свою позорную жизнь, а не мужеством снискать себе прекрасную и блаженную кончину, то при подобной «потере оружия» он подлежит обвинению как бросивший его; в указанном же раньше случае пусть судья прекратит разбирательство⁵. Надо всегда карать человека дурного, чтобы его исправить, но не надо карать несчастного: это ни к чему не ведет. Однако какое наказание может оказаться полезным для человека, который получил оружие для защиты, а вместо того, напротив, его

- кинул? Ведь невозможно придать человеку противоположные качества, как это, согласно мифу, некогда совершил бог, превративший фессалийскую женщину в мужчину — Кенея⁶. Для человека, бросившего свой щит, всего более
- е подобало бы обратное превращение, то есть из мужчины в женщину: это и было бы наказанием. Но поскольку он очень близок к этому из-за своего чрезмерного жизнелюбия, то для того, чтобы остальную свою жизнь он не подвергался опасностям, но жил как можно дольше, покрытый позором, пусть будет издан следующий закон: муж, уличенный в позорной утрате воинского оружия, не будет использован никаким стратегом и никаким иным военачальником
- 945 ником как воин и не будет зачислен ни в какой военный отряд; в противном случае, то есть коль скоро такого негодного человека кто-нибудь зачислит в отряд, пусть евфин⁷ оштрафует виновного на тысячу драхм, если он принадлежит к самому высшему классу, на пять мин — если ко второму, на три мины — если к третьему, и на одну мину — если к четвертому. Что же касается человека, изобличенного в трусости, то кроме того, что он будет избавлен от опасностей, которым подвергаются мужественные по своей природе люди, он должен уплатить пеню в размере тысячи драхм, если принадлежит к высшему классу, пяти мин — если ко второму, трех мин — если к третьему, и одну мину —
- б если к четвертому: одним словом, наказание такое же, как для виновного в зачислении.

Финансовое дело Чем следовало бы нам руководствоваться при назначении евфинов?

- Ведь одни из должностных лиц у нас назначаются по жребию, сроком на год, другие — на большее количество лет, путем косвенных выборов. Можно ли быть удовлетворительным евфином для таких должностных лиц? Ведь не исключено, что кто-то из них, изнемогая под бременем своей должности, выскажет или сделает что-либо неправоное или у него не хватит сил для достойного отправления своей
- с должности. Совсе нелегко найти правителя над правителями, притом еще выделяющегося своей добродетелью. Од-

нако надо все-таки попытаться найти таких божественных евфинов: этого требует дело. В государственном устройстве, как на корабле или у какого-нибудь живого существа, есть много жизненно важных приспособлений. [В последних двух случаях] мы обозначаем их различными названиями: «канаты», «скрепы», «сухожилия». Хотя их много, но у всех них одно назначение. Одно из таких приспособлений, немаловажное для сохранения государства и его дальнейшего движения вперед, — несмотря на случившуюся поломку, — состоит в следующем: всякая страна и государство благоденствуют и процветают, если евфины в них лучше, чем подотчетные им должностные лица, и если там господствует безупречная справедливость. Если же дело с подотчетностью должностных лиц обстоит иначе, если нарушена справедливость, связующая воедино все органы государственного управления, тогда власть разлагается, в отправлении должностей наступает разногласие, не преследуется общая цель, а это ведет к уничтожению государственного единства, наполняет государство междоусобицами и ведет его к скорой гибели. Поэтому-то евфины и должны особенно отличаться всяческой добродетелью.

Учредим назначение евфинов следующим образом: ежегодно после поворота солнца от лета к зиме все государство собирается на священном участке, посвященном Гелиосу и Аполлону⁸. Там пред лицом бога пусть каждый заявит, кого он считает во всех отношениях наилучшим, за исключением самого себя, — причем человек этот должен иметь не менее пятидесяти лет. Всего таких лиц надо избрать троих. [Порядок избрания следующий]: из числа предложенных лиц, получивших наибольшее число голосов, следует отобрать не менее половины, если общее их число четное. Если же оно нечетное, то надо изъять одного, именно того, кто получил за себя всего менее голосов, а из оставшихся отвергнуть большинством голосов половину. Если же некоторые получают равное число голосов и общее количество таких лиц превысит половину, надо излишек отвергнуть, начиная с самых младших, а остальных поставить на

- в голосование еще раз, пока трое из них не получают неравного числа голосов. Если же у всех троих или у двух из них получится равное число голосов, то надо обратиться к благой судьбе и жребию и с его помощью определить, кто одержал верх, кто стоит вторым и кто третьим, после чего увенчать их масличным венком, воздать им всем почести и провозгласить во всеуслышание: «Государству магнетов снова, с божьей помощью, удалось спастись: оно выделило Гелиосу из своей среды троих наилучших мужей. Их оно, согласно древнему закону, и посвящает как лучшую свою часть Аполлону и Гелиосу на все то время, пока не истечет срок их избрания».

- с Эти лица назначат на первый год двенадцать евфинов, и так будет, пока им не исполнится семидесяти пяти лет. На будущее же время надо ежегодно назначать еще троих евфинов. Они поделят все государственные должности на двенадцать частей и подвергнут их всевозможным пригодным для свободнорожденных людей испытаниям. Пока евфины отправляют свою должность, они будут жить на священном участке Аполлона и Гелиоса, где они и были избраны. Отчасти каждый в отдельности, отчасти же сообща друг с другом они подвергнут рассмотрению деятельность всех должностных лиц и доложат об этом государству, поместив на площади свои записи относительно каждой государственной должности с указанием, чему должно подвергнуть, по мнению евфинов, то или иное должностное лицо или какую на него следует наложить пеню. Если какое-нибудь должностное лицо будет оспаривать справедливость этого суждения, оно может привлечь евфинов к суду отобранных для этой цели судей и, если докажет неправильность отчетов, может обвинить самих евфинов. Если же вина должностного лица будет доказана и ему будет назначена евфинами смертная казнь, пусть это лицо будет попросту казнено, коль скоро невозможно умереть дважды; другие же наказания, которые можно удвоить, пусть назначаются в двойном размере.

Однако надо выслушать, какова будет подотчетность

самих евфинов и каким образом она будет осуществляться. При жизни евфинов им будут оказываться знаки почета со стороны всего государства. Так, им будут предоставлены первые места на всех всенародных праздничных собраниях; затем при общеэллинских жертвоприношениях и театральных представлениях или при каких-либо других общих священнодействиях именно из их среды посылают лиц, возглавляющих феорию⁹. Только они одни из граждан имеют право быть украшенными лавровым венком. Все они будут жрецами Аполлона и Гелиоса, а один из них ежегодно будет избираться верховным жрецом на год. Имя верховного жреца будет ежегодно отмечаться, так что это послужит мерой для исчисления времени до тех пор, пока существует государство. Для скончавшихся евфинов назначаются похороны — выставление тела, вынос его и погребение — отличные от похорон прочих граждан: покойник будет облачен во все белое; не будет ни плача, ни рыданий; хор из пятнадцати девушек и другой, из юношей, стоя вокруг ложа, будут поочередно возносить песенную хвалу скончавшемуся жрецу, прославляя его таким образом целый день. На другое утро ложе с покойником отнесут к гробнице сто юношей из числа посещающих гимнасии, по выбору родственников покойника. Впереди пойдут неженатые молодые люди, все в воинском облачении, затем — всадники на конях, гоплиты во всеоружии и точно так же все остальные. Отроки, тесно огибая самый перед ложа, будут петь отечественный гимн. За ложем последуют девы, а также женщины, уже не могущие быть матерями. Далее последуют жрецы и жрицы, которые могут участвовать в этом не оскверняющем их погребении, тогда как при всех остальных погребениях они исключаются: впрочем, участие жрецов и здесь допускается только в том случае, если на это даст свое согласие Пифия¹⁰. Склеп для евфинов будет устроен под землей, в виде продолговатого свода, по возможности из камней, ценных и прочных: там, друг подле друга, будут стоять каменные ложа, куда и надо возложить того, кто стал причастен блаженству¹¹. Кругом следует насыпать холм, об-

садив его со всех — кроме одной — сторон древесной рощей. Одну сторону надо оставить, чтобы склеп с этой стороны мог быть расширен в течение всего последующего времени, не нуждаясь в дополнительной насыпи для почивших. В честь евфинов будут учреждены ежегодные мусические, гимнастические и конные состязания.

- Таковы почести, воздаваемые тем, чьи отчеты будут признаны безупречными. Если же кто из них, пользуясь тем, что он избран в евфины, начнет проявлять свою человеческую природу и, после избрания, окажется порочным, то, согласно закону, каждый желающий может возбудить против него дело. Само судопроизводство пусть происходит следующим образом: прежде всего в состав такого суда входят стражи законов, затем — все, кто ранее состоял евфинами, и, наконец, специально отобранные судьи. Обвинитель предъявляет следующее обвинение: такой-то не достоин знаков отличия и своей государственной должности. Если обвиняемый будет признан виновным, он лишается этой должности, погребения и остальных оказываемых ему почестей; если же истец не получит в свою пользу пятой части голосов, он должен заплатить двенадцать мин, коль скоро он принадлежит к высшему классу, восемь мин — если ко второму, шесть — если к третьему, и две — если к четвертому.

- Еще о судебных делах и международных отношениях** Достоин восхищения так называемый Радамантов способ¹² разрешения тяжб. Радамант заметил, что тогдашние люди твердо верили в существование богов; это было естественно, так как в то время большинство принадлежало к числу потомков богов, одним из которых был, по преданию, и сам Радамант. Вот он и решил, что суд нельзя поручать никому из людей, но только богам; поэтому судебные решения выносились у него просто и быстро. Судьям, сомневающимся в каком-нибудь деле, обвиняемый давал клятвенное заверение относительно вызывающего сомнение вопроса¹³; этим дело и кончалось, быстро и нерушимо. Но в наше время, как мы говорили, часть

людей вовсе не признает богов, другие полагают, что боги о нас не пекутся, а мнение огромного большинства, состоящего из наихудших людей, таково: боги, получив незначительные жертвы и выслушав льстивые моления, содействуют крупным хищениям и в большинстве случаев помогают освободиться от больших наказаний. Поэтому Радамантов способ правосудия уже не подходит для нынешних людей: раз у них изменились представления о богах, следует изменить и законы.

d

Разумно установленные законы должны устранить из судопроизводства клятвенные заверения обеих тяжущихся сторон. При подаче любого обвинения надо лишь письменно изложить свою жалобу, не сопровождая ее клятвами. Точно так же и ответчик должен письменно изложить свои оправдания и, не подтверждая их клятвой, передать правителям. Ужасно сознавать, что при обилии судебных дел в государстве чуть ли не половина тех граждан, которые легко общаются друг с другом во время совместных трапез, в разных сообществах и частным образом, — клятвopепреступники. Поэтому пусть будет установлен такой закон: судья, собирающийся судить, должен принести клятву. Должен это делать и тот, кто путем снятия с жертвенника табличек для голосования и клятвенного провозглашения имен назначает должностных лиц для всего государства. Кроме того, это входит в обязанности судьи хороводных и вообще всех мусических состязаний, а также руководителей и распорядителей гимнастических и конных состязаний. Одним словом, это разрешается делать во всех тех случаях, когда, по мнению людей, клятва не может принести выгоды. Зато в случаях, когда какое-нибудь отрицание, скрепленное клятвой, может явно принести большую выгоду, тяжущиеся стороны должны разрешать свои дела судебным порядком, без клятв. Вообще председатели судов не должны никому позволять подтверждать клятвой убедительность своих слов, проклиная самих себя и свой род, прибегать к некрасивым мольбам и к женским воплям: нет, надо поучительно и внятно, сохраняя благопри-

e

949

b

стойность речи, доказывать свою правоту и так вести дело до конца. В противном случае председатель должен все время возвращать оратора, как отклоняющегося от предмета своей речи, назад к ее существу. Впрочем, двум чужеземцам разрешается, если им угодно, как это принято и теперь, спокойно обмениваться друг с другом клятвами: ведь они не живут до старости в нашем государстве и большей частью не свивают себе здесь гнезда; следовательно, они не могут дурно повлиять на живущих рядом с ними хозяев страны. Что касается [их] взаимных исков, то здесь порядок будет один и тот же для всех, поскольку свободнорожденный человек оказывается послушником распоряжений государства, однако проступок его не заслуживает ни побоев, ни тюремного заключения, ни смертной казни.

Что же касается хороводов во время некоторых шествий, процессий и других общих праздников и торжеств — одним словом, всего того, что совершается либо ради мирных жертвоприношений, либо для взносов на военные надобности, то здесь первая необходимость наказания еще может быть отвращена. С послушников же возьмут залог те, кому государство и вместе с тем закон предпишут произвести взыскание. Если кто будет упорствовать, несмотря на то что имущество его взято в залог, то это заложенное имущество поступает в продажу, а вырученные деньги поступают в государственную казну. Если необходимо еще большее наказание, то каждое должностное лицо налагает на послушников соответствующие наказания и направляет дело в суд, с тем чтобы упорствующие в конце концов выполнили то, что им предписано.

Государству, которое не ведет ни внутренней торговли (разве лишь земледельческими продуктами), ни внешней, необходимо взвесить, как поступать при отбытии граждан за пределы страны и при допущении в нее приезжих чужеземцев. Здесь прежде всего должен дать свой совет законодатель, пытаясь по мере сил действовать убеждением.

Сношения государств с другими государствами обыч-

но ведут к разнообразному смешению нравов, так как чужеземцы внушают местным жителям различные новшества. Это принесло бы величайший вред гражданам, обладающим, благодаря правильным законам, хорошим государственным устройством. Между тем для большинства государств, коль скоро там вовсе нет правильных законов, безразлично это смешение при приеме у себя чужеземцев и при отправлении в другие государства своих граждан: делается это для собственного удовольствия этих граждан, лишь бы только человек выразил желание отправиться куда-то в какое-то время путешествовать, все равно молод ли он или стар. С другой стороны, не принимать у себя иноземцев и самим не ездить в чужие страны совершенно недопустимо. Вдобавок это показалось бы остальным людям грубой и суровой мерой: они сочли бы это за проявление тяжелого нрава и самоуправства и прозвали бы это неприятным словом «гонения», имея в виду изгнание чужеземцев.

Нельзя относиться безразлично к мнению о нас остальных: считают ли они нас хорошими или нет. Дело в том, что большинство людей не в такой же мере лишено способности разбираться в других людях — худы те или хороши, — в какой оно лишено добродетели. Даже плохие люди обладают некой чудесной сметливостью, имеющей божественное происхождение, так что многие из них, даже самые худшие, прекрасно различают в своих отзывах и в своем мнении людей хороших и дурных. Поэтому хорошо было бы требовать от большинства государств, чтобы они дорожили своей доброй славой в глазах многих людей. Впрочем, самое правильное и самое главное — это действительно быть хорошим и таким образом снискать своей жизнью добрую славу; иным путем этого нельзя добиться, коль скоро человек стремится к совершенству. В особенности следовало бы нашему основываемому на Крите государству снискать себе у остальных людей самую прекрасную и высокую славу добродетели. Можно, очевидно, надеяться, что спустя короткое время Солнце и остальные боги узрят среди бла-

гоустроенных государств и стран и наше государство, коль скоро оно будет иметь разумные законы.

- Итак, относительно путешествий в чужие края и страны и допущения к себе чужеземцев надо поступать следующим образом. Прежде всего, кто не достиг сорока лет, тому вовсе не разрешается путешествовать куда бы то ни было. Затем вообще не разрешается никому путешествовать по частным надобностям, а только по общегосударственным: **е** речь идет о глашатаях, послах и феорах¹⁴. При этом нельзя причислить к государственным выездам переходы границ во время войны или походов. В Пифийский храм Аполлона, в Олимпию к Зевсу, в Немею и на Истм¹⁵ надо для участия в жертвоприношениях и состязаниях в честь этих богов посылать людей по мере сил в самом большом количестве, самых прекрасных и достойных, то есть таких, которые могут стяжать добрую славу своему государству как в этих мирных и священных видах общения, так и ту, что **951** соответствует его военной доблести. Вернувшись на родину, эти люди укажут молодым, что законы, определяющие государственный строй иных государств, уступают нашим. Других феофов посылают в чужие земли по своему усмотрению стражи законов. Если кто из граждан пожелает в течение большего срока наблюдать жизнь других людей, **б** никакой закон им в этом не может препятствовать. Ведь государство, из-за своей необщительности не ознакомившись на опыте с хорошими и дурными людьми, никогда не сможет быть достаточно кротким и совершенным. Да и законы невозможно соблюдать, если они будут восприняты не сознательно, а лишь в силу привычки. Среди многих постоянно выделяются люди с божественным нравом, вполне достойные общения. Правда, их немного, и в государствах с благими законами они встречаются не чаще, чем там, где законы плохи. Человек, живущий в государстве с благими законами, должен постоянно, странствуя по морю и по суше, разыскивать следы тех, кто не испорчен, дабы с их помощью укрепить хорошие стороны узаконений, а упущения **с** исправить. Без таких поисков, предпринимаемых с целью

наблюдения, государство не может быть вполне устойчивым, так же как и тогда, когда наблюдения выполняются плохо.

Клиний. Но как осуществить то и другое?

Афинянин. Вот как: прежде всего такой феор должен у нас уже переступить за пятьдесят лет и, кроме того, быть из числа людей, снискавших себе добрую славу, — как вообще, так и на войне, — чтобы предстать перед остальными государствами образцовым стражем законов. Кто уже переступил за шестьдесят лет, тот не может быть феором. В пределах этого десятилетия феор может производить наблюдения столько лет, сколько он хочет. По возвращении на родину он должен предстать перед собранием лиц, надзирающих за законами. Собрание это состоит из молодых и престарелых людей и собирается ежедневно, обязательно на заре, до восхода Солнца. В него прежде всего входят жрецы, получившие знаки отличия, затем десять стражей законов, всегда старейших; далее, в нем участвуют вновь назначенный попечитель всего в целом воспитания и лица, уже освобожденные от этой должности. При этом каждый член собрания участвует в нем не только сам по себе, но и вводит в него по своему выбору молодого человека между тридцатью и сорока годами. Эти люди постоянно собираются вместе и обсуждают законы своего государства. Если они узнают, что в чужих краях законы, а также науки отличаются чем-либо таким, что представляется полезным для такого рассмотрения и для лиц, изучивших эти науки (ведь не изучившие их как бы бродят впотьмах и все касающееся законов представляется им неясным), то старейшие члены собрания вводят это в наше государство, а младшие обязаны ревностно приняться за изучение этих нововведений. Если кто-нибудь из приглашенных младших членов окажется недостойным приглашения, то все собрание в целом выносит порицание лицу, его пригласившему. Зато молодых людей, снискавших себе добрую славу, охраняет весь остальной город; все граждане с почтением взирают на них и особенно их берегут. За хорошее поведение их чтят вы-

ше, чем остальных, но зато и сильнее бесчестят, если они совершают поступки худшие, чем большинство людей.

Тот, кто наблюдал законы чужеземцев, сразу по возвращении должен отправиться в это собрание. Он сообщает всем его членам свои соображения или слышанные им от других лиц разъяснения относительно законодательства, образования и воспитания. Если окажется, что он возвратился ничуть не худшим, чем был ранее, хотя и не стал лучше, ему выражают одобрение по крайней мере за его большое усердие. Если же он стал значительно лучше, ему еще при жизни воздают хвалу, а по смерти собрание оказывает ему надлежащие почести. Однако если окажется, что он вернулся испорченным, вообразив себя мудрецом, его не допускают общаться ни с молодыми, ни со старыми. Коль скоро он будет послушен правителям, пусть себе живет как частное лицо; в противном случае он карается смертью, особенно если суд уличит его в том, что он вводит суетные новшества в дело воспитания и в законы. Если же никто из должностных лиц не заключит в тюрьму заслужившего это наказание человека, то при присуждении отличий должностным лицам будет вынесено порицание.

Вот каким условиям должен удовлетворять тот, кому позволен выезд за пределы страны. Теперь надо подумать о прибывающих чужеземцах. Есть четыре рода чужеземцев, заслуживающих упоминания. Первый род совершает путешествия большей частью летом, точно это перелетные птицы. Большинство таких людей действительно словно перелетают море: они занимают торговлей ради обогащения и слетаются в другие государства, пользуясь благоприятным временем года. Их должны принимать специально назначенные для этого должностные лица — на рынках, в гаванях и общественных зданиях, расположенных вне города, но близ него — из осторожности, как бы кто-нибудь из таких чужеземцев не ввел каких-нибудь новшеств. Они по справедливости воздадут им должное, но как можно реже будут к ним обращаться — только по необходимости.

Второй род чужеземцев состоит из охотников посмот-

реть и послушать, что можно, из произведений Муз. Для всех таких людей должны быть приготовлены пристанища у святилищ, где они и встретят полное гостеприимство. Жрецы и храмовые служители должны заботиться о таких гостях, ухаживать за ними, пока те не уедут, чтобы они не причинили никакого вреда и не потерпели его во время своего пребывания, но увидели и услышали все то, ради чего приехали. Если кем-то из них или кому-нибудь из них будет нанесена обида, судить их будут жрецы, — во всех делах, не превышающих пятидесяти драхм. Если у них возникает тяжба по большему делу, судебное разбирательство производят агораномы.

Третий род чужеземцев, приезжающих из другого государства по его поручениям, надо принимать от имени государства. Их должны принимать только стратеги, гиппархи и таксиархи; заботиться об их приеме надо совместно с пританами каждому, у кого остановится такой чужеземный гость.

Чужеземцы четвертого разряда могут приезжать разве лишь изредка. Это те, что прибывают к нам из чужих краев также для наблюдения. Прежде всего такой чужеземец должен иметь не менее пятидесяти лет. Кроме того, он должен стремиться увидеть у нас что-нибудь лучшее, нежели в остальных государствах, что-нибудь отличающееся своей красотой и указать на что-то подобное своему государству. Такой человек и без приглашения должен быть вхож в дома богатых мудрецов, раз он и сам таков. Пусть он прямо направится в дом попечителя воспитания, в уверенности встретить там полное гостеприимство, достойное подобного гостя, или же в дом человека, одержавшего победу на состязании в добродетели. Общаясь с ними, он и сам их наставит, и от них получит наставления, и отправится обратно, дружелюбно почтенный дарами и надлежащими почестями.

Вот руководствуясь какими законами надо принимать всех чужеземцев и чужеземок из иных стран и посылать в эти страны своих граждан. Мы почтим Зевса-Гостепри-

имного тем, что не отлучим чужеземцев от нашего стола и жертвоприношений, как поступают теперь питомцы Нила, и не оскорбим их грубыми распоряжениями.

При поручительстве, если кто дает таковое, надо подробно перечислить все пункты, оговорив их письменно, в присутствии не менее трех свидетелей, если дело идет
954 о сумме не выше тысячи драхм; если же сумма выше, то нужно не менее пяти свидетелей. В качестве поручителя выступает посредник при покупке какой-нибудь вещи. Если она неправильно поступает в продажу или вообще не подлежит продаже, то и посредник, и продавец подлежат суду. Если кто хочет произвести у кого-нибудь обыск, он может это сделать, войдя в дом этого человека нагим или в коротком неподпоясанном хитоне и предварительно принеся установленную законом клятву, что он действительно надеется найти здесь свою вещь. Подозреваемый в утайке вещи должен предоставить для обыска свой дом и все в нем находящееся — как то, что запечатано, так и то, что лежит без печати. Если кто не даст произвести обыска желающему это сделать, пусть последний привлечет его к суду, оценив стоимость разыскиваемой вещи. Если подозреваемый будет уличен, он должен возместить ущерб в двойном размере. Если хозяин дома находится в отсутствии, обитатели дома имеют право осматривать, с целью розыска, все незапечатанные вещи; тот же, кто обыскивает, может приложить свою печать к запечатанным вещам и приставить, кого хочет, к ним на пять дней стражем. Если же хозяин будет отсутствовать большее время, обыск надо производить
b вместе с астиномами, вскрывая запечатанные вещи и снова
c точно так же их запечатывая при астиномах и обитателях этого дома.

Что касается вещей, принадлежность которых спорна, то законом будет ограничен срок, сверх которого у обладателя уже нельзя оспаривать эту вещь. Относительно земельных участков и жилищ не может возникнуть спора в нашем государстве. Зато если кто владеет чем-нибудь иным и явно обнаруживает, что он пользуется этой вещью в горо-

де, на рынке и в святилищах, причем никто этого не оспаривает, между тем как хозяин вещи заявляет, что он все это время ее разыскивал, хотя ее обладатель вовсе не скрывался, — иными словами, если целый год один человек обладал вещью, а другой ее разыскивал, то по прошествии года никто не вправе заявлять свои притязания на эту вещь. Если же обладатель не пользовался ею в городе и на рынке, но явно пользовался ею в деревне, причем не встретился с ее хозяином в течение пяти лет, то по прошествии пяти лет хозяину уже нельзя заявлять свои притязания. Если кто пользовался вещью в городе, но лишь у себя дома, то срок давности устанавливается трехлетний; если же кто пользовался такой вещью втайне в деревне, — десятилетний; для такого же случая, но в чужих краях срока давности нет, если хозяин где-нибудь эту вещь отыщет.

Если кто насильственно воспрепятствует явиться в суд своему противнику или его свидетелям, то в случае, если подвергся насилию раб — все равно собственный ли или чужой, — судебное решение совершенно теряет силу. Если насилию подвергся свободнорожденный человек, то, кроме того, что решение теряет свою силу, виновник заключается в тюрьму на год, и любой желающий может возбудить против него обвинение в порабощении. Если кто насильно воспрепятствует явиться на состязание своему сопернику в гимнастическом или мусическом искусстве или в любом ином виде состязаний, пусть любой человек уведомит распорядителей состязаний, а те объявят свободный доступ на состязания всякому желающему. Если они не смогут этого сделать и если победит на состязании тот, кто воспрепятствовал явиться своим противникам, то награду за победу надо вручить пострадавшему и записать его имя как победителя в тех святилищах, в каких он сам пожелает. Насильнику же запрещается делать какое-либо приношение в храм и помещать там надпись о таком состязании; его можно привлечь по обвинению в нанесенном ущербе, все равно, будет ли он побежден на состязании или же сам победит.

Если кто сознательно укрывает украденную вещь, он подлежит наказанию наравне с вором. Укрывательство изгнанника карается смертью. Пусть каждый человек считает своим другом или врагом того же, кого таковым считает и государство. Если кто по частному почину заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-то войной без общегосударственного решения, то и ему наказанием будет смерть. Если какая-нибудь часть государства заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-либо войной, то виновных в этом стратеги привлекут к суду и в случае изобличения им грозит смертная казнь.

Тот, кто служит своей родине, не должен принимать за свою службу дары. Здесь не может быть никаких предложений, никаких, даже всеми одобряемых, причин и разговоров, будто во имя хорошей цели можно принимать дары, а во имя плохой — нет. Ведь в этом трудно разобраться, и, даже разобравшись, нелегко с собой совладать. Все же вернее слушаться закона, повиноваться ему и не оказывать никаких услуг за дары. Ослушник подвергается смертной казни, лишь только он будет изобличен на суде.

Что касается денежных взносов в общегосударственную казну, то по многим причинам каждый должен оценивать свое имущество. Члены фил должны в письменной форме сообщать агрономам относительно ежегодного прироста их имущества, чтобы, поскольку существует два вида взносов, казна могла воспользоваться тем из них, который ей желателен в данном году, — либо частью всего подвергшегося оценке имущества, либо частью приносимого им ежегодного дохода. Расходы на совместные трапезы при этом исключаются.

Человек умеренный должен делать богам умеренные приношения. Земля и домашний очаг каждого посвящены всем богам. Итак, пусть никто не посвящает богам вторично того, что и так уже им посвящено. В других государствах возбуждают зависть золото и серебро в частных домах и в святилищах. Слоновая кость — этот остаток тела, лишившегося души, — неподходящее приношение;

а железо и медь — это орудия войны. Поэтому пусть всякий желающий посвящает в общенародные храмы деревянные изделия из цельного дерева, по своему выбору, а также изделия из камня. Посвящаемые ткани по своему размеру должны быть не больше таких, над которыми работала одна женщина в течение месяца. Белый цвет подобает богам и вообще хорош, в том числе и для тканей. Окрашенных тканей нельзя посвящать; их надо применять только для воинских украшений. Самые божественные дары — птицы и изображения, которые один художник может выполнить в течение дня. При остальных приношениях сообразуются с этими же правилами. b

На сколько частей подразделяется государство, каковы должны быть эти части и какими будут законы по поводу главных видов деловых отношений людей, — обо всем этом уже было сказано. Но необходимо еще сказать о судопроизводстве.

Первый вид суда составляют судьи, сообща выбранные ответчиком и истцом; таким судьям больше подходит имя посредников. Второй вид судов состоит из членов поселков и фил, соответственно двенадцатичастному делению страны. Если дело не получает разрешения в первом суде, то прибегают к этим судьям, коль скоро желают добиться большего наказания. Если ответчик вторично проиграет дело, он должен уплатить пятую часть стоимости вчиненного ему иска. Если же кто-либо, будучи недоволен и этими судьями, желает в третий раз пересмотреть дело, то он может передать его в суд особо отобранных для этого судей. Если он снова проиграет дело, он оплачивает в полуторном размере предъявленный ему иск. Если истец, проиграв свое дело в первом суде, не успокоится, но обратится ко второму суду, то в случае выигрыша дела он получает пятую часть; в случае же проигрыша он оплачивает такую же часть иска. Если тяжущиеся, не удовлетворенные предшествующими судами, обратятся к третьему суду, то в случае проигрыша ответчик, как было указано, оплачивает иск в полуторном размере, а истец — в половинном. Что d

е касается избрания судей по жребию и пополнения состава суда, назначения помощников каждому из судей, сроков, в которые должны решаться дела, способа подачи голосов, отсрочек и других подобных вещей, свойственных судопроизводству, а также что касается первого и повторного вчинения иска, необходимых судебных прений и так далее, — обо всем этом мы говорили ранее. Впрочем, по пословице, не мешает и дважды, и трижды повторить прекрасное.

957 Если престарелый законодатель пропустит какие-то мелкие узаконения и это легко заметить, пусть это восполнит молодой законодатель.

Частные суды было бы целесообразно устроить таким образом, как было сказано. Что же касается общегосударственных судов и таких, к которым должны обращаться должностные лица, чтобы надлежащим образом выполнять свою службу, то относительно всего этого во многих государствах встречается немало хороших законоположений, составленных подходящими для этого дела людьми.

б Заимствовать оттуда то, что подходит к учреждаемому теперь государству, должны стражи законов, которые проверят эти законоположения на опыте, обсудят их и подвергнут исправлениям до тех пор, пока каждое из них не станет вполне удовлетворительным. Тогда все считается законченным, неизбежность этих законоположений скрепляется печатью и ими пользуются в течение всей жизни.

с Что касается молчания судей, их благоречья и того, что противоположно этому, — одним словом, всего того, что отличается от обычаев, нередко сlyingущих в прочих государствах справедливыми, благими и прекрасными, то об этом кое-что уже было сказано, а кое-что придется еще сказать под конец нашей беседы. Кто намеревается быть справедливым судьей, тот должен считаться со всем этим, понимать в этом толк и иметь при себе письменное изложение всего этого. Ведь из всех наук более всего совершенствует человека, ими занимающегося, наука о законах; по крайней мере так должно быть, если правильны ее положения, иначе понапрасну божественный и чудесный закон получил бы у

нас название, близкое к слову «ум»¹⁶. И все остальные сочинения, похвалы или порицания чему-либо, изложенные в стихах либо обычным образом, иной раз записанные, а иной раз просто возникающие при каждодневных общени- d
ях, когда из страсти к спорам одни что-либо подвергают сомнению, а другие из-за уступчивости, подчас суетной, с ними соглашаются, — для всего этого великолепным пробным e
камнем являются сочинения законодателя. Хороший судья должен впитать в себя эти сочинения как средство, предохраняющее от прочих учений, и совершенствовать как самого себя, так и свое государство с целью уготовить хорошим людям единство справедливости и ее развитие, а людям дурным — искоренение невежества, распущенности, трусости, короче говоря, всевозможной несправедливости, насколько это в его силах и насколько поддаются исцелению превратные мнения порочных людей. Для душ же 958
тех людей, которым суждено иметь такие мнения, только смерть может быть исцелением. Потому-то мы вправе часто это повторять — судьи и их руководители, приводящие такой приговор в исполнение, достойны похвалы со стороны всего государства.

После того как ежегодные судебные дела будут разрешены, исполнение судебных приговоров будет совершаться по следующим законам: власть, творящая суд, пусть отдаст все имущество приговоренного, за исключением самого необходимого, тому, кто выиграл дело, сразу после голосования; результат каждого из голосований провозглашает b
глашатай в присутствии судей. Если после месяцев, назначенных для судопроизводства, пройдет еще один месяц и проигравший дело не заключит полюбовного соглашения с выигравшим его, творящая суд власть, защищая права выигравшего дело, передает ему имущество проигравшего. Если проигравшему дело неоткуда взять денег или их недостает — не менее одной драхмы, — то он может не ранее судиться с кем-нибудь другим, как уплатив тому, кто выиграл дело, весь свой долг. В то же время все остальные вправе судиться с ним. Если осужденный станет чинить b

препятствия осудившей его власти, то лица, несправедливо встретившие здесь препятствия, пусть привлекут его к суду стражей законов. Если кто будет уличен в таком преступлении, его карают смертью, так как он губит законы и все государство.

Законы о погребении

Человек рождается, получает воспитание, порождает детей, воспитывает их, вступает должным образом в деловые отношения, подвергается наказаниям, если он кого-то обидел, налагает наказания на других людей, — словом живет согласно законам. Затем неизбежно, по воле судьбы, он стареет и, естественно, наступает его кончина. Относительно скончавшегося — мужчина ли то или женщина — правомочны дать указания истолкователи, толкующие обычаи, которые надлежит исполнять в честь подземных и здешних богов.

Нельзя устраивать гробниц на возделываемой земле; нельзя там воздвигать никаких — ни больших, ни малых — памятников. Хоронить тела покойных надо там, где почва по своим природным свойствам только для этого и годится; делать это надо, не причиняя никаких неудобств живым. Земля — наша мать, она охотно доставляет людям пропитание. Поэтому пусть никто — ни живой, ни покойный — не лишает этого нас, живых. Нельзя насыпать могильный холм выше, чем это могут сделать пять человек в течение пяти дней. Каменные могильные плиты надо делать такой величины, чтобы там уместилась похвала жизни покойного, выраженная не более чем в четырех героических 959 стихах¹⁷.

Выставлять тело внутри дома надо не дольше того срока, в течение которого становится ясным, что покойный действительно умер, а это по нашим человеческим расчетам будет, пожалуй, трехдневный срок; по истечении его и надо устроить вынос тела к месту погребения. Надо верить законодателю как вообще, так и в том, что душа совершенно отлична от тела и что даже в этой жизни каждого из нас поддерживает не что иное, как душа, тело же следу-

ет за каждым из нас, как ее видимое проявление. Поэтому прекрасно говорят о мертвых, что тело их есть лишь образ, **b** сущность же каждого из нас бессмертна: она именуется душой, которая отходит к иным богам, чтобы отчитаться там перед ними; как гласит староредовский закон, для человека хорошего этот отчет не страшен, а для дурного очень страшен и никакой серьезной помощи после смерти он ожидать не может. При жизни человеку должны помогать все его близкие, чтобы он был как можно справедливее и жил благочестиво, а по смерти не оказался бы провинившимся в тяжких проступках и не подвергся бы наказанию в той жизни, которая наступит после этой. Коль скоро дело обстоит таким образом, не следует особенно тратиться **c** в ущерб своему хозяйству и считать, что в этой груди плоти погребаешь своего близкого: нет, надо считать, что твой сын, брат, вообще тот, о ком в особенности тоскуют при погребении, закончил, исполнил свою земную участь и отошел от нас; теперь будет хорошим поступком ограничиться умеренными издержками на этот бездушный жертвенник подземных богов. Надлежащую меру всего лучше угадает законодатель. Пусть будет такой закон: издержки на все погребение человека высшего класса не должны превышать пяти мин, для человека второго класса — трех мин, **d** для человека третьего класса — двух и одной мины для человека четвертого класса. Это были бы достаточно умеренные издержки. Стражам законов придется выполнять много иных задач, заботиться о многом; они должны думать прежде всего о детях, а также о взрослых — вообще о людях любого возраста; однако при кончине каждого гражданина должен присутствовать один из этих стражей — того, кого выберут в попечители домочадцы скончавшегося. Ему поставят в заслугу, если все нужное для покойника будет **e** исполнено хорошо и умеренно, если же нехорошо, это послужит ему в порицание. Выставление тела и все остальное пусть совершается согласно закону. Однако государственный закон должен сделать следующую уступку: было бы неблагоприятно предписывать или запрещать оплаки-

вание покойников¹⁸; зато надо запретить испускать вопли и стенания за пределами дома. Надо не позволять нести мертвое тело открыто по улицам, и при этом уличном шествии не должно быть места стенаниям. Надо, чтобы еще до наступления дня шествие вышло за черту города. Пусть именно таковы будут обычаи. Повинующийся свободен от наказания; послушавшийся же одного из стражей законов наказывается ими всеми: они сообща устанавливают ему наказание. Что касается особых видов погребения покойных или даже лишения их погребения, то все дела об отцеубийцах, святотатцах и им подобных были разобраны нами раньше и законы для них уже установлены. Таким образом, наше законодательство, пожалуй, окончено.

Проблема охраны законов

Впрочем, всякое дело заканчивается не тем, чтобы что-нибудь выполнить, приобрести, учредить: нет, вполне законченным надо считать то дело, которое выполняется лишь тогда, когда найдены средства, способствующие сохранению того, что появилось на свет; иначе целому чего-то недостает.

Клиний. Ты прекрасно сказал, чужеземец, но разъясни, к чему именно из только что сказанного относятся твои слова?

Афинянин. Клиний, многое, что было у наших предков, прекрасно прославлено и, пожалуй, не меньше другого имена Мойр.

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Первое из них — Лáхесис, второе — Клотó, третье — А́тропос, хранительница жребиев. Эти имена уподоблены закрепляемой пряже, которая уже не раскручивается. Такое свойство должно не только дать государству и его строю телесное здоровье и сохранность, но и поселить благозаконие в душах, а еще более — дать сохранность самим законам. Мне кажется, что нашим законам явно недостает именно этого. Каким образом законы приобретут, согласно с их природой, эту способность оставаться неколебимыми?

Клиний. Ты упомянул о чем-то очень существенном, если только вообще возможно найти средство придать чему бы то ни было это свойство.

Афинянин. Однако, как я сейчас ясно увидел, это действительно возможно.

Клиний. Так давайте неотступно отыскивать это средство, пока не найдем его для изложенных нами законов. Ведь было бы смешно понапрасну трудиться над чем-нибудь и не достичь ничего прочного.

Мегилл. Твой совет правилен; во мне ты найдешь человека таких же взглядов.

Клиний. Хорошо. В чем же, по-твоему, состояло бы спасение для государства и наших законов? Каким образом это могло бы осуществиться? 961

**Сверх-
государственный
орган охраны
(Ночное собрание).
Принципы
его основания**

Афинянин. Разве мы не сказали, что в нашем государстве должно быть особое собрание, устроенное так: десятеро самых престарелых стражей законов и все те, кто имеет отличия, должны постоянно собираться вместе. Кроме того, люди, путешествовавшие с целью разыскать, нет ли где чего-нибудь подходящего для охраны законов, и вернувшиеся на родину, после того как они подвергнутся испытанию со стороны вышеуказанных лиц, могут быть достойными участниками этого собрания. Сверх того, каждый из них должен привести с собой одного молодого человека, однако достигшего уже тридцати лет: обсудив сначала, достоин ли он этого по своей природе и воспитанию, его вводят в среду остальных, и, если все согласны, он становится участником собрания. В противном случае для остальных граждан и особенно для самого отвергнутого должно остаться тайной состоявшееся решение. Это собрание будет собираться рано утром, пока каждый всего более свободен от своих личных и от государственных дел. Таковы были наши прежние указания. b

Клиний. Да.

Афинянин. Возвращаясь опять к этому собранию, я

сказал бы вот что: я утверждаю, что, если им воспользоваться, как якорем для всего государства, оно спасло бы все то, что нам желательно, так как в нем сосредоточено все полезное¹⁹.

Клиний. Как так?

Афинянин. Сейчас представляется удобный случай дать надлежащие разъяснения: я должен сделать это с усердием.

Клиний. Прекрасно сказано! Осуществи же свой замысел!

d Афинянин. Надо принять во внимание, Клиний, что у всякой вещи есть то, что ее сохраняет; так, в живом существе самое главное — это душа и голова.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Хорошие голова и душа спасают все живое.

Клиний. Как?

Афинянин. Душе кроме всего прочего присущ ум, а голове — зрение и слух. Короче говоря, ум, слитый воедино с прекраснейшими ощущениями, с полным правом можно было бы назвать спасением всякого существа.

Клиний. Да, видимо, это так.

e Афинянин. Очевидно. Но на что направлен ум, смешанный с ощущениями, когда он, например, спасает суда во время бури или при ясной погоде? Не правда ли, кормчий, ведущий корабль, и моряки — это все равно что единство ощущений с ведущим их умом, благодаря чему они спасаются сами и спасают корабль со всем, что на нем есть?

Клиний. Несомненно.

Афинянин. Совсе нет нужды в многочисленных примерах. Обратим внимание хотя бы только на ратное дело и на ту цель, которую ставят себе военачальники, а также любые служители врачебного искусства, чтобы достичь спасения. Не правда ли, у военачальников целью будет победа и одоление врага, а у врачей и их служителей — доставление телу здоровья?

Клиний. Как же иначе?

А финянин. Но если бы врач не знал того состояния тела, которое мы обозначили сейчас как здоровье, или если бы военачальник не знал, что такое победа и так далее, разве возможно было бы им проявить здесь свой ум?

Клиний. Нет, невозможно.

А финянин. А как же обстоит дело с государством? Если бы кто обнаружил незнание той цели, к которой должен стремиться государственный муж [политик], разве можно было бы, во-первых, признать его по праву правителем, а затем — разве мог бы он спасти то, цель чего ему совсем неизвестна?

Клиний. Конечно, нет.

А финянин. Вот и теперь, как видно, если только мы намерены завершить устройство поселения в нашей стране, у нас должно быть нечто такое, что само по себе ведало бы прежде всего цель этого поселения, как у нас это обычно ведомо государственному мужу. Далее, надо знать, каким образом следует приняться за дело, что именно в самих законах, а затем и в людях может пригодиться, а что не может. Если государство не будет всего этого иметь, не будет ничего удивительного, коль скоро, лишенное ума и ощущений, оно в каждом деле станет отдаваться на волю случая.

Клиний. Ты прав.

А финянин. Так вот, в какой части или в каком обиходе нашего государства существует такой достаточно способный к охране [орган]? На что можем мы указать?

Клиний. Это еще не совсем ясно, чужеземец. Если можно догадываться, то, кажется мне, твои слова клонятся к тому собранию, которое, как ты только что сказал, должно собираться ночью.

А финянин. Твое замечание совершенно верно, Клиний. Это собрание, как показывает наше нынешнее рассуждение, должно обладать всевозможной добродетелью. Самое же главное состоит в том, чтобы не блуждать, преследуя разные цели, но иметь в виду что-нибудь одно и все стрелы метать всегда в этом направлении.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Теперь мы поймем, что нет ничего удивительного в блуждании государственных узаконений, раз в каждом государстве цели законодательства разные. Неудивительно также, что большей частью определяют справедливое положение вещей следующим образом: в одних государствах считают справедливой власть нескольких лиц, независимо от того, лучше или хуже они остальных людей; в других — возможность обогащаться, независимо от того, становятся ли или нет при этом люди рабами других; в третьих все стремление направлено к свободной жизни; законодательство четвертых имеет две цели: самим быть свободными и владычествовать над другими государствами. Наконец, есть государства, считающие себя самыми мудрыми; однако они сразу преследуют все эти цели и не могут указать той главной и единой цели, на которую должно быть направлено все остальное.

963 Клиний. Следовательно, чужеземец, правильно наше давнее утверждение: мы сказали, что все наши законы должны всегда иметь в виду единую цель. И мы совершенно правильно согласились, что цель эта — добродетель.

Афинянин. Да.

Клиний. Но мы различали четыре вида добродетели.

Афинянин. Конечно.

Клиний. Всеми ими руководит ум; ему должно подчиняться все остальное, в том числе и эти три вида добродетели.

Афинянин. Ты прекрасно следил за нашими рассуждениями, Клиний; поступай так и впредь. Мы указали ту единую цель, которую должен иметь в виду ум — кормчего, врача или военачальника. Сейчас мы исследуем ум государственного мужа. Хорошо было бы обратиться к нему, как к человеку, с таким вопросом: «О удивительный, какова же твоя цель? Что такое это единственное, на что ясно мог бы указать врачебный ум? И неужели же ты не можешь этого сделать, хотя ты с полным правом мог бы сказать, что выделяешься среди всего разумного!» Мегилл и Клиний,

не можете ли вы, произведя должное различие, ответить мне вместо него, какова эта цель? Ведь я часто давал вам с подобные определения в других случаях.

Клиний. Нет, чужеземец, это невозможно.

Афинянин. Но по крайней мере можете ли вы сказать, что надо ревностно стремиться к отысканию этой цели, и указать, в чем ее надо искать?

Клиний. Что ты имеешь в виду?

Афинянин. Например, если, согласно нашему утверждению, существует четыре вида добродетели, то ясно, что каждый из них необходимо признать единым, хотя всех и четыре.

Клиний. И что же?

Афинянин. Однако все это, вместе взятое, мы считаем единым. Ведь и мужество мы признаем добродетелью, и разумность, и остальные два вида, причем считаем, что это все по существу не множественно, но составляет определенное единство, а именно добродетель. d

Клиний. Безусловно.

Афинянин. Совсем нетрудно указать, чем различаются между собой эти две добродетели — мужество и разумность, почему они получили особое наименование и так далее. Но не так легко понять, почему то и другое, а также прочие добродетели нарекли едино.

Клиний. Что ты разумеешь?

Афинянин. Вовсе нетрудно разъяснить то, о чем я говорю. Давайте разделимся с вами так: одни будут спрашивать, другие — отвечать.

Клиний. Опять-таки что ты хочешь этим сказать?

Афинянин. Спроси меня, почему, признав единство e добродетели, мы снова отдельно обозначаем эти два ее вида — мужество и разумность. Я тебе укажу причину: первый вид касается страха, и ему причастны даже звери — это мужество; можно его заметить и в характере совсем маленьких детей. Ведь мужество сообщается душе и без участия разума, просто как природное свойство. С другой стороны, душа без разума не может быть разумной и об-

ладать умом: этого не было, нет и никогда не будет, ибо свойство души — совсем иное.

964 К л и н и й. Ты прав.

А ф и н я н и н. Чем различаются эти два вида добродетели и почему их именно два, ты понял из моих слов. В чем же состоит их единство и тождество, это уже твой черед мне указать. Представь, что ты должен ответить, почему эти четыре вида составляют единство; спроси же у меня, почему их четыре, раз ты показал, что это — одно? Затем рассмотрим, можно ли человеку, обладающему достаточными знаниями о чем-то, имеющем имя, а также определение, знать только одно это имя, определения же не знать? Или же позорно для человека, хоть что-то собой представляющего, не знать всего этого о предметах, выдающихся своими размерами и красотой?

в

К л и н и й. По-видимому, позорно.

А ф и н я н и н. Для законодателя, для стража законов, для всякого, кто хочет отличиться добродетелью и за победу в ней получает почетные награды, нет ничего важнее того, о чем мы сейчас ведем речь, — мужества, рассудительности, разумности и справедливости²⁰.

К л и н и й. Несомненно.

А ф и н я н и н. Разве не должны наставлять в этом того, кто нуждается в знании и понимании, истолкователи, учителя, законодатели и охранители всех людей? Разве не должны они наказывать и порицать того, кто ошибается? Наконец, разве не должны они всячески разъяснять значение, которое имеют порок и добродетель, и этим выделяться из среды остальных людей? Неужели же лучше этих людей, победивших во всех видах добродетели, окажется любой явившийся в государство поэт или любой человек, выдающий себя за воспитателя юношества? Далее, не будет удивительным, если государство, где стражи недостаточно владеют словом и плохо умеют действовать, хотя и достаточно знают о добродетели, испытает, будучи лишено охраны, то, что терпит большинство нынешних государств.

d

К л и н и й. Конечно, это не будет удивительным.

Афинянин. Итак, следует ли нам осуществить то, о чем у нас сейчас идет речь? Каким образом надо подготовить стражей, чтобы они и в своих речах, и на деле тщательнее берегли добродетель, чем большинство граждан? Каким способом наше государство уподобится голове и ощущениям разумных людей, имея у себя такую охрану?

Клиний. Как это, чужеземец? Можем ли мы сравнивать наше государство с такими вещами?

Афинянин. Ясно, что само государство представляет собой вместилище: отборные и самые одаренные молодые люди из стражей занимают его вершину; обладая душевной зоркостью, они озирают кругом все государство; эти молодые стражи передают свои ощущения [органам] памяти, когда сообщают старшим все то, что делается в государстве. Старцы, которых мы сравнили с разумом, так как они по преимуществу размышляют о многих значительных вещах, дают свои советы, пользуются услугами молодых людей и их советами, и таким образом те и другие сообща действительно спасают все государство в целом. Скажем ли мы, что это именно так должно быть устроено или как-то иначе? Неужели мы не будем делать различия между теми, кто имеет эти знания, и теми, кто их не имеет?

Клиний. Нет, удивительный ты человек, это невозможно.

Афинянин. Следовательно, надо стремиться к более основательному образованию, чем существовало раньше.

Клиний. Быть может.

Афинянин. Но то образование, которого мы сейчас слегка коснулись, не есть ли именно такое, в каком мы нуждаемся?

Клиний. Разумеется, да.

Афинянин. Разве мы не сказали, что в каждом деле выдающийся демиург и страж должен не только быть в силах наблюдать за многим, но должен еще стремиться к какой-то единой цели, знать ее и сознательно направлять к ней все, что он охватывает своим взором?

Клиний. Это верно.

с Афинянин. Разве есть более точный способ созерцания, чем когда человек в состоянии отнестись к одной идее множество непохожих [вещей]?

Клиний. Возможно, ты прав.

Афинянин. Не возможно, а действительно прав, мой друг: никто из людей не располагает более ясным методом.

Клиний. Доверяю тебе, чужеземец, и уступаю. Продолжим же нашу беседу в этом направлении.

d Афинянин. Итак, по-видимому, надо принудить стражей нашего божественного государства прежде всего научиться тщательно различать то, что состоит из четырех частей, на самом же деле составляет единство и тождество: оно включает в себя, как мы говорили, мужество, рассудительность, справедливость и разумность и справедливо носит единое имя добродетели. Если угодно, друзья мои, будем теперь делать особый упор на это положение и не оставим его без рассмотрения, пока не разъясним в достаточной мере, что же представляет собой цель, к которой надо стремиться: одно ли это что-то или совокупность [многого] или то и другое одновременно — одним словом, что это такое по своей природе. Если это от нас ускользнет, можно ли ожидать, что вопрос о добродетели будет решен у нас удовлетворительно? Ведь мы не в состоянии будем выяснить, множественна ли добродетель, существуют ли четыре ее вида или она едина? Если мы послушаемся своего собственного совета, мы любыми средствами постараемся внедрить эти знания в нашем государстве; если же вы решите, что это вообще нужно оставить, то так и следует поступить.

Клиний. Чужеземец, клянусь богом, покровителем чужеземцев, это нельзя оставить ни в коем случае! Нам кажется, ты был вполне прав. Но как придумать средство для осуществления этого?

966 Афинянин. Пока еще не будем говорить о средствах. Прежде всего нам надо самим прийти к согласию и прочно установить, следует ли нам вообще это делать или не следует.

Клиний. Конечно, следует, если только это возможно.

Афинянин. Что же дальше? Мыслим ли мы точно так же о прекрасном и о благом? Должно ли учить наших стражей, что то и другое множественно, или они должны считать каждое из этого единым? Вообще каково это?

Клиний. Пожалуй, естественно и необходимо считать все это единым.

Афинянин. И что же? Достаточно ли только так мыслить или надо еще уметь доказать с помощью рассуждения? b

Клиний. Конечно, следует это доказать. Иное подобало бы разве лишь только рабу.

Афинянин. Дальше. Разве не то же самое скажем мы о любой заслуживающей внимания вещи? Кто хочет стать настоящим стражем законов, тот должен действительно знать о них истину и быть в состоянии словесно ее излагать и подкреплять соответствующими делами, различая то, что прекрасно по своей природе, и то, что противоположно.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Но разве не одна из самых прекрасных вещей — это [понятие] о богах, которое мы усердно разобрали, а именно понятие о том, что они существуют, и явное обладание великой силой такого познания — насколько это возможно для человека. Большинство же граждан можно извинить, если они только следуют слову закона. Зато тем, кто собирается стать стражами, нельзя доверять этой должности, пока они тщательно не укрепят своей веры в существование богов. Никогда не следует избирать в стражи законов и включать в число граждан, испытанных своею добродетелью, человека не божественного и не потрудившегося на этом поприще. c

Клиний. Твое требование — отрешить людей неспособных к познанию и бездеятельных от прекрасного — справедливо.

Афинянин. Итак, мы знаем, что относительно бо-

гов есть два убедительных довода, которые мы уже разобрали²¹.

К л и н и й. Какие это доводы?

А ф и н я н и н. Один касается, как мы указывали, души и гласит, что она старше и божественнее тех вещей, движение которых, раз возникнув, создало вечную сущность. Другой довод касается всеобщего движения: в нем наблюдается стройный порядок, так как над светилами и прочими телами господствует все упорядочивающий ум. Не существует такого безбожного человека, который, увидев все это основательно, и не глазами невежды, не вынес бы впечатления, прямо противоположного тому, какое выносит большинство людей. Ведь они думают, будто те, кто занимается наукой о звездах и другими необходимыми примыкающими к ней науками, становятся безбожниками, так как замечают, что все происходящее, возможно, совершается по необходимости, а не в силу разумной воли, направленной к осуществлению блага.

К л и н и й. А как это обстоит на самом деле?

А ф и н я н и н. Я уже сказал, что в наше время понимание этих вещей прямо противоположно тому, которое существовало, когда мыслители считали все это неодушевленным. Впрочем, и тогда уже преисполнялись удивлением и подозревали здесь то, что теперь действительно установлено людьми, тщательно этим занимавшимися; ведь уже тогда предполагали, что при неодушевленности [тел], не обладающих умом, не могли бы быть выполнены столь удивительно точно все расчеты. Некоторые даже отваживались уже тогда выставлять рискованное положение, что ум привел в стройный порядок все то, что находится на небе²². Но те же самые люди снова допустили ошибку в понимании природы души и того, что она старше тел. Считаю, напротив, ее моложе, они снова, так сказать, повернули все вспять, особенно же самих себя. Все то, что проносилось по небу у них на глазах, показалось им наполненными камнями, землей и многими иными неодушевленными телами, на которые разделились первоначала космоса. Это-то и вызва-

ло тогда появление безбожия и отвращение к такого рода занятиям. Сюда добавилось также поношение: поэты стали сравнивать философов с собаками-пустолайками и твердить другие бессмыслицы²³. А сейчас, как было сказано, все обстоит наоборот. **d**

Клиний. Как именно?

**Ночное собрание
осуществляет
в государстве
космические
законы**

Афинянин. Никто из смертных не может стать твердым в благочестии, если не усвоит только что указанных двух положений: во-первых, душа старше всего, что получило в удел рождение; она бессмертна и правит всеми телами²⁴; во-вторых, как мы не раз говорили, пребывающий в звездных телах ум — [это царь] всего существующего. Необходимо усвоить эти предварительные знания, чтобы заметить их общность с мусическими искусствами и воспользоваться ими для нравственного усовершенствования в согласии с законами и чтобы быть в состоянии отдать себе разумный отчет во всем том, что разумно. А кто не в состоянии, в дополнение к гражданским добродетелям, приобрести эти знания, тот едва ли когда-нибудь будет удовлетворительным правителем всего государства: он будет только слугою другим правителям. Теперь, Клиний и Мегилл, нам нужно посмотреть, следует ли ко всем указанным раньше и разобраным нами законам добавить еще такой: следует установить, согласно закону, охранный [орган] для спасения государства — Ночное собрание должностных лиц, приобщившихся к указанному образованию. Так ли мы поступим? **e**
968
b

Клиний. Как же, мой друг, нам этого не добавить, если это хоть сколько-нибудь возможно.

Афинянин. Так вот, мы все и поведем упорную борьбу за это. Я тоже охотно буду вашим помощником в этом деле. Кроме себя я, может быть, найду и других помощников благодаря моей большой опытности в этом деле и настойчивому его исследованию.

Клиний. Да, чужеземец, надо всячески стараться идти по этому пути, раз чуть ли не сам бог ведет нас по нему. **c**

Теперь надо указать и исследовать, какой образ действий здесь был бы правильным.

Афинянин. Для вещей, Мегилл и Клиний, невозможно устанавливать законы, пока все это еще не устроено. Лишь потом надо будет установить законом полномочия членов собрания. Но и предварительное наставление сопряжено с необходимостью подробных бесед, если приняться за дело как следует.

Клиний. Как это понимать?

d Афинянин. Прежде всего надо составить перечень лиц, пригодных для такой охранительной службы по своему возрасту, по силе своих знаний, нравственным качествам и привычкам. После этого нелегкой задачей будет найти, что же именно надо изучать; нелегко также стать учеником того, кто это нашел. Вдобавок, есть еще определенный срок, предназначенный для усвоения. Устанавливать все это письменно было бы напрасно. Ведь даже самим обучающимся неясно подобающее для изучения время, пока каждый в глубине души не приобрел знаний по данному предмету. Если сказать, что все сокровенные знания недоступны, то это будет неправильно, ибо они недоступны в том смысле, что им нельзя предпослать предварительных разъяснений.

e Клиний. Но раз это так, чужеземец, как же нам поступить?

Афинянин. Согласно поговорке, друзья мои, истина лежит посередине. Если бы мы захотели рискнуть всем государственным строем, то нам надо было бы поступить так, как говорят игроки: либо выбросить трижды шесть, либо 969 три простых игральные кости²⁵. Я хочу рискнуть вместе с вами в том отношении, что я поясню и растолкую мои взгляды на образование и воспитание, снова затронутые в этой беседе. Да, риск здесь большой, и кому-нибудь другому он был бы не по плечу. Но тебе, Клиний, я советую приняться за это дело. Ведь ты либо стяжаешь величайшую славу за правильное устройство государства магнетов (так оно будет именоваться или по воле божьей получит

другое имя), либо неизбежно покажешься чрезвычайно мужественным всем последующим людям. Если же, дорогие мои друзья, это божественное собрание будет у нас создано, то ему надо вручить государство. Об этом, так сказать, нет спора между нынешними законодателями. Действительно, только тогда вполне осуществится, можно сказать, наяву то, чего мы коснулись в нашей предшествующей беседе как бы во сне, слив воедино образ главы и ума. Пусть и члены этого собрания будут у нас тщательно смешаны между собой и надлежащим образом воспитаны. Получив такое воспитание, они поселятся на акрополе, возвышающемся над всей страной, и будут совершенными стражами по охране добродетели, каких мы не видывали в прежней жизни.

Мегилл. Друг мой Клиний, приняв во внимание все только что сказанное, нам надо либо оставить мысль об устройении государства, либо не отпускать этого чужеземца, но всевозможными просьбами и средствами заставить его принять в этом устройении участие.

Клиний. Ты совершенно прав, Мегилл; я так и сделаю, а ты мне помоги.

Мегилл. Помогу.

ПОСЛЕЗАКОНИЕ

**Рассуждение
о высшей мудрости**

Клиний. Ну вот, чужеземец, мы **973**
и сошлись, как было условлено, все
втроем — я, ты и наш Мегилл, — что-
бы рассмотреть, как нам исследовать вопрос о разумности.
Если поразмыслить, то исследование этого вопроса всего
лучше может направить человека по пути разума, поскольку
обладание разумением вообще для него возможно. В са-
мом деле, можно признать, что мы разобрались во всем
остальном, касающемся установления законов: но вот что
всего важнее отыскать и сказать, а именно, чему должен **б**
обучиться смертный человек, чтобы стать мудрым, этого
мы и не нашли и не высказали. Давайте попробуем сейчас
не упустить этого. Дело в том, что иначе мы, пожалуй, не
закончим то, ради чего все мы двинулись в путь, надеясь
выяснить всё от начала до конца.

Афинянин. Хорошо ты говоришь, дорогой Клиний.
Но думается мне, тебе предстоит услышать странную речь.
Впрочем, с другой стороны, она и не так странна. Многие
люди, даже с большим жизненным опытом, держатся того
взгляда, что человеческий род никогда не будет счастли-
вым и блаженным. Проследи и посмотри, не покажется ли **с**
тебе, что и я, вместе с ними, окажусь здесь прав. Я также
отрицаю возможность для людей, за исключением немно-
гих, стать счастливыми и блаженными¹. Но я ограничиваю
это пределами нашей жизни. У человека есть прекрасная

- надежда, что после смерти он достигнет всего того, ради чего он при жизни стремился жить по мере сил как можно лучше, дабы, окончив жизнь, достигнуть подобного конца.
- d Говоря это, я не высказываю ничего мудреного; нет, так или иначе все мы — и эллины, и варвары — признаем это; каждому живому существу с самого начала тяжело появиться на свет. Прежде всего тяжело быть причастным утробному состоянию, затем идет само рождение, далее — возвращение и воспитание; всё это, как мы признаём, со-
- 974 пряжено с тысячью тягот. Жизнь наша краткотечна, даже если не принимать в расчет каких-то особых бедствий, но лишь такие, что выпадают на долю каждого в скромных размерах. Краткотечность эта позволяет человеку свободно вздохнуть только, как кажется, в середине его жизни. А быстро подступающая старость заставляет каждого, кто только не преисполнен детских чаяний, отказаться от желания вновь возвратиться к жизни: ведь человек принимает в расчет прожитую им жизнь. На что я здесь могу сослаться? На то, что такова уж сама природа обсуждаемого сейчас вопроса. Мы выясняем, каким образом мы можем стать мудрыми, словно каждый человек имеет эту возможность. Между тем мудрость убегает от нас, когда мы приближаемся к разумности так называемых искусств, ученых занятий и других тому подобных вещей, относимых нами к знаниям, тогда как ничто из этого не заслуживает такого обозначения, раз вся мудрость этих занятий обращена на человеческие дела. А ведь душа человека твердо
- b уверена в этой мудрости и заявляет, что по своей природе она каким-то образом может ее обрести. Однако она не очень-то может найти, в чем состоит эта мудрость, когда она появляется и каким образом приходит. Не правда ли, именно на такое состояние человеческой души очень походит наше теперешнее затруднение в вопросе о мудрости и все это наше исследование. Возникающие здесь у каждого человека трудности превосходят все ожидания; по крайней мере так бывает у тех среди нас, кто оказывается в состоянии разумно и складно исследовать как самих себя, так и
- c

других людей с помощью всевозможных способов рассуждения. Согласимся ли мы, что это действительно так? Или нет?

d

Клиний. Согласимся; однако все же мы надеемся, чужеземец, что со временем, с твоей помощью, составим себе наиболее истинное мнение об этом.

Афинянин. Итак, нам надо прежде всего разобраться все остальные так называемые знания, которые отнюдь не делают мудрым человека, занимающегося ими и их усвоившего. Покончив с ними, мы попробуем, для сравнения, изложить — а после изложения и усвоить — те знания, что нам необходимы.

Таким образом, прежде всего рассмотрим начатки знаний, в высшей степени необходимые смертному племени, так что, пожалуй, они поистине первые. Однако человек, овладевший ими, даже если он когда-то, вначале, и казался мудрым, теперь уже вовсе не покажется таковым, а эти его знания скорее навлекут на него упрек.

975

Давайте укажем, в чем эти начатки знаний состоят и почему чуть ли не всякий, кто стремится к тому, чтобы быть признанным человеком самых высоких достоинств, избегает этих знаний путем достижения разумности и упражнения в ней. Первое из этих знаний — то, которое, как говорит предание, с одной стороны, совершенно отучило нас от свойственного всем живым существам взаимного пожирания, а с другой — приучило нас к обычной пище. Да не прогневаются на нас за это прежние поколения! Впрочем, они относятся к нам благосклонно, ибо мы приветствуем тех из них, кто впервые установил то, о чем мы говорим. Хотя производство ячменной крупы и пшеничной муки и питание ими великолепно, все же это никогда не сможет сделать человека вполне мудрым. Дело в том, что самое название «производство» указывает лишь на трудность получения самих предметов. Примерно то же самое относится и к любым видам земледелия. Ведь оказывается, что все мы беремся за обработку земли не благодаря искусству, но просто так, по самой природе, и в этом нам помогает бог. Кроме

c

того, строительство домов и всякого рода зодчество, а также изготовление разной утвари, кузнечное дело, выделка орудий для плотничьего ремесла, для лепки, плетения и тому подобных занятий полезны народу, но нельзя сказать, чтобы все это имело отношение к добродетели. Точно так же любого рода охота, ставшая столь разнообразной и искусной, все же не дает величия, соединенного с мудростью. Равным образом и искусство прорицания и все в целом искусство истолкователей. Дело в том, что эти искусства знают только то, чего они касаются, причем вовсе не задаются вопросом, истинно это или нет.

d До сих пор мы рассматривали добычу предметов первой необходимости с помощью искусства; при этом выяснилось, что во всех без исключения случаях занятие это не делает человека мудрым. Нам остается рассмотреть теперь забаву, большей частью состоящую в подражании и во всех отношениях несерьезную. Люди пользуются подражанием как с помощью многих орудий, так и путем не совсем благовидных телесных движений. Далее, они создают повествовательные и разного рода стихотворные подражания с помощью тех приемов, матерью которых является живопись; а ведь ее произведения бывают чрезвычайно разнообразны, в зависимости от того, каким она пользуется материалом — сырым или сухим. И хотя бы человек занимался любым этим мастерством с величайшей тщательностью, все равно подражательное искусство никого не сделает мудрым.

e Правда, все эти творения в конце концов могли бы оказать огромную помощь неисчислимому количеству людей. В этом отношении величайшее и самое полезное искусство то, которое носит имя военного и военачальнического; его распространенность снискала ему наибольшую славу. Но зато оно всего более нуждается в счастливым стечении обстоятельств да и по своей природе большим обязано мужеству, нежели мудрости. Искусство, именуемое врачевным, приносит пользу всем живым существам, когда их природа страдает от смен времен года, от холода или от несвоевременно наступившей жары; однако и здесь ничто не служит

976

приобретению наиболее истинной мудрости: дело в том, что врачебное искусство лишено надлежащей меры и полно смутных предположений. Правда, мы должны будем признать, что кормчие, а вместе с ними и моряки, в известном смысле оказывают нам помощь; но никто не уверит нас, будто хоть один из них — человек мудрый. Ведь никто из них не ведает причин гневного напора ветра или его ласкового дуновения; между тем такое знание было бы весьма любезно всему искусству кораблевождения. Точно так же обстоит дело с людьми, которые, по их утверждению, помогают нам силой своего красноречия вести судебные дела. Путем развития памяти и постоянного упражнения они все свое внимание обращают на нравы, но они очень далеки от понимания подлинной справедливости.

Кроме мнимой мудрости остается еще одна странная способность, которую большинство назвало бы скорее природным свойством, чем мудростью. Она состоит в быстрой сообразительности, в легком усваивании, в обширной и твердой памяти, схватывающей то, что полезно человеку. Благодаря этому человек сразу поступает так, как подсказывают обстоятельства. Все эти способности одни люди считают природным свойством, другие — мудростью. Однако ни один разумный человек никогда не захочет признать действительно мудрым того, кто ими обладает.

Высшая мудрость — это наука о числе — Так вот, надо обнаружить такое какое-то знание, обладание которым делало бы человека действительно мудрым, а не только по видимости. Посмотрим, что это за знание. Мы беремся во всяком случае за трудное исследование, раз мы хотим найти помимо вышеуказанных знаний такое, которое в действительности и на достаточном основании следовало бы признать мудростью, — знание, обладатель которого будет не глупым, ремесленным исполнителем, но мудрым и добрым гражданином; правитель ли он в своем государстве или подвластный — все равно он будет справедлив и благопристоен.

Сперва рассмотрим знание, с выходом которого из чело-

- веческого обихода и выключением его из ряда других ныне существующих знаний человек превратился бы в самое бессмысленное и безрассудное существо. Знание это не очень трудно заметить. В самом деле, сравнивая, так сказать, одно знание с другим, мы найдем, что сказанное может относиться только к тому из них, которое дало всему смертному роду [понятие о] числе. Я думаю, что его нам дал для нашего спасения скорее бог, чем какой-то случай. Надо сказать, какого бога я имею в виду. Хотя, с одной стороны, это представляется странным, зато, с другой стороны, это все же не так. В самом деле, как не считать виновником этого знания, давшим нам величайшее из благ — разумность, того, кто вообще виновник всех человеческих благ? И кого
- 977** же из богов славлю я, Мегилл и Клиний? Пожалуй, это — Небо, и всего справедливее почитать его и преимущественно к нему обращаться с молитвами; так поступают и все прочие божественные существа и боги. Все мы согласились бы, что Небо стало для нас виновником и всех других благ. Мы действительно утверждаем, что оно дало нам [понятие о] числе да и в будущем даст, если кто захочет последовать его указанию. В самом деле, кто обратится к правильному его созерцанию, — Космосом ли, Олимпом или Небом ему угодно будет его называть (и пусть называет!), — тот будет улавливать разнообразные перемены в себе самом, происходящие под влиянием обращения звезд, смены времен года и всевозможной пищи. Итак, мы будем утверждать, что Небо дает нам и всю другую разумность, вместе с общим [понятием о] числе, да и все остальные блага. Самым же главным будет, если человек, получив от него в дар числа, разберется в его круговращении в целом?
- с** Однако вернемся немного назад в нашем рассуждении и вспомним, как правильно мы заметили, что никогда не стали бы разумными, если бы исключили число из человеческой природы. Дело в том, что душа живого существа, лишённого разума, вряд ли сможет овладеть всей добродетелью в совокупности. Ведь существу, не знакомому с тем, что такое «два», «три», «нечет» или «чет», совершен-

но неведомо [понятие] числа. Поэтому такое существо вряд ли сможет дать себе отчет в том, что приобретено только путем ощущений и памяти. Правда, это ничуть не препятствует тому, чтобы иметь прочие добродетели — мужество и рассудительность; но тот, кто не умеет правильно считать, никогда не станет мудрым. А у кого нет мудрости, этой самой значительной части добродетели, тот не может стать вполне благим, а значит, и блаженным. Поэтому необходимо класть в основу всего число. Для разъяснения этой необходимости потребовалось бы рассуждение более пространное. Впрочем, и теперь будет правильным сказать, что из всех остальных так называемых искусств, разобранных нами, — допустим, что все это действительно искусства, — не осталось бы ни единого, но все они совершенно исчезли бы, если бы было исключено искусство арифметики.

Бросив взгляд на искусства, кто-нибудь может, пожалуй, предположить, что род человеческий нуждается в числе ради незначительных целей. Правда, важно уже и это. Если же кто примет во внимание божественность рождения и смерти, в чем также можно распознать священное начало и действительно сущее число, то окажется, что далеко не всякий может познать все в совокупности число — настолько велико его значение для нас, вызываемое его присутствием с нами³. Раз уж во всем мусическом искусстве надо исчислять движения и звуки, то ясно, что число — виновник всех благ, а это самое главное. Что число не вызывает ничего дурного, это легко распознать, как это вскоре и будет сделано. Ведь чуть ли не любое нечеткое, беспорядочное, безобразное, неритмичное и несладкое движение и вообще все, что причастно чему-нибудь дурному, лишено какого бы то ни было числа. Именно так должен мыслить об этом тот, кто собирается блаженно окончить свои дни. Точно так же никто, не познав [числа], никогда не сможет обрести истинного мнения о справедливом, прекрасном, благом и других подобных вещах и расчислить это для самого себя и для того, чтобы убедить другого.

Давайте рассмотрим, как мы выучились считать. Ска-

- жите: откуда у нас появилось понятие единицы, двойки?
- c Почему только мы одни из всех живых существ по своей природе можем иметь такое понятие? Ведь у многих иных живых существ природа не приспособлена к этому, так что они не могут от своих отцов научиться считать. А нам впервые привил бог понимание того, что нам показывают; а затем он показал нам [число] и показывает до сих пор. Если сравнивать одно с другим, то что можно созерцать более прекрасное, нежели род дня? Далее человек переходит к другой части — к ночи; здесь пред ним совсем иное. Происходит беспрестанная смена многих ночей и дней; Небо совершает это беспрестанно, научая людей [понятию о] единице и двойке, так что, наконец, и самый неспособный человек оказывается в состоянии усвоить счет. Созерцая это, каждый из нас может получить понятие о числах «три», «четыре» и о множественности. Одно [из небесных тел] — Луну бог сделал такой, что она кажется то большей, то меньшей,
- d постоянно являя день иным, вплоть до пятнадцатого дня и ночи. Таково круговращение Луны, если кому угодно полный кругооборот считать единицей. Короче говоря, даже самое непонятливое существо усвоит это, если только оно принадлежит к тем, кому бог дал природу, способную к усвоению. До этих пределов любое живое существо в состоянии хорошо считать, наблюдая все единичное само по себе. Зато, думается мне, бог с более высокой целью сделал так,
- e чтобы человек всякий раз отдавал себе отчет во взаимных соотношениях чисел. Здесь, как мы сказали, он заставил Луну то прибывать, то идти на убыль. Он установил месяцы в отношении к году, и всякий человек начал, в добрый час, сравнивать путем наблюдения любое число с другим. Благодаря всему этому у нас наливаются плоды, тяжелеет земля и все живые существа получают пропитание, если ветры и дожди бывают умеренны, а не чрезмерны. Если же, напротив, дело идет к худшему, то здесь приходится винить не божественную природу, а человеческую, которая несправедливо распределяет свои жизненные блага.
- b

Когда мы производили наше исследование законов, мы

почти установили, что во всем остальном людям легко распознать самое для них наилучшее. Всякий человек достаточно способен понять и осуществить сказанное, если только он знает, что для него действительно полезно и что вредно. Мы решили и до сих пор держимся того мнения, что все прочие навыки не очень трудно приобрести, но зато чрезвычайно трудно решить, каким образом люди могут стать хорошими. Опять-таки, как мы указываем, приобретение всего остального хорошего возможно и нетрудно: всякий понимает, в каком размере следует — или не следует — обладать имуществом, какими телесными свойствами надо отличаться, какими благими душевными качествами. Любой человек согласится с другим, что душа должна быть справедливой, рассудительной, мужественной, а также и мудрой; но какова эта мудрость — здесь, как мы только что разобрали, большинство людей совершенно расходится друг с другом во взглядах. А теперь кроме всех указанных ранее видов мудрости мы нашли еще одну, и притом не какую-нибудь ничтожную: человек кажется мудрым, когда усваивает то, что мы разобрали. Но действительно ли мудр и благ человек, знающий в этом деле толк, вот в чем надо дать себе отчет.

Клиний. Естественно, чужеземец, что о столь важных вещах ты попытаешься сказать что-то важное.

Афинянин. Да, Клиний, во всяком случае немало-важное. Но еще большую трудность представляет то, что это во всех отношениях истинно.

Клиний. Разумеется, чужеземец. Однако не откажи изложить свой взгляд.

Афинянин. Хорошо, а вы оба не откажите выслушать.

Клиний. Очень охотно, я отвечаю тебе от лица нас обоих.

Ступени числового познания мира (космоса) **Афинянин.** Прекрасно. Итак, по-видимому, прежде всего надо коснуться вопроса, можем ли мы обозначить одним именем то, что мы понимаем под мудростью. 980

Если сделать это для нас очень трудно, то возникает другой вопрос: каковы виды мудрости и сколькими из них надо овладеть человеку, чтобы он был, согласно нашему мнению, мудрым.

Клиний. Говори же.

Афинянин. Далее, законодателю не зазорно будет дать более красивые и лучшие уподобления, касающиеся богов, нежели те, что были даны ранее. Можно указать, как ему в виде прекрасной забавы проводить свою жизнь, почитать богов и стареясь в песнопениях и блаженстве.

b

Клиний. Прекрасны твои слова, чужеземец! Пусть это будет венцом твоих законов! Да проведешь ты чистую жизнь, услаждая богов, и да получишь в удел наилучшую и наипрекраснейшую кончину!

Афинянин. Так как же мы скажем, Клиний? Решить ли нам, что песнопениями мы отлично почитаем богов, и потому с молитвой приступить к самым прекрасным о них высказываниям? Так или нет?

c

Клиний. Да, именно так. Доверившись богам, мой друг, помолись и выскажи приходящие тебе на ум прекрасные мысли о богах и богинях!

Афинянин. Пусть будет так, лишь бы только нами руководил бог! Помолись и ты вместе со мной!

Клиний. А теперь говори!

Афинянин. Итак, поскольку мои предшественники, видимо, плохо изложили происхождение богов и живых существ, мне прежде всего придется изложить это лучше в соответствии с нашим прежним рассуждением⁴. Мне придется повторить то доказательство, с которым я пытался обратиться к нечестивцам, утверждая, что боги существуют и пекутся обо всем — как о малом, так и о великом, а также, что они непреклонны во всех делах, касающихся справедливости. Помнишь ли ты это, Клиний? Ведь вы получили и записи для памяти. Да, высказанное тогда было вполне истинным. Самым главным из этого было то, что любая душа старше любого тела. Помните ли вы это?

e

Действительно, так ли оно на самом деле? Разве не убеди-

тельно, что то, что лучше — древнее и более богоподобно, в противоположность худшему, которое моложе и менее по-чтенно? Ведь повсюду тот, кто правит, старше подвластного и руководитель во всех отношениях старше руководимого. Итак, признаём, что душа старше тела⁵. Раз это так, 981 то, пожалуй, вполне убедительно, что первоначало у нас старше первого порождения. Установим же, что начало начал более благообразно и что мы вступили на правильный путь, ведущий к высочайшим вершинам мудрости, коснувшись происхождения богов.

Клиний. Пусть по мере сил это будет так.

Афинянин. Скажи, разве не будет согласным с природой и вполне истинным утверждение, что живое существо возникает тогда, когда сочетание души и тела порождает единую форму?

Клиний. Верно.

Афинянин. Такое существо можно по всей справедливости называть живым. ь

Клиний. Да.

Афинянин. Надо сказать, что, согласно весьма правдоподобному мнению, есть пять видов твердых тел, из которых можно всего прекраснее и лучше создавать формы; весь же остальной род тел имеет лишь одну форму. Нет ничего бестелесного и вовсе не имеющего окраски, из чего могло бы возникнуть нечто иное, за исключением действительно божественного рода души. Одному ему подобает создавать формы, телу же, как мы и говорим, подобает только поддаваться лепке, рождаться и становиться видимым. Роду души подобает (повторим снова — ведь это стоит сказать не раз) быть незримым и умопостигаемым, причастным памяти и уменью учитывать перемены в четном и нечетном. с

Итак, есть пять тел. Здесь надо назвать, во-первых, огонь, во-вторых — воду, в-третьих — воздух, в-четвертых — землю, в-пятых — эфир. Смотря по главенству того или иного тела, получается много разных живых существ. Для каждого отдельного случая это надо понимать так: преж-

- d де всего установим единый земной род; это — все люди, все многоногие и безногие животные, все, что способно передвигаться и пребывать на месте, будучи прикреплено корнями. Единство здесь надо мыслить так: все эти существа состоят из разных родов, но большая часть каждого из них состоит из земли и из твердой природы⁶. В качестве другого рода живых существ следует установить тот, что также рождается и может быть видим. В нем всего больше огня, хотя есть также земля, воздух и незначительные доли всех остальных [тел]; поэтому надо признать, что из этого разряда возникают разнообразные и видимые живые существа⁷. Надо опять-таки думать, что таков род живых существ на небе: весь божественный род звезд — им уделено прекраснейшее тело и блаженнейшая и наилучшая душа. Из двух
- 982 возможных частей им надо приписать, пожалуй, вторую: каждое из них может быть либо неуничтожимым, бессмертным и в силу необходимости во всех отношениях божественным, либо может иметь долгую жизнь, достаточную для своего существования, так что оно вовсе не нуждается в ее продлении.

- Прежде всего разберемся в только что сказанном. Мы утверждаем, что существует два рода живых существ. Затем мы опять-таки утверждаем, что оба этих рода видимы. Первый, как это может показаться, состоит из огня, весь целиком, второй — из земли. Земной род движется в беспорядке, а огненный — в полном порядке. Тот род, что движется в беспорядке, надо считать лишенным разума; таково большинство окружающих нас животных. Движение же, совершающееся на небе в строгом порядке, обнаруживает разумность. Достаточным доказательством разумного существования служит самотождественное движение, действие и состояние. В качестве высшей необходимости здесь выступает предположение, что [эти тела] имеют душу, обладающую умом. Ведь она законодательствует как правительница, а не как подвластная. Неизменное же, — когда душа, по совету наивысшего ума, избирает себе наилучшее, — становится, согласно тому же уму, совершенством:

даже адамант⁸ не крепче этого совершенства и не более неизменен. Три Мойры⁹ поддерживают этот порядок и наблюдают, чтобы то, что приобретено по наилучшему совету [ума], было совершенным у каждого из богов. Людям же доказательством того, что звезды и все их движение обладают умом, надо считать постоянную тождественность их действий, по принятому издревле совету, длянущуюся непо- **d**
стижимо долго. Звезды не меняют своего направления, не движутся то вверх, то вниз, не делают то одного, то другого, не блуждают и не изменяют своих круговращений. Между тем именно это многих из нас привело к обратному заключению, — будто звезды не имеют души, раз их действия тождественны и единообразны. За этими безумцами последовала толпа и предположила, что человеческий род обладает разумом и живет, коль скоро он находится в движении, род же богов не обладает разумом, раз он всегда одинаково перемещается. Однако человеку было дано под- **e**
няться до лучшего, более прекрасного и отрадного взгляда и понять, что признаком разума следует считать как раз то постоянное самотождественное действие, совершающееся вследствие одних и тех же причин. Именно тако- **983**
ва природа звезд, столь прекрасных на вид: движение их и хороводы прекраснее и величественнее всех хороводов¹⁰; они совершают то, что надлежит всем живым существам. Впрочем, в подкрепление справедливости наших слов об одушевленности звезд, подумаем прежде всего об их величине. Ведь в действительности они вовсе не так малы, как это кажется; напротив, размер каждой из них огро- **b**
мен. Этому стоит верить, так как это достаточно доказано. Безошибочно можно мыслить Солнце, все в целом, гораздо бóльшим, чем всю в целом Землю. Да и все движущиеся звезды обладают удивительной величиной. Так вот и рас- **b**
судим, каким образом можно было бы заставить столь великую массу совершать кругообразное движение всегда в одно и то же время, как это совершается и посейчас? Какая природа могла бы это сделать? Я утверждаю, что виновником здесь может быть только бог: иначе это невозможно.

Ведь и одушевленными звезды стали лишь при посредстве бога, как мы это выяснили. Раз бог в состоянии это совершить, то для него совсем уж легко было создать сначала любое живое тело, любую массу, затем заставить это двигаться в том направлении, какое он признает наилучшим. Короче говоря, молвим теперь единое истинное слово обо всем этом: невозможно, чтобы земля, небо, все звезды и тяжелые небесные тела совершали ежегодно свой путь столь точно, согласно месяцам и дням, и чтобы все существующее существовало для всех нас столь благим, если всему этому не присуща душа, рожденная для каждого из этих тел.

Сколь бы ни был ничтожен человек, ему надлежит высказывать ясные воззрения, а не болтать вздор. Между тем он не скажет ничего ясного, если назовет причиной всего этого стремительное движение тел или их природу или что-нибудь другое подобное. Но надо вполне разобраться в том, что мы сказали. Имеет ли наше рассуждение смысл или вовсе лишено его, когда мы прежде всего утверждаем, что есть два рода сущностей: душа и тело? То и другое имеет много разновидностей, несходных между собой; нет ничего иного, третьего, что было бы свойственно одной из этих двух сущностей. Душа отличается от тела: она обладает разумом, а тело — как мы установили — не обладает; она правит, тело подчиняется; она — причина всего, тело же не бывает причиной какого-либо состояния. Стало быть, какая нелепость, какое безрассудство утверждать, будто небесные явления имеют какую-нибудь другую причину, а не представляют собой порождения души и тела! Итак, если мы должны победить существующие воззрения на все это учение и убедительно показать божественность всех этих явлений, то из двух возможностей следует выбрать одну: либо надо с полным правом прославлять небесные тела как богов, либо допустить, что они стали образами богов, своего рода изваяниями, созданными самими богами: ведь это дело не каких-либо несмышленных и недалеких существ. Как сказано, нам надо установить одну какую-нибудь из этих

возможностей: коль скоро это будет установлено, небесным телам следует оказывать больший почет, чем другого рода божественным изваяниям. Ведь никогда не найдется более прекрасных и более общих для всего человечества изваяний, воздвигнутых в столь великолепных местах и отличающихся чистотой, величавостью и вообще жизненностью: именно таковы небесные тела.

b

Итак, мы приступаем теперь к вопросу о богах следующим образом. Мы заметили два рода видимых нами живых существ: один из них мы признали бессмертным, другой, то есть весь земной род, оказался смертным. Далее надо попытаться сказать о трех средних родах из пяти, находящихся между указанными двумя. Они всего более ясны на основании обычных представлений. После огня мы поместим эфир и установим, что душа образует из него живые существа, обладающие той же силой, что и остальные роды, причем они большей частью состоят из своей собственной природы и лишь в небольшой части образованы при помощи сопряжения со свойствами остальных родов. После эфира душа образует другой род живых существ из воздуха и третий род из воды. Произведя все это, душа, естественно, наполнила небо живыми существами. Она приспособила каждый род в соответствии с его возможностями, причем все они стали причастны жизни. Образовав второй, третий, четвертый и пятый род живых существ — причем начала она с рождения видимых богов, — душа закончила свое дело нами, людьми.

c

d

Что касается богов — например Зевса, Геры и всех остальных, — то их можно распределить согласно тому же закону, лишь бы прочно было усвоено это учение¹¹. Но первыми — зримыми, величайшими и почтеннейшими из богов, зорко все обзирающими, — надо признать звезды и все то, что мы испытываем в связи с ними¹². Непосредственно после них, ступенью ниже надо поместить гениев — воздушное племя, занимающее третье, среднее место. Гении — виновники истолкований; их надо усердно почитать молитвами за их благие вещания¹³. Из двух этих родов живых

e

существ, тот что образован из эфира, а также тот, что образован из воздуха, незримы; даже их близкое присутствие для нас неявно. Оба этих рода причастны удивительной разумности, так как это племя понятливое и памятливое. Мы

- 985** сказали бы, что они знают все наши мысли и чудесным образом приветствуют тех из нас, кто прекрасен и благ, а очень дурных людей ненавидят, так как те причастны страданию. Между тем бог, достигший совершенства в своей божественной участи, находится за пределами удовольствия и страдания и во всем причастен лишь разумности и познанию. Коль скоро небо наполнено живыми существами, эти гении служат им всем посредниками — вышним богам и друг другу, — легко носясь по земле и по всему свету.
- b** Пятый род, рожденный из воды, правильно можно было бы уподобить полубогам. Они иногда зримы, иногда же скрываются, делаясь неразличимыми, что для слабого зрения представляется чудом¹⁴.

- c** Эти пять родов живых существ действительно существуют, в чем пришлось убедиться некоторым из нас либо во сне, в сновидении, либо слыша слова откровения и прорицания, когда бываешь здоров или болен, или когда приходишь к концу жизни. Представления эти разделяются как частными людьми, так и государством. Вот почему сооружено множество святилищ многим божествам да и впредь будут сооружаться. Законодатель, хоть чуть-чуть обладающий умом, никогда не отважится производить
- d** здесь нововведения и не допустит, чтобы его государство поддерживало новые, еще неясные культы. Он не станет препятствовать жертвоприношениям, установленным отеческими обычаями, так как он ровно ничего не понимает в этих делах: ведь смертной природе невозможно все это знать. Но что касается действительно видимых нами богов, то же самое учение заставляет признать чрезвычайно дурными тех людей, которые не отваживаются признаться [в их отрицании] и обнаружить того, что они уклоняются от обрядового служения другим богам и не воздают им подобающих почестей.

**Астрономия
как опора
и источник
благочестия**

А теперь случается так, как если бы кто из нас, заметив Солнце или Луну, вззирающих на всех людей, ничего не сообщил бы об этом, хотя мог бы это сделать, и светила эти оказались бы лишенными почитания; если бы он не проявил никакого желания, насколько это от него зависит, учредить в честь этих божеств на почетном месте празднества и жертвоприношения и назначить сроки, а также выделить для этого времена больших и меньших годов¹⁵. Разве он не заслужил бы по праву названия дурного человека, вредного и для самого себя, и для другого, кто это сознает? **986**

Клиний. Конечно, заслужил бы, чужеземец. Это был бы в высшей степени дурной человек.

Афинянин. Так вот, дорогой Клиний, знай, что именно в таком положении нахожусь сейчас я.

Клиний. Что это ты говоришь?!

Афинянин. Узнайте, что на всем небе есть восемь сил, братски родственных между собой. Я их созерцал. Однако в этом нет ничего мудреного: это легко заметит и всякий другой. Из этих сил одна — это сила Солнца, другая — Луны, третья — неподвижных звезд, о которых мы упомянули немного ранее. Остается еще пять. **В**

Обо всех звездах и о тех силах, что заложены в них, — все равно сами ли они движутся или совершают свой путь на колесницах¹⁶, — всякий из нас будет мыслить только таким образом: одни из них — боги, другие — нет; одни связаны между собой родством, другие же таковы, что о них и молвить никому из нас не дозволено. Лучше скажем, что все они, по нашему утверждению, братья и участь их — братская. Воздадим им почет, однако не так, что одному посвятим целый год, другому — месяц, а третьему не отведем совсем никакой доли и времени, в которое они проходят свой кругооборот: ведь все они содействуют зримому мировому порядку, установленному разумом, наиболее божественным из всего. Человек блаженный сперва поражен этим порядком, затем начинает его любить и стремится **с**

усвоить его, насколько это возможно для смертной природы, полагая, что таким образом он всего лучше и благополучнее проведет свою жизнь и по смерти придет в места, подобающие добродетели. Такой человек на самом деле примет истинное посвящение, овладеет единой разумностью, коль скоро и сам он един, и все остальное время станет созерцать прекраснейшие [явления], какие только доступны зрению.

А теперь нам остается указать, сколько этих [богов] и каковы они. Ведь мы ни в коем случае не окажемся лжецами; на этом-то по крайней мере я твердо настаиваю. Я опять-таки утверждаю, что таких [богов] восемь. О трех из них мы уже говорили; остаются еще пять. Четвертый вид перемещения и круговращения, а также пятый по своей скорости почти равны круговращению Солнца: во всяком случае они не медленнее и не быстрее его. Вообще всякий достаточно разумный человек должен признать, что существует три [кругооборота]. Мы считаем таковыми [кругооборот] Солнца, Утренней звезды и еще третьего [светила], назвать которое нельзя, так как имя его неведомо. Причина этого та, что первый заметивший его был варваром. Дело в том, что древний обычай воспитал первых людей, обративших на это внимание, под воздействием красоты летнего времени, которым так богаты Египет и Сирия. Люди там постоянно видят все звезды, так сказать, ясно, потому что в этой части света никогда не бывает облачности и влажности. Отсюда сведения эти распространились по всему миру, в том числе они дошли и до нас, причем подкрепленные тысячелетним длительным наблюдением. Поэтому надо смело включить это в законы. В самом деле, не считать ценным то, что божественно, а иное, вовсе не божественное, считать ценным, это явное неразумие. Надо, однако, указать причину, по которой отсутствуют некоторые названия. Впрочем [светила] заимствовали свои имена у богов: так, Утренняя звезда, она же и Вечерняя, пожалуй, не без основания носит имя Афродиты, что вполне в духе сирийского законодателя. А то светило, что совершает

свой путь вместе с Солнцем, почти наравне с ним, получило имя Гермеса. Есть еще три кругооборота, совершающихся слева направо вместе с [кругооборотами] Луны и Солнца. Надо указать еще на один [кругооборот], именно на восьмой; его скорее всего можно было бы признать космосом. Он совершается в направлении, противоположном пути перечисленных сейчас светил, и ведет за собой все остальные; по крайней мере так кажется нам, людям, столь мало сведущим во всем этом.

Однако необходимо высказать то, о чем у нас имеется достаточно сведений. Мы так и поступим. Ибо действительно сушая мудрость каким-то образом обнаруживается перед человеком, хотя бы немного причастным правильному, божественному пониманию. Остаются три звезды; из них одна отличается от прочих своею медлительностью, и некоторые дают ей имя Кроноса; следующую за ней в смысле медленности движения надо назвать именем Зевса; наконец, третью — именем Ареса: она одна из всех них имеет красноватый оттенок. Коль скоро кто-нибудь укажет на эти светила, нет уже никакого труда их заметить; но лишь только это будет усвоено, следует мыслить об этом именно так, как мы указали¹⁷.

Всякий эллин должен поразмыслить над тем, что местность, занимаемая нами, эллинами, чуть ли не лучше всех остальных по своим прекрасным свойствам. Здесь надо отметить то ее преимущество, что она занимает среднее место между странами с суровой зимой и странами с жарким климатом. Раз природа тех мест, как мы сказали, превосходит нашу родину летней жарой, естественно, что нам позже были переданы сведения об этих богах мира. Однако мы должны признать, что эллины совершенствуют все то, что они получают от варваров. С этим надо считаться также и при обсуждении того, что мы сейчас исследуем. Хотя и трудно отыскать здесь бесспорную истину, однако у нас есть большая прекрасная надежда, что эллины прекраснее и по существу справедливее позаботятся обо всех этих богах, почитание которых, по преданию, перешло к

нам от варваров. Эллины могут применить здесь свою образованность, Дельфийские прорицания и весь культ богов, основанный на законах. И пусть никто из эллинов не пугается мысли, будто не следует заниматься божественными делами, раз мы смертны; нет, надо думать как раз обратное, а именно: божественное не лишено разума, оно знает человеческую природу и ведаёт, что под влиянием его наставлений она последует за ним и усвоит то, чему оно учит. А что божество обучает нас — например даёт понятие о числе, умение считать, — это ему, конечно, ведомо. Всех неразумнее был бы тот, кто этого не знает. Ведь, как говорится, он действительно не знал бы в этом случае самого себя, сердился бы на того, кто в силах усвоить эти знания, не радовался бы, без зависти, успехам того, кто благодаря богу стал благим. Есть много прекрасных доводов в пользу того, что в ту пору, когда у людей зародились первые представления о богах, — как они произошли, какими стали и какие деяния совершали, — все эти воззрения были бы не по вкусу и не по сердцу людям рассудительным. То же самое относится к воззрениям следующих поколений, утверждавших наибольшую древность огня, воды и всех прочих тел и относивших к позднему времени чудо души, а также считавших главным и самым почтенным то движение, которое тело получает само по себе путем нагревания, охлаждения и так далее, и отрицавших важность того движения, которое сообщает телу и самой себе душа. А теперь, коль скоро мы утверждаем, что душа, стоит ей оказаться в теле, движет (в этом нет ничего удивительного!) и перемещает как его, так и самое себя, уже не остается никаких доводов против того, что душа в состоянии перемещать любую тяжесть. Вот почему мы и теперь считаем душу причиной всего, в том числе и всех благ, а все дурное — иным по своим свойствам. Ничего удивительного нет в том, что душа — причина всякого рода перемещения и движения; перемещение и движение в сторону блага есть свойство совершенной души, а в противоположную сторону — свойство души противоположной. Впрочем,

благо должно всегда брать верх над тем, что ему противоположно.

Все это мы высказали согласно справедливости, мстящей за нечестие¹⁸. Что же касается предмета нашего исследования, то мы должны верить в то, что следует считать **989** мудрым человека благого. Что касается этой мудрости, которую мы давно уже отыскиваем, то давайте посмотрим, мыслима ли она в том обучении или искусстве, при недостатке которого мы были бы невеждами в вопросах справедливости, а значит, и невеждами вообще. Мне кажется, что мыслима, и сейчас я об этом скажу. Дело в том, что я повсюду искал причину, сделавшую для меня это ясным, и я попытаюсь вам ее изложить. Состоит она в том, что самое **b** главное в добродетели осуществляется нами нехорошо, что, как я вполне уверен, вытекает из только что сказанного. В самом деле: никто никогда нас не уверит, что есть область добродетели, более важная для смертного племени, чем благочестие. Следует сказать, что оно не появилось даже у наилучших натур из-за величайшего невежества. А наилучшие натуры — это те, что встречаются чрезвычайно редко; зато, если они встретятся, они очень полезны. Дело в том, что душа, умеренно обладающая медлительностью и противоположной ей природой, была бы обходительна, восхищалась бы мужеством, была бы послушна рассудку и, что самое главное, при этих своих природных свойствах **c** была бы понятлива, памятьлива и могла бы спокойно радоваться своей любознательности. Правда, подобные натуры не очень легко появляются на свет; но коль скоро они встречаются, то, получив должное образование, они могут удерживать в надлежащих пределах натуры худшие и более многочисленные с помощью разумности своего поведения и отдельных указаний насчет богов — как и когда надо совершать жертвоприношения и очищения пред богами и людьми. Они далеки от всякого рода наружной рисовки, но поистине чтят добродетель. А это самое главное для **d** любого государства. Вот мы и утверждаем, что такие натуры по своей природе наиболее значительны и способны

к наилучшему усвоению тех знаний, которые им преподают. Между тем преподавать невозможно без божественного руководства. Стало быть, если кто принимается за обучение не так, то лучше его и не усваивать. Впрочем, из этих слов для подобных натур вытекает необходимость все это усвоить; мне же необходимо указать, что это за наилучшие натуры. Давайте попробуем основательно разобраться в свойствах указанного предмета и в способах его усвоения.

e Я по мере моих сил буду указывать, а тот, кто может, пусть выслушает, каким образом усваивается благочестие. Пожалуй, придется услышать нечто не совсем обычное. Ведь мы

990 сказали бы, что наука, о которой идет речь, — чего никогда не предположил бы человек, не сведущий в этом деле, — называется астрономией. Вам неведомо, что величайшим мудрецом по необходимости должен быть именно истинный астроном, — не тот, кто занимается астрономией по Гесиоду и ему подобным, ограничивающимся наблюдением над заходом и восходом светил, но тот, истинный астроном, кото-

b рый из восьми кругооборотов наблюдает преимущественно семь, при которых каждое светило совершает свой круговой путь так, что это нелегко смог бы усмотреть любой человек, непричастный свойствам чудесной природы¹⁹. Мы укажем, согласно нашему утверждению, надлежащий способ и путь усвоения. Прежде всего пусть будет сказано следующее.

c Луна очень быстро совершает свой кругооборот и проходит свои фазы начиная с полнолуния. Затем надо поразмыслить о Солнце, которое совершает повороты в течение всего круговращения, и о его спутниках. Чтобы не повторять все время одного и того же обо всех этих светилах, скажем, что путь остальных светил, указанных нами ранее, понять нелегко. Чтобы подготовить натуры, способные усвоить эти знания, следует предварительно многому их научить и с детского и отроческого возраста приучить к настойчивому труду. Следовательно, должны существовать науки. Главная и первая из них — это наука о самих числах, но не о тех, что имеют предметное выражение, а

вообще о зарождении [понятий] «чет» и «нечет» и о том значении, которое они имеют по отношению к природе вещей. Кто это усвоил, тот может перейти к тому, что носит весьма смешное имя геометрии²⁰. На самом деле ясно, что это наука о том, как выразить на плоскости числа по природе своей неподобные. Кто умеет соображать, тому ясно, что речь идет здесь прямо-таки о божественном, а не человеческом чуде. Вслед за этой наукой идет еще одна, ей подобная²¹: люди, ею занимающиеся, также называли ее геометрией. Наука эта изучает тела, имеющие три измерения и либо подобные друг другу по своей кубической природе, либо неподобные, приводимые к подобию с помощью искусства.

Но что действительно удивительно и божественно для вдумчивого мыслителя, так это присущее всей природе удвоение числовых значений и, наоборот, раздвоение — отношение, наблюдаемое во всех видах и родах [вещей]. Первый вид удвоения — это отношение единицы к двойке: в результате получается вдвое большее числовое значение. При переходе к трехмерным осязаемым телам происходит опять-таки удвоение, причем здесь от единицы восходит к восьми²². Второй вид удвоения занимает среднее место между двумя крайними членами, будучи больше меньшего крайнего члена и меньше большего; второй средний член находится в таком же отношении к крайним членам, превосходя величиною один из них и уступая другому. Так, среди чисел, находящихся между шестью и двенадцатью, есть два числа: первое из них образовано прибавлением половины числа шесть, второе — прибавлением трети того же числа²³. Значение этих чисел, занимающих среднее место между двумя крайними членами, научило людей согласованности и соразмерности ради ритмических игр и гармонии и даровало это блаженному хороводу Муз.

Так вот, пусть именно в таком порядке совершается усвоение этих наук. Завершением их должно служить рассмотрение божественного происхождения и прекраснейшей и божественной природы зримых вещей. Бог дал созерцать

c го людям, но без только что разобранных наук никто это не может, хотя бы кто и похвалялся тем, что он легко все схватывает. Вдобавок при любом общении надо путем вопросов сравнивать единичное с видовым, избличая каждый раз того, кто плохо ответил. Это действительно во всех отношениях наилучший и самый первый у людей способ исследования; прочие же способы недостоверны, несмотря на свою привлекательность: это будет самый тщетный из всех трудов. Далее, нам надо познать точность времени, а именно, с какой точностью совершаются все небесные кругообращения, чтобы поверить, что истинно слово, утверждающее старшинство души над телом и вместе с тем ее более божественную сущность, а также чтобы считать прекрасным и достаточно обоснованным утверждение, что все полно богов и что мы никогда не испытываем небрежного отношения со стороны высших сил из-за их забывчивости и нерадивости.

d Обо всем этом надо мыслить так: правильное понимание этих вещей в определенном смысле очень полезно для человека; в противном же случае лучше постоянно призывать бога²⁴. Вот в каком отношении — это надо указать — все это полезно: всякая геометрическая фигура, любое сочетание чисел или гармоническое единство имеют сходство с кругообращением звезд; следовательно, единичное для того, кто надлежащим образом его усвоил, разъясняет и все остальные²⁵. Впрочем, как мы говорим, это будет лишь в том случае, если он правильно усваивает, производя свое наблюдение над единичным. Перед вдумчивыми людьми здесь обнаружится естественная связь всех этих 992 вещей. Если же человек как-то иначе берет за это дело, ему надо, как мы сказали, призвать на помощь удачу. В самом деле: без этих знаний человек с любыми природными задатками не станет блаженным в государствах. Есть только один этот способ, только эти науки — легки ли они или трудны, их надо преодолеть. Не должно пренебрегать б 992 богами, раз уж стало ясным касающееся их откровение, ведущее к блаженству²⁶. Я считаю поистине мудрейшим

человека, охватившего таким путем все эти знания. И в шутку, и всерьез я стану настойчиво утверждать, что такой человек, даже восполнив смертью удел своей жизни, на смертном своем одре не будет, как теперь, иметь множества ощущений, но достигнет единого удела, из множественности станет единством, будет счастлив, чрезвычайно мудр и вместе с тем блажен. Все равно на земле ли или на Островах блаженных он всегда получит в удел такую судьбу. Занимался ли он при жизни государственными делами или своими частными, боги также дадут ему эту участь. Впрочем, и сейчас остается в силе наше первоначальное правдивое утверждение, что людям, за редким исключением, невозможно стать совершенно блаженными и счастливыми: это было правильно нами указано. Но люди божественные, рассудительные и причастные по своей природе всей остальной добродетели, а вдобавок еще овладевшие всем, что имеет отношение к блаженной науке (мы уже указали, в чем это состоит), — такие люди, и только они одни, получают в удел обладание всеми божественными дарами. Итак, людям, именно таким образом потрудившимся (мы сейчас говорим об этом частным порядком, но одновременно устанавливаем это в качестве государственного закона), и следует предоставлять главные государственные должности, лишь только они достигнут преклонного возраста. Все же остальные вслед за ними должны благоговейно относиться ко всем богам и богиням.

Мы же, достаточно распознав и проверив членов Ночного собрания, призываем их всех к наилучшему пониманию этой мудрости,

ПИСЬМА

I

Платон желает Дионисию¹ благополучия

Проведя у вас столь долгое время и занимаясь устройством 309
вашей власти², я, которому было оказано доверия
больше, чем кому бы то ни было (от чего вам были не-
малые выгоды), вынужден был подвергаться нареканиям и
тягостной клевете. Я стойко перенес это: ведь я знал, что
ни одна жестокость не покажется вам совершенной с моего
согласия: мои свидетели — все, вместе с вами принимавшие ь
участие в управлении государством. За многих из них я
заступился сам, избавив их от немалого наказания. И вот,
столько раз облеченный неограниченной властью, храни-
тель вашего государства, я выслан из него, подвергшись
при этом бесчестию, какое не выпадает даже на долю ни-
щего: вы велите мне отплыть восвояси — мне, проведенному
с вами столь долгое время!

Да, в дальнейшем я обдумываю собственный образ жиз-
ни, который еще более отдалит меня от людей; ты же, ока-
завшись таким тираном, останешься в одиночестве. Твой с
блистательный денежный дар, данный мне в путь, везет
тебе обратно Бакхей³, податель сего письма: ведь его ма-
ло даже на путевые расходы, да и для остальной жизни
пользы от него никакой. Тебе, дарителю, он принесет пол-
ное бесславие да и мне не меньшее, если я его возьму. А
потому я его и не беру. Тебе же, очевидно, все равно, что

d получить, что дать столь великую сумму; а посему, приняв доставленное, окажи этим услугу кому-либо другому из твоих друзей, как ты хотел оказать ее мне: ведь я уже не раз получал от тебя такие одолжения. И кстати, на случай, если другие дела твои пошатнутся, я хочу привести тебе один стих Эврипида⁴:

Молить ты будешь, муж чтоб был такой с тобой.

Хочу тебе напомнить это, потому что и многие другие трагики, когда выводят тирана умирающим от чьей-либо руки, заставляют его восклицать:

Друзей лишенный, горе мне, погиб ведь я⁵.

310 Но никто еще из поэтов не вывел человека, погибающего от недостатка золота. И вот какие стихи неплохо иметь в виду людям, имеющим разум:

Золота блеск — не редкость в жизни смертных несчастной,
Ни адамант, ни серебряной утвари блеск, столь чтимый
людьми, пред очами;

И тучных пажитей, нив плодоносных для жизни не надо
Так, как разумного слова мужей, меж собою согласных⁶.

b Будь здоров и постарайся обдумать свою немалую пре-
до мною вину, чтобы по отношению к другим ты вел себя
лучше.

II

Платон желает Дионисию благополучия

c Я услышал от Архедема, что ты считаешь, будто по отношению к тебе не только я, но и мои близкие должны вести себя спокойно и ни говорить о тебе, ни делать ничего плохого: ты исключаяешь только одного Диона¹. Это твое замечание, ставящее Диона в особое положение, указывает, что я не распоряжаюсь своими близкими. Если бы я имел такое влияние на других, в том числе и на тебя с Дионом, всем нам, утверждаю я, да и всем эллинам было бы больше пользы. Теперь же я вменяю себе в заслугу лишь то, что следую своему разуму. Говорю я это потому, что Крати-

стол и Поликсен² не сказали тебе ничего здорового. Передают, что один из них утверждал, будто в Олимпии³ многие из тех, кто был со мной, говорили о тебе плохо. Возможно, слух у него лучше, чем у меня: ведь я этого не слышал. Мне кажется, в дальнейшем тебе следует поступать так: если кто-нибудь будет о ком-то из нас говорить нечто подобное, тебе надо, послав письмо, спросить об этом меня. Я же и не побоюсь, и не постыжусь сказать правду. Ведь таковы наши с тобой отношения: если так можно выразиться, и о нас известно каждому эллину, и о дружбе нашей никто не молчит. Непусти же, чтобы и в будущем о ней не молчали. Ведь люди, о которых при этом говорят, таковы, что дружба их и не преходяща и не остается скрытой.

Но к чему я это сейчас говорю? Скажу, начав издаleка. По самой природе разум и великая власть стремятся соединиться вместе⁴; каждое из них гонится за другим, стремится к нему и с ним сочетается. А потом люди бывают довольны, когда сами говорят об этом или слышат от других в частных беседах или в произведениях поэтов. Например, когда люди говорят о Гиероне и о Павсании Лакедемонском⁵, они радуются, повествуя об их дружбе с Симонидом и сообщая, что Симонид сделал для тех или им сказал. Обычно они восхваляют также Периандра Коринфского и Фалеса Милетского, Перикла и Анаксагора, Креза и Солона как мудрецов, а Кира — как властелина⁶. Подражая этому, поэты объединяют Креонта с Тиресием, Полииду — с Миносом, Агамемнона и Нестора — с Одиссеем и Паламедом; и, как мне кажется, по той же причине древние люди соединили Прометея с Зевсом⁷. Одних они показывают находящимися в разногласии, других — во взаимной дружбе, а иных — то в дружбе, то во вражде и воспевают их то как единомышленников, то как противников. Все это я говорю к тому, что хочу показать: когда мы умрем, и о нас самих не умолкнут речи. Так что об этом надлежит позаботиться. Необходимо, по-видимому, подумать и о будущих временах. Именно в силу какого-то природного свойства люди с рабской душой нисколько об этом не заботятся, а люди

достоинные делают все, чтобы в будущем о них хорошо отзывались. И это я считаю неким свидетельством, что умершие ощущают происходящее здесь, на земле: лучшие души обладают предчувствием, что дело обстоит именно так, а никчемные этим предчувствием не обладают. При этом, конечно, важнее предчувствие божественных людей, чем тех, которые не таковы. И я думаю о тех, о ком говорил выше, что, если бы им возможно было исправить свои взаимные отношения, они бы очень о том порадели, дабы о них шла лучшая молва, чем теперь. Также и нам, с божьей помощью, можно пока, если что в наших прежних отношениях было нехорошего, выправить это и словом, и делом. Тем самым установится истинное мнение относительно философии, и если мы сами будем вести себя достойно, то и слава о нас будет лучше, если же мы будем плохими, то и слава будет дурна. Коль скоро мы станем об этом заботиться, мы поступим самым благочестивым образом, если же не станем — самым нечестивым.

Как все это должно быть и чего требует справедливость, я сейчас скажу. Когда я прибыл в Сицилию⁸, мне сопутствовала слава, что я во многом превосхожу тех, кто занимается философией; придя в Сиракузы, я хотел и тебя заполучить в свидетели этого, дабы и в глазах большинства философия служила моей славе. Но все случилось не в добрый час. Причиной этого я считаю не то, что могли бы счесть многие, но другое: оказалось, что ты не очень доверяешь мне и хочешь каким-то образом меня отослать, а пригласить других, причем ты стремился узнать, каковы мои цели, как мне кажется, не питая ко мне доверия. Таких, кто громко об этом кричал, было много; они говорили, что ты презираешь меня и что мысли у тебя направлены на другое. Эта крикливая молва распространилась. Выслушай же, что в этом случае следует делать, дабы затем я мог ответить на твой вопрос, как должны сложиться наши взаимоотношения. Если ты вообще пренебрегаешь философией, брось ее; если же ты слышал от другого или сам нашел то, что тебе нравится больше моего учения, держись это-

го; а если тебе нравится мое учение, то тебе нужно и мне оказывать высокий почет. Так же, как поначалу, ты веди, а я последую за тобой. Чтимый тобой, я буду чтить тебя, **c** если же я у тебя не заслуживаю почета, то, устранившись, я удалюсь на покой. Оказывая мне почет и показав в этом пример, ты обнаружишь, что чтить философию; а то, что ты старался ознакомиться и с другими учениями, принесет тебе в глазах многих славу как подлинному философу. Если же я стану оказывать тебе почтение, хотя бы ты меня и не чтил, люди подумают, что я льщусь богатством и стремлюсь к нему; а мы знаем, что это ни у кого не заслуживает одобрения. Подводя всему итог, скажу: если будет почет с твоей стороны, честь и слава обоим; если же его буду оказывать я один, обоих ждет стыд. Но об этом достаточно.

Что касается маленького шара⁹, то дело с ним обстоит не совсем правильно; тебе объяснит Архедем, когда придет. Ему также весьма необходимо дать объяснение и по поводу гораздо более важного и возвышенного вопроса, ради ответа на который ты его и послал, чтобы разрешить свое недоумение. По его словам, ты говоришь, что тобой недостаточно воспринято учение о природе первопричины. Я должен ответить тебе иносказательно, дабы, если эта табличка испытает какие-либо превратности на суше и море, тот, кому она попадет в руки, ее бы не понял. Вот в чем дело: все тяготеет к царю всего¹⁰, и все совершается ради него; он — причина всего прекрасного. Ко второму тяготеет второе, к третьему — третье. Человеческая душа стремится познать, каково все это, взирая на то, что ей родственно; однако из родственного ничто ее не удовлетворяет. Что же **313** касается царя и того, о чем я сказал, то там нет ничего подобного — и вот приходит душа и вопрошает: что же это такое? В этом и заключается твой вопрос, о сын Дионисия и Дориды¹¹, и в нем-то причина всех бед; а скорее это природная нашей душе боль, которую, если не исторгнуть, никто никогда не постигнет подлинной правды.

Когда мы были в садах, под лаврами, ты мне сказал, что

b сам до этого додумался и это твое открытие. Я же ответил, что, если тебе так кажется, ты можешь освободить меня от многочисленных рассуждений. Я сказал также, что никогда не встречал никого, кто бы это открыл, и что вся моя деятельность была именно на это направлена. Ты же, возможно, услышав это от кого-либо, видно, по божественному определению, прямо устремился к этой цели, но необходимых твердых и связных доказательств привести не мог — ведь у тебя их не было, — и ты мечешься от одной крайности к другой, подчиняясь воображению, на самом же деле здесь нет ничего подобного. Знай, что случилось это не только с тобой одним: всякий услышавший от меня впервые это учение вначале испытывал точно такое же состояние. Одним это доставляло немало хлопот, другим меньше, и хотя наконец они от этих забот избавлялись, все же никому не удавалось сделать это легко.

c Раз дело обстоит таким образом, по-моему, мы уже почти нашли ответ на вопрос, который ты поставил передо мной, а именно: какие должны установиться между нами отношения. Поскольку ты исследуешь вопрос, призывая на помощь других, и рассматриваешь все это и само по себе, и наряду с их учениями, тобой все это будет усвоено, если только верно велось исследование, — и ты станешь ближе и им, и мне.

d Но как же исполнится и это, и все то, о чем мы сказали? Ты правильно сделал, послав Архедема, но в дальнейшем, когда он придет к тебе и сообщит мои речи, у тебя, конечно, возникнут другие сомнения. Так вот, ты снова пошлешь, если только намерения твои правильны, ко мне Архедема: и он, как после торгового путешествия, прибудет к тебе обратно. Когда же ты повторишь это два или три раза и хорошо исследуешь мои послания, то я удивлюсь, если вопрос, по поводу которого ты теперь недоумеваешь, не станет тебе много яснее, чем раньше. Итак, смело действуй таким образом. Ибо не может быть более прекрасной и угодной богам торговли, чем та, с которой ты пошлешь Архедема, **e** **314** а он поедет. Остерегайся только, чтобы все это не стало

достоянием людей невоспитанных. Мне кажется, для большинства нет почти ничего, что казалось бы смешнее таких вот мыслей; с другой стороны, для людей благородных духом нет ничего более дивного и вдохновляющего. Мысли эти, часто высказываемые и всегда выслушиваемые, причем в продолжение многих лет, словно золото, с трудом очищаются после сильного напряжения. И послушай, что при этом бывает странное. Ведь из людей слышавших это (а таких много) достаточно восприимчивых, с сильной памятью, способных к исследованию и суждению, есть такие, которые уже в преклонные лета, после того, как они слышали это не меньше тридцати лет назад, говорят, что лишь теперь то, что им казалось полностью недостоверным, представляется достоверным и совершенно ясным, а то, что раньше казалось вполне достоверным, представляется им теперь противоположным. Приняв это в соображение, остерегайся, как бы тебе не пришлось сожалеть о том, что сказанное теперь недостойным образом получило огласку. Более всего надо печься о том, чтобы ничего не записывать, но все познавать и усваивать: ведь невозможно, чтобы написанное не получило огласки. Поэтому я никогда ничего не писал о таких вещах, и на свете нет и не будет никакой Платоновой записи; а то, что теперь читают, — это речи Сократа¹², когда он, еще молодой, был прекрасен. Будь здоров, слушайся меня, а это письмо, прочтя его несколько раз, сожги.

Но довольно об этом. Ты удивился, что я послал к тебе Поликсена; я же и о Ликофроне¹³, и о других из твоего окружения говорил и продолжаю говорить, что в рассуждениях, по способу подхода к ним, а также по своим природным дарованиям, ты очень от них отличаешься, и ни один из них не допускает охотно, как полагают некоторые, опровержений, но лишь очень нехотя. При этом, как кажется, ты очень прилично обошелся с ними и удостоил их почетных даров. Ну и довольно о них: для таких людей этого более чем достаточно. Что же касается Филистиона, то если ты сам хочешь его использовать, пользуйся им

ревностно, а также, если возможно, Спевсишом¹⁴, и потом отошли его. Да и Спевсиш просит тебя об этом. Филистион обещал мне, что если ты отпустишь его, то он охотно приедет в Афины.

Ты хорошо сделал относительно того, кого ты отпустил из каменоломен¹⁵. Небольшая также просьба относительно его домашних и относительно Гегесиппа, сына Аристора¹⁶.

315 Ведь ты написал мне, что если кто обидит его или их и ты это заметишь, ты не дашь этим людям спуску. И относительно Лисиклида¹⁷ надо сказать правду: он единственный из тех, кто прибыл в Афины из Сицилии, ничего не извратил в рассказах о наших с тобой отношениях, но говорит все хорошее и старается выставить происшедшее с наилучшей стороны.

III

в Написав: «Платон Дионисию — радуйся», правильно ли выразил бы я свое лучшее пожелание? Или скорее написав по своему обыкновению: «Желаю благополучия», как я привык обращаться в письмах к своим друзьям? Как передали мне участники священного посольства, ты и сам обратился к богу в Дельфах¹ с таким льстивым выражением и, как говорят, сделал надпись:

Радуйся! Благостно жизнь сохраняй ты, довольный, владыке.

с Я же ни в обращении к человеку, а тем более к богу не выразил бы такого пожелания. Богу — потому что я побуждал бы его к этому вопреки его божественной природе: ведь божество обитает далеко от удовольствия и страдания; а человеку — потому что много вреда приносит как удовольствие, так и страдание, порождая невосприимчивость, забывчивость, неразумие и высокомерие. Вот что хотел я заметить относительно приветствия. Ты же, прочтя это, какое хочешь принять приветствие, такое прими.

d Немало людей утверждает, что ты говорил некоторым посланцам, будто, когда ты в моем присутствии заявлял,

что собираешься восстановить греческие города в Сицилии и тем облегчить участь сиракузян, переименовав свою власть вместо тирании в царскую, я тебе, по твоим словам, воспрепятствовал в этом, хотя ты этого очень желал, а теперь, мол, я учу Диона сделать то же самое, и, таким образом, пользуясь твоими же мыслями, мы отнимаем у тебя твою власть². Есть ли тебе какая польза от таких e разговоров, ты знаешь сам, но, говоря противоположное тому, что было на самом деле, ты меня обижаешь. Из-за Филиста³ и других вдоволь распространилось обо мне наветов среди наемников и населения Сиракуз, а все потому, что я жил с тобой в акрополе, а они вне его, и любую происходившую ошибку приписывали мне, говоря, что ты во всем слушаешься меня. Ты же лучше всех знаешь, что о 316 политических делах я по собственному почину вел с тобой разговоры очень редко, и то вначале, когда думал, что могу сделать что-либо значительное. Всего этого было очень немного; чуть-чуть старания я приложил к введениям в законы, а все остальное ты приписал сам либо кто-то другой. До меня доходят слухи, что впоследствии иные из твоего окружения видоизменили законы, и, конечно, они будут звучать как чужие для тех, кто может судить о моем характере. Но я сказал только что: я не нуждаюсь в клевете, направленной против сиракузян, или если ты хочешь в чем-то убедить кого-то другого; скорее мне нужна защита против первой возникшей по поводу меня клеветы и против b той, что возникла теперь, позднее и оказалась значительно более сильной. Итак, против этих двух клевет необходимо провести и две защиты: во-первых, ту, что я сознательно избегал разговоров с тобой о государственных делах; а во-вторых, что ты не говорил, будто с моей стороны был какой-то совет или запрещение и что я не препятствовал тебе, когда ты собирался заселить эллинские города. Итак, c сначала выслушай мое оправдание по поводу упомянутой мной первой клеветы⁴.

Я прибыл в Сиракузы по приглашению твоему и Диона⁵, которого я очень высоко ставил; он был издавна

моим другом и по возрасту был уже человеком средних лет, с установившимся характером. Все это очень нужно тем, кто пусть и обладает малым умом, но собирается давать советы в таких значительных делах, как тогда у тебя. А ты был очень юн и совершенно неопытен в том, в чем тебе необходимо было обладать большим опытом, мне же ты был совсем незнаком. После этого человек ли, или бог, или некая судьба при твоём содействии изгнала Диона, и ты остался один. Можешь ли ты думать, что у меня тогда с тобой образовалась общность мыслей по поводу государственных дел, если ты погубил разумного советчика и, как я видел, остался, неразумный, окруженный многими другими негодными людьми? Если я видел, что ты не правитель, но лишь думаешь, что властвуешь, на самом же деле находишься под властью подобных людей? При таких обстоятельствах что было мне делать? Разве лишь то, что я поневоле и делал: отказался на будущее от всяких государственных дел, остерегаясь навлечь на себя клевету завистников, вас же, хотя вы были разобщены между собой и имели разные убеждения, всячески старался сделать по возможности близкими друзьями? Ты сам мне свидетель в том, что, стремясь именно к этой цели, я никогда не отказывался от своего намерения. И с трудом, но все же мы **317** согласились, чтобы я отплыл домой, так как война вас целиком захватила, с тем, чтобы, когда вновь наступит мир, я и Дион вернулись в Сиракузы⁶ и ты призвал бы нас к себе. Вот что произошло с моим первым путешествием в Сиракузы и благополучным возвращением домой. А когда установился мир, ты вторично стал приглашать меня, но не так, как было договорено, а послав мне письмо, чтобы я прибыл один, за Дионом же ты, мол, пошлешь потом.

б Поэтому я не поехал; однако и Дион рассердился тогда на меня; он думал, что было бы лучше, если бы я послушался тебя и поехал. После этого, год спустя, прибыла триера и письмо от тебя; главным в этом письме было обещание, что если я прибуду, то все дела Диона устроятся так, как я мыслю; в противном же случае, писал ты, будет наоборот.

Стыдно сказать, сколько пришло тогда писем от тебя и от других — по твоему приказу — и из Италии, и из Сицилии, и от скольких моих знакомых и близких. Все они настойчиво советовали мне ехать и просили меня во всем тебе довериться. Действительно, всем, начиная с Диона, казалось, что мне надо незамедлительно плыть. Хотя я и указывал им на свой возраст и относительно тебя упорно говорил, что ты не сумеешь противодействовать моим клеветникам и тем, кто захочет разжечь между нами вражду: ведь я и раньше видел и вижу теперь, что огромные, чрезмерные состояния как частных лиц, так и монархов почти всегда, чем они больше, тем больше воспитывают число клеветников и добавляют к удовольствиям позорный вред; это — зло, хуже которого не рождает обогащение и возможность других злоупотреблений.

Так вот, оставив в стороне все эти соображения, я отправился, полагая, что никто из моих друзей не должен меня обвинять в том, будто из-за моей нерадивости их личное имущественное положение, которое могло бы не потерпеть ущерба, все же его потерпело. По моем прибытии (ты ведь сам хорошо знаешь, что затем произошло) я стал просить, чтобы, согласно твоему обещанию, данному в твоих письмах, ты прежде всего возвратил бы Диона, вернув ему свое расположение; я говорил о вашем родстве, и если бы ты послушался меня, то, как подсказывала мне моя прозорливость, было бы лучше, чем теперь, и тебе, и сиракузянам, и другим эллинам. Затем я просил, чтобы имущество Диона ты вернул его родным, а не допустил распоряжаться этим имуществом управляющих, которых ты хорошо знаешь. К тому же я полагал, что нужно каждый год посылать причитающиеся ему деньги, притом в большем количестве, а не в меньшем; особенно же я настаивал, чтобы они были посланы во время моего пребывания. Не добившись ничего, я стал просить тебя об отъезде. Ты же после этого стал убеждать меня остаться еще на год, говоря, что, продав все состояние Диона, ты половину денег пошлешь в Коринф⁷, а половину оставишь для его сына.

И еще многое мог бы я указать из того, что ты пообещал, но не сделал; однако ввиду многочисленности таких случаев я это опускаю. В самом деле, когда ты произвел продажу всех вещей Диона безо всякого его на то согласия, — хотя ты и говорил, что без его согласия не будешь этого делать, — ты увенчал, удивительный ты человек, все свои обещания чисто мальчишеским поступком; ты изобрел вещь не очень красивую, не очень складную, несправедливую и бесполезную, чтобы меня запугать (словно я не знал тогдашних дел!) и я не добивался бы отправки денег Диону. Ведь когда ты изгнал Гераклида, это ни сиракузянам, ни мне не показалось справедливым, и так как я вместе с Феодотом и Эврибием⁸ просил тебя не делать этого, ты воспользовался этой просьбой как достаточным поводом и сказал, будто тебе уже давно было ясно, что о тебе я несколько не забочусь, а лишь пекусь о Дионе и его друзьях и близких; и теперь, когда Феодот и Гераклид находятся под подозрением, так как это люди, близкие Диону, я, мол, готов применить все средства, чтобы они не понесли наказания.

Вот в каком духе были эти мои собеседования с тобой о политике; если же ты усмотрел какое-то иное разногласие между нами, знай, что все произошло отсюда. И не удивляйся: всякому разумному человеку я, по справедливости, показался бы совсем никчемным, если бы под влиянием величия твоей власти предал бы старинного друга и гостя, по твоей милости попавшего в тяжелое положение; ведь он, так сказать, ничуть не хуже, а я вдруг предпочел бы тебя, причиняющего ему обиду, и стал бы делать все, как ты прикажешь, причем было бы ясно, что из-за денег. Никакого другого основания никто не мог бы привести для моей измены, если бы я так изменился. Но все это, происходившее таким образом, сделало по твоей вине то, что дружба наша напоминала дружбу волков и не было между нами никакого согласия.

Речь моя теперь непосредственно переходит ко второму моменту защиты, о котором я говорил. Следи и всячески

наблюдай, не покажется ли тебе, что я лгу и говорю вопреки истине. Я утверждаю, что в саду, в присутствии Архедема и Аристокрита⁹, приблизительно дней за двадцать до моего отъезда из Сиракуз домой, ты говорил то же самое, что, упрекая меня, говоришь и теперь, а именно, будто бы я больше забочусь о Гераклиде и обо всех других, чем о тебе. И в их присутствии ты спросил меня, помню ли я, что в самом начале, когда я сюда прибыл, я настойчиво советовал тебе восстановить греческие города. Я подтвердил, что помню это и что и теперь мне это кажется наилучшим. Следует упомянуть, Дионисий, и то, что было сказано тогда еще сверх этого. Я спросил тебя, только ли это одно я тебе советовал или, кроме того, и что-то другое? Ты же с гневом и в оскорбительной для меня форме, желая меня обидеть (сейчас-то тогдашняя твоя дерзость вместо сна стала явью), сказал, смеясь очень натянуто, как я помню, следующее: мол, ты мне советовал делать все, обучившись, или не делать этого вовсе. Я заметил, что ты все хорошо это помнишь. «Значит, — сказал ты, — обучившись геометрии, или ты имеешь в виду что-то иное?» После чего я не сказал того, что хотел сказать, боясь, как бы из-за какого-нибудь небольшого словца путь моего отплытия, на которое я рассчитывал, не стал бы вместо широкого узким.

Но вернемся к тому, из-за чего все это говорится: не клеветчи на меня, говоря, что я не позволил тебе восстановить разрушенные варварами эллинские города и облегчить положение сиракузян, установив вместо власти тирана царскую власть. Утверждая это, тебе трудно налгать на меня, ибо ты приписываешь мне то, что не соответствует моему характеру. Кроме того, уличая тебя, я мог бы привести еще более явные доводы, если бы существовал сведущий суд. Я сказал бы, что настойчиво тебе советовал, ты же не хотел исполнять. А ведь нетрудно ясно показать, что, будь все так сделано, это было бы самым лучшим и для тебя, и для сиракузян, и для всех сицилийцев. Но, милейший, если ты утверждаешь, что не говорил этого, хотя ты это и говорил, я удовлетворен; если же ты признаешься, то сочти мудре-

цом Стесихора¹⁰ и, подражая его палинодии, измени свои лживые речи на справедливые.

IV

*Платон Диону Сиракузскому
желает благополучия*

320 Думаю, что в течение всего этого времени было очевидным мое рвение (относительно всех предстоящих дел) и то, что я прилагал много усилий, чтобы помочь тебе привести их к благому концу; делал я это не по какой-либо иной причине, но из-за искреннего честолюбия, направленного на прекрасное. Ведь я считаю справедливым, чтобы люди, поистине благородные и поступающие соответственным образом, получили и подобающую им славу. В настоящее время, хвала богу, дела находятся в хорошем положении, что же касается будущего, то предстоит великое состязание¹. Ведь возможность отличиться храбростью, быстротой, силой может показаться достоинством и других людей, а вот что касается справедливости, правдолюбия, великодушия и связанной со всем этим благопристойности, всякий согласился бы, что стремящиеся чтить все это, естественно, отличаются от всех других. То, что я говорю сейчас, ясно, однако нам самим следует помнить, что мы должны отличаться от других людей, несомненно, больше, чем взрослые отличаются от детей. Мы ясно должны показать всем, что мы такие, как мы говорим, особенно когда, с божьей помощью, это легко сделать. Ведь другим пришлось в силу необходимости много попутешествовать по разным местам, чтобы стать известными; твое же положение таково, что взоры людей всей Земли, — может быть, это смело сказано, — направлены в одну точку, а в ней главным образом — на тебя. Итак, будучи человеком, на которого обращено общее внимание, готовься показать себя древним Ликургом или Киром² или любым другим, кто когда-либо, как казалось, отличался и характером, и знанием государственных дел. Это необходимо, тем более что многие, можно сказать даже все живущие в ваших краях, говорят, будто с

падением Дионисия вполне можно ожидать, что дела при- е
дут в упадок из-за честолюбия твоего, Гераклида, Феодота
и других знатных лиц³. Самое важное, таким образом, что-
бы никто из вас не мог стать таким, а если бы кто таким
и стал, явись ты врачом, и тогда дело непременно
должно обернуться к лучшему. Может быть, тебе кажется **321**
смешным то, что я говорю, потому что ты и сам хорошо это
знаешь. Но даже в театрах я наблюдаю, как дети подбад-
ривают актеров криками, не говоря уже о друзьях: всякий
ведь понимает, что они дают советы под влиянием рвения и
расположения. Итак, ведите теперь борьбу сами и, если вам
что-нибудь нужно, пишите нам: здесь все приблизительно
в том же положении, как тогда, когда вы тут были. Пиши-
те, что вами сделано и что еще приходится делать. Ведь **ь**
мы, воспринимая много слухов, на самом деле пребываем в
неведении. Много писем приходит теперь от Феодота и Ге-
раклида в Лакедемон и Эгину, мы же, как я сказал, многое
слыша о тамошних событиях, все-таки ничего не знаем.

Подумай и о том, что в глазах некоторых ты кажешь-
ся менее услужливым, чем подобает; пусть же от тебя не
скроется, что благодаря расположению со стороны людей **с**
возможно и действовать; а гордость, наоборот, спутница
одинокости. Будь счастлив!

V

Платон желает Пердикке¹ благополучия

Я посоветовал Эвфрею², как ты поручил мне, чтобы он
уделял время заботе о твоих делах; я считаю себя вправе **d**
дать тебе дружественный и, как говорят, священный совет
и относительно других дел, о которых ты мог бы мне ска-
зать, а также о том, как ты должен использовать Эвфрея.
Человек этот полезен во многих отношениях, особенно же в
том, в чем ты теперь особенно нуждаешься как вследствие
своего возраста, так и потому, что мало у молодых людей
находится в этом деле советников. Ведь, право, у каждого

е политического строя, как и у разных живых существ, свой особый язык: один — у демократии, другой — у олигархии, а еще иной — у монархии. Весьма многие могли бы сказать, что они знают эти наречия, но, за исключением малого числа людей, никто не может их понять. Тот государственный строй, который обращается к богам и к людям на своем собственном языке и совершает соответствующие поступки, всегда процветает и сохраняется невредимым, тот же, который подражает чужому языку, погибает. И в этом отношении Эвфрей был бы для тебя очень полезен, хотя и в других отношениях он человек мужественный: надеюсь, он найдет оправдания для монархии не хуже тех, кто составляет твое окружение. Если ты употребишь его на это, ты и сам извлечешь пользу, и ему во многом поможешь.

322 Если же кто, услышав это, скажет: «Платон, как кажется, делает вид, будто он знает, что полезно для демократии; но, хотя ему можно говорить в народном собрании и советовать народу самое лучшее, он ни разу не поднялся с места и ни слова не произнес», — на это надо ответить: «Платон слишком поздно родился для своей страны и застал народ постаревшим и вдобавок приученным его предшественниками делать многое, не соответствующее его мнениям. Он охотно бы, как родному отцу, помогал ему, если бы не считал, что напрасно подвергает себя опасности, без всякой надежды на успех». Такая же участь, думаю я, постигла бы и совет, данный мне. Ведь если бы советчику показалось, что я неизлечимо болен, он распростился бы со мной, оставив в покое советы по поводу меня и моих дел. Будь счастлив.

VI

*Платон Гермю, Эрасту и Кориску¹
желает благополучия*

с Мне кажется, что кто-то из богов, исполненный к вам благосклонности, в изобилии послал вам счастливую судьбу, если только вы сумеете ею хорошо воспользоваться: все

вы живете по соседству и имеете полную возможность оказывать друг другу помощь в самых важных делах. Для Гермия ни количество его коней, ни иная военная мощь, ни приток золота не могли бы иметь большего значения во всех случаях жизни, чем поддержка верных и мыслящих здраво друзей; Эрасту же и Кориску вдобавок к мудрому учению об идеях, столь прекрасному, как я утверждаю, хотя я уже и старик, недостает умения сохранять себя от дурных и несправедливых людей и силы для самозащиты. Ведь они неопытны в этом, так как большую часть своей жизни провели с нами, людьми умеренными и непорочными. Я сказал, что им этого недостает, с той целью, чтобы им не пришлось забросить истинную мудрость и начать по необходимости заниматься обыденной человеческой мудростью больше, чем следует. С другой стороны, этим даром, как мне кажется, обладает Гермий (я говорю это, не будучи с ним знаком²) как от природы, так и в силу умения, добытого опытом.

323

Но к чему я веду свою речь? Так как я знаю Эраста и Кориска лучше, чем ты, то я говорю тебе, Гермий, настойчиво указываю и свидетельствую, что нелегко найдешь ты людей с характером, заслуживающим большего доверия, чем у этих твоих соседей. Поэтому я советую тебе любым справедливым способом держаться этих людей и не считать это для себя лишним делом. В свою очередь Кориску и Эрасту я советую держаться Гермия и стараться при помощи столь тесных отношений добиться полного дружеского слияния. Но если покажется, что кто-нибудь из вас разрушает этот союз — ведь ничто человеческое не бывает прочным, — пришлите сюда ко мне или моим близким письмо — ходатая по вашим жалобам: думаю, что слова, которые придут от нас, основанные на совести и справедливости, если только разногласие не окажется слишком сильным, лучше любого заклинания соединят вас и свяжут вновь, восстановив прежнюю дружбу и общность. Если мы все вместе будем стремиться к подобной мудрости, насколько это каждому дано, то наши нынешние пророчества осу-

ществятся. О том, что будет, если мы этого делать не станем, я молчу. Я изрекаю лишь слова добра и говорю: все это будет сделано нами к добру, если захочет бог.

d Необходимо, чтобы все трое прочли это письмо, лучше всего — сообща; если же это не получится, читайте по двое, по возможности вместе и как можно чаще. Вы должны смотреть на это письмо как на договор, как на главный закон и по справедливости должны принести клятву со всей серьезностью, но не с той серьезностью, которая неприятна, а с родственной ей шуткой, клянясь именем бога, владыки сущего и предстоящего, и именем могущественного родителя этого владыки и виновника [существующего], которого, если мы подлинны философы, мы ясно познаем, насколько это возможно блаженным людям³.

VII

*Платон родственникам и друзьям Диона
желает благополучия*

324 Вы мне написали, что я должен считать и быть уверенным в том, что ваши замыслы — те же самые, какие были у Диона, и что поэтому вы усиленно предлагаете мне, насколько возможно, и словом, и делом оказывать вам содействие. Я же, если у вас то же мнение и те же цели, какие были у него, согласен вместе с вами вести общие дела; в противном случае я еще не раз подумаю. Каковы были его замыслы и цели, об этом я могу сказать не по догадке, а с полной уверенностью. Когда я впервые прибыл в б Сиракузы, будучи примерно сорока лет от роду, Дион был такого возраста, как теперь Гиппарин¹; и какого мнения он был тогда, такого же остался и до конца, а именно он считал, что сиракузяне должны быть свободными и жить под управлением наилучших законов. Так что нет ничего удивительного, если кто-нибудь из богов внушил Гиппарину то же самое мнение относительно государственного устройства и сделал его единомышленником Диона. Каким образом родилось это мнение, поучительно послушать и моло-

дым и пожилым: я постараюсь изложить вам это с самого начала. Ведь теперь самое подходящее для этого время.

Когда я был еще молод, я испытал то же, что обычно переживают многие: я думал, как только я стану самостоятельным человеком, тотчас же должен принять участие в общегосударственных делах. Да и судьба некоторых государственных дел, с которыми мне пришлось столкнуться, оказалась следующей: так как тогдашний государственный строй со стороны многих подвергался нареканиям, произошел переворот, во главе которого стоял пятьдесят один человек, из них одиннадцать распоряжались в городе, десять — в Пирее (те и другие наблюдали за рынком и за всем тем, что нужно было привести в порядок в столице и гавани), остальные же тридцать обладали неограниченной властью. Некоторые из них были моими родственниками и хорошими знакомыми². Они тотчас же стали приглашать меня в соучастники своих замыслов, считая это для меня вполне подходящим делом. И если принять во внимание мою юность, со мной не случилось тогда ничего необычного. Ведь я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить. Поэтому я усиленно наблюдал за ними: что они будут делать? И вот я убедился, что за короткое время эти люди заставили нас увидеть в прежнем государственном строе золотой век! Вот один из примеров: старшего моего друга, дорогого мне Сократа, которого я, не обинуясь, могу назвать справедливейшим из живших тогда людей, они вознамерились посылать вместе с другими за кем-то из граждан, чтобы насильно привести его и затем казнить, — конечно с той целью, чтобы и Сократ принял участие в их деяниях, хочет ли он того или нет. Но он не послушался их, предпочитая подвергнуться любому риску, чем стать соучастником их нечестивых деяний³. Так вот, видя все это и многое другое в том же роде, я вознегодовал и устранился от всех этих зол. Немного времени спустя пала власть Тридцати и весь этот государственный строй. Вновь, но уже более сдержанно стала

меня увлекать жажда общественной и государственной деятельности. Но и тогда, поскольку времена были смутные, происходило многое, что могло бы вызвать чье-то негодование, и потому нет ничего удивительного, что отдельные лица особенно сильно мстили своим врагам во время переворота. Однако те, что вернулись тогда в Афины, проявили большую терпимость⁴. Но по какому-то злому року некоторые тогдашние властители снова вызвали в суд моего друга Сократа, предъявив ему безбожнейшее из обвинений, менее всего ему подходившее: одни его обвиняли как безбожника, другие же произнесли обвинительный приговор и казнили того, кто сам не пожелал тогда принять участие в безбожном обвинении против одного из друзей изгнанников, когда и сами изгнанники были в тягостном положении⁵.

Я видел все это, а также людей, которые ведут государственные дела, законы и царящие в государстве нравы, и чем больше я во все это вдумывался и становился старше, тем мне стало казаться труднее правильно вести государственные дела. Без друзей и верных товарищей казалось мне невозможным чего-то достичь, а найти их, даже если они существовали, было не так легко: ведь наше государство уже не жило по обычаям и привычкам наших отцов, а найти других, новых людей невозможно с завидной легкостью. Писанные законы и нравы поразительно извратились и пали, так что у меня, вначале исполненного рвения к занятию общественными делами, когда я смотрел на это и видел, как все пошло вразброд, в конце концов потемнело в глазах. Но я не переставал размышлять, каким путем может произойти улучшение нравов и особенно всего государственного устройства; что же касается моей деятельности, я решил выждать подходящего случая. В конце концов относительно всех существующих теперь государств я решил, что они управляются плохо; ведь состояние их законодательства почти что неизлечимо и ему может помочь разве только какое-то удивительное стечение обстоятельств. И, восхваляя подлинную философию, я был принужден сказать, что лишь от нее одной исходят как государственная

законность, так и все касающееся частных лиц. Таким образом, человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами⁶.

С такими мыслями я прибыл впервые в Италию и Сицилию. Когда же я приехал, тамошняя пресловутая блаженная жизнь, заполненная всевозможными италийскими и сиракузскими пиршествами, никак не пришлась мне по душе. Не понравилось мне и наедаться дважды в день до отвала, а по ночам никогда не спать одному и также всякие другие привычки, связанные с подобной жизнью. Естественно, что никто из людей, живущих под этим небом, с юности воспитанный в таких нравах, не мог бы никогда стать разумным; даже если он одарен чудесными природными задатками, он при этих условиях даже не подумает стать рассудительным; то же самое относится и к прочим частям добродетели. В то же время никакое государство не сможет наслаждаться покоем, опираясь на законы, как бы хороши они ни были, если люди будут считать, что все нужно тратить на чрезмерную роскошь и что они ни к чему прилагать не должны никаких усилий, разве только к обжорству, пьянству и к любовным утехам. Такие государства неизбежно то и дело меняют формы правления, становятся то тираниями, то олигархиями, то демократиями, и нет этим переменам конца. Властители таких государств не могут слышать даже имени справедливого и равноправного строя. И вот, придя к такому сознанию сверх прежних моих убеждений, я отправился в Сиракузы, надо думать, по воле судьбы. Видимо, кто-то из власти имущих задумал тогда положить начало тому, что ныне случилось с Дионом и Сиракузами; и нужно опасаться, что это случится с еще большим числом людей, если вы теперь не послушаете меня, вторично дающего вам свой совет. 327

Каким образом, считаю я, мое тогдашнее прибытие в Сицилию послужило толчком ко всем дальнейшим собы-

тиям? Я познакомился и сблизился с Дионом, бывшим тогда, как мне кажется, совсем юным. В беседах я излагал ему в рассуждениях то, что, по моему мнению, является наилучшим для людей, и советовал ему осуществлять это на практике; видимо, сам того не зная, я каким-то образом бессознательно подготавливал падение тирании. Что же касается Диона, то он был очень восприимчив ко всему, а особенно к тому, что я тогда говорил; он так быстро и глубоко воспринял это, как никто из юношей, с которыми я когда-нибудь встречался; возлюбив добродетель больше удовольствий и остальной роскоши, он всю остальную жизнь пожелал прожить не так, как большинство италиков и сицилийцев. Поэтому, становясь все больше ненавистным тем, кто жил по законам тирании, он прожил так вплоть до самой смерти Дионисия [Старшего]⁷. Приняв упомянутое решение, он заметил, что не у него одного такой образ мыслей, который он получил, слыша справедливые речи. Присматриваясь, он замечал, что есть это и у других, правда не очень многих, но все же есть у некоторых, в числе которых, как он решил, мог бы, вероятно, с божьей помощью быть и Дионисий; действительно, если бы он оказался таким, то и его собственная жизнь и жизнь других сиракузян стала бы несказанно блаженной. Сверх того, он думал, что при всех обстоятельствах я должен возможно скорее прибыть в Сиракузы как соучастник и помощник во всех этих делах, помня о нашей взаимной дружбе и о том, с какой легкостью получилось, что он почувствовал страстное стремление к прекрасной и совершенной жизни. Вот и теперь, если бы ему удалось вызвать такое настроение у Дионисия, как он попытался, он имел бы большую надежду, без избиений и казней, без всех совершившихся зол, устроить во всей стране счастливую и справедливую жизнь. На основании этих правильных размышлений Дион убедил Дионисия послать за мной и сам, посылая мне письма, просил меня, невзирая на обстоятельства, возможно скорее прибыть, пока другие⁸, находящиеся при Дионисии, не вовлекут его в иную жизнь, отвратив от лучшей. Он

просил об этом, говоря следующее (хотя передать все это было бы слишком долгим): «Какого более благоприятного времени, — писал он, — можем мы ожидать, чем выпавшее нам теперь на долю по какому-то божественному соизволению?» Далее он перечислял власть над Италией и Сицилией, свое собственное влияние в этом государстве, молодость Дионисия, его стремление к философии и образованию. Он говорил, как легко привлечь его племянников и близких к тому учению и жизни, которые я всегда проповедовал, и что они больше всех других будут способны привлечь к тому же самому и Дионисия. Так что, если уж когда-либо, то именно теперь может полностью осуществиться надежда, что философы и правители великих государств окажутся одними и теми же лицами. Таковы были тогда его призывы и многие другие заманчивые предложения; меня страшила мысль об их молодости и как все это выйдет: ведь молодые люди скоры в своих стремлениях и часто увлекаются ими в противоположную сторону. Однако я знал характер Диона, природную твердость его духа и установившуюся в нем с возрастом выдержку. Пока я это обдумывал про себя и колебался, нужно ли мне послушаться Диона и ехать или надо поступить как-то иначе, я наконец склонился к тому, что нужно, если только я хочу видеть осуществленными свои мысли о законах и государственном строе. Именно сейчас надо сделать такую попытку; убедив одного, я вполне мог бы выполнить все свои добрые намерения.

В силу такого образа мыслей и подобной решимости я снялся с места, а вовсе не потому, что могли бы подумать некоторые. Мне было очень стыдно перед самим собой, как бы не оказалось, что я способен лишь на слова, а сам никогда добровольно не взялся бы ни за какое дело. Кроме того, еще раньше можно будет подумать, что я предал свою дружбу и близость с Дионом, который был тогда в немалой опасности. Если бы он пострадал или если бы, изгнанный Дионисием и другими своими врагами, он как беглец пришел бы ко мне и обратился с такими словами: «О, Платон! Я прихожу к тебе, изгнанник, не потому, что

- я нуждаюсь в гошлитах или во всадниках, чтоб отражать врагов, но потому, что нуждаюсь в речах и в способности убеждения: я знаю, что именно ты умеешь побуждать молодых людей ко всему доброму и справедливому, а также всякий раз умеешь внушить им взаимную дружбу и чувство товарищества. И вот лишенный этого по твоей вине я, покинув Сиракузы, теперь прихожу к тебе. Ущерб, нанесенный тобой мне, приносит тебе меньший стыд; но разве не оказалось, что философия, которую ты всегда превозносишь и говоришь, будто остальные люди относятся к ней без почтения, — эта философия, насколько только возможно, 329 предана тобой наравне с моею судьбой? Ведь если бы случайно я жил в Мегарах⁹, ты, конечно, пришел бы ко мне на помощь, если бы я стал тебя звать, в противном случае ты счел бы себя самым негодным из всех человеком; теперь же, благодаря тому, что ты можешь сослаться на дальность пути, на трудность плавания, ты думаешь как-то избавиться от общего мнения, что ты поступил нехорошо? Нет, тебе это никогда не удастся». Если бы он мне так сказал, какой приличный ответ на это мог бы я дать? Никакого. И вот на основании таких размышлений и справедливых, насколько это возможно для человека, доводов я пришел к указанному решению, оставив из-за этого мои философские беседы и исследования, которые так мне нравились, и попал в обстановку тирании, не подобающую ни моему учению, ни мне самому. Придя туда, я исполнил свой долг перед Зевсом-Гостеприимцем, проявив безупречное отношение к обязанностям философа, ибо я заслуживал бы всяческого упрёка, если бы в силу изнеженности и трусости запятнал бы себя столь скверным позором.
- с Когда я прибыл туда (мне не стоит очень распространяться), я нашел все окружение Дионисия зараженным политическими раздорами и клеветой перед тираном по адресу Диона. Конечно, насколько я мог, я его защищал, но я был способен сделать очень немного, и приблизительно на четвертый месяц после моего прибытия Дионисий изгнал Диона под предлогом, что тот злоумышляет против него

и стремится к тирании, — изгнал с бесчестьем, погрузив на маленькое судно¹⁰. После этого все мы, друзья Диона, боялись, как бы Дионисий не обратил своего гнева на кого-то еще под предлогом, будто бы он соучастник в Дионовом заговоре. А относительно меня уже распространилась молва в Сиракузах, что Дионисий дал приказ меня казнить как виновного во всем том, что тогда случилось. Заметив, что все мы находимся в таком настроении, боясь сам, как бы из-за нашего страха не произошло еще что-нибудь худшее, он стал всех нас милостиво принимать и особенно обращался ко мне, убеждал быть спокойным и всячески просил остаться: если бы я бежал от него, ему от этого не было бы ничего хорошего; зато было бы хорошо, если бы я остался; поэтому он усиленно делал вид, что просит меня об этом. А ведь мы знаем, что просьбы тиранов смешаны с принуждением. И вот он придумал, как помешать отплытию, уведя меня в акрополь и поселив там, откуда ни один кормчий не мог бы меня увести против воли Дионисия; это можно было бы сделать лишь в том случае, если бы он сам поручил ему увести меня, послав к нему человека с таким приказом. Любой купец, любой начальник пограничных дорог — каждый из них, кто увидал бы меня уходящим одного, без охраны, — схватил бы меня и быстро снова привел к Дионисию, тем более, что уже опять распространился противоположный прежнему слух, будто бы Дионисий удивительно как любит и уважает Платона. А что было на самом деле? Нужно сказать правду. С течением времени он все более и более выражал мне свое расположение; чем больше при встречах со мной он узнавал мой образ мыслей и мой характер, тем сильнее он хотел, чтобы я хвалил его усерднее, чем Диона, и чтобы я лишь его отличал как друга, а не Диона, и в этом отношении он проявлял страшную ревность; а вступить на тот путь, каким это лучше всего могло бы осуществиться, если бы это вообще могло быть, а именно учиться и слушать мои беседы по философии, стать ко мне ближе и иметь со мной постоянное общение, он опасался, страшась злоречья клеветников, внушавших ему, что я мо-

гу как-нибудь связать его по рукам и ногам и таким образом Дион может достичь своей цели. Я все это переносил, твердо держась того намерения, с которым я сюда прибыл, а именно, чтобы он почувствовал желание жить жизнью философа; но его противодействие победило.

- c Таким-то образом проходила пора первого моего пребывания в Сицилии. После этого я опять отбыл в Афины и вернулся назад в Сицилию лишь по очень настойчивому вызову Дионисия. Почему я это сделал и почему то, что я сделал, было правильным и соответствующим моему образу мыслей, я вам изложу потом, ибо многие спрашивают меня, из-за чего я поехал вторично. А теперь, чтобы второстепенные вещи в моем рассказе не показались главными,
- d я прежде всего хочу посоветовать вам, что́ следует делать ввиду сложившихся обстоятельств. Так вот что хочу я сказать: ведь если врач дает совет больному, ведущему вредный для здоровья образ жизни, то прежде всего он должен посоветовать ему, чтобы он переменял свой образ жизни, и, только если он пожелает ему подчиниться, врач будет и дальше давать ему свои наставления. Если же больной не захочет его послушать, то врача, уклонившегося от советов такому больному, я счел бы настоящим человеком и сведущим лекарем, а того, кто продолжал бы настаивать на своих советах, я счел бы, наоборот, человеком слабым
- e и неискусным. То же самое и относительно государства: будет ли во главе его один человек или несколько, если государственный строй стоит на верной стезе и правители пожелали бы спросить совета о том, что может им быть полезным, то было бы разумно дать его таким людям. Но есть и такие правители, которые полностью сошли с правильной стези государственного устройства и ни в коем случае не желают вернуться на эту стезю, причем советуя
- 331 приказывают оставить их строй неприкосновенным, а если кто будет его касаться, тем грозят смертью, либо они велят ему давать советы, приноравливаясь к их прихотям и стремлению самым легким и скорым путем сохранить на вечные времена свой строй. Так вот, если кто при таких об-

стоятельствах продолжал бы давать советы, я счел бы его человеком слабым; отказывающегося же все это выполнять я почел бы за настоящего мужа. Такой вот я усвоил себе образ мыслей. И когда кто-нибудь спрашивает у меня совета по жизненно важным вопросам, например по поводу приобретения денег или заботы о теле или душе, если мне кажется, что он в своей повседневной жизни руководится какими-то правилами или что он послушается меня, я охотно даю совет относительно того, о чем он меня спрашивает, и прекращаю свои беседы, только исполнив свой долг. Если же он вообще не спрашивает моего совета или ясно, что он ни за что меня не послушается, то к такому человеку я не подойду без приглашения со своими советами, а к насилию не стану прибегать, будь даже он мой родной сын. Рабу я бы стал советовать, даже если бы он не захотел меня слушаться, и принудил бы его к этому силой; отца же и мать принуждать к чему-либо силой я считаю нечестивым¹¹, разве только если их охватил недуг безумия. И если они ведут раз навсегда установленный образ жизни, который им нравится, мне же нет, я не должен вызывать их нерасположение, напрасно тревожа их наставлениями, ни, с другой стороны, льстиво прислуживаться к ним, ни, наконец, выполнять все их желания, которые мне самому в моей жизни были бы неприятны.

Так вот, разумный человек должен жить, именно таким образом относясь к своему государству: если ему кажется, что оно управляется нехорошо, он дает совет, — в том случае, если ему не грозит опасность говорить впустую, либо, выступая с речами, подвергнуть себя угрозе смерти; совершать же насилие над родиной в виде государственного переворота он не должен, если перемена к лучшему не может совершиться без изгнания и истребления людей; ему нужно, сохраняя спокойствие, молиться о благе для самого себя и для государства.

Вот в таком духе я бы и стал давать вам советы; так мы с Дионом советовали и Дионисию: прежде всего каждый день жить таким образом, чтобы как можно больше

- е иметь над собой власти и приобретать верных друзей и товарищей, с тем чтобы его не постигла судьба его отца. Тот, захватив много крупных городов в Сицилии, еще раньше совершенно разрушенных варварами, не был в состоянии, восстановив их, учредить в каждом из них надежное правление из дружественных ему людей — каких-либо иноземцев или своих братьев¹², бывших моложе его, которых он сам воспитал: а ведь он их из частных лиц сделал властителями и из бедных — людьми богатейшими. Никого из них он не смог сделать соучастником своей власти — ни с помощью убеждения или наставления, ни с помощью благодеяния, ни обращаясь к чувству родства. Его положение оказалось во сто крат хуже положения Дария, который не оказал доверия ни своим братьям, ни тем, кто был воспитан им самим, но лишь тем, кто вместе с ним участвовал в устранении мидийского евнуха; он разделил все свое государство на семь частей, каждая из которых больше всей Сицилии, и в лице своих сподвижников имел верных соправителей, не злоумышлявших ни против него, ни друг против друга; он показал пример, каким должен быть хороший законодатель и царь: ведь, установив законы, он и доныне сохранил неприкосновенной власть персов¹³. Нужно также привести в пример еще и афинян. Они получили в свое распоряжение много греческих городов, подвергшихся набегам варваров, однако сохранивших свое население, и, хотя не они их основывали, тем не менее они сохраняли там власть в течение семидесяти лет, приобретая верных себе людей в каждом из этих городов. Дионисий же, собрав всю Сицилию в один город и будучи слишком хитрым, чтобы кому-нибудь доверять, с трудом удерживал свою власть: он был беден друзьями и верными людьми, а ведь ничего не может служить лучшим признаком достоинства или порочности человека, чем наличие у него или отсутствие верных людей.
- д Вот подобные советы давали мы Дионисию, я и Дион. Раз прежде всего отец передал ему такое наследство, то он, лишенный настоящего воспитания, лишенный подходя-

сих друзей, должен был все усилия направить на то, чтобы приобрести себе других друзей из числа близких и сверстников, единомышленных с ним в стремлении к добродетели, главное же, он должен был прийти к согласию с самим собой, ибо этого он удивительно как не умел. Мы говорили об этом не так открыто — ведь это было не безопасно, — но обвиняками, наводя его путем спора на мысль, что таким образом всякий человек сберегает и себя, и тех, над кем он стоит правителем, если же он ведет иной образ жизни, то все у него выходит наоборот. Идя тем путем, о котором мы говорим, став человеком разумным и рассудительным, он восстановит опустевшие сицилийские города, свяжет их законами и государственным строем так, чтобы они и ему стали близкими, и друг другу оказывали помощь против варваров; всем этим он не только удвоит полученное от отца государство, но поистине сделает его еще во много раз бóльшим. Если это случится, то карфагеняне подчинятся ему гораздо сильнее, чем в былое их рабство при Гелоне¹⁴. Во всяком случае с ним не будет, как с его отцом, который, наоборот, должен был платить дань варварам.

Таковы были речи и увещания, обращенные нами к Дионисию, — нами, которые якобы против него злоумышляли. Так как отовсюду шли такие слухи, то они, одолев нас в глазах Дионисия, сделали то, что Дион был изгнан, я же повергнут в ужас. Чтобы завершить рассказ о многом случившемся тогда за короткий срок, я скажу, что из Пелопоннеса и из Афин прибыл Дион¹⁵ и вразумил Дионисия уже на деле. И вот после того как он дважды освободил город и отдал власть над ним сиракузянам, они по отношению к Диону проявили ту же слабость, что Дионисий. Дион пытался воспитать и вырастить Дионисия как царя, достойного этой власти, и так вместе с ним пройти всю жизнь; а Дионисий верил клеветникам, утверждавшим, что Дион злоумышляет против него, и что все, что он делал в то время, он делал, мечтая о тирании и надеясь занять ум Дионисия учением, с тем чтобы тот небрежно стал относиться к власти и препоручил ее ему, Диону, который прибрал бы

ее к рукам и хитростью лишил бы ее Дионисия. Тогда, вторично, в среде сиракузян одержали верх подобные речи, и для виновников этой победы она была бессмысленной и позорной. А как все это произошло, надо, чтобы послушали те, кто меня призывает для устройства нынешних дел.

d Я, афинский гражданин, товарищ Диона и его соратник, прибыл к тирану, чтобы вместо войны установить дружбу; в борьбе с клеветниками я был побежден. Но когда Дионисий стал соблазнять меня почестями и деньгами, чтобы я, став ему другом, послужил ему свидетелем благовидности изгнания Диона, то в этом он ошибся самым решительным образом.

e Впоследствии, возвращаясь домой, Дион взял с собой из Афин двух друзей, бывших между собой братьями. Дружбыми они стали не благодаря общим занятиям философией, но на почве обычного приятельства, такого, какое бывает у большинства друзей, возникая из взаимного гостеприимства и из всевозможных совместных посвящений в мистерии. Так вот и эти двое, отправившиеся вместе с ним в его обратный путь из изгнания, стали его друзьями как вследствие этих причин, так и благодаря услугам, оказанным ему на пути домой.

334 Когда, прибыв в Сицилию, они заметили, что против Диона в среде освобожденных им сицилийцев распространилась клевета, будто он замышляет стать тираном, они не только предали своего товарища и гостя, но, можно сказать, почти собственноручно стали его убийцами, ибо с оружием в руках как помощники стояли возле этих последних. Я не обхожу молчанием это позорное и нечестивое деяние, но и не скажу больше ни слова: многие другие постарались его всячески расписать и будут еще стараться в будущем. В виде исключения я скажу лишь следующее: утверждают, будто эти люди, поскольку они афиняне, навлекли позор на наше государство; я же говорю, что был афинянином и тот, кто не предал того же самого Диона, хотя он мог получить за это и деньги, и много почестей. Он стал другом Диона не из пошлого приятельства, но вследствие общего обоим благородного вос-

питания. Всякий разумный человек гораздо больше может положиться на это, чем на родство душ и тел. Так что оба убийцы Диона¹⁶ недостойны того, чтобы наложить позор на наше государство: они никогда не были в нем выдающимися людьми.

Все это сказано для назидания друзьям Диона и его родственникам. А сверх этого я в третий раз даю все тот же совет и в третий раз обращаюсь к вам, третьим. Учение мое состоит в том, что Сицилия, равно как и любое другое государство, не должна находиться под властью деспотов, но должна управляться законами. Власть деспота одинаково нехороша как для поработителей, так и для поработченных, — для них самих, их детей, внуков и правнуков. Такая попытка вообще губительна; это свойство душ мелких и несвободных — жадно стремиться к подобного рода выгодам, свойство людей, вовсе не ведающих того, что такое божественное и человеческое благо и справедливость в настоящем и будущем. В этом пытался я сначала убедить Диона, потом Дионисия, а теперь, в третью очередь, вас. Слушайте же меня ради самого Зевса, третьего богачархителя¹⁷, а кроме того, приняв во внимание Дионисия и Диона, из которых один, не слушавший меня, хоть и живет еще, но живет дурно¹⁸, другой же, слушавшийся, умер славной смертью: ведь пострадать, стремясь к прекрасному для себя и для государства, как бы пострадать ни пришлось, — в любом случае прекрасно и достойно чести человека. Никто из нас еще не родился бессмертным, и, если бы это с кем-нибудь случилось, он не был бы счастлив, как это кажется многим: добро и зло не имеют цены для бездушных тел; но они важны для каждой души, как сопряженной с телом, так и отделившейся от него. Воистину надлежит следовать древнему и священному учению, согласно которому душа наша бессмертна и, кроме того, после освобождения своего от тела подлежит суду и величайшей каре и воздаянию. Поэтому надо считать, что гораздо меньшее зло — претерпевать великие обиды и несправедливости, чем их причинять. Человек жадный, но нищий духом не желает

об этом слышать, а если и слышит, то полагает, что над этим можно смеяться; он повсюду, словно животное, бесстыдно грабит все, что только захочет; он думает лишь о том, чтобы пить и есть и тешиться до пресыщения низменными и мерзкими наслаждениями, которые мы неверно называем именем Афродиты, оставаясь слепым и не видя, что его захватничество тесно сопряжено с нечестием и что великое зло сопутствует каждой несправедливости; совершивший ее неизбежно тащит зло за собой, живя на земле, а возвратившись под землю, обречен на позорное и во всех отношениях несчастное скитание.

Такими и другими подобными речами я сумел убедить Диона. На убийц же его и до некоторой степени также на Дионисия я имею самое законное право сердиться: как те, так и другой и мне и всем прочим, если можно так сказать, людям причинили величайшее зло, они — тем, что погубили человека, желавшего жить по справедливости, а Дионисий — тем, что за все свое правление никак не пожелал воспользоваться справедливостью, хоть и обладал великой силой. А между тем, если бы философия действительно могла сочетаться, как положено, с этой силой, они могли бы просиять среди всех людей, эллинов и варваров, и явить всем истинное мнение, что никакое государство и ни один человек никогда не может быть счастливым, если он не руководствуется в жизни разумом и справедливостью, сам ли найдя в себе эти качества или будучи вскормлен и воспитан в справедливых нравах благочестивыми руководителями.

Вот тот вред, который причинил Дионисий; всякий другой ущерб сравнительно с этим, на мой взгляд, ничтожен. А убивший Диона не знает, что он совершил то же самое. Ведь я хорошо знаю, — насколько только человек может утверждать это относительно других людей, — что, если бы Дион получил в свои руки власть, он никогда не обратился бы ни к какой другой форме правления, как только к той, которая помогла бы ему прежде всего в Сиракузах, на собственной своей родине, после освобождения ее от раб-

ства, установить свободный вид правления, а затем всеми способами снабдить граждан прекрасными и подобающими законами. Вслед за этим у него было намерение сделать так, чтобы вся Сицилия была заселена и освобождена от варваров: одних из варваров он собирался изгнать, других подчинить, причем с меньшими усилиями, чем Гиерон¹⁹.
Если бы это было сделано человеком справедливым, мужественным, разумным, философом, то у большинства составилось бы то же самое мнение относительно добродетели, которое создалось бы у всех, так сказать, людей, если бы нас послушался Дионисий. Ныне же либо некий злой гений или какая-то пагуба, поразив нас беззаконием и нечестием, а самое главное, дерзким невежеством, из которого возникает и плодится для всех всевозможное зло, в дальнейшем рождающее для тех, кто его создал, горький-прегорький плод, — эта пагуба снова все низвергла и погубила.

Теперь я делаю третью попытку: да избегнем мы нечестия во имя доброго знамения! Вместе с тем я советую вам, друзья Диона, подражать его любви к родине, его рассудительности и умеренности и при более счастливых предзнаменованиях попытаться выполнить его замыслы, а каковы они были, вы ясно от меня слышали и знаете. Всякого из вас, кто не может жить на дорический лад, как жили ваши отцы, но гонится за жизнью убийц Диона, стремясь к сицилийской роскоши, такого не зовите с собой и не думайте, что он может сделать для вас что-либо надежное или полезное; всех же других зовите к заселению всей Сицилии и к равноправию, зовите из самой Сицилии и из всего Пелопоннеса. Не бойтесь также Афин: есть и там лица, выдающиеся среди других людей добродетелью и ненавидящие дерзость убийц своих друзей. Если, однако, по вашему мнению, все это можно сделать позднее, в настоящий же момент вас волнуют каждодневно возникающие многочисленные и разнообразные разногласия и раздоры, то всякому надо знать, если только он получил в удел от богов хоть каплю правильного понимания, что при междоусобицах конец бедствиям может быть положен не прежде, чем

- 337** одержавшие верх перестанут стремиться к изгнанию людей, к их избиению, к мести своим врагам в память о прежнем зле, но научатся себя сдерживать и установят общие законы, изданные не столько в их интересах, сколько для пользы побежденных. Они заставят их выполнять эти законы под воздействием двух принудительных мер, уважения и страха, страха — потому, что они показали свое военное превосходство, а уважения — потому, что они показали себя более воздержанными в удовольствиях, а также потому, что сильнее хотят и лучше могут подчиняться законам.
- b** Другого пути для прекращения зла в государстве, страдающем от внутренних мятежей, нет; раздоры, вражда, ненависть и недоверие всегда угнездятся в государствах, где граждане так друг к другу относятся. И необходимо, чтобы победившие всегда, если только они хотят себя сохранить, сами в своей среде выбрали тех, кого они знают как лучших из эллинов, прежде всего старцев, а затем тех, кто имеет на родине детей и жен, а также предков, славных и именитых во многих поколениях да, кроме того, обладающих достаточным состоянием. Таких людей для города в десять тысяч человек жителей достаточно пятьдесят²⁰. Их всевозможными просьбами и обещаниями всякого почета надо вызывать с их родины, а когда они придут и принесут клятву верности, просить и настойчиво требовать, чтобы они составили законы, не дающие преимущества ни победителям, ни побежденным, но равные и общие для всего государства.
- c** После того как эти законы будут изданы, дальнейшее будет заключаться в следующем: если победители покажут, что они больше подчиняются законам, чем побежденные, все преисполнится благополучия и радости и избавления от бедствий; в противном же случае нечего звать ни меня, ни кого-либо другого для участия [в правительстве], которое не желает слушаться установленных ныне правил. Все это близко к тому, что совместно пытались из любви к сиракузянам устроить я и Дион. Это был второй случай. Первый же был тот, когда впервые была сделана попытка вместе с самим Дионисием создать всеоб-
- d**

щее благополучие, но некий злой рок, более сильный, чем люди, все это разметал. Теперь попытайтесь вы с большим успехом все это выполнить — в добрый час и под покровительством божественной судьбы.

Да будет это концом моего письменного совета, а также рассказа о первом моем прибытии к Дионисию. Что касается второго моего плавания и прибытия в Сицилию, то о том, что оно имело достаточно оснований и было проделано как подобает, тот, кому этого хочется, может услышать. Первое время моего пребывания в Сицилии закончилось, как я сказал, раньше, чем я начал давать советы родственникам и друзьям Диона. Я постарался, насколько я мог, убедить Дионисия отпустить меня, и мы сошлись на том, что это будет, когда наступит мир (тогда шла война в Сицилии). Дионисий со своей стороны сказал, что он потом снова пошлет за Дионом и за мной, когда добьется большей безопасности для своего правления, а Диона просил думать, что тогда это было для него не изгнанием, а неким путешествием в иные места; на этих условиях я согласился потом прибыть. Когда наступил мир, он послал за мной, Диона же просил подождать еще год; меня же он настойчиво просил приехать во что бы то ни стало. Дион требовал, чтобы я плыл, и умолял об этом, так как снова пошли серьезные слухи из Сицилии, будто Дионисий опять охвачен сильнейшей страстью к философии; из-за этого-то Дион настойчиво просил нас не отказываться от приглашения. Я-то знал, что в отношении философии у молодых людей часто бывают такие порывы, однако мне тогда показалось более безопасным самым решительным образом указать и Диону, и Дионисию. Я вызвал неудовольствие у них обоих, ответив, что я старик и что ничего из того, о чем мы договорились, пока что не сделано. По-видимому, после этого к Дионисию прибыл Архит²¹ (когда я уезжал, прежде чем отплыть, я познакомил их и установил дружеские отношения между Архитом и тарентинцами, с одной стороны, и Дионисием — с другой); были в Сиракузах и другие слышавшие о Дионе, и среди них такие, что были напичканы

случайно услышанными философскими положениями. Мне показалось, что они пытаются вести с Дионисием рассуждения на эти темы, считая, что Дионисий прослушал все, что было мной продумано. Дионисий же вообще не был бездарен в смысле познания, а к тому же был удивительно честолюбив: ему, конечно, нравилось то, что они говорили, и было бы очень стыдно, если бы оказалось, что он ничего не усвоил из моего учения за то время, что я у него гостил. Поэтому его охватило желание выслушать все это основательно, а вместе с тем его побуждало и честолюбие. А почему он не слушал всего этого во время первого моего у него пребывания, я изложил только что выше.

Поскольку я счастливо спасся на родину, то, когда он снова стал меня приглашать, я, как я только что сказал, отказался. Мне кажется, что тут у Дионисия особенно заговорило самолюбие, — как бы не показалось иным, что я отношусь с презрением к его дарованию, а также к его образу жизни, поскольку я все это испытал на себе, и потому, возмущенный, не желаю к нему приехать. И действительно, мне нужно сказать правду и проявить выдержку, даже если кто-нибудь, услышав, что тут произошло, отнесется с презрением к моей философии и решит, что тиран не глуп. И вот Дионисий в третий раз за мной посылает, прислав, чтобы облегчить мне поездку, триеру, а также и Архедема²² — одного из сотоварищей Архита, которого, как он считал, я ставил в Сицилии выше других. Прислал он за мной и друзей моих сицилийских знакомых. Все они в один голос сообщали мне, что Дионисий целиком отдался философии. Кроме того, он прислал очень длинное письмо, зная как я расположен к Диону и зная желание Диона, чтобы я плыл и прибыл в Сиракузы. Ведь на этом и было построено все его письмо, начинавшееся так: «Дионисий Платону шлет привет»; потом шли обычные любезности, а затем на первом месте стояло следующее: «Если, послушавшись сейчас меня, ты прибудешь в Сицилию, то прежде всего для тебя все дела Диона будут устроены так, как сам ты того пожелаешь. Твои пожелания, я знаю, будут умеренны, и я на

все это соглашусь. В противном случае относительно Дионовых дел ничего не будет сделано так, как ты хочешь, — ни что касается всего остального, ни что касается лично его». Вот как он сказал; передавать же все остальное было бы и долго, да и некстати. Пришли и другие письма — от Архита и тарентинцев, — восхвалявшие любовь Дионисия к философии; в них сообщалось, что если я теперь не прибуду, то их дружеские отношения с Дионисием, устроенные мной и имеющие большое значение для их политических дел, окажутся под большим сомнением. Так обстояло дело с тогдашним приглашением: друзья из Сицилии и Италии тащили меня к себе, друзья в Афинах вместе с просьбами попросту как бы выталкивали меня вон, и снова, как и раньше, у меня возникло то же соображение, а именно, что нельзя предать Диона и тарентинских друзей и знакомых; кроме того, мне показалось, что ничего удивительного нет в том, что одаренный молодой человек, ранее пропускавший мимо ушей беседы по важным вопросам, возымел вдруг стремление к совершенной жизни. Нужно, считал я, все это хорошенько взвесить, чтобы понять, каково настоящее положение дел, и ни в коем случае не навлечь на себя справедливый упрек в предательстве и великий стыд, если меня укорят в том, что я действительно послужил причиной чьих-то больших неприятностей. Спрятавшись за подобными рассуждениями, я отправляюсь в путь с немалыми опасениями и, естественно, пророча себе все самое худшее. И вот когда я прибыл, то, прямо по словице: «Третье возлияние — богу-спасителю» пришлось мне счастливо спастись и на этот раз. И за это после бога надо воздать благодарность Дионисию, так как, хотя многие хотели меня погубить, он этому помешал и почувствовал какую-то долю стыда по поводу моего положения.

Итак, когда я туда прибыл, я решил, что прежде всего мне надо убедиться в том, действительно ли Дионисий, как пламенем, охвачен жаждой философии, или же напрасно все эти бесчисленные толки распространились в Афинах. Есть один способ произвести такого рода испытание; он не

оскорбителен и поистине подходящ для тиранов, особенно для таких, которые набиты ходячими философскими истинами; а я тотчас же по прибытии заметил, что это в высшей степени относится к Дионисию. Так вот таким людям надо показать, что собой представляет философия в целом, какие сложности она с собой несет и какой требует затраты труда. И такой человек, если он подлинно философ, достойный этого имени и одаренный от бога, услышав это, считает, что слышит об удивительной открывающейся перед ним дороге и что теперь ему нужно напрячь все силы, а если он не будет так делать, то не к чему и жить. После этого, сам собравшись с силами, он побуждает и того, кто его ведет, и не отпускает до тех пор, пока либо во всем не дойдет до конца, либо не получит способность один, без вожакого нащупать правильный путь. Таким образом и с такими мыслями живет такой человек. Какими бы делами он ни занимался, он продолжает их делать, но вместе с тем твердо держится философии. Его каждодневный образ жизни таков, что делает его в высшей степени восприимчивым, памятьливым и способным мыслить и рассуждать; он ведет умеренную, трезвую жизнь, жизнь же противоположную этой он навсегда возненавидит. Те же, кого не назовешь подлинными философами, имеют лишь налет кажущегося знания, как люди, кожа которых покрыта загаром. Увидав, сколь велико должно быть познание, как огромен труд, каким размеренным должен быть образ жизни и каким высоко нравственным, они, решив, что это трудно и для них невозможно, оказываются неспособными ревностно заниматься философией, некоторые же убеждают самих себя, что они уже довольно наслушались и впредь им вообще нет никакой нужды в философских занятиях. Это испытание само по себе совершенно ясное и безопасное по отношению к тем, кто ведет праздный образ жизни и не имеет сил упорно трудиться. Оно никогда не вызовет нареканий на того, кто его применил, а лишь на самого себя, который не сумел выполнить все требуемое и полезное для занятия философией.

Таким образом, все мной сказанное было применено к Дионисию. Но ни я не излагал ему всего, ни он не просил меня об этом: он делал вид, что многое и самое главное он уже знает и в достаточной мере усвоил благодаря тому, что он слышал кое-что от других. Позднее до меня дошло, что он записал то, что тогда слышал, выдавая это за свое учение и ни словом не упоминая о тех, от кого он это узнал. Однако твердо я этого не знаю. Зато я знаю других, которые писали по тем же вопросам, однако никто из них не выдавал это за собственные творения.

Вот что вообще я хочу сказать обо всех, кто уже написал или собирается писать и кто заявляет, что они знают, над чем я работаю, так как либо были моими слушателями, либо услышали об этом от других, либо, наконец, дошли до этого сами: по моему убеждению, они в этом деле совсем ничего не смыслят. У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет. Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает. И вот что еще я знаю: написанное и сказанное было бы наилучшим образом сказано мной; но я знаю также, что написанное плохо причинило бы мне сильнейшее огорчение. Если бы мне показалось, что следует написать или сказать это в понятной для многих форме, что более прекрасного могло быть сделано в моей жизни, чем принести столь великую пользу людям, раскрыв всем в письменном виде сущность вещей? Но я думаю, что подобная попытка не явилась бы благом для людей, исключая очень немногих, которые и сами при малейшем указании способны все это найти; что же касается остальных, то одних это совсем неуместно преисполнило бы несправедливым презрением [к философии], а других — высокой, но пустой надеждой, что они научились чему-то важному. Мне пришло сейчас в голову изложить это более подробно. Может быть, то, о чем я теперь говорю, стало бы еще яснее. Ведь есть некое неопро-

вержимое основание, препятствующее тому, кто решается написать что бы то ни было; об этом я не раз говорил и прежде, но, по-видимому, надо об этом сказать и сейчас.

- Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое — это имя, второе — определение, третье — изображение, четвертое — знание. Если ты хочешь понять, что я говорю, возьми какой-то один пример и примени его ко всему. Например, «круг» — это нечто произносимое, и имя его — то самое, которое мы произнесли. Во-вторых, его определение составлено из существительных и глаголов. Предложение: «то, крайние точки чего повсюду одинаково отстоят от центра», было бы определением того, что носит имя «круглого», «закругленного» и «окружности». На третьем месте стоит то, что нарисовано и затем стерто или выточено и затем уничтожено. Что касается самого круга, из-за которого все это творится, то он от всего этого никак не зависит, представляя собой совсем другое. Четвертая ступень — это познание, понимание и правильное мнение об этом другом. Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах; благодаря этому ясно, что оно — совершенно иное, чем природа как круга самого по себе, так и тех трех ступеней, о которых была речь выше. Из них понимание наиболее родственно, близко и подобно пятой ступени, все же остальное находится от нее много дальше. То же самое можно сказать о прямых или округлых фигурах, о красках, о благом, прекрасном и справедливом, о всяком теле, изготовленном или естественно существующем, об огне, воде и обо всех подобных вещах, о всяком живом существе и о характере душ, о всех поступках и чувствах: если кто не будет иметь какого-то представления об этих четырех ступенях, он никогда не станет причастным совершенному познанию пятой. Сверх этого все это направлено на то, чтобы о каждом предмете в равной степени выяснить, каков он и какова

его сущность, ибо словесное наше выражение здесь недостаточно. Поэтому-то всякий имеющий разум никогда не осмелится выразить словами то, что явилось плодом его размышления, и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки. То, что я сейчас сказал, нужно постараться понять на том же примере. Любой круг, нарисованный или выточенный человеческими руками, полон противоречия с пятой ступенью, так как он в любой своей точке причастен прямизне. Круг же сам по себе, как мы утверждаем, ни в какой степени не содержит в себе противоположной природы. Мы утверждаем, что ни в одном из названий всех этих [сделанных человеческими руками] кругов нет ничего устойчивого и не существует препятствия для того, чтобы называемое сейчас кругом мы называли потом прямым и, наоборот, чтобы прямое было названо круглым; в то же время вещи, называемые то одним, то другим, противоположным, именем, стойко остаются теми же самими.

И с определением все та же история, если оно слагается из имен существительных и глаголов, и в то же время ничто твердо установленное не бывает здесь достаточно твердым. Можно бесконечно долго говорить о каждой из четырех ступеней и о том, как они неопределенны. Самое же главное, как мы сказали несколько выше, это то, что при наличии двух вещей — сущности и качества душа стремится познать не качество, а сущность, но при этом каждая из четырех ступеней, к которым душа совсем не стремится, предлагает ей словом и делом то, что легко воспринимается всякий раз ощущениями с помощью определения или указания и наполняет, если можно так сказать, любого человека недоумением и сомнением²³. Так вот когда мы, вследствие плохих привычек, даже не стремимся отыскать истины, но довольствуемся предложенным нам изображением, тогда мы не окажемся смешными в глазах друг друга, если нас станут спрашивать те, кто, задавая вопрос, может опровергнуть и разнести в пух и прах первые четыре ступени [познания]. Но если мы принуждены давать ответы относительно пятой ступени и ее разъяснять, то всякий

желающий из числа тех, что в состоянии нас опровергнуть, одерживает над нами победу и того, кто выступает истолкователем — устно ли, письменно ли, с помощью ли ответов, — выставляет в глазах большинства невеждой в том, о чем он пытается писать или говорить, причем слушатели эти иногда не знают, что подвергается разносу не душа написавшего или сказавшего, но природа каждой из указанных четырех ступеней, сама по себе недостаточная. Глубокое проникновение в каждую из этих ступеней, подъем от одной к другой с трудом порождают знание того, что хорошо по природе у одаренного человека. Но если кто от природы туп и таково состояние его души в отношении учения и так называемого воспитания нравов или же способности его угасли, то сам Линкей²⁴ не мог бы сделать таких людей зрячими. Одним словом, человека, не сроднившегося с философией, ни хорошие способности, ни память с ней сроднить не смогут, ибо в чуждых для себя душах она не пускает корней. Так что те, кто по своей природе не сросся и не сроднился со всем справедливым и с тем, что именуют прекрасным, — пусть они даже то в одном, то в другом и проявят способности или память, — как и те, кто сроднился с философией, но не обладает способностями и лишен памяти, никогда не научатся, насколько это вообще возможно, истинному пониманию того, что такое добродетель и что такое порок. Всему этому надо учиться сразу, а также тому, что есть ложь и что — истина всего бытия, причем учиться с большим напряжением и долгое время, как я сказал об этом в самом начале. Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки — имени определением, видимых образов — ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека. Поэтому ни один серьезный человек никогда не станет писать относительно серьезных вещей и не выпустит это в свет на зависть невежд. Одним словом, из сказанного должно понять, что

когда кто-нибудь увидит что-то написанное — будь то законы законодателя или другие какие-то письма, — если он сам серьезный человек, он не сочтет все это чем-то глубоко для себя важным, но поймет, что самое для него важное лежит где-то в прекраснейшей его части. Однако, если бы он письменно изложил то, что столь глубоко им было продумано, «тут у него», конечно, не боги, но сами люди «похитили бы разум»²⁵.

Тот, кто внимательно следил за этим отступлением, хорошо поймет, что если бы Дионисий или кто-то другой, стоящий выше или ниже, что-либо написал о первопричинах природы²⁶, то, по моему убеждению, он не написал бы ничего из того, что он слышал или чему научился, вполне здравого: так же как для меня, для него это было бы священным, и он не решился бы выпустить это в такую несоответствующую и неподходящую среду. Не стал бы он записывать это ради памяти — ведь нечего бояться, как бы он этого не забыл, раз уж он воспринял это в свою душу: ведь это выражается очень кратко. Но сделал бы он это из позорного честолюбия — либо для того, чтобы выдать это за свое произведение, либо чтобы показать, будто он причастен науке, которой на самом деле он был недостойн, так как возлюбил только славу, приходящую благодаря этой причастности. Если бы у Дионисия это получилось от общения со мной, это еще было бы понятно; но как это произошло на самом деле, пусть ведает Зевс, сказал бы фиванец²⁷. Беседовал я с ним так, как я говорил, и лишь один раз, позднее же — никогда.

Теперь тому, кому интересно, узнав относительно этого, исследовать, каким образом все это произошло, надо узнать, по какой причине я не стал распространяться при Дионисии ни во второй раз, ни в третий, ни еще чаще. Может быть, Дионисий думает, что, услышав это один раз, он хорошо все постиг или что он вообще знает достаточно, сам дойдя до этого либо научившись ранее от других²⁸, или, далее, что сказанное мной ничего не стоит, или, наконец, что это не для него, что это выше его понимания и по

сути он не в состоянии посвятить свою жизнь разуму и заботе о добродетели. Если он считает мое учение ничего не стоящим, то ему придется сражаться со многими свидетелями, утверждающими противное, которые в таких вопросах могли бы быть гораздо более сведущими судьями, чем Дионисий. Если же то, до чего он дошел сам или чему научился, достойно воспитания человека свободной души, как мог он, не будучи человеком до крайности странным, так легкомысленно оскорбить своего руководителя, того, кто владеет всем этим знанием? А как он меня оскорбил, я могу теперь рассказать. Немного времени спустя после моей с ним беседы, в то время как прежде он позволял Диону распоряжаться своим имуществом и пользоваться процентами с него, он вдруг не разрешил своим управляющим посылать эти деньги в Пелопоннес, словно совершенно забыв о своем письме. Он говорил, что все это принадлежит не Диону, а его сыну²⁹, то есть племяннику Дионисия, а он, Дионисий, является по закону его опекуном. Вот как обстояло дело в то время и до чего это все дошло. Подобные события уже и раньше ясно мне показали, какова любовь Дионисия к философии, и, хочешь не хочешь, мне оставалось только негодовать. Тогда уже было лето и время плаванья кораблей; и я подумал, что мне не больше нужно сердиться на Дионисия, чем на самого себя и на тех, кто в третий раз заставил меня пройти через пролив Скиллы,

Вновь чтоб измерить мне пропасть ужасной Харибды³⁰.

Я стал говорить Дионисию, что мне невозможно оставаться после того, как с Дионом обошлись столь унижительно. Он же старался меня успокоить и просил оставаться, считая, что ему будет не очень хорошо, если я уеду с такой поспешностью, как вестник подобного рода событий. Но так как он не мог меня убедить, то он сказал, что сам позаботится устроить мне отъезд. Я имел в виду отплыть, сев на первые отходящие суда; при этом я был исполнен раздражения и полагал, что готов пойти на все, если мне станут мешать в этом моем намерении, так как было совер-

шенно ясно, что я ничем никого не обидел, но был обижен сам. Дионисий же, видя, что я не выражаю ни малейшего желаяния остаться, устроил вот какую хитрость, задумав помешать моему отплытию. День спустя после этого разговора, придя ко мне, он делает мне с виду убедительное предложение: «Пусть Дион и все дионовские дела перестанут быть так часто яблоком раздора между мной и тобой. Ради тебя я вот что сделаю для Диона: я требую, чтобы он жил в Пелопоннесе, взяв свое имущество, и не как изгнанник, но как человек, которому можно будет вернуться сюда, когда после совместного обсуждения он, я и вы, его друзья, все найдем это возможным. Но возможным будет это лишь в том случае, если он не злоумышляет против меня, а поручителями в этом будете ты и твои близкие, а также живущие здесь друзья Диона; он же в свою очередь пусть даст вам твердое обещание. Деньги, которые он возьмет, пусть находятся в Пелопоннесе и в Афинах в руках тех людей, которым он найдет нужным их поручить; проценты пусть получает Дион, но основным имуществом он не вправе распоряжаться без вашего согласия. Я не очень полагаюсь, что он справедливо воспользуется этими деньгами по отношению ко мне — ведь сумма получается немалая, — в тебе же и в твоих близких я больше уверен. Смотри же, нравятся ли тебе мои предложения, и если да, то останься на этих условиях еще год, а весной уезжай, взяв с собой эти деньги. Я знаю, что Дион будет тебе очень благодарен, если ты сделаешь это в его интересах».

Услышав такие его слова, я вознегодовал, но, подумав, сказал ему, что дам на следующий день ответ о своем решении; на этом мы тогда и согласились. После же, находясь в большом смущении, я наедине с собой так размышлял. Первой моей мыслью было следующее: «Что будет, если Дионисий не собирается сделать ничего из того, о чем он говорит, но если я уеду, а он в убедительной форме напишет Диону — сам ли или поручив это кому-то из многочисленного своего окружения — и расскажет ему то, что он теперь мне сказал, а именно, будто у него были самые лучшие намере-

347 ния, а я не пожелал сделать то, к чему он меня побуждал, и совершенно пренебрег его, Диона, интересами? А что если сверх того он не пожелает меня отпустить и сам не даст такого приказа никому из морских капитанов, но, наоборот, легко даст понять всем, что ему нежелательно, чтобы я отплыл, разве кто-нибудь пожелает отвезти меня отсюда — прямо из дворца Дионисия?» Ведь в довершение ко всем бедам я жил в садах, окружавших дворец, откуда ни один привратник не пожелал бы меня выпустить, если бы Дионисий не прислал ему об этом приказа. «Если же я останусь на год, — думал я, — то буду иметь возможность сообщить Диону, в каком я снова нахожусь положении и как поживаю. И если Дионисий исполнит хоть что-нибудь из того, что он обещает, то мои труды окажутся не совсем напрасными: ведь состояние Диона, если точно его оценить, составит талантов сто. Если же произойдет все то, что сейчас мне мерещится, как этого и естественно ожидать, то я и вовсе не знаю, что мне тут делать, однако все же необходимо мне как-никак перестрадать еще год и на деле попытаться уличить Дионисия в его коварных уловках». Так я решил про себя и на следующий день сказал Дионисию: «Я решил остаться, но прошу тебя не считать меня полномочным распорядителем Дионовых дел. Поэтому я прошу тебя вместе со мной написать ему письмо, сообщающее то, что нами теперь решено, и спросить, удовлетворяет ли его это, и, если нет и он хочет и требует чего-то другого, пусть он напишет об этом возможно скорее, а ты до тех пор не производи никаких изменений в его положении».

Вот каков был наш разговор, и мы согласились между собой примерно так, как я сейчас сказал. После этого корабли отплыли, и мне уже не на чем было плыть. Тут Дионисий, словно вспомнив о чем-то, говорит, что половина состояния должна принадлежать Диону, а другая половина — его сыну; он продаст имущество Диона и половину вырученных денег даст мне отвезти, а половину оставит сыну Диона; так, мол, будет вполне справедливо. Я был поражен его словами и считал, что смешно было бы еще

возражать, но все же сказал, что нужно подождать письма от Диона и тогда написать ему об этих новых предложениях. Но тотчас же после этого разговора, пустившись во все тяжкие, он стал распродавать все имущество Диона, где, как и кому хотел, мне же об этом теперь вообще не говорил ни слова; конечно, и я в равной мере не беседовал с ним больше о делах Диона, так как был убежден, что из этого ничего не выйдет.

348

Вот в какой степени было мной тогда оказано содействие философии и моим друзьям. После этого так мы жили, я и Дионисий: я — глядя по сторонам, подобно птице, жаждущей улететь, а он — придумывая хитрости, чтобы меня запугать и не дать ничего из имущества Диона. Однако всей Сицилии мы говорили, что мы друзья. Но вот Дионисий вопреки обычаю отца попытался посадить на более низкое жалованье старейших наемников. Разгневанные воины собрались вместе и заявили, что они этого не допустят. Он пытался силой заставить их подчиниться, закрыв ворота акрополя; но они тотчас же осадили стены, затянув какой-то варварский воинственный гимн. Дионисий до смерти этого испугался, пошел на все уступки и собравшимся под стенами пельтастам дал еще больше, чем они требовали. Тогда быстро распространился слух, что во всем виноват Гераклид³¹. Услыхав об этом, Гераклид незаметно исчез; Дионисий пытался его схватить, но, не зная, как это устроить, он вызвал Феодота³² в дворцовый сад: случайно и я там гулял. Что они говорили между собой, я не слышал и не знаю; то же, что Феодот сказал Дионисию в моем присутствии, я знаю и до сих пор помню. «Платон, — сказал он, — я вот убеждаю Дионисия в том, что, если я смогу привести сюда Гераклида для переговоров относительно возводимых на него сейчас обвинений и тут будет решено, что ему не следует жить в Сицилии, пусть он, согласно моему предложению, взяв жену и сына, отплывет в Пелопоннес и живет там, не замышляя ничего плохого против Дионисия и пользуясь своим состоянием. Я и раньше посылал за ним, пошло и теперь, и, может быть, он послушается

либо первого моего приглашения, либо теперешнего. Перед Дионисием же я настаиваю и прошу, если кто-нибудь встретит Гераклида в деревне или здесь, в городе, чтобы с ним не случилось ничего плохого, лишь бы он покинул страну, пока Дионисий не изменит своего решения». И, обращаясь к Дионисию, он сказал: «Ты соглашаешься на это?» — «Я соглашаюсь на то, — сказал Дионисий, — что, если он будет находиться в твоём доме, он не потерпит ничего плохого и данное сейчас обещание не будет нарушено».

Вечером на другой день ко мне спешно пришли Эврибий и Феодот, очень возбужденные, и Феодот говорит: «Платон! Вчера ты был свидетелем того, на что согласился Дионисий относительно Гераклида в моем и твоём присутствии?» — «Ну, конечно, да», — сказал я. «А вот теперь, — продолжал он, — повсюду бегают пельтасты, ища Гераклида, чтобы его схватить, а он, видно, находится где-то здесь поблизости. Пойдем же как можно скорее вместе с нами к Дионисию». И вот мы отправились и вошли к нему; и оба они стояли молча, проливая слезы, а я сказал: «Вот они боятся, как бы ты не поступил как-то иначе с Гераклидом, нарушив свое вчерашнее обещание; мне кажется, что он где-то здесь и его видели». Услыхав это, он вспыхнул, и лицо его то бледнело, то краснело, как это бывает при сильном гневе. Феодот же, припав к его ногам и взяв его за руку, заплакал и стал умолять не делать ничего плохого. В свою очередь я поддержал его слова и, ободряя, сказал: «Будь спокоен, Феодот; Дионисий не решится сделать что-либо вопреки вчерашнему соглашению». Тут Дионисий, взглянув на меня, как истинный тиран, молвил: «Тебе-то я и вовсе не обещал ничего». — «Клянусь богами, — сказал я на это, — ты обещал то, о чем просит тебя Феодот, — что ты ничего не сделаешь Гераклиду». Произнеся это, я повернулся и вышел. После этого Дионисий стал выслеживать Гераклида, а Феодот, отправив к Гераклиду гонцов, дал ему совет бежать. Тогда Дионисий, послав Тисия³³ и пельтастов, велел его преследовать; но Гераклид, говорят, опередил его на небольшую часть дня, успев бежать в пределы карфагенских владений.

Теперь старое намерение Дионисия не отдавать денег Диона, казалось, получило веское основание: это была питаемая ко мне вражда, и прежде всего он выслал меня из акрополя под предлогом, что в саду, где я жил, женщины должны справлять десятидневный праздник с жертвоприношениями. Он велел мне все это время жить за пределами акрополя у Архедема. Пока я там пребывал, Феодот, посылая за мной, часто негодовал на то, что произошло, и порицал Дионисия. Когда тот услышал, что я бываю у Феодота, он сделал из этого новый предлог для разрыва со мной, который был родным братом первого. Послав кого-то, он спросил меня, действительно ли я бываю у Феодота, когда он меня приглашает. «Конечно», — ответил я. Тогда посланный сказал мне: «Так вот, он велел тебе передать, что ты очень плохо делаешь, предпочитая ему Диона и Дионовых друзей». Вот что было мне сказано, и больше уже он не приглашал меня к себе во дворец под предлогом, будто ему стало ясно, что я друг Феодота и Гераклида, ему же я враг. Да он и не мог уже думать, что я хорошо отношусь к нему, так как деньги Диона окончательно канули в воду. После этого я жил вне акрополя, среди наемных солдат. Разные лица и некоторые служилые люди родом из Афин, мои сограждане, приходя ко мне, сообщали, что среди пельтастов распространяется против меня клевета и некоторые из них грозятся, если они захватят меня, убить. Тогда я придумываю вот какой способ спасения. Я посылаю к Архиту и другим друзьям в Тарент письмо с рассказом о том, в каком положении я оказался. Они же, под предлогом какого-то посольства от имени их государства, посылают тридцативесельный корабль во главе с одним из своих, Ламиском. Придя к Дионисию, он стал просить его за меня, говоря, что я хотел бы уехать и что не стоит мне в этом препятствовать. Дионисий дает свое согласие и отпускает меня, подарив на дорогу денег; что же касается денег Диона, то и я ничего не просил, и он ничего не дал.

Прибыв в Пелопоннес, в Олимпсию, и застав там Диона³⁴, смотревшего на игры, я сообщил ему о том, что

произошло. Тогда он, призвав в свидетели Зевса, сказал мне и моим близким и друзьям, чтобы все мы готовились отомстить Дионисию; я — за оскорбление права гостеприимства (так он тогда говорил и считал), сам же он — за несправедливую высылку и изгнание. Услыхав это, я не стал мешать ему призывать на помощь друзей, если они согласны. «Меня же, — сказал я, — ты вместе с другими какой-то силой сделал сотрапезником Дионисия, его домо-
дцем, участником его жертвоприношений. Так как мно-
гие клеветали, он, конечно, мог думать, что я вместе с тобой злоумышляю против него и его власти, однако он не убил меня, устыдившись этого. Да и возраст мой не таков³⁵, чтобы я мог еще с кем-то сражаться, однако я буду заодно с вами, если, нуждаясь когда-либо во взаимной дружбе, вы пожелаете сделать что-то хорошее. Но пока вы хотите зла, скликайте на это других». Вот что я сказал, исполненный горечи при воспоминании о своих сицилийских путешествиях и бедах; они же, не слушаясь меня и не желая выполнять моих указаний, сами оказались виновниками всех своих несчастий. Если бы Дионисий отдал деньги Диону или же совсем примирился бы с ним, этих несчастий не было бы совсем, насколько это в человеческих силах, а Диона я
351 легко бы сдержал, для чего у меня была и добрая воля, и достаточное влияние. Теперь же, набросившись друг на друга, они все наполнили бедствиями. А ведь Дион питал такие же замыслы, какие, должен сказать, мог бы питать и я да и всякий другой, кто, будучи человеком умеренным и разумным как в деле собственной власти и власти своих друзей, так и относительно своей родины, считал бы, что, благодетельствуя другим, он окажется на самой вершине власти и почестей. Это совсем другое дело, чем, если бы кто сделал себя, своих друзей и город богатыми, устроив заговор и собрав соучастников и будучи бедным и плохо владеющим собой человеком, который по слабости сдается перед лицом удовольствий и приобретает состояние, убивая других, называя их своими врагами, растаскивая их деньги и раздавая своим соучастникам и друзьям, чтобы

никто не мог на него пожаловаться, говоря, что остался беден. Так же мало принесет это славы тому, кто, таким же образом облагодетельствовав государство, почитается в нем за то, что разделил согласно народному постановлению богатство немногих между многими или же, стоя во главе большого города, властвующего над многими малыми, противозаконно отбирает у этих малых городов деньги для своего, большого. Так что ни Дион, ни кто-либо другой добровольно не примет такую власть, гибельную и для него самого, и для его рода на все времена; напротив, он устремится к государственному строю, основанному на самых справедливых и лучших законах, не прибегая ни к казням, ни к изгнанию хотя бы только совсем немногих. Это-то делал теперь Дион, предпочитая лучше испытать на себе нечестие, чем его совершить; при этом он все же старался ему не подвергнуться. Однако он погиб³⁶, достигнув своей цели — победить врагов. В том, что постигло Диона, нет ничего удивительного. Человек честный, разумный и вдумчивый вообще-то не может ошибиться относительно душевных качеств бесчестных людей; но неудивительно, если ему приходится испытать то же, что хорошему кормчему, от которого не скроется надвигающаяся буря, однако неожиданно роковая сила этой бури все-таки может скрыться, а, скрывшись, своей мощью может заставить его пойти ко дну. Именно это погубило Диона. От его глаз несколько не скрылось, что те, кто его погубил, были скверные люди; однако какова сила их дикости, мерзости и ненасытности, этого он не видел. Сраженный этим, он лежит мертвый, ввергнув Сицилию в безмерную печаль.

После всего сказанного сейчас мой совет вам, я думаю, покажется достаточным. Да будет так! А чего ради я предпринял свою вторую поездку в Сицилию, мне показалось необходимым рассказать вследствие странности и необычности происшедшего. Если кому-нибудь рассказанное мной станет теперь понятнее и причины для случившегося покажутся ему основательными, цель моего рассказа будет, по-моему, достигнута в полной мере.

VIII

Платон близким и друзьям Диона желает благополучия

в Что, обдумав все хорошенько, вы действительно могли бы добиться высокого благополучия, я по мере сил постараюсь вам объяснить. Надеюсь, что я дам хороший совет не только вам — хотя, конечно, в первую очередь вам, — но **с** и всем сиракузянам, в-третьих же, вашим врагам и противникам, за исключением тех из них, кто запятнал себя преступлениями: подобные пороки неисцелимы и никто никогда не сумел бы смыть такого пятна. Подумайте же над тем, что я вам сейчас скажу.

С тех пор как устранена тирания, во всей Сицилии существует одна-единственная забота: некоторые стремятся **д** вновь захватить власть, другие — окончательно закрепить изгнание тиранов. Большинству при таких обстоятельствах всегда кажется правильным советовать то, что причинит врагам наибольшее зло, а друзьям — наибольшее благо. А ведь это вовсе не так легко — сделав другим много зла, самому не испытать в свою очередь то же самое. Чтобы ясно это увидеть, незачем далеко ходить: надо взглянуть на то, что произошло здесь, в Сицилии, когда одни стали стремиться **е** причинить другим зло, другие же — от него защититься.

Если бы вы захотели поведать об этом другим людям, вы оказались бы при этом хорошими наставниками. Ведь можно сказать, что нет недостатка в подобного рода примерах. Таких же примеров, которые были бы полезны для всех — и для врагов и для друзей — или которые принесли бы тем и другим наименьшее количество зла, нелегко найти, а найдя, применить в жизни. Поэтому такого рода совет и попытка дать объяснение подобны благочестивой молитве. Пусть же это действительно будет своего рода молитвой — ведь всегда надо начинать с богов, когда ты хочешь что-то сказать или обдумать, — и пусть эта молитва достигнет цели, послужив нам следующим поучением.

С того времени, как началась война, и до сегодняшнего дня вами и вашими врагами правит, можно сказать, одна семейная клика, которой давно уже отдали власть ваши отцы, когда создалось крайне тяжелое положение: в то время над эллинистической Сицилией нависла угроза полного разграбления карфагенянами и установления состояния варварства. Тогда-то они и выбрали Дионисия¹ — юного и воинственного: ему приличествовало заниматься ратным делом. А в качестве старшего советника они поставили при нем Гиппарина² и назвали их, в качестве спасителей Сицилии, полномочными, как говорится, тиранами. Хочет ли кто считать, что причиной тогдашнего спасения было божественное соизволение и само божество, либо он будет думать, что причиной этой была доблесть начальников или то и другое, соединенное с храбростью граждан, — пусть каждый думает, как он желает: во всяком случае для тогдашнего поколения так явилось тогда спасение. Поскольку эти вожди себя так проявили, то все, естественно, испытывали по отношению к своим спасителям благодарность. Если же впоследствии тираническая власть неправильно воспользовалась этим даром государства, то за это она уже несет наказание и долго еще будет нести. Какие же из этих наказаний следовало бы назвать справедливо вытекающими из создавшегося положения? Если бы вы легко могли заставить их отправиться в изгнание, без больших опасностей и трудов, или же если бы они легко могли вновь захватить власть, то было бы совершенно лишним советовать вам то, что я собираюсь сказать. Теперь же и вам, и им надо задуматься и вспомнить, сколько раз то вам, то им уже улыбалась надежда и каждый думал, что вот теперь, можно сказать, уже очень немного остается, чтобы все вышло согласно желанию. Но как раз это небольшое всякий раз оказывалось причиной великих и бесконечных бед, которым никогда не видно было конца; наоборот, то, что казалось концом и завершением какого-то предприятия, сменялось началом вновь возникающих дел, и от этого круговорота всему — и власти тиранов, и народной партии — грозила

полная гибель. В конце концов получится — и это очень вероятно, хотя и ужасно, — что вся Сицилия станет пустыней для эллинского наречия и подпадет под власть и господство финикийцев или опиков³. Поэтому всем эллинам надо изво всех сил стараться найти против этого средство.

- Если кто может предложить что-то более правильное и лучшее, чем то, что собираюсь сказать я, то, выставив
- 354** это на общее обсуждение, он по справедливости был бы назван благодетелем эллинов. Но то, что мне в какой-то мере кажется нужным сказать, я попытаюсь сейчас объяснить со всей откровенностью, пользуясь доступным для всех справедливым словом. Я обращаю свой совет наподобие третейского судьи к вам обоим — к тем, кто пользуется тиранической властью, и к тем, кто находится под властью
- б** тиранов. Совет мой — давнишний и обращен он к каждому из вас в отдельности. И теперь моя речь, обращенная к любому тирану, будет советом всячески избегать имени тирана и тиранического образа действий, а также, если возможно, переменить власть тирана на царскую власть. А что это возможно, на деле доказал Ликург — муж мудрый и достойный: увидев, что родственная ему семья в Аргосе и Мессении от царской власти перешла к власти тиранов и, погубив себя, тем самым погубила и оба города, он, боясь за собственное свое государство и собственную семью, ввел в качестве лекарства власть геронтов, а как спасительное ограничение царской власти — должность эфоров⁴,
- с** и вот уже в течение стольких поколений царская власть сохраняется там со славой, так как закон стал верховным владыкой над людьми, а не люди — тиранами над законами. И моя эта речь обращена ко всем: с одной стороны, тех, кто стремится к тиранической власти, она призывает отказываться от такого стремления и бежать без оглядки от этого счастья ненасытно алчных и неразумных людей, а кроме того, попытаться превратить тиранию в вид царской власти и подчиниться царственным законам, получив высочайший почет из рук добровольно дающих его людей и от законов; с другой стороны, тем, кто стремится к свобод-
- д**

ному образу жизни и старается избегнуть рабского ярма, которое по существу является злом, я бы посоветовал, чтобы из-за ненасытной и несвоевременной любви к свободе они не впали в болезнь своих предков, которую те испытывали из-за чрезмерной независимости, так как были охвачены неумеренной любовью к свободе. Ведь те сицилийцы, которые были до Дионисия и Гиппарина⁵, жили, как они тогда думали, очень счастливо, проводя свой досуг в роскоши и одновременно начальствуя над своими начальниками. Они-то и побили камнями десять стратегов⁶, бывших до Дионисия, не предав ни одного из них суду по закону — конечно, чтобы не подчиняться никакому властителю, даже тому, кто властвует по праву или в силу закона, — и чтобы в любом случае быть свободными. За это-то у них и появилась власть тиранов. Как подчинение, так и свобода, переступающая границы, есть величайшее зло, в надлежащей же мере это — великое благо: рабское подчинение богам нормально, людям же — ненормально. Для разумных людей закон — бог, для неразумных — удовольствие.

355

Раз это так, я предлагаю друзьям Диона передать всем сицилийцам то, что я им советую, как общий совет мой и его; я буду, так сказать, переводчиком того, что он, если бы был жив и мог говорить, сказал бы вам теперь сам. Как же, скажет кто-нибудь, звучит совет Диона в отношении нынешнего положения дел? А вот как: «Прежде всего установите, сиракузяне, законы, которые, как вам будет ясно, направят ваши мысли не на наживу и богатство, на что прежде толкало вас вождделение; а так как существуют три вещи — душа, тело и деньги, то в ваших законах вы должны выше всего ставить совершенство души, на втором месте — совершенство тела, так как оно стоит ниже души, а на третьем и последнем — почтение к богатству, так как оно — слуга и души, и тела. Постановление, которое бы это учредило, могло бы считаться у вас правильно изданным законом, в конце концов делающим истинно счастливыми тех, кто им управляется⁷. Положение же, гласящее, что только богатые счастливы, само по себе неудачно: это — глупое

в

с

мнение женщин и детей, и те, кто его придерживается, сами становятся женщинами. А что я правильно вам советую, вы поймете на деле, если испробуете того, что ныне сказано о законах. А это, по-видимому, самый надежный пробный камень для всего этого. Когда вы примете такие законы, — ведь Сицилия находится в опасном положении, поскольку вы не имеете достаточной власти и сами не находитесь в достаточном подчинении, — было бы справедливо и, конечно, полезно для вас всех пойти средним путем — и для тех, кто хочет избегнуть тягот власти, и для тех, кто вновь жаждет такую власть обрести. Ведь их предки некогда — великое дело! — спасли эллинов от варваров, и им мы обязаны тем, что можем теперь вести речь о государственном строе. Если бы им тогда это не удалось, то не осталось бы ни надежды, ни возможности говорить ни о чем подобном. Так вот теперь для одних будет свобода при царской власти, для других — подотчетная царская власть. Законы будут владыками как над гражданами, так и над самими царями, если они поступят в чем-то противозаконно. Приняв все это во внимание, без задних мыслей и по здравом размышлении поставьте с божьей помощью царем сначала моего сына^{7а}, в благодарность за двойную услугу — мою и моего отца: он в те времена освободил государство от варваров⁸, я же теперь дважды освободил его от тиранов, чему вы сами являетесь свидетелями. Затем поставьте царем сына Дионисия, носящего то же имя, что мой отец⁹, — в благодарность за оказанную нам сейчас помощь и за его честный нрав: он, сын отца-тирана, добровольно дал свободу городу, обретя тем самым для себя и своего рода вечную славу вместо мимолетной и нечестной тирании. В-третьих, надо пригласить царем сиракузян, с его добровольного согласия и по добровольному призыву городом, того, кто сейчас стоит во главе вражеского войска, — Дионисия, сына Дионисия¹⁰, — если он пожелает изменить свое положение на царское, из страха перед изменчивой судьбой, из жалости к родине и к оставленным без ухода родным святыням и могилам, а также чтобы из-за честолюбия не погубить

всего этого окончательно на радость варварам. Имея трех царей, вы либо дадите им полномочия лаконских царей¹¹, либо, лишив их этих полномочий, договоритесь с ними и учредите правление таким образом, как об этом было говорено вам раньше. Послушайте же это еще раз.

Если род Дионисия и Гиппарина захочет для вас и ради спасения Сицилии положить конец теперешним бедствиям, приняв и для себя, и для своего рода и на нынешние, и на будущие времена этот сан, вы на этих условиях, как было сказано раньше, пригласите старцев, каких они пожелают, и дайте им полномочия решать вопросы мира — будут ли эти старцы из местных жителей, или чужеземцы, или те и другие вместе, причем количество их будет такое, относительно которого они между собой согласятся. Пусть эти старцы, придя, прежде всего издадут законы и установят такое правление, в котором царям будет дано полномочие принесения жертв и любое другое, приличествующее бывшим благодетелям государства. А руководителями в вопросах войны и мира надо сделать стражей законов, числом тридцать пять, избрав их совместно с народом и советом. Другие судебные обязанности пусть будут в руках других, но смерть и изгнание пусть присуждаются этими тридцатью пятью стражами¹². В дополнение к этим пусть будут избраны другие судьи, каждый раз из числа должностных лиц прошлого года — одного от каждой должности, проявившего себя лучшим и самым справедливым. Все они в течение следующего года должны служить судьями в делах, касающихся смерти, заключения и изгнания граждан. Царю же в делах подобного рода не полагается быть судьей, потому что он, являясь жрецом, должен быть чистым от убийств, изгнаний и заключений.

Вот что я думал для вас установить, пока я был жив, и желаю этого и теперь, как желал тогда, если бы победил вместе с вами врагов. И если бы эриннии, в лице моих друзей¹³, не помешали бы этому, я все бы устроил так, как задумал, а затем, если бы все пошло, как было задумано, заселил бы всю остальную Сицилию, отняв у варваров

- b** ту часть, которой они теперь владеют, в том случае, если только они не воевали против власти тиранов во имя общей свободы; и прежних жителей эллинских поселков я вернул бы в их старые, отеческие жилища. Это я вам всем советую и сейчас совместно обдумать, исполнить и всех призывать на эти дела, а того, кто не захочет участвовать, считать от имени государства врагом. Все это выполнимо: оно прочно заключено одновременно в двух душах и подготовлено у тех, кто, поразмыслив, может принять наилучшее решение. А тот, кто считает это невыполнимым, видно, не очень силен умом.
- c** Под двумя душами я подразумеваю душу Гиппарина, сына Дионисия, и душу моего сына¹⁴. Если они будут между собой согласны, то я думаю, что и все другие сиракузяне, которые, несомненно, пекутся о своем городе, будут заодно с ними. Итак, воздав молитвой должное всем богам, а равно и другим, кому это следует после богов, мы мягко и ласково убеждаем и приглашаем друзей и недругов: не отступайтесь, прежде чем не приведете сказанного нами теперь к благополучному и явно счастливому концу, — так, как будто наши слова — это божественное сновидение, посланное тем, кто уже бодрствует».

IX

*Платон Архиту из Тарента¹
желеет благополучия*

- d** К нам прибыли Архипп, Филонид² и их спутники с письмом, которое ты им поручил; они передали мне новости о тебе. С делами, касающимися вашего города, они покончили без труда — ведь они не были очень запутанными; что касается тебя, то они рассказали мне о твоём недовольстве; ты не можешь избавиться от беспокойств и хлопот по общественным делам. Конечно, самое приятное в жизни — заниматься собственными делами, особенно если кто избрал для себя такую долю, как ты: это совершенно ясно. Но тебе надо подумать о том, что любой из нас не принадлежит самому себе: на одну часть нашего существа рассчитывает

отечество, на другую — наши родители, на третью — иные друзья; многое нужно уделить обстоятельствам, захватывающим нашу жизнь. Когда отечество призывает заняться его делами, было бы странно, конечно, не послушаться этого призыва; ведь в таком случае надо освободить место и предоставить поле действия дурным людям, которые далеко не с самыми добрыми намерениями приступают к общественным делам. Но довольно об этом. Что касается Эхекрата³, то мы и теперь заботимся о нем, и будем заботиться в будущем — как ради тебя и его отца Фриниона, так и ради самого юноши.

X

Платон Аристодору¹ желает благополучия

Я узнал, что ты — один из самых близких друзей Диона и теперь, и был прежде. Ты всегда обнаруживал высокую мудрость в вопросах, касающихся философии. Постоянство, верность и искренность — вот что я называю подлинной философией, другие же качества, относящиеся к другим вещам, такие, как хитрость и изворотливость, кажется мне, я определю правильно, если дам им имя неискренней изощренности.

Ну, будь здоров и придерживайся тех убеждений, которых ты держишься и теперь!

XI

Платон Лаодаманту¹ желает благополучия

Я и прежде писал тебе, что в отношении всех дел, о которых ты говоришь, было бы очень важно, чтобы ты сам прибыл в Афины; но так как ты считаешь, что это невозможно, то лучшим после этого было бы, чтобы прибыл к тебе я или Сократ², как ты и пишешь в своем письме. Но сейчас Сократ страдает от дизурии. Для меня же, если бы я прибыл к вам, было бы весьма неприлично, если бы я не выполнил того, из-за чего ты меня приглашаешь. Сам я не очень надеюсь, что мне это удастся, а потому требуется

другое, длинное, письмо, которое могло бы тебе все это объяснить. Сверх того, из-за моего возраста я не имею физических сил, достаточных для того, чтобы путешествовать и подвергаться опасностям, которые встречаются и на земле, и на море; а теперь все исполнено опасностей при путешествиях. Однако я могу дать совет тебе и твоим колонистам. То, что я скажу, по выражению Гесиода, покажется очень простым, но если подумать, — то очень сложным³. Ведь если думают, что с изданием законов, как бы хороши они ни были, уже устроено государство, то это совсем неверно в том случае, если во главе государства не стоит влиятельный человек, заботящийся о нем, о его повседневном образе жизни, чтобы он был разумным и мужественным у рабов и у свободных. Это удастся, если есть люди, достойные такой власти. Но если вы нуждаетесь в ком-то, кто бы вас воспитал, то, думается мне, у вас нет ни того, кто станет воспитывать, ни тех, кто захочет его воспитания, и вам остается только молить богов. Ведь примерно таким же образом были основаны и хорошо управляемы и прежние города — под влиянием совершившихся великих событий — на войне ли или при других жизненных обстоятельствах, во время которых появляется достойный муж, обладатель великой силы. Итак, решительно следует заблаговременно позаботиться об этом и одновременно подумать о том, о чем я сказал, но не действовать неразумно, полагая, что все устроится само собой. Желаю успеха.

ХII

*Платон Архиту из Тарента¹
желает благополучия*

Присланные тобой сочинения² я получил с удивительной радостью и нельзя даже выразить, как я восхищался их автором. Человек этот показался мне достойным своих древних предков. Говорят, что родом они — мирийцы; это были те троянцы, которые выселились при Лаомедонте³, — люди достойные, как показывает предание.

Что касается моих заметок, о которых ты пишешь в послании, то они еще не совсем готовы, однако я тебе их выслал в таком виде. Относительно же того, как их надо беречь, мы оба с тобою единомышленны, так что не стоит тебя особенно об этом просить.

ХIII

*Платон Дионисию, тирану Сиракуз¹,
желает благополучия*

Пусть начало этого письма будет для тебя зна́ком, что оно — от меня. Угощая как-то локрийских юношей и сидя далеко от меня, ты встал, подошел ко мне и благосклонно произнес что-то удачное, как это показалось тебе и мне, и тому, кто возлежал за столом рядом со мной (а это был один из местных красавцев). Он сказал тогда: «И верно, Дионисий, ты получил от Платона большую пользу в отношении философии!» А ты на это ответил: «И во многих других отношениях; да и из самого того приглашения, что я послал ему, я тоже тотчас же извлек пользу». Вот это и надо нам сохранить, чтобы взаимная наша польза все больше и больше множилась. И вот я, содействуя этому, посылаю тебе кое-что из пифагорейских работ и из различий², а также человека, согласно прежнему нашему решению, которого вы — ты и Архит, если он находится у тебя, — можете использовать. Имя ему Геликон, родом он из Кизика и является учеником Эвдокса³, отлично осведомленным в его учении. Кроме того, он был в близких отношениях с кем-то из учеников Исократы, а равно и с Поликсеном, одним из друзей Бризона⁴. И что особенно редко у таких людей, он очень приятен в обращении и, видимо, обладает неплохим характером; скорее даже его можно было бы считать поверхностным и легкомысленным. Говорю я это с опаской, потому что выражаю свое мнение о человеке по существу своему неплохом, но легко меняющемся, кроме как в отношении очень немногих людей и вещей. Поскольку у меня были опасения относительно этого человека и я

не очень ему доверял, я сам при встречах с ним наблюдал его и расспрашивал его сограждан, и никто ничего дурного мне о нем не сказал. Но смотри сам и будь осторожен. Особенно же, если у тебя будет хоть немного свободного времени, поучись у него и вообще с ним пофилософствуй. В противном случае пошли кого-нибудь к нему в обучение, чтобы ты, спокойно учась у того на досуге, усовершенствовался в философии и прославился, и тогда польза, которую ты получаешь от общения со мной, не будет. Но довольно об этом.

361 Что касается того, что ты поручил мне тебе прислать, то я это сделал, и Лептин везет тебе Аполлона, созданного молодым и талантливым художником, имя которому Леохарес⁵. Было у него и другое произведение, на мой взгляд очень изящное; я купил его, желая подарить твоей жене⁶ за то, что она ухаживала за мной и больным, и здоровым, делая это из уважения ко мне и к тебе. Так **в** вот, передай это ей, если ты не сочтешь нужным поступить как-то иначе. Твоим детям посылаю двенадцать кувшинов сладкого вина и два кувшина меду. Сушеные смоквы, когда я приехал, были уже убраны. Миртовые ягоды, отложенные для тебя, загнили, но я вновь постараюсь заботливо их заготовить. О рассаде же тебе расскажет Лептин.

с Деньги на все эти покупки и некоторые налоги в пользу государства я взял у Лептина, говоря ему то, что, казалось мне, было наиболее прилично для нас и правильно, а именно, что это были наши деньги, которые мы истратили на левкадийский корабль, приблизительно 16 мин; именно эту сумму я взял, а взяв, истратил на себя и на то, что я вам посылаю.

Далее выслушай относительно денег, как относительно твоих, которые находятся в Афинах, так и относительно моих. Твоими деньгами, как я тогда тебе говорил, я буду пользоваться так же, как и деньгами других моих близких; пользуюсь же я ими мало, лишь насколько это кажется необходимым, справедливым или приличным, как мне, так и тому, у кого я беру.

Теперь же вот что со мной случилось. У меня есть доче- d
ри моих племянниц, умерших в те времена, когда я не был
увенчан, хоть ты и приказывал. Их четыре, и одна из них
уже в брачном возрасте, второй восемь лет, третьей немно-
го более трех лет, а четвертой нет еще года. Мне и моим
близким надо их выдать замуж, и тем, до замужества кото-
рых я доживу, дать приданое; а те, до чьего замужества я
не доживу, пусть распростятся с приданым. Если бы отцы
их были богаче меня, то приданого не стоило бы давать. Но
получилось так, что я из них самый богатый; да и матерей
я выдал замуж как с помощью других, так и при поддерж- e
ке Диона. Первая из дочерей моих племянниц выходит за-
муж за Спевсиппа, являясь для него дочерью его сестры⁷.
На все это мне нужно не более тридцати мин⁸: ведь при-
данные эти у нас скромные. Да еще если умрет моя мать⁹, то
потребуется не более десяти мин для устройства ее моги-
лы. При таких обстоятельствах вот каковы примерно мои
сейчас нужды. Если же придется сделать какой-то еще рас-
ход, личный или государственный, связанный с приездом к
тебе (а он потребуется, как я тогда говорил), то я буду изо
всех сил стараться, чтобы он был возможно меньше; а если 362
я какого-то расхода не смогу покрыть, пусть это будет уже
за твой счет.

Затем я опять-таки хочу поговорить с тобой о тратах
из тех твоих денег, что находятся в Афинах. Прежде всего
если будет нужда истратить их на хорегию¹⁰ или на что-
либо другое подобное, то ни один твой приятель, как я и
думал, тебе их не даст; затем если для тебя очень важно,
чтобы истраченное принесло тебе пользу, а не истраченное,
но отложенное на время, пока кто-нибудь от тебя не при-
дет, означало бы вред, то дело это и трудное и позорное
для тебя. Ведь я уже испытал это на себе, послав Эраста к b
Андромеду из Эгины¹¹; ты приказывал у него, твоего при-
ятеля, взять все, что мне нужно, я же хотел послать тебе
больше того, что ты у меня просил. Однако он вполне есте-
ственно, с человеческой точки зрения, ответил, что и то,
что он раньше истратил для твоего отца, он с трудом полу-

чил, и теперь мог бы дать только немного, что же касается более значительной суммы, то ее он не даст. Поэтому я и взял то, что мне было нужно, у Лептина. И потому вполне заслуженно надо воздать Лептину хвалу — не за то, что он дал, но за то, что он дал так охотно, и за все остальное, что он говорит о тебе и делает для тебя: можно несомненно сказать, что он тебе друг. Ведь мне необходимо сообщать тебе как подобные вещи, так и противоположные им, чтобы ты знал, как, по моему мнению, тот или другой человек к тебе относится. Что касается твоих денег, то я буду с тобой полностью откровенен; это и честно и вместе с тем я могу это делать, по опыту зная тех, кто тебя окружает: они всегда тебе говорят, что если они считают нужным произвести траты, то не хотят тебе об этом сообщать, опасаясь вызвать твой гнев; приучи же их и заставь сообщать тебе как об этом, так и обо многом другом; следует, чтобы по возможности ты сам все знал и был судьей во всех этих делах, не опасаясь о них узнать. Ведь для твоей власти это будет лучше всего. Правильно произведенные траты и правильно выплаченные долги — это во всех отношениях хорошее дело; годится это и для самого приобретения денег, как ты говоришь об этом сейчас, да и скажешь в будущем. Пусть же не клеветают на тебя перед людьми те, которые говорят, что заботятся о тебе: ведь нет ничего хорошего и полезного для твоего доброго имени в том, чтобы казалось, что с тобой неприятно иметь дело.

После этого я скажу тебе о Дионе. Обо всем другом я не могу говорить, пока от тебя не придут письма, как ты обещал; но того, о чем ты не хотел, чтобы я упоминал при нем, я и не упоминал, и не обсуждал с ним, хоть и пытался узнать, тяжело ли или легко он перенесет, если это случится. Мне показалось, что он будет очень расстроен, если это произойдет¹². Вообще же, как мне кажется, Дион в словах и на деле настроен в отношении тебя спокойно.

363 Кратину, брату Тимофея¹³, моему товарищу, давай подарим панцирь из вооружения гоплитов — красивый, какой носят всегда пехотинцы, дочерям же Кебета — три хитона

в семь локтей, не из дорогого аморгского льна, а из сицилийского. Ты хорошо знаешь имя Кебета: он описан в сократовских диалогах беседующим вместе с Симмием¹⁴ о душе с Сократом; он человек всем нам близкий и благожелательный.

b

Относительно знака, какие письма я посылаю тебе всерьез, а какие нет, я думаю, ты помнишь, однако прими это особенно к сведению и будь к этому внимателен. Ведь меня заставляют писать тебе многие, которым нелегко напрямик отказать. Итак, в серьезных письмах вначале упоминается бог, боги же — в несерьезных.

Твои послы просили меня писать тебе, и, конечно, это естественно: они весьма усердно повсюду восхваляют тебя и меня, особенно Филарг, который раньше страдал от болезни руки. И Филед, прибывший от Великого царя, говорил о тебе¹⁵. Если бы мое письмо не было таким длинным, я бы тебе написал, что именно он говорил, а теперь спроси об этом Лептина.

c

Если ты пошлешь панцирь или что-либо еще из того, о чем я тебе пишу, или же сам пожелаешь что-то кому-нибудь подарить, сделай это; если же нет, то отдай это Териллу; он — человек из числа тех, кто всегда находится в плавании, близкий мне во многих отношениях, но особенно приятный мне в философии. Он зять Тейсона¹⁶, который тогда, когда я отплыл, был правителем города.

d

Будь здоров и занимайся философией и более молодых людей побуждай к тому же. Твоих сотоварищей по игре в мяч приветствуй от моего имени. Поручи всем и особенно Аристокриту¹⁷, если от меня придет к тебе какое-либо сочинение или письмо, позаботиться, чтобы ты возможно скорее узнал об этом, и напомнить тебе, чтобы ты подумал о том, что будет тебе написано. Не забудь теперь отдать деньги Лептину и отдай их возможно скорее, чтобы и другие, глядя на это, еще охотнее были бы готовы служить нам.

e

Патрокл, который тогда вместе с Миронидом¹⁸ был отпущен мной на свободу, плывет теперь к тебе вместе со всем

тем, что я посылаю. Назначь ему какое-нибудь жалованье, расположи его к себе как следует и, если найдешь нужным, используй его. Что же касается письма, подлинного или его списка, то сохрани его и помни об этом сам.

КОММЕНТАРИИ

БИБЛИОГРАФИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПОЛИТИК

КОСМОЛОГИЧЕСКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ЗАКОНЕ КАК ЗАВЕРШЕНИЕ ПЛАТОНОВСКОГО ИДЕАЛИЗМА В ДИАЛОГЕ «ПОЛИТИК»

То, что учение Платона космологично, нам хорошо известно из предшествовавших диалогов. И то, что платонизм не есть лишь абстрактная логика, но еще и учение о праве, государстве и человеческой жизни во всей ее текучести и конкретности, это мы тоже хорошо знаем из многих диалогов Платона. Даже и соединение космологизма с жизнью социально-политической достаточно глубоко трактовалось уже в «Государстве». При всем том лишь в «Политике» и «Законах» впервые явно обнаруживается глубоко трагический характер всей этой объективно-идеалистической диалектики космоса и человеческого общества.

КОМПОЗИЦИЯ ДИАЛОГА

I. Вступление

Вначале говорится о необходимости установить точное понятие политика, подобно тому как раньше в «Софисте» было установлено понятие софиста (257a—258b).

II. Диалектика учения о политическом деятеле (258b—267c)

Платон сначала пользуется диалектикой, которая, по его же собственному мнению, ни к чему не ведет и которая, может быть, есть пародия на пустословие мегариков.

1. Платон исходит из понятия знания, которое у него делится здесь на два рода, практическое и познавательное, причем политик, или царь, должен обладать познавательным искусством (258b—259d).

2. а) *Познавательное* искусство делится на *повелевающее* и *искусство суждения* (259d—260c), *повелевающее* — на *самоповелевающее* и *прочие* (260c—261a); *самоповелевающее* искусство относится к

одушевленным существам, прочие — к неодушевленным предметам (261a—d); одушевленные же существа можно рассматривать как *одно*, в одиночку, или как многие, т. е. *стадо* (261d—262a). б) После резкой критики попытки деления стад на человеческие и остальные (262a—264b) предлагается деление всех стад на *водные* и *сухопутные* (264b—265b), сухопутных — на *рогатые* и *безрогие* (265b—d), безрогих — на *однокопытные* и *парнокопытные* (265d) с неиспользованием этого деления для человека, безрогих стад — на *скрещенную* и *нескрещенную породу* (265d—266a), *нескрещенные стада* — на *двуногих* и *с четырьмя ногами* (266a—с). в) Это подразделение признается смехотворным ввиду того, что царя пришлось бы представлять себе бегущим со всем стадом и в товариществе с птицами (266с—е). г) Вместо этого предлагается вернуться к категории живых существ и поделить их на двуногих и четвероногих, а затем уже на пернатых и «гладких», причем политический деятель оказался бы среди двуногих и бескрылых, т. е. людей (266е). д) Дается сводная формула всех предыдущих делений, направленных на определение царя (267a—с).

**III. Признание слишком большой общности этого
слишком внешнего деления,
поскольку царь мыслится выше всех прочих людей
и является специфическим человеческим существом
(267с—269с)**

1. *Отличие царского руководства от всякого другого* (267с—268d).

2. Похищение женою Атрея золотого ягненка для Фiestа; месть Атрея жене и угощение Фiestа мясом зажаренных детей Фiestа как *причина космического переворота, т. е. обратного пути солнца и других звезд* (268d—269a); этим Платон хочет отделить доброго царя от злого (269a—с).

**IV. Учение о космических переворотах
как необходимое для определения истинного царя
(269с—274d)**

1. Платон утверждает, что *мир божествен*, но он есть также и *тело*, он то направляется богом — и тогда движения его правильны, то предоставляется самому себе — и тогда он движется беспорядочно и смутно (269с—270b).

2. Далее говорится о зависимости от этого жизни людей, которая тоже делается беспорядочной, смертной, так что весь человеческий род погибает, а люди, вырастающие из земли вследствие падения на нее остатков небесной человеческой души, ведут жизнь весьма озабоченную и затрудненную, вечно болеют и умирают, похищаются зверями, не умеют приготовить себе пищу в противоположность прежней

жизни при Кроносе, которая была вполне беззаботна и счастлива; происходит же это ввиду «судьбы и врожденного космосу вожделиния» (272e), ибо он и бестелесен, и причастен телу (269e, 270b—274d).

**V. Выводы из космологии для учения
об истинном политике и пересмотр результатов
всего предыдущего рассуждения
(274d—292c)**

1. Прежнее диалектическое рассмотрение политического деятеля, не учитывавшее совершающихся во Вселенной периодических переворотов, признается наивным и ошибочным (274d—275a). Истинный политик измеряется величиной стоящей перед ним задачи, сравнимой лишь с божественным устройением мира при Кроносе (275b—276c).

2. а) Вместо прежних подразделений вводятся новые: *управление обществом людей дробится на божественное и попечительно-человеческое* (276c—d), попечительное — на *насильственное (тираническое) и мягкое (политическое)* (276d—e). б) После отступления о необходимости познания сложного через простые элементы (*στοιχεῖα*, 277a—279a) следует сравнение политического искусства с ткацким ремеслом (279b—281d), позволяющее разделить искусства на вспомогательные и производящие (281d—e), разъединяющие и соединяющие (282a—c), а последние — на искусство сучильное и собственно ткацкое искусство в узком смысле слова (282d—283b). в) На примере из искусства измерения проводится *разделение ценностей на относительные и абсолютные* (283c—284e). г) Далее следует отступление *о смысле и методе дихотомического деления и его значении для развита диалектического мышления* (285a—287a).

3. а) На примере разобранного выше ткацкого искусства показывается *обособление политического управления самого по себе от вспомогательных искусств*, как-то: производство орудий труда и всяческих сосудов для хранения произведенной продукции (287e—288a), сухопутный и водный транспорт (288a), домостроительное и ткацкое искусства (288b), искусства мусические и живописные (288c), добывание сырья для всех ремесел (288d—e), добывание пищи (289a); уточняется *порядок вспомогательных искусств*, а именно: добывание сырья, изготовление орудий, сосудов, транспорт, домостроительство и изготовление одежды, развлекательные искусства, питание (289b); все это не есть задача правителя государства (287b—289d). б) На основании этого же примера *искусство государственного управления в собственном смысле слова* («плетение») *отграничивается от задач рабского сословия* (289d—e), от хозяйственной деятельности свободных (289e—290a), от деятельности людей, стоящих близко к правительству, несмотря на их притязания владеть политическим искусством (290b—c), от жречества и такой царской власти, которая дается по жребию (290c—291a). в) Вводится для обсуждения в дальнейшем (292d—303d) тонкое и сопряженное с большими трудностями

отграничение искусства государственного управления от того или иного из пяти возможных типов государственного строя: тиранической монархии, царственной монархии, аристократии, олигархии и демократии (291d—e), т. е. вообще от всякой деятельности, стремящейся к простому поддержанию законов или простой независимости от этих законов (292a), и это искусство государственного управления определяется как некоторого рода знание властвования над людьми (292a—c).

VI. Независимость совершенного политика и его искусства от законов (292d—297c)

1. Это *политическое знание*, по Платону, *независимо от законов*, а) подобно тому как для врача важно не следовать тем или иным *предписаниям* искусства, но излечить больного, какими бы средствами он при этом ни пользовался (292d—293c). б) Для улучшения государства в соответствии со знанием и правдой допускаются радикальные меры: казнить, изгонять граждан, давать иностранцам права гражданства и т. д. (293d—e).

2. Обосновывается *необходимость отступления истинного политика от законов*: а) общая негибкость и косность всяких законов (294b—c); б) неспособность закона войти в частности и невозможность в законодательном порядке предусмотреть всю жизнь человека (294c—295b); в) неизбежность смены всякого закона при изменении обстоятельств (295b—296a).

3. На примере из врачебного искусства (296b—c) *утверждается допустимость насилия* в государственном управлении, лишь бы оно было полезным (296d—e). В связи с этим говорится, что сила искусства выше законов, хотя для личности политика (в таком случае) и требуются редкостные и прекрасные познания и разум (296b—297c).

VII. Учение о менее совершенных, подражательных формах правления, для которых необходимо строжайшее подчинение законам (297c—303d)

1. Вначале идет замечание о *возможности злоупотребления искусством государственного управления*, в связи с чем необходимы строжайшие законы там, где совершенное правление невозможно (297c—298b).

2. *Демократическое правление*, по Платону, представляет собой следующее (298c—301a): а) всеобщее участие в составлении законов (298c—e); б) выборное и ответственное правительство при демократии (298e—299a); в) упадок наук и искусств при демократии (299b—e); г) извращение демократии при отступлении от законов; д) в связи с

этим еще раз о необходимости для наиболее успешного подражания совершенному образу правления строжайшего подчинения законам (301a).

3. *Аристократия и ее извращение, олигархия* (301a).

4. *Монархия и ее извращение, тирания* (301b—c).

5. *Итог и сравнительная оценка шести менее совершенных форм правления* (демократия, аристократия и монархия с их извращенными формами): а) все они возникают при отсутствии истинного правителя (301c—e); б) при них свершается много зол (301e—302b); в) при соблюдении законов лучший государственный строй — монархия (302e), при беззаконии — демократия (303a); седьмая, совершенная форма правления выше всех остальных настолько же, насколько бог выше человека (301c—303d).

VIII. Отделение политики от риторики, от военного дела и судопроизводства и учение о царственном плетении (303d—311c)

1. а) На примере очистки металлов утверждается необходимость четкого обособления *политического знания* (303d—304a). б) На примере музыкальной практики и теории выясняется отличие *практической обучающей науки от науки, показывающей, надо ли в каждом данном случае обучаться или нет и как обучаться* (304a—b). в) Второй вид науки — начальствующая (303d—304c).

2. Дается *отличие собственно политики от ораторского искусства* (304c—e), от *воинского искусства* (304e—305a), от *юриспруденции* (305b—c); все это — исполнительные и созидательные искусства, а не управляющие (304c—305e).

3. Возвращение к примеру ткацкого искусства; *вводится понятие царственного плетения* (305e—306a).

4. В связи с необходимым разграничением между частью добродетели и видом ее *мужество и рассудительность признаются взаимодополняющими частями добродетели, а не ее видами* (306a—308b). а) Мужество выступает как начало активности, движения и энергии в каждом предмете и явлении (306c—e). б) Рассудительность, или сдержанность, — как начало умеренности, спокойствия и пассивной гармонии (307a—b). в) Преобладание каждого из этих двух добродетельных начал ведет к соответствующим порокам — жестокости, с одной стороны, и вялости — с другой (307b—c); а причина раздоров в государстве и социальных бедствий заключается во взаимной враждебности стремлений мужества и рассудительности (307d—308b).

5. Поэтому государственное искусство должно после тщательной подготовки и облагораживания человеческого материала (308c—309a) *гармонически сплести* мужественные и активные силы общества с рассудительными и консервативными, подобно тому как при тканье

сплетается прочная нить основы и мягкая и нежная пряжа утка (309b).

6. Далее предстает *учение о двоякой связи элементов общества* (309c—311b). а) Граждане соединяются божественной связью благодаря единству истинного мнения о прекрасном, справедливом и добром (309c—310a), б) Осуществляется и телесная связь внутри государства благодаря правильно упорядоченным и исключающим раскол общества родственным связям (310b—c). в) При этом во всех государственных делах правитель должен сочетать мужественное начало с умеренным и рассудительным (310d—311b).

7. *Окончательно определяется политическое искусство как царственное плетение* (311b—c).

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДИАЛОГУ

В этом позднем диалоге Платона продумываются до конца и обобщаются многие моменты как его учения об идеях, так и его учения о государстве, которые раньше подвергались только частичному анализу.

1. Исследователи обычно рассматривают «Политика» как сочинение, полностью посвященное государственному устройству и законодательству. Этот подход, однако, необходимо считать слишком непосредственным и не затрагивающим некоторых общефилософских предпосылок учения Платона.

Прежде всего, Платон, как мы знаем, был склонен понимать свои вечные идеи как своего рода законы общекосмической жизни. Что же касается диалога «Политик», то тут выдвигается понятие принципа, который выше не только отдельных вещей, подпадающих под эти идеи, но и всяких законов, всякого законодательства и всяких закономерностей. Истинный политик, по мнению Платона, *выше всякого закона*. Законы — это область слишком рассудочная, слишком мало учитывающая конкретные обстоятельства человеческой жизни. Здесь мы обращаем внимание на сравнение политика с врачом (293b—c), которое делает всю эту концепцию Платона чрезвычайно ясной: врач знает разные методы лечения, но способ применения этих методов каждый раз у него свой собственный в зависимости от состояния того или иного больного. Нам кажется, что платонизм в этом случае, не удовлетворяясь рассудочной диалектикой, взывает к пониманию жизни в ее специфической полноте и случайности. Если угодно, аналогией для такой концепции является платоновское учение о *едином*, или о *благ*, которое приводится в конце кн. VI «Государства». Однако мало и этого.

То, что можно было бы назвать платоновской идеей в «Политике», есть не только это *единое*, но и такое единое, которое в то же время охватывает множественное в виде некоей абсолютной закономерности и является для него законом. В «Политике» мы находим учение о

законе, который, во-первых, есть осуществление того, что выше его, а во-вторых, мыслится жизненным началом всего сущего, так что в нем можно свободно выделить три хорошо известные нам платонические ипостаси, т. е. *единое, ум и душу*. Но Платон не останавливается и на этом.

Он выдвигает в «Политике» такую концепцию, которую отчасти можно было предполагать и раньше, но которая только здесь выражена предельно ясно. Именно закон, по мысли Платона, содержит в себе не только указанные выше три ипостаси, но и четвертую ипостась, которая представлена здесь в виде *космоса*, однако не того постоянного, вечного, предельно совершенного и предельно организованного космоса, а такого, которому свойственны элементы вожделения (272e). Это космическое вожделение имеет свое место потому, что космос есть также и тело, а тело может разрушаться. Поэтому Платон в «Политике» прямо говорит о мировых катастрофах, когда уже не боги управляют миром, но мир управляет самим собой и поэтому становится бессильным, далеко отходит от своего первичного совершенства (269c—274d).

2. Эти космические катастрофы Платон мыслит в «Политике» существенно связанными с тем или иным состоянием человеческой жизни, что иллюстрируется при помощи мифа о Фieste и Атрее, ужасные преступления которых произвели разрушительное действие на все космическое совершенство. В «Политике» прямо и бесповоротно космический распорядок ставится в зависимость от человеческой жизни. У Платона явно возрастает здесь чувство личности, и тем самым он приближается к эллинистическим моделям.

3. Наконец, на вопрос о том, что же является причиной всех этих и космических и человеческих катастроф, Платон отвечает так, как он уже не раз отвечал в других диалогах: все определяется *судьбой* (272e). Этот ответ мы находили и в «Федре», и в «Государстве», и в других местах. При всей своей тончайшей диалектике Платон все-таки не вышел за пределы общеязыческого представления о судьбе.

4. Вся указанная концепция космических катастроф, проводимая при помощи учения о четырех ипостасях, как это часто бывает у Платона, не везде закреплена терминологически.

В частности, сам термин *идея* (т. е. *ἰδέα* или *εἶδος*) почти отсутствует в диалоге и заменен другими философскими терминами и выражениями. Термин *εἶδος* употребляется в диалоге только два раза (287e, 263b) и в обоих случаях имеет в основном формально-логический смысл вида в отношении к тому или иному родовому понятию.

Что же касается термина *ἰδέα*, то из трех случаев его употребления в «Политике», может быть, только одно имеет отношение к учению об идеях, а именно там, где государственный принцип рассматривается как причина усовершенствования отдельных человеческих деятельностей и превращения их в единую и совершенную политическую идею (308c).

Что касается двух других текстов «Политика», содержащих данный термин, то в одном из них (307с) идеи понимаются как этические начала, находящиеся в состоянии борьбы, но должествующие слиться в единую и цельную добродетель. Значит, дачный текст приближается к предыдущему. Когда же Платон в данном диалоге (291d) говорит о разнообразных «идеях» в смысле образов государственно-устройства, то здесь преобладает тоже формально-логическое значение вида в сравнении с родовым понятием (причем прибавляются некоторые художественно-мифологические элементы).

Характерный смысл имеет в «Политике» термин *подражание* (μίμησις). Когда Платон говорит здесь об истине, уже воплотившейся в государстве, то это для него не просто подражание, но сама истина, наивысшая истина (300е). Если пишутся законы, то это подражание (300с). Если же правление происходит без всяких законов и без учета обычаев, как это мы находим в тирании, то это уже подражание худшему. Такие же два типа подражания различаются и в другом месте (297с). Кроме того, Платон говорит о подражании худшему, когда отдельные элементы распадающегося мира стремятся подражать цельному миру, утверждая тем самым свое отпадение от этого цельного мира (273е—274а). И наконец, художественное подражание Платон расценивает в «Политике» так же низко, как и в «Государстве». Оно идет у него только после добывания сырья, создания орудий производства, производственных построек и хранилищ, транспорта, домостроения и ткацкого искусства (288с, 289b). Подражание в музыке и живописи есть подражание мужеству, но только в образах, а не в делах (306d).

Таким образом, терминологический анализ материалов «Политика» свидетельствует об обычной для Платона нечеткости понятий при последовательно проводимом, однако, объективно-идеалистическом понимании онтологии, политики, этики и эстетики.

5. Сущность подлинного политика тончайшим образом отличается у Платона от всяких других, более частных форм деятельности. Правление — это не есть ни труд свободнорожденного или раба, ни деятельность вообще государственных людей, стоящих близко к правительству, ни жречество, ни царская власть, возникающая по жребию (289е—291а), ни деятельность в области науки, искусства или технической промышленности (287е—289d), ни риторика, ни военное дело, ни юриспруденция (304с—305b—с). Политика есть специфическое *знание*, а именно знание власти над людьми, взятое в своем предельном обобщении (292а—с).

6. В «Политике» используется диалектический метод. Однако используется он здесь в разных смыслах, а это требует от нас строжайшего анализа. В начале диалога применяется одно из платоновских пониманий диалектики, а именно в виде дихотомического деления. Но ясно, что дихотомия эта в начале диалога слишком неуклюжа, случайна и малоубедительна, что и заставило многих ученых нахо-

дять здесь не подлинную платоновскую диалектику, а только сатирическую пародию на мегарскую диалектику (которой действительно свойственны подобного рода черты), тем более что Платон сам тут же отказывается от этой диалектики.

Вникая в то новое, что Платон привносит в дихотомическое деление, мы видим, что помимо категорического требования постепенного перехода от общего родового понятия к виду, который обладает наибольшей конкретностью, используются и другие логические и вообще философские средства. Так, после указанного отрывка сатиры на мегарцев он сразу переходит к мифу о Фieste и Атрее. Это значит, что подлинная платоновская диалектика исходит вовсе не из простой дихотомии понятий, но из реального мироощущения, которое ввиду своей обобщенности может быть раскрыто только в мифах. Платон объединяет диалектику с космологией. К диалектике к тому же при-мешиваются разного рода поэтические и жизненные восприятия.

Из этих творческих образов, одинаково чувственных и диалектических, мы уже приводили выше пример врача и методов его конкретного лечения. Сейчас же мы хотели бы указать еще на один поразительный образ, которым Платон пользовался не раз и в других своих диалогах и который рисует его диалектику в ее полной жизненной наглядности. Это образ прядения и тканья.

В самом деле, когда прядильщик получает отдельные шерстяные нити, он занимается своего рода анализом и нахождением неделимых элементов. Но когда ткач из всех этих тончайших нитей получает единую и нераздельную ткань, то нити эти уже как бы перестают играть роль и даже становятся невидимыми, а то целое, что из них получилось, почти не имеет ничего общего с ними. Этот образ прядения и тканья, несмотря на всю свою элементарность, очевидность и наглядность, все же как-никак с диалектической точки зрения является образом единства и борьбы противоположностей, и вот такого рода диалектический метод, уже ничего не имеющий общего с простой дихотомией, Платон и применяет в своем «Политике», отчетливо формулируя его несколько раз (281a, 310e—311a, c). Такое понимание диалектического метода мы находим и в других диалогах Платона. Образ тканья применяется в «Пармениде» для понимания диалектического отношения между идеями и материей. В «Софисте» (239c—240c) при помощи подобного образа трактуется отношение бытия и небытия. В «Федоне» отношение души к телу мыслится тоже как ткачество: душа тклет тело (87a—88b, а также 80c—e). В «Кратиле» имя фунционирует в учении и познании как челнок для разделения основы в ткацком ремесле (387e—390a). В «Государстве» (X 616c—617d) дается подробная мифология богинь судьбы, которые изображаются как Клотó («Пряжущая»), Лáхесис («Дающая по жребию») и Áтросос («Неотвратимая», т. е. та, которая пресекает нить прядения). В «Политике» царское искусство и трактуется как умение ткать из отдельных индивидуальностей всю человеческую жизнь и все государство

(311c). Можно считать нелепостью всю эту «ткацкую» диалектику, но невозможно отрицать использования Платоном закона единства и борьбы противоположностей.

Диалог «Политик» является как бы непосредственным продолжением диалога «Софист», в котором уже были намечены темы дальнейших бесед, заключающихся в определении политика и философа (217a). Таким образом, действие «Политика» происходит после разговора, выяснившего сущность софиста. Здесь участвуют те же лица: Сократ, только начинающий диалог, математик Феодор Киренский, гость из Элеи и молодой Сократ, уже не молчаливый слушатель, а собеседник, вступивший в разговор вместо утомившегося накануне Теэтета.

О персонажах диалога см. т. 2. Вводные замечания к «Теэтету» и «Софисту».

¹ Аммон — см. «Законы», кн. V, прим. 15. — 11.

² О наружности Теэтета см. т. 2, «Теэтет» (143e). — 12.

³ Разделение теоретических и практических искусств дано в «Филебе», см. прим. 49. — 13.

⁴ Два типа врачей рассматриваются в «Законах» (IV 720c и прим.

32). О государственном враче см. у Ксенофонта (Mem. IV 2, 5). — 13.

^{4a} Это рассуждение Платона можно проиллюстрировать рис. 1. — 24.

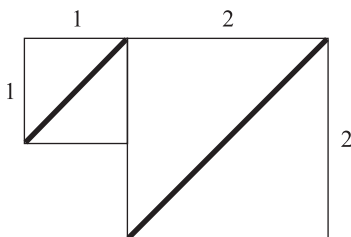
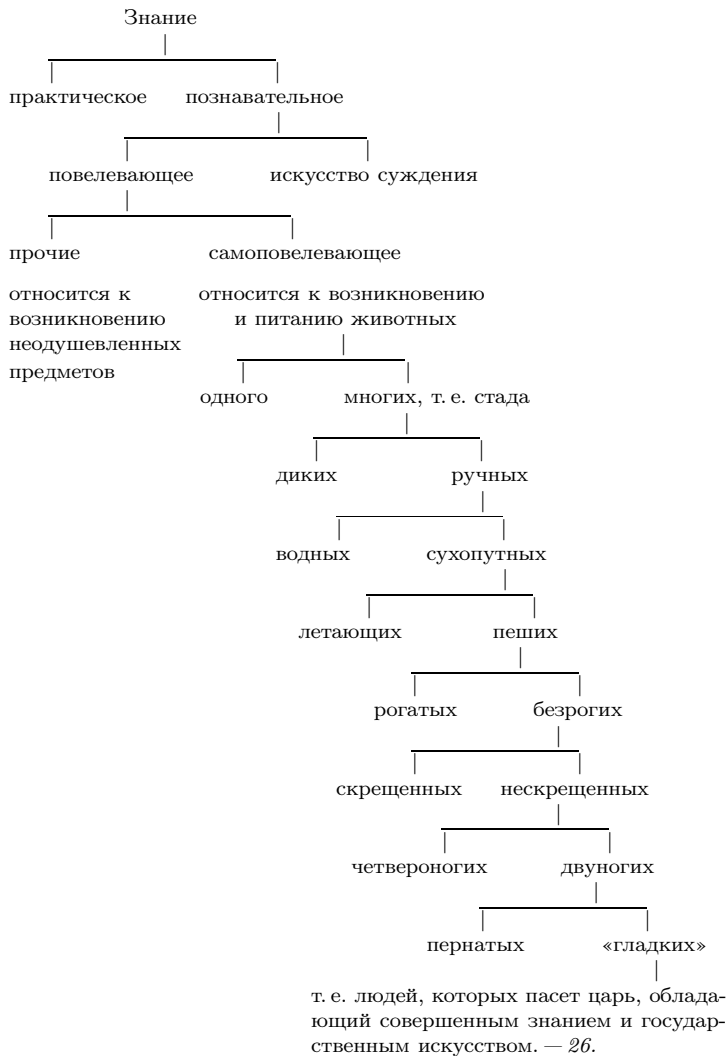

Рис. 1.

⁵ Имеются в виду птицы. — 24.

⁶ Все разделение знания, приводящего к царственному искусству политика, можно представить следующим образом:

⁷ Для доказательства того, что существует совершенно особый, отличающийся от всех других видов, вид искусства управления и питания человеческого племени, Платон использует миф, в котором переплетаются древние представления об истории человеческого рода и

собственные мысли Платона. Ср. мифы, излагаемые в «Протагоре», прим. 34, 34а, 35, и «Горгий», прим. 82, тоже трактующие проблемы историко-культурные, социальные и этические. — 28.

⁸ *Атрей и Фиест*, дети Пелопа, известные взаимной ненавистью и преступлениями, которые были следствием проклятия, наложенного на Пелопа богами. См. т. 1, прим. 21, 21а к диалогу «Кратил». — 28.

⁹ Жена Атрея Аэропа, которую соблазнил Фиест, передала ему золотого агнца, рожденного по воле Гермеса в стаде Атрея и являвшегося символом незыблемости царской власти Атрея. См. трагедию Эврипида «Орест», 995—1000. — 28.

¹⁰ В ужасе от злодейства Атрея, бросившего в море свою жену, а затем угостившего Фиеста блюдом из его убитых детей, Солнце — Гелиос — изменило свой путь. См. *Эврипид*. Орест, 1001—1010; Paus. II 18, 1—2. — 28.

¹¹ О *Кроносе* см. т. 1, прим. 84 к диалогу «Горгий». — 28.

¹² По Гесиоду (Theog. 182—187), земля, принявшая в себя кровь Урана, через несколько лет родила гигантов в dospехах и с копытами в руках. Лукреций (V 821—825) прямо пишет, что «заслуженно носит матери имя земля, потому что сама сотворила весь человеческий род», а также зверей и птиц. — 29.

¹³ О создании космоса, его движении и душе космоса см. т. 3, ч. 1, «Тимей» (30а—с, 40а—b, а также примечания 61, 62). — 29.

¹⁴ Блаженную жизнь при Кроносе рисует Гесиод (Opp. 109—126). См. *B. Gatz*. Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandte Vorstellungen. Hildesheim, 1967. — 33.

¹⁵ «Кормчими» именуются боги также у Эсхила (Prom. 148). В противоположность высказанной здесь точке зрения «Законы» (X 902e—903a) прямо говорят о попечении богов над миром в большом и малом. См. также прим. 34 ко II кн. «Государства» о попечении богов. См. также т. 3, ч. 1, «Тимей» (42 d) и прим. 65 о посеянных душах. — 33.

¹⁶ О божестве как демиурге и отце см. «Тимей», 34а—b. — 34.

¹⁷ Ср. «Тимей», прим. 44, где космос творится по подобию бога совершенным. — 34.

¹⁸ Имеется в виду богиня Афина. — 35.

¹⁹ О периодических катастрофах, постигавших человеческий род, см. т. 3, ч. 1, прим. 40 к диалогу «Критий», а также «Законы» (III 677a, 679d). — 35.

²⁰ См. выше (271d—e) о гениях, т. е. божественных существах, па- сущих стада смертных. — 36.

²¹ Подобным же образом в «Критии» Платон сравнивает богов с пастухами, см. прим. 12. — 36.

²² Уточнение таблицы, данной в прим. 6, можно представить так:

Искусство попечения, а не только питания

²³ Платон не случайно сравнивает здесь искусства разделения и соединения с шерстопрядильным искусством и ткачеством вообще; этот образ он использовал и в других диалогах («Пармениде», «Софисте», «Федоне»). — 46.

²⁴ Ср. т. 3, ч. 1, прим. 46 к диалогу «Филеб» о чистых удовольствиях, получаемых от геометрических фигур, красок и звуков, т. е. бестелесных предметов. — 52.

²⁵ Семь видов перечисленных здесь вспомогательных искусств, не относящихся к искусству политическому, можно считать также практическим искусством, свойственным большинству в отличие от теоретического искусства меньшинства, принимая во внимание разделение, данное в «Филебе», см. прим. 49. — 56.

²⁶ Ср. мнение Платона о рабах с аристотелевским мнением (Polit. I 2). — 56.

²⁷ У вас — т. е. у афинян. Аристотель также сообщает (Polit. III 9, 1285в 9—19), что древние греческие цари сами совершали жертвоприношение, так как «это последнее не составляло специальной функции жрецов» и впоследствии, когда многие функции царя отпали, это право за ними сохранилось. — 58.

²⁸ *Кентавры* — мифологические существа, которые сочетали в себе природу коня и человека, обитали в диких горах и чащах (*Гомер*. Ил. I 268, II 744 сл.) и отличались буйством и неводержанностью. Исключение составлял мудрый кентавр Хирон — сын Кроноса, воспитатель героев (Ил. XI 831 сл.).

Сатиры — лесные козлообразные демоны, изображались как спутники бога Диониса. См. подробно, т. 2, прим. 84 к диалогу «Пир». — 58.

²⁹ Аристотель пишет: «Тот, кто испытывает недоумение и изумление, считает себя незнающим» (Met. I 2, 982b 17 сл.). Об удивлении как начале знания см. т. 2, прим. 20 к диалогу «Теэтет». — 59.

³⁰ Типы государственного устройства рассмотрены подробно Платоном в VIII кн. «Государства». См. т. 3, ч. 1, прим. 4—9, 12. — 60.

³¹ См. выше, прим. 6. — 60.

³² В «Законах» Платон прямо говорит, что «ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоят выше знания. Не может разум быть чьим-либо послушным рабом; нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно свободен» (IX 875c—d). — 63.

³³ Ср. «Законы» (II 690a—c) о взаимоотношении закона и разума, насилия и добровольного подчинения. — 68.

³⁴ Гомер. Ил. 514. Платон цитирует эти стихи также в «Пире» (214b). — 68.

³⁵ Ср. этот образ неумелого и неискусного кормчего с подобным же образом в «Государстве» (VI 488b—e). — 69.

³⁶ Плутарх (Solon, XXV) сообщает, что при Солоне законы писались на деревянных таблицах, так называемых кирбах, поворачивающихся на своей оси. — 69.

³⁷ Возможно, имеются в виду афинские демагоги, осмеянные еще Аристофаном во «Всадниках». — 71.

³⁸ Ср. рассуждения Платона в «Законах» (IV 712d—e) о якобы близком к идеалу государственном строе Лакедемона и Крита, который вмещает в себя все формы правления, основываясь по сути дела на божественных законах. См. «Законы», прим. 1, 2 к кн. I. — 73.

³⁹ Ср. этот образ корабля-государства с известными стихами Алкея (фр. 30d) и Горация (Satm. I 14). — 74.

⁴⁰ Аристотель имеет в виду рассуждения Платона в «Государстве» (VIII 544c—576d) и в данном месте «Политика», а также свои в «Никомаховой этике» (VIII 12, 1170b 8 сл.), когда утверждает, что «все эти формы государственного устройства вообще ошибочны» (Aristot. Polit. IV 2, 1289b 9—11). — 76.

⁴¹ Ср. выше (291a—b), где тоже невежественная толпа сравнивается с кентаврами и сатирами.

Существовал особый тип драмы, так называемой сатирической, где действовали эти хитроумные, но грубые и недалекие существа. — 76.

⁴² *Адамант* — по Гесихию, род железа, может быть, сталь у Эсхила (Prom. 6) и Пиндара (Pyth. IV 25). Теофраст впервые придал адаманту значение алмаза (фр. II 19 Wimm.) — 77.

⁴³ Народные ораторы играли огромную роль в демократических Афинах, особенно в эпоху их упадка и борьбы за независимость. Известна государственная деятельность Исократ, Демосфена, Эсхина, Гиперида и др. — 77.

⁴⁴ Ср. «Горгий» (455a) о риторике: «Красноречие — это мастер убеждения, внушающего веру в справедливое и несправедливое, а не поучающего, что справедливо, а что нет». — 78.

⁴⁵ Сплетение частей добродетели, стремящихся к противоположным качествам, возможно здесь только при понимании их в плане не антиномическом, а диалектическом. О добродетели и искусстве управлять государством см. т. I, прим. 32 к диалогу «Протагор». — 86.

⁴⁶ Платон в «Законах» пишет, что «каждый человек должен заключать брак, полезный для государства, а не только очень приятный ему самому» (VI 773b), так как «государство должно быть смешано наподобие напитка в кратере, где бурлит налитое неистовое вино, а другое, трезвое божество его сдерживает, так что получается добрый,

смешанный в меру напиток — следствие прекрасного союза вина и воды» (773d). — 87.

⁴⁷ Заклочительные слова вряд ли произносит юный Сократ. Скорее они принадлежат старшему Сократу, который начинал диалог. — 88.

ЗАКОНЫ

АБСОЛЮТИСТСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ПЛАТОНОВСКОГО ИДЕАЛИЗМА В «ЗАКОНАХ»

«Законы» на основании вполне достоверных источников необходимо считать последним сочинением Платона. Это обстоятельство часто дает повод исследователям думать, что сбивчивое и местами весьма запутанное изложение мыслей у Платона в данном произведении определяется его слишком пожилым возрастом и что к Платону здесь не следует предъявлять слишком высоких философских и особенно логических требований. Ход мыслей в этом последнем произведении Платона действительно производит впечатление какой-то незаконченности, недоделанности; возможно, здесь и сказалось его старческое состояние, благодаря чему он просто не успел довести свои «Законы» до настоящей логической и стилистической завершенности. Впрочем, в «Законах» попадаются такие места, которые явно разграничивают одну часть исследования от другой. Так, в конце III книги (702e) совершенно очевидно формулируется переход от вступления, которому посвящены первые три книги, к установлению законодательства. А в другом месте (XII 960b) прямо говорится об окончании законодательных проектов.

Но суть дела не в этом. Из истории философии, литературы, искусства и вообще человеческой культуры можно привести сотни случаев, когда престарелые авторы создавали самые замечательные произведения в своих областях. Поэтому для нас будет достаточно признать только то несомненное обстоятельство, что «Законы» Платона действительно не доведены до настоящего завершения (впрочем, многие другие произведения Платона тоже лишены такого логического порядка и стилистической отделки, которые нам хотелось бы видеть в связи с идеями, развиваемыми в этих произведениях). Сущность дела заключается в том, что в этом обширнейшем произведении Платона отражена новая ступень в развитии его философии. И хотя эта ступень в значительной мере уже предопределена всей предыдущей эволюцией творчества Платона, нигде не доходит он до таких последовательных и ошеломляющих выводов, высказанных в столь откровенной форме. Поэтому слишком уж низкая оценка «Законов» у большинства исследователей не соответствует исторической действительности. Можно, а часто и нужно бывает принципиально отвергать

воззрения Платона, развиваемые им в «Законах». Но историк философии, как и вообще всякий историк, излагает не только то, что ему лично нравится и что соответствует его собственным философским взглядам. И если подходить к «Законам» чисто исторически, а не субъективно, то значение этого произведения окажется настолько большим, что в некоторых отношениях оно будет даже превосходить значение других диалогов Платона.

Между прочим, традиционная низкая оценка «Законов» у исследователей и читателей, основанная на антиисторическом подходе к этому произведению, привела к тому, что в научной литературе имеется только небольшое количество подробных и внимательных анализов этого произведения; и даже просто систематическое изложение «Законов» встречается редко, причем обычно имеет общий характер и не выявляет их структуру. Нам приходится поэтому нарушить эту традиционную чересчур низкую оценку «Законов» и дать по возможности их стройную и логически выдержанную композицию. Те места, где логическая последовательность у Платона нарушается, мы будем специально указывать в композиции диалога. Так же мы будем поступать и относительно тех мест, где логическая последовательность имеется, но не формулируется Платоном в ясном и законченном виде.

КОМПОЗИЦИЯ ДИАЛОГА

Сообщение о месте, участниках и основной теме диалога (I 624a—625c). Основная тема — государственное устройство и законодательство.

I. Предварительные проблемы (I 625c—III 702e)

1. *Формулировка основного принципа законодательства* (I 625c—632d). а) Отрицательная формулировка: законодательство должно основываться не на интересах войны, как то было до сих пор в Спарте и на Крите (625c—628 a), и тем более не на интересах гражданского междоусобия (628 b—e), чему вполне соответствуют взгляды поэтов Тиртея (629a—e) и Феогнида (630a—d). б) Положительная формулировка: законодательство должно быть основано на добродетели, взятой во всей ее совокупности, и на справедливости, имеющей целью всеобщий мир и безопасность граждан, а не войну и приобретение богатства (628c—e; 630d—632c): такое законодательство вполне соответствует основным человеческим благам — здоровью, красоте, силе в беге и в прочих движениях тела, богатству (631b—c) и особенно основным божественным благам — разумению, здравому состоянию души, справедливости и мужеству (631c); законодатель действует на основании этого «руководящего разума» как в браках и воспитании детей, так и во всех взаимоотношениях людей, частных и общественных, включая психическое и физическое состояние граждан (631d—632b),

их достойные и их расходы, добровольные и недобровольные сообщества, почести и наказания, погребение умерших (632b—c), в) Необходимость стражей для всего общественного правопорядка (632c—d).

2. *Развитие основного принципа законодательства* (632d—650b). а) Правильное законодательство предполагает торжество добродетели: с привлечением законов Зевса и Аполлона собеседники дискутируют о добродетелях, среди которых они выделяют выносливость (632e—633c), борьбу с необузданными удовольствиями и страстями (633c—634d), повиновение начальству (634d—635a). б) Критикуются сисситии, гимнасии и другие обычаи (635b—636e), а также говорится о необходимости иметь строгих начальников на общих пирушках (636e—642b). в) На основании симпатий к афинским обычаям, которые возникают из естественной, а не из насильственно насаждаемой добродетели (642b—643b), рассматривается общественное и личное воспитание как необходимая основа истинного законодательства (643b—644c). г) Философская основа воспитания, необходимого для осуществления правильного законодательства, заключается, по Платону, в воззрении, согласно которому мы являемся куклами и игрушками богов то ли для серьезной цели, то ли для забавы; кто-то извне дергает наши души за те или иные их нити, причем рассудочная нить есть самая важная, золотая (644d—645c). д) А так необходимо иметь надежное средство для распознавания добродетели в связи с этим учением о куклах, то предлагается испытание всех людей при помощи вина, которое и покажет законодателю, является ли человек мужественным и бесстрашным, умеренным, или он не владеет собой и душе его чужда устойчивая добродетельная жизнь (645d—650b).

3. *Хороводное мусическое воспитание как необходимое условие правильного функционирования истинного законодательства* (II 652a—674c). а) Весьма важным мерилom образованности человека является его умение участвовать в хороводах (652a—654b), поскольку человеку от природы врождено плясать и петь, получая от этого глубокое удовольствие (652a—653e), а боги, чтобы оказать нам благодеяния, как раз и установили хороводы, в которых мы с глубоким удовольствием проявляем врожденное нам чувство гармонии и ритма (653e—654b); поэтому воспитанный человек тот, кто хорошо пляшет и поет (654b). б) Дело не в самих телодвижениях и не в самих звуках голоса, но в том, что именно изображается в хороводе: хорошее или дурное, прекрасное или безобразное. Поэтому воспитан только тот, кто в своей песне и пляске изображает прекрасное (654c—655b), причем это прекрасное каждый может понимать по-разному, лишь бы хоровод не изображал пороков, но изображал только добродетель (655b—656d), придерживаясь вечных законов, как Египет с неподвижностью его хорового искусства в течение 10 000 лет (656d—657b). в) Этим необходимо руководствоваться при выборе победителей на хороводных состязаниях, учитывая интересы каждого возраста (657c—658e), а интересы удовольствия от хороводов должны быть согласованы с пра-

вилами добродетели (658e—659c). Другими словами, не должно быть никаких беспорядочных удовольствий, но всякое удовольствие должно быть глубочайшим образом согласовано с требованиями закона и добродетели (659d—660d). И художественное удовольствие должно быть пронизано идеалами всеобщей справедливости вопреки мнению необразованной толпы и отдельных порочных людей (660d—662b), а справедливость и приятность есть одно и то же (662b—663a). г) Соответствующая задача законодателя (663a—664c). д) Теория трех хороших родов (664c—667c) в связи с учением о воспитательном тождестве развлечения, истины и пользы, а также и в связи со всеобщим ограничением употребления и производства вина (667c—674c).

4. *Историческая необходимость нового законодательства* (III 676a—702e). а) *Беспорядочное первобытное состояние людей* (676a—677e). б) *Исторические этапы развития человечества от потопы до начала законодательства*, первобытный золотой век с его царством красоты, добродетели, справедливости и господством родового и семейного строя (677e—680e); начало законодательства в связи с ростом населения и разнообразных потребностей, возникновение аристократии или царской власти до Илиона (680e—682a). в) История Илиона (682b—e); возвышение дорийцев с их гармонией монархии и демократии (682e—684e); отступление Аргоса и Мессении, укрепление Лакедемона (685a—689d), а в дальнейшем ослабление и Лакедемона в связи с невведением семи основных форм подчинения (689e—690c) и в особенности в связи с невведением различных норм (690d—693d). г) Гибельное развитие тирании в Персии (693d—698a) и гибельное развитие чрезвычайной свободы в Аттике (698a—701d). д) Отсюда с исторической необходимостью вытекает задача нового законодательства на основе совмещения умеренной власти правительства и умеренной свободы населения (701d—702e).

II. Общее вступление к законодательству (IV 704a—V 747e)

1. *Географические условия будущего законодательства* (704a—708d): удаленность от моря и соседей во избежание всяких соблазнов, гористая местность в целях уединения, умеренная, но достаточная лесистость, единообразие населения.

2. *Образ идеального правителя с абсолютной властью, действующего на основах разумности и рассудительности* (709b—712b).

3. *Предварительный набросок идеального законодательства* (712b—724b). а) Невозможность точно квалифицировать с этой точки зрения государственный строй Лакедемона (712c—e) и Крита (712e—713a). б) Идеальным правлением считается век Кроноса, и на него нужно ориентироваться (713b—714b) в противоположность всяким анархическим и утилитарным теориям (714b—716b). в) Рассудительность требует прежде всего глубокого почитания богов, демонов и героев (716c—717b), а также и родителей, как живых, так и умерших

(717b—718a), после чего следует разумное отношение к родственникам, друзьям, потомкам и всем согражданам (718a—b), что и лежит в основании блаженства и послушания закону (718c—719b). г) Законодатель, этот вождь и слуга абсолютной справедливости, устанавливает среднюю меру во всех государственных и личных предприятиях, например при похоронах, и поступает подобно внимательному врачу и учителю гимнастики (719b—720e). д) Его первый закон будет законом о деторождении с приказанием жениться между 30 и 35 годами и с наказанием в случае неповиновения, но также и с предварительным увещанием в этом граждан (720e—722a). е) Значение предварительного увещания и силы в осуществлении закона (722b—724b).

4. *Дальнейшая предварительная разработка законодательства* (V 726a—747e). а) Дальнейшие рассуждения основываются на безусловном разделении в человеке организующего и организуемого начала, вследствие чего первым в этой области является почитание богов и демонов, а вторым — соответствующее отношение между людьми (726a—730a). б) В связи с этим наибольшей похвалы заслуживает причастность всеобщей правде (730b—e), соревнование (а не зависть) в добродетели (730e—731b), кротость и горячность (731b—d), борьба с самолюбием (731d—732b), с излишним смехом и слезами (732d) и весь образ жизни в связи с надеждой на помощь божью (732d—e). в) Вопрос об удовольствиях, страданиях и страстях на основе естественных склонностей человека и требований разума (732e—734e). г) Теория общественно-политических и государственных очищений (734e—736c) и опасностей передела земли (736c—737a). д) Правильное распределение имущества и жилищ в связи с правильным количеством граждан в числе 5040 душ (737a—738b), священные участки (738b—e), невозможность абсолютного обобществления (739a—e), возможность колоний (740c—741a), невозможность продажи и купли наделов (741a—e), вопрос о финансах, богатстве и бедности (742a—745b), количественное и качественное распределение населения и земельных участков (745e). е) Несмотря на слабые надежды на осуществление идеала — все-таки проповедь числа как принципа законодательства (745e—747e).

III. Организация идеального государства: должности, воспитание и образ жизни граждан (VI 751a—VIII 850d)

1. *Общее вступление* (751a—752d): необходимость для этого безупречной власти, т. е. безупречных избирателей и выборных, хорошо знакомой и хорошо воспитанной среды.

2. *Выборы стражей законов* (752e—753b).

3. *Выборы должностных лиц* (753c—763c). а) Внешняя процедура выборов (753c—d) и б) выборы 37 должностных лиц, охраняющих законы и имущественные записи граждан, строго преследуемых за укрытие излишков сверх первоначальных общегосударственных надделов (753e—755b). в) Избрание военных с точными правилами этого

избрания (755b—756b) и членов совета (756b—e) в связи с гармонией монархии и демократии (756e—757a) и учением о всеобщем и справедливом равенстве (757a—e). г) Обязанности членов совета (758a—d) в городе и во всей стране (758e) с выборами астиномов (759a), жрецов и жриц (759b—e) и казначеев (760a). д) Осуществление правления, надзора и охраны страны (760b—762b), сисситии (762c—d). е) Умение властвовать и подчиняться (762e—763c).

4. *Астиномы и агораномы* (763c—764c).

5. *Функции чиновников в области мусической и гимнастической* (764c—765d), а также *в области воспитания детей* (765d—766c).

6. *Судопроизводство и судьи* (766d—768c).

7. *Телническая сторона законодательства в области*: а) *религии* (771a—771e), *хороводов* (772a—c), *брака* (772d—776b), *рабовладения* (776b—778a), *строения храмов* (778b—c) и *градостроительства* (778b—779d), *общественной и, в частности, супружеской жизни и жизни женщин в связи с историей развития личности и ее потребностей* (779e—785b). После отклонения в область общих вопросов (VII 788a—789a), а также в область воспитания детей до трех лет (789a—793e), до шести лет (793e—794b) и после шести лет с обучением верховой езде и стрельбе, с гимнастикой (пляска и борьба) (794c—796e), с усвоением мусического искусства (796e—804b) речь идет о постройке соответствующих зданий (804c—805c) и о военном и бытовом равенстве мужчин и женщин (805c—806d). б) После общего резюме об образе жизни (806d—807d) следует *обсуждение распорядка дня и ночи* (807d—809b), необходимости обучения грамоте, игре на лире, обучения борьбе и пляске (809d—816a), трагедии и комедии (816d—817e), грамоте, арифметике и астрономии (817e—820e). в) *Законы об охоте* (822d—824b).

8. *Прочие узаконения* (VIII 828a—850d) — *о праздниках* (828a—d), *военных состязаниях* (829a—831d) и *причинах их упадка в существующих государствах* (831b—832d), *о гимнастических и мусических состязаниях* (832e—835b), *о совместном воспитании мужчин и женщин в связи с общими законами о любви и страстях* (835c—842a), *о сисситиях и добывании пищи* (842b—e), *о земледелии и об охране рубежей* (842e—846d), *о ремесле и необходимости строгого разделения труда* (846d—847b), *о торговле* (847c—e), *о распределении продуктов питания* (847e—848c), *об устройстве жилищ и распределении ремесленников по стране* (848c—849a), *о рыночных площадях и торговле с чужеземцами* (849b—850a), *о метеках* (850b—d).

IV. Учение о преступлениях и наказаниях (IX 853a—X 885a)

Общее вступление (IX 853a—854c).

1. *Уголовные законы* (IX 854c—882c). а) *Святотатства* (IX 854d—855b). б) *Недопустимость преступлений без наказаний и перечисление*

возможных наказаний (855с—d). в) Судопроизводство (855d—856a). г) Преступления против государства (856b—e), воровство (857a—b). д) Учение о справедливости как о прекрасном в связи с учением о разных видах справедливости и несправедливости (857с—864с). е) После рассуждения о смягчающих вину обстоятельствах (864с—e) — законы о наказании убийц разных типов (865a—874d) и о наказании всякого рода насилия одних людей над другими (874e—882с).

2. *Общий закон против всякого рода насилия*, а именно запрет присвоения чужого имущества (X 884a), а также план исследования пяти прочих правонарушений и законов против них — против подрыва государственной и частной религии, против непочтения к родителям, против похитителей имущества представителей государства и против нарушения гражданских прав любого гражданина (884a—885a). Необходимо сказать, что посвященные этим пяти пунктам книги X—XII отличаются весьма спутанным ходом мысли, когда одни пункты растягиваются почти в целую книгу, о других едва упоминается, а третьи вставляются в изложение совсем других вопросов, занимая, таким образом, логически мало обоснованное место.

V. Религия и преступления против нее (X 885b—910d)

Подробнее всего и систематичнее всего обсуждается у Платона религия.

1. *О типах неправильного отношения к богам* и о необходимости доказательства существования богов (885b—e).

2. *Вводные замечания* перед тем, как перейти к доказательству существования богов (885e—888e); сомнительность древних мифологических представлений (886с—d); совершенно новый характер теперешних учений о богах (886e—887с); волнующий и глубоко жизненный (согласно Платону) характер представления о богах (887d—888e).

3. *Критика атеизма* (888e—899d). а) Изложение основного атеистического учения: примат природы и случайности над искусством; религия, законодательство, искусство в узком смысле слова и т. д. трактуются как результаты искусства вообще, т. е. как нечто отнюдь не самостоятельное (888e—890b). Необходимость для законодателя прежде всего действовать против столь пагубного учения методами увещания, а не с помощью применения физической силы, что делается необходимым также и ввиду большой сложности вопроса о первопричинах (890b—893a). б) Учение о разных видах движения (893b—894с) и примат самодвижущего начала над всякими вещами, которые зависят в своих движениях от других вещей (894с—e). в) Это самодвижущее начало и есть жизнь (895с) и душа (896a), в отношении которой все остальное вторично и в которой название, определение и объективная сущность совпадают (894e—896с). г) Но так как в душе существуют разнообразные душевные явления, и добрые и недобрые, то и

душа мира тоже является, в сущности говоря, двумя душами, доброй и злой, несмотря на то что душа по существу своему есть божество и воспринимает божественный ум (896с—897а). д) *Восхваление космической души и ума* на основе совершенства космоса, пребывающего вечно неподвижным в себе и вечно движущимся вокруг самого себя наподобие волчка (897б—898д), с распространением этого мысленно познаваемого, но никак не чувственного, вечно самодвижного принципа решительно на все космические тела (898д—899с). е) Заключение (899с—д).

4. *Критика отрицания божественного промысла* (899д). а) Наличие зла как основания для этого заблуждения (899д—900б). б) Если отрицающий божественный промысл признает существование богов, то из самого понятия бога следует его неуклонное попечение обо всем великом и малом (900б—903б). в) Но тогда как же возможно зло? Оно не только возможно, но и необходимо, потому что жизнь не может удержаться на одной и той же высоте и достигает добра только постепенно; а подлинная оценка необходимости зла, несмотря на промысл богов, возможна только при условии целостного рассмотрения мироздания, поскольку зло часто является таковым лишь в своей изоляции от целостности, приобщаясь же к целостности, оно служит добру (903б—905д).

5. *Критика привлечения богов к соучастию в злых делах на основании аргумента о высочайших божественных сущностях, т. е. на основании самого понятия бога* (905д—907б).

6. *Наказания за нечестие* (907д—910д). а) Вступление (907с—д). б) Необходимость доносов на преступников против религии, необходимость судебного разбирательства, три типа тюрьмы (907е—908а). в) Два типа наказаний для атеистов, два типа для отрицающих божественный промысл и два типа для незаконно действующих жрецов (908б—909д). г) Запрет частных святилищ и соответствующее наказание (909д—910д).

VI. Гражданские отношения (XI 913а—XII 960б)

1. *Законы об охране частной собственности* (XI 913а—915д).

2. *Законы о торговле* (915е—920с), особенно в связи с подделкой товаров (916е—918а), мелкой торговлей, заниматься которой подает не свободным гражданам, но только метекам и чужеземцам (918а—920с), с ограничением прибыли (920с) и соблюдением договоров (920д).

3. *Законы об отношениях ремесленников и заказчиков* (920д—922а).

4. *Законы о сиротах и опекунах в связи с общим наследственным правом* (922б—928д).

5. *Законы о семейных отношениях* — родителей и детей (928d—929e), мужа и жены (929e—930e) и специально о почитании родителей (930e—932d).

6. *Различные другие правонарушения* (932e—936e).

7. *Судебное дело* (936e—938c).

8. *Ряд судебных узаконений, не представляющих собою единой цельной структуры*, то более, то менее важных (вероятно, черновое и не выправленное до конца изложение) (XII 941a—960b): *международные отношения* (941a); *воровство* (941b—942a); *законы о военнообязанных* (942a—945b); *финансовое дело* (945b—948b); еще о судебных делах (948b—949e); еще о *международных отношениях* (949e—953e); *поручительства, обыск, право давности, явка на суд, укрывательство, взятки, налоги, приношения богам* (953e—956b); приведение приговоров в исполнение (956b—958c); *законы о погребении* (958c—960b).

VII. Проблема охраны законов (XII 960b—969b)

1. *Необходимость спасения законов при помощи специального сверхгосударственного органа* (961b—c).

2. *Ум, душа, четыре добродетели в их единстве и тождестве как принцип установления указанного органа* (961d—964d).

3. *Государственный организм как идеальная осуществленность этого принципа* (964d—967c).

4. *Ночное собрание* осуществляет в государстве космические законы (967d—969d).

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДИАЛОГУ

1. У каждого читателя «Законов» естественно возникает вопрос прежде всего о формальной эволюции платонизма, как такового, в этом диалоге, т. е. о тех основных категориях, на которых строится вся философская система Платона.

Мы знаем из «Государства» (VI 509b—c, VII 516a), что наиболее принципиальной и наивысшей категорией для Платона является то, что он называет *благам*, т. е. то абсолютное единство всего сущего, которое выше всяких отдельных видов и моментов этого сущего, даже выше вечных идей. Интересно, что в «Законах» нет никакого намека на это первостепенное учение Платона. Можно отметить только один текст, где проповедуется *ум*, подобный *солнцу*, на который нельзя взирать смертными очами и достаточно его познать (X 897d). Это — типичная платоновская диалектика, но только в данном случае нет учения ни о *благ*, ни о *едином* (другой термин для *блага*); здесь речь только об *уме*.

Вторая основная ипостась Платона — это надкосмический *ум*, или *разум*, который является вместилищем вечных идей. Тут тоже весьма

интересна формальная эволюция платонизма в «Законах». Во всем этом огромном произведении не упоминается учение об идеях, как таковое. Не так уж много и примеров употребления термина εἶδος, который, как мы хорошо знаем, является у Платона синонимом термина ἰδέα, в разных смыслах, а также и в упомянутом надкосмическом смысле. Это прежде всего текст III 689d. Здесь, собственно говоря, мы имеем дело с частым у Платона формально-логическим пониманием этого термина (в смысле «вид», «разновидность», «область»; подобно этому и употребление данного термина в других местах — I 645b, II 700a, IX 865a), однако тут же говорится об «эйдосе разумности», благодаря причастности к которому возникает величайшая согласованность в государстве, так что эйдос объявляется здесь принципом социально-политической мудрости. Учение об идее как о принципе осмысления мы встречаем у Платона довольно часто, но это, конечно, еще не есть знаменитое платоновское учение о вечных идеях. Правда, Платон часто употребляет в «Законах» термин *разум* — νοῦς. Все «Законы» представляют собой не что иное, как преклонение перед разумом, который является здесь и принципом всего законодательства, и принципом всего поведения людей, и, насколько можно судить, даже принципом космического движения. Укажем сначала те места из «Законов», где *разум* понимается Платоном либо как чисто человеческая способность и принцип морали, либо как принцип законодательства и человеческого общежития. Это — V 747e, VI 783e, VIII 836e, X 887e, XI 913a, 919c, XII 963a. Однако в «Законах» имеется по крайней мере одно место, где мы находим упоминание о *разуме* в онтологическом смысле слова. Здесь (896e—897b) в контексте учения о мировой душе, которая трактуется в виде божества, говорится еще и о божественном разуме, который воспринимает (προσλαμβάνουσα) мировая душа. Но всякий скажет, что платоновское учение о космическом и надкосмическом *уме* у Платона здесь приглушено.

Наконец, третья основная платоновская ипостась, а именно космическая *душа* (которая в системе платонизма следует за *единым* и *умом*), представлена в «Законах» тоже менее чем обычно (если иметь в виду Платона вообще), но зато представлена она здесь весьма ярко и отчетливо. Как мы видели в композиции диалога, здесь дается весьма глубокий аргумент о необходимости самодвижения для объяснения всех движений вообще и для избежания ухода в дурную бесконечность при такого рода объяснениях (X 893b—896c). Из трех основных платоновских ипостасей космическая душа во всяком случае представлена ярче всего. Впрочем, аргумент о самодвижении души мы уже встречали в «Федре» (245c—e), ср. также «Тимей», 31a—b, 34b—c.

В «Законах» в учении о мировой душе имеется, однако, еще и нечто новое. Это — учение о двух мировых душах, благой и злой (X 896e, 897d, 898c). Впрочем, каким бы странным и противоречащим основному монистическому принципу Платона не казалось это учение,

нам представляется, что в конечном счете здесь нет принципиального дуализма. Ведь онтологическое учение Платона рисуется как необходимость воплощения идей в материи и как необходимость «идеализации» материи. Все, что реально существует, является, по Платону, продуктом этого синтеза идеи и материи. Если имеются несовершенные воплощения идей, то ничто не мешает все эти несовершенства обобщить и противопоставить идеальному совершенству. В этом своем учении о благой и злой мировой душе Платон как раз и продолжает свое учение о необходимости, с одной стороны, синтезировать идею и материю, а с другой стороны, их противопоставлять, потому что без их противопоставления невозможно будет и синтезировать их.

В заключение этого учения о трех основных ипостасях необходимо сказать, что и весь космос Платон мыслит в «Законах», конечно, тоже в виде воплощения всех идеальных начал с примесью всякого рода материальных несовершенств, оставаясь, впрочем, в пределах концепции благой космической души как основной и непоколебимой, как той, которая определяет собою все наиболее совершенные движения в мире, а именно круговые (X 898c).

2. В философском отношении «Законы» представляют собою интерес не только ввиду деформации основной платонической триады, но и ввиду того, что в них систематически излагается учение о *религии*. Пожалуй, в столь систематической и доктринерской форме, какая придана здесь критике трех типов неправильного отношения к богам, «Законы» превосходят в данном отношении все то, что мы находим в других диалогах Платона (об этом мы подробно говорим в разделе, посвященном композиции X книги «Законов»).

3. В противоположность теоретическому учению практическая сторона философии платонизма в «Законах» разработана до мельчайших подробностей. Даже основная тема произведения формулируется как тема о внутригосударственном устройстве и всеобщем законодательстве (I 625b). Сначала укажем на то, что в «Законах» вовсе не является новостью и что Платон проповедовал уже не раз, прежде всего в «Государстве».

Несомненно, общим принципом устанавливаемого здесь законодательства являются *всеобщий космический разум и всеобщая космическая душа*. В «Государстве» прямо декретируется особое сословие философов, которые созерцают вечные идеи и согласно этим идеям устраивают всю человеческую жизнь. В «Законах» нет такого сословия философов и нет учения о вечных идеях. Однако и здесь все время имеется в виду, и тайно и явно, нерушимый и вечный разум, или закон, которому все должно подчиняться в человеческой жизни. Этот абсолютизм идеального совершенно одинаков в обоих социально-политических произведениях. Однако тут же начинается и глубокое расхождение «Законов» с «Государством».

Это основное расхождение заключается в продумывании до мельчайших подробностей всей человеческой жизни, включая как внут-

ренную жизнь человека, так и его внешнее поведение. Всеобщая добродетель мыслится в качестве принципа в обоих диалогах. Но в «Законах» то, что Платон называет добродетелью, декретигуется, повторяем, до мельчайших подробностей. Ни одна мелочь человеческой жизни не остается без регламента. А так как люди, по убеждению Платона, плохи, слабы, неумны, часто мелки и безправственны, то нужно с корнем вырвать все это несовершенство человеческой жизни на основании идеального первопринципа, с помощью абсолютно-го законодательства. Уже и в «Государстве» проповедовались такие концепции, как, например, учение об общих женах и детях, о государственном декретировании браков, об отмене частной собственности у воинов, об их аскетизме, о строгой цензуре для всех произведений искусства и даже об отрицании всякого искусства, если оно не содействует моральному совершенствованию. Весь этот абсолютизм, сформулированный в «Государстве» только принципиально, а в деталях проводимый только кое-где и кое в чем, в «Законах» не имеет никаких пределов.

Отсюда неимоверная строгость и абсолютистский режим не только общегосударственной жизни, но и вообще всей человеческой жизни — и внутренней, и внешней. Сам закон трактуется как абсолютный разум, строжайшим образом взвешивающий все человеческие удовольствия и страдания, надежды и страхи (I 644d). Закон абсолютно добродетелен и предполагает существование добродетельных людей (IV 706a—b). Необходимость законов определяется глубоким несовершенством человеческой жизни, зависит от всякого рода исторических явлений и в этом смысле является чем-то случайным, как случайна и вся человеческая жизнь (709b—c). Тем не менее все законодательство должно отражать собою правильное и вечное движение неба, от него получать силу и всю свою организацию (VII 809c—d). Бог не борется с необходимостью, но только с необходимостью божественной; что же касается всякой человеческой необходимости, то бог с нею борется, и человек, чтобы быть божественным, обязательно должен приобщиться к божественной необходимости (817e—818d). Поэтому по своей красоте и глубине законы превосходят любых поэтов, и вообще нет ничего прекраснее текста божественных законов (IX 858d—e), которые являются и наивысшей поэзией, и наивысшей наукой (XII 957c). На этом основании все браки декретигуются правительством согласно точным законам (IV 720e—722a). Детально распределяются труд и отдых в течение дня и ночи, причем особенно строго говорится о ночном поведении (VII 807d—808d). Здесь можно было бы приводить очень много абсолютистских узаконений, предлагаемых Платоном решительно во всех областях жизни. Однако этого не стоит делать, поскольку читатель обо всей этой тематике может узнать уже по предложенной выше композиции диалога (VIII 828a—850d и кн. XI—XII).

Чтобы ярко представить себе абсолютистское государство «За-

конов», нужно прочитать хотя бы такой текст (XII 942a—d): «Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению; нет, всегда — и на войне, и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах надо ими руководствоваться, например по первому его приказанию останавливаться на месте, идти вперед, приступать к упражнениям, умываться, питаться и пробуждаться ночью для несения охраны и для исполнения поручений. Даже в самых опасных обстоятельствах нельзя преследовать врага или отступать иначе как по разъяснению начальников. Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. Ибо нет и никогда не будет ничего лучшего, более полезного и искусного в деле достижения удачи и победы на войне. Упражняться в этом надо с самых ранних лет, и не только в военное, но и в мирное время. Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям».

4. Тут же необходимо заметить, что, несмотря на весь свой абсолютистский режим, Платон постоянно подчеркивает тот свой основной принцип, который требует полного торжества всеобщей правды среди богов и людей (V 730b—e). Справедливость для него вообще является наивысшей красотой, несравнимой ни с какими произведениями искусства, наивысшей моралью, наивысшим удовольствием и радостью, когда торжествует полное слияние разума в человеке с его природными наклонностями (732e—734e). Иногда Платон высказывается вообще против абсолютизма (IX 59a), горячо критикует власть тиранов (II 661e), проповедует совмещение умеренной власти и умеренной свободы (III 701d—702e), защищает «среднюю меру» в человеческих отношениях (IV 719b—720e, VI 756e—757a). Основой законодательства он вдруг начинает считать не систему абсолютистских мероприятий, но почитание родных и близких, любовь к родителям и вообще предкам (IV 718c—719b). Об идиллии века Кроноса, или золотого века, Платон тоже говорит не раз (III 677e—680e, IV 713b—714b), признавая невозможность абсолютного обобществления для данного поколения (V 740a). Существующие формы олигархии, демократии и тирании Платон вообще расценивает как полное насилие (VIII 832c). Ратую за свои абсолютные законы и за абсолютное им повиновение, Платон много раз говорит о необходимости терпеливого разъяснения этих законов людям, о необходимости увещевания, воздействия на разум и понимание всех подчиненных законам, и даже перед смертной казнью он все еще находит необходимым увещевать, убеждать и морально исправлять преступника с надеждой на его возвращение к

нормальной жизни (IV 722b—724b, X 885e, X 890b—893a и др.). Таким образом, сомневаться в благих намерениях Платона ни в каком случае не приходится. Однако предлагаемые им способы реализации этих благих намерений поражают своей жестокостью.

5. Несмотря на все попытки смягчить свой абсолютистский строй, несмотря даже на запрет карать людей несчастных, обиженных судьбой (XII 944a—d), наказания, установленные Платоном в его «Законах», неумолимы, они требуют самой дикой расправы за малейшее нарушение устанавливаемых им законов. Самые страшные наказания устанавливаются у Платона часто даже не за сам факт преступления, но только за намерение его совершить, только за мысли и убеждения негодных людей.

То, что участие в государственном заговоре, по Платону, карается смертью (IX 856c), или то, что эта смерть устанавливается для главарей самовольных действий отдельных групп в государстве, будь то мирных или военных (XII 955c), или за укрывательство изгнанника (955b), — это еще не столь удивительно. Но дальнейшее может вызвать у всякого читателя «Законов» не только удивление, но даже потрясение.

Особенно тяжелы наказания за преступления против родителей и богов. Платон утверждает, что за оскорбление богов, родителей и государства одной смерти даже мало, а нужны какие-то вечные муки, вроде тех, что в Аиде (IX 854e, 881a—e). За неуважение к родителям возможны всякие другие наказания, вроде, например, избияния (XI 932a—d).

Нечестивцев нужно всячески убеждать. Однако те из них, которые неисправимы, по Платону, должны караться смертью (XII 957e—958a). А когда нечестивый маскируется и лицемерит, желая принять благообразный вид, то для таких даже мало одной или двух смертей (X 908e). Виновные в сооружениях частных святилищ или в магических операциях без согласия на то государства подлежат смертной казни (X 910c—d). Рабы и чужеземцы, т. е. те неполноценные, с которых, по Платону, нечего и взять, подлежат за святотатство меньшему наказанию, которое сводится к тому, что на лица и руки их накладываются клеймо, их самих избивают и в нагом виде вышвыривают за пределы государства (IX 854a—d). За неправую и бесчестную магию присуждается пожизненное тюремное заключение (X 909b—c). Удивительным образом за дезертирство и трусость полагается всего лишь запрет служить в войсках на будущее время, всеобщее бесчестие и штраф в зависимости от имущественного состояния преступника (XII 945a). Для вольноотпущенника, состояние которого оказалось больше, чем у того, кто отпустил его на свободу, — смерть (XI 915c). Для тех, кто занимается двумя ремеслами сразу, — тюрьма, штраф или высылка (VIII 847a—b). Тот, кто расхваливает на рынке свой товар и при этом клянется богами и кто подделывает свой товар, подлежат нещадному избиянию (XI 917c—d). За злословие, крик и

ругань тоже избиение (XI 935b—c). За препятствие приводить в исполнение решение суда — смерть (XII 958b—c). За намерение убить другого человека, хотя бы это убийство и ограничилось только ранением, — смерть (IX 876e—877a). За бесчестное выступление адвоката на суде в случае корыстолюбия — смерть, в случае честолюбия — лишение права выступать на суде, причем делается скидка чужеземцам, подлежащим за корыстолюбие высылке из страны, а в случае их попытки вернуться назад — тоже смерть (XI 937d—938c). За неявку агораномов хотя бы лишь на один день на сисситии ввиду оставления ими в этом случае службы по охране города — избиение со стороны всякого желающего и всеобщее посрамление (VI 762c). За нежелание жениться до 35 лет — штрафы и бесчестия (774a—c). И вообще постоянная проповедь гуманности чудовищным образом переплетается в «Законах» со всякого рода запретами и угрозами, причем избиение, высылки и смертная казнь почти всегда сопровождают в «Законах» всякого рода нарушения правительственных установлений.

6. Отсюда вытекают две особенности законодательного учения Платона, которые производят не только странное, но и прямо удручающее впечатление.

Во-первых, — это для Платона весьма неожиданно — мы находим в «Законах» учение о человеке как о какой-то бессловесной и бездушной *кукле* в руках богов (I 644d—645c) или как о какой-то игрушке (VII 803c—804b). Поскольку это учение содержится в таких местах диалога, которые очень удалены друг от друга, его отнюдь нельзя считать случайным или только какой-то поэтической метафорой. В указанных текстах эти бездушные и инертные куклы приводятся в движение божественными нитями или шнурами. Дернет бог за одну такую струну — человек погружается в море страстей и пороков; дернет бог за другую нить — человек становится добрым, благим, деятельным и высоконастроенным. Самая лучшая нить, говорит Платон, — это нить рассудка. Она золотая и самая тонкая. Она и ведет нас к благу. Нам представляется, что Платон хочет привести здесь дополнительные доводы в обоснование своего абсолютистского строя и деспотизма. Отдельный человек до того ничтожен, беспомощен и слабосилен, что сам он даже и не может действовать, а действует только по приказанию свыше.

Второе обстоятельство, которое связано с этим мифом о людях как о куклах и игрушках в руках богов, сводится к тому, что Платон основывает на нем весь свой морализм. Он не делает отсюда вывода, что отдельному человеку все позволено, каковой вывод сам собой напрашивается у всякого читателя Платона. Наоборот, это как раз и должно заставить людей ждать действия золотой нити, всецело ей подчиняться и, поскольку она исходит от самого божества, быть максимально моральными существами. «Этот миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению добродетели; как-то яснее стало бы значение выражения “быть сильнее или слабее самого себя”. Что же

касается государства и частного человека, то этот последний принял бы за истину слово об этих руководящих нитях и счел бы нужным жить подобно ему; государство же, приняв это слово от богов или же от познавшего все это человека, сделает его законом как для своих внутренних отношений, так и при сношениях с остальными государствами. Таким образом, порок и добродетель будут у нас яснее разграничены» (I 645 b—c).

Итак, из этого мифа о куклах Платон как раз и выводит всю свою строжайшую мораль и все свое абсолютнейшее построение законодательства и государства.

Однако Платон идет еще дальше. Эта кукольная мифология является для него принципом превращения всей человеческой жизни в своего рода игру, в какой-то сплошной танец, в какое-то наслаждение при исполнении законов. Так прямо и говорится: «... каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина — словом, все целиком государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни, в которых будет выражено все то, что мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям» (II 665c). «Божество по своей природе достойно всевозможной блаженной заботы, человек же, как мы говорили раньше, это какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято» (VII 803c). «Надо жить играя. Что же это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах» (803e).

Таким образом, как законодатель ни расправляется с ослушниками закона, все равно нужно целыми днями, и притом всему народу в целом, плясать и петь в честь этого закона и в честь законодателя. Нам кажется, что это есть необходимый вывод из абсолютного идеализма Платона и додумывание до конца всех вытекающих из него выводов. Раз благие и прекрасные идеи вечны и нерушимы, все должно быть идеальным до последней мелочи, хочешь ли ты того или не хочешь. Обязательно пляши, исполняя этот вечный закон, и обязательно воспевай законодательство. А если не будешь петь и плясать, плати штраф, подвергайся избиению, уезжай в ссылку, а всего лучше отправляйся на тот свет. И когда Платон говорит, что здесь он дает только второй проект законодательства, согласующийся с требованием времени, вводя еще и элементы частной собственности (V 739e—740a), то напрасно некоторые исследователи Платона считают этот второй проект, т. е. проект «Законов», чем-то более мягким и реалистическим. Действительно, реализма здесь гораздо больше, чем в «Государстве». Но только реализм этот надо находить не в ослаблении предыдущей абсолютистской утопии, а, наоборот, в конкретиза-

ции учения, изложенного в «Государстве», конкретизации, сводящейся к тому, чтобы сделать все абсолютистские выводы из тех общих принципов, которые были даны в «Государстве». Тут не ослабление, а, несомненно, усиление абсолютизма, вытекающего из учения об абсолютных идеях. Можно же себе представить, каким был бы этот третий проект, который Платон намеревался создать после «Законов» и который он создать так и не успел.

7. В довершение всего необходимо сказать, что в «Законах» Платона в отличие от других его произведений в максимально откровенной форме признаются *рабство* и *рабовладение*. Однако необходимо дать себе точный отчет в том, что именно понимается здесь Платоном под рабством. Мы сейчас увидим, что это есть значительно более слабое рабство в сравнении с идущим от Аристотеля представлением о рабе как механическом инструменте, который приводится в движение рабовладельцем. Платоновское понимание раба и рабства весьма специфично, и тут еще нет точного и вполне дифференцированного представления о рабе как о чисто экономической категории.

Раб и рабство нередко понимаются Платоном весьма аморфно и расширительно, порою даже вне сословной характеристики. Здесь человеческое тело и душа являются рабами по отношению к владыке уму (V 726a). Духовное рабство — подчинение удовольствиям и страстям (I 635d). Если люди находятся в рабстве у страстей, то законодатель должен найти способ подавления этих страстей (VIII 838d). Священные законы поработают душу и заставляют ее повиноваться этим законам (839c). Правители — служители законов (IV 715d) точно так же должны подчиняться (δουλεύειν) законам, а также богам и старшим, как и все граждане вообще (III 698c, 699c, 700a, 701b, IV 762e). В здоровом обществе все подчиняются (δουλεύειν) другим (X 890a). Деньги в идеальном государстве не способствуют поработанию (δουλεία) людей (VI 774c). Платон говорит о «женском и рабском нраве кормилицы», которая упрямится и не желает подчиняться здоровым советам (VII 790a), об излишнем поработании детей (VII 791d), о том, что если кто лезет драться, будучи уже старше 40 лет, то он уподобляется рабу (IX 880a), о поработании одной части общества другой его частью (I 627b), о поработании одного народа другим народом (III 693a, VI 770e).

Дальше необходимо отметить в некоторых местах «Законов» проповедь *гуманного отношения* к рабам. Обращение с рабами не должно нарушать правил благочестия (XI 914e). По отношению к рабам можно судить о нраве рабовладельца, потому что раб не равен свободному (VI 777d). Известно, что многие рабы оказывались по добродетели выше свободных, что они спасали своих господ, жилища и имущество этих последних (VI 776d—e). Рабы, как и все свободные, если они добродетельны, не должны находиться в несчастье или в нищенстве (XI 936b). Рабы, как и весь дом, должны вполне свободно говорить о недостатках хозяйки дома как о чем-то позорном (VII

808a). За умалишенным рабом его хозяин должен внимательно следить, в противном случае он должен уплатить штраф (XI 934c). Рабы и свободные во многих случаях стоят на одном уровне в судебном отношении (IV 761e). Для оплаты труда рабов и чужеземцев должна существовать внутрисударственная монета (V 742a). Если раб был свидетелем преступления, совершенного свободным, и был за это преступление убит, то убийство раба в таком случае рассматривается как убийство свободнорожденного (IX 872c). За кражу наказание для свободного больше, чем для раба (XII 941d).

При всем том в целом у Платона в «Законах» отношение к рабам гораздо более жестокое, чем к свободным. И прежде всего здесь говорится о гораздо более низкой природе рабов (VI 777a—e). Быть актерами в комедии зазорно для свободного, так что комические роли нужно предоставлять рабам или иностранным наемникам во избежание нарушения своего добродетельного поведения (VII 816e, 817d—e). Рабы-врачи подробно не расспрашивают больного о его болезни, а лечат механически (IV 720c—e) и даже смеются по поводу той философии, которая проводится свободными врачами при подробных расспросах о болезни больного (IX 857c—e). Напрасно, по Платону, некоторые изнеживают рабов и шутят с ними: «Никоим образом и никогда не надо шутить с рабами — ни с женщинами, ни с мужчинами. . . Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием» (VI 777e—778a). Платон говорит о «рабских» ритмах и напевах (II 669c). Недонесение раба о нарушении частной собственности карается смертью (XI 914a). Раб за убийство свободного избивается на могиле этого свободного, а если при таком избииении он не умрет, то его просто приканчивают (IX 872b—c). Убийство раба карается необходимостью религиозного очищения, в то время как такое же убийство рабом свободного карается в любом случае смертью (IX 868a—c). Даже вольноотпущенник еще зависит от своего господина. Он должен трижды в месяц предлагать бывшему господину свои услуги, он не может жениться без его разрешения и не имеет права превзойти его в богатстве. А если превзойдет, то его должны изгнать, а в случае послушания даже предать смерти (XI 915a—c). За присвоение утерянной вещи первый встречный, если он не моложе 30 лет, подвергает раба избииению (914b—c). В случае появления ребенка от брака супругов, из которых хотя бы один является рабом, ребенок считается рабом и живет при находящемся в рабстве родителе (930c—d). Отпуск раба на свободу возможен только при трех поручителях (914e). Привлечение рабов для свидетельства на суде вместе со свободными свидетелями возможно только по делам об убийстве (937b). Платон побаивается восстания рабов, почему и советует не иметь рабов одной и той же национальности и обращаться с ними гуманно (VI 777c—e). Раб не имеет права пить (II 674a), а его ребенка за проступок наказывает первый встречный (VII 808e). Заключение в тюрьму нечестивцы не могут посещаться свободными, а только рабами (X 909c). Рабам отда-

ется земледелие, а свободные должны заниматься только духовным трудом (VII 806d–807d). Платон договаривается до того, что отказывает рабам в способности логически доказывать то, что они мыслят (XII 966b).

8. Ко всем этим суровым рассуждениям Платона о рабах у него еще добавляется такая же суровая *неподвижность*, *неповоротливость* и абсолютная *неизменность* обрисованного здесь государственного строя. Это идеальное государство должно быть абсолютно изолировано от всяких внешних влияний и жить как бы в пустыне (IV 704c). Даже от моря оно должно находиться на большом расстоянии, чтобы устранить излишние воздействия на фантазию граждан (704d–705a). Это государство должно помещаться на гористой местности, которая плодородна только в меру, потому что слишком большое плодородие развивает в населении торговые аппетиты (705b). Ради добродетели необходимо как можно меньше общаться с чужеземцами и не заимствовать у них дурные нравы (705b). Ради соответствия естественным условиям и ради избежания собственнических несогласий граждан устанавливается самое число граждан идеального государства. Это число — 5040, которое Платона привлекает потому, что оно делится на все числа в пределах десятка и тем самым обеспечивает законный раздел всего среди граждан (V 737e–738b). Это число должно любыми мерами соблюдаться, будь то воздержание от деторождения и устройство отдаленных колоний или, наоборот, попечение о многочисленном потомстве (740d–741a). Законы искусства должны быть неподвижными так же, как они неподвижны в Египте в течение 10 000 лет (II 656d–e). Устанавливаются три хоровода, исключительной целью которых является прославление законодательства (664c–667c), причем старики, поскольку им трудно участвовать в хороводах, могут быть «сказителями мифов, касающихся этих же самых нравственных правил» (664d). Платону в «Законах» не чужды даже черты историзма, которому посвящена вся III книга диалога. Но историзм этот привлекается Платоном только для оправдания создаваемого им нового государственного проекта.

В заключение необходимо сказать, что рабство в «Законах» Платон, несомненно, признает, но понимает его во многом расширительно и туманно, не как классовую категорию.

9. В конце концов можно задать себе вопрос: каким образом платоновский идеализм с его учением о вечных и божественных идеях, этих структурно-порождающих моделях всего существующего, мог создать столь суровое и неподвижное, столь окаменевшее и застывшее государство? На это нужно сказать, что Платон слишком глубоко чувствовал развал греческого полиса периода греческой классики и много натерпелся от тех уродливых форм, которые он принимал накануне потери общегреческой свободы и независимости. Платону во что бы то ни стало хотелось сохранить этот классический полис, заморозить его на века и путем страшных наказаний и смертных каз-

ней предотвратить развал и разложение современного ему греческого общества. Но, вспоминая о той божественной вечности, которую он раньше воспевал в таких нежных тонах, он и сам не очень надеялся на осуществление своего абсолютистского проекта.

Платону принадлежат следующие прямо-таки потрясающие слова: «... всему указанному сейчас вряд ли когда-нибудь выпадет удобный случай для осуществления, так, чтобы все случилось согласно нашему слову. Вряд ли найдутся люди, которые будут довольны подобным устройством общества и которые в течение всей жизни станут соблюдать установленную умеренность в имуществе и рождении детей, о чем мы уже говорили раньше, или люди, которые не обладали бы золотом и всем тем, что будет запрещено законодателем. А что такие запрещения будут, это ясно из всего сказанного раньше. К тому же это срединное положение страны и города, это кругообразное расположение жилищ! Все это точно рассказ о сновидении, точно искусная лепка государства и граждан из воска!» (745e—746a). Этот пессимизм, пожалуй, еще более сильно представлен в самом начале «Послезакония» (973b—974c).

Таким образом, доведя в «Законах» свой идеализм до абсолютистского учения, сам Платон испугался тех жестоких законодательных положений, которые оказались завершением его идеализма. В конце концов он сам уже не знает, что делать с конкретными выводами из своего объективного идеализма. Да и к тому же в IV в. до н.э. в Греции в период развала классического полиса и накануне македонского завоевания едва ли кто-нибудь твердо знал, что именно нужно делать. Эта потрясающая трагедия захватила и Платона, и он умер в отчаянии и с потерей веры в те общественные проекты, которые вытекали из его абсолютного идеализма. Таков трагический конец и завершение платоновской философии.

«Законы» в основном были написаны Платоном, по-видимому, в 354 г. до н.э., т.е. за семь лет до смерти. О том, что Платон до последнего дня работал над этим законодательством, занимающим, по его же собственным словам, второе место по сравнению с наилучшим государственным строем (V 739a), свидетельствует Диоген Лаэртский. Он сообщает, что «Законы» были оставлены Платоном еще на восковых дощечках, т.е. в рабочем виде, и увидели свет после смерти философа, переписанные Филиппом Опунтским, учеником Платона (III 37).

«Законы» — детище престарелого, умудренного жизнью и во многих отношениях разочарованного в ней Платона, — характерным образом представляют собою неторопливую беседу трех старцев, текущую медленно, с повторами, возвратами к прежним мыслям, с непрекращающимся углублением и оттачиванием тонкостей законодательства то-

го общества, которому было дано теоретическое обоснование в «Государстве» и которое собеседники уже почти видят воплощенным практически в новой колонии, так кстати задуманной критянами (III 702c).

Здесь, в «Законах», некий афинянин (в котором очень соблазнительно видеть самого Платона) приезжает в качестве гостя на Крит (вспомним путешествия Платона в Сицилию к сиракузским тиранам и его социальную утопию) и ведет там с Клинием, критянином, и спартанцем Мегиллом беседу о наилучшем государственном устройстве.

Вся обстановка диалога, его действующие лица и все детали рисуют далеко не случайную картину, избранную Платоном.

Уже одно то, что действие диалога происходит на Крите, говорит о многом. Ведь Крит — родина царя Миноса, сына Зевса и Европы. Сам он воспринял знаменитое критское законодательство из уст Зевса, каждые девять лет являясь в святилище бога на горе Иде для благочестивых бесед. Он брат прославленного справедливостью Радаманта, вместе с которым они судят умерших в загробном мире (т. 1, прим. 82 к диалогу «Горгий»). Крит, где происходит действие диалога, освящен присутствием Зевса — верховного божества. А ведь лучше всего на земле местности, говорит Платон, «где чувствуется некое божественное дуновение: местности эти — удел гениев, милостивых к исконным жителям» («Законы», V 747e). Критянин Клиний и спартанец Мегилл по праву гордятся тем, что боги Зевс и Аполлон были виновниками их законодательства (I 624a), а мудрость Миноса и спартанского Ликурга была столь глубока, что смогла вместить в себя божественный ум. Вот этой-то мудростью и делятся два важных старца с афинским гостем. Всем им нелегко идти в их возрасте (Мегилл еще старше других — IV 612c) из города Кноса к святилищу Идейского Зевса по жаркой дороге под палящим летним солнцем. Однако на этом символическом пути к встрече с великим Зевсом есть тенистые лужайки под высокими деревьями, прекрасные рощи, удивительно стройные кипарисы, где можно отдохнуть от дневного зноя и совершать путь далее, «ободряя друг друга речами» (I 625b—c).

День, избранный Платоном для своего диалога, поразительно емкий. Возможно, Платон остановился на нем с неким умыслом. Это день летнего солнцеворота (III 683c), когда солнце входит в тропик Козерога, что знаменует переход к зиме, а значит, и к новому аттическому году, который начинался в первое полнолуние после летнего солнцестояния.

Беседа на Крите, в окрестностях Кноса, происходит, таким образом, приблизительно в конце нового года, в месяце Скирофориине (июнь — июль), когда на родине Платона празднуют посвященные богине Афине Скирофории и Аррефории, а вслед за ними праздник Дииполий в честь Зевса Полиея — покровителя государства.

Все эти детали «Законов» чрезвычайно символичны. В канун нового года, в самый долгий день, когда солнце в течение недели как

бы стоит недвижно, прежде чем день пойдет на убыль, три старца в зените своей мудрости и зоркости (IV 715e) судят и устанавливают будущий, по их мнению, общественный идеал. Сам же Платон подчеркивает, что в день летнего солнцеворота принимают обычно важные государственные решения (XI 915d, XII 945e).

Но среди этого изобилия мудрых речей не хватает одного — здесь впервые нет доброго смеха Сократа, его ласковой и хитровой улыбки, его ободряющих вопросов. Сократ, непрменный участник всех диалогов Платона, теперь слишком далеко. Ему уже больше нет дела до утопий, которые так самозабвенно, несмотря на жар и зной дороги, обсуждают три законодателя.

Сократ ушел, а с ним исчез и задор диалектического спора. Перед нами, наоборот, полное согласие собеседников, придумывающих все новые и новые тонкости, чтобы регламентировать каждый шаг человека. Мысль их не движется от сталкивания противоречий, а вращается сама в себе, не выходя в бескрайние и опасные просторы духа. Она так же неподвижна, как и застывший день солнечного стояния. Сократа нет в последнем сочинении Платона, но зато здесь присутствует высший авторитет в виде некоего Ночного совета (в него, несомненно, войдут и наши три старца) из десяти очень мудрых, очень престарелых (XII 961a) и очень беспощадных законодателей, «божественное собрание» (XII 969b), которое держит в своих руках государство и которое в предрасветном сумраке, еще до восхода солнца, решает судьбу каждого нового дня идеального общества (XII 961c).

КНИГА ПЕРВАЯ

¹ Если Минос, сын Зевса, царь Крита, воспринял свое законодательство от *Зевса*, то Ликург, легендарный спартанский законодатель, действовал по воле *Аполлона Дельфийского*. Ксенофонт рассказывает, что Ликург вместе со знатнейшими гражданами отправился в Дельфы, испрашивая одобрения своим законам, и ввел их в действие только после ответа бога, вещавшего о «безусловной пользе» этих законов (Рер. Лас. VIII 5). По Геродоту, дельфийская прорицательница даже назвала Ликурга божеством, а сам он заимствовал свои законы с о-ва Крит (I 65). Ср. *Страбон*, X 4, 19. — 91.

² См. *Гомер*. Од. XIX 178 сл. Ср. *Страбон*, XVI 2, 38. — 91.

³ О *Радаманте* — судьбе в загробном мире — см. у Пиндара 01. II 58—88. — 91.

⁴ Имеется в виду святилище Зевса на отрогах горы Иды, где он, по одному из преданий, родился и воспитывался своей матерью Реей в окружении куретов и корибантов (*Страбон*, X 3, 11, 19). — 91.

⁵ *Совместные трапезы* (сисситии) — совместная еда за общим столом, символизировавшая у дорян (на Крите и в Спарте) единство свободных граждан в частной жизни. Плутарх (Лус. XII) подробно

описывает эти трапезы, добавляя, что критяне зовут их андриями, а лакедемоняне — фидитиями.

В *гимнасиях* молодежь занималась телесными упражнениями. Античный архитектор Витрувий дает подробное описание гимнасии позднего времени (V 11). — 92.

⁶ *Крит* в отличие от *Фессалии* (Сев. Греция) изрезан горными хребтами: на западе — Белые горы, на севере — их отроги, в том числе Берекинф, на востоке — Дикта, в центре острова — Ида, на юге — Кедрый. — 92.

⁷ Об изначальной природе войны и раздора — у Гераклита: «Война есть отец всего, царь всего» (В 53) и Эмпедокла: «Рождения всего возникшего виновником и творцом является гибельная Вражда» (В 16). — 92.

⁸ Афинянин, городу которого покровительствует богиня мудрости Афина, тоже причастен ее мудрости. — 93.

⁹ *Тиртей* — знаменитый поэт VII в. до н. э. — прославился военно-патриотическими элегиями. По преданию, уроженец Афин, хромой школьный учитель, которого афиняне послали по совету Аполлона на помощь к своим союзникам-спартамцам во время их войны с мессенцами. Эмбатерии, военные элегии Тиртея, воодушевили спартамцев, и те одержали победу. — 96.

¹⁰ Имеется в виду фр. 9 Diehl. — 97.

¹¹ Здесь стихи 10—12 из элегии Тиртея (см. выше, прим. 9). — 97.

¹² *Феогнид* — см. т. I, прим. 41 к диалогу «Менон». — 98.

¹³ Здесь — стихи Феогнида 77 сл. по изд. Диля. — 98.

¹⁴ Ср. рассуждения Аристотеля в «Никомаховой этике» о «совершенной добродетели» — справедливости. Он пишет: «Одна только справедливость из всех добродетелей, как кажется, состоит в благе, приносящем пользу другому лицу, ибо справедливость всегда относится к другим и приносит пользу другому лицу, будь оно властелин или все общество» (V 3, 1130a 2—5). — 98.

¹⁵ Градация добродетелей, или благ, — ниже (631c), где видно, почему мужество стоит на четвертом месте. — 98.

¹⁶ Схолиаст поясняет, что *дочери-наследницы* — это круглые сироты, не имеющие братьев. — 99.

¹⁷ Плутарх называет *критими*, тайное, происходившее по ночам убийство илотов, спартамских рабов, «гнусным делом» и сомневается в том, что их установил Ликиург. Более того, гуманный Плутарх, возмущенный этим страшным обычаем, замечает, что «в Лакедемоне свободный до конца свободен, а раб до конца порабощен» (Лус. XXVIII). — 102.

¹⁸ *Гимнопедии* — праздник, учрежденный в Спарте в VII в. до н. э., на котором проходили гимнастические состязания молодежи. — 102.

¹⁹ Диодор Сицилийский (XII 11) подробно описывает волнения в Фуриях (Южн. Италия) и в Милете (XIII 104), где «привержен-

ные к олигархии с помощью лакедемонян свергли демократическое правительство», воспользовавшись беспечностью граждан во время празднеств Диониса и предав смерти на агоре 300 самых богатых человек. — 105.

²⁰ Об однополой любви в Греции см. т. 2, прим. 31 к диалогу «Пир». — 105.

²¹ *Ганимед* — см. т. 2, прим. 39 к диалогу «Федр». — 106.

²² Дионису было посвящено несколько больших празднеств, среди которых Малые, или сельские, Дионисии (декабрь — январь, месяц Посидеон), Ленеи (январь — февраль, месяц Гамелион), Анфестерии (февраль — март, месяц Анфестерион) и Великие, или городские, Дионисии (март — апрель, месяц Элафеболон). Именно на Ленеях устраивались процессии на повозках, причем пелись песни, обличительный и язвительный характер которых вошел в пословицы (Luc. Iupp. Trag. 44). *Тарант*, или Тарент, — город в Южн. Италии. — 106.

²³ Известно, что греки в отличие от «варваров» пили вино, разбавленное водой. У Анакреонта читаем: «Мы — не скифы, не люблю, други, пьянствовать бесчинно» (фр. 43 D.); у Горация (пер. Пушкина): «Теперь некстати воздержание, как дикий скиф хочу я пить» (II 7). — 107.

²⁴ Сиракузцы победили локров в 356 г. до н.э. при Дионисии Младшем. О локрских законах см. т. 3, ч. 1, «Тимей», Введение. По Страбону, осаждаемые афинянами кеосцы ренили умертвить старейших из них, и тогда афиняне сняли осаду (X 5, 6). — 108.

²⁵ О роли воспитания в жизни античного общества см. т. 1, прим. 13 к диалогу «Критон». — 112.

²⁶ *Кадм* — основатель Фив, в битве под которыми погибли семь вождей со своими воинами, осаждавшими город (*Эсхил.* Семеро против Фив; *Софокл.* Антигона).

Павсаний пишет, что и победа фиванцев не обошлась без больших потерь, «поэтому победу, оказавшуюся гибельной для победителей, называют кадмейской, или кадмовой» (X 9, 3). — 112.

²⁷ Платон устами Сократа восхваляет интерес к философии на Крите и в Лакедемонне, особенно отмечая краткость и остроту слова у спартанцев. См. т. 1, «Протагор» (342a—e) и прим. 54. «Лаконское немногословие» восхваляется в «Протагоре» (343b), прим. 56. — 113.

²⁸ *Музыкальное искусство* — см. т. 1, прим. 13 к диалогу «Критон». — 113.

²⁹ *Гостеприимство* (проксения) — см. т. 1, прим. 19 к диалогу «Менон». — 113.

³⁰ *Эпименид* — сын Досиада — полулегендарный критский мудрец, очистивший в 596 г. до н.э. Афины от чумы, явившейся следствием так называемой килоновой скверны (умерщвление Мегаклом, сыном Алкмеона, заговорщиков у алтарей богов) (*Diogen. Laert.* I 110). Плутарх сообщает, что Эпименид «подружился с Солоном, во многом ему тайно помогал и проложил путь для его законодательства»

(Solon XII). Павсаний добавляет, что «гнев бога — покровителя молящих неотвратим», и приводит примеры губительных последствий недозволенных убийств (VII 25, 1 сл.).

У Диогена Лаэртского находим биографию Эпименида, где сообщается, что он был автором многих сочинений: «Теогонии», о рождении куретов и корибантов, об аргонавтах, а также автором критского законодательства и поэмы о Миносе и Радаманте (I 112). — 114.

³¹ Ср. у Платона далее (VII 803c) о человеке — игрушке богов. Парафразы этого платоновского образа находим у Плавта: «Людьми играют боги, точно мячиком» (Сарт. 23). Климент Александрийский, рассуждая об исполнении человеком божественных законов и о свободе воли, скрыто спорит с Платоном, когда пишет о том, что «долг человека — повиноваться богу» (VII 3, 21 Dind.), вместе с тем утверждая, однако, что «божественное обетование осуществляется только через действие человека» (7, 48) и что «некоторые» даже не признавали «за человеческой душой самостоятельности и свободы выбора» и не понимали, что «до полного рабства она доведена быть не может» (3, 15), а в конце концов приходили даже к отрицанию божества. Ср. «Законы», X 888a—d.

Образ же христианина, исполняющего предназначенную ему роль в «драме жизни» (11, 65), тоже, может быть, навеян Платоном. — 116.

КНИГА ВТОРАЯ

¹ *Музы* — см. т. 2, прим. 49 к диалогу «Федр».

Аполлон — см. т. 1, прим. 42 к диалогу «Кратил».

Дионис — см. т. 1, прим. 426 к диалогу «Кратил». — 126.

² Древние придавали ритму первостепенное значение. Поэтому Аристотель прямо говорил, что «стих, лишенный ритма, имеет незаконченный вид» (Rhet. III 8, 1408b 26). Стих должен «обладать хорошим ритмом, а не быть лишенным ритма» (1409a 22 сл.).

Квинтилиан, ссылаясь на Цицерона, также писал о ритме как неизменном компоненте не только поэзии, но и прозы, в противоположность «аритмии» (IX 4, 56). — 126.

³ У Платона здесь попытка этимологически сблизить «хоровод» и «радость» (греч. *χαρά*). — 126.

⁴ Участники хора поют и танцуют под музыку. Умение участвовать в хороводе необходимо для воспитания, так как ритм и гармония помогают, по мнению древних, формировать тело и душу человека, воздействуя на него физически и этически. См. т. 3, ч. 1, прим. 16 к диалогу «Филеб» и «Государство» (III 398c—403c). — 127.

⁵ В греч. яз. здесь игра близких по звучанию слов: «воспитание» — *παιδεία*, «игра» — *παιδιά*. — 130.

⁶ *Десять тысяч* было у греков синонимом бесчисленности. Так, Прометей у Эсхила (Prom. vinc. 94) говорит о себе, что он будет страдать «десять тысяч лет», т. е. бесчисленное количество лет. Египет с

его древностью всегда вызывал удивление и почтение греков, о чем свидетельствует вся II книга Геродота, который пишет, что египтяне «ничего не заимствуют у иноземцев» (II 79).

Египетская архаика у Геродота тоже близка по исчислению к десяти тысячам. От первого царя до последнего, по словам Геродота, прошло 11 340 лет, в течение которых жило 341 поколение, причем за все это время в Египте, по словам жрецов, «не было ни одного человекообразного божества», также «не произошло никакой перемены ни в произведениях земли или реки, ни в свойствах болезней или видах смерти» (II 142).

Об устойчивом характере египетского искусства см. *А. Ф. Лосев*. Художественные каноны как проблемы стиля. — «Вопросы эстетики», № 6, 1964, стр. 351—399. — 131.

⁷ *Исида* — египетская богиня, которую греки отождествляли с Афиной (см. прим. 23 к диалогу «Тимей»), — почиталась вместе со своим супругом Озирисом всеми египтянами (*Herodot.* II 42). В поздней античности с ее монотеистическими тенденциями олицетворяла собою основу мировой субстанции, являясь матерью природы, владычицей стихии, повелительницей мертвых и живых, одной богиней под множеством имен. Именно такую ее характеристику находим у Апулея (*Met.* XI 5). — 131.

⁸ Здесь имеются в виду эпические поэмы. — 132.

⁹ Ср. что пишет Лукреций о методе усвоения трудной, но полезной науки. Он учит поступать как врачи, дающие полезное, но горькое лекарство вместе с медом (IV 10—17), и тем самым представляет учение Эпикура «в сладкозвучных стихах пиэрийских, как бы приправив его поэзии сладостным медом» (21 сл.). — 135.

¹⁰ *Кинир* — мифический царь Кипра и Ассирии, *Мидас* — фригийский царь. Подробности о нем см. т. 2, прим. 60 к диалогу «Федр». Кинир и Мидас еще, по словам поэта Тиртея (фр. 9 D.), славились своим богатством. — 136.

¹¹ Цитируются стихи Тиртея (фр. 9, 1—4). Фракийский Борей — северный ветер. — 136.

¹² Из *посеянных зубов* убитого сидонцем Кадмом дракона появились так называемые спарты (посеянные) — родоначальники пяти знатных фиванских родов. Павсаний сообщает их имена (IX 5, 2—3), а Овидий красочно изображает подвиг Кадма (*Met.* III 1—131). — 140.

¹³ Аполлон именовался *Пэаном*. Этимология этого имени неизвестна. Древние связывали ее с глаголом «бю» (*παίω*). Как к Пэану, к Аполлону обращается хор в «Трахиняках» Софокла (205—221). У Еврипида в «Ионе» к Аполлону взывают: «О, пэан, эвое, о, пэан, эвое» (125), соединяя эпитет Аполлона с восклицанием, традиционным для бога Диониса. — 141.

¹⁴ У Платона, таким образом, ритмом, музыкой и пением пронизана вся жизнь — и частная, и государственная, и космическая (ср. «Государство», X 617b—d). — 142.

¹⁵ Спартанская и критская молодежь объединялась с 17-летнего возраста в агелы, букв. «стада», а у спартанцев такие союзы семилетних детей, по свидетельству Гесихия, назывались βούαι, букв. «стада бычков, телят». Выразительную картину жестокого и сурового воспитания детей в Спарте рисует Плутарх (Лус. XVI). — 144.

¹⁶ Обычно поэты и музыканты строго придерживались необходимых для данного жанра ладов и ритмов. Однако во времена Платона наблюдается упадок строгих правил, особенно в дифирамбической поэзии (Филоксен, Кинесий, Тимофей Милетский, Телест), где была уничтожена антистрофическая структура и повсеместно наблюдалось пренебрежение основами гармонии.

Орфей — см. т. 2, прим. 36 к диалогу «Пир». «Возраст услад» — слова из приписываемых Орфею стихов (1 В 5а D.). Возможно, это возраст зрелых, здравых суждений в отличие от юношеской неразборчивости. — 148.

¹⁷ *Дорический лад* — строгий и сдержанный. О ладах см. т. 3, ч. 1, прим. 14 к диалогу «Филеб». — 149.

¹⁸ Характерный для Платона образ. Здесь законодатель такой же «ваятель», как в «Тимее» бог — «мастер» (демиург) и «плотник» (29а), а также «устроитель» (28с). — 150.

¹⁹ *Арес* — бог войны. — 151.

²⁰ Мифограф Аполлодор рассказывает, что, «когда Дионис создал виноградную лозу, Гера наслала на него безумие и он скитался по Египту и Сирии» (III 5, 1, 1). — 151.

²¹ Карфагенский государственный строй пользовался у греков репутацией одного из лучших. Аристотель, например, считает, что это — «прекрасное государственное устройство», которое «превосходит» другие общества и близко к спартанскому (Polit. II 8, 1272b 24—41). — 154.

КНИГА ТРЕТЬЯ

¹ Платон изображает древнейшее общество с установленным государственным строем и постепенным падением добродетели в Атлантиде. См. т. 3, ч. 1, прим. 28 к диалогу «Тимей» и прим. 32, 39 к диалогу «Критий». О периодически испытываемых человечеством катастрофах см. «Тимей» (22а—23d), а также прим. 47 к диалогу «Критий». У Платона возраст древнейших государств исчисляется в пределах 9 (Атлантида) — 11 тысяч лет (первые египетские цари). — 155.

² *Дедал* — см. т. 1, «Ион», прим. 10; *Орфей* — там же, прим. 11; *Палламед* — «Апология Сократа», прим. 53; *Марсий* — т. 2, «Пир», прим. 84; *Олимп* — там же, прим. 85. *Амфион* — фиванский герой, своей игрой на лире сдвигал камни, которые сами складывались под музыку в мощные стены города (Apollod. III 5, 5, 10). — 157.

³ *Гесиод* — см. т. 1, прим. 52а к «Апологии Сократа». Здесь имеются в виду следующие стихи из поэмы Гесиода «Работы и дни»:

Дурни не знают, что больше бывает, чем всё, половина,
Что на великую пользу идут асфодели и мальва...

(40 сл. Пер. В. Вересаева)

Древние видели здесь скрытый намек на особые качества мальвы и асфоделей, семена которых затем были использованы Эпименидом из-за их чудесных качеств и «великой помощи» (*Plut. Sept. Sapient. Conv. 14. Bernard.*). — 157.

⁴ Гомер. Од. IX 112—115. Пер. В. Жуковского. Судя по данному примеру, династия ограничена законами для одной отдельной семьи, где власть принадлежит отцу. На Гомера ссылается Аристотель (*Polit. I 1, 1252b 22*). — 160.

⁵ Ионийцы — древнейшее греческое племя, населявшее Аттику, малоазиатский берег (города Смирна, Эфес, Милет, Колофон и др.), а также о-ва Самос и Хиос. По преданию, происходит от Иона, сына афинской царевны Креусы и Хсуфа, отцом которого был Эллин (*Apollod. I 7, 3, 2*). — 161.

⁶ О власти старейшего в доме, или, что то же, «ойкономической» (οἶκος — дом) власти в семье или роде как самых простейших ячейках государства пишет Аристотель (*Polit. I 1, 125a 8*). Именно эту власть родовых старейшин имеет в виду Фукидид, когда упоминает о «наследственной царской власти» (πατρική βασιλεία) I 13, 1). — 161.

⁷ Гомер. Ил. XX 216—218. Пер. В. Вересаева.

Здесь объединяются две формы государственной власти: *вторая* — в виде отдельных поселений на склонах горы Иды и *третья* — уже в виде большого и богатого города. Страбон, говоря о периодизации Платона, добавляет, что могут существовать четвертая, пятая формы и даже больше (XIII 1, 25). — 162.

⁸ Осада Трои изображена в «Илиаде» Гомера и в киклических поэмах «Эфиопида» и «Малая Илиада». Гибель Трои — в киклической поэме «Разрушение Илиона». — 163.

⁹ О событиях на о-ве Итака во время отсутствия царя Одиссея и после его прибытия повествует «Одиссея» Гомера. В «Агамемноне» Эсхила — убийство вернувшегося на родину царя Аргоса и Микен. Гибель Неоптолема, сына Ахилла, в родном доме — в «Андромахе» Эврипида. — 162.

¹⁰ *Агейцами* именовались греческие племена, разрушившие Трои. *Дорийцы*, по одним сведениям, были потомками Дора, сына Эллина (*Apollod. I 7, 3, 2 сл.*). По другим, дорийцы происходят от Дориея, сына Неоптолема и Леонассы, дочери Клеодея (*Schol. in Eurip. Androm.*, 24 Schwartz).

Историк Лисимах (FHG III В Jacoby), на которого ссылается схолиаст, приводит имена братьев Дориея: Пергам, Пандар, Еврилох и Молосс, эпоним одноименной страны. — 163.

¹¹ Указанные здесь цари происходят из рода Гераклидов. Это потомки Геракла и его сына Гилла, считавшие Пелопоннес, где когда-то прославился их отец, своим наследственным достоянием.

Темен и Кресфонт были сыновья Аристомаха, правнука Гилла. *Прохла и Еврисфен* — сыновья Аристодема, т. е. племянники Темена и Кресфонта. С этого времени в Лакедемонне всегда бывало по два царя, а полулегендарные предания переходят в исторические факты освоения Пелопоннеса дорийцами. — 165.

¹² По Платону оказывается, что Троя входила в ассирийскую державу, основание которой Нином Геродот (I 96) относит к 1273 г. до н. э. — 167.

¹³ Первое разрушение Трои приписывается Гераклу, который спас от чудовища дочь царя Лаомедонта, но не получил от него обещанных коней, некогда отданных Зевсом царю Тросу как выкуп за похищенного царевича Ганимеда (*Гомер. Ил.* V 266—267; *Apollo.* II 5, 9, 11—12). У Гомера сын Геракла Тлеполом похваляется перед троянцем Сарпедоном, что его отец

Некогда прибыл сюда за конями Лаомедонта
Только с шестью кораблями, с значительно меньшим
отрядом,

И разгромил Илион ваш и улицы сделал пустыми.
(*Ил.* V 640—642. Пер. *В. Вересаева*). — 167.

¹⁴ Собственно говоря, эти цари были не сыновья Геракла, а его потомки. — 167.

¹⁵ *Пелопиды* — потомки царя Пелопа — Агамемнон и Менелай, стоявшие во главе ахейского войска, осаждавшего Трою. Их именуют обычно по отцу Атрею — Атридами. — 167.

¹⁶ Взятие Трои (XII в. до н. э.) было в историческом плане последним большим деянием ахейского союза племен — носителей богатейшей микенской культуры с центрами в Микенах, Аргосе и Тиринфе. Пришедшие с севера дорийцы вытеснили ахейцев на рубеже II и I тысячелетий до н. э. — 167.

¹⁷ Прежде чем утвердиться в Пелопоннесе Гераклиды многократно вопрошали оракул Аполлона Дельфийского. Так, Гилл-младший, внук Геракла, получив изречение, что он должен ждать третьего плода и пройти в Пелопоннес по узкой воде, пытался пройти через перешеек Истм, но, неправильно толкуя предсказание, пал в битве. Его правнуки Темен и Кресфонт через много лет решили, что как его потомки в третьем колене они должны вторично проделать тот же путь, но уже по морю вблизи Истма, однако не достигли цели из-за насилия над одним прорицателем. По новому совету оракула — поставить во главе похода трехглазого — они избрали вождем одноглазого этолийского царя Оксила, ехавшего им навстречу на муле, затем успешно вторглись в Пелопоннес, убили сына Ореста Тисамена и поделили земли на три государства. — 168.

¹⁸ Имеется в виду афинский царь *Тесе́й*, поверивший клевете своей жены Федры, которая обвинила сына Тесея *Ипполита* в преступной к ней любви. Отец проклял невинного сына, и тот был растоптан

собственными конями, понесшими его от страха перед чудовищем, высланным Посейдоном по молитве Тесея (*Эврипид*. Ипполит). — 170.

¹⁹ Здесь по-греч. букв. «не знали ни грамоты, ни плавания», что полностью соответствует лат. пословице «Neque litteras neque natare didicit». Светоний упоминает, что Август сам обучал своих внуков «и читать, и плавать» (Ауг. 64), т. е. самому необходимому. — 172.

²⁰ О Пиндаре и его фр. 169 см. т. 1, прим. 38 к диалогу «Горгий». — 173.

^{20a} В «Государстве» читаем: «... некоторым людям по самой их природе подобает быть философами и правителями государства, а всем прочим надо заниматься не этим, а следовать за теми, кто руководит» (V 474c). Таким образом, только философы, по Платону, имеют подлинное притязание на власть. — 173.

²¹ См. выше, прим. 3. — 174.

²² Здесь характерное для этического и эстетического сознания классической античности провозглашение меры как принципа жизни вообще. В «Политике» Платой пишет, что все искусства, в том числе и государственное, «остерегаются того, что превышает умеренное или меньше него. . . потому что это затрудняет свершения: сохраняя таким образом меру, они совершают все хорошее и прекрасное» (284a).

У Эсхила хор дружественных Океанид порицает Прометея за то, что он «слишком» (ἄγαν) свободно говорит (Prom. 180); не менее дружественный Гефест порицает Прометея за то, что он помогал людям «больше того, чем следовало по справедливости» (πέρα δίχης, 30); сам же Прометей оплакивает себя за свою «чрезмерную любовь к смертным» (123). Все, что «слишком», «чрезмерно» и «против законного установления», приводит человека к «дерзости» (ὑβρις), которая всегда карается богами.

Здесь у Платона говорится именно о человеке, «ставшем дерзким», «обнаглевшим» (ἔξυβρίζοντα), так как он потерял чувство меры. См. также т. 1, прим. 55 к диалогу «Протагор». — 175.

²³ *Некий бог* — Аполлон Дельфийский, по велению которого получили царскую власть Прокл и Еврисфен — два брата и в дальнейшем их потомки, разделившиеся на два рода — Агидов (по Агису — сыну Еврисфена) и Еврипонтидов (по Еврипонту — внуку Прокла). *Некая человеческая природа. . . с. . . божественной силой* — законодатель Ликург, установивший так называемые герусии из 28 старейшин. *Третий спаситель* — царь Теопомп, живший, по Плутарху (со ссылкой на Платона), 130 лет после Ликурга и установивший власть ежегодно сменяемых пяти эфоров (Лус. VII). — 175.

²⁴ Об *Аристодеме*, *Темене* и *Кресфонте* см. прим. 11 и 17. — 175.

²⁵ Имеется в виду Спарта. — 176.

²⁶ Здесь идет речь о Мессении. — 176.

²⁷ Во время греко-персидской войны после 481 г. аргосцы вопрошили Дельфийский оракул о возможном союзе со своими соседями против общего врага, но, узнав, что пифия советует им «сидеть на-

стороже», «удерживать копые дома», «защищать голову, что спасет туловище», потребовали от спартанцев признания их совместного главенства над союзом греческих племен и заключения тридцатилетнего мира. Оскорбленные словами спартанских послов, что аргосский царь может иметь только равный голос вместе со спартанскими царями, аргосцы, как пишет Геродот, «предпочли покориться варварам, нежели уступить лакедемонцам» (VII 148–149). — 176.

²⁸ О видах государственных устройств см. т. 3, ч. 1, «Государство», кн. VIII, прим. 4–9, 12. — 177.

²⁹ *Кир Старший* — персидский царь, сын перса Камбиса и Манданы, дочери мидийского царя Астиага. О его рождении, воспитании и воцарении в 559 г. до н.э. см. у Геродота (I 107–130). Ксенофонт в своей «Киропедии» («Воспитание Кира») создал образ идеального монарха. — 177.

³⁰ Сын Кира *Камбис* вступил на престол в 529 г., боролся с египтянами (*Herodot.* III 17–29), умертвил своего брата Смердиса, почти впав в безумие, и свою сестру (III 30–32) и погиб, случайно поранившись мечом (III 64–65).

Дарий I — сын Гистаспа, принадлежал к роду Кира и вступил на престол после смерти Камбиса и убийства Лже-Смердиса (*Herodot.* III 70–88). — 178.

³¹ Дарий, собираясь захватить власть и свергнуть Лже-Смердиса, вступил в заговор с шестью знатными персами, т.е. Дарий был седьмым среди них. См. прим. 30. — 179.

³² *Ксеркс* — сын Дария и Атоссы, дочери Кира, вступил на престол в 485 г. до н.э. Его войска потерпели поражение от греков при Саламине, Платеях, Микале. О его плачевном возвращении на родину см. трагедию Эсхила «Персы». — 179.

³³ Все персидские цари по обычаю именовались Великими. — 180.

³⁴ Классическим примером противопоставления персидскому деспотизму греческой свободы может служить аллегория из трагедии Эсхила «Персы». Царица Атосса видит во сне двух женщин, одну в персидском, другую в дорийском одеянии, которых царь Ксеркс впряг в свою колесницу.

Одна в наряде рабьем гордо шествует,
Покорно рот поводам повинуется.
Зато другая вздыбилась. Руками в щепы
Сломала колесницу, сорвала ярмо,
И без узды помчалась неподвластная.
(181–189. Пер. А. Пиотровского). — 182.

³⁵ Подразумевается предпринятое Солоном разделение граждан по имущественному цензу, а не по знатности рода. Первый класс — пентакосиомедимны, получавшие ежегодно 500 медимнов хлеба (1 медимн = прибл. 52 л.); второй — всадники, получавшие 300 мер или содержавшие лошадь; третий — зевгиты, получавшие 200 мер. Эти три

класса платили соответственные имуществу налоги, участвовали в управлении государством и занимали высшие должности. Четвертый класс — феты — не платил налогов, но и не занимал должностей. Феты только присутствовали в народном собрании и могли быть судьями (*Plut. Solon. XVIII*). — 183.

³⁶ *Датис* — полководец Дария I, возглавлял персидский флот в 600 трирем и овладел островами Эгейского моря (*Herodot. VI 95—97*). Однако при Марафоне (490 г. до н. э.) был разбит греками (там же, 103—117). — 183.

³⁷ *Эретрия* находилась на о-ве Эвбея, расположенном вдоль берегов Беотии и Аттики. — 183.

³⁸ Геродот сообщает, что лакедемоняне решили помочь афинянам, но, так как был девятый день месяца, отказались выступать тотчас же, ожидая полнолуния (*VI 106*). — 183.

³⁹ *Афон* — гора на п-ове Халкидика, соединенная с материком узким перешейком в 5 м высоты и 3 тыс. шагов ширины. Воины Ксеркса в течение трех лет прорывали здесь канал, так как персидские корабли, огибая Афон, потерпели кораблекрушение. Геродот, сообщивший эти сведения (*VII 22—23*), добавляет, что Ксеркс приказал перекопать перешеек «из высокомерия, из желания выставить на вид свое могущество и оставить по себе памятник» (*VII 24*), хотя можно было без труда перетащить корабли через перешеек.

Геллеспонт — пролив между Фракийским Херсонесом и Троядой в Азии, соединяющий Эгейское море и Пропонтиду, в самом узком месте ширина его около полутора километров. Ныне — Дарданеллы. — 183.

⁴⁰ Эсхил в «Персах» (338—343) сообщает, что у греков при Саламине (480 г. до н. э.) было всего 30 десятков кораблей, а у персов — 1207. То же самое у Геродота (*VII 89*). — 184.

⁴¹ *Гимн* — общекультурное наименование песнопения, независимо от обращения к какому-либо божеству. — 185.

^{41a} *Френ* — заплачка, погребальная песнь.

Пэан — гимн в честь Аполлона, которому были посвящены также просодии, ном, гипорхема (вместе с мимическими телодвижениями), парфении (Аполлону и Артемиде).

Дионис сам именовался *дифирамбом*. Этимология этого слова, принадлежащего к эгейскому субстрату древнегреческого языка, неясна. Может быть, *τιτύρ — αμβος («в четыре шага»), т. е. четырехстопный размер (ср. *φῖ — αμβος — «в два шага», τρίαμβος — «в три шага». *J. V. Hofmann. Ethymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950*). — 185.

⁴² *Номы*, т. е. «законы» в музыке, есть не что иное, как твердо установленные лады, или гармонии. По-греч. νόμοι («номы») является омонимом с законами государственнымными. — 185.

⁴³ См. выше, прим. 16 ко II кн. — 186.

⁴⁴ Ср. комедию Аристофана «Облака»: по мнению автора, софистическое воспитание приводит к непочитанию родителей, отрицанию древних богов и законов. — 186.

⁴⁵ Люди, по преданию, обладают двойной природой — дионисийской и титанической. *Титаны*, растерзавшие Диониса и вкусившие его тела, были испелены молниями Зевса, а из копоты появились люди (*Olympiod.* In Phaed. 61c = *Commentarii in Platonis Phaedonem*, ed. *Norvin.* Lips., 1913). По Оппиану, люди «рождены из божественной крови титанов» (De pisc. V 9 сл.), а по Элиану (фр. 189), — «из семени титанов», но Дион Хрисостом считает, что «человеческий род получил свое существование от богов, а не от титанов и гигантов» (XXX, p. 337, 27 сл.).

Цицерон комментирует: «Наш Платон полагает, что из рода титанов происходят те, которые так противятся должностным лицам, как титаны противились небесным богам» (De Legg. II 2, 5).

По Гесиоду, титаны были низвергнуты в Тартар Зевсом и олимпийскими богами (Theog. 665—731). — 186.

⁴⁶ Букв. «свалиться с осла» (*Suida*, v. ἀπ'ὄνου). В греч. тексте «с осла» (ἀπ'ὄνου) звучит одинаково с ἀλὸ νοῦ, т. е. с «ума», «сойти с ума». Чтобы избежать двусмыслицы, излюбленной комиками, Платон вставляет между предлогом и существительным местоимение. См. греч. текст, где читаем: «С какого-то осла». — 186.

⁴⁷ «*He звучит как призыв к войне*» — поговорка, которая встречается также в «Федре» (242b) и означает «хорошее известие». — 188.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ Если *стадий* равен около 180 м, то город отстоит от моря примерно на 14 км. — 189.

² Гесиод в «Трудах и днях» тоже полагает, что людям «в море пускаться» нет нужды, если «получают плоды они с нив хлебодарных» (236 сл.). Гораций мечтает о богатых, изобильных землях, вдали от иноземцев, куда бы не устремлялся корабль аргонавтов и «не направили туда кораблей ни пловцы-финикийцы, ни рать Улисса, много претерпевшего», так как «Зевс уготовил берега те для рода людей благочестных» (Erod. XVI 59—63). — 190.

³ Критский царь *Минос* пошел войной на афинян и заставил их платить дань (семь юношей и семь девушек ежегодно), после того как в Афинах был убит его сын Андрогей, превзошедший соперников на состязаниях (*Plut.* Thes. XV). — 191.

⁴ О морском владычестве Миноса — у Геродота (III 122). Фукидид пишет: «Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большею частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг господства над Кикладскими островами, старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы там вернее

получать доходы» (I 4). Он «очистил острова от разбойников и тогда же заселил их колонистами» (18, 2). — 191.

⁵ У Архилоха читаем:

Носит теперь горделиво саниц мой щит безупречный;
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть.
(Фр. 6. Пер. В. Вересаева)

У Анакреонта также есть стихи о том, кто бежал,

бросив щит свой на берегах
речки прекрасноструйной.
(Фр. 51. Пер. В. Вересаева). — 192.

⁶ Гомер. Ил. XIV 96—102. — 192.

⁷ О победе при Саламине см. выше прим. 32 к кн. III. — 192.

⁸ О битве при Марафоне см. выше прим. 36 к кн. III.

Битва при Платеях. В битве при Платеях (479 г.), как и при Марафоне, особенно отличался Аристид, глава аристократической партии, в то время как Саламинская победа дала перевес Фемистоклу, вождю радикалов. — 193.

⁹ *Артемисий* — мыс в сев. части Эвбеи. Здесь в 480 г. произошло морское сражение с Ксерксом (*Herodot.* VIII 11—16). — 193.

¹⁰ В греч. тексте здесь букв. «правят кораблем» (διακίβερνῶσι) бог, судьба и благовремение, т. е. они — кормчие, а государство — корабль. О метафорах Платона см. т. 3, ч. 1, прим. 6 к диалогу «Филеб». — 195.

¹¹ *Удачливый*, или счастливый, тиран, как его изображает здесь Платон, не имеет ничего общего со «счастливым» тираном из «Государства» (см. т. III, ч. 1, прим. 12 к IX кн.). — 197.

¹² О сравнительных достоинствах разных типов власти см. т. 3, ч. 1, прим. 4—6 к кн. VIII; о достоинствах властителей — прим. 12 к кн. IX. — 198.

¹³ *Нестор* — см. т. 2, прим. 94 к диалогу «Пир». — 198.

¹⁴ О Лакедемонском государстве см. т. 3, ч. 1, «Государство», прим. 17 к кн. VIII. — 200.

¹⁵ Как видно из дальнейшего, речь идет о Кроносе, — 200.

¹⁶ Платон не раз привлекает мифы для разъяснений важных идей. См., например, т. 1, прим. 34а к диалогу «Протагор», прим. 82 к диалогу «Горгий»; иные мифы он создает сам: т. 2, прим. 50 к диалогу «Федр», прим. 74 к диалогу «Пир». — 200.

¹⁷ Блаженное царство Кроноса еще Гесиод относил к золотому веку истории, когда люди жили «как боги, с беззаботным сердцем, вдали от трудов и горя». Они не знали старости, владели богатствами в изобилии, а пашня «сама по себе» (αὐτομάτη) рождала им плоды.

Умирили они, «будто охваченные сном», становясь после смерти демонами Зевса, дарователями благ и благодетелями правды на земле (*Hesiod.* Опр. 109—126). Царство Кроноса, где царит вечность и нет ничего преходящего, мыслится на островах Блаженных (*Pind.* Ол. II 54—88), см. т. 1, прим. 82 к диалогу «Горгий». О царстве Кроноса также в «Политике» (269a—272d). — 201.

¹⁸ По-гречески «закон» (*νόμος*) и «разделение» (в русск. переводе «определение» — *διανομή*) имеют одну основу. — 201.

¹⁹ Ср. «Государство» (338e—339a), где софист Фрасимах заявляет, что всякая власть издает законы сообразно с ее пользой и объявляет их справедливыми. — 202.

²⁰ Ср. «Горгий» (483d), где говорит софист Калликл: «Сама природа... провозглашает, что это справедливо — когда лучший выше худшего и сильный выше слабого». — 202.

²¹ См. т. 1, прим. 38 к диалогу «Горгий». — 203.

²² Здесь зоркость, или острота зрения (*ὄξύ βλέπεις*), равнозначна зоркости и остроте ума, которых не хватает молодым. См. в «Федоне» (75a), где «мысль возникает и может возникнуть не иначе как при помощи зрения, осознания или иного чувственного восприятия». У Гомера герои обычно «мыслят» глазами, что равносильно видению (Ил. III 21, IV 200, V 95, VI 470, VII 17, XX 419, XXI 49, XXII 136, XXIII 415 и мн. др.). О зрительном восприятии глагола «мыслить» см. А. Ф. Лосев. Эстетическая терминология ранней греческой литературы. — «Ученые записки МГПИ им. Ленина». Т. 83. М., 1954, стр. 130—132. — 204.

²³ Это древнее представление о божестве отмечено схолиастом к данному месту со ссылкой на орфический стих: «Зевс — начало, Зевс — середина, от Зевса все устроено. Зевс — корень (*πυθμῆν*) земли и звездного неба» (фр. 21 Kern.). Ср. также фр. 21a, где Зевс именуется «первым» и «последним», «главой» и «серединой», «корнем моря» (*πόντου ῥίζα*). — 204.

²⁴ Круговое движение самое совершенное, так как оно знаменует вечный возврат к себе самому и равносильно вечности. Космос также округл. См. «Тимей» (33b—34d). — 204.

²⁵ О *правосудии* — Дике — см. т. 1, прим. 82 к диалогу «Горгий». О Дике, мстительнице, «носящей меч», поет хор в «Вакханках» Эврипида (992 сл., 1012 сл.). — 204.

²⁶ О мере см. выше, прим. 22 к кн. III. О стремлении подобного к подобному см. т. 1, прим. 64 к диалогу «Горгий». — 205.

²⁷ Здесь дается простейшая иерархия божеств, которая в дальнейшем у неоплатоников дошла до утонченной дифференциации. У Ямвлиха (IV в. н.э.), например, есть боги «надмирные», «небесные», или «водительные», которых оказывается 360; 72 ряда «поднебесных» богов; 42 ряда богов «природы», боги «охраняющие» и демоны для отдельных народов и людей (*Procl. In Tim.* III 197, 12—20). У неоплатоника Саллюстия (IV в. н.э.) боги делятся (*Fragmentae philosophorum*

graecorum, ed. F. Mullach, III, p. 30—50. P., 1881) на создающих мир (Зевс, Посейдон, Гефест), одушевляющих его (Гера, Деметра, Артемида), упорядочивающих (Афродита, Аполлон, Гермес) и охраняющих (Гестия, Арес, Афина).

Пифагорейцы полагали, что «число самое мудрое из всех вещей» (58 С 2 D.), поэтому они учили о богах в связи с математическими и астрономическими построениями (44 В 19; А 14). Нечетные числа здесь предназначены небесным богам, так как они не могут дробиться в отличие от четных, уходящих при раздроблении в бесконечность. Так, например, Афина, будучи у неоплатоников принципом неделимости ума (*Procl. In Tim. II 145, 18 D.*), у пифагорейцев оформляется уже в нечетное (а значит, неделимое) число — пентаду, «пятерицу», или гептаду, «седмерицу» (*Ps.-Jambl. Theolog. arithm. 41, 18 Falc. = Theologumena arithmeticae, ed. V. de Faico. Lips., 1922*), или гектомаду (*Philon. De officio mundi 33=Philonis Alexandrini Opera quae supersunt, ed. L. Cohn et P. Wendland, I. Berl., 1896*). — 206.

²⁸ *Немесиды* — см. т. 1, прим. 82 к диалогу «Горгий». — 207.

²⁹ *Гесиод*. Труды и дни (289—292). — 207.

³⁰ О вдохновенном поэте см. т. 1, «Ион» и прим. 14, 16. — 208.

³¹ В греч. тексте *подражание* — μιμησις. О нем см. т. 3, ч. 1, «Государство», прим. 41 к кн. III. — 208.

³² Это место интересно тем, что здесь Платон отражает действительно существовавшую в классическом античном обществе сложную дифференциацию класса рабов, когда появился слой, близкий по своим занятиям к свободным. У Платона нам известны знаменитые врачи из свободных — Эриксимах («Пир») и Геродик («Протагор»). — 209.

³³ Платон придает огромное общественное и государственное значение браку. См. т. 3, ч. 1, «Государство», прим. 14 к кн. V. — 211.

³⁴ Кроме «проэмия», т.е. вступления в песне, прозе или в специальном риторическом произведении, о котором говорит Платон, в греческой метрике употребляется еще другой вид вступления, так называемая анакруза, или затакт. — 212.

³⁵ *Во второй раз... больше удачи*. Схолиаст отмечает значение пословицы, происходящей от вторичного принесения жертвы, после того как в первый раз она была неблагоприятной. См. *Гесиодий Александрийский* v. δευτέρων ἀεινόνων. — 214.

КНИГА ПЯТАЯ

¹ Платон противопоставляет свой тезис общему мнению о славе и почете олимпийских победителей. Ср. «Апологию Сократа» (36d—e), где также Сократ считает себя не хуже олимпийских победителей. — 218.

² *Зевс Гостеприимец* (Ксений), покровитель. — 219.

³ Умоляющих защищал Зевс-Гикесий (ἰχέσιος). Ср. обращение к нему в трагедии Эсхила «Умоляющие» (1 сл., 40–43, 86–95, 162–180). — 219.

⁴ Похвала правде и осуждение лжи Платоном обращали на себя внимание многих авторов. Так, Плутарх начинает одно из своих сочинений ссылкой на авторитет Платона (Quomodo adul. ab amico internosc, 1). Император Юлиан, говоря о правде, от которой происходит все благое, вспоминает Платона, Пифагора и Сократа (Orat. VI 188c). Платон служит примером и для Климента Александрийского (Strom. II 4, 18, 1. St.-Früch.). — 219.

⁵ О правильных взаимоотношениях истинной дружбы, основанной не на себялюбии, а на равенстве, рассуждает Аристотель в «Никомаховой этике» (VIII 8). — 221.

⁶ О *гении* см. «Государство», прим. 30 к кн. X. — 222.

⁷ Ср. «Апологию Сократа», где также сравнивается воспитание юношей с выращиванием жеребят и бычков (20a–b). — 225.

⁸ Платон использует здесь термин ритуального *очищения* для политических реформ государства. Ср. замечания об очищении от скверны, проведенном в Афинах Эпименидом (см. выше прим. 30 к кн. I) и Диотимой («Пир», 201d). — 225.

⁹ В политической борьбе греческих государств часто практиковалось изгнание в разных видах, например остракизм (посредством голосования на черепках, «остраконах»), граждан, считавшихся особенно опасными по своему влиянию. Так, остракизму подверглись соперники в руководстве греко-персидской войной — Аристид в 483 г. (Plut. Arist. VII) и Фемистокл в 471 г. (Thuc. 1 135). Последним из подвергшихся остракизму был, по словам Плутарха, Гипербол во время Пелопоннесской войны (благодаря стараниям Алкивиада и Никия). Перикл, боясь остракизма, в молодости даже не занимался политикой (Plut. Arist. VII). Плутарх пишет, что остракизм не был наказанием за какой-нибудь низкий проступок: благопристойности ради он назывался «усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества» (Plut. Arist. VII). — 226.

¹⁰ Здесь имеется в виду выселение граждан при основании колоний. — 226.

¹¹ См. выше прим. 11 к кн. III. — 227.

¹² Ср. слова Сократа у Ксенофонта, что «воздержание есть основа добродетели» (I 5, 4), где, как и у Платона, употребляется один и тот же строительный термин — «цоколь», «основание», «фундамент» (κρηπίς). — 227.

¹³ Здесь также употреблен термин из архитектурно-строительной техники: «герма» (ἔρμα) — «краеугольный камень», «подпора», «опора», «подставка». Ср. у Плутарха о «прочной опоре города» в трактате «Наставления о том, как следует управлять государством» (17, 814c). — 227.

¹⁴ Все граждане колонии — *земледельцы*, т. е. геоморы (γεωμόροι —

«получившие надел земли»), или, что то же «клерухи» («получившие надел по жребью»).

В Афинах, например, Тесей все население разделил на сословия (*Plut. Thes. XXV*) евпатридов («благородных»), геоморов («земледельцев») и демиургов («ремесленников»). У Геродота говорится о сиракузских геоморах (VII 155). — 228.

¹⁵ *Дельфы* — знаменитое святилище и оракул Аполлона; *Додона* в Эпире — святилище Зевса; египетский *Аммон* отождествляется с Зевсом. Геродот рассказывает (II 55), как две черные голубки из египетских Фив прилетели в Ливию и в Додону и человеческими голосами попросили учредить прорицалище Зевсу и Аммону. Без вопрошения этих оракулов не предпринималось ни одно серьезное дело. Недаром Цицерон писал: «Когда же греки посылали колонии в Эолию, Ионию, Азию, Сицилию, Италию, не спросив оракула пифийского, или дондонского, или Аммона? Или начинали войну без совета богов?» (*De divinat. I 1, 3*). — 229.

¹⁶ *Тирренские таинства*, по преданию, были установлены пеласгами—древнейшим, догреческим населением Греции, — которые, по свидетельству Геродота (II 51), установили и самофракийские мистерии.

Кипрские таинства были посвящены Афродите. Павсаний сообщает о том, что ассирийцы первые почитали Афродиту-Уранию, «а после ассирийцев из жителей Кипра — пафийцы» (I, 14, 7). — 229.

¹⁷ В греч. тексте здесь поговорка, взятая из игры в шашки: так как решительный ход делался на середине доски, это пространство называлось священным. — 229.

¹⁸ См. т. 2, прим. 86 к диалогу «Федр». — 230.

¹⁹ По поводу Матери-земли ср. *Hess. Theog.* 117 сл. — «широкогрудая Гея». См. также т. 3, ч. 1, прим. 82 к диалогу «Тимей». — 231.

²⁰ Ср. ниже, «Законы», 818e. — 232.

²¹ Ср. «Государство», прим. 83 к кн. III. — 233.

²² *Класс* здесь соответствует имущественному положению граждан (*τιμήματα*), так что подобное государство начисто отрицает родовой принцип. — 236.

²³ *Гестия* — см. т. 1, прим. 32 к диалогу «Кратил». — 237.

²⁴ Клизфен (VI в. до н.э.) уничтожил разделение Аттики на 4 племенные организации (*фили*), поделив ее географически на 10 фил, в свою очередь разделенных каждая на 10 сельских округов — *демов*. Политическую роль рода — *фратрии* — он также уничтожил, оставив за ней религиозное значение. По Аристотелю (*Poet.* III, 1448a 35—37), афинские демы соответствуют дорийским *камам*. Обычно ком — селение. — 239.

²⁵ Ср. «Государство» (IV, 436a) о корыстолюбии египтян и финикийн. — 240.

КНИГА ШЕСТАЯ

¹ Проверка прав граждан, домогающихся правительственных должностей, или юношей, включающихся в списки граждан, называлась в Афинах докимасией. См. ниже 753е. — 242.

² О возлагании дощечек или камешков на алтарь см. у Плутарха (Themist. XVIII, Pericl. XXXII). — 244.

³ *Гиппарх* — начальник конницы. Отряд, принадлежавший к одной и той же филе, назывался «фила», или «таксис» («строй»); во главе него стояли *филархи* и *таксиархи*. — 246.

⁴ См. «Анабасис» Ксенофонта, где обычно войско все решения принимает поднятием рук. Например: «Кто согласен, пусть поднимет руку» (III 2, 38). — 247.

⁵ *Пританы* — 50 членов афинского Совета (буле), руководившие делами в течение $\frac{1}{10}$ части года по 35—36 дней в порядке, устанавливаемом по жребию, и находившиеся сначала в особом здании, притане, а позже в Толе (см. прим. 36 к «Апологии Сократа»). — 247.

⁶ *Тяжеловооруженные* — «гоплиты». — 247.

⁷ Аристотель считает, что платоновское государство есть среднее между демократией и олигархией и «носит название политики» (Polit. II 3, 1265b 27), но никак не является соединением демократических и монархических элементов (там же, 1266a 23—25). — 248.

⁸ Ср. т. 2, прим. 61 к диалогу «Пир». — 249.

⁹ Плутарх в своих рассуждениях о боге Платона, действующем всегда в качестве превосходного геометра (Quaest. conv. VIII 2, 1), приходит к мысли, что отношение «арифметического» равенства большинства, характерное для демократии, было справедливо изгнано Ликургом и заменено отношением «геометрического» равенства, основанного на достоинствах человека, а не на простых количественных соотношениях. Таким образом, равенство в платоновском государстве предусмотрено, если следовать Плутарху, самим богом.

По мнению Плутарха, Платон, следуя Ликургу, отдает должное добродетели человека, обуславливая равенство справедливостью, а не ставя справедливость в зависимость от равенства. Геометрические отношения, создающие подлинное равенство, соответствуют закону и здравому смыслу, являясь проекцией божественного установления на земле (VIII 2, 2).

Аристотель же в «Политике» (II 3) критикует почти всю законодательную сторону государства у Платона. — 250.

¹⁰ Образ государства-корабля, известный у греческого лирика Алкея (фр. 30), не раз встречается у Платона. См. т. 3, ч. 1, прим. 6 к диалогу «Филеб». Ср. также данный образ у римского поэта I в. до н. э. Горация (I 14). — 250.

¹¹ *Смотрители* («неокоры») — служители, «наводящие порядок в храме и подметающие его» (Etym. Magn. v. Dzacoros). — 251.

¹² *Астиномы* — должностные лица, наблюдающие за порядком на улицах города. О них см. ниже (763d). — 251.

¹³ *Народ и те, кто к нему не принадлежит*. О. Апелът переводит это место как «низшее сословие народа (демоса) и высшее». К. Риттер также считает, что здесь равнозначны δῆμος и vulgus именно как низшее сословие, и речь совсем не идет о жителях данных округов (демов) и тех, кто в них не входит (Штальбаум, Зуземиль). — 251.

¹⁴ Ср., например, обычай спартанцев: «Если ребенок был тщедушным и безобразным, его отправляли к Апофетам (так назывался обрыв на Тайгете), считая, что его жизнь не нужна ни ему самому, ни государству, раз ему с самого начала отказано в здоровье и силе» (*Plut. Лус. XVI*). — 251.

¹⁵ *Агораномы* — должностные лица, наблюдавшие за порядком на городских рынках. О них см. ниже (763c). — 252.

¹⁶ *Начальник стражи* крепости или городского гарнизона назывался фрурархом. Здесь это должностное лицо, заботящееся о военной безопасности своей области, в то время как *агроном* в отличие от агораномов (см. прим. 15) — это должностное лицо по сельским и земельным делам. — 252.

¹⁷ Этому замечанию Платона созвучна мысль Аристотеля, гораздо более определенная и четкая. Человек, живущий в системе государственных законов, — «совершеннейшее из творений», а «вне закона и права занимает жалчайшее место в мире». Природа дает человеку интеллектуальную и моральную силу. Однако без нравственных устоев человек «оказывается существом самым нечестивым и диким» (*Polit. I 2, 1253a 29–37*). — 259.

¹⁸ Примеры из практики живописцев см. у Платона в «Кратиле» (430b–432d), «Государстве» (IX, 586c), «Политике» (277c). — 264.

¹⁹ Аристотель в «Поэтике» (21, 1457b 23–25), говоря о «вечере жизни», ссылается на выражение Эмпедокла, назвавшего старость «закатом жизни» (31 В 152 D.). — 264.

²⁰ В кратере вино смешивали с водой, т. е. умеряли буйное действие Диониса трезвостью водяного божества. Это место «Законов» часто цитировали поздние писатели (*Plut. De aud. poet. 1; Athen. X 61, 444a; Longin. XXXII 7* — о метафоре). — 269.

²¹ Ликург в Спарте установил наказание для холостяков, в частности их не пускали на гимназии (*Plut. Лус. XV*). — 269.

²² Деньги посвящали Гере как покровительнице брака. — 269.

²³ Плутарх сообщает, что прославленного спартанского полководца Деркиллида оскорбил как холостяка некий юноша, не уступивший ему места и сказавший так: «Ты не родил сына, который бы в свое время уступил место мне» (*Лус. XV*). — 270.

²⁴ *Мина* — см. т. 1, прим. 47 к «Апологии Сократа». — 271.

²⁵ Имеется в виду Дионис. — 271.

²⁶ Сравнение взято из обряда лампадодромий, бега с факелами на Великих Панафинейх, когда надо было донести до цели неугасший факел, зажженный у алтаря Эроса, бога любви. — 272.

²⁷ *Илотия*: илоты — не обладавшие правами свободных граждан жители Спарты, принадлежавшие некогда побежденному племени. Собственно говоря, это — государственные рабы. См. выше, прим. 17 к кн. I. — 272.

²⁸ *Гераклейцы* — жители Гераклеи на Понте Евксинском. *Мариандины* — народ в с.-з. части М. Азии — Вифинии. *Пенесты* — племя в Фессалии, поработненное завоевателями. — 272.

²⁹ *Гомер*. Од. XVII 322 сл. Пер. В. Жуковского с небольшим изменением, так как у Платона «половина разума» (ἥμισυ νόου) стоит вместо гомеровского «половина доблести» (ἀρετῆς). — 273.

³⁰ У Аристотеля в противоположность Платону — абсолютное признание естественности рабского состояния человека: раб отличается даже особой физической организацией (Polit. II 2, 3, 1255b 4). Однако, признавая, что «раб является своего рода частью господина, как бы одушевленную и отделенную частью его тела» (там же, 1255b 11 сл.). Аристотель допускает между рабом и господином «известную общность интересов и взаимное дружелюбие, раз отношения между ними покоятся на естественных началах» (там же, 12—15). — 273.

³¹ *Мессения* — самая ю.-з. часть Пеллопоннеса. Завоевана своим восточным соседом — Спартой в результате ряда войн. Первая — 743—724 гг. до н. э., вторая — 685 г. до н. э., третья — 464—455 гг. до н. э. Известны переселения мессенцев на юг Италии, в Тарент и в Навпакт, у Коринфского перешейка. Один из главных источников о мессенских войнах — IV кн. «Описания Эллады» Павсания. — 273.

³² Лексикограф Поллукс (v. πατριώτης) сообщает: «Варвары именовали друг друга не гражданами (πολίτας), а соотечественниками (πατριώτας)... Платон в “Законах” и греков называет “соотечественниками”». У Гесиона Александрийского читаем: «Соотечественник (πατριώτης) у афинян варвар, не гражданин (πολίτης)». — 274.

³³ Ср. у Аристотеля: «Наука о власти господина не включает в себе ничего ни великого, ни возвышенного; ее задача показать, что раб должен уметь исполнять, а господин должен уметь приказывать» (Polit. I 2, 1255b 33—35). — 274.

³⁴ В трактате «О возвышенном» псевдо-Лонгин приводит эту метафору Платона как пример холодности речи возвышенного стиля (IV 6). — 275.

³⁵ Ср. слова Ликурга у Плутарха: «Лишь тот город не лишен укреплений, который окружен мужами, а не кирпичами» (Лус. XIX). — 275.

³⁶ В греч. тексте букв. «наносить удары по огню». Схолиаст поясняет эти слова как пословицу о тех, кто трудится, говорит или страдает напрасно, тщетно. — 277.

³⁷ Аристотель рассказывает: «Когда Ликург, по преданию, попро-

бовал подвести под свои законы и женщин, они стали сопротивляться этому, так что Ликургу пришлось отказаться от своего намерения» (Polit. II 6, 1270a 6—8). — 279.

³⁸ *Дары Деметры*, богини плодородия, и *Коры*, ее дочери, — злаки, хлеб. — 279.

³⁹ *Триптолем* — см. т. 1, прим. 52 к «Апологии Сократа». — 279.

⁴⁰ Ср. «Государство» (VIII 565d) о человеческих жертвах в храме Зевса Ликейского в Аркадии, о чем свидетельствует Павсаний (VIII 38, 7). Павсаний также рассказывает о Ликаоне, зарезавшем на алтаре Зевса младенца: «Сейчас же после этой жертвы он из человека был обращен в волка» (VIII 2, 3). Плутарх сообщает о человеческом жертвоприношении, совершенном Фемистоклом накануне Саламинской битвы в честь Диониса Оместа — «пожирающего сырое мясо» (Themist. XIII). — 280.

⁴¹ Не вкушали мяса орфики и пифагорейцы. В «Послезаконии» Платон пишет о том, что «начатки знаний» — выращивание злаков и производство круп в значительной мере отучили людей от питания мясом (975a—b). — 280.

⁴² *Илифия* — см. т. 2, прим. 76 к диалогу «Пир». — 282.

КНИГА СЕДЬМАЯ

¹ Сравнение из торгового обихода. См. *Гесикий Александрийский* v. deigmata. — 284.

² Имеется в виду выработка так называемой калокагатии, о которой у Платона было свое представление. См. *А. Ф. Лосев*. Классическая калокагатия и ее типы. — «Вопросы эстетики», 1960, № 3. — 284.

³ Ср. *Аристофан*. Птицы (1290) о «птицебезумии» афинян. — 286.

⁴ *Корибанты* — см. т. 1, прим. 20 к диалогу «Критон». — 287.

⁵ См. у Аристотеля рассуждение о том, что человек «потому и имеет руки, что он — разумнейшее животное» и что «рука — как бы инструмент инструментов», а тому, «кто может воспринять наибольшее число искусств, природа дала руку, наиболее пригодный из инструментов» («О частях животных», IV 10, 687a) — 293.

⁶ *Плектр* — палочка из дерева, металла, слоновой кости, которой ударяли по струнам кифары, или лиры. Современный плектр имеет иную форму — в виде согнутой пластинки. — 293.

⁷ *Панкратий* — борьба в соединении с кулачным боем. Спартанцы не занимались этим видом гимнастических упражнений. — 293.

⁸ *Герион* — с о-ва Эрифия, сын Каллирои и Хрисаора, имел три срощенных между собою тела. Был убит Гераклом (*Apollod.* II 5, 10, 1—7). *Бриарей* — один из сторуких великанов (*Hom.* II. I 101), сын Земли-Геи (*Hes. Theog.* 147—153). Вместе с братьями Коттом и Гиесом помог Зевсу в борьбе с титанами (там же, 734 сл.). — 294.

⁹ *Антея* — см. т. 2, прим. 32 к диалогу «Теэтет».

Керкион — сын Посейдона (по схолиасту, сын Бронха и нимфы Аргиопы). Его убил в Элевсине по пути в Афины герой Тесей (*Ovid. Met.* VII 439). Принуждал к борьбе путников и употребил впервые, по схолиасту, борьбу с помощью ног, в то время как Тесей изобрел кулачный бой.

Эней — сын Панопея, прославился как кулачный боец. Победил Евриала на погребальных играх в честь Патрокла (Ил. XXIII 664—691). Известен также как строитель деревянного коня (*Verg. Aen.* II 264).

Амик — сын Посейдона, царь страны Бебриков, заставлявший вступать с собой в кулачный бой путников. Был убит Полидевком (*Apollod. Rhod.* II 1—97; *Theocr.* XXII). Первый изобрел ремни для обвязывания рук во время боя. — 294.

¹⁰ *Куреты* — критские «демоны» (жрецы), родственные корибантам. См. прим. 4.

О куретах и корибантах см. *Диодор Сицилийский* (X 3, 6, 7, 19—21).

О мистериях в их честь см. там же, 7.

Диоскуры — братья Кастор и Полидевк, сыновья Зевса и Леды (или Тиндара — отсюда Тиндариды), братья Елены. Кастор славился как укротитель коней, а Полидевк — как кулачный боец (Ил. III 236—244). О бессмертии Полидевка и смертной доле Кастора см. Од. XI 298—304.

Игры в их честь — Диоскурии — устраивались также в Афинах. — 294.

¹¹ Имеется в виду Афина. Ср. у Лукиана описание пляски Афины, в полном вооружении появившейся из головы Зевса: «А она уже скачет и пляшет военный танец, потрясает щитом, поднимает копье и вся сияет божественным вдохновением» («Разговоры богов», 8). — 295.

¹² В Лакедемонке девушки устраивали хоры и танцы в честь девы Артемиды-Кариатидской (*Paus.* III 10, 7). — 295.

¹³ Ср. у Аристофана описание разных торжеств в Афинах:

Шествия движутся там богомольные,
Жертвы приносятся пышные, в зиму и лето —
Праздники, игры и пляски.
(«Облака», 307—309. Пер. А. Пиотровского). — 295.

¹⁴ *Мойры* — богини судьбы. См. т. 3, ч. 1, прим. 29 к кн. X «Государства». — 298.

¹⁵ Имеются в виду низшие божества — гении и нимфы. — 298.

¹⁶ См. выше, прим. 42 к кн. III. — 299.

¹⁷ Нечистые дни (по Суде и Гесихию) те, когда приносят жертвы умершим.

О нечистых, или «пагубных», днях рассуждает Лукиан. Это дни, «когда должностные лица не отправляют своих обязанностей, когда

нельзя ни тяжбы ставить на рассмотрение суда, ни жертвы приносить, ни вообще совершать дела, требующие благих предзнаменований» («Лжец», 12). — 300.

¹⁸ Схолиаст объясняет, что, по одним сведениям, плакальщицы были карийцы (М. Азия), а по другим, само погребальное пение нестройно и похоже на варварское, карийское. *Гесихий* (v. Καρῖνοι) объясняет, что плакальщиков, сопровождавших покойника к могиле, называли каринами. — 300.

¹⁹ *Благоречье* — эвфемия, не только благоговейная молитва, но и благоговейное молчание. — 301.

²⁰ Ср. «Государство» (III 401a—c). — 302.

²¹ Ср. метафору из морской практики в «Федоне» (85d), где говорится о плавании через жизнь на плоту или на более устойчивом судне. — 304.

²² *Гомер*. Од. III 26—28. Пер. В. Жуковского. — 305.

²³ Ср. выше (803c), а также I 644a и прим. 31 к кн. I. — 305.

²⁴ Диодор Сицилийский, описывая законодательство Харонда, сообщает, что «все дети граждан должны были учиться читать и писать, обучаясь за счет государства, нанимавшего учителей» (XII 12). — 305.

²⁵ *Савроматиды* — амазонки, от брака которых со скифами произошло племя савроматов (*Геродот*, IV 113—116). — 306.

²⁶ Имеется в виду Аттика. — 307.

²⁷ О гимнастических упражнениях девушек и женщин в Спарте читает у Плутарха (*Лус*. XIV). — 307.

²⁸ Красочное и детальное описание хозяйственных забот идеальной жены в зажиточной афинской семье находим у Ксенофонта (*Оес*. 7—9). — 307.

²⁹ См. «Законы», II, 665. — 315.

³⁰ В трагедии Эсхила «Семеро против Фив» Этеокл с возмущением говорит о женщинах:

Вас спрашиваю, женщины, несносный род,
Что это: помощь города спасению,
Опора сердцу войска осажденного —
Богов кумиры обнимать, упавших в пыль,
Вопить и плакать? Вы чума для мудрых всех!
И в дни беды и в счастья дни чудесные
Мне с женщинами тошно хороводиться.
Они упрямо-дерзки в торжестве своем.
А в страхе — зло вдвойне семье и городу...
(181—190. Пер. А. Пиотровского). — 318.

³¹ «Пирриха» — военная пляска, метрически выражалась стопой, состоящей из двух кратких слогов ∪ ∪ («пиррихий»), имитирующих быстрые и ловкие движения. — 319.

³² Ср. у Ксенофонта («Пир», 7) слова Сократа о танцах, которые изображают «такие положения, в которых рисуют Харит, Ор и нимф».

Атений рассказывает о танцовщицах на свадьбе, «одетых, как перейды и нимфы» (IV 130a). — 319.

³³ «Складная» пляска, букв. «находящаяся в согласии с ладом», т. е. «приличная» (греч. ἐμμέλεια).

Гесихий (v. Ἑμμέλεια) поясняет: «Вид пляски. Платон хвалит ее. . . Названа так по определенному ладу или по тому, что с ним связано. Пляска трагическая». В комедиях и сатировских драмах были пляски с резкими и непрстойными телодвижениями, так называемые кордакс и сикин. — 320.

³⁴ Проблема объединения серьезного и смешного характерна для Платона как ученика Сократа. По этому принципу строится, например, жанр пира, где самые сложные темы преподносятся в обстановке смеха и шуток (см. «Пир» Платона, Ксенофонта, Плутарха). На единении серьезного и смешного построена также сократовская ирония. Ср. т. 2, прим. 97 к диалогу «Пир». — 321.

³⁵ Ср. этот диалог государственных мужей и трагических поэтов с обращением законодателей идеального государства к изгоняемому Гомеру («Государство», III 398a). — 322.

³⁶ Здесь, несомненно, пифагорейская увлеченность Платона наукой о числах, которая дала о себе знать во многих диалогах, а особенно в «Государстве» (например, т. 3, ч. 1, прим. 14 к кн. VIII) и в «Тимее» (например, т. 3, ч. 1, прим. 48). См. о категориях чет и нечет т. 1, прим. 65 к диалогу «Протагор». Ср. также представление Платона о боге как геометре, прим. 9 к кн. VI. — 323.

³⁷ О *необходимости* и ее силе см. т. 3, ч. 1, прим. 74 к диалогу «Тимей». — 323.

³⁸ Ср. мнение Гераклита: «Многознание не научает уму. Ибо в противном случае оно научило бы Гесиода и Пифагора, а также Ксенофана и Гекатея» (B 40 D.). — 324.

³⁹ Диодор Сицилийский подробно рассказывает об обучении письму (обычному и священному), арифметике, геометрии и астрологии египетскими жрецами своих сыновей. Дети простых людей обучаются своими родителями или родственниками определенному ремеслу. Обучать чтению имеют право лишь посвященные в искусства. Борьбе и музыке не обучают, так как первая предосудительна, а вторая изнеживает человека (I 81). — 324.

⁴⁰ Игру в шашки Платон ставит рядом с арифметикой, искусством счета и геометрией («Горгий», 450d). См. т. 1, прим. 6 к диалогу «Горгий». — 326.

⁴¹ *Блуждающие* — т. е. планеты (πλανήτης). — 327.

⁴² Геосфор — *Утренняя звезда* и Геспер — *Вечерняя* не что иное, как одна и та же планета Венера, или по-греч. Φωσφόρος («несущая свет»), которая при удалении к востоку бывает видна после захода

солнца как яркая вечерняя звезда, а при удалении к западу перед рассветом — как яркая утренняя. Уже Пифагор знал о тождественности этих светил. — 327.

⁴³ О движении планет см. т. 3, ч. 1, прим. 49, 53 к диалогу «Тимей». — 328.

⁴⁴ О разных видах охоты см. т. 2, прим. 7 к диалогу «Софист». Об охоте и образах охоты у Платона см. *C. J. Classen. Untersuchungen zu Platons Jagdbildern.* Berlin, 1960. — 330.

КНИГА ВОСЬМАЯ

¹ *Плутон*, он же Аид, — см. т. 1, прим. 38а, 38б к диалогу «Кратил» и прим. 46а к диалогу «Горгий». — 333.

² О взаимоотношении души и тела см. т. 1, прим. 82 к диалогу «Горгий». — 333.

³ *Фамира* и *Орфей* — см. т. 1, прим. 11 к диалогу «Ион». — 334.

⁴ Аттический стадий равен 177,6 м. 60 стадий — около 11 км. — 339.

⁵ Крит с его пересеченной местностью был неудобен для конного спорта. — 340.

⁶ *Лай* — фиванский царь, отец Эдипа, похитивший Хрисиппа, сына Пелопа (Athen. XIII 602f), за что был проклят сам, а также весь его род. Эту же историю рассказывают Аполлодор (III 5, 5, 10) и Элиан (Var. Hist. XIII 5). — 342.

⁷ *Фвест* и его дочь Пелония были родителями Эгисфа, если судить по примечанию Цеца к сообщению Аполлодора, не указывающего имени дочери (*Apollod. Epitom.* II 14).

У *Эдина* и его матери Иокасты было несколько детей: Этеокл, Полиник, Антигона, Исмена. См. трагедии Софокла «Эдип-царь», «Антигона», «Эдип в Колоне»; Эсхил — «Семеро против Фив».

По Гигину (Fab. 238 Rose), «Эол убил свою дочь Канаку из-за кровосмешения с братом Макареем». — 345.

⁸ Об *Икке* см. т. 1, прим. 26 к диалогу «Протагор». — 347.

⁹ *Крисон* — см. там же, прим. 43.

Астил из Кротона — бегун, победитель на 73-х Олимпийских играх.

Диопомп — известный бегун, которого схолиаст именует фессалийцем. — 347.

¹⁰ О двух Афродитах — небесной и всенародной, пошлой, см. т. 2, прим. 40 к диалогу «Пир». — 348.

¹¹ О скромности брачных обычаев в Спарте пишет Плутарх, приписывая Ликургу введение «стыдливости и сдержанности», а также изгнание «пустого бабьего чувства ревности»: он научил «сограждан смеяться над теми, кто мстит... видя в супружестве собственность, не терпящую ни разделения, ни соучастия» (Лус. XV). — 349.

¹² В Спарте каждый участник сисситий вносил ежемесячно в установленном размере ячменную крупу, вино, сыр, финики, смоквы и 10 оболов на мясо.

На Крите все доходы с общинной земли делились пополам, одна половина шла на управление государством и храмы, другая — на сисситии. — 350.

¹³ *Зевс как охранитель рубежей* встречается крайне редко. Кроме Платона см. у Демосфена об алтаре Зевса — охранителя границ за пределами Херсонеса (VII 39).

Зевс — охранитель рубежей соответствует термину «божественное олицетворение границы» (*Plut. Num. XVI*). «Охранитель рубежей» не является сакральным эпитетом Зевса и потому не засвидетельствован в изд. *Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur coll., disp., ed. C. Bruchmann. Lips. 1893* (отд. изд. и в качестве дополнения в мифологическом лексиконе Рошера). — 351.

¹⁴ «Единоплеменный» не является сакральным эпитетом Зевса.

Зевс Гостеприимный (Ксений) — сакральным эпитетом Зевса. См. у Гомера (*Od. XIV 389*), Пиндара (*Nem. XI 9; Ol. VIII 28*), Эсхила (*Agam. 61, 362; Suppl. 641*) и мн. др. — 351.

¹⁵ Ср. сентенцию Гесиода о соседях:

Истая язва — сосед нехороший; хороший — находка.

В жизни хороший сосед приятнее почестей всяких,

Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы.

(«Работы и дни», 346—348. Пер. В. Вересаева). — 352.

¹⁶ *Богиня* — Деметра или богиня Урожая — Опора.

Виноградная лоза посвящена Дионису. См. *Нот.* Нумн. VII 39 сл. Здесь имеются в виду виноград и вино, заготавливаемые впрок. — 353.

¹⁷ Созвездие Арктур, так называемого стража Большой Медведицы (*Hes. Opp. 566—568*), иначе еще называли Волопасом (Боотом) (*Нот.* *Od. V 272*). — 353.

¹⁸ Штраф вносится в храм Диониса. — 353.

¹⁹ Ср. строгую регламентацию ремесел в «Государстве», где каждый должен владеть только одним ремеслом, но зато хорошо (*II 370b—c; III 394e*). — 356.

²⁰ Закон о совместном столе. — 357.

²¹ Колония, о которой идет речь, устраивается на древней земле магнетов, выходцев из Фессалии. — 358.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

¹ Здесь метафора, происходящая от поверья, что семя, при посеве попавшее на рог вола, становится таким же твердым. См. у Теофраста (*De causis plant. IV 12. 13 Wimmer*). — 363.

² Ср. с унижительными наказаниями законодателя Харонда. Вместо смертной казни он предписывал одевать мужчин в женское платье

и заставлял их сидеть три дня на площади для всеобщего осмеяния и позора. — 365.

³ Платон явно противопоставляет ученого и философствующего врача, какими были, например, Эриксимах и его отец Акумен (см. т. 2, прим. 17 к диалогу «Пир»), врачу-эмпирику. Первый лечит человека в целом, второй видит лишь какое-то отдельное заболевание. Первый обладает свободно рассуждающим умом, второй рабски зависит от опыта. — 368.

⁴ Мнимая мудрость (букв. *δόξα σοφίης*) — то, что Платон именует «мнением» в отличие от истинного знания (*ἐπιστήμη*) и против чего он постоянно борется. Ср. т. 1, прим. 44 к диалогу «Менон». — 376.

⁵ Платон освобождает от наказания преступника, нарушившего закон в безумии или болезни, и довольствуется возмещением вреда, т. е. пеней и религиозным очищением.

В архаической Греции и без смягчающих обстоятельств даже за убийство было достаточно пени. У Гомера читаем:

Ведь даже и брат за убитого брата
Вознагражденье берет, и отец за умершего сына!
И средь народа убийца живет, заплатив сколько нужно.
Пеню же взявший, и мстительный дух свой и гордое
сердце —
Все укрощает.

(Ил. IX 632—636. Пер. В. Вересаева). — 378.

⁶ Об очищении в храме Аполлона Дельфийского и недостаточности этого ритуала в случае преднамеренного убийства см. *Эсхил. Эвмениды*. — 379.

⁷ Ср. *Гомер. Ил. XXIV 480—484*, где убийца внушает ужас тем, с кем он встретился. — 380.

⁸ Об изгнании убийцы читаем у Эврипида:

Нет, хорошо придумали отцы:
Как человек запятнан кровью, встречи
Он должен избегать и не позорить
Согражданам глаза, сначала пусть
Очистится изгнанием.

(«Орест», 512—516. Пер. И. Анненского). — 380.

⁹ *Метек* — свободный иностранец, долгое время живущий в Афинах, но ограниченный в правах. Например, метеки не имели в собственности земли, однако несли военную службу и повинности. В Спарте же метекам оседлость не позволялась (*Хер. Лас. пол. XIV; Плут. Лус. XXVII*). — 380.

¹⁰ Наказание смертью, см. выше, 866с. — 383.

¹¹ Ср. беспощадность Афинского законодателя к убийце родителей и трактовку этой темы у греческих трагиков, особенно у позднейшего из них, Эврипида (в «Оресте»), у которого мудрый Гиндар

осуждает «кровавую цепь» убийств, когда вместо судьи над убийцей появляется палач. «... Убийцы не убивай. Иначе загрязнен всегда один последний мститель будет» (516 сл.). — 385.

¹² *Блостительная правда* — Дика — богиня справедливости. О ней Платон говорит не раз. — 389.

¹³ В трагедии Эврипида «Орест» граждане решают голосованием судьбу Ореста и Электры, убивших мать: «Камнями побить иль не побить» (442). — 390.

¹⁴ Интересно рассуждение Аристотеля о самоубийце, который, убивая себя «против веления истинного разума», чего не дозволяет закон, совершает преступление «против государства, а не против себя... поэтому-то его и наказывает государство» и налагает на него «известного рода бесчестие» (*Ethic. Nic. V 15, 1138a 9—14*). — 390.

¹⁵ Ср., например, мнение Плутарха, который считал «нелепыми» аттические законы Солона о женщинах, включавшие убийство любовника жены или штраф в 100 драхм за похищение и изнасилование свободной женщины (*Sol. XXIII*).

См. также знаменитую речь Лисия «Об убийстве Эратосфена» (I). Муж, убивший любовника жены, оправдывает себя, ссылаясь на старинный аттический закон. — 391.

¹⁶ Ср. вышеизложенные рассуждения Платона о наказаниях и книгу V «Никомаховой этики», посвященные выработке определения справедливости и несправедливости в плане частном и государственном. — 392.

¹⁷ У Эврипида Гермiona призывает Зевса — покровителя родственных связей (*Androm. 921*), а у Аристофана к нему зывает раб Ксанфий (*Ran. 750*). — 401.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

¹ Сократ в «Меморабилиях» Ксенофонта напоминает своему собеседнику, что государство подвергает наказанию и «не допускает к занятию государственных должностей» тех, «кто не почитает родителей». «Если кто не украшает могил умерших родителей, и об этом государство производит расследование при испытании должностных лиц» (II 2, 13). — 402.

² Ср. этот воображаемый диалог с разговором Сократа и Законов в «Критоне» (т. 1, прим. 12 к диалогу «Критон»). — 404.

³ Доказательство бытия богов в данном месте можно сравнить с рассуждением Протарха в «Филебе» (28e), где он чувственно представляемый мир с солнцем, луною и звездами считает вполне достаточным для признания этого бытия.

Подобную же аргументацию народного верования находим у эпикурейца Лукреция: люди стали верить в богов,

Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
День и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя...
(V 1189—1191. Пер. Ф. Петровского)

Известны также знаменитые строки Цицерона о том, что всякий раз, «как мы смотрим на небо и созерцаем небесные явления», мы не можем «не почувствовать внутренне, что есть существо, превосходящее всех совершенством своего разума, которое всем этим управляет» (De nat. deor. II 2). В «Тускуланских беседах» Цицерон еще раз повторяет: «Мы верим в существование богов, потому что нет ни одного столь дикого народа, нет никого столь грубого из всех людей, чтобы представление о богах не завладело его умом» (I 13, 30). — 404.

⁴ Здесь, возможно, противопоставляются Афины Спарте и Криту (как это очень часто встречается в «Законах»). Однако, по мнению некоторых, это место надо понимать более отвлеченно, а именно «в другом духовном мире». — 404.

⁵ Имеется в виду поэма Гесиода «Теогония». — 405.

⁶ Критика гомеровского и гесиодовского представления о богах — у философа-досократика Ксенофана (В 11, 12 D.). См. т. 2, прим. 24 к диалогу «Софист». — 405.

⁷ Имеется в виду учение Анаксагора об Уме, которое не раз упоминается Платоном. См. т. 1, прим. 19 к диалогу «Горгий». — 405.

⁸ Ср. «Пир» (220d), где Сократ размышлял всю ночь до восхода Солнца, а потом, «помолившись Солнцу, ушел». — 407.

⁹ Взгляд, впоследствии широко распространенный в эпикуреизме с его междумириями, где обитают боги, независимо от мира. — 407.

¹⁰ *Некоторые* — философы-досократики, так называемые натурфилософы. О происхождении всего из природы см. т. 2, прим. 23 к диалогу «Софист». О «случае» и «самопроизвольности» там же, прим. 43. О соотношении природы (φύσις) и случая (τύχη) в историческом плане см. Л. Тахо-Годи. Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии. — «Вопросы классической филологии», 1971, № 3–4, стр. 217–272. — 408.

¹¹ *Мудрые люди* — те же натурфилософы. — 408.

¹² Ср. о подражательности искусства, а значит, и о его меньшей значительности т. 2, прим. 16, 18 к диалогу «Софист». — 408.

¹³ Ср. «Тимей» (38e) о телах в космосе, связанных «одушевленными узлами». — 408.

¹⁴ Ср. происхождение космических тел и времени в «Тимее» (38c–39c), где они связаны с деятельностью демиурга, а не «природы» и «случая», по учению досократиков. — 409.

¹⁵ Имеются в виду взгляды софистов с их апологией искусства, мастерства, сноровки человека. См. т. 1, «Горгий» (448c) и прим. 4. — 409.

¹⁶ См. фрагмент сатирической драмы софиста Крития «Сизиф», где рассказывается о примитивной жизни древних людей, установле-

нии первых законов и соответственно веры в божество, наводящее на людей страх и сдерживающее их (88 В 25 D.). Ср. т. 1, прим. 35 к диалогу «Горгий». — 409.

¹⁷ Диоген Лаэртский свидетельствует, что первым учил об этом Архелай, учитель Сократа. У него «справедливое и постыдное существуют не по природе, а по закону» (II 4, 16), т. е. являются вещами относительными, условными, зависимыми от человеческих установлений. У Ксенофонта софист Гиппий говорит Сократу: «А разве можно придавать серьезное значение законам и повиновению им, когда сами творцы их часто отменяют их и переделывают?» (Mem. IV 4, 14). — 409.

¹⁸ Противопоставление природы и закона характерно для софистов. См. т. 1, прим. 14 к диалогу «Гиппий больший», прим. 45 к диалогу «Протагор» и прим. 33 к диалогу «Горгий». — 410.

¹⁹ Ср. т. 1, прим. 25 к «Апологии Сократа», где говорится о том, что в этом же грехе обвиняли Сократа его противники. — 410.

²⁰ Ср. «Тимей» (34с) — о душе, которая старше тела и господствует над ним. — 413.

²¹ См. о семи видах движения т. 3, прим. 43 к диалогу «Тимей». — 417.

²² По Анаксагору, вещи неподвижны, пока их не приведет в движение Ум (например, В 12, 13), а он, как и платоновский живой космический организм, движет сам себя, так как «он беспределен, самовластен и не смешан ни с какой вещью, но пребывает один сам по себе» (В 12). — 417.

²³ Огонь как первоначало — у Гераклита, а вода — у Фалеса. См. также выше, прим. 10. — 418.

²⁴ О самодвижущей и вечной душе см. «Федр» (245с—е): «Вечнодвижущееся бессмертно. . . Только то, что движет само себя, раз оно не убывает, никогда не перестает и двигаться, и служить источником и началом движения для всего остального, что движется».

Аристотель пишет о том, что «познание души может дать много нового для всякой истины, главным же образом для познания природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ» (De anim. I 1, 402a 4—6).

Стойчески настроенный Цицерон также рассуждает о вечности того, что постоянно движется, не имея ни начала, ни конца движения. То, что «само собой движется», не может «ни работать, ни умереть», а само это и есть не что иное, как душа, и притом, конечно, вечная, сознающая, что она «движется своею, а не чужою силою». Любопытно, что Цицерон, подбирая аргументацию вечности и самодвижности души, полагает, что «плебейские философы», т. е. те, которые не соглашались с Платоном, Сократом и их последователями, «не только не изложат ничего так точно, но даже этого самого, хоть оно просто изложено, не поймут» (Tusc. disput. I 23). — 419.

²⁵ В «Тимее» Платона сам Тимей, излагающий учение о косми-

ческой душе и демиурге, решительно утверждает его благость, боясь помыслить о том, что он может не быть благим (29а). Сам же космос, или космическая душа, тоже один живой организм (30d), созданный по образу творящего (31а–b). Таким образом, представление о двух душах, или демиургических началах, из которых одно благое, а другое противоположно ему, противоречит «Тимею».

Плутарх в трактате «Об Изиде и Озирисе», рассматривая религии восточных народов — халдеев, персов, египтян, полагает, что «самые мудрые из них» (40) признавали два принципа в основе мира. В связи с этим он излагает учение Зороастра о мировой борьбе блага — Ормузда и зла — Аримана. В подтверждение своей мысли Плутарх приводит доказательства из греческой философии (48). Он перечисляет Эмпедокла с его Любовью и Враждой, Гераклита с его Войной — отцом всех вещей, пифагорейцев с их оппозициями, Анаксагора, у которого есть благой Ум и дурная бесконечность — апейрон. Здесь же находит место Платон, обычно, как отмечает Плутарх, скрывающий свои взгляды, но все-таки признающий одно неизменное — благое и другое — изменяемое, злое. Однако в «Законах» Платон «без загадок и аллегорий» приходит к выводу о мире, управляемом доброй и злой душой, помещая между ними третью субстанцию, находящуюся всегда под влиянием этих двух мировых душ и выбирающую лучшую из них. На этом основании Плутарх сближает философию Платона с египетской теологией. Климент Александрийский со своей стороны полагает, что намек языческой философии на «дьявольское, демоническое начало заключается в учении о злой душе в десятой книге “Законов” Платона» (Strom. V 14, 92, 5–6 St.-Früch.). — 421.

²⁶ Ср. «Тимей» (34b) о душе, вложенной демиургом во вселенную, и о душах, которыми он наделил все светила (41d–e). — 423.

²⁷ Ср. «Тимей», где весь космос наполнен богами (38с, 40d–41b). По свидетельству же Аристотеля, еще Фалес высказал мысль о том, что «все полно богов» (А 22 D.), причем эту же мысль Фалеса подтверждает Аэций: «Бог есть разум мира, вселенная же одушевлена и вместе с тем полна демонов» (А 23 D.). — 424.

²⁸ См. выше, прим. 9. — 425.

²⁹ Ср. «Работы и дни» Гесиода, где «боги и люди» негодуют на тех, кто «праздно жизнь проживает, подобно безжальному трутню» (303 сл.). — 427.

³⁰ Ср. «Тимей», где бог сам именуется демиургом, т. е. ремесленником, мастером (28с) и даже строителем (29а). — 429.

³¹ Гомер. Од. XIX 43. — 432.

³² О судьбе души в связи с мировой справедливостью см. т. I, прим. 82 к диалогу «Горгий». — 432.

³³ *Софронистерий* — само название тюрьмы (*σώφρων* — «разумный») указывает на заключение с целью вразумления тех, кто совершил преступление не по злому умыслу, а по невежеству. — 426.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

¹ Имеется в виду Солон, который требовал наказать смертью всякого покусившегося на чужое (Diog. L. I 57). — 441.

² Схолиаст к этому месту поясняет, что это может быть Артемиды, или Селена, освещающая дороги ночью, или Аполлон-Агией, «Уличный», дающий свет днем, а может быть, Гермес — проводник путников. Однако Селена-Луна, как известно, отождествлялась с Гекатой-Тривией, «Владычицей перекрестков», так что, возможно, здесь имеется в виду эта последняя. — 441.

³ Священная болезнь — эпилепсия. — 444.

⁴ На это место Платона и на авторитет Пифагора и Сократа ссылается Климент Александрийский (Strom. V 14, 99, 1—3. St.-Früch.), признавая необходимость запрещения клятв. — 446.

⁵ Агораномий — помещение, где собираются агораномы. — 446.

⁶ Астиномий — помещение, где собираются астиномы. — 447.

⁷ Гефест — покровитель ремесленников, а особенно кузнецов. О его художественных работах у Гомера (Ил. XVIII 369—615 — щит Ахилла), Гесиода (Theog. 578—584 — венец Пандоры), Аполлония Родосского (III 215—235 — дворец, источники, медные быки, железный плуг).

Афина — Эргана, «Работница» (Paus, I 24, 3), почиталась вместе с Прометеем в Академии (I 30, 2). Софокл писал о «рабочем люде, что грознолицой дочери Зевса Эргане» молится (фр. 760 N.-Sn.). — 451.

⁸ Арес — бог войны, покровитель воинов, настолько срastaется с представлениями о кровавых сражениях, что даже отождествляется с копьем, несущим смерть (Ил. XII 442—444) или самой битвой (Aesch. Agam. 78). Мудрая Афина — покровительница героев, со своей стороны дает воинам разумность в защите государства (ср. Anth. Pal. XV 157 Beckby — об Афине Тригоении, которая «мощно хранит» детей города Кекропса). См. т. I, прим. 40а к диалогу «Кратил». — 451.

⁹ Зевс Полиух — букв. «градодержец», или Полией («Городской»), как и Афина-Полиада, Полиухос — «Градозащитница» (Ил. VI 305 — ἐρσιπτολις) — покровители государственности. — 451.

¹⁰ Имеется в виду надпись на дельфийском храме: «Познай самого себя». См. т. I, «Протагор» (343а—b и прим. 55). — 454.

¹¹ Отзвуки этого обычая можно найти в знаменитой легенде о Софокле, обвиненном в безумии своим сыном и оправданном судом. Поздний ритор и юрист Квинтилиан подтверждает, что по закону сын может только в том случае обвинить отца, если «причиной будет слабоумие» (VII 4, 10). — 463.

¹² См. Софокл, «Эдип в Колоне», где изгнанный слепой Эдип проклинает своих сыновей Этеокла и Полиника (421—460). — 465.

¹³ В «Илиаде» Гомера (444—480) старый *Феникс* рассказывает о своем отце *Аминторе*, проклявшем его в давние годы после того, как сын вмешался в распрю между отцом и матерью, задумав убить отца, а затем бежал из дома.

Тесея, обманутый женой, проклял *Ипполита*, погибшего страшной смертью. См. трагедию Эврипида «Ипполит». — 465.

¹⁴ В ответ на проклятие Аминтора и его обращение к Эриниям ему помогли Зевс Подземный и Персефона (Ил. IX 457).

Посейдон губит Ипполита, помогая Тесею. Алфея молила о смерти своего сына Мелеагра Аида, Персефону и Эринию, которая «просьбу ее услышала в Эребе» (Ил. IX 565—572). — 465.

¹⁵ О колдовстве и ворожбе см. *Феокрит*. Идиллия II («Колдуньи»), *Аполлоний Родосский* (III 844—868 — Медея готовит зелье Язону), *Вергилий*. Буколики (VIII 62—101 — заклятия, обращенные к Дарнису). — 468.

¹⁶ *Фемида* — богиня правосудия, которая некогда, еще до Аполлона, владела Дельфами и была дочерью Геи-Земли (*Aesch. Eum.* 1—8). Фемида даже отождествлялась с Геей-Землей, имея, однако, «один образ под множеством имен» (*Aesch. Prom.* 209 сл.), — 472.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

¹ Имеется в виду гомеровский гимн III «К Гермесу», сюжетом которого является воровство и обманы ловкого мальчика, сына Зевса и Майи, Гермеса. — 475.

² Осуждение безначалья находим у Софокла:

А безначалье — худшее из зол.
Оно и грады губит, и дома
Ввергает в разоренья, и бойцов,
Сражающихся рядом, разлучает.
Порядок утверждён повиновеньем.
Нам следует поддерживать законы...

(«Антигона», 672—677. Пер. С. Шервинского). — 477.

³ У Гесиода читаем о справедливости Дики:

Есть еще дева великая Дика, рожденная Зевсом,
Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.
Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,
Подле родителя-Зевса немедля садится богиня
И о неправде людской сообщает ему.

(«Работы и дни», 256—260. Пер. В. Вересаева). — 478.

⁴ См. *Гомер*. Ил. (XVI 793—800 — Аполлон сбивает шлем с головы Патрокла, сына Менетия. XVII 125—127 — Гектор снял с Патрокла доспехи).

Доспехи Ахилла были подарены богами Пелею в день его свадьбы с Фетидой (Ил. XVIII 83—85). — 479.

⁵ Ср. признание поэта Архилоха, наемного воина, ничуть не смущенного тем, что он бросил свой щит (см. выше, прим. 5 к кн. IV).

Геродот (V 95) сообщает, что поэт Алкей спасся бегством в битве, а оружием его завладели афиняне и повесили его в храме Афины.

Алкей, не замечаясь, описал этот случай в стихах и послал другу (Фр. 49). — 479.

⁶ Схолиаст сообщает о фессалийце *Кенее*, бывшем некогда девушкой Кенидой и превращенном в мужчину Посейдоном. Эта история рассказана Овидием в «Метаморфозах» (XII 189—209), где Кенида превращена в мужчину по собственной воле и притом Посейдон даровал ей неуязвимость. — 480.

⁷ *Евфины* — 10 должностных лиц в Афинах, проверявшие денежные отчеты в государстве. Греч. εὐθύνη — отчет. — 480.

⁸ *Гелиос* — сын титана Гипериона (*Hes. Theog.* 371—374), бог-Солнце, с которым позднее отождествляли Аполлона. — 481.

⁹ *Феория* — священное посольство. Например, известны феории, посвященные Аполлону, на о-в Делос. См. т. 1, прим. 1 к диалогу «Критон», а также «Федон» (58a—c). — 483.

¹⁰ *Пифия* — пророчица в Дельфийском храме Аполлона. — 483.

¹¹ Блаженным после смерти считается добродетельный и безупречный человек.

Ср. у Гесиода об умерших людях серебряного века:

После того, как земля поколенье и это покрыла,
Дали им люди название подземных смертных блаженных.
(«Работы и дни», 140 сл. Пер. *В. Вересаева*). — 483.

¹² *Радамант* — см. т. 1, прим. 52 к «Апологии Сократа». — 484.

¹³ См. у Гесиохия Александрийского и лексикографа Суды о Радамантовой клятве (v. Ῥαδάμανθυος ὄρκος). — 484.

¹⁴ Здесь *феор* — блюститель законов. В Мантинее, например, феоры принимали договорные клятвы верности (Thuc. V 479). — 488.

¹⁵ В *Олимпии* (долина реки Алфея в с.-з. части Греции, Элиде) была роща, посвященная Зевсу, его храм со статуей работы Фидия (*Paus.* V И) и стадион, где происходили Олимпийские игры (*Paus.* V 7, 6—10) и где некогда победителем оказался сам Аполлон (V 7, 10).

В *Немее* (долина в пределах Арголиды в Пелопоннесе) находилась роща Зевса с его святилищем и праздновались игры, основанные семью вождями во время их похода на Фивы.

На *Истмийском* перешейке были роща и храм Посейдона и устраивались игры, основанные Тесеем (*Plut. Thes.* 25).

В Олимпии победителей увенчивали венком из маслины, в Дельфах — лавром, в Немее — венком из сельдерея, а на Истме — сосновым венком (*Paus.* VIII, 48, 2). — 488.

¹⁶ Греч. «закон» (νόμος) и «ум» (νοῦς) близки по звучанию. — 497.

¹⁷ Героический стих — гекзаметр — шестистопный дактиль с усеченной последней стопой. Им писались героические поэмы. — 498.

¹⁸ Солон, например, издал закон, запрещавший женщинам вопли и причитания по покойникам и хождение на чужие могилы кроме как в день похорон (*Plut. Sol. XXI*). — 500.

¹⁹ Ср. у Эврипида, где Гекуба именуется своего сына «единственным якорем» («Гекуба», 80). — 502.

²⁰ О видах добродетели ср. т. 1, прим. 32 к диалогу «Протагор» и прим. 8 к диалогу «Менон». — 506.

²¹ См. выше, прим. 6 к кн. X. — 510.

²² См. выше, прим. 7 к кн. X — 510.

²³ Ср. т. 3, ч. 1, «Государство» (X 607c) и прим. 12. — 511.

²⁴ См. выше, прим. 20 к кн. X. — 511.

²⁵ По схоластику, это поговорка из комедии Ферекрата «Человекомуравьи». Основана на том, что в игре в кости трижды шесть свидетельствует о «полной победе». — 512.

ПОСЛЕЗАКОНИЕ

ЧИСЛОВАЯ МУДРОСТЬ В ДИАЛОГЕ «ПОСЛЕЗАКОНИЕ»

Среди рукописей Платона мы находим диалог под именем «Послезаконие», который является как бы XIII книгой «Законов». Подлинность этого диалога достаточно подтверждается существующими в науке исследованиями его стиля и языка. И если исходить из непосредственного впечатления от этого «Послезакония», то нет никаких оснований сомневаться, что автор его — Платон. Этому мешают, однако, более поздние источники, откуда мы вообще черпаем наши сведения о жизни и творчестве Платона. Источники эти колеблются, и Диоген Лаэртский, например, приписавший этот диалог Платону на основании предыдущих и весьма авторитетных его издателей, в то же самое время указывает на существование мнения о том, что автором этого диалога был ученик и друг Платона, редактор его недоработанных «Законов» Филипп Опунтский (более точные сведения об этом приводятся ниже, во вступлении к комментариям).

Что касается большинства современных исследователей (включая и автора этих строк), то они считают, что и по своему содержанию, и по своей форме «Послезаконие» является либо произведением самого Платона, либо произведением кого-то из платоновского окружения, и невозможно трактовать этот диалог как отступающий от платонизма в каком-либо отношении.

КОМПОЗИЦИЯ ДИАЛОГА

I. Индуктивное рассуждение о необходимости высшей «сущностной» (δυνάμις) мудрости (973a—976c)

1. После всего, что сказано в «Законах», остается последняя задача *определения мудрости* (973a—b).

2. *Необычайная трудность для смертного человека достигнуть мудрости* (973b—974d). а) Счастье и мудрое блаженство — удел очень немногих (973b—c). б) Краткость человеческой жизни и ее заполненность заботами (973c—974a). в) Наличие обманчивого знания, уводящего от истинной мудрости (974b—d).

3. *Техническое знание и умение не есть мудрость* (974e—976d). а) Устарелость и отсталость в настоящее время примитивного и первичного вида человеческой мудрости (974e—975b). Мудростью нельзя назвать также и б) земледелие (975b), в) зодчество (975b—c), г) охоту (975c), д) изобразительные искусства (975d), е) военное дело (975e), ж) медицину (976a), з) искусство кораблевождения (976a—b); и) непричастна мудрости и природная одаренность (976b—c).

II. Высшая «сущностная» мудрость есть наука о числе (976c—979e)

1. а) Наука о числе более делает человека мудрым (976c—e). б) Божественное происхождение науки о *числе* (976e—977b), в связи с чем число в свою очередь подводит человека к постижению *неба* (977b).

2. Без науки о числе немислима подлинная добродетель (977c—d), тогда как, наоборот, все остальные искусства, а также справедливость, благо и красота нуждаются для своего обоснования в науке о числе (977d—978b).

3. Числу, которое доступно из всех живых существ лишь человеку (978c), этот последний научается из наблюдения смены дня и ночи и других астрономических явлений, происходящих строго ритмически и упорядоченно и влияющих на основные события земной жизни людей (978c—979b).

4. Еще раз о простоте и возможности приобретения всех видов технической мудрости, кроме истинной «сущностной» мудрости (979c—e).

III. Ступени восхождения в числовом познании мира и божественность осмысленного числом космоса (980a—986a)

1. *Повторение положений «Законов» о необходимости почтить богов, о хороводном веселье и старшинстве души над телом* (980a—981a).

2. *Неравномерное распределение в мире пяти видов объемных тел, из которых вылеплен весь мир*: в мире людей преобладает земля, а в области видимых богов (неба с его небесными телами, которые рассматриваются как живые существа) — огонь (981b—982a).

3. а) *Беспорядочное движение предметов и явлений земного мира не может быть признаком разумности*, каковым является постоянное равное самому себе хороводное действие небесных живых существ (982a—e). б) *Огромность* (983a), *божественность* (983b) и *одушевленность* (983c) небесных тел.

4. *Опровержение механистических теорий космического движения и подтверждение красоты, одушевленности и божественности небесных тел на основании учения о самодвижении души* (983d—984a).

5. *Промежуточные* (между земными и божественными) *космические тела* (984b—d), среди которых в том или ином порядке должны занять места: а) *звезды* (984d), б) *вещие гении*, носящиеся легким движением по земле и всему свету (984e—985a), в) *полубоги* (985b).

6. *Необходимость для государства признания и почитания всей этой иерархии одушевленных существ* (985c—986a).

IV. Астрономия как опора и источник благочестия, главной человеческой добродетели и высшей мудрости правителей государства (986a—992e)

1. а) В небе есть *восемь сил* (Солнце, Луна, неподвижные звезды, пять планет), созерцание которых способно возвысить человека к добродетели при жизни и благому существованию после смерти (986a—e). б) Описание этих небесных сил с указанием места их исторического обнаружения — Египет, Сирия (987a—d). в) *Эллины* — законные и достойные наследники учения о космических богах. Не следует думать, что смертная судьба человека исключает необходимость пристального внимания к божественным делам (987d—988c), тем более что принципиальное первенство духовного над телесным несомненно (988c—e).

2. а) *Главнейшая область добродетели — благочестие* (988e—989b). б) Наличие особо одаренных человеческих существ, способных вести за собой менее совершенные натуры, и необходимость божественного руководства для воспитания первых (989c—d). в) Астрономия есть именно та наука, которая способна осуществить это необходимое божественное руководство (989d—990b).

3. *Порядок усвоения космической божественной природы*: а) наблюдение небесных тел (990c), б) представление о числе, чете и нечете (990c), в) геометрия (990d), г) стереометрия (990e), д) арифметические и геометрические прогрессии (990e—991b), е) созерцание зримой божественной природы (991b) — все это при постоянном сопоставлении частного с общим (991c) и при убеждении в старшинстве души над телом (991d).

4. а) Всякое восприятие частного числового соотношения или определенного гармонического соединения должно по аналогии наводить правильно воспитанного человека на все круговое перемещение звезд в целом (991d—e) с обнаружением естественной связи всех охватываемых числом явлений, в противном случае никакие природные дарования не способны принести блаженство (992a). Наоборот, следование этому правилу обеспечивает истинное счастье, мудрость и цельность человеческого существа и целого государства (992b—d). б) Людям, достигшим наибольшей опытности в божественной астрономии, и надлежит предоставлять главные посты в государстве, равно как и членство в Ночном собрании (992d—e).

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ДИАЛОГУ

1. Независимо от авторства «Послезакония» необходимо сказать, что этот диалог во всяком случае является так или иначе *завершением* «Законов». Дело в том, что в «Законах» Платон был слишком увлечен построением законодательства своего идеального государства и обоснованием этого законодательства. В этом диалоге он очень мало касался своей любимейшей темы — теоретической мудрости. Ведь тема эта характерна почти для каждого диалога Платона и тем самым для всего его философского творчества. Уже одно то, что в «Послезаконии» рассматривается вопрос о теоретической мудрости, свидетельствует о том, что его надо считать либо введением в «Законы», либо их заключением, либо одной из книг этого диалога.

2. Что же это за мудрость? Вполне уверенно, сознательно и безоговорочно эта мудрость объявлена *числовой*. Мудростью является здесь уже самая простая арифметика, поскольку она есть учение о числах, а без чисел не может быть никакого расчленения предметов и никакого их объединения, т. е. и никакого их познания. Эта мысль уже не раз встречалась в произведениях Платона; и, в сущности говоря, на теории чисел построены важнейшие концепции, содержащиеся в таких основополагающих диалогах Платона, как «Государство» (VII 521c—530c), «Филеб» (16c—e, 17c—d), «Тимей» (35b—37c) и «Законы» (V 746e—747c). Поэтому здесь нет ничего удивительного, новым же является лишь то, что этому посвящен целый диалог и что теория чисел разрабатывается систематически. Число здесь решительно трактуется универсально. Числами объявлены отдельные вещи и предметы, отдельные тела и души, герои и гении, небесный свод и управляющие им боги.

Имеются сведения и о том, что теория чисел — это вообще последняя платоновская форма учения об идеях и что первая платоновская Академия, которую после Платона возглавил его племянник Спевсипп, вначале вообще проповедовала вместо идей учение о числах. На основании разных сведений можно даже реконструировать этот последний период развития платоновского учения об идеях, что мы

и сделали в одной из своих ранних работ по античной философии*, назвав этот период аритмологическим. В диалоге «Послезаконие» это выступает с полной очевидностью, так что и вся мудрость, доступная человеку, трактуется как числовая.

Небезынтересно заметить, что в этом диалоге отсутствует даже сам термин *ιδέα*. Что же касается другого платоновского термина для «идеи», то этот термин (*εἶδος*) встречается только один раз, и то в формально-логическом смысле деления на роды и «виды» (990e). Термин *μίμημα*, т. е. «подражание» или «воспроизведение», тоже не имеет в диалоге никакого философского смысла, а имеет смысл либо бытовой, либо художественный (975d).

3. Можно пойти еще дальше. Во всех, даже самых элементарных, учебниках истории античной философии можно прочесть, что число как первопринцип всего сущего выдвинули еще пифагорейцы по крайней мере лет за 200 до Платона. По источникам можно проследить, как первоначально это число трактовалось у пифагорейцев вполне вещественно и материально, как постепенно его начали отделять от материальных вещей и, наконец, как его стали понимать в виде созидательного принципа всего сущего. Впрочем, имеется одно основательное исследование, а именно Э. Франка, которое доказывает, что развитого учения о числе как о первопринципе раньше Древней Академии вообще не существовало. Разумеется, входить здесь в подробности историко-философского исследования было бы неуместным. Но во всяком случае ясно одно: самым ярким и систематическим образом учение о числе как первопринципе и даже о числовой сущности самой идеи представлено в творчестве позднего Платона и в Древней Академии.

4. Можно спросить себя и о внутренней значимости этой смысловой модификации платоновского учения об идеях. Числовая тенденция, повторяем, была у Платона и раньше. Но чем объясняется то, что в самый зрелый период учения об идеях эти идеи вдруг были объявлены числами? Это можно объяснить двумя причинами: имманентно-философской, с одной стороны, социально-исторической и общекультурной — с другой.

То, что платоновская идея трактовалась раньше у Платона как предел содержательной полноты, — это ясно, и об этом много говорилось раньше. Но когда содержательная трактовка идеи была исчерпана, оставалась еще ее структура, хотя и неотделимая от содержания, но тем не менее отличимая от него. Подобно тому как у Гегеля качество, дойдя до своей последней полноты, когда уже больше некуда двигаться, начинает дробиться внутри себя самого, откуда и получается уже количество, вполне «равнодушное» к своему качественному содержанию, так и у Платона совершается естественным обра-

---

* Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Т. 1. М., 1930. С. 592—608.

зом переход от идеи как предельно качественного заполнения к идее как структурно-числовой конструкции. Это завершение платоновского объективного идеализма не может вызывать никакого сомнения; и «Послезаконие» может считаться прекрасной иллюстрацией этого перехода платоновской идеи в платоновское число, хотя, повторяем, и без «Послезакония» мы обладаем достаточным количеством разного рода источников, свидетельствующих об этом переходе.

5. Очень важно и, пожалуй, даже еще важнее не просто имманентно-философское объяснение числового периода в развитии платоновского идеализма, но объяснение *социально-историческое*.

Следует иметь в виду, что Платон жил и творил в *рабовладельческий* период человеческой истории.

Точное и научное определение класса дается в марксистско-ленинской теории в связи с определенным состоянием производительных сил и производственных отношений. Общее понятие класса основоположники марксизма-ленинизма считают необходимым специфицировать для каждой отдельной эпохи человеческой истории, для всех социально-экономических формаций и отдельных этапов их развития. Классы получают свою характеристику в связи с социальным развитием народов, в связи с наличием в общественной жизни остатков предыдущих социально-экономических систем и в связи с ростками будущего, а также в связи с весьма гибкими и тонкими видоизменениями исторического развития в различные эпохи. Так, античный раб был не только бездушным механизмом, который приводится в движение рабовладельцем, и не просто домашним животным. Античный раб порою мог быть учителем и воспитателем, мог писать и издавать свои труды. Рабы служили блюстителями порядка, бывали врачами, охраняли личные и общественные ценности и т. д. В эпоху греческой классики основной экономической единицей, по Марксу, был мелкий частный свободный собственник, так что рабы могли здесь играть лишь сравнительно ограниченную роль, к тому же рабовладение развивалось главным образом в Аттике. Подневольные илоты в Спарте и пенеты в Фессалии были не столько рабами, сколько крепостными.

Все эти обстоятельства, и в особенности весьма интенсивные остатки общинно-родовых отношений, смягчали положение раба в античности. Тем не менее внеличностное понимание человека все же является одной из самых глубоких характеристик античного общества. Даже философы, взывавшие к духовной значимости человека, понимали этот дух весьма абстрактно. Как мы видели в «Федре» (247с—248е), Платон говорил с «эротическим» энтузиазмом просто об отвлеченных идеях, взятых в качестве субстанции (справедливость-в-себе, знание-в-себе и т. д.).

Спрашивается теперь, как же античный объективный идеализм в своем классическом развитии должен был понимать свои вечные и божественные идеи, если он их почти лишал конкретного жизненного содержания? Как он должен был квалифицировать свои вечные идеи,

рассматривая их в виде порождающих моделей решительно для всего сущего? *Число*, или идея как число, — вот что было последним словом объективного идеализма периода зрелой греческой классики, когда он хотел довести свои первопринципы до предельного обобщения. Ведь число, лишенное всякой качественности или равнодушное к ней, как раз и есть тот первопринцип, который лишен и всякого личностного, и всякого «душевного» содержания. Поэтому весьма характерно, что философия Платона, достигшая своего предельного развития, заканчивалась учением о вечных и божественных идеях как о числах. Подлинная философская мудрость есть мудрость числовая.

Поэтому необходимо отметить, что последнее произведение платонизма периода греческой классики, а именно «Послезаконие», имеет своей главной темой учение о предельной мудрости как о мудрости только числовой. Платон остался до последних дней сыном своего века, древнегреческого рабовладельческого общества, и притом в период его зрелой классики.

«Послезаконие» приписывают другу и ученику Платона Филиппу Опунтскому (Diog. L. III 37), хотя тот же Диоген Лаэртский (III, 56, 61, 62) упоминает, что крупнейшие систематизаторы наследия Платона (Аристофан Византийский и Трасилл) признавали этот диалог подлинным. Вполне возможно, что Филипп, издавший «Законы» после смерти Платона, был редактором «Послезакония», развивающего две темы «Законов» (VII 818b—с — о науке, делающей человека мудрым; XII 996b—с — понятие о богах) и оставленного Платоном в незавершенном виде.

¹ Ср. у Софокла:

Что нам долгие дни! Они
Больше к нам приведут с собою
Мук и скорби, чем радостей.
(«Эдип в Колоне», 1215—17. Пер. С. Шервинского)

или:

Не родиться совсем — удел
Лучший. Если ж родился ты,
В край, откуда явился, вновь
Возвратиться скорее.

(там же, 1224—27). — 517.

² Ср. «Тимей» (34а—36е) о числовых законах и соотношениях космоса, который есть не что иное, как божество. — 522.

³ Для Платона с его пифагорейскими симпатиями все выразимо через число. Ср. т. 3, ч. 1, «Государство», прим. 14 к кн. VIII — о брачном числе. — 523.

⁴ Известны «Теогонии» Гесиода, Ферекида Сирского, Эпименида, орфики. — 526.

⁵ Ср. наст. изд., «Законы», прим. 20 к кн. X. — 527.

⁶ Ср. т. 3, ч. 1, прим. 40, 70 к диалогу «Тимей» о геометрическом соотношении элементов и происхождении живых существ. — 528.

⁷ Ср. «Тимей», прим. 57. — 528.

⁸ *Адамант* — см. т. 3, ч. 1, прим. 88 к диалогу «Тимей» и прим. 42 к диалогу «Политик». — 529.

⁹ О *Мойрах* см. т. 3, ч. 1, «Государство», прим. 29 к кн. X и т. 1, прим. 82 к диалогу «Горгий». — 529.

¹⁰ Ср. «Тимей» (40с). — 529.

¹¹ Ср. «Тимей» (40d—41a) — о богах, произошедших от Земли и Неба. — 531.

¹² Противопоставление богов народной религии «богам видимым», звездам и демонам в «Тимее» (41a—42e). — 531.

¹³ О *гениях* («демонах») см. «Апологию Сократа» (27с—е), «Пир» (202d—е). — 531.

¹⁴ Имеются в виду нимфы вод, рек, источников. — 532.

¹⁵ Солнечный и лунный год не одинаковы. — 533.

¹⁶ Ср. «Федр» (246b, 247a—с). — 533.

¹⁷ Ср. т. 3, ч. 1, «Тимей» (38с и прим. 52) — об именах богов-планет. — 535.

¹⁸ Имеется в виду Дика — Справедливость. См. «Федр» (249b) и т. 1, прим. 82 к диалогу «Горгий». — 537.

¹⁹ Ср. *Гесиод*, Работы и дни (383, 571, 597, 609, 615 сл., 619 сл.) — о Плеядах, Сириусе, Орионе, Арктуре.

О видах движения ср. т. 3, ч. 1, прим. 49, 52 к диалогу «Тимей». — 538.

²⁰ *Смешное имя*: слово «геометрия» букв. означает «измерение земли», а на самом деле геометрия имеет дело с фигурами на плоскости. — 539.

²¹ Здесь идет речь о стереометрии, имеющей дело с телами трех измерений. — 539.

²² Ср. учение пифагорейцев о соответствии арифметических чисел и линий на плоскости, где единица соответствует точке, два — линии, определенной двумя точками, четыре — плоскости, определенной четырьмя точками, восемь — трехмерному телу, определенному восемью точками (кубу). — 539.

²³ Платон здесь имеет в виду числа 9 и 8: 9 состоит из $6 + 3$, т. е. $1/2$ числа 6, а 8 состоит из $6 + 2$, т. е. $1/3$ числа 6. — 539.

²⁴ Если человек не обладает правильным пониманием, то, по Платону, ему ничего не остается, как взывать к богу. — 540.

²⁵ Здесь явно учение о восхождении от единичного к общему, родовому. — 540.

²⁶ Имеется в виду изучение законов космоса, неба, движения звезд, открывающих человеку мудрость демиурга, как его понимает Платон в «Тимее». — 540.

ПИСЬМА

Несколько сот лет идет спор о подлинности писем Платона, которые в античности в основном (I—XIII письма) считались подлинными и стали подвергаться большому сомнению начиная с XVII в. Если английские ученые новейшего времени, в частности Дж. Барнет, признают подлинность этих писем Платона, то французские в этом отношении наиболее радикальны, отвергая их почти все целиком. Среднюю позицию занимают немецкие исследователи (например, У. Виламовиц, Э. Ховальд), признающие подлинность VI, VII и VIII писем на основе большого аналитического исследования стиля и языка Платона.

Во всяком случае при любом скептицизме нельзя пренебрегать устойчивой традицией самой античности и тем фактом, что уже в конце III в. до н. э. Аристофан Византийский включил эти письма в перечень сочинений Платона, признав их подлинность.

Судя по современному состоянию вопроса, доверие к письмам Платона все более укрепляется. Они введены, например, в последний немецкий перевод сочинений Платона О. Апелъта.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К «ПИСЬМАМ»

«Письма» Платона отнюдь не являются философским произведением, но скорее носят биографический характер. Некоторые философские намеки, имеющиеся здесь, мы сейчас отметим.

1. Как мы хорошо знаем из прочих произведений Платона, основными принципами его философии являются *единое* (или *благо*), *ум* и *душа*. С этими принципами Платона мы уже имели возможность познакомиться (см., например, о *едином* — RP. VI 508a—510c, об *уме* — Tim. 29e—30a и о *душе* — в разных местах и особенно в Legg. X 891c—899a). Что касается писем, то в них на эту платоновскую триаду имеется только один маловразумительный намек. И говорится здесь, собственно, только о первой ипостаси: «Все тяготеет к царю всего, и все совершается ради него; он — причина всего прекрасного. Ко второму тяготеет второе, к третьему — третье» (II 312e). Если первое начало из указанных здесь еще кое-как характеризуется, то второе и третье оказываются только названными, решительно без всякой характеристики. Поэтому мы и считаем данные слова только намеком на основную платоновскую триаду.

2. Такой же недоговоренностью страдает еще другое место философского характера из «Писем» (VII 342a—e): «Для каждого из суще-

существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само (αὐτῆ) знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе (γνώστόν) и есть подлинное (ἀληθῶς) бытие: итак, первое — это имя, второе — определение (λόγος), третье — изображение (εἰδῶλον), четвертое — знание (ἐπιστήμη)» (342b). Из приводимого тут же пояснения видно, что название предмета есть просто выделение его из всех текущих вещей, определение — то, что «составлено из существительных и глаголов» (например, окружность — кривая и замкнутая линия, все точки которой находятся на одинаковом расстоянии от ее центра), изображение — физическое начертание (например, круга). Познание — ум (νοῦς) и «истинное мнение» (342c—e). Что касается пятой ступени, то Платон много говорит о ее усложненности, недоступности обыкновенным людям, о необходимости специальной философской школы для овладения ею и т. д. Но терминологически этот пункт четко не обозначается. Первые три пункта не требуют специального разъяснения, четвертый пункт, пожалуй, нельзя назвать платоновским термином «эйдос», или «идея», поскольку тут примешивается еще и «истинное мнение», которое в «Теэтете» (181b—201c) критикуется в сравнении с чистой идеей. Что же касается пятого пункта, то это есть либо платоновский умозрительный эйдос, либо, может быть, даже нечто более высокое, а именно то *единое*, которое охватывает все сущее и само выше всякого сущего и всякого познания. Поскольку письма Платона, вообще говоря, не преследуют философских целей, то здесь нечего и требовать от Платона точных философских терминов. Их можно понимать по-разному, и возможное различие их мы сейчас указали.

3. В другом месте мы читаем (343b—c): «Можно бесконечно долго говорить о каждой из четырех ступеней и о том, как они неопределенны. Самое же главное, как мы сказали несколько выше, это то, что при наличии двух вещей — сущности (ὄν) и качества (ποιόν τι) — душа стремится познать не качество, а сущность (τὸ τί), но при этом каждая из четырех ступеней, к которым душа совсем не стремится, предлагает ей словом и делом то, что легко воспринимается всякий раз ощущениями с помощью определения или указания и наполняет, так сказать, любого человека недоумением и сомнением». Из этих слов явствует, во-первых, что свой четвертый пункт в определении знания Платон понимает больше чувственно, чем умственно, или сущностно, и что, во-вторых, тщательно скрывааемый Платоном последний, пятый и самый важный пункт знания, очевидно, есть не что иное, как эйдетическое, идеальное, сущностное познание, которое как раз и не сводится ни к каким чувственным восприятиям. Язык и стиль здесь, несомненно, платоновский, однако выражено все это чрезвычайно кратко и маловразумительно. Впрочем, ведь мы и имеем здесь дело не с философским трактатом, но с письмами.

По-видимому, этим и исчерпывается философское содержание

«Писем», состоящих по преимуществу из биографических и исторических сведений.

I

Письмо считают подложным. Автор его, судя по всему, не знает обстоятельств, изложенных в VII письме.

¹ В рукописях разночтение: в одних стоит Платон, в других — Дион.

Имеется в виду тиран Сиракузский Дионисий Младший (правил с 367 по 343 г. до н. э.), к которому дважды приезжал Платон. См. подробно т. 1, *А. Ф. Лосев*. Жизненный и творческий путь Платона, стр. 33—36. — 545.

² Платон был приглашен Дионисием Младшим в Сиракузы (366 г. до н. э.) для философских наставлений в управлении государством. — 545.

³ Имя вымышленное. — 545.

⁴ *Эврипид*, фр. 956 N.-Sn. — 546.

⁵ Фр. 347 ἀδέσποτος, т. е. принадлежит неизвестному автору. — 546.

⁶ Фр. 8 ἀδέσποτος. D. — 546.

II

Письмо относится ко времени между вторым и третьим посещением Сиракуз или после третьего приезда Платона. Составляет, по Ховальду, одно целое с письмом IV, а по О. Апельту, оно примыкает к письму XIII, одинаково с ним рисуя обстановку в Сиракузах.

¹ *Архедем* — ученик пифагорейца Архита (VII 339a—b — упоминаются оба).

Дион — близкий к Платону государственный деятель, брат жены Дионисия Ст., тирана Сиракуз, на дочери которого он был женат. В 366 г. был изгнан, пытался совершить политический переворот и был убит в результате заговора (353 г. до н. э.).

О нем см. *Плутарх*. Жизнеописание Диона. — 546.

² О *Кратистоле* ничего не известно.

Поликсен — ученик мегарика Бризона, см. письмо XIII 360d. Однако Ховальд считает его лицом вымышленным. — 547.

³ В Олимпии проходило празднество в 364 г. до н. э. — 547.

⁴ Ср. в «Государстве» (VI 489b—c) о том, что владыки должны приходить к дверям мудрецов. — 547.

⁵ *Герон* — тиран Сиракузский (ум. в 467 г. до н. э.), известный своим покровительством искусствам и наукам. Его воспел Пиндар, к нему приезжали Эсхил и Симонид Кеосский.

Павсаний — спартанский полководец, правивший государством до совершеннолетия сына Леонида. Победитель над персами при Платеях (479 г. до н. э.), покоритель Кипра и Византия. Он вступил в конфликт с афинянами, которые заставили его умереть голодной смертью в храме Афины (467 г. до н. э.). — 547.

⁶ *Периандр* — см. т. 1, прим. 2 к диалогу «Гипсий больший». — 509.

Фалес — см. т. 1, там же.

Перикл — см. т. 1, прим. 17 к диалогу «Протагор».

Анаксагор — см. т. 1, прим. 28 к «Апологии Сократа» и прим. 19 к диалогу «Горгий».

Крез — лидийский царь VI в. до н. э., известный своим богатством, но побежденный Киром.

Солон — см. т. 1, прим. 55 к диалогу «Протагор».

Кир — персидский царь VI в. до н. э., прославившийся своими государственным реформами, военными победами и простотой жизни. См. наст. изд., «Законы», прим. 29 к кн. III. — 547.

⁷ *Креонт* — властитель Фив после гибели сыновей Эдипа. *Тиресий* — прорицатель. См. трагедии Софокла «Царь Эдип», «Антигона».

Минос — критский царь. См. наст. изд., «Законы», вступление к примечаниям,

Полид — прорицатель в Коринфе и Аргосе, потомок Мелампа и отец прорицательницы Манто. Помог Миносу воскресить его сына Главка (*Apollod.* III 3, 1—2).

Агамемнон — см. т. 2, прим. 15 к диалогу «Пир».

Нестор — см. т. 1, прим. 19 к диалогу «Гипсий больший»,

Одиссей — см. т. 1, прим. 54 к «Апологии Сократа».

Паламед — см. там же, прим. 53.

Прометей — см. т. 1, прим. 34а к «Протагору».

Зевс — см. т. 1, прим. 83 к диалогу «Горгий», см. трагедию Эсхила «Прометей прикованный». — 547.

⁸ Платон впервые приехал в Сицилию в 389—387 гг. до н. э. — 548.

⁹ Имеется в виду модель небесной сферы. Ср. Цицерон (*Donat. deor.* II, 34, 88) о «шаре, который недавно сделал Посидоний». — 549.

¹⁰ Автор письма как проповедник монотеистически понимаемого демиурга опасается, видимо, навлечь на себя обвинения, которые испытали Анаксагор и Сократ. Его «царь всего» — бог, сотворивший мир по своему подобию; «второе» — вечные идеи, «третье» — душа мира, из которой создаются чувственные вещи. См. т. 3, ч. 1, «Тимей» (28с, 52а—b). — 549.

¹¹ *Дорида* из Локр — жена Дионисия Старшего, которую он взял в жены в один и тот же день с Аристомахой, сестрой Диона, после смерти первой жены, дочери полководца Гермократа. — 549.

¹² Ср. рассуждения автора с критикой мнения «толпы», которую находим в «Апологии Сократа», «Критоне», «Горгий» и других диалогах. Отсюда стремление Платона создать эзотерическую науку для

посвященных и попытка приписать давно умершему Сократу, герою всех диалогов Платона, кроме «Законов», многие опасные в глазах «толпы» мысли. — 551.

¹³ Может быть, это софист Ликофрон, упоминаемый Аристотелем. — 551.

¹⁴ *Филлисион* — врач при дворе Дионисия.

Спевсипп — племянник Платона, живший в Афинах, и его преемник по Академии. — 552.

¹⁵ Возможно, имеется в виду дифирамбический поэт Филоксен (Ael. Var. hist. XII 44), наказанный еще Дионисием Старшим. — 552.

¹⁶ О *Гегесиппе* ничего не известно. — 552.

¹⁷ О *Лисиклиде* ничего не известно. — 552.

III

Письмо, видимо, написано после третьего, и последнего, путешествия Платона в Сицилию (361—360 гг. до н. э.) и перед первым изгнанием Дионисия Младшего из Сиракуз, захваченных Дионом.

¹ Имеется в виду посольство к оракулу Аполлону Дельфийскому. — 552.

² Платона обвиняли в сговоре с Дионом, которого Дионисий изгнал в 366 г. перед приездом философа. — 553.

³ *Филист*, или Филлистий, — известный сицилийский историк и государственный деятель, изгнанный еще Дионисием Старшим, но затем имевший большое значение при дворе Дионисия Младшего. — 553.

⁴ Построение оправдательной части письма напоминает речь Сократа в «Апологии»: те же два вида клеветы и два типа обвинителей. — 553.

⁵ Дион был изгнан благодаря проiscaм Филиста в 366 г. до н. э. и жил в Греции до 357 г., когда он овладел Сиракузами (Diod. XVI 6). — 553.

⁶ Трудно сказать, о какой войне здесь идет речь, так как с Карфагеном Дионисий заключил мир, а война с Луканией (Италия) шла очень вяло и была тоже завершена миром (Diod. XVI 5).

В этом месте речь идет о первом путешествии (366 г.) при Дионисии Младшем, но в общем счете — это второе путешествие Платона в Сицилию. — 554.

⁷ *Коринф* был метрополией, основавшей Сиракузы в 735 г. до н. э. — 555.

⁸ *Гераклид* — полководец Дионисия Младшего, союзник Диона и его соперник, командовавший при нем флотом. Был убит с молчаливого согласия Диона, незадолго до гибели самого Диона.

Феодот — дядя Гераклида. См. *Plut. Dion. XLV*.

Об *Эврибии* ничего не известно. — 556.

⁹ Об *Архедеме* см. прим. 1 к письму II.

Аристокрыт упоминается в письме XIII 363d. — 557.

¹⁰ *Стесихор* — см. т. 2, прим. 25 к диалогу «Федр». — 558.

IV

¹ Письмо, видимо, написано в 357 г. до н.э., когда Дион лишил Дионисия власти. См. *Plut. Dion XXII—XXX*. Интересно, что в подготовке решительных действий приняли участие племянник Платона Спевсипп и ученик Платона Евдем Кипрский (*Plut. Dion XXII*). — 558.

² *Ликург* — см. «Законы», вступление к примечаниям и прим. 1 к кн. I.

Кур — см. прим. 6 к письму II. — 558.

³ См. прим. 8 к письму III. — 559.

V

¹ *Пердикка III* — брат Филиппа II, македонский царь, правил в 365—360 гг. до н.э.; погиб в борьбе с иллирийцами в возрасте немного старше 20 лет.

Письмо, таким образом, написано в промежутке между вторым и третьим приездом Платона в Сицилию. — 559.

² *Эвфрей* с о-ва Евбея — ученик Платона, посланный им как советник к царю Пердикке. Погиб, будучи противником македонской партии Филиппа II. — 559.

VI

Письмо написано в последние годы жизни Платона, так как оно обращено к атарнейскому тирану Гермия, взявшему власть в 351 г. до н.э.

¹ *Гермий* — родом из Вифинии, служил у тирана Эвбула, владевшего городами Атарнеем, Ассом и другими, был его соправителем, а после его смерти тираном Атарнея. Известен своей приверженностью к наукам и искусствам. Был другом Аристотеля, женатого на его племяннице Пифии и посветившего гимн во славу добродетелей Гермия. При его дворе бывали Ксенократ и другие платоники. Погиб в борьбе с персидским царем Артаксерксом III.

Эраст — родом из Скепсиса, близ Атарнея, философ, ученик Платона (*Diog. L. III 46*), друг Гермия. По Страбону, он и Кориск — кратики (*XIII 1, 54*).

Кориск — родом из Скепсиса, как и Эраст. Философ, друг Аристотеля, отец Нелея, ученика Теофраста, передавшего ему свою библиотеку и книги Аристотеля. — 560.

² Вопреки этому утверждению Страбон (*XIII 1, 57*) ошибочно, как это доказано, сообщает, что Гермий слушал Платона в Афинах. — 561.

³ Толкование этого места спорное. Одни (О. Апелът) считают, что здесь идет речь о солнце и высшем божестве (ср. «Государство», VI 508a—509b), другие же (Э. Ховальд) предполагают в этих образах душу мира (см. «Тимей» 37c) и демиурга, создавшего ее (там же, 40a). — 562.

VII

Подлинность VII письма никем не оспаривается. Оно, видимо, написано после гибели Диона в 354 или 353 г.

¹ Платон обращается к сыну Диона *Гиппарху*, молодому человеку около 20 лет, как раз находящемуся в возрасте своего отца, когда Платон с тем впервые познакомился.

Плутарх (Dion. LV) ошибочно сообщает, что сын Диона погиб, едва выйдя из детского возраста. В письме VIII 355e упоминается Гиппарин, взрослый сын Диона. Там же, 356a, есть упоминание о Гиппарине, сыне Дионисия Старшего и Аристомахи, который никак не подходит по возрасту к юному сыну Диона. — 562.

² Платон вспоминает олигархический переворот так называемых тридцати тиранов в 404 г. Одним из главных деятелей этого времени был Критий, дядя Платона. О нем см. т. 1, прим. 22 к диалогу «Протагор». — 563.

³ О взаимоотношениях Сократа и олигархов см. т. 1, «Апология Сократа» (32c—e). — 563.

⁴ Имеется в виду деятельность вернувшегося с демократами Фрасибула. — 564.

⁵ О процессе Сократа см. т. 1, «Апология Сократа», «Критон»; т. 2, «Федон».

Сократ заступился за Леонта Саламинского. См. «Апология Сократа» (32c). — 564.

⁶ Ср. эту мысль Платона с его структурой идеального государства, где управляют философы («Государство»). — 565.

⁷ Дионисий Старший умер в 367 г. до н. э. — 566.

⁸ Возможно, здесь имеется в виду философ-киренаик Аристипп со своей проповедью удовольствия или родственник Дионисия Поликсен. — 566.

⁹ *Мегары* расположены близ Афин. Платон после смерти Сократа проживал там некоторое время. — 568.

¹⁰ См. *Плутарх*. Дион (гл. XIV). — 569.

¹¹ Ср. «Законы» (XI 928d—e). — 571.

¹² У Дионисия Старшего были братья Лептин и Теарид. — 572.

¹³ См. наст. изд., «Законы», прим. 29—32 к кн. III и 695b—с о Дарии и его борьбе за престол. — 572.

¹⁴ *Гелон* — тиран Сиракуз с 491 г. до н. э. В 480 г. у Гиммеры разбил карфагенян, напавших во главе с Гамилькаром на Сицилию. По

Геродоту (VII 166), эта битва произошла якобы в один день с Саламинской победой греков над персами. — 573.

¹⁵ Дион вернулся в 357 г. до н.э. — 573.

¹⁶ Братья Каллипп и Филострат, из которых первого называли учеником Платона. По Корнелию Непоту (Dion. 9, 6), оба убили Диона. По Плутарху, это сделал один Каллипп («Дион» LIV—LVIII). Плутарх полагает, что Каллипп и Дион были связаны общим посвящением в элевсинские божества (LIV), так что Каллипп, убив в праздник Керы Диона, совершил кощунство против богини (LVI). По этому поводу Плутарх замечает, что «доблестные люди, которых производят на свет Афины, не знают себе равных в доблести, а порочные — в пороке» (LVIII). По Плутарху («Дион» LVIII), Каллипп был убит пифагорейцем Лептином тем же кинжалом, которым Каллипп убил Диона. — 575.

¹⁷ См. т. 3, ч. 1, прим. 59 к диалогу «Филеб». — 575.

¹⁸ Дионисий был изгнан в Итальяские Локры, однако еще раз захватил власть в 346 г., от которой в 343 г. его принудил отречься Тимoleon. Жил затем как частное лицо в Коринфе. — 575.

¹⁹ См. прим. 5 ко II письму. — 577.

²⁰ Ср. «Законы» (VI 753d—e). — 578.

²¹ Арацит в это время жил в Метапонте в Италии. — 579.

²² См. прим. 1 ко II письму. — 580.

²³ Здесь излагается теория познания Платона, основанная на диалектике отдельного и общего, части и целого, вида и рода, причем общее всегда качественно отличается от составляющих его отдельных частей. — 585.

²⁴ *Линкей* — сын Афарея, мифологический герой, обладавший удивительной зоркостью. — 586.

²⁵ См. Гомер. Ил. VII 360, XII 234 и др. — 587.

²⁶ Сочинения «О природе» были традиционны в среде греческих досократиков. — 587.

²⁷ Ср. «Федон» (62a), где эту поговорку фиванцев (с особенностями их речи) произносит фиванец Кебет. — 587.

²⁸ При дворе Дионисия бывали гедонист-киренаик Аристипп, ученик Платона, Эвдокс — математик и астроном, впоследствии сблизившийся с Аристиппом, и сократик Эсхин. — 587.

²⁹ *Сын Диона* — Гишпарин. — 588.

³⁰ Гомер. Од. XII 428. Чудовища Скилла и Харибада, по позднейшим представлениям, находились в Сицилийском проливе. — 588.

³¹ См. прим. 8 к III письму. — 591.

³² См. там же. — 591.

³³ О *Тисии* ничего не известно. — 592.

³⁴ Это происходило в 360 г. до н.э. — 593.

³⁵ Платону было около 70 лет. — 594.

³⁶ Дион («Дион» LVII) был зарезан кинжалом, «словно жертва у алтаря», а сестру его и беременную жену бросили в тюрьму, где последняя и родила сына. — 595.

VIII

Письмо написано вскоре после письма VII при сложных для Сицилии политических обстоятельствах.

¹ Имеется в виду Дионисий Старший, сын Гермократа (431—367 г. до н. э.). — 597.

² *Гиппарин* — отец Диона. — 597.

³ *Финикийцы* — т. е. карфагеняне, давние враги сицилийцев. *Опунки* (оски), возможно, не кто иные, в устах Платона, как римляне вообще. — 598.

⁴ О Ликурге и введении им власти *эфоров* см. *Plut.* Лус. VII. — 598.

⁵ Здесь, очевидно, снова идет речь о *Гиппарине*, отце Диона и сподвижнике Дионисия Старшего. — 599.

⁶ Десять стратегов скорее всего были казнены в Агригенте, а не в Сиракузах. Платон здесь говорит о событиях конца V в. до н. э. — 599.

⁷ Ср. «Законы» (I 631b—c). — 599.

^{7a} Ко времени написания этого письма сын Диона Гиппарин уже умер, но Платон, видимо, не получил еще этого известия. — 600.

⁸ Отец Диона Гиппарии сражался против карфагенян, будучи полководцем Дионисия Старшего. — 600.

⁹ *Гиппарин*: здесь — сын Дионисия Старшего и сестры Диона Аристомахи, сводный брат Дионисия Младшего; изгнал из Сиракуз вместе с леонтинцами, друзьями Диона, его убийцу Каллиппа, правившего 13 месяцев. — 600.

¹⁰ Дионисий Младший находился в это время в Итальянских Локрах и вернулся в Сиракузы только в 346 г. — 600.

¹¹ В Спарте было два царя, власть которых ограничивали эфоры. — 601.

¹² Ср. «Законы» (VI 752e—753a). — 601.

¹³ Имеются в виду ложные друзья. — 601.

¹⁴ Здесь попытка вновь объединить оба рода — Гиппарина Старшего и Дионисия Старшего. — 602.

IX

¹ *Архим* — философ-пифагореец из Тарента (Ю. Италия) (ок. 400—365 г. до н. э.). Известен как механик, математик, геометр, музыкант, а также как талантливый стратег. Друг Платона, постоянно помогавший ему во взаимоотношениях с Дионисием. — 602.

² *Архипп* и *Филонид* — пифагорейцы. Вряд ли здесь речь идет об Архиппе, который спасся после разгрома пифагорейцев в Кротоне в 440—430 гг. до н. э. и удалился в Тарент (46, 1 D.). — 602.

³ Юноша Эхекрат, о котором идет здесь речь, вряд ли тот самый пифагорец из Флиунта, ученик Филолая, известный по платоновскому «Федону», действие которого происходит спустя месяц после смерти Сократа, а именно в 399 г. — 603.

X

¹ Личность Аристодора неизвестна. — 603.

XI

¹ *Лаодамант* (или Леодамант) — по Диогену Лаэртию (III 24), философ с о-ва Фасос, которого Платон обучал аналитическому методу разрешения проблем. Будучи государственным деятелем, он собирался основать колонию на побережье Македонии и обращался за советом к Платону. Отсюда делают вывод о датировке письма 360-м г. до н. э. — 603.

² Видимо, это молодой Сократ, известный по диалогам Платона «Теэтет», «Софист», «Политик». — 603.

³ *Гесиод*, фр. 223 Rzach. — 604.

XII

¹ Диоген Лаэртий (VIII 80—81) приводит письма, которыми обменялись Архит и Платон. Ответ Платона в передаче Диогена и есть то, что считается XII письмом. Однако уже в древности эти письма были под сомнением. — 604.

² Здесь идет речь (судя по письму Архита) о якобы найденных сочинениях древнего пифагорейца Оккела из Лукании (48, 4 D.). — 604.

³ *Лаомедонт* — троянский царь, отец Приама. — 604.

XIII

¹ Письмо написано около 365 г. до н. э., т. е. между второй и третьей поездкой Платона в Сицилию. Имеется в виду Дионисий Младший. — 605.

² Под пифагорейскими работами, может быть, подразумевается «Тимей», а может быть, эсotericские поучения Платона, а под «различениями» понимаются «Софист» и «Политик», где устанавливается определение софиста и политика с помощью постепенных разделений и отделений ненужных для главной дефиниции качеств. — 605.

³ *Геликон*, судя по Плутарху (Dion. XIX), был в Сиракузах во время последнего приезда Платона и предсказал там солнечное затмение 21 мая 361 г., за что и был награжден Дионисием.

Эвдокс с о-ва Книд — математик и астроном, ученик Платона. *Кизик* — милетская колония в Пропонтиде (ныне Мраморное море). — 605.

⁴ *Исократ* — см. т. 2, прим. 84 к диалогу «Федр».

О Поликсене и Бризоне см. письмо II, прим. 2. — 605.

⁵ *Лептин* — пифагореец, убийца Каллиппа. См. прим. 16 к VII письму.

Леохарес — известный греческий скульптор середины IV в. до н. э. Принимал участие в скульптурных работах Галикарнасского мавзолея. Автор бронзовой статуи Аполлона Бельведерского, дошедшей до нас в римской мраморной копии. — 606.

⁶ *Жена Дионисия* Софросина была дочерью Дионисия Старшего и Аристомахи, сестры Диона, т. е. сводной сестрой Дионисия Младшего. — 606.

⁷ *Спевсипп* (ок. 395—334 г. до н. э.) — сын сестры Платона Потоны и Евримедонта. Ученик Платона и его преемник по Академии, которую он в 339 г. передал Ксенократу. См. *Plut. Dion. XVII*. — 607.

⁸ Приблизит. 750—1050 р.

1 мина = 25—36 р. — 607.

⁹ *Мать Платона* — Периктиона. — 607.

¹⁰ Для авторитета Дионисия чрезвычайно важно и почетно было на свои средства устраивать роскошные театральные представления или давать деньги на нужды Афин, как это, например, делал Дион, находясь там в изгнании (*Plut. Dion. XVII*). — 607.

¹¹ Об этих лицах ничего не известно. — 607.

¹² Возможно, что речь идет о разводе Диона и его жены Ареты (дочь Дионисия Старшего и Аристомахи, сестры Диона, т. е. его племянница), который задумал Дионисий, чтобы уязвить изгнанного Диона. Арета была отдана наемнику Тимократу. Об упоминании Платоном в письме к Дионисию этого дела сообщает Плутарх (Dion. XXI). — 608.

¹³ Об этих лицах ничего не известно. — 608.

¹⁴ *Кебет* и *Симмий* — пифагорейцы. Они фигурируют в «Федоне» Платона и упоминаются в «Критоне» как друзья Сократа. См. о них в этих диалогах, а также прим. 7 к диалогу «Критон». — 609.

¹⁵ Эти лица неизвестны.

Великий царь — царь Персии. — 609.

¹⁶ Эти лица неизвестны. — 609.

¹⁷ Лицо неизвестно. — 609.

¹⁸ Это лицо также неизвестно. — 609.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Главнейшие издания греческого текста Платона. Общие и отдельные. *Platonis opera quae extant omnia*, ed. Henr. Stephanus I—III. Paris, 1578 (по международной традиции страницы этого издания с разделением каждой из них на первые пять букв латинского алфавита приводятся во всех изданиях, вплоть до современности, на полях издаваемых книг Платона и цитируются во всех работах о Платоне). *Platonis quae extant opera*, ed. F. Ast I—XI. Lipsiae, 1819—1832. *Platonis opera omnia*, rec. Gdfr. Stallbaum, I—X. Lipsiae, 1827—1877. *Opera graece et latine* I—III, ed. R. Hirschigii — C. H. Schneideri. P., 1862—1873 (Didot). *Platonis opera quae feruntur omnia*, ed. M. Schanz. Lipsiae, 1875—1887. Ed. стереотипа (неполное издание). *Platonis dialogi*, ed. Hermann — Wohlrab, I—IV. Lipsiae, 1921—1927 (Teubner)*. *Opera*, I—V rec. J. Burnet. Oxford, 1899—1906; 1952—1954. *Piaton, Oeuvres complètes* I—XIV. Texte établi et traduit par Croiset et l'autres. P., 1920—1964. «Les Belles-Lettres». *Plato with an English translation* I—XII. L. — N. Y., 1921—1953 (в серии «The Loeb classical library»). Эвтифрон, Апология, Критон, изд. O. Gigon, Oxford, 1924. Апология, Критон, Федон, изд. O. Gigon. Berne, 1943. Ион, изд. St. G. Stock. Oxford, 1909; изд. R. Nihard. Liège, 1923. Протагор, изд. W. Olsen, Halle a. S., 1909. Горгий, изд. W. H. Thompson, 1894. Менон, изд. St. G. Stock. Oxford, 1904. Менон и Гипсий меньший, изд. B. J. Ovink. Amsterdam, 1930. Эвтидем, изд. E. H. Gifford. Oxford, 1905. Гипсий больший, изд. J. Moreau. — «Revue des études grecques», 1940. Кратил, изд. Воуансэ (ibid., 1941). Пир, изд. G. F. Rettig. Halle a. S., 1876. Федон, изд. J. Burnet. Oxford, 1911. Государство, изд. B. Jowett and L. Campbell, I—III. Oxford, 1894; изд. J. Adam. Cambridge, 1902; изд. P. Shorey. L., 1930; изд. Nettleship. L., 1937. Федр, изд. W. H. Thompson. L., 1868; изд. Hatzfeld. «Revue des études anciennes», 1930. Тезет, изд. L. Campbell. Oxford, 1883; изд. K. von Fritz. 1935. Парменид, изд. W. Waddell. Glasgow, 1894; изд. F. M. Cornford. L., 1939. Сократ и Политик, изд. L. Campbell. Oxford, 1867. Филеб, изд. R. G. Bury. Cambridge, 1897; изд. Voussoulas. P., 1952. Тимей, изд. R. D. Archer-Hind. L. — N. Y., 1888; изд. A. E. Taylor. Oxford, 1928; 1962 F. M. Cornford.

---

* Имеется несколько более ранних изданий.

N. Y., 1957 (англ. перев.). Законы и Послезаконие, изд. E. V. England, I—II. L. — N. Y., 1921. Законы, изд. Chambry, P., 1946 (франц. перев.). Послезаконие, изд. Raeder. Copenhagen, 1938. Письма, изд. E. Howald. Zürich, 1923; изд. G. Morrow. Illinois, 1935; изд. G. Pasquali. Firenze, 1938.

Platonis apologia Socratis, Crito. Текст со словарем Я. Кремера, изд. 6-е. М., 1888. Диалог Критон, объяснил А. О. Поспишиль. СПб., 1912. Platōnos Apologia Sōcratoys, изд. Ю. Фелькель. М., 1873. Менон, диалог Платона. Греческий текст с примечаниями Н. Е. Скворцова. М., 1867. Эвтифрон, диалог Платона. С примечаниями и словарем Захарбекова и Гайчмана. М., 1872. Эвтидем, диалог Платона. Греческий текст с примечаниями Н. Скворцова. М., 1878. Избранные сочинения Платона. II (Лахет). Греческий текст с русскими примечаниями А. О. Поспишиля. Киев, 1887. *Платон*. Лахет, диалог о мужестве. Греческий текст с введением, примечаниями и словарем В. М. Краузе. Казань, 1885.

2. Русские переводы. Творения велемудрого Платона, переделанные с греческого языка на русский И. Сидоровским и М. Пахомовым. I—IV. СПб., 1780—1785 (неполный перев.). Сочинения Платона, переведенные и объясненные профессором [В. Н.] Карповым, ч. I (Протагор, Эвтидем, Лахес, Хармид, Иппиас, Эвтифрон, Апология Сократа). СПб., 1863; ч. II (Критон, Филеб, Менон, Горгиас, Алкивиад первый, Алкивиад второй). СПб., 1863; ч. III (Политика или Государство). СПб., 1863; ч. IV (Федр, Пир, Лизис, Иппиас большой, Менексен, Ион, Феаг, Соперники, Иппарх, Клитонфонт). СПб., 1863; ч. V (Филеб, Кратил, Тезтет, Софист). М., 1879; ч. VI (Политик, Парменид, Тимей, Критиас, Минос, Эриксиас). М., 1879. Творения Платона, перев. Вл. Соловьева, т. I (Феаг, Алкивиад I, Алкивиад II, Ион, Лахес, Хармид, Лизис). М., 1899, т. II, перев. Вл. С. Соловьева, М. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого (Протагор, Большой Иппий, Меньший Иппий, Эвтидем, Эвтифрон, Апология Сократа, Критон). М., 1903. Полное собрание творений Платона в 15 томах, перев. под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова, т. I (Эвтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон). Пг., 1923; т. IV (Парменид, Филеб). Л., 1924; т. XIII—XIV (Законы, Послесловие к закону). Пг., 1923. *Платон*. Избранные диалоги (вступ. ст. и комм. В. Асмуса). М., 1965 (Протагор, Пир, Федр, Ион, Апология Сократа, Критон, Федон). *Платон*. Сочинения в трех томах, под общей ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса, т. 1 (ред. и вступ. статьи А. Ф. Лосева; Апология Сократа, Критон, Ион, Гипсий большой, Протагор, Горгий, Менон, Кратил). М., 1968; т. 2 (ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева; Федон, Пир, Федр, Тезтет, Софист, Парменид). М., 1970; т. 3, ч. 1 (ред. В. Ф. Асмуса; вступ. статьи В. Ф. Асмуса и А. Ф. Лосева; Филеб, Государство, Тимей, Критий). М., 1971; т. 3, ч. 2 (ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева; Политик, Законы, Послезаконие, Письма). М., 1972.

Платоновские разговоры о законах, перев. В. Оболенского.

М., 1827. Тимей, диалог Платона о природе вещей, перев. Г. В. Малеванского. Киев, 1882. Диалог Платона «Протагор», перев. А. Добиаша. Киев, 1890. Диалог Платона «Феэтит», Киев, 1891. Софист, диалог Платона, перев. с историко-литературным введением С. А. Ананьина. Киев, 1907. *Платон*. Тезетет, перев. В. Серезникова. М. — Л., 1936. Платон, Федон, разговор Платона, перев. Д. Лебедева. М., 1896. Платон, Творения (Федр, перев. Н. Мурашова). М., 1904.

3. Словари. *F. Ast. Lexicon platonicum*, I—III. В., 1835—1838; 1908; 1956. Ценные индексы содержатся в изд. *N. Didot* (указ. выше), в приложении к книге *P. Natorp. Platons Ideenlehre*. Leipzig, 1903; 1921, а также в изд. *Platon. Sämtliche Dialoge*, hrsg. v. O. Apelt, Bd VII. Leipzig, 1916. *Plato. Oeuvres completes*, XIV. Lexique de la langue philosophique et religieuse de Platon, I—II. E. de Places. P., 1964. *M. Stockhammer. Plato dictionary*. L., 1963.

4. Общие труды о Платоне. *П. Линицкий*. Общий взгляд на философию Платона (Труды Киевской духовной академии). 1867, № 10, с. 52—88. *А. А. Козлов*. Философские этюды, ч. II. Метод и направление философии Платона. Киев, 1880. *А. О. Поспিশиль*. Очерк древнегреческой философии. Сократ, Платон (сборник статей по классической древности). Изд. Киевского отделения Общества классической филологии и педагогики, вып. 2. Киев, 1885. *А. Гуляров*. Платонизм как основание современного мировоззрения в связи с вопросом о задачах и судьбах философии. М., 1887. *Е. Н. Орлов*. Платон. Его жизнь и философская деятельность. СПб., 1896. *Н. Я. Грот*. Очерк философии Платона. М., 1896. *А. Гуляев*. Как Платон понимал свою философию? — «Вера и Разум», 1897, № 13, с. 1—27. *Вл. Соловьев*, Жизненная драма Платона. Собрание сочинений, 2-е изд., т. IX. СПб., б. г., с. 194—244. *В. Виндельбанд*. Платон. СПб., 1904; немецкое 7-е изд. Штуттгарт, 1921. *В. Ф. Эрн*. Верховное постижение Платона. — «Вопросы философии и психологии», 1917, кн. 137—138, с. 102—173. *И. Боричевский*. У древнейших истоков идеалистической легенды о Платоне. — «Книга и Революция». 1922, № 11, с. 8—11. *К. П. Новицкий*. Платон. М., 1923. *А. В. Мишулин*. Платон против Маркса. — «Революция и Культура», 1930, № 21—22, с. 125—128. *В. К. Серезников*. Сократ. Основные проблемы философии Платона. — «Труды МИФЛИ», т. I, 1937. *П. С. Попов*. Об изучении философии Платона. — «Научные доклады высшей школы. Философские науки». 1958, № 3. *В. Ф. Асмус*. Платон. М., 1969.

K. F. Hermann. Geschichte und System der platonischen Philosophie. Bd I. Heidelberg, 1839. *G. Grote*. Plato and the other companions of Socrates. L., 1885. *A. Fouillée*. La philosophie de Platon, tt. I—IV. P., 1888—1889. *Ch. Huitt*. La vie et l'oeuvre de Platon, tt. I—II, 1892. *Cl. Plat*. Platon. P., 1906. *C. Ritter*. Platon, sein Leben, seine Schriften, seine Lehre, Bd 1—II. München, 1910; 1923. *W. Pater*. Plato and Platonism, 1910. *E. Homeffer*. Platon gegen Sokrates. Leipzig, 1904. *P. Shorey*. The

unity of Plato's thought. Chicago, 1903. *H. Guyot*. Philosophes et philosophie d'après Platon. — «Revue de philosophie», 4, c. 316. *H. Raeder*. Platons philosophische Entwicklung. Leipzig, 1905. *P. Natorp*. Platon (Große Denker, hrsg. von E. von Aster). Leipzig, 1912. *M. Wundt*. Platons Leben und Werke. Jena, 1914. *C. Siegel*. Plato und Sokrates. Leipzig, 1920. *A. Goedeckemeyer*. Platon. München, 1922. *E. Howald*. Platons Leben. Zürich, 1923. *U. von Wilamowitz-Moellendorff*. Platon, Bd I—II. B., 1920. *H. Gomperz*. Platons Selbstbiographie. B., 1928. *H. F. Günther*. Platon als Hüter des Lebens. München, 1928; 1936. *A. E. Taylor*. Plato, the man and his work. L., 1929; 1949. *P. Friedländer*. Platon. Eidos, paideia. Dialogos. Berlin—Leipzig, 1928. *A. Diès*. Platon. 1930. *L. Robin*. Platon. 1935. *R. Schaerer*. La question platonicienne. Neuchâtel, 1938. *L. Moreau*. La construction de l'idéalisme platonicien. P., 1939. *F. Pétrement*. Essai sur le dualisme chez Platon. P., 1947. *P. Grenet*. Les origines de l'analogie philosophique dans les dialogues de Platon. P., 1948. *R. Simettere*. Introduction à l'étude de Platon. P., 1949. *G. Méautis*. Platon vivant. P., 1950. *K. Schilling*. Platon, Einführung in seine Philosophie. Würzburg, 1948. *I. D. Wild*. Plato's theory of man. Cambridge (Mass.), 1946. *P. M. Schuhl*. La tabulation platonicienne, 1947. *L. Moreau*. Réalisme et idéalisme chez Platon. P., 1951. *G. C. Field*. Plato and his contemporaries. A study of fourth century life and thought, 2 ed. L., 1948. *G. G. Field*. The Philosophy of Plato. Oxford, 1949. *P. Friedländer*. Platon, Bd I—III. Berlin, 1954—1960, 2 Aufl. *H. Gauss*. Philosophischer Handkommentar zu den Dialogen Platons. Teil I—III. Bern, 1952—1961. *R. Levinson*. In defence of Plato. Cambridge, 1953. *G. M. A. Grube*. Plato's thought. Boston, 1958. *R. C. Lodge*. The philosophy of Plato. L., 1956. *C. R. van Paassen*. Platon in den Augen der Zeitgenossen. Köln, 1960. *P. M. Schuhl*. Études platonicienne. P., 1960. *R. Weil*. L'archéologie de Platon. P., 1960. *A. M. Malingrey*. Philosophia, étude d'un groupe de mots dans la littérature grecque des présocratiques au IV siècle après J.-C. P., 1961, p. 46—56. *J. Rrun*. Platon et l'Académie. P., 1962. *M. Stockhammer*. Platons Weltanschauung. Köln, 1962. *R. Schottlaender*. Der Streit um Plato — «Das Altertum», 1964, Bd 10. 3. SS. 142—154. *G. Mende*. Zum Streit um Plato. — Ibid., 4. SS. 230—234. *Ed. Zeller*. Die Philosophie der Griechen, 5. Aufl. II Teil, I. Abt. SS. 389—982. Leipzig, 1922*. *K. Hildebrandt*. Platon. Logos und Mythos, 2. Aufl. B., 1959.

5. Хронология и подлинность сочинений Платона.
Вл. Соловьев. Жизнь и произведения Платона (Творения Платона, перев. Вл. Соловьева, т. I. М., 1899, с. 1—30). *Fr. Susemihl*. Die genetische Entwicklung der platonischen Philosophie. Bd I—II. Leipzig, 1855—1860. *H. Bonitz*. Platonische Studien, Bd I—II. Wien, 1858—1860, 3. Aufl., B., 1886. *Fr. Ueberweg*. Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge

---

* Из общих трудов по античной философии необходимо отметить этот до сих пор еще не превзойденный по количеству даваемых сведений, хотя во многом совершенно устаревших, труд.

platonischen Schriften und über Hauptmomente aus Platons Leben. Wien, 1861. *K. Schaarschmidt*. Die Sammlung der Platos Schriften zur Scheidung der echten von den unechten untersucht. Bonn, 1866. *H. Siebeck*. Zur Chronologie der platonischen Dialoge (Untersuchungen zur Philosophie der Griechen). Halle, 1873, 2. Aufl. Freiburg im Baden, 1888. *C. Ritter*. Untersuchungen über Plato. Stuttgart, 1888*. *Th. Gomperz*. Platon. Aufsätze, I. Zur Zeitfolge platonischen Schriften — «Sitzungen Wiener Akademie», 1887 (741 etc.). *C. Bitter*. Platons Dialoge. Inhaltsdarstellungen. Bd I—II. Stuttgart, 1903—1909. *F. Blass*. Über die Zeitfolge von Platons letzten Schriften (Apophoreton). B., 1903. *N. Raeder*. Platons philosophische Entwicklung. Leipzig, 1905. *A. Goedeckemeyer*. Die Reihenfolge der platonischen Schriften — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1909, 22. SS. 435—455. *H. v. Arnim*. Sprachliche Forschungen zur Chronologie der platonischen Dialoge. — «Sitzungen Wiener Akademie», 1912, 169, 3. Abb.

6. Теория познания, логика и диалектика. *Д. П. Богданешевский*. Учение Платона о знании. — В кн.: «Из истории греческой философии». Киев, 1898, с. 151—173. *Ф. Зеленогорский*. Идея и диалектика по Платону. — «Вера и разум», 1890, № 7, с. 285—312; № 8, с. 327—339. *Н. Скворцов*. Платон о знании в борьбе с сенсуализмом и рассудочным эмпиризмом. Анализ диалога Феэтет. М., 1871. *Г. Е. Струве*. О логике Платона в связи с хронологией и стилометрией его сочинений. — «Вопросы философии и психологии», 1898, кн. 43, с. 187—205. *П. Д. Юркевич*. Разум по учению Платона и опыт по учению Канта. М., 1865. *П. Каленов*. Любовь по Платону. — «Русский вестник», 1886, № 11, с. 121—139. *А. Фульье*. Любовь по Платону. М., 1898. *А. Лосев*. Эрос у Платона. — В сб.: «Г. И. Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве». М., 1916, с. 52—78. *Л. П. Соколов*. Борьба между Демокритом и Платоном по вопросу о категориях единичного, особенного и всеобщего. — «Ученые записки Шадринского пединститута», вып. 3, 1959, с. 56—124. *H. Hille*. Über die platonische Lehre von Eros. Liegn. 1891. Program. *C. Bötticher*. Eros und Erkenntnis bei Plato. Berlin, 1894. Program. *L. Robin*. Theorie platonicienne de l'amour. P., 1908. *R. Lagerborg*. Die platonische Liebe. Mit Einführung von R. Müller-Freienfels. Leipzig, 1926. *J. Stannard*. Socratic Eros and Platonic dialectics. — «Phronesis», 4, 1959, p. 120—134. *K. Epp*. Zur Erkenntnis des alagon in der Seele bei Platon. Basel, 1913. Dissert. *M. V. William*. Six essays on the platonic theory of knowledge as expounded in the later dialogues and reviewed by Aristotle. Cambridge, 1908. *E. Stoelzel*. Die Behandlung des Erkenntnisproblem bei Plato. Halle a. S., 1908. *K. B. R. Aars*. Die Intellektuelle Anschauung im System Plato. — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik», 1911, 143. SS. 190—199. *Ad. Jakobus*. Plato und der Sensualismus. B., 1914. *Fr. Bamler*. Das Irrationale bei Plato. Gotha, 1916, Dissert. *O. Wichmann*. Platons Lehre von Instinkt und Ge-

---

* Распределение диалогов по языковым признакам.

nie. — in: «Kantstudien», Ergänzungsheft 40. Berlin, 1917. *C. Ritter*. Das Unbewußte und Halbbewußte (Traum, Ahnungen, Verzückung, Begeisterung) bei Platon. — In: «Korrespondenz-Blätter für die höhere Schule». Württemberg, 1927, S. 209 etc. *P. Trupp*. Plato quae disserat de inspiratione divina. Bonn, 1920, Dissert. *W. Kranz*. Diotima von Mantinea. — «Hermes», 1926, 61, SS. 437—477. *J. Souilhé*. La theia moira chez Platon. — In: «Philosophia perennis. Festgabe J. Geysers». Regensburg, 1930, SS. 11—25. *E. Wind*. Theios phobos. Untersuchungen über platonische Kunstphilosophie. — «Zeitschrift für Ästhetik». 1932, 26, SS. 349—373. *E. R. Dodds*. Platon and the irrational. — «Journal of Hellenic studies», 1945, 65, pp. 16—25. *J. M. Linforth*. The corybantic rites in Plato. — «University of California Publications in classical philology», 1946, 13, 5, pp. 121—162. *H. Gundert*. Enthusiasmos und Logos bei Platon. — «Lexis», 1949, pp. 25—46. *A. E. Vassiliou*. The platonic theory of inspiration. — «Thomist», 1951, 15, pp. 466—489. *G. Stanger*. Die platonische ἀνάμνησις. Rudolfswerth, 1886. Program. *Th. Ingenbleek*. In welchem Zusammenhang steht Platons Lehre von der anamnesis mit seiner Ideen — theorie? Sigmar, 1890. *Er. Müller*. Die Ἀνάμνησις, Ein Beitrag zum Platonismus. — «Archiv für Geschichte der Philosophie». 1912, 25, SS. 196—225. *L. Robin*. Sur la doctrine de la réminiscence. — «Revue des études grecques», 1919, XXXII, p. 451 etc. *N. Hartmann*. Das Problem des Apriorismus in der platonischen Philosophie. B., 1935 (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse). *N. Hartmann*. Kleinere Schriften, Bd II. B., 1957, SS. 48—85. *L. Robin*. La pensée helénique des origines à Epicure. P., 1942, pp. 337—342. *B. Parain*. Essai sur le logos platonicien. P., 1942. *H. Gundert*. Enthusiasmos und Logos bei Platon. — «Lexis», 1949, 2, SS. 25—46. *H. D. Gardeil*. Le Rationalisme de Platon. — «Revue des sciences philosophiques et théologiques», 1934, pp. 189—220. *A. Rigobello*. L'Intellettualismo in Platone. Padova, 1957. *P. Kucharsky*. Les chemins du savoir dans les derniers dialogues de Platon. P., 1949. *L. Mouliniér*. Le pur et l'impur dans la pensée des Grecs d'Homère à Aristote. P., 1952*. *W. G. Runciman*. Plato's later epistemology. Cambridge, 1962. *N. Gulley*. Plato's theory of knowledge. L., 1962. *K. Oehler*. Die Lehre vom noetischen und dianoetischen Denken bei Platon und Aristoteles. Ein Beitrag zur Erforschung der Geschichte des Bewusstseinsproblems in der Antike. München, 1962. *H. Morin*. Der Begriff des Lebens in «Timaios» Platons unter Berücksichtigung seiner früheren Philosophie. Uppsala, 1965. *R. Marten*. Der Logos der Dialektik. Eine Theorie zu Platons «Sophistes». B., 1965. *W. Lutoslawski*. The origin and growth of Plato's logic with an account of Plato's style and of the chronology of his writings. L., 1897; 1905. *A. Saueressig*. Über die Definitionslehre Platons. Oberrheinheim, 1884. Program. *E. Halévy*. Théorie platonicienne des sciences. P., 1896. *N. Hartmann*. Platons Logik des Seins. Gießen, 1909. *W. Lewinsohn*. Gegensatz und Verneinung, Studien zu Plato

---

* О Платоне с. 323—409.

und Aristoteles. B., 1910. Dissert. *N. Turchi*. La dottrina del Logos in Plato. Roma, 1910. *J. Dorn*. Platos Verdienste um die Logik und Erkenntnistheorie mit Berücksichtigung der Lehre vorplatonischen Philosophen. Ostrowo, 1912. Program. *P. E. Gohlke*. Die Lehre von der Abstraktion bei Plato und Aristoteles. Halle a. S., 1914. Dissert. *C. Ritter*. Platos Logik. — «Philologus», 1919, 75, SS. 1—67, 304—322. *Joh. Wolff*. Die platonische Dialektik, ihr Wesen und ihr Wert für die menschliche Erkenntnis I — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik», 1874, 64, SS. 200—253; II, 1874, 65, SS. 12—34; 1875, 66, SS. 69—85, 185—220. *G. Rodier*. Mathématique et dialectique dans le système de Platon. — «Archiv für Geschichte und Philosophie», 1902. *G. Rodier*. Évolution de la dialectique de Platon. — «Année philosophique», 1905. *V. Brochard*. Le devenir dans la philosophie de Platon. — «Études de philosophie ancienne et modernes». Paris, 1912. *V. Brochard*. La théorie platonicienne de la participation d'après le Parménide et le Sophiste. (Ibid.) *J. Souilhé*. La notion platonicienne d'intermédiaire dans la philosophie des dialogues. P., 1919. *J. Souilhé*. Étude sur le terme Dynamis. P., 1919. *W. Müri*. Das Wort Dialektik bei Plato. — «Museum Helveticum», I. 1944. SS. 152—168. *W. A. Gerhard*. Platon's theory of dialectic. — «New Scholasticism», 1947, 21, pp. 192—211. *K. Dürr*. Die Entwicklung der Dialektik von Plato bis Hegel. — «Dialectica», 1947, 1, SS. 45—62. *B. Liebbruks*. Platons Entwicklung zur Dialektik. Frankfurt am Main, 1949. *V. Goldschmidt*. Le paradigme dans la dialectique platonicienne. P., 1945. *Ph. Merlan*. Form and contents in Plato's philosophy. — «Journal of the history of ideas», 1947, VIII, pp. 406—431. *Ph. Merlan*. Les dialogues de Platon. Structure et méthode dialectique. P., 1944. *R. Robinson*. Plato's earlier dialectic. Oxford, 1953; 1966. *R. A. Loriaux*. L'être et la forme selon Platon. Essai sur la dialectique platonicienne. Bruges, 1955. *D. Dubarle*. Dialectique et ontologie chez Platon. — «Recherches philosophiques», II. P., 1956, pp. 139—165. *L. Sichirollo*. Antropologia e dialettica della Filosofia di Platone. Milano, 1957. *E. Paci*. La dialettica in Platone. — «Rivista di filosofia», 1958, 49, pp. 134—153. *G. E. Mueller*. Plato. The founder of philosophy as dialectic. N. Y., 1965.

7. Учение об идеях и о бытии. *Е. А. Соловьев*. Философские очерки. 1. Судьба догматизма в философии. 2. Догматизм в учении Платона об идеях. М., 1906. *К. И. Сотонин*. К вопросу об идеях Платона. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1915, сент., отд. V, с. 391—418. *А. Ф. Лосев*. Терминология учения Платона об идеях. — В кн.: «Очерки античного символизма и мифологии», т. I. М., 1930, с. 135—281. *А. Ф. Лосев*. Учение Платона об идеях в его систематическом развитии (там же, с. 283—694). *H. Jackson*. Plato's later theory of ideas. — «Journal of Philology», 1882, 10, pp. 253—299; 1882, 11, pp. 287—311; 1884, 13, pp. 1—41, 242—272; 1885, 14, pp. 173—230; 1888, 16, pp. 280—305. *D. Peipers*. Ontologia platonica, ad notionum terminorumque historiam symbola. Leipzig, 1883. *G. Schneider*. Die platonische Metaphysik. Leipzig, 1884. *E. Zeller*. Über

die Unterscheidung einer doppelten Gestalt der Ideenlehre in den Platons Schriften. — «Sitzungsberichten Berliner Akademie», 1887. SS. 197—220. *A. Beckmann*. Num Plato artefactorum ideas statuerit. Bonn, 1889. Dissert. *Fr. Schmidt*. Die Verschiedenheit der Ideenlehre in Platons Republik und Philebus. Gießen, 1891. Dissert. *H. Tietzel*. Die Idee des Guten in Platons Staat und der Gottesbegriff. Wetzlar, 1894. Program. *R. P. Hardie*. Plato's earlier theory of ideas. — «Mind (New series)», 1896, 5, pp. 167—185. *G. L. Dickinson*. Plato's later theory of the ideas. — «Journal of Philology», 1904, 29, pp. 121—133. *R. Rolfes*. Neue Untersuchungen über die platonische Ideen. — «Philosophisches Jahrbuch». 1900—1902, 13—15. *P. Natorp*. Platons Ideenlehre, eine Einführung in den Idealismus. Leipzig, 1903; 1921. *H. Gomperz*. Platons Ideenlehre. — «Archiv für Geschichte der Philosophie». 1905, 18. S. 441. *G. Falter*. Platons Ideenlehre. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1908, 21, SS. 357—372. *J. A. Stewart*. Plato's doctrine of ideas. Oxford, 1909. *A. W. Benn*. The later ontology of Plato. — «Mind (New series)», 1902, 11, pp. 31—53. *L. Robin*. La théorie platonicienne des idées et des nombres d'après Aristote. P., 1908. *C. Ritter*. Platons Ideenlehre nach den späteren Schriften. Leipzig, 1908. *A. Diés*. La définition de l'être et la nature des idées dans le Sophiste de Platon. Paris, 1909. *F. A. Cavanagh*. The ethical end of Plato's theory of ideas. Oxford, 1902. *B. R. Aars*. Platons Ideen als Einheiten. Transzendenz und nicht Kritizismus. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1910, 23. SS. 518—531. *S. March*. Erkenntniskritik, Psychologie und Metaphysik nach ihrem inneren Verhältnis in der Ausbildung der platonischen Ideenlehre. Breslau, 1911. Dissert. *S. March*. Die platonische Ideenlehre in ihren Motiven. München, 1912. *O. Apelt*. Der überhimmlische Ort. — «Platonische Auffassungen». Leipzig — Berlin, 1912, SS. 1—30. *P. Natorp*. Über Platons Ideenlehre. B., 1914. *E. Hoffmann*. Methexis und Metaxy bei Plato. — «Jahresberichte des Philologischen Vereins zu Berlin», 1919, 7. *A. Levi*. Il concetto del tempo nei suoi rapporti coi problemi del divenire e del essere nella filosofia di Plato. Torino, 1920. *D. Ross*. Plato's theory of ideas. Oxford, 1951; 1966. *N. J. Boussoulas*. L'être et la composition des mixtes dans le Philebe. P., 1952. *H. M. Wolff*. Plato. Der Kampf ums Sein. Bern, 1957. *H. J. Krämer*. Arete bei Plato und Aristoteles. Zum Wesen und zur Geschichte der platonischen Ontologie. Heidelberg, 1959. *E. A. Wyller*. Platons «Parmenides» in seinem Zusammenhang mit «Symposion» und «Politeia». Interpretationen zur platonischen Henologie. Oslo, 1960. *F. Chiareghin*. Storicità e originarietà nell'idea platonica. Padova, 1963. *H. Berger*. Oysia in de dialogen van Plato. Leiden, 1961.

8. Космология и астрономия. *Th. H. Martin*. Études sur le Timée de Platon, tt. 1—2. P., 1841. *O. Gruppe*. Die kosmischen Systeme der Griechen. B., 1851, SS. 16—30, 173—179. *A. Böckh*. Untersuchungen über das kosmische System des Platon mit Bezug auf Hrn. Gruppe's kos-

мисхе Сисеме дер Грехен. В., 1852*. *W. Sartorius*. Ruht oder bewegt sich die Erde in Platos Timaeus? — «Zeitschrift für philosophische Kritik», 1888, 93, SS. 1—25. *A. Benn*. The idea of nature in Plato. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1896, SS. 24—49. *E. Frank*. Plato und die sogenannten Pythagoräer. Halle (Saale), 1923. *A. Rivaud*. Études platoniciennes. I. Le Système astronomique de Platon. — «Revue d'histoire de la Philosophie», 2, 1928. pp. 1—26. *J. E. Boodin*. Cosmology in Plato's thought. — «Mind», 1929, 38, pp. 489—505; 1930, 39, pp. 61—81. *H. Perls*. Platon, sa conception du cosmos, tt. I—II. N. Y., 1945. *A. Olerud*. L'idée de macrocosmos et de microcosmos dans le Timée de Platon. Uppsala, 1951. *Ch. Mugler*. Deux thèmes de la cosmologie grecque (La crise de la pensée cosmologique et la solution de Platon). P., 1953, c. 85—143. *G. Donnay*. Le système astronomique de Platon. — «Revue beige de philologie et d'histoire», 1960, 38, pp. 5—29; *H. Perls*. Plato. Seine Auffassung vom Kosmos. Leiden, 1966.

Для понимания философии Платона имеют значение комментарии: Plato. Timaeus with introduction and notes by R. D. Archer-Hind. L. — N. Y., 1888: Plato's Republic. The Greek text ed. with notes and essays by B. Jowett, L. Campbell, III. Oxford, 1894; The Republic of Plato, ed. with critical notes, commentar and appendices by J. Adam, I—II. Cambridge, 1902. *A. E. Taylor*. Timaeus. Oxford, 1928; 1962**.

9. Математика и натурфилософия. *К. Тхоржевский*. Исследование о космической системе Платона. — «Ученые записки Казанского университета», 1855, III, с. 123—172. *А. Шостъин*. Учение Платона о материи. — «Вера и Разум», 1887, № 14, с. 82—109. *C. Blass*. De Platone mathematico. Bonn, 1861. Dissert. *B. Rothlauf*. Die Mathematiker zu Platons Zeiten und seine Beziehungen zu ihr, nach Platons eigenen Werken und die Zeugnissen älterer Schriftsteller. Jena, 1878. Dissert. *H. Cohen*. Platos Ideenlehre und die Mathematik. Marburg, 1879. Program. *G. Milhaud*. Les philosophes géomètres de la Grèce. — «Platon et ses precesseurs». P., 1900. *E. Gans*. Psychologische Untersuchung. Zu der von Aristoteles als platonische überlieferte Lehre von den Idealzahlen aus dem Gesichtspunkte der platonischen Dialektik und Ästhetik Wien. 1901. Program. *G. Rodier*. Les mathématiques et la dialectiques dans le système de Platon. — «Archiv für Geschichte der Philosophie». 1902, 15, pp. 470—490. *R. Ebeling*. Mathematik und Philosophie bei Platon. Hannover — München, 1909. Program. *H. Vogt*. Die Entdeckungsgeschichte der Irrationalen nach Platon und anderen Quellen des

---

* Вместо пяти разных космических систем Группе Бек находит у Платона одну-единственную.

** Ср. *Г. В. Малеванский*. Музыкальная и астрономическая система Платона в связи с другими системами древности. — В кн.: Диалоги Платона «Тимей» и «Критий», пер. с прим. Г. В. Малеванского. Киев, 1883, стр. 1—36; *А. Ф. Лосев*. Античный космос и современная наука. М., 1927, с. 137—232.

4. Jahrhundertes. — In: *Bibliotheca mathematica* 3. Folge, Bd 10, 1910, SS. 97—155. *A. Diès*. Le nombre de Platon. P., 1936. *Ch. Mugler*. Platon et la recherche mathématique de son époque. Strasbourg — Zürich, 1948. *H. Cherniss*. Platon as mathematician. — «Review of metaphysics», 1951, 4, pp. 395—425. *G. Hauser*. Über eine neue Auffassung Platons für die Entwicklung der Mathematik. — «Schweizerische Schule», 1951, 39, SS. 13—45. *A. Ahlvers*. Zahl und Klang bei Platon. B., 1952. *R. S. Brumbaugh*. Platon's mathematical imagination. The mathematical passages in the dialogues and their interpretation. Bloomington, 1954. *A. Wedberg*. Platon's philosophy of mathematics. Stockholm, 1955. *W. Ettelt*. Mathematische Beispiele bei Platon. — «Gymnasium», 1961, 68, SS. 124—145. *A. Diès*. Le nombre de Platon. Essai d'exégèse et d'histoire. P., 1936; 1940. *H. Siebeck*. Platos Lehre von der Materie. — «Untersuchungen zur Philosophie der Griechen», 2. Aufl. Freiburg i. R., 1888. *J. Bassfreund*. Über das zweite Prinzip des Sinnlichen oder der Materie bei Plato. Leipzig, 1886. *M. Sartorius*. Die Realität der Materie bei Plato. — «Philosophische Monatshefte», 1886, 22. SS. 129—167. *Cl. Baeumker*. Die Ewigkeit der Welt bei Plato. — «Philosophische Monatshefte», 1887, 23. SS. 513—529. *J. A. Kilb*. Platos Lehre von der Materie. Marburg, 1887. Dissert. *Cl. Baeumker*. Das Problem der Materie. Münster i. W., 1890, SS. 110—209. *F. Tocco*. Delia materia in Platone. — «Studia italiana di filologia classica», 1896, 4. pp. 1—5. *L. Robin*. Signification et place de la physique dans la philosophie de Platon. P., 1916. *L. Robin*. La place de la physique dans la philosophie de Platon. P., 1919. *C. Ritter*. Platos Stellung zu den Aufgaben der Naturwissenschaft. — «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaft philosophisch-historische Klasse». 1919, 19 Abh. *J. B. Skemp*. The theory of motion in Plato's later dialogues. Cambridge, 1942. *P.-M. Schuhl*. Platon et la médecine. — «Revue des études grecques», 1960, 1. p. 73 etc. *Ch. Mugler*. La physique de Platon, 1960.

10. Учение о душе. *П. Милославский*. Душепереселения у Платона. Казань, 1873. *Д. Лебедев*. Платон о душе. Анализ диалога «Федон». Одесса, 1874. *М. А. Орлов*. Вопрос о судьбе души по смерти в философской системе Платона. Одесса, 1882. *П. А. Божовнев*. Философские учения Платона в диалоге «Федон». — «Гермес», 1914, № 20, с. 492—504. *A. Voeckh*. Über das Bild der Weltseele im Timaeus. — In: «Kleine Schriften», 1866, Bd III, SS. 109—180. *C. F. Hermann*. De immortalitatis notione in Platonis Phaedone. Marburg, 1835. *G. F. Hermann*. De partibus animae immortalibus secundum Platonem. Göttingen, 1850. *F. Ueberweg*. Über die platonische Weltseele. — «Rheinisches Museum», 1854, 9, SS. 37—84. *F. Susemihl*. Zur Platons Eschatologie und Astronomie. — «Philologus», 1860, 15. SS. 417—434. *R. D. Archer-Hind*. On some difficulties in the Platonic psychology. — «Journal of philology», 1881, 10, p. 120—131. *G. Schramm*. Beitrag zu einer genetischen Entwicklung der Unsterblichkeitslehre Platons. Würzburg, 1883. Program. *K. Neuhaus*. Der in Platonischen Phaidon geführte Beweis der Unsterblichkeit der Seele. Hamburg, 1885. Program. *L. Carrau*. Étude his-

torique et critique sur les preuves du Phédon de Platon en faveur de l'immortalité de l'âme humaine. — «Séances et travaux de l'Académie de sciences morales et politiques», 1887, 128, p. 50—120. *O. Kalmus*. Platos Vorstellung über den Zustand der Seele nach dem Tode. Pyritz, 1888. Program. *E. W. Simson*. Der Begriff der Seele bei Plato. Leipzig, 1889. *G. Geil*. Die Lehre von den «μέρη τῆς ψυχῆς». — In: «Commentarii in honorem G. Studemund». Straßburg, 1889, SS. 29—46. *P. Brandt*. Zur Entwicklung der platonischen Lehre von den Seelenteilen. München, 1890. Program. *K. Thiemann*. Die Platons Eschatologie in ihrer genetischen Entwicklung. B., 1892. Program. *Chr. A. Thilo*. Über die Psychologie Platons. — «Zeitschrift für exakte Philosophie», 1893, 19, SS. 22—37. *R. Schewczik*. Platos Lehre von der Seele nach den Quellen dargestellt und beurteilt, Teil I. Wiener—Neustadt, 1896. Program. *E. Rolfes*. Die Unsterblichkeit der Seele nach der Beweisführung bei Plato und Aristoteles. — «Philosophisches Jahrbuch der Görresgesellschaft», 1829, 16. *E. Groag*. Platos Lehre von den Seelenteilen. I. Die Widersprüche in der platonischen Seelenlehre und ihre Lösung. — «Wiener Studien», 1903, 35. S. 323 etc. *R. K. Gaye*. The Platos conception of immortality and its connection with the theory of ideas. L., 1904. *A. Leisner*. Die platonische Lehre von den Seelenteilen nach Entwicklung, Wesen und Stellung innerhalb der platonischen Philosophie. München, 1909. Dissert. *H. Eibl*. Platon. Psychologie. — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik», 1910, 139, SS. 1—33. *R. D. Archer-Hind*. Metempsychosis and variation of species in Plato. — «Journal of Philology», 1910, 31, pp. 84—94. *J. Stenzel*. Über Platonische Lehre von der Seele. — «Festschrift des schlesischen Philologenvereins Universität Breslau», 1911, SS. 85—92. *E. Hoffmann*. Platos Lehre von der Weltseele. — «Jahresberichte des philologischen Vereins zu Berlin», 1915, 3. Anhang, SS. 187—211. *K. Epp*. Zur Erkenntnis des alogon in der Seele bei Platon. Basel, 1913. Dissert. *O. Wichmann*. Platos Lehre von Instinkt und Genie. B., 1917. — In: «Kantstudien», Ergänzungsheft 40. *H. Barth*. Die Seele in der Philosophie Platons. Tübingen, 1921. *C. Ritter*. Das Unbewußte und Halbbewußte (Traum, Ahnungen, Verzückung, Begeisterung) bei Platon. — «Korrespondenz-Blätter für die höhere Schule». Würtemberg, 1927. *C. Mazzantini*. Sur l'immortalité de l'âme dans la philosophie de Platon. — In: «Athenaeum», 1940. *G. Nakhnikian*. Platon's theory of sensation. — «Review of metaphysics», 1955—1956, 9, pp. 129—148; 306—327. *J. Sprute*. Der Begriff der doxa in der platonischen Philosophie. Göttingen, 1961.

11. **Этика.** *С. Трубецкой*. «Протагор» Платона в связи с развитием его нравственной мысли. — «Вопросы философии и психологии», кн. 58, с. 207—228. *Вл. С. Соловьев*. «Протагор» Платона в связи с развитием его нравственного учения. — «Творения Платона», т. II. М., 1903, с. 374—395. *А. Ф. Лосев*. Классическая калокагатия и ее типы. — «Вопросы эстетики», 1960, № 3, стр. 417 и сл. *Th. Kelch*. Disquisitio in Platonis de mendacio doctrina (de rep. II, III). Elbing,

1820. *J. J. Amen*. Platon, de justitia doctrina. Berlin, 1854. Program. *W. Küster*. Platons Ansicht vom Wesen und Werte der Lust. Berlin, 1868. Program. *Th. Maguire*. Essays on the Platon's ethics. Dublin, 1870. *P. Höfer*. Die Bedeutung der Philosophie für das Leben nach Plato. Göttingen, 1870. *O. Knath*. Quaestiones de notione tes sophrosynes Platonica criticae. Halle, 1870. Dissert. *R. Hirzel*. Über die Untersuchung der dicaiosyne und der sophrosyne in der Platonischen Republik. — «Hermes», 1874, 8, SS. 379—411. *G. Schneider*. Platons Auffassung von der Bestimmung des Menschen. Gera, 1883. *B. Fahland*. Wie unterscheidet sich der Platonische Tugendbegriff in den kleinen Dialogen von dem in der Republik? Graffenstaden, 1883. Program. *K. Mussbauer*. Darstellung des gegenseitigen Verhältnisses der platonischen Haupttugenden und Begründung derselben durch Platons Psychologie und Physiologie. Görz, 1884. *A. Chiappelli*. Del suicideo nei dialoghi Platon. — In: «Accademia dei Lincei». Roma, 1885, pp. 222—233. *R. Hirzel*. Der Selbstmord. — «Archiv für Religionswissenschaft», II, 134, 140 etc. *W. A. Hammond*. On the notion of virtue in the dialogues of Plato with particular reference to those of the first period and to the third and fourth books of the Republik. Leipzig, 1891. Dissert. — In: «Harvard studies in classical philology», 1892, 3, pp. 130—180. *A. Gröjer*. Über den Begriff und das Wesen der Lust bei Platon. Mährisch — Weißkirchen, 1892. Program. *G. Michaelis*. Die Entwicklungsstufen in Platons Tugendlehre. Barmen, 1893. Program. *R. Holsten*. Platons Ethik in ihrem Verhältnis zum griechischen Volksglauben. Stettin, 1899. Program. *C. Piat*. L'être et le bien d'après Platon. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1906, 19, SS. 486—494. *E. Thiel*. Über den Tugendbegriff Platons in den Dialogen der ersten Periode mit besonderen Berücksichtigung von Protagoras und Menon. — «Philosophisches Jahrbuch der Görresgesellschaft», 1919, 23, SS. 322—351. *F. Seidel*. Intellektualismus und Voluntarismus in der platonischen Ethik. Leipzig, 1910. Dissert. *G. Entz*. Pessimismus und Weltflucht bei Platon. Tübingen, 1911. *O. Apelt*. Das Prinzip der platonischen Ethik. — In: «Platonische Aufsätze». Leipzig — Berlin, 1912, SS. 109—120. *O. Apelt*. Der Wert des Lebens nach Platon. — In: «Platonische Aufsätze». Leipzig — Berlin, 1912. *V. Brochard*. La morale de Platon. — In: «Études de philosophie ancienne et de Philosophie moderne». Paris, 1912. *W. Sesemann*. Die Ethik Platons und das Problem des Bösen. — In: «Philosophische Abhandlungen Herm. Cohen dargebracht». B., 1912, SS. 170—189. *J. Ferber*. Platon. Polemik gegen die Lustlehre. — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik», 1912, 148. *O. Apelt*. Die Lehre von der Lust. — «Platonische Aufsätze». Leipzig — Berlin, 1912. *Fr. Scheuffler*. Die Entwicklung der ethischen Anschauungen Platons bis zum Gorgias. — «Jahresberichte des philologischen Vereins zu Berlin, 1915, 3. Anhang, SS. 212—233. *O. Kunsemüller*. Die Herkunft der platonischen Kardinaltugenden. Erlangen, 1935. *J. Gould*. The development of Plato's ethics. Cambridge, 1955. *H. D. Voigtländer*. Die Lust und das Gute bei Platon. Würzburg, 1960. *M. O'Brien*. Virtue, knowledge and

the thymoeides. A study in Platonic ethics. Princeton, 1956. *A. Fox*. Plato for pleasure. L., 1945. *H. J. Krämer*. Ἀρετή bei Platon und Aristoteles. Zum Wesen und zur Geschichte der platonischen Ontologie. Heidelberg, 1959. *Br. Snell*. Die Ausdrücke für den Begriff des Wissens in der vorplatonischen Philosophie. B., 1924. *A. Lossev*. Ueber die Bedeutung des Terminus sophia bei Plato. — «Meander», 1967, 7—8, SS. 340—348.

12. Социально-политические взгляды Платона. *Е. Н. Трубецкой*. Социальная утопия Платона, — «Вопросы философии и психологии», 1908, 91, с. 1—44; 92, с. 119—185. *Р. Пёльман*. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, гл. II, III, V. *П. Новгородцев*. Очерки по истории философии права. Политические идеалы древнего и нового мира. М., 1913. *А. А. Пожdestвенский*. Положение третьего сословия в «Государстве» Платона. — «Сборник Ярославского Университета», вып. 1, 1920, с. 35—104. *Н. Устрялов*. О политическом идеале Платона. Харбин, 1929. *E. Platner*. Über die Prinzipien der Platonischen Kriminalgesetze. — «Zeitschrift für die Altertumswissenschaft», 1844, 85, 86. *K. F. Hermann*. Die historische Elemente des platonischen Staatsideals. — In: «Gesammelte Abhandlungen». Göttingen, 1849, SS. 132—159. *E. Zeller*. Der platonische Staat in seiner Bedeutung für die Folgezeit. — In: *E. Zeller*. «Vorträge und Abhandlungen». Leipzig, 1865, SS. 62—81. *C. Nohle*. Die Staatslehre Platons in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Jena, 1880. *P. Mörkel*. Die leitenden Gedanken der in Platons Politik entwickelten Staatsansicht dargestellt und mit besonderer Rücksicht auf den modernen Standpunkt beurteilt. Halle, 1881. Dissert. *P. Malusa*. La dottrina del bello in Platone, I. Venezia, 1885. *A. Espinas*. Origines et principes de la politique platonicienne. — In.: *Platon*. La République (6me livre). P., 1886 (Introduction). *E. Zeller*. Über den Begriff der Tyrannis bei den Griechen. — «Sitzungsberichten der Preussischen Akademie», 1887, 1137—1146; «Kleine Schriften», Bd I. B., 1910, SS. 397—409. *S. Blaschke*. Der Zusammenhang der Familien und Gütergemeinschaft des Platonischen Staates mit den politischen und philosophischen System Platons. B., 1893. Program. *R. Bohne*. Wie gelangt Platon zur Aufstellung seines Staatsideals und wie erklärt sich das Urteil über die Poesie in demselben? B., 1893. Program. *R. Schöber*. Das Staatsideal Platons. Elbing, 1901. Program. *I. Wassmer*. Einheit, Gliederung und Zweck des platonischen Staates. Luzern, 1906. *F. Weber*. Platon. Stellung zu den Barbaren. München, 1904. Program. *Ch. G. Pantazides*. Τὰ περὶ γυναικὸς παρὰ Πλατῶν φιλοσοφούμενα. Freiburg i. R., 1903. Dissert. *C. Ritter*. Die politische Grundanschauungen Platons dargestellt im Anschluss an die Politeia. — «Philologus», 1909, 68, p. 229—259. *P. Wendland*. Entwicklung und Motive der platonischen Staatslehre. — «Preußische Jahrbücher», 1909, 136, SS. 193—220. *F. Marletta*. Il suum nella dottrina di Platon, nel diritto romano e nella dottrina filosofica-giuridica. Catania, 1910. *G. B. Klein*. Platon e il suo concetto politico del mare. — «Estratto dell'opinione geografica». Firenze, 1910. *O. Apelt*. Die Aufgabe des Staats-

mannes. — «Platonische Aufsätze», SS. 168—188; 189—202. *I. W. Hewitt*. The necessity of ritual purification after justifiable homicide. — «Transactions of the American philological association», 1911, 41, p. 101—113. *M. Heinze*. Die Rassenfragen bei Plato. — «Monatsschrift für Soziologie», Februar, 1909. *R. Pöhlmann*. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt, Bd I, SS. 546—559; Bd II, SS. 10—311. München, 1912. *A. M. Kensington*. Platon's moral and political ideals. N. Y., 1913. *M. Pohlenz*. Aus Platons Werdezeit. B., 1913. S. 207 etc. *L. Robin*. Platon et la science sociale. — «Revue de métaphysique et de morale», 1913, 21, p. 211—235. *W. Schink*. Plato und die Frauenbewegung. — «Jahresberichte des Philologischen Vereins zu Berlin», 1915, 3. SS. 432—544. *H. Meyer*. Plato über Demokratie. — In: «Festschrift für Seb. Merckle». Düsseldorf, 1922. *C. Ritter*. Platon. München, 1923, Bd II. S. 554 etc. *W. Jaeger*. Die griechische Staatsethik im Zeitalter des Plato. B., 1924. *P. Lachiez-Rey*. Les idées morales, sociales et politiques de Platon. P., 1938. *M. Vanhoutte*. La philosophie politique de Platon dans les Lois. Luovain, 1913. *I. M. Crombie*. An examination of Plato's doctrines, vol. 1 (Plato on man and society). L., 1962. *A. Woozley*. Plato's Republic. A philosophical commentary. 1964.

13. Воспитание. *И. Н. Новосадский*. Педагогические идеалы Платона. — «Варшавский Университет. Известия», 1904, 1, с. 1—203. *Г. Г. Зоргеффрей*. Социальная педагогика Платона. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1906, ч. VI, с. 188—201. *И. Д. Нарбеков*. Идеалы воспитания и образования у древних греков по сочинениям философа Платона «Политика или Государство» и «Законы». — «Православный собеседник», 1912, № 2, с. 130—163. *М. Рубинштейн*. Педагогические идеи Платона. — «Вопросы философии и психологии», 1914, сент. — окт., с. 400—461. *М. Рубинштейн*. Платон — учитель. Иркутск, 1920. *И. Г. Чжуасели*. Педагогические взгляды Платона. Тбилиси, 1938. *A. Drygas*. Platos Erziehungstheorie nach seinen Schriften dargestellt. Schneidemühl, 1880. Program. *P. Tannery*. L'éducation platonicienne. — «Revue philosophique», 1880, 10, p. 517—530; 1881, 11, pp. 283—299. *A. Dreinhöfer*. Das Erziehungswesen bei Platon. Marienwerder, 1880. Program. *Jos. Ritter*. Analyse und Kritik der von Platon in seiner Schrift von Staate aufgestellten Erziehungslehre. Deutz, 1881. Program. *H. Kanter*. Platos Anschauung über Gymnastik. Graudenz, 1886. Program. *S. J. Lengsteimer*. Plato als Erzieher. Kalksburg, 1898. Program. *A. Mazarakis*. Die platonische Pädagogik systematisch und kritisch dargestellt. Zürich, 1900. *J. E. Adamson*. The theory of education in Plato's Republic. L., 1903. *G. Dantu*. L'Education d'après Platon. P., 1907. *W. Schroeder*. Platonische Staatserziehung. Geestemünde, 1907. *G. Lüdke*. Über das Verhältnis von Staat und Erziehung in Platos Politeia. Erlangen, 1908. Dissert. *R. Stübe*. Plato als politisch-pädagogischer Denker. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1910, 23, SS. 53—88. *K. Huemer*. Plato als Erzieher. — «Zeitschrift für das österreichische Gymnasium», 1911, 62,

SS. 289—302. *Jegel*. Platons Stellung zu Erziehungsfragen. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1913, 26, SS. 405—430. *R. R. Rusk*. The doctrines of the great educators. London — New York, 1918. *E. Norden*. Die Antike Kunstprosa, Bd II. Leipzig, 1918. Nachtrag 8 etc. *C. Ritter*. Platon. München, 1923, 11. S. 554 etc. *J. Stenzel*. Plato als Erzieher. Leipzig, 1928; 1962. *W. Jaeger*. Paideia, Bd II, SS. 130—360; Bd III. SS. 1—99, 355—344. B., 1959. 3. Aufl. *P. Friedländer*. Platon. Eidos, paideia. Dialogos. Berlin — Leipzig, 1928. *H. Bogner*. Plato im Unterricht. Frankfurt am Main, 1937. *O. Wichmann*. Platons Erziehungslehre. Leipzig, 1940; idem in: «Erziehung», 14, 1939, SS. 361—383, 443—457; 15, 1940, SS. 130—141, 172—181, 203—223. *H. G. Gadamer*. Platons Staat der Erziehung. — «Das neue Bild der Antike», Bd I. 1942, SS. 317—333. *W. Moberly*. Platon's conception of education and its meaning for today. L., 1944. *R. C. Lodge*. Platon's theory of education. L., 1947. *J. Moreau*. Platon et l'éducation. — In: «Les grands pédagogues». Par J. S. Brubacher. P., 1956, pp. 1—22, *W. Jaeger*. Humanistische Reden und Vorträge (Die platonische Philosophie als Paideia). B., 1960², SS. 142—157.

14. Эстетика. *С. Шевырев*. Учение Платона о прекрасном и поэзии. — В кн.: *В. А. Воскресенский*. Поэтика. Исторический сборник статей о поэзии. СПб., 1885. *Е. В. Амфитеатров*. Исторический обзор учений о красоте в искусстве. Учение о красоте и искусстве в классической философии. I. Сократ и Платон. — «Вера и Разум», 1889, № 15, с. 70—105. *А. И. Смирнов*. Эстетика как наука о прекрасном в природе и искусстве. — «Университетские чтения». Казань, 1894. *Д. Ф. Сергеев*. Из истории античной поэтики. Введение к поэтике Платона. — «Сборник историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине», 1914, т. IX. *А. Ф. Лосев*. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. *E. Müller*. Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten, Bd II. Breslau, 1834, SS. 27—129. *Arn. Rüge*. Die platonische Ästhetik. Halle, 1832. *Th. Sträter*. Studien zur Geschichte der Ästhetik, Heft I (Die Idee des Schönen bei Plato). Bonn, 1861. *J. Reider*. Plato und die Poesie. München, 1864. Dissert. *M. Remy*. Platonis doctrina de artibus liberalibus. Halis Sax., 1864, Dissert. *C. von Jan*. Die Tonarten bei Plato. — «Neues Jahrbuch für Philologie und Pädagogik», 1867, 95, SS. 815—826. *B. Haushalter*. Plato als Gegner der Dichter. Rudolfstadt, 1875. *F. Königs*. Über Platons Kunstanschauung. Saargemünd, 1879; 1881. Program. *R. Hirzel*. Über das Rhetorische und seine Bedeutung bei Plato. Leipzig, 1871. *J. V. Novak*. Plato und die Rhetorik. — «Jahrbuch für klassische Philologie». Supplement, 1883, 13. SS. 441—540. *R. Westphal*. Platons Beziehungen zur Musik. — «Berliner philologische Wochenschrift», 1884, Nr. 17—22. *C. Vavra*. Platons Urteil und Lehre über die Redekunst. Brünn, 1884. *F. Montargis*. De platone musico. P., 1886. Théses. *E. Grünwald*. Die Dichter, insbesondere Homer, im platonischen Staat. B., 1890. Program. *Th. Rühl*. Der Anfang der Beredsamkeit nach Platon. Erlangen, 1892. Dissert. *J. Walter*. Geschichte

der Ästhetik im Altertum. Leipzig, 1893. SS. 168—476. *M. Sartorius*. Platon und die Malerei. — «Archiv für Geschichte der Philosophie». 1896, 9, SS. 123—148. *B. Schweitzer*. Platon und die bildende Kunst der Griechen. Tübingen, 1953. *H. Kanter*. Platos Anschauung über Gymnastik. Graudenz, 1886. Program. *M. Emmanuel*. Essai sur l'orchestrique grecque. P., 1895. *D. S. Ducout*. La danse sonore. Synthèse de la danse et de la musicale. P., 1940. Thèse. *F. Stählin*. Die Stellung der Poesie in der platonischen Philosophie. Nördlingen, 1901. *A. Lombard*. La poésie dans la République et dans les Lois de Platon. Nancy, 1903. *W. Süß*. Ethos. Studien zur älteren griechischen Rhetorik. Leipzig, 1910, S. 71 etc. *St. Pötsch*. Platos Bedeutung für die Redekunst und Redekünstler. Mariaschein, 1911. Program. *M. Pohlenz*. Aus Platons Werdezeit. B., 1913. S. 193 etc. *W. Börner*. Die Künstlerpsychologie im Altertum. Platon. — «Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft», 7, 92 etc. *W. Ch. Greene*. Plato's view of poetry. — «Harvard studies in classical philology», 1918, 29. *W. Chase*. Plato's view of poetry. — «Harvard studies in classical philology», I, 29, 1928, pp. 1—75. *J. Tate*. Plato and Imitation. — «Classical Quarterly», 1932, p. 169 etc. *Iv. Grand*. Recherche des principes d'une philosophie des arts dits d'imitation chez Platon, Aristote et Plotin. Friburg, 1954. Dissert. *E. Lledó Iñigo*. Poesis mimesis. — «Actos del I, congreso español de estudios clásicos». Madrid, 1958. *C. Ritter*. Platon, Bd II, München, 1923, S. 797 etc. *E. Cassirer*. Eidos und Eidolon, das Problem des Schönen und der Kunst in Platons Dialogen. — In: «Vorträge der Bibliothek Warburg», 1922—1923, Bd II, SS. 1—27. *L. Stefanini*. Il problema estetico in Platone. Torino, 1926. *G. Müller*. Concerning Platonic aesthetics. — «Journal of Philosophy», 1933, 30, pp. 337—346. *P.-M. Schuhl*. Platon et l'art de son temps. P., 1933. *P. Louis*. Les métaphores de Platon. P., 1945. *A. de Marignac*. Imagination et dialectique. Essai sur expression du spirituel dans les dialogues de Platon. P., 1951. *G. J. Classen*. Untersuchungen zu Platons Jagdbildern. Leipzig, 1960. *T. Moretti-Costanzi*. L'estetica di Platone. Sua attualità. Roma, 1948. *W. Verdenius*. Mimesis. Plato's doctrine of artistic imitation and its meaning to us. Leiden, 1949. *P. Frutiger*. Platon et l'art de son temps, 2-me ed. P., 1952. *P. Kucharski*. La musique et la conception du réel dans le Philébe. — «Revue philosophique», 1951, p. 39 etc. *A. Ahlvers*. Zahl und Klang bei Platon. Bern, 1952. *R. C. Lodge*. Plato's theory of art. N. Y. 1953². *L. Imura*. One side of Plato's view on art and the mania in «Phaedrus». — «Bigaku», 1956, 7, Nr. 3, pp. 8—18. *H. Koller*. Die mimesis in der Antike. Bern, 1954, SS. 15—68. *H. G. Gadamer*. Platon und der Dichter. Frankfurt a/M., 1934. *T. S. Duncan*. Plato and poetry. — «Classical Journal», 1944—1945, 40, pp. 481—494. *W. J. Verdenius*. Platon et la poésie. — «Mnemosyne» III, 12, 1945, pp. 118—150. *P. Vicaire*. Platon critique littéraire. P., 1960. *L. Richter*. Zur Wissenschaftslehre von der Musik bei Platon und Aristoteles. B., 1961. *E. Sack*. Platons Musikästhetik. Stuttgart, 1959. *E. Moutsopoulos*. La musique dans l'oeuvre de Platon. P., 1959. *G. Arnoux*. Musique platonicienne, âme du monde.

P., 1960. *N. Boussoulas*. Étude sur l'esthétique de la composition platonicienne des mixtes. — «Revue de métaphysique et de morale». 1961, no 1—2, pp. 142—158. *W. Perpeet*. Antike Ästhetik. Freiburg, 1961, SS. 38—68. *J. C. Warry*. Greek aesthetic theory. L., 1962, pp. 15—68. *R. Demos*. Plato's philosophy of Language. — In: «Journal of philosophy». Lancaster, 1964. *E. Hoffmann*. Methexis und Metaxy bei Plato. — «Jahresberichte des philologischen Vereins zu Berlin», 1919, 45, SS. 48—70. *H. Laue*. Mass und Mitte. Eine problemgeschichtliche Untersuchung zur frühen griechischen Philosophie und Ethik. Münster i. W. — Osnabrück, 1960. *J. H. Harrison*. The meaning of the word Teleyte. — «Classical Review», 1914, 28, p. 36 etc. *M. W. Bandy*. The theory of imagination in classical and medieval thought. Urbana, 1927.

15. Мифология и религия. *П. Лумицкий*. Учение Платона о божестве. Киев, 1876. *K. Stumpf*. Verhältnis des platonischen Gottes zur Idee des Guten. — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik». 1869, 54, SS. 83—128, 198—261. *J. Hennessy*. De deo Platonis, Monastier, 1872. Dissert. *E. Forster*. Die platonischen Mythen. Rastatt, 1873. *B. Pansch*. De deo Platonis. Göttingen, 1876. *Al. Spielmann*. Platons Pantheismus. Brixen, 1877. *J. Nassen*. Über den platonischen Gottesbegriff. — «Philosophisches Jahrbuch», 1894, 7, SS. 144—154, 367—380; 1895, 8, SS. 30—51. *H. Tietzel*. Die Idee des Guten in Platons Staat und der Gottesbegriff. Wetzlar, 1894. Program. *P. Shorey*. The idea of God in Plato's Republic. Chicago, 1895. *Th. Boreas*. Das weltbildende Prinzip der platonischen Philosophie. Leipzig, 1899. Dissert. *P. Bovet*. Le dieu de Platon d'après l'ordre chronologique des dialogues. Genève, 1902. Thèse. *Cl. Piat*. Dieu d'après Platon. — «Revue néoscholastique», 1905, 194, 306. *E. Bickel*. Platonisches Gebetsleben. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1908, 21, SS. 535—554. *V. Brochard*. Les Mythes de Platon. — «Études de philosophie ancienne et moderne». P., 1912, p. 46 etc. *P. E. More*. The religion of Plato. Princeton, 1918; 2 ed. 1956. *C. Ritter*. Platons Gedanken über Gott und das Verhältnis der Welt und des Menschen zu ihm. — «Archiv für Religionswissenschaft», 1919, 19, SS. 233—272, 466—500. *C. Ritter*. Platon. München, 1923, II, S. 735 etc. *A. Brémond*. De l'âme et de Dieu dans la philosophie de Platon. — «Archives de philosophie», 1924, II, no 3, p. 24 etc. *W. Willi*. Versuch einer Grundlegung der platonischen Mythopoïe. B., 1925. *K. Reinhardt*. Platons Mythen. Bonn, 1927. *P. Frutiger*. Les mythes de Platon. P., 1930. *R. Mugnier*. Le sens du mot theios chez Platon. P., 1930. *P.-M. Schuhl*. Sur le mythe de Politique. — «Revue de métaphysique», 1932, p. 47 etc. *J. Bidez*. Les coulers des planètes dans le mythe d'Er. — «Bulletin de l'Académie royale de Belgique». 1935, 2 août. *F. Solmsen*. Plato's theology. — «Cornell University press», 1942. *W. S. Greene*. God in Plato's theology. — «Classical Weekly». 1941—1942. *R. Schaerer*. Dieu, la vie et l'homme d'après Platon. Neuchatel, 1944. *O. Reverdin*. La religion dans la cité platonicienne. P., 1945. *V. Goldschmidt*. La religion de Platon. P., 1949. *A. J. Festugière*. Contemplation et la vie contemplative selon Pla-

ton. P., 1951. *W. J. Verdenius*. Platons Gottesbegriff. Vandouevres, 1952. *E. Des Places*. La religion de Platon. — In: «Histoire des religions», publiée sous la direction de M. Billant et R. Aigrain. P., 1955, vol. 3, pp. 251—264. *A. Diès*. Le dieu de Platon. — In: «Autour d'Aristote», Recueil offert à A. Mansion. Louvain, 1955, pp. 441—460. *J. v. Camp* et *P. Canart*. Le sens du mot theios chez Platon. Louvain, 1956. *G. François*. Le polythéisme et l'emploi au singulier des mots theos, daïmon. P., 1957, pp. 246—305. *H. J. Mac-Lendon*. Plato without God. — «Journal of religion», 1959, 39, pp. 88—102. *J. Feibleman*. Religions and platonism. The influence of religion on Plato and the influence of Plato on religion. L., 1959. *J. A. Stewart*. Myths of Plato, ed. by G. R. Levy. L., 1960. *M. Detienne*. La notion de daïmon dans le pythagorisme ancien. P., 1963. *J. Pieper*. Über die platonischen Mythen. München, 1965.

16. Платон и его отношение к другим философам.
И. Чистович. Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека. СПб., 1871. *Г. В. Малеванский*. Музыкальная и астрономическая система Платона в связи с другими системами древности. *Платонов*. О платонической троичности божества перед светом христианского и богооткровенного учения о св. Троице, 1874. *Е. Н. Трубецкой*. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении. — «Вопросы философии и психологии», 1890, 4, с. 1—36. *А. П. Шостьин*. Нравственно-воспитательное значение музыки по воззрениям Платона и Аристотеля. — «Богословский вестник», 1898, 10, с. 48—74. *Н. Арсеньев*. Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1913, 1, с. 23—56; 2, с. 232—300. *Э. Л. Радлов*. «Парменид» Платона и Гегель. — «Сб. в честь С. А. Жебелева», 1926, с. 260—270. *А. Ф. Лосев*. Критика платонизма у Аристотеля. М., 1929. *A. Diès*. Autour de Platon, I—II. P., 1927. *P. Courcelles* etc. Recherches sur la tradition platonicienne. Van doevres, 1958 (Fondation Hardt, III). *H. von Stein*. Sieben Bücher zur Geschichte des Platonismus, I—III. Göttingen, 1862—1875. *E. Zeller*. Platons Mitteilungen über frühere und gleichzeitige Philosophen. — «Archiv für Geschichte der Philosophie». 1892, 5, S. 165—184. *S. A. Byk*. Der Hellenismus und der Platonismus. Leipzig, 1870. *U. von Wilamowitz-Moellendorff*. Der griechische und der platonische Staatsgedanke (Staat, Recht und Volk), 3. Heft. B., 1919. *J. Salin*. Platon und die griechische Utopie. München—Leipzig, 1921. *K. Sternberg*. Moderne Gedanken über Staat und Erziehung bei Platon. B., 1920. *P. Duhem*. Le système du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic. Vol. I. P., 1913. *J. H. Kühn*. Hypsos. Eine Untersuchung zur Entwicklungsgeschichte der Aufschwungsgedanken von Plato bis Poseidonios. Stuttgart, 1941. *K. Urban*. Platons Verhältnis zur griechischen Volksreligion. Görlitz, 1871. Program. *R. H. Wollter*. De Platone praesocraticorum philosophorum existimatore et iudice. Leyden, 1904. *F. M. Cornford*. Plato und Orpheus. — «Classical review», 1903,

17, SS. 433–445. *U. von Wilamowitz*. Platon. Bd II. B., 1920, S. 82 etc. *Er. Frank*. Plato und die sogenannten Pythagoreer. Halle (Saale), 1923; 1962. *Eva Sachs*. Die fünf platonischen Körper. Zur Geschichte der Mathematik und die Elementarlehre Platons und der Pythagoreer. B., 1917. *A. L. Stella*. *Infussi di poesia e d'arte ellenica nell'opera di Platone*. Milano, 1934. *P. Kucharsky*. Les principes des Pythagoriciens et la Dyade de Platon. — «Archives de Philosophie», XXII, 1959, Nr. 2, 3. *E. Des Places*. Pindare et Platon. P., 1949. *E. Hoffmann*. Parmenides und Platon. — «Jahresberichte des philologischen Vereins zu Berlin», 47. *P. Natorp*. Demokrit — Spuren bei Platon. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1890, 3, SS. 515–531. *I. Hammer-Jensen*. Demokrit und Platon. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1910, 23, SS. 92–105, 211–229. *M. Pohlenz*. Platon und Demokrit. — «Hermes», 1918, 53, S. 418 etc. *J. Stenzel*. Platon und Demokritos. — «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», 1920, 45, 89–100. *E. Barker*. Plato and his predecessors. — «Greek political theory». L., 1918. *J. Meissner*. Erklärung und Würdigung des Urteils Platons über die Sophistik. Solingen, 1898. Program. *A. v. Kleemann*. Platon und Prodikos. — In: «Wiener Eranos zur 50. Versammlung deutscher Philologen und Schulmeister». Wien, 1909. *J. Rolland de Renéville*. Essai sur le problème de l'Un multiple et de l'attribution chez Platon et les sophistes. P., 1962. *E. Horneffer*. Platon gegen Sokrates. Leipzig, 1904. *A. Diès*. Le Socrate de Platon. — «Revue des sciences philosophiques et théologiques». 1913, 7, pp. 412–431. *E. Dümmler*. Der Streit des Plato und Antisthenes über die Ideenlehre (Akademika, 8). Giessen, 1889. *M. Guggenheim*. Studien zum platonischen Idealstaat. Kynismus und Platonismus. — «Neue Jahrbücher für das klassische Philologie». 1902, 9, S. 521–539. *W. Abeken*. De mimeseos apud Platonem et Aristotelem notione. Göttingen, 1836. *H. Rassow*. Über die Beurteilung des homerischen Epos bei Plato und Aristoteles. Stettin, 1850. Program. *G. Finsler*. Plato und aristotelische Poetik. Leipzig, 1900. *J. Zurek*. Das Ideal des Redners bei Plato und Cicero. Kremsier, 1904. *S. Lommatsch*. Quomodo Platon et Aristoteles religionis ac reipublicae principia coniunxerit. B., 1863. Dissert. *M. Heinze*. Über den bleibenden Wert platonisch-aristotelischen Grundgedanken in der Staatslehre. — «Wissenschaftliche Beilage der Leipziger Zeitung», 1885, Nr. 34, S. 197–201. *W. Lutoslawski*. Erhaltung und Untergang der Staatsverfassungen nach Platon, Aristoteles und Machiavelli. Breslau, 1888. *E. Barker*. The political thought of Plato and Aristotle. L., 1906. *J. Stenzel*. Zahl und Gestalt bei Platon und Aristoteles. Leipzig — Berlin, 1924. *J. Stenzel*. Studien zur Entwicklung der platonischen Dialektik von Sokrates zu Aristoteles. Leipzig, 1931; Stuttgart, 1961. *P. Kucharski*. Le Philèbe et les éléments harmoniques d'Aristoxène. — «Revue philosophique», 1949, p. 41 etc. *E. Topitsch*. Die platonisch-aristotelische Seelenlehre in weltanschauungskritischen Beleuchtung. Wien, 1959. *Ch. Waddington*. Platon et Aristote, leur accord fundamental. — «La philosophie ancienne et la critique historique». P., 1904, p. 250–259. *R. Wilbrandt*. Platons Ideen-

lehre in der Darstellung und Kritik des Aristoteles. B., 1899. *K. Gronau*. Platos Ideenlehre im Wandel der Zeiten. Braunschweig, 1929. *R. Wahle*. Beiträge zur Erklärung platonischen Lehren und zur Würdigung des Aristoteles. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1901, 14, S. 145—155. *M. Hartmann*. Darstellung des Unterschiedes zwischen der platonischen Ideen und der aristotelischen Entelechie. Hattingen (Ruhr), 1908. Program. *J. Lindsay*. Plato and Aristotle on the problem of efficient causation. — «Archiv für Geschichte der Philosophie», 1906, 19, SS. 509—514. *A. Lafontaine*. Le plaisir d'après Platon et Aristote. P., 1902. Thèse. *J. Polack*. Erziehungsideale bei Platon und Aristoteles. Brünn, 1904. *J. Perkmann*. Der Begriff des Charakters bei Platon und Aristoteles. Wien, 1909. *G. Deile*. Vergleichende Darstellung der platonischen und aristotelischen Pädagogik, 1. — «Pädagogische Studien (Neue Folge)», 23, S. 229—238. *J. Chevalier*. La notion du nécessaire chez Aristote et chez ses prédécesseurs, particulièrement chez Platon. P., 1915. *E. Frank*. The fundamental opposition of Plato and Aristoteles. — «American journal of philology», 1940, 61, pp. 34—53, 166—185. *K. Cherniss*. Aristotle's criticism of Plato and the academy. Baltimore, 1944. *H. Meyer*. Platon und die aristotelische Ethik. München, 1919. *M. Mühl*. Zu Platon und Dikiarch. — «Philologische Wochenschriften», 1923, S. 430 etc. *H. Siebeck*. Platon als Kritiker aristotelischer Ansichten. — «Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik», 1896, 107, 1—28, 161—176; 1896, 109, 1—18, 109 etc. *P. Shorey*. Platon, Lucretius and Epicurus. — «Harvard Studies in classical philology», 1901, 12, 20 etc. *A. Fairbanks*. The stoical vein in Plato's Republic. — «Philosophical Review», 1900, 10. *J. Moreau*. L'âme du monde de Platon aux stoiciens. P., 1939. *H. Putzner*. Die ethische Systeme Platons und der Stoa in ihrem gegenseitigen Verhältnis. B., 1913. *J. Horowitz*. Das platonische νοητὸν ζῶον und der philonische κόσμος νοητός. Marburg, 1900. Dissert. *J. Horowitz*. Untersuchungen über Philons und Platons Lehre von der Welterschöpfung. Marburg, 1900. *P. Rabbow*. Antike Schriftsteller über Seelenheil und Seelenleitung, Bd I. Leipzig, 1914. *G. Rudberg*. Forschungen zu Poseidonios. Uppsala — Leipzig, 1918. *W. Jaeger*. Nemesios von Emesa. Berlin, 1914. *Iw. Müller*. Galenus Platonis imitator. — «Acta seminarii philologici Erlangensis», 1886, 4. *B. von Hagen*. Eine Platonreminiszenz bei Plotin. — «Philologus», 1908, 67, 457. *J. Hessen*. Platonismus und Prophetismus. — «Die antike und die biblische Geisteswelt in strukturvergleichender Betrachtung», 1955. *E. Meinke*. Der platonische und neutestamentliche Begriff der hosiotes. — «Theologische Studien und Kritiken», 1884, 57, SS. 743—768. *A. J. Festugière*. L'idée religieuse des Grecs et l'évangile. P., 1932. *J. Moreau*. Platon et l'idéalisme chrétien. — «Revue des études anciennes», 1947, 49, pp. 65—77. *J. Bidez*. Eos ou Platon et l'Orient. Bruxelles, 1945. *J. Kerschesteiner*. Platon und Orient. 1945. *K. Lincke*. Platon, Paulus und die Pythagoreer. — «Philologus», 1911, 70, SS. 511—519. *J. M. Pfäffisch*. Der Einfluß Platons auf die Theologie Justins des Märtyrers. Paderborn, 1910. *P. Shorey*. Plato and Minucius Felix. —

«Classical review», 1904, 18, 302 etc. *J. P. Waltzing*. Platon source directe de Minucius Felix Revue de Philologie classique. — «Musée Belge», 1904, 8, pp. 424—428. *Fl. Clark*. Citations of Plato in Clement of Alexandria. — «Transactions and Proceedings of the American philological association», 1902, vol. 331. *C. Gronau*. De Basilio, Gregorio Nazianzeno Nyssenouque Platonis imitatoribus. Göttingen, 1908. Dissert. *H. Schöler*. Augustins Verhältnis zu Plato in genetischer Entwicklung. Jena, 1898. *H. Kauff*. Die Erkenntnislehre des heiligen Augustin und ihr Verhältnis zur platonischen Philosophie, I. Teil; Gewißheit und Wahrheit. — «Moderne Irrtümer im Spiegel der Geschichte, herausgegeben von W. Laible». Leipzig, 1912, SS. 95—113. *B. Robidou*. La république de Platon comparée aux idées et aux états modernes. P., 1869. *J. Müller*. Platonische Staatslehre und der moderne Sozialismus. Sondersausgabe, 1886. Program. *J. Vyvyan*. Shakespeare and platonic beauty. L., 1961. *C. Fuchs*. Die Idee bei Plato und Kant. Wiener — Neustadt, 1887. Program. *E. Hofmann*. Plato ein Vorgänger Kants? Rössel, 1906. Program. *A. Görland*. Natorps Einführung in das Idealismus durch Platos Ideenlehre. — «Kant-studien». Bd II, SS. 240—247. *P. Deussen*. Vedanta, Platon und Kant. Wien, 1917. *Fr. Boll*. Goethe und Platon über die Tragödie. — «Berliner philologische Wochenschrift», 1916, S. 1388 etc. *E. Cassirer*. Goethe und Platon. — «Jahresberichte des Philologischen Vereins zu Berlin», 48, SS. 1—22. *P. Janet*. Études sur la dialectique dans Platon et dans Hégel. P., 1860. *W. Becker*. Platon und Fichte. Jena, 1937. *J. S. Mackenzie*. The conception of a cosmos from Plato to Einstein. — «Hibbert Journal», 28, 1931, pp. 61—81.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агамемнон (*миф.*) 192, 547
Амик (*миф.*) 294
Аминтор (*миф.*) 465
Аммон (*миф.*) 11, 229
Амфион (*миф.*) 157
Анаксагор 509
Андромед из Эгины 607
Антей (*миф.*) 294
Аполлон (*миф.*) 91, 126, 138, 141,
152, 260, 339, 472, 481, 482, 606
— Дельфийский 168
— Пифийский 101, 339, 451, 535
Арес (*миф.*) 151, 339, 451, 535
Аристодем 175
Аристодор 603
Аристокрит 557, 609
Аристон, отец Гегесиппа 552
Артемида (*миф.*) 339
Архедем 546, 549, 550, 557, 580,
593
Архипп 602
Архит 579, 580, 593, 602, 604, 605
Астил 347
Атрей (*миф.*) 28
Атропос (*миф.*) 500
Афина (*миф.*) 237, 358, 451
Афродита (*миф.*) 348, 534, 576

Бакхей 545
Борей (*миф.*) 136
Бриарей (*миф.*) 293
Бризон 605

Ганимед (*миф.*) 106

Гегесипп, сын Аристона 552
Гектор (*миф.*) 479
Геликон 605
Гелиос (*миф.*) 481—483
Гелон 573
Гера (*миф.*) 151, 269, 270, 531
Геракл (*миф.*) 167
Гераклид 556, 557, 559, 591—593
Герион (*миф.*) 293
Гермес (*миф.*) 475, 535
Гермий 560, 561
Гесиод 133, 157, 174, 207, 538, 604
Гестия (*миф.*) 237, 358, 365
Гэфест (*миф.*) 35, 451
Гиерон 547, 577
Гиппарин, отец Диона 597, 599,
601
Гиппарин, сын Диона 562, 588
Гиппарин, сын Дионисия 600, 602
Гомер 91, 132, 160, 162, 192, 369

Дарий 178, 179, 183
Датис 183
Дедал (*полумиф.*) 157
Деметра (*миф.*) 279
Дика (*миф.*) 478
Дион 546, 553—556, 558, 562, 566—
569, 571—581, 588—596, 599,
603, 607, 608
Дионис (*миф.*) 126, 141, 143, 151,
185, 353
Дионисий Младший 545, 546, 552,
557, 559, 566—583, 587—594,
600, 601, 605

- Дионисий Старший 549, 566, 597,
599—601
Диопомп 347
Дорида 549
Дорией 163
- Еврисфен (*миф.*) 165
- Зевс (*миф.*) 33, 41, 91, 98, 101, 102,
106, 135, 138, 165, 204, 219,
237, 249, 270, 273, 318, 351,
363, 396, 401, 412, 418, 451,
472, 475, 488, 491, 531, 535,
547, 568, 575, 587, 594
- Икк 347
Илифия (*миф.*) 282
Ишполит (*миф.*) 170, 465
Исида (*миф.*) 131
Исократ 605
- Камбис 178, 179
Кебет 608
Кеней (*миф.*) 480
Керкион (*миф.*) 294
Кинир 136
Кир 177—179, 547, 558
Клиний 91—106, 110—137, 139—
164, 171—179, 184, 187—204,
207—214, 230, 240—244, 249,
251, 263—265, 268, 273—275,
276—281, 284—292, 295—308,
312—318, 322—328, 331, 332,
335—338, 341—344, 347—350,
358, 362—367, 382, 385, 393,
403—406, 408—414, 416—435,
447, 453, 454, 458, 465, 466,
469, 489, 500—513, 517, 519,
522, 526, 527, 533
- Клото (*миф.*) 500
Кора (*миф.*) 279
Кориск 560, 561
Кратин 608
Кратистол 546, 547
Крез 547
Креонт 547
- Кресфонт (*миф.*) 165, 175
Крисон 347
Кронос (*миф.*) 28, 32, 33, 37, 200,
201, 535
Ксеркс 179
- Лай (*миф.*) 342
Ламиск 593
Лаодамант 603
Лахесис (*миф.*) 500
Леохарес 606
Лептин 606—609
Ликофрон 551
Ликург (*миф.*) 98, 101, 369, 558,
598
Линкей (*миф.*) 586
Лисиклид 552
- Макарей (*миф.*) 345
Марсий (*миф.*) 157
Мегилл 91, 93, 95, 97, 101—103,
105—110, 113, 116, 144, 159,
160, 164—171, 174—176, 180—
182, 184, 186—188, 192, 196,
199, 200, 211, 212, 240, 243,
244, 265, 272—275, 278, 290,
295, 305, 307, 308, 327, 344—
347, 350, 372, 374, 408, 411,
424, 425, 469, 501, 504, 512,
513, 517, 522
- Менетий (*миф.*) 479
Мидас (*миф.*) 136
Минос (*миф.*) 91, 98, 101, 191, 547
Миронид 609
- Немесиды (*миф.*) 206
Нестор (*миф.*) 198, 547
Нин (*миф.*) 167
- Одиссей (*миф.*) 192, 547
Орфей (*миф.*) 148, 157, 334
- Павсаний Лакедемонский 547
Паламед (*миф.*) 157, 547
Патрокл (*миф.*) 479
Пелей (*миф.*) 479

- Пердикка 559
 Периандр Коринфский 547
 Перикл 547
 Пиндар 173, 203
 Пифия (*миф.*) 483
 Платон 545, 546, 551, 558—560, 562, 567—569, 580, 591, 592, 596, 602—605
 Плутон (*миф.*) 333
 Полиид (*миф.*) 547
 Поликсен 547, 551, 605
 Прокл (*миф.*) 165
 Прометей (*миф.*) 35, 547
- Радамант, брат Миноса (*миф.*) 91, 484, 485
- Симмий 609
 Симонид 547
 Сократ 11, 12, 551, 563, 564, 609
 Сократ Младший 11—33, 36—888, 603
 Солон 369, 547
 Спевсипп 552, 607
 Стесихор 558
- Тейсон 609
 Телемак (*миф.*) 305
 Темен (*миф.*) 165, 175
 Терилл 609
 Тесей (*миф.*) 170, 465
 Теэтет 11, 12, 24
- Тимофей 608
 Тиресий (*миф.*) 547
 Тиртей 96—98, 144, 369
 Тисий 592
 Триптолем (*миф.*) 279
- Фалес Милетский 547
 Фамира (*миф.*) 334
 Фемида (*миф.*) 472
 Феникс (*миф.*) 433
 Феогнид 98
 Феодор 11
 Феодот 556, 559, 591—593
 Фетида (*миф.*) 479
 Фиест (*миф.*) 28, 345
 Филарг 609
 Филед 609
 Филист 553
 Филистион 552
 Филонид 602
 Фринион, отец Эхекрата 603
- Эвдокс 605
 Эврибий 556, 592
 Эврипид 546
 Эвфрей 559, 560
 Эдип (*миф.*) 345, 465
 Эпей (*миф.*) 294
 Эпименид 114, 157
 Эраст 560, 561, 607
 Эхекрат, сын Фриниона 603

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аристократия 60, 72, 75
Астрономия 538
- Безбожие 511
Бестелесное 51, 52
Благо (блага) 136, 181, 182, 196, 219, 536
— два рода 99
— и зло 136, 137
Бог (устроитель, боги, божества) 28, 29, 32, 34, 35, 195, 205, 333, 403, 404, 407, 408, 412, 424, 425—430, 433—435, 529, 532—536, 552, 553
— доказательство бытия 405, 407, 432
— происхождение (начало начал) 526, 527
Богатство (богатые) 99, 234, 235, 336, 385
— и бедность (бедные) 227, 236, 448—449
Брак 268—270
Бытие подлинное 415, 584
- Вещь (вещи) 418
— возникновение (и гибель) 408, 412, 413, 415, 419
— естественная связь 540
— общность и отличия 50 (см. движение)
Вид и часть 18—20, 50
Власть 173, 198
- законы 241 (см. разум, свобода)
Влечение 342—344
Вожделение (вожделения) 280, 343, 344, 385
Воины 451
Война 92, 93
— два вида 97
— и мир 92, 96, 304
Воспитание 112—115, 127, 152, 178, 179, 218, 260, 284, 307, 329, 340, 341, 460
— определение 125, 126, 135
Вселенная (небо, космос) 33, 522, 523
— движение 28—32, 34, 35
- Гармония и ритм 126, 128, 135, 141, 149, 152, 303
Геометрия 539
Гении 433, 531, 532
Государственное устройство (строй) 155, 156, 177, 226, 248, 306, 560
— два вида 224
— подражания 62
— естественное и разумное 338
— наилучшее 199, 261
— неправильное (неподлинное) 62, 74
— правильное (подлинное, истинное, справедливое) 62, 68, 72—75, 595

- Государство 74, 155, 181, 182, 189, 203, 227, 235, 244, 245, 335, 564
 — порочное 94
 — счастливое (наилучшее, разумное) 196, 197, 230, 333, 338, 488
 (см. принадлежности, собственность)
- Гражданин (граждане) 238, 348, 356, 358, 366, 385, 399, 402, 467, 476, 521
- Движение
 — виды 416
 — способность двигать само себя (самодвижущееся начало) 29, 30, 417
 — вещей (тел) 414, 419, 420
 — ума 421
 — и число 523
 (см. душа, вселенная)
- Действия 529
- Демократия 59, 73, 75, 76, 177, 197, 560, 565
- Диалектика 51
- Диалектики 53
- Добродетель 80, 81, 84, 86, 98, 101, 126, 128, 129, 133, 170, 280, 434, 504, 537
 — виды 505, 508
 — и порок 116, 117, 128, 426
- Должности 241, 541
 — и философы 565
- Должностные лица 245, 248, 294
 — избрание 242—244, 246, 249, 256, 258
 — подотчетность (отчеты) 481, 482, 484
- Душа 85, 99, 100, 215, 217, 220, 287, 288, 294, 297, 412, 418, 422—423, 476, 502, 510, 518, 522, 527, 531, 537, 549, 575
 — определение 418, 419
 — как причина движения (изменения) 420, 422, 431, 536
 — божественный род 527
 — дурная 432
 — смертная 175
 — и космос 421
 — и тело 386, 413, 419, 498, 526, 530
 — и ум 505, 506, 528
 (см. движение, а также разум, ум)
- Женщины 278, 281—283, 303—307, 317
- Живые существа 17, 20, 30, 35, 518
 — определение 526, 527
 — роды 527, 528, 531, 532
- Жизнь 222, 224, 418, 518
 — виды 223, 224
 — свободная 598, 599
 — справедливая (счастливая) 138, 139
- Закон (законы) 63, 70, 71, 99, 103, 104, 194, 199, 202, 204, 207, 211—213, 277, 291, 295, 342, 343, 346, 355, 362, 370, 392, 410, 413, 598—600
 — два рода 378
 — задача 375
 — цель 504
 — неписанный 345, 349
 — стародавние 160, 161, 291
 — и общее благо государства 203, 402
 — и разум 116, 201, 393
 — наука о 496
 (см. также обычаи)
- Законность 75, 76, 564, 565
- Законодатель 64, 95, 96, 98—100, 139, 140, 150, 162, 170, 171, 174, 217, 225, 226, 228—230, 234—236, 264, 307, 345, 363, 369, 399, 400, 409, 532
 — обязанность 329
 — цель 177, 186
 — истинный 197
- Земледельцы 359, 449

- Зло 136, 137, 221, 402, 555, 576, 596
 — и добро 575
   (см. благо, свобода)
- Знания 13, 519, 521
   (см. также искусство)
- Искусство (искусства, знание, уменье) 67, 77—80
 — как вспомогательная причина созидания 45, 53, 54, 56
 — как основная причина созидания 45, 53, 54
 — повелевающая и самоповелевающая часть познавательного искусства (искусство стадного (общего) питания) 15—18, 20—22, 26, 37
 — гимнастическое 151—153, 294, 295
 — мусическое 113, 127—131, 133, 135, 146—148, 151, 152, 185, 186, 294, 298, 301, 302, 320
 — подражательное (подражания) 70, 129, 146, 520
 — познавательное 14, 15
 — попочительное 38
 — практическое 14
 — ремесленное 13
   (см. ремесло)
 — государственного правления (править, управлять, повелевать, царское, политика) 13—15, 26, 42, 56, 61, 62, 71, 72, 80, 84—86, 88, 124
 — измерения 48, 50, 52
 — счега (счетное, арифметика) 13, 15, 523
   (см. природа)
- Истина 72, 146, 586
- Истинное мнение 125
- Клятва 485, 486
- Корыстолюбие (алчность, страсть к наживе) 240, 337, 474
- Лжесвидетельство 473
- Любовь 349, 350
- Междоусобия 95—97, 337, 577
- Мера 49, 50
- Монархия 59, 60, 74, 177, 560
- Мудрость 172, 518, 523, 525, 526, 535, 537, 561
 — мнимая 521
- Мужество 81, 82, 87, 98, 100, 102, 505, 506, 508
- Мужчины 303—307
- Наемники 98
- Наказание (наказания) 310, 364, 365—367, 373, 376, 382, 386, 400, 468
- Народ (большинство) 71, 172, 185, 262, 560
   (см. царь)
- Народовластие 249
- Насилие 66, 397, 402, 571
 — и убеждение 212, 410
- Наука (науки) 77, 78
- Начальник 109—111, 476
- Неведение 171
- Невежество 323, 324, 376, 404
- Несправедливость 372—377
- Нечестие 435, 439
- Нравы 159, 284, 296, 297
- Образец 39—41
- Общество (сообщество) 109, 110
- Обычай (обычай) 107, 108, 111, 291, 349
- Олигархия 60, 72, 75, 560, 565
- Первоначала 408, 412, 413
- Познание
 — ступени 584—586
- Политик 18, 27, 36—39, 72, 85, 88, 234
   (см. также искусство, царь)
- Политика — см. искусство
- Польза 67
- Почет (почести) 181, 217, 220, 259

- Поэт (поэты) 137, 148, 185, 301, 311, 334, 470, 475, 511
 Правда 219
 — и ложь 478
 Правитель (правители) 16, 62, 67, 204, 225, 250, 309, 503, 511, 570
 — избранные 69
 — и подчиненные 173
 (см. философ)
 Правление 56, 57
 (см. искусство государственного правления)
 Правление (власть) немногих 59, 74
 (см. также аристократия, олигархия)
 Правосудие 473
 — природное (божественное возмездие) 386, 389, 432
 Прекрасное 81, 549
 — и безобразное 127—129
 Преступления 363, 366, 367, 370
 Принадлежности
 — государства 54
 — человечества 55
 Природа
 — человеческая 32
 — и искусство 408—411
 (см. также первоначала)
 Раб (рабы) 56, 248, 272—274, 308, 321, 322, 357, 358, 379, 383—385, 388, 395, 400, 442, 434, 471, 472, 476
 — и вольноотпущенники 442, 443
 Рабство 182
 — и свобода 177, 186
 Равенство 146, 249
 — имущественное 166
 Разум 116, 393, 422, 517, 529, 586
 — и душа 176
 — и власть 547
 — и мировой порядок 533
 — и неразумие 171, 422
 (см. закон)
 Разумение 99, 116, 517
 Разумность 98, 170, 505, 506, 508, 517, 518, 522
 Рассудительность 81, 98, 180, 181, 196, 506, 508
 Ремесленники 356—360, 451
 Ремесло (ремесла) 13, 42—43, 308
 Свобода 184, 186
 — и власть 182, 187, 600
 — и зло 599
 (см. рабство)
 Свободные люди (свободнорожденные) 57, 321, 324, 357, 379, 388, 449
 Святоотатство 363, 364, 403
 Собственность
 — государства 231, 395, 454
 — частная (имущество) 235, 236, 402, 440, 442, 452, 555
 Совестьливость 120, 123, 150, 152, 184
 Софист (софисты) 25, 52, 59, 76, 437
 Способ (метод) исследования 52, 540
 Справедливость (справедливое) 98—100, 202, 249, 370—373, 481, 506, 508, 558
 — и несправедливость 139, 433
 Страдание 371, 377
 — и удовольствие 116, 125, 126, 223
 Стражи законов 150, 243, 245, 246, 264, 265, 310, 334, 348, 365, 506—509
 Страсть (страсти) 336, 341, 377
 Суд (суды) 260—262, 365, 393, 394, 495
 Судьба 195
 Судьи 260—262, 365, 393, 394, 496
 Тело (тела) 216, 217, 285, 294, 296, 297, 318, 527, 528
 — природа 29
 — небесные 530, 531

- и форма 527
(см. движение, душа)
- Тиран 38, 73, 196—198, 249
- Тирания (тираническое господство) 60, 75, 197, 377, 565, 596, 598
- Торговля (купля и продажа) 359, 444, 449
- Торговцы 449, 450
- Удовольствие 133, 145, 348, 349, 376, 377
(см. страдание)
- Ум 170, 421, 502, 504, 510, 528
(см. движение, душа, разум)
- Умеренное 48—50
(см. также мера)
- Упорядоченность 82
- Учение (обучение) детей 293, 303, 312, 315, 322, 323, 326
(см. также учителя)
- Учителя (попечительницы) 292, 305, 310, 314—317
- Философ (философы) 577, 582
— подлинный 562, 565
— и правители 567
- Философия 548, 568, 576, 581, 582, 586
— подлинная 564, 603
- Форма (формы) 527
- Царская власть (царское правление) 60, 75, 161, 165, 175, 598—600
- Царь (царственный муж) 13, 16, 25—29, 36, 38, 39, 41, 61, 63, 73, 88, 174, 600, 601
— и народ 165, 174
(см. также искусство)
- Человек (люди, человеческий род) 24, 25, 32, 205, 211, 215, 221, 290, 305, 428, 487, 498, 518, 524, 525, 533, 552, 572, 575
— качества 219
— благой (достойный, честный) 537, 541, 547, 595
— несправедливый 221, 372, 396
- Честолюбие 386, 474, 587
- Число (числа) 521—524, 538, 539
(см. движение, а также искусство счета)
- Чужеземец (чужеземцы) 359, 360, 380, 385, 476, 490, 491
- Ярость (яростный дух) 376, 377, 381, 396

СОДЕРЖАНИЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	5
ПОЛИТИК (пер. <i>С. Я. Шейнман-Топштейн</i>)	9
ЗАКОНЫ (пер. <i>А. Н. Егунова</i>)	89
Книга первая	91
Книга вторая	125
Книга третья	155
Книга четвертая	189
Книга пятая	215
Книга шестая	241
Книга седьмая	284
Книга восьмая	332
Книга девятая	362
Книга десятая	402
Книга одиннадцатая	440
Книга двенадцатая	475
ПОСЛЕЗАКОНИЕ	515
ПИСЬМА (пер. <i>С. П. Кондратьева</i>)	543
Комментарии	611
Библиография	701
Указатель имен	722
Предметный указатель	725

Платон
СОЧИНЕНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том 3
Часть 2

Печатается по изданию:
Платон. Собрание соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, 1971

Корректор *Н. В. Ермолаева*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 30.07.2007. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,43. Тираж 1000 экз. Заказ 379.

Издательство СПбГУ.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

Е-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

«Издательство Олега Абышко»
198332, С.-Петербург, пр. Маршала Жукова, 37, корп. 1, кв. 71
nikita2712@mail.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: (812)328-77-63, (812)325-31-76

Е-mail: post@unipress.ru

ООО «Университетская книга»
С.-Петербург, В. О., 1-я линия, 42

(812)323-54-95

ukniga@sp.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.